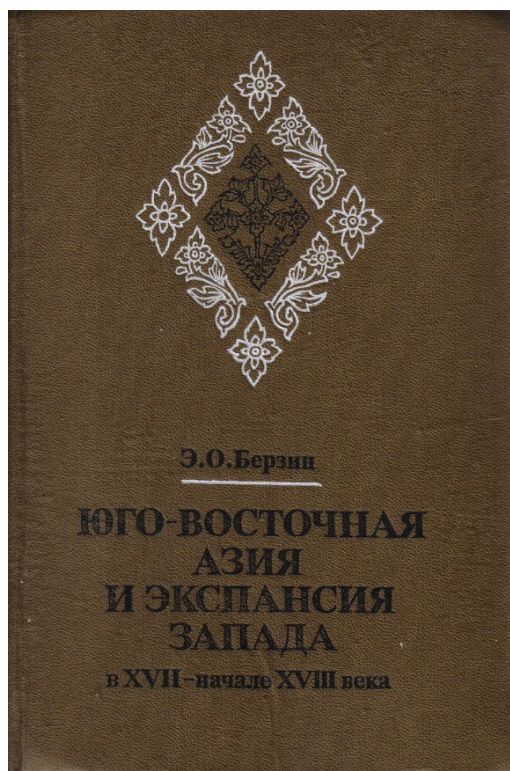

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Э.О. Берзин

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА в XVII – начале XVIII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

На переднем форзаце: голландское судно XVII в.

На заднем форзаце: план Батавии в 1628 г.

Ответственный редактор И. В. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

В монографии освещается переломный момент в истории Юго-Восточной Азии, когда период расцвета стран этого региона в результате европейской экспансии в XVII — начале XVIII в. сменился периодом упадка, который облегчил полное колониальное подчинение этих стран в XIX в.

В книге впервые на русском языке публикуются 130 документов XVII века — письма местных правителей, договоры, жалованные грамоты и др.

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Введение

Глава I. Начало второй волны европейской экспансии

Англо-голландское проникновение в Индонезию

Образование голландской Объединенной Ост-Индской компании и первые голландские колониальные захваты в Индонезии

От основания Батавии до освоения голландской Объединенной Ост-Индской компанией островов Пряностей

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания в первой четверти XVII в.

Восточная Индонезия в первой четверти XVII в.

Малайя в первой четверти XVII в.

Бирма в первой четверти XVII в.

Королевство Аракан в первой четверти XVII в.

Сиам в первой четверти XVII в.

Камбоджа в первой четверти XVII в.

Вьетнам в конце XVI—первой четверти XVII в.

Завоевание Филиппин Испанией

Глава II. Период динамического равновесия

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания во второй четверти XVII в.

Острова Пряностей и голландская Компания во второй четверти XVII в.

Восточная Индонезия во второй четверти XVII в.

Борьба за рынки Западной Индонезии

Малайя во второй четверти XVII в.

Бирма во второй четверти XVII в.

Борьба короля Прасат Тонга за централизацию Сиама

Сиам и европейские державы во второй четверти XVII в.

Камбоджа во второй четверти XVII в.

Вьетнам во второй четверти XVII в.

Борьба филиппинского народа против колониального ига

Глава III. Установление голландской гегемонии на море

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания в третьей четверти XVII в.

Восточная Индонезия в третьей четверти XVII в. (падение Макасара)

Голландская Ост-Индская компания и Западная Индонезия в третьей четверти XVII в.

Малайя в третьей четверти XVII в.

Бирма в третьей четверти XVII в.

Королевство Аракан в середине XVII в.

Сиам в третьей четверти XVII в.

Камбоджа в третьей четверти XVII в.

Вьетнам в третьей четверти XVII в.

Глава IV. Упадок государств Юго-Восточной Азии в результате европейской агрессии

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Падение Бантама

Малайя в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Бирма в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Аракан в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Сиам и английская Ост-Индская компания

Французское проникновение в Сиам

Изгнание французских войск из Сиам

Сиам в конце XVII — начале XVIII в.

Камбоджа в последней четверти XVII в.

Вьетнам в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Заключение

Приложение. Документы по истории Юго-Восточной Азии XVII — начала XVIII в.

Некоторые местные единицы веса, упоминающиеся в книге

Литература

Список сокращений

Summary

ПРЕДИСЛОВИЕ

История доколониальной Юго-Восточной Азии может быть разделена на пять периодов: 1) с древнейших времен до середины 1-го тысячелетия до н. э. — первобытнообщинный строй; 2) с середины 1-го тысячелетия до н. э. до начала XIII в. — период раннеклассовых государств; 3) с начала XIII в. до конца XVI в. — расцвет обществ нового типа, которые можно отнести типологически к обществам развитого феодализма при большой роли внешней торговли; 4) XVII — начало XVIII в. — переломный в истории ЮВА период, когда связи внутри региона были нарушены европейской экспансией и начался исторический регресс, связанный с возвращением большинства государств к натуральному хозяйству; 5) XVIII — первая половина XIX в. — период возрастающего отставания Юго-Восточной Азии от стран Запада, ставшего причиной почти полного колониального подчинения региона западным державам.

Основным событиям третьего периода посвящена вышедшая в 1982 г. монография автора «Юго-Восточная Азия в XIII—XVI вв.». Данная монография является ее продолжением и освещает главные события четвертого периода. В качестве приложения впервые на русском языке публикуются 130 документов XVII в., сохранившихся в европейских архивах; это — переписка правителей Юго-Восточной Азии с властями европейских держав, договоры, жалованные грамоты, донесения агентов и др.

Автор приносит глубокую благодарность Д. В. Деопику, А. Л. Рябинину и А. Л. Сидорину за возможность пользоваться их неопубликованными переводами вьетнамских летописей.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XVI—XVII вв. Юго-Восточная Азия занимала важное место в системе мировой торговли. Продукты региона — пряности, олово, золото, шелк, драгоценные

сорта дерева (сандал, сапан, орлиное, или алойное, дерево — калембак), а также камфора, ароматичные смолы вывозились почти во все страны и регионы Старого Света, а также в испанские колонии в Америке. Суда юго-восточных государств с этими грузами достигали Красного моря на западе и портов Китая и Японии на востоке. В свою очередь, в Юго-Восточную Азию за ее товарами приезжали арабские, персидские, индийские, китайские и японские купцы. Рынки Юго-Восточной Азии были крупнейшим перевалочным пунктом торговли Европы, Ближнего Востока и Индии, с одной стороны, и Дальнего Востока — с другой. Купцы, плывшие с Запада или с Востока, чаще всего останавливались в одном из торговых центров Юго-Восточной Азии и, закупив нужные им товары (китайский шелк и фарфор, японское серебро, хлопчатобумажные ткани из Индии, товары Ближнего Востока и Европы), возвращались домой.

Большую роль в экономике Юго-Восточной Азии играла также внутрирегиональная торговля. В рассматриваемый период окончательно завершилась начавшаяся 100—200 лет назад специализация отдельных областей на производстве определенных продуктов. Так, на Суматре и Западной Яве, специализировавшихся на производстве перца, резко сократилось (часто в результате ограничительных мер местных правительств) выращивание риса, и рис ввозился сюда из Сиама или с Восточной Явы. Жители Молуккских островов, а также островов Банда и Амбон, единственных в мире районов, где росли так называемые тонкие пряности — гвоздика, мускатный орех и мускатный цвет, не производили никакого продовольствия и не занимались ремеслом. Все продукты питания, одежду, металлическую утварь и предметы роскоши сюда завозили из других районов Индонезии. Жители острова Белитунг близ Суматры сосредоточились на производстве металлических изделий, которые расходились по всему региону, а все остальное занозили извне.

Естественно, что прибыли, которые купцы (а через них и местные правительства, собиравшие пошлины) получали от внутрирегиональной, а в особенности межрегиональной торговли, были огромны. С начала XVI в. в эту интернациональную торговлю в погоне за барышами вклинились первые европейцы — португальцы и испанцы. В 1511 г. португальцы захватили Малакку, главный торговый центр региона того времени, контролировавший Малаккский пролив, основной путь, по которому совершались плавания с Запада на Восток. Перерезав эту торговую артерию, португальцы рассчитывали загнать всю юго-восточную торговлю в принадлежащую им гавань, но их расчеты не оправдались. Хотя португальские корабли стали топить все торговые суда, не заходящие в Малакку, их сил было недостаточно, чтобы подавить местное мореходство во всем регионе. Восточные купцы быстро нашли обходные пути, которые позволяли им миновать Малаккский пролив. Один такой путь стал проходить вдоль западного побережья Суматры, затем вдоль северного берега Явы и оттуда на Сулавеси и острова Пряностей. Другой путь вел из Андаманского моря через территорию Сиама (по рекам и гужевым транспортом) в Сиамский залив, откуда открывался путь на острова Пряностей и на Дальний Восток. Третий такой же (речно-гужевой) путь вел через самую узкую часть Малаккского полуострова — перешеек Кра. Вдоль этих путей образовались новые мощные торговые центры, затмившие постепенно приходившую в упадок португальскую Малакку. На северной оконечности Суматры резко выросло значение порта Аче, центра Ачехского султаната, в первые десятилетия XVII в. подчинившего себе почти все прибрежные районы Суматры, а также значительную часть Малайи. На западной оконечности Явы поднялся порт Бантам, центр Бантамского султаната, который кроме Западной Явы контролировал южные районы Суматры. На северном побережье Восточной Явы выросло несколько богатых торговых городов, важнейшими из которых были Гресик и Сурабая. Центром торговой деятельности на Сулавеси стал Макасар, столица государства Гова. Главными торговыми центрами на материке являлись столица Сиама Аютия и вассал Сиама северомалайское княжество Паттани.

Вся эта система торговых центров на рубеже XVI—XVII вв. работала бесперебойно, и появление в этот момент в Юго-Восточной Азии новых европейских купцов — голландцев, англичан, французов (и несколько позже — датчан) не только не нарушило эту систему, но, наоборот, способствовало ее максимальному (хотя и кратковременному) расцвету. Европейцы в первую очередь нуждались в пряностях, поскольку в Европе в то время широко использовали их для консервации пищи, и, конкурируя между собой, они невольно подняли цены на пряности до невероятных размеров¹. И хотя даже такие цены позволяли получить в Европе некоторый барыш, английские, голландские и французские купцы, прорвавшие наконец блокаду Юго-Восточной Азии, которую почти 100 лет поддерживали португальцы, были глубоко разочарованы. Им стало ясно, что на честной торговле здесь не разживешься. Цены, «приемлемые» по их понятиям, можно было установить здесь только с помощью оружия. Для этого надо было консолидировать силы отдельных купцов и мелких компаний в мощные военизированные организации со своим военным флотом и армией, способные диктовать свою волю местным правителям. Первой на этот путь вступила наиболее развитая капиталистическая страна XVII в. — Голландия. Организованная в ней объединенная Ост-Индская компания не только покончила с конкуренцией между голландскими купцами на Востоке, но вскоре оттеснила на третий план и англичан и французов (их компании были неизмеримо слабее).

Именно голландская Ост-Индская компания стала тем тараном, который в течение XVII в. разрушил всю издавна сложившуюся систему международной торговли в Юго-Восточной Азии, не только принудив местных производителей продавать свои товары по абсурдно низким ценам, установленным Компанией, но и вообще уничтожив местное мореходство в регионе, что изменило весь характер экономики здешних стран. Англия и Франция стали серьезной агрессивной силой в этом районе только в 80-х годах XVII в. Они, конечно, тоже внесли свою лепту в разрушение внешней торговли Юго-Восточной Азии (прежде всего Сиама), но, несмотря на большие усилия, никаких колониальных захватов в регионе в этом веке им совершить не удалось, и поэтому главным фактором, определявшим общий ход истории Юго-Восточной Азии в XVII в., было противостояние голландской Ост-Индской компании и местных государств. Борьба между ними, то тайная, прикрытая вежливыми письмами и заключением союзов «дружбы и помощи», то явная, часто принимавшая форму конфронтации, сопровождавшаяся колониальными захватами, велась непрерывно.

И не следует полагать, что государства Юго-Восточной Азии в этой конфронтации всегда были страдающей стороной. Нет, они упорно защищались, и на ранних этапах само существование голландской Ост-Индской компании в регионе не раз висело на волоске. Но разделенные внутренними распрями местные правители ни разу не смогли образовать достаточно мощную коалицию, чтобы сбросить голландцев в море. Компания была их поодиночке, а ее дипломаты показывали высокий класс, сражаясь между собой своих противников.

Тем не менее процесс установления голландской гегемонии в Индонезии занял более 80 лет, а материковые государства, хотя и сильно пострадавшие от голландской агрессии, сохраняли свою независимость до XIX в. и только тогда были завоеваны другими капиталистическими хищниками. Главным орудием борьбы местных стран против европейской агрессии был начавшийся в XVII в. почти повсеместно процесс жесткой централизации, повышавший боеспособность этих стран. Этот процесс отчасти начался раньше (широкое развитие товарно-денежных отношений, нужды торговли требовали внутреннего мира), но особенно он ускорился в Сиаме, Аче, Матараме, Бантаме, Бирме и ряде других стран именно в ответ на европейскую угрозу.

¹ В 1599 г. перец в Аче стоил 4 испанских реала за бахар (около 37,5 кг), в 1602 г. цена на него здесь поднялась уже до 20 реалов, два года спустя бахар перца стоил от 24 до 32 реалов, а в 1620 г. султан Аче, установивший к тому времени перечную монополию, требовал не менее чем 54 реала за бахар [179, с. 104].

Но резкое усиление централизации было не только благом для этих стран, так же как было не только благом и быстрое развитие в них товарно-денежных отношений. Широкое поступление на рынок страны богатых и разнообразных товаров всегда порождало стремление феодалов к роскошной жизни (неважно, были ли эти феодалы почти независимыми владельцами или государственными чиновниками). А централизация государственного аппарата давала почти неограниченные возможности для выжимания из крестьян и ремесленников средств не только на военные расходы, но и на любые прихоти правящего класса. Разоренное крестьянство было непрочной базой для организации победоносных армий. И это стало еще одной причиной, по которой юго-восточные правители потерпели поражение в столкновении с немногочисленными, но хорошо кормленными и хорошо оплачиваемыми наемниками европейских колонизаторов (а ведь большинство этих наемников составляли не европейцы, а индонезийцы, японцы, китайцы и другие жители Востока).

Поскольку решающие судьбу региона события в конце XVI — начале XVIII в. происходили в Индонезии, нами взята за основу схема исторического развития Индонезии, выработанная основоположником советских исторических исследований Юго-Восточной Азии академиком А. А. Губером. В своей статье «К истории голландского проникновения в Индонезию» А. А. Губер выделил следующие четыре периода: «1) С момента первого появления голландских кораблей в 1596 г. и до возникновения Объединенной Ост-Индской компании. Это период первых разведывательных экспедиций многочисленных нидерландских компаний, еще не ставивших перед собой задачи колониальных захватов. 2) С 1602 по 1626 г.— период укрепления Ост-Индской компании на островах Пряностей, создания здесь жестокого режима колониальной эксплуатации драгоценных пряностей, безжалостного подавления народной борьбы против завоевателей, варварского разрушения производительных сил. Одновременно это период первых, еще очень робких попыток обосноваться на Яве, заканчивающихся созданием на развалинах яванского княжества Якатры (Джакарты.— Э. Б.) голландской Батавии и превращением ее в центр колониальной администрации и торговли Ост-Индской компании с Востоком. 3) С 1625 по 1677 г.— период упорной, с переменным успехом протекающей борьбы с мощными княжествами Явы — Матарамом и Бантамом, завершающийся заключением первых неравноправных договоров с этими государствами и установлением монополии компании на торговлю. Это также период значительной экспансии на Целебесе (Бонгайский трактат 1667 г.), на Суматре, Борнео и других островах, усиленного развития торговых связей с Дальним Востоком, расцвета нидерландской компании и самих Нидерландов — образцовой капиталистической страны XVII в. 4) С 1677 г. до ликвидации компании (1800г.) — период постепенного завоевания Явы, завершающегося разделом в 1755 г. Матарам на два территориально урезанных княжества Сурыкарту и Джокиякарту, и признания ими и Бантамом суверенитета нидерландской компании; период расширения территориальных владений компании в Индонезии и вне ее» [19, с. 13—14].

Первые два периода мы для удобства изложения объединили в первой главе книги, посвященной событиям конца XVI — первой четверти XVII в. Третий период мы сочли нужным разделить на два подпериода, в основном совпадающие с второй и третьей четвертью XVII в. (главы вторая и третья). В первом подпериоде колониальные силы Запада (представленные в основном голландской Ост-Индской компанией) находились еще в своего рода динамическом равновесии со странами Юго-Восточной Азии, самостоятельную торговлю которых они стремились уничтожить. Во втором подпериоде окончательно устанавливается полное господство Голландии в Южных морях и под ее ударами терпят крах основные ориентированные на море юсударства — Макасар, Аче и некоторые другие.

Из четвертого периода, выделенного А. А. Губером, мы останавливаемся только на первом его подпериоде (последняя четверть XVII — начало XVIII в.). На протяжении

этого отрезка Ост-Индская компания окончательно установила фактический (хотя еще не везде юридический) контроль над всей Явой и всеми товаропроизводящими прибрежными районами Суматры, Сулавеси, Калимантана. В то же время в результате как голландской, так и английской и французской агрессии материковые государства Юго-Восточной Азии практически были вынуждены прекратить свою морскую торговлю и стать в значительной степени закрытыми странами, что повлекло за собой их исторический регресс.

Постепенная утрата в XVIII—XIX вв. всеми государствами Юго-Восточной Азии независимости (кроме Сиам, получившего полуколониальный статус) была определена коренными, необратимыми изменениями, происшедшими в этот последний, рассматриваемый в данной книге подпериод.

Глава I

НАЧАЛО ВТОРОЙ ВОЛНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Англо-голландское проникновение в Индонезию

До последней четверти XVI в. португальцы и испанцы сохраняли свою монополию на торговлю между Европой и Юго-Восточной Азией. Все карты и лоции, касавшиеся плавания в этот регион, были тщательно засекречены. Торговым конкурентам Португалии и Испании — Англии и Голландии пришлось в известной степени заново открывать Юго-Восточную Азию. Первыми островов Пряностей достигли английские корсары. В 1579 г. знаменитый английский корсар Фрэнсис Дрейк, грабивший испанские суда у побережья Америки, пересек Тихий океан и прибыл на Тернате. Султан Тернате Баабуллах, упорно боровшийся в эти годы против португальцев, гостеприимно встретил Дрейка. В надежде получить военную помощь от Англии Баабуллах заключил с Дрейком торговый договор и предоставил ему груз гвоздики. В 1580 г. Дрейк вернулся в Англию, совершив кругосветное путешествие. Успех Дрейка произвел большое впечатление у него на родине, однако Англия была слишком занята борьбой с Испанией и не смогла немедленно использовать добытые им сведения [38, с. 193].

Только в 1586 г. английским купцам удалось снарядить новую экспедицию под командованием Томаса Кавендиша. Эта экспедиция также избрала путь через менее охраняемый Магелланов пролив и достигла юго-западного берега Явы.

Международная ситуация к этому времени изменилась. В 1580 г. испанский король захватил оставшийся без прямого наследника престол Португалии. Португалия под властью Фит липпа II формально сохранила свои колониальные владения, фактически же контроль над ними оказался в руках испанцев. Это вызывало недовольство португальских колониальных властей на местах. Т. Кавендиш, ознакомившись с обстановкой в Юго-Восточной Азии, предложил английскому правительству использовать испано-португальские трения. Он считал, что если Англия направит на Молуккские острова своего ставленника — претендента на португальский трон дона Антонио, тамошние португальские крепости тут же перейдут на его сторону, а благодарный претендент после этого предоставит англичанам право свободно торговать на Молукках.

Проект Кансндиша, однако, не нашел поддержки. После победы над Великой Армадой (1588) английские купцы не считали нужным тратить на восстановление независимости Португалии, с которой потом пришлось бы делиться доходами от торговли пряностями. Возобладал курс на полное уничтожение испано-португальского господства в морях Юго-Восточной Азии. Во исполнение этого плана в 1591 г. из Плимута была направлена на Восток эскадра из трех кораблей под командованием Джорджа Реймонда и Джеймса Ланкастера. Эта эскадра пошла новым, не разведанным еще путем вокруг мыса Доброй Надежды. Не имея опыта плавания в тропиках, английские моряки болели и

умирали в пути. Уже от мыса Доброй Надежды пришлось отправить назад один корабль с больными моряками. Затем при переходе Индийского океана погиб корабль Дж. Реймонда. Только один корабль Дж. Ланкастера достиг в июне 1592 г. берегов Малайи, и здесь, базируясь на остров Пинанг, англичане начали грабить португальские суда, идущие в Малакку. Попутно захватывались и суда местных купцов под тем предлогом, что они «сотрудничают» с португальцами. В частности, Ланкастер захватил три бирманских торговых судна, шедшие из Мартабана в Маллаку, потому что они среди прочего товара везли груз португальских иезуитов. Затем он перенес свои операции к побережью Перака, где также успешно занимался грабежом. Богатую добычу, однако, не удалось доставить в Англию. На обратном пути корабль занесло штормом в Центральную Америку, где его захватили испанцы. Сам Дж. Ланкастер избежал плена, но вернулся на родину на чужом судне всего с 18 матросами только в мае 1594 г. [271, с. 100—102].

Два года спустя из Англии на Восток была направлена новая экспедиция под командованием Роберта Дадли. Два судна этой эскадры под командованием капитана Бенджамена Уорда в январе 1598 г. достигли Кедаха. Здесь они некоторое время охотились на португальские суда в Малаккском проливе, но на обратном пути бесследно исчезли, очевидно, погибли во время шторма [38, с. 194].

Тем временем из Юго-Восточной Азии с грузом пряностей стали возвращаться первые голландские корабли. Голландцы появились в этом регионе позже англичан, но их плаваниям предшествовала более солидная подготовка. Голландским купцам удалось внедрить на португальскую службу своего разведчика Яна Ван Линсхотена. С 1584 по 1592 г. он служил в Гоа, где ему удалось собрать массу сведений по мореплаванию и торговле в странах Юго-Восточной Азии. Вернувшись в Голландию, он написал на основе этих материалов книгу «Странствования Яна ван Линсхотена в Португальской Индии», которая была опубликована в 1596 г. и вскоре переведена на английский, немецкий, французский и латинский языки (см. [158, с. 196]). Эта книга тогда была подлинной энциклопедией Юго-Восточной Азии.

В 1594 г. в Голландию вернулся другой разведчик — Корнелис де Хоутман. Собранные им секретные материалы были менее ценны, так как ему не удалось проникнуть дальше Лиссабона, тем не менее именно он был назначен одним из двух руководителей первой голландской эскадры, снаряженной «Компанией ван Верре», которая отплыла на Восток 2 апреля 1596 г. Главным навигатором эскадры был назначен де Кейзер, Хоутман же получил пост коммерческого директора [158, с. 196—197; 262, с. 67].

Несмотря на большую смертность в пути (когда эскадра достигла Мадагаскара, от цинги погибло уже 70 человек и здесь пришлось сделать остановку, всего же во время плавания в открытом море погибло 145 моряков из 249), все четыре корабля эскадры 5 июня 1596 г. достигли западных берегов Суматры, а 23 июня 1596 г. прибыли в Бантам. Бантамский султан оказал голландцам радушный прием. Корнелису де Хоутману удалось заключить с султаном выгодный договор. «Мы видели письмо принца Морица Нассауского (штатгальтера Нидерландов.— Э. Б.),— заявил регент Бантама,— и согласны заключить с ним и с Вами вечный союз и дружбу, в чем клянемся» [263, с. 109].

Однако этой дружбе вскоре пришел конец. Корнелис де Хоутман (оттеснивший к этому времени де Кейзера от руководства экспедицией)² стал вести себя крайне вызывающе. Голландские моряки начали разбойничать в Бантамском порту. В конце июля 1596 г. в Бантам прибыл португальский посол из Малакки. Он назвал голландцев пиратами, не имеющими своей земли, не представляющими никакого государства³. Бантамское правительство охотно поверило ему. Когда регент замешкался с платой за

² Вскоре после этого де Кейзер был отравлен. На Хоутмана пало сильное подозрение, и он даже на некоторое время был арестован собственной командой [263, с. 108].

³ Чтобы блокировать эти обвинения, голландцы впоследствии не раз предъявляли местным правителям специально изготовленную карту Европы, на которой границы Голландии доходили почти до Москвы.

голландские товары, а Хоутман пригрозил, что голландские пушки сровняют Бантам с землей, терпению бантамцев пришел конец. Хоутман и 12 человек команды, находившиеся на берегу, были арестованы. В ответ на это голландская эскадра начала бомбардировку города. При этом была уничтожена и часть судов, стоящих на рейде, независимо от их национальной принадлежности. Тогда регент Бантама заявил, что, если бомбардировка не прекратится, он казнит Хоутмана и других арестованных. После этого голландская эскадра ушла в Лампонг на Суматре. Вернувшись через две недели, голландцы стали гораздо скромнее и повели переговоры о выкупе арестованных. Регент потребовал за них внушительную сумму — 12 тыс. рейксталеров. Голландцы внесли выкуп, но отношения оставались напряженными. Купить в Бантаме сколько-нибудь значительный груз пряностей не удавалось. Эскадра покинула Бантам и двинулась на восток [132, с. 140—141; 158, с. 197—198].

Голландские корабли двигались вдоль северного берега Явы, встречая везде закрытые гавани: слух об их жестокости предшествовал их появлению. Скромный груз пряностей при этом не увеличивался ни на фунт. В числе других портов, отказавшихся торговать с голландцами, была и Джакарта, будущая столица голландской колониальной империи. У порта Сидайю на Яве и у острова Мадуры голландцы два раза вступали в сражение с местными кораблями (прау), команды которых они заподозрили во враждебных намерениях. Особое возмущение в Индонезии вызвал расстрел лодок, на которых один из мадурских князей со свитой направлялся к голландцам с дружественным визитом [132, с. 141; 262, с. 69]. Крайней восточной точкой путешествия эскадры Хоутмана стал остров Бали. Здесь Хоутман и представил правителю Бали карту Европы, на которой границы Голландии па востоке доходили до Москвы, а на юге — до Венеции. Правитель Бали оказал голландцам довольно холодный прием, однако передал Хоутману ответное письмо к «королю Голландии» (т. е. штатгальтеру принцу Нассаускому). После этого Хоутман хотел плыть на Молукки, но команда взбунтовалась и потребовала возвращения назад. К этому времени в экипажах осталось так мало людей, что одно судно пришлось сжечь. С тремя оставшимися кораблями в начале 1597 г. Хоутман начал обратный путь на родину [269, с. 109].

14 августа 1597 г. эскадра Хоутмана вернулась в Голландию. Доставленный груз пряностей был так мал, что едва покрыл расходы на экспедицию. Из 248 человек экипажа на родину вернулось только 87; тем не менее эскадру встретили торжественным колокольным звоном. Несмотря на все неудачи, путь в Юго-Восточную Азию был проложен. «Компания ван Верре» тут же стала снаряжать новую эскадру из восьми кораблей, во главе которой был поставлен адмирал Якоб ван Нек [158, с. 199].

Тем временем португальский вице-король в Гоа Франческо да Гама, до которого дошло известие о появлении в индонезийских водах эскадры Хоутмана, решил принять свои меры. Он направил против них эскадру из четырех военных кораблей под командованием Луренцо де Бриту. Эскадра де Бриту прибыла в Бантам, когда Хоутман уже был в Голландии. Де Бриту это не смутило. Он решил примерно наказать бантамского султана, чтобы и другим местным владетелям было неповадно впредь «путаться с голландскими и английскими пиратами». Де Бриту напал па китайские и яванские корабли, стоявшие на бантамском рейде, и захватил их, а затем предъявил бантамскому правительству ультиматум, требуя выплаты большой суммы. Бантамцы в ответ на это смело контратаковали португальскую эскадру на своих маленьких суденышках и захватили два корабля. Де Бриту с остатком эскадры бежал в Малакку. Это португальское нападение способствовало новому сближению Бантама с голландцами [262, с. 69—70; 263, с. 110—111]. Когда 28 ноября 1598 г. эскадра ван Нека прибыла в Бантам, бантамское правительство выразило готовность к новым переговорам. Опытный дипломат ван Нек не жалел щедрых подарков трехлетнему султану, регенту и крупным феодалам. Те, в свою очередь, способствовали голландским закупкам на бантамском рынке. Вскоре три судна эскадры были полностью загружены перцем, и ван Нек отправил их назад в Голландию.

Эти корабли в исключительно короткий срок, за шесть месяцев, достигли Гааги. Прибыль от продажи перца составила 100%. Помимо пряностей голландские корабли привезли штатгальтеру принцу Морицу ценные подарки и письмо султана Бантама, составленное регентом [132, с. 142].

Из Бантама ван Нек с оставшимися судами эскадры двинулся на восток, посетив по дороге северояванские порты Джакарту, Тубан и Гресик. Повсюду он налаживал испорченные Хоутманом отношения, но пряности в этом сезоне здесь уже были вывезены китайскими и другими азиатскими купцами. Неудача постигла ван Нека и на Мадуре, в порту Аросбая. Здесь не только не удалось ничего купить, но и пришлось отбиваться от мадурцев, не забывших нападения Хоутмана. Несколько голландских моряков попало в плен и за их освобождение пришлось внести значительный выкуп [159, с. 198].

После этого ван Нек разделил свою эскадру на две части. Сам он с тремя судами направился на остров Амбон. Здесь местные жители, стремившиеся избавиться от португальцев, построивших на острове крепости, радушно встретили голландцев. Но пряностей и здесь было мало, почти все уже вывезли португальцы. Тогда ван Нек отправился на острова Банда, знаменитые плантациями мускатного ореха. Здесь он смог загрузить мускатным орехом и мускатным цветом два корабля и договорился с жителями Банды об устройстве двух торговых факторий. Для их обслуживания он оставил на острове Банда 20 человек [132, с. 142].

Тем временем заместитель ван Нека ван Варвейк с двумя судами достиг центра производства гвоздики — Молуккских островов. Султан Тернате, также резко враждебный португальцам, устроил голландцам пышный прием. Произошел обмен подарками. Голландцы поднесли султану сукно, зеркала, мушкеты, султан одарил их гвоздикой. Полученная в подарок и купленная на Тернате гвоздика впоследствии была продана в Голландии с прискью в 400%. На Тернате также была создана голландская фактория [263, с. 113; 280, с. 77]:

В сентябре 1600 г. последние суда эскадры ван Нека вернулись в Голландию. К этому времени Индонезия была наводнена голландскими купцами, устремившимися сюда по ранее проложенным путям. В Голландии одна за одной возникали все новые торговые компании, спешившие принять участие в сверхвыгодной торговле. Только в 1598 г. из Голландии на Восток отплыло 5 эскадр с 22 кораблями. К 1600 г. из-за конкуренции различных компаний между собой и с португальцами цены на пряности в Индонезии выросли вдвое [262, с. 70].

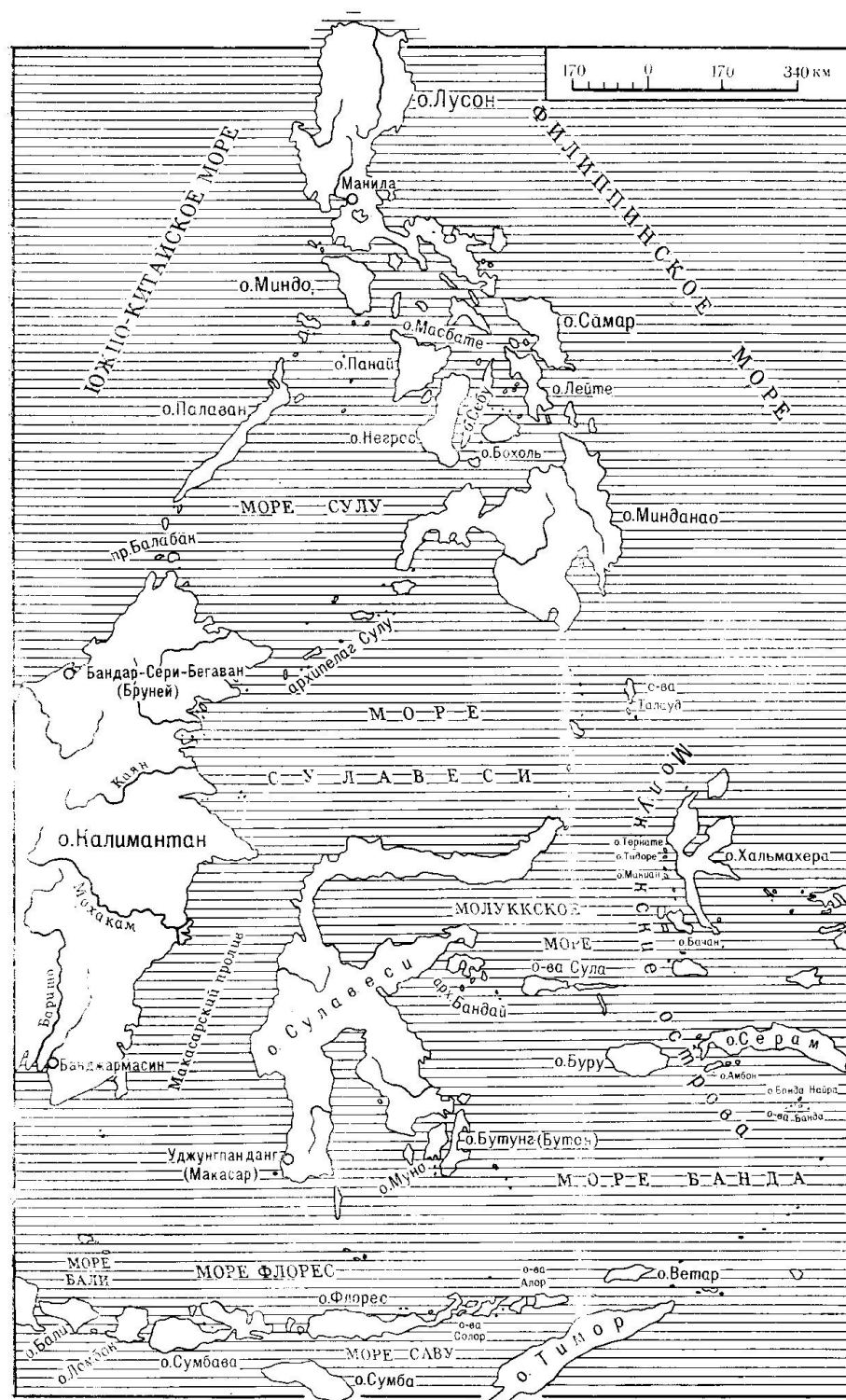
Вслед за голландцами в Индонезию снова устремились англичане. В 1600 г., в то время как английский флот блокировал Лиссабон, не давая португальцам возможности послать подкрепление в Юго-Восточную Азию, в Лондоне была создана Объединенная Ост-Индская компания. Королевская хартия предоставляла этой компании на пятнадцать лет торговую монополию в районе между мысом Доброй Надежды и Магелла-новым проливом. В феврале 1601 г. из Англии отплыла первая эскадра Ост-Индской компании под командованием Джеймса Ланкастера, уже имевшего опыт плавания в Южных морях [38, с. 195].

На первых порах и голландцы и англичане стремились завоевать расположение местного населения, чтобы получить от него помощь в своей борьбе с испанцами и португальцами. Агрессивные действия против местных государств в конце XVI — начале XVII в. были скорее исключением. К таким исключениям относится второй вояж на Восток Корнелиса Хоутмана, прибывшего с двумя кораблями 24 июня 1599 г. в Аче — центр, монополизировавший большую часть перечной торговли на Суматре. Сначала дела голландцев шли хорошо. Но в сентябре 1599 г. Корнелис Хоутман затеял ссору с ачехцами, которая перешла в вооруженное столкновение. Корнелис Хоутман погиб с мечом в руках, а его брат Фредерик Хоутман был взят в плен и заключен в ачехскую крепость Пидир. Там он содержался, по-видимому, в комфортабельных условиях, потому

что за два года заключения сумел написать мемуары, составить первый малайско-голландский словарь и каталог звезд южного неба [179, с. 23; 118, с. 122].

Португальцы, узнав о конфликте Аче с эскадрой Хоутмана, в сентябре 1600 г. прислали к султану Аче посольство с предложением дружбы и просьбой разрешить для закрепления этой дружбы построить в Аче португальский форт. Ачехский султан, однако, отверг эту просьбу.

Слух об этих переговорах в искаженном виде дошел до голландского адмирала Паулуса ван Кардена, который три месяца спустя прибыл со своей эскадрой в Аче. Опасаясь, что ачехцы в союзе с португальцами атакуют его, он решил напасть первым и начал грабить и топить индонезийские торговые суда у побережья Аче [158, с. 200; 179, с. 85; 263, с. 116].

Восточная Индонезия и Филиппины в XVII — начале XVIII в.

Пиратские действия ван Кардена навлекли на него крупные неприятности в Голландии. Когда 28 августа 1601 г. в Аче прибыла еще одна голландская эскадра под командованием Корнелиса Бастиансона, голландский посол адмирал Бикер прежде всего пообещал ачехскому султану возбудить судебное дело против Компании, пославшей ван Кардена. Впоследствии Амстердамский суд действительно приговорил эту Компанию к уплате возмещения убытков в 50 тыс. гульденов и эта сумма была выплачена Аче [107, с. 116]. В результате последующих переговоров в Аче была основана голландская фактория, а Фредерик Хоутман был освобожден и смог вернуться на родину. Правитель Аче Ала-уд-

дин Риайят-шах направил с эскадрой Бастиансона в Голландию посольство из трех человек во главе с Абд-уль-Хамидом. 6 июля 1602 г. они прибыли в Гаагу. Это были первые индонезийцы, посетившие Европу. 70-летний Абд-уль-Хамид умер в Голландии. Голландское правительство устроило ему исключительно торжественные похороны (тогда индонезийцы еще не считались и Голландии людьми второго сорта, перед ними даже заискивали) [179, с. 23, 123, 239].

Вслед за голландцами и англичане поспешили завязать дипломатические отношения с могущественным султанатом Аче. 5 июня 1602 г. сюда прибыла первая эскадра английской Ост-Индской компании. Командир эскадры Джеймс Ланкастер вручил ачехскому султану письмо от королевы Елизаветы I следующего содержания: «Елизавета, милостью Божьей королева Англии, Франции и Ирландии, защитница христианской веры великому и могучему королю Аче и прочая на острове Суматра, нашему брату посылает привет. Вечный господь в своем божественном предопределении так распределил свои благословения и хорошие вещи для пользы и питания человечества, что, несмотря на то что они находятся в разных королевствах и областях мира, они благодаря умению человека (вдохновленного всемогущим Богом) распространяются в самые отдаленные места мира как чудесные творения. Он так установил, что одна земля нуждается в другой не только ради обмена товарами и плодами земли, которые в изобилии имеются в одной стране и которых не хватает в другой, но также ради любви и дружбы между всеми людьми, а это воистину божественное установление» [179, с. 241—242].

Далее Елизавета I «с уважением к справедливому и благородному королю» просит его оказать милость английским купцам и разрешить им построить в Аче факторию, чтобы служащие этой фактории могли бы лучше изучить язык и обычаи страны.

В заключение Елизавета I намекает на возможность военного союза против общего врага — Португалии. «Вы будете более довольны нами,— пишет она,— чем португальцами и испанцами — нашими врагами. Ведь вы не только защищаете свое королевство, но и ведете войну с португальцами в Малакке. А в 1575 г. Ваши поиски под командованием храброго капитана Радамокота нанесли им большой урон» [179, с. 242—243].

Султан Ала-уд-дин Риайят-шах не только разрешил англичанам построить факторию, но и освободил их от ряда пошлин. Более того, он предложил Ланкастеру 100 марок золотом в обмен на «умиротворение» Джохора. Ланкастер, однако, так же как и голландские адмиралы до него, уклонился от этого поручения. Англия, как и Голландия, в этот период еще не располагала достаточными силами, чтобы служить арбитром в отношениях между государствами Юго-Восточной Азии (см., например, [прил., док. 2]).

Отказ Ланкастера не испортил англо-ачехских отношений. Англичане смогли закупить в Аче столько перца, что рынок в Англии на некоторое время оказался перенасыщенным и акционерам Ост-Индской компании пришлось часть доходов от экспедиции получить перцем [38, с. 195; 179, с. 85, 121].

Сразу вслед за англичанами в июле 1602 г. в Аче прибыла французская эскадра под командованием генерала Фротте де Ла Бардельера, снаряженная компанией французских купцов в Сен-Мало. Французы тоже были приняты султаном, который разрешил им торговать в Аче. Однако на обратном пути у берегов Испании в мае 1603 г. на них напали голландцы и отняли груз перца стоимостью 2 млн. ливров. От этой катастрофы сравнительно слабое французское купечество долго не могло оправиться [105, с. 120].

В то же лето 1602 г. в Аче вновь появились португальцы; они повели переговоры о строительстве в Аче своей фактории (ранее, в эпоху португальской монополии, значительную часть перца местные купцы везли прямо в Малакку и Португалия не нуждалась в постоянном представительстве в Аче). Но так как наряду с этим португальцы снова потребовали предоставить им участок земли для строительства крепости, они не получили ни того, ни другого [158, с. 201].

В Бантаме в этот период также расширилась международная торговля. Соперничество голландцев и англичан с прежде находившимися здесь торговцами и между собой привело к резкому повышению цен. Уже в 1600 г. в Бантаме существовали четыре фактории разных голландских компаний. Когда в марте 1600 г. в Бантам прибыла эскадра Стевена ван дер Хагена, снаряженная так называемой Старой Компанией, цены на рынке оказались настолько высокими, что ван дер Хаген решил перенести торговые операции непосредственно на острова Пряностей. Когда он прибыл на Амбон, жители округа Хиту обратились к нему с просьбой помочь изгнать португальцев из их крепости в Лейтиморе. Вместе с жителями Хиту голландцы два месяца осаждали португальскую крепость. Португальцы упорно защищались. После того как удачный выстрел из крепости взорвал пороховой погреб на судне ван дер Хагена, осаду пришлось снять. Перед тем как покинуть Амбон, ван дер Хаген в сентябре 1600 г. заключил с амбонцами договор. По этому договору в обмен на защиту от португальцев местные жители предоставляли голландцам монополию на покупку пряностей. В исполнение договора ван дер Хаген построил на скале Хату Нуку небольшое укрепление, куда поместил гарнизон из 27 человек с 5 пушками. Первая голландская крепость на островах Пряностей получила название «Кастеел ван Верре» — «Крепость Дальняя» [132, с. 183; 262, с. 73; 280, с. 77].

С Амбона ван дер Хаген отплыл на острова Банда. Здесь в это время обеим голландским факториям, построенным ван Варнейком, угрожал яванский флот. Мусульманские владетели Северной Явы направили его сюда благодаря подстрекательству португальцев, которые продолжали распространять среди местных владетелей версию о «безземельных голландских пира гах». Эскадра ван дер Хагена отбила нападение яванского флота и, загрузив корабли мускатным орехом, ушла на запад [158, с. 200].

Теперь исиапо-португальцы решили принять серьезные меры, чтобы остановить голландскую экспансию. Вице-король Гоа приказал собрать в Малакке флот из 8 больших и 22 малых судов под командованием адмирала Фуртадо де Мендоза. Эта армада сначала двинулась против Аче. После нескольких столкновений с ачсхцами, не добившись решительного результата, Мендоза в декабре 1601 г. направился на Западную Яву и блокировал Бантамский порт. В это время к Бантаму приближалась голландская эскадра из пяти судов под командованием Волферта Харменсзона. Китайский купеческий корабль, встретивший голландцев на подходе к Бантаму, предупредил их об опасности, однако Харменсзон решил все же атаковать португальцев, выбрав для нападения 25 декабря, когда португальцы праздновали рождество. После двухдневного боя, потеряв два галеона, Фуртадо отступил от Бантама [132, с. 184; 262, с. 75—76; 263, с. 117].

После этого Харменсзон направился на Тернате. Здесь он выгодно закупил большой груз гвоздики и собирался уже отплывать, когда пришло известие, что Мендоза напал на Амбон. Согласно договору 1600 г., Харменсзон обязан был поспешить на выручку амбонцам, но его суда уже были загружены пряностями. Он решил не подвергать риску драгоценный груз и отплыл в Голландию, оставив союзников на произвол судьбы [158, с. 201].

Между тем Мендоза, прибыв на Амбон в феврале 1602 г., начал осаду голландской крепости Кастеел ван Верре. Малочисленный гарнизон вскоре подписал капитуляцию на условии свободного выхода. Голландское судно, случайно прибывшее в это время на Амбон, вывезло гарнизон в Бантам. После этого голландская крепость была снесена, а войска Мендозы обрушились на хитуанцев. На Амбоне начался террор. Солдаты Мендозы жгли деревни, вырубали гвоздичные плантации: уцелевшие жители бежали в горы. Покорив остров и усилив гарнизон португальской крепости, Мендоза направился к Тернате, где к нему присоединилась испанская эскадра, присланная с Филиппин.

На Тернате в это время также не было голландцев, но султан Тернате успел собрать достаточно сил с соседних островов, чтобы дать отпор испано-португальцам. Несмотря на огромное превосходство в огневой мощи, испано-португальский флот был сильно потрепан и вынужден был уйти в Малакку [132, с. 183—184].

Образование голландской Объединенной Ост-Индской компании и первые голландские колониальные захваты в Индонезии

В начале XVII в. в Голландии началось движение за объединение всех торговых предприятий на Востоке в единую компанию по образцу английской Ост-Индской компании.

Такое объединение требовалось и для того, чтобы сбить цены на пряности, поднявшиеся из-за конкуренции многочисленных компаний, и для того, чтобы объединить военные усилия против испанцев и португальцев. Уже в мае 1601 г. вопрос об объединении компаний рассматривался Генеральными штатами (правительством Голландии). В пользу объединения выступал государственный секретарь (великий пенсионарий) Иохан ван Олденбарневелдт. Однако из-за противодействия купцов наиболее богатого города Голландии — Амстердама решение не было принято. В декабре 1601 г. Генеральные штаты собрали Ассамблею судовладельцев. После торга, длившегося несколько месяцев, была выработана Хартия Объединенной Ост-Индской компании, утвержденная Генеральными штатами 20 марта 1602 г.

Хартия предоставляла компании монополию на торговлю между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом. Компания получила право содержать свои войска, строить фактории и крепости, объявлять войну, заключать мир, чеканить монету. В случае надобности она могла пользоваться поддержкой военного флота Голландии. Служащие Компании должны одновременно приносить присягу Голландской республике и Объединенной компании. Первоначальный капитал Компании составлял 6424588 гульденов, что в десять раз превышало сумму первоначального капитала английской Ост-Индской компании. Правление Компании состояло из 73 директоров старых компаний. Это число по мере выбывания директоров должно было сократиться до 60, причем на долю Амстердама отводилось 20 директорских мест, на долю провинции Зеландия — 12 мест, остальные провинции имели по 7 мест. Для ведения текущей политики Компании был избран Совет семнадцати директоров (далее — Совет семнадцати), который становился отныне верховной властью для всех владений Компании на Востоке. В руки Объединенной компании переходили все существовавшие в Юго-Восточной Азии голландские фактории: 1) в Бантаме; 2) на островах Банда; 3) на Тернате; 4) в Аче; 5) в Джохоре; 6) в Паттани. Хартия была предоставлена Объединенной компании на 21 год, но впоследствии она возобновлялась 12 раз [132, с. 145; 158, с. 203—205; 242, с. 20—28].

Уже через десять дней после подписания Хартии, 30 марта 1602 г., в море вышла первая эскадра голландской Объединенной Ост-Индской компании под командованием адмирала до. Восрта. 10 февраля 1603 г. эскадра де Веерта прибыла в Аче, где на рейде уже стояло 7 голландских кораблей. Султан Ала-уд-дин Риайят-шах принял де Веерта хорошо и предложил ему союз против португальцев. Де Веерт тут же обратился к султану с просьбой разрешить укрепление фактории голландской Компании в Ачо. На это султан не согласился. Гуджаратские купцы, недовольные наплывом голландских конкурентов, пытались противодействовать де Веерту при ачехском дворе, но султан еще не чувствовал опасности. Он подчеркнуто доверял де Веерту, поручив ему доставить своих послов к махарадже Канди на Шри Ланку. Де Веерт выполнил его поручение, но вскоре сам вступил в конфликт с махараджей Канди и был им убит. Как добралось обратно ачехское посольство, неизвестно [158, с. 206; 242, с. 33].

Между тем в Индонезию продолжали прибывать одна за другой новые эскадры голландцев. 29 апреля 1603 г. в Бантам прибыла эскадра адмирала ван Варвейка из 11 кораблей. Ван Варвейк добился от регента Бантама разрешения построить в городе новую большую каменную факторию. Прежние голландские фактории, принадлежавшие отдельным компаниям, были эвакуированы. Затем ван Варвейк разделил эскадру и направил свои суда в разные концы региона, в Греснк на Яве (здесь его представителю

разрешили открыть факторию с условием не воевать на территории этого княжества с португальцами), в Сукадану на Калимантане (здесь голландцы закупили большую партию бриллиантов), на Бали, в Джохор, Паттани и в Сиам.

Ван Варвейк хотел завязать отношения с Сиамом, потому что слышал, будто из Сиама каждый год отправляется посольство в Китай. Он направил ко двору короля Наресуана своего посла Корнелиса Спенса с просьбой разрешить последнему присоединиться к сиамскому посольству в Китай. Но в этом году посольства из Сиама в Китай не было. Тогда Спенс передал Наресуану вторую просьбу ван Варвейка — дать голландцам рекомендательное письмо к китайскому императору. И в этой просьбе ему было отказано. Тогда в июне 1604 г. ван Варвейк отплыл в Китай без всяких рекомендаций, но китайцы не допустили его в свои порты. После этого ван Варвейк до марта 1605 г. крейсировал у берегов Южного Вьетнама, перехватывая португальские суда, шедшие с китайскими товарами из Макао. В июле 1607 г. эскадра ван Варвейка вернулась в Голландию. Прибыль этой экспедиции составила 165%, однако половина этой прибыли образовалась за счет трофеев, захваченных у португальцев [242, с. 39—41].

31 декабря 1604 г. в Бантам прибыла еще более крупная к сильно вооруженная эскадра Стевена ван дер Хагена, специальной задачей которой был разгром испано-португальских опорных пунктов в Южных морях. По дороге эта эскадра уже нанесла ряд сильных ударов по португальским базам в Африке и Индии. В Бантаме ван дер Хаген встретился со своими старыми знакомыми — старейшинами Хиту, с которыми он заключил союз в 1600 г. Они прибыли с просьбой поддержать новое восстание против португальцев, которое назревало на Амбоне.

Эскадра ван дер Хагена направилась на Амбон и 21 февраля 1605 г. бросила якорь против большой португальской крепости в Лейтиморе. Начались приготовления к штурму, но 23 февраля крепость сдалась без единого выстрела. Ван дер Хаген дал крепости название «Виктория» и поместил в нее голландский гарнизон. Эта крепость стала первым территориальным приобретением голландской Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии [158, с. 207; 263, с. 119],

25 февраля 1605 г. ван дер Хаген заключил с амбонцами два договора: один с народом, капитаном (главой общины) и старейшинами Хиту, а второй с регентом (патихом) области Ома — Харуку [96, т. I, с. 32—34].

В обоих договорах амбонцы признавали сюзеренитет Голландии и клялись в верности Генеральным штатам, принцу Нассаускому и вновь назначенному голландскому губернатору Амбона. Все службы и повинности, которые местные жители раньше несли в пользу короля Португалии, они теперь обязывались нести в пользу Голландии. Голландская Ост-Индская компания получала монополию на торговлю с Амбоном. Поскольку на Амбоне жили христиане (католики), мусульмане и анимисты, договор гарантировал свободу всем религиям. Но этот пункт договора соблюдался голландцами только несколько месяцев.

Первым голландским губернатором Амбона был Фредерик Хоутмап, хорошо изучивший индонезийский язык и обычаи этой страны в ачехском плену. К этому времени он перевел на малайский язык основные христианские тексты. Португальских и индонезийских католиков на Амбоне вскоре вынудили принять протестантство. Затем Фредерик Хоутман энергично взялся за крещение мусульман и язычников. Это вызвало напряженность на острове, но голландцы уверенно контролировали Амбон [192, с. 59—60; 280, с. 80].

Подчинив Амбон, голландская эскадра направилась на Молуккские острова. Султан Тернате со своим войском присоединился к голландцам. 2 мая 1605 г. вице-адмирал Корнелис Бастианзон осадил португальскую крепость на Тидоре. Португальцы упорно защищались и отразили два штурма. При третьем штурме взорвался пороховой погреб, погибли 76 португальцев, а гарнизон лишился боеприпасов. Комендант крепости Педро Альварес дс Абреу начал переговоры о капитуляции. Бастианзон разрешил

португальскому гарнизону свободно отплыть со знаменами и оружием в Манилу. Тернатские воины, сражавшиеся бок о бок с голландцами, собирались разрушить крепость, но Бастиансзон пресек это намерение и поместил в крепость свой гарнизон [132, с. 185; 158, с. 207; 242, с. 51].

В то время как шла борьба за Тидоре, адмирал ван дер Хаген с частью эскадры прибыл на острова Банда. Здесь уже несколько лет существовали две голландские фактории, скупавшие у населения мускатный орех. Двое голландцев, тесно общавшихся с мусульманским населением острова Банда Найра, перешли в ислам. Богобоязненные соотечественники решили их убить. Новообращенные мусульмане укрылись в доме главы мусульманской общины острова. Голландцы ворвались в этот дом и убили «изменников». Это вызвало всеобщее восстание банданцев. Часть голландцев была убита, остальные бежали на остров Серам, откуда глава голландской фактории Якоб де Биттер послал ван дер Хагену донесение о случившемся [242, с. 51—52].

Ван дер Хаген «замирил» острова Банда, и 13 июля 1605 г. заставил старейшин островов подписать договор с голландской Ост-Индской компанией [96, т. I, с. 36]. Первый пункт договора был посвящен взаимной веротерпимости (впрочем, голландцы вскоре нарушили это обещание). Голландцам предоставлялась монополия на скупку мускатного ореха и мускатного цвета по установленным в договоре низким ценам. Банданцы обещали во всем поддерживать представителя голландской Компании старшего купца Хендрика ван Бсргсля. В этом договоре не было речи о голландском сюзеренитете. Это был только договор о торговле и дружбе. Однако в 1606 г. голландцы объявили ван Бергеля губернатором островов Банда и, таким образом, явочным порядком как бы аннексировали эти острова. Однако до полного покорения банданцев было еще далеко.

После поражения 1605 г. португальцы больше уже не вернулись на острова Пряностей. Они были слишком заняты отражением массированной голландской атаки на Малакку, начавшейся в 1606 г. Однако в марте 1605 г. в Молуккском архипелаге появился большой испанский флот из 32 кораблей, снаряженный в Маниле, под командованием адмирала Педро да Кунья. Испанцы атаковали бывшую португальскую крепость на Тидоре и легко выбили из нее немногочисленный голландский гарнизон. Быстро подчинив Тидоре, испанцы обрушились на Тернате. Солдаты Педро да Куньи огнем и мечом прошли по острову. Большая часть населения и султан Саид-уд-дин эмигрировали, однако испанцам удалось вероломно захватить султана и увезти в Манилу, где его держали до самой смерти, надеясь обратить в католичество. Испанские укрепленные посты были основаны на всех мелких островах Молуккского архипелага. Оставшееся население ушло в горы и вело партизанскую войну [132, с. 185; 158, с. 209; 192, с. 60; 242, с. 55].

Испанское нашествие крайне ослабило некогда могущественный султанат Тернате. Новый султан, ребенок, с частью тернатских вельмож скитался по Хальмахере. Его опекун, вице-король Тернате Хидаят, решил обратиться за помощью к голландцам и направил посольство в Бантам к находившемуся там адмиралу Корнелису Мателиффу. 10 мая 1607 г. эскадра Мателиффа из 8 кораблей прибыла на Тернате. Выбить испанцев с Молукк Мателиффу оказалось не под силу, он отвоевал только восточную половину Тернате, где построил крепость, названную им «Форт Оранжи».

Над западной половиной Тернате господствовала испанская крепость Гамламо, голландцы же возвели малые укрепления на мелких островах Молукк. Чтобы закрепить свой половинчатый успех, Мателифф 26 мая 1607 г. подписал договор с султаном Тернате [96, т. I, с. 50—53]. По этому договору султанат Тернате признавал Генеральные штаты Нидерландов своим протектором, а султан отныне оплачивал расходы голландских гарнизонов в своих владениях. Обе стороны клялись не заключать сепаратный мир с Испанией либо ее вассалом Тидоре. Голландская Ост-Индская компания получала монополию на торговлю тернатской гвоздикой. Комендантом голландской крепости на Тернате и по совместительству губернатором Молукк был назначен Геррит Герритсзон.

Этим актом было положено начало голландскому владычеству на Молукках [96, т. I, с. 50 — 53; 263, с. 123; 280, с. 80].

Борьба Голландии и Испании за Молукки продолжалась еще много лет. Поскольку Совет семнадцати в Голландии считал первоочередной задачей захват Малакки или по крайней мере установление прочного контроля над Малаккским проливом, то значительная часть военно-морских сил голландской Ост-Индской компании была отвлечена на борьбу с португальцами. Только в мае 1608 г. голландцы на Молукках получили значительное подкрепление — эскадру Паулуса ван Кардена [113, с. 209; 115, с. 60]. Ван Карден начал с того, что атаковал испанскую крепость на острове Макиан. После короткого сопротивления испанцы сдались. Голландцам достались богатые трофеи: пушки, другое оружие, большое количество пряностей. Захваченная крепость была переименована в «Форт Маврикий». Голландцы приобрели, таким образом, новый опорный пункт на Молукках. Правитель Макиана вынужден был принести клятву верности Голландии и султану Тернате. Затем ван Карден хотел двинуться на Тидоре, но разразившийся шторм сильно потрепал его эскадру. После этого ван Карден поставил перед собой более скромную задачу. В августе 1608г. он с одним судном прибыл на островок у побережья Хальмахеры, где захватил испанское земляное укрепление с гарнизоном в 10 человек. На обратном пути его атаковали две испанские галеры и принудили к сдаче. Ван Карден был посажен в крепость Гамламо, где провел два года, а его матросы стали гребцами на испанских галерах [158, с. 209; 242, с. 60—61].

Между тем в Голландии подходили к концу переговоры с Испанией о заключении перемирия. 9 апреля 1609 г. было подписано соглашение о перемирии между этими странами сроком на 12 лет. Испания признавала независимость Нидерландов и их право на свободную торговлю в Вест- и Ост-Индии всюду, кроме местностей, находящихся непосредственно под властью Испании и Португалии. Предвидя заключение перемирия, руководство голландской Ост-Индской компании спешило очистить от испано-португальцев ключевые точки Юго-Восточной Азии. Еще за год до перемирия в письме от 29 марта 1608 г., которое направил Совет семнадцати адмиралу Питеру Верхуффу, говорилось: «Острова, где растут гвоздика, мускатный орех и мускатный цвет, надо уговорами или силой присоединить к Компании до 1 сентября 1609 г. или раньше, а в каждой земле построить маленькие крепости с гарнизоном» [242, с. 67].

Прибыв 15 февраля 1609 г. в Бантам, Верхуфф часть своей эскадры направил для усиления голландских сил на Молукках, а сам во главе восьми кораблей отплыл на острова Банда, где сложилось угрожающее для голландской Ост-Индской компании положение. Жители Банда издавна специализировались почти исключительно на выращивании мускатного ореха и поэтому всецело зависели от импорта риса и тканей с Явы и из Мака-сара на Сулавеси. Суда местных купцов привозили на острова Банда продовольствие и одежду, меняли их на пряности и увозили эти пряности в один из северояванских портов или в Макасар, где их покупали индийские, китайские, португальские и английские купцы. Голландцы считали подобные торговые акции нарушением своей монополии на скупку пряностей. Поскольку сама голландская Компания не имела тогда ни желания, ни возможности регулярно завозить на Банда продовольствие и ткани, преследование местных мореходов у берегов Банда было в глазах банданцев верхом несправедливости. Из-за голландской блокады цены на товары первой необходимости на островах Банда подскочили в 4—5 раз, реальной стала угроза голода. Отношения между голландцами и жителями островов Банда стали крайне напряженными.

Недовольство банданцев умело использовали англичане. В феврале 1609 г. на острова Банда прибыло английское судно под командованием капитана Вильяма Килинга. Килинг послал своих агентов на острова Пуло Ай и Пуло Рун с богатыми подарками и письмами от английского короля Якова I. Предложив более высокие цены, он скупил весь урожай мускатного ореха на этих островах. Одновременно он добился от старейшин двух островов — Банда Найра и Лонтор — разрешения построить здесь английские фактории.

Руководители голландских факторий, уже обосновавшихся на Банда Найре и Лонторе, были в ярости. В результате конкуренции цены на мускатный орех поднялись здесь на 30% [242, с. 68; 263, с. 124].

8 апреля 1609 г. эскадра Верхуффа бросила якорь на рейде острова Банда Найра. Вместе с шестью голландскими судами, прибывшими сюда раньше, под командой адмирала теперь оказалось 14 кораблей — огромная военная сила для того времени. Верхуфф вызвал к себе старейшин Банда Найры и, объявив, что желает построить форт для защиты голландцев и их товаров, потребовал, чтобы они предоставили ему для этого участок земли, а также чтобы они не продавали пряностей англичанам. Старейшины попросили отсрочки, чтобы посоветоваться. Им, однако, с самого начала было ясно, что закрепление господства голландцев на островах сулит им голодную смерть. Поэтому они использовали отсрочку, чтобы тайно вооружиться и попытаться привести в порядок заброшенную португальскую крепость на острове Лонтор. Кроме того, они обратились за помощью к Килингу. Килинг продал им кое-какое оружие и посоветовал поставить свои острова под протекторат короля Англии. Активно же вмешиваться в конфликт, ввиду явного военного превосходства голландцев, он не стал [158, с. 211; 242, с. 69].

Когда срок предоставленной старейшинам отсрочки истек, они попросили новую отсрочку, но Верхуфф отказал. Строительство крепости на базе старого португальского форта началось. Голландцы установили там 36 пушек. Тогда жители Банда Найры пошли на крайние меры. 22 мая 1609 г. Верхуфф был приглашен в дом совета старейшин для переговоров. Там на него и его охрану внезапно напали. 34 голландца были убиты. Вся Банда Найра взялась за оружие. Но силы противников были слишком неравны. Сменивший Верхуффа вице-адмирал Симон Хун пустил в ход артиллерию. Прибрежные деревни острова были снесены с лица земли. Затем голландцы высадились на берег. Слабо вооруженное банданское ополчение не могло долго сопротивляться. Началось кровавое подавление восстания. Зверства голландцев на Банда Найре поразили даже привыкших ко многому современников. Хун завершил строительство крепости, которая получила название «Форт Нассау». Остров Банда Найра он объявил голландским владением по праву завоевания [242, с. 70—71].

Жители Лонтора не присоединились сразу к восстанию. 23 мая 1609 г. они поручили жившему на Лонторе голландцу Виллему ван ден Энде передать Хуну, что они не причастны к тому, что произошло на Банда Найре. Они не причинят голландцам в Лонторской фактории никакого зла при условии, что крепость на Банда Найре будет ликвидирована, а голландский флот уйдет. Вскоре ван ден Энде вернулся на Лонтор и сообщил старейшинам, что совет голландского флота согласился на их требования. Через несколько дней ван ден Энде снова прибыл в ставку Хуна в сопровождении нескольких старейшин (орангкайя) для дальнейших переговоров. Хун тут же арестовал старейшин, объявил их заложниками за двух оставшихся на Лонторе голландцев и послал на Лонтор ультиматум с требованием немедленной капитуляции. В ответ лонторцы убили двух упомянутых голландцев. Голландская эскадра двинулась к острову и расстреляла его главное селение Лонтор. Затем голландцы захватили и опустошили часть острова. Лонторцы отступили в селение Саламан на северном берегу Лонтора и начали там возводить крепость. Новый губернатор островов Банда — Якоб де Биттер направился туда с сильным отрядом, чтобы разрушить это укрепление. Однако лонторцы успешно отразили нападение. Де Биттер потерял 9 человек убитыми и 70 ранеными. Сам он вскоре умер от ран. Хун, подозревая, что капитан Килинг сообщает лонторцам о передвижениях голландских войск, потребовал, чтобы английское судно в пятидневный срок покинуло банданские воды. Килинг заявил протест, но вынужден был подчиниться. Позднее этот эпизод вызвал трения между английским и голландским правительствами в Европе [158, с. 211].

Между тем сопротивление лонторцев продолжалось, голландцы не могли сломить его вооруженной силой. Только жесткая блокада, совершенно лишившая Лонтор подвоза

продовольствия, вынудила их пойти на переговоры. 10 августа 1609 г. между банданскими старейшинами и голландской Компанией был подписан новый договор. Он был заключен якобы от имени всех островов Банда, однако старейшины островов Пуло Ай и Пуло Рун на переговоры не явились. Голландцы пока оставили их в покое. Стороны обещали друг другу «вечный союз» и «неизменную братскую дружбу», помощь в борьбе против португальцев и других врагов. Мускатный орех и мускатный цвет банданцы обязывались продавать только голландцам и только по зафиксированным низким ценам. Остров Банда Найра на вечные времена переходил под власть Генеральных штатов и голландской Ост-Индской компании. Остальные острова сохранили статус «союзников» Голландии. Подписание договора сопровождалось салютом голландской эскадры в 1500 залпов. Эта канонада должна была лишний раз напомнить банданцам, что их ждет, если они опять поднимутся против Голландии [96, т. I, с. 66—69; 242, с. 73].

Считая положение на островах Банда стабилизировавшимся, голландцы перебросили свои основные силы на Молуккские острова. Здесь с конца июня 1609 г. уже действовал вице-адмирал Виттерт, заключивший с султаном Тернате новый договор, расширявший права голландской Компании [96, т. I, с. 61—65]. Не имея достаточно сил, чтобы выбить испанцев из их крепостей, он стал создавать новые опорные пункты для будущего наступления. Так, в частности, он построил крепость на острове Мотире между Макианом и Тидоре. Затем он направился к западным берегам Филиппин, чтобы воспрепятствовать торговле между Манилой, и Китаем. Он захватил много торговых судов, но вскоре пал с большей частью команды в сражении с испанской эскадрой. Два уцелевших голландских корабля вернулись на Молукки, где Хун тем временем возвел на северной оконечности Тернате еще одну крепость — Виллемстадт и блокировал с моря Тидоре, чтобы отрезать его от подвоза продовольствия. В ноябре 1609 г. он вытеснил испанцев еще с одного молуккского острова — Бачан. Испанцы, выдержав первый штурм, ночью ушли из своей крепости и укрепились на горе внутри острова. Голландские мушкетеры, однако, вскоре принудили их к сдаче. Князь Бачана 10 декабря 1609 г. подписал договор о дружбе и помощи с Голландией и Тернате и предоставил голландской Объединенной Ост-Индской компании торговую монополию [96, т. I, с. 75—77; 158, с. 212].

Вскоре после этого из Европы пришло известие о заключении 12-летнего перемирия между Испанией и Голландией. Военные действия в Юго-Восточной Азии, однако, продолжались. Правда, были проведены переговоры об обмене пленными, и 25 марта 1610 г. ван Карден и другие голландские пленные на Тидоре были освобождены. После смерти Хуна (видимо, отравленного испанскими агентами) ван Карден возглавил голландцев на Молукках, но 15 июня 1610 г. он снова попал в плен к испанцам и опять был посажен в крепость Гамламо. На новых переговорах испанцы потребовали за него выкуп — 40 тыс. реалов, но голландцам это показалось слишком дорогим. Обезглавленный голландский флот долго не мог выбрать нового командира, и военная активность на Молукках временно снизилась [158, с. 211; 242, с. 75—76].

Между тем на островах Банда вспыхнуло новое антиголландское восстание. В середине февраля 1610 г. сюда прибыл английский корабль под командованием капитана Давида Миддлтона. Местные жители тайно обратились к нему с просьбой о помощи, и он продал им известное количество оружия и боеприпасов. Голландский губернатор ван Бергель, заподозрив Миддлюпа, пытался его арестовать. Но тот, не приняв боя с голландскими судами, ушел на остров Пуло Ай. Там он купил у местного населения полный груз мускатного ореха. Голландцы хотели пуститься за ним в погоню и заодно разгромить Пуло Ай. Но в это время муссон переменялся, и голландские корабли, нагруженные пряностями, скупленными по предельно низкой цене на Банда Найре и Лонторе, должны были отправиться в Бантам. После ухода голландской эскадры в распоряжении руководства голландской Ост-Индской компании на Банда остался сравнительно небольшой гарнизон крепости Нассау. Банданцы воспользовались благоприятным

моментом и восстали. Все голландцы, находившиеся за пределами крепости, были убиты. Ополчение, собравшееся со всех островов архипелага, осадило форт Нассау. Голландцы удержали крепость, но вся остальная территория островов оказалась в руках повстанцев [38, с. 203; 158, с. 121; 242, с. 76].

Кризис в руководстве Компании в Индонезии помешал голландцам быстро принять ответные меры против Банда. Между тем в Голландии к этому времени уже осознали необходимость централизованного руководства делами Ост-Индской компании в Южных морях. Если раньше власть была разделена между адмиралами, командирами эскадр, крейсировавших между Африкой и Японией, то теперь был создан пост генерал-губернатора голландской Объединенной Ост-Индской компании, который вместе с состоящим при нем Советом Индии из пяти человек должен был стать высшей инстанцией при решении всех вопросов текущей политики Компании на Востоке. Первым генерал-губернатором был назначен Питер Бот, который 19 декабря 1610 г. прибыл в Бантам с эскадрой из 11 кораблей. На борту эскадры находился значительный контингент солдат, протестантские пасторы для ведения христианской пропаганды, а также ремесленники с семьями, которые должны были стать первыми голландскими колонистами в Юго-Восточной Азии [263, с. 126; 280, с. 80].

Боту в первую очередь пришлось наводить порядок среди разложившихся служащих Компании на Яве. Генеральный директор голландской компании в Бантаме Матео Котеелс, как оказалось, совершенно спился, устраивал дикие дебоши, оскорблял бантамских вельмож и их жен, издевался над бантамскими простолюдинами⁴. Не лучшим образом вел себя Абрахам Тхеу-неманс, глава только что основанной в Джакарте голландской фактории. Князь (пангеран) Джакарты жаловался, что Тхеу-неманс избивал местных жителей, а нескольких китайцев держал в заключении.

Кроме того, большинство голландских служащих в Индонезии активно занимались частной торговлей в ущерб монополии Компании. Бот провел большую работу по чистке административного аппарата и заменил разложившихся чиновников новыми кадрами. Среди этих новых людей наиболее видное место занимал 26-летний Ян Питерсзон Кун, впервые прибывший в Индонезию в 1607 г. Энергичный и одаренный молодой человек, владевший семью языками, за пять лет проделал путь от младшего купца (низшая должность в иерархии голландской Компании) до главного бухгалтера Компании (следующий пост после генерал-губернатора). По совместительству он был назначен главой факторий в Бантаме и Джакарте. Именно в мозгу Куна впервые зародилась идея создания в Юго-Восточной Азии голландской колониальной империи с центром на Яве, там, где сходилась большинство торговых путей. Директора Компании в Голландии и тогда и долгое время после этого считали, что для Компании гораздо экономичнее извлекать прибыль из сети торговых факторий, а территориальные приобретения (если не считать крошечных островов Пряностей) слишком обременят бюджет Компании и резко снизят ее прибыли. Кун, однако, с упорством фанатика в течение всей жизни стремился к поставленной цели. И он действительно заложил основы голландской колониальной империи, хотя общая площадь приобретенных при нем владений была весьма скромной [262, с. 83].

Резиденция Питера Бота и других генерал-губернаторов после него находилась на Амбоне или на Молукках. Борьба с испанцами за острова Пряностей еще продолжалась и требовала постоянного присутствия высшего чиновника Компании на Востоке, вблизи театра военных действий.

Однако Кун смотрел далеко вперед. Он знал, что Юго-Восточная Азия богата не только тонкими пряностями. Хотелось держать под контролем и перец, который выращивался в Западной Индонезии. Главное же, нельзя было упускать из виду огромную межрегиональную торговлю, центром которой до португальских захватов была Малакка, а

⁴ После смерти Котеелса в 1613 г. бантамцы разорили его могилу и изуродовали труп, такова была их ненависть [242, с. 92].

с XVI в. — западная Индонезия. В ее порты с запада поступали товары Арабского Мира и Индии, а с востока товары Китая и Японии. На западноиндонезийском перекрестке, главным образом в Бантаме, в меньшей степени в Аче, арабские, персидские, индийские и китайские купцы обменивали свои товары не только на пряности, но и на товары дальних регионов. Эта внутриазиатская торговля велась силами азиатских мореходов. Португальцы в первой половине XVI в. своими пиратскими действиями в значительной степени дезорганизовали эту торговлю, но португальский торговый флот был слишком малочислен, чтобы заменить собой мощное азиатское мореходство. Уже во второй половине XVI в. португальцы перешли от борьбы к сотрудничеству с азиатскими купцами, ограничиваясь сбором пошлин в своих немногочисленных опорных пунктах. Капиталистическая же Голландия со своим огромным флотом имела реальную возможность вытеснить азиатское мореходство из межрегиональной торговли. Если европейские товары (кроме оружия) имели в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке очень ограниченный спрос, то обмен индийских тканей на пряности, а пряностей на китайский шелк, а китайского шелка на японское серебро и т. д. сулил прочную и постоянную прибыль при более коротких морских маршрутах. Но, чтобы овладеть этой торговлей, голландская Ост-Индская компания должна была, во-первых, иметь собственный торговый центр, а во-вторых, беспощадно подавить все остальные торговые центры, конкурирующие с ним, лучше всего путем завоевания. Эта программа была выполнена голландской Компанией в течение XVII в., но первые шаги к ее исполнению были сделаны именно Куном.

Главным центром международной торговли в Юго-Восточной Азии XVII в. был Бантам. Но Бантамский султанат представлял собой слишком серьезную силу, чтобы голландская Ост-Индская компания могла рассчитывать на захват его столицы и главного порта. Другое дело княжество Джакарта, связанное с Бантамом слабыми вассальными узами, практически почти независимое. Здесь в 1610 г. представитель голландской Ост-Индской компании Жан Л'Ермит уговорил пангерана уступить ему за 1200 реалов полосу земли на правом берегу реки Тышшвунг для постройки фактории. Кун позаботился о том, чтобы расширить эти владения. Вскоре голландцы захватили лежащий против устья Тышшвунга остров Онруст и соорудили там доки. Затем Кун обратился к пангсрану за разрешением построить в Джакарте форт. В этом ему было отказано. Тогда Кун распорядился построить на приобретенной земле два прочных каменных пакгауза. Формально это были подсобные помещения фактории, а по существу маленькие крепости. Они даже, подобно крепостям, получили названия «Нассау» и «Маврикий» в честь голландского штатгальтера Морица (Маврикия) Нассауского. Так было создано ядро голландского центра в Юго-Восточной Азии. Кун теперь выжидал благоприятного момента, чтобы овладеть всей Джакартой [132, с. 146; 158, с. 217; 215, т. I, с. 152].

Между тем в Восточной Индонезии продолжалась борьба голландцев с испанцами и с местным населением за полный контроль над островами Пряностей. 11 февраля 1611 г. эскадра Питера Бота прибыла на Амбон. Здесь генерал-губернатор поселил семьи первых голландских колонистов, которые имели право заниматься ремеслом и торговать на ближних островах провиантом и тканями. Торговля пряностями оставалась строгой монополией Компании. Укрепив таким образом свой тыл, Бот с девятью кораблями направился на острова Банда [242, с. 88].

Крепость Нассау на Банда Найре, хотя и выдержала осаду банданцев, находилась в полуразрушенном состоянии. Бот энергично взялся за ремонт крепости. Кроме того, поскольку над фортом Нассау господствовала прибрежная скала, он возвел второй форт на этой скале, назвав его «Бельгика». Он пытался построить крепость и на Лонторе, но упорное сопротивление банданцев срывало все его попытки. После тщетной шестимесячной борьбы с повстанцами Бот вступил с ними в переговоры. Но поскольку в условия мирного договора он включил строительство крепости на Лонторе, переговоры зашли в тупик. Банданцы выдвинули встречное требование — снести обе голландские крепости на

острове Банда Найра прежде, чем будет подписан мирный договор. Только 20 августа 1611 г. Боту удалось заключить соглашение с несколькими деревнями на Лонторе. Жители основных селений Лонтора, так же как и население островов Пуло Ай и Пуло Рун, договора не подписали. Замирившиеся деревни предоставили голландцам монополию на скупку мускатного ореха и мускатного цвета, но не навечно, как в прежних договорах банданцев с голландской Компанией, а только на пять лет [158, с. 215].

После этого весьма скромного успеха эскадра Бота наконец отплыла на Молукки, куда прибыла 8 сентября 1611 г. Здесь на островах Макиан и Бачан Боту удалось расширить и укрепить голландские крепости и усилить их гарнизоны. Тогда же голландцы устроили опорный пункт на крупнейшем острове Молукк — Хальмахере, где был заключен договор с несколькими деревнями о совместной борьбе против испанцев и португальцев. В нескольких местах на побережье Хальмахеры были размещены голландские гарнизоны. На острове Тернате была возведена еще одна крепость — под названием «Форт Голландия».

5 января 1613 г. Боту удалось добиться еще одного дипломатического успеха. Был заключен договор о дружбе с раджей острова Бутунг. Голландцам было разрешено построить крепость на Бутунге и вести там беспошлинную торговлю [96, т. I, с. 104—108]. Бутунгские воины в январе 1613 г. приняли участие в голландском рейде против находившихся под португальским контролем восточноиндонезийских островов Солори Тимор. Захватить Тимор голландцам не удалось. Попытка поднять тиморских князей против португальцев не увенчалась успехом. Однако на Солоре голландский командующий Схотте после трехмесячной осады 20 апреля 1613 г. принудил к сдаче португальскую крепость Генрикус. Гарнизон крепости из 30 португальцев и 250 индонезийцев получил разрешение покинуть ее с оружием и знаменами. Схотте даже дал им на дорогу продовольствия. Через два дня после капитуляции с Тимора прибыло подкрепление — 50 португальцев и 450 индонезийцев. Но было уже поздно. Солор остался в руках голландской Ост-Индской компании. Монополия португальцев на торговлю сандаловым деревом Тиморского архипелага с Китаем и Японией была подорвана [158, с. 215—216; 242, с. 89—90].

В феврале 1613 г. Бот нанес давно подготавливавшийся удар против центра испанских владений на Молукках — форта Мариико на Тидоре. После недолгого боя испанцы бежали, а тернатские союзники голландцев сожгли крепость. Бот не смог помешать разрушению форта Мариико, но тут же начал строить рядом с ним новую, более мощную крепость. Окончательно закрепив к сентябрю 1613 г. свой успех на Молукках, Бот после двух с половиной лет отсутствия вернулся на Яву.

На Яве в это время шла упорная борьба правителя Матарам Агунга с владельцами северояванских прибрежных государств. Когда эскадра Бота 14 сентября 1613 г. прибыла в Гресик, в этом городе только что закончились военные действия, в ходе которых полностью сгорела основанная в 1602 г. голландская фактория. Войска Матарам после захвата Гресика не смогли в нем удержаться и, сильно страдая от эпидемии, опять отступили в глубь острова. Представители Агунга, однако, вступили в контакт с Ботом и дали ему понять, что Агунг готов установить с голландской Компанией взаимовыгодные отношения. Ввиду этого Бот решил перенести факторию из Гресика в Джапару, порт, давно и прочно удерживаемый Матарамом. Здесь можно было приобрести много дешевого риса, необходимого на островах Пряностей. Несколько позже Бот направил к Агунгу посольство во главе с Каспаром ван Цурком, которое прибыло в столицу Матарам в апреле 1614 г. Молодой правитель принял голландцев с большими почестями, разрешил им построить в Джапаре не только факторию, но и небольшое укрепление, дозволил свободный экспорт риса и обещал Компании помощь в ее конфликте с Бантамом [158, с. 216; 242, с. 93—94].

Отношения голландской Компании с Бантамом в это время действительно сильно ухудшились. В огромном международном порту, куда вслед за голландцами проникли

английские, французские и датские купцы, где постоянно находились представители почти всех национальностей — от арабов до японцев, конкуренция торговцев постоянно создавала взрывоопасную ситуацию. Так, в 1612 г. сгорела голландская фактория в Бантаме, а виновников поджога обнаружить не удалось [114, с. 149]. Кроме того, голландцы, чувствуя за собой силу наиболее могущественного в Южных морях флота, часто вели себя вызывающе по отношению к местным властям, не гнушались нападением на торговые суда конкурентов в бантамских водах, уклонялись от уплаты торговых пошлин. Регент Бантама пангеран Ранамангала с большим подозрением относился к беспокойным пришельцам и иногда поступал с ними довольно жестко. Чувствуя, что близкий разрыв неминуем, руководство голландской Ост-Индской компании продолжало готовить почву для переноса центра Компании на Востоке в Джакарту.

Когда в 1613 г. в Бантаме разразился правительственный кризис (регент Ранамангала арестовал малолетнего султана Абдул Кадира, приходившегося ему племянником), пангеран Джакарты, подстрекаемый Куном, выступил в защиту легитимного правителя. Военное столкновение кончилось неудачно для Джакарты, и она стала искать поддержки у голландцев. Благодаря этому Куну удалось заключить с пангераном новый, весьма выгодный для Компании договор. По этому договору пангеран запрещал торговать на своей территории испанцам и португальцам. С товаров, которые ввозились в Джакарту на голландских судах, пошлины не взыскивались. Стороны обещали оказывать друг другу военную помощь [215, т. I, с. 152].

Окончательный перенос центра голландской Объединенной Ост-Индской компании в Джакарту был, однако, отсрочен на несколько лет новой войной на островах Пряностей. В декабре 1614 г. Питер Бот был смнен на посту генерал-губернатора прибывшим из Голландии Герардом Рейнстом. Он имел инструкцию от Совета семнадцати как можно скорее полностью подчинить острова Банда, поскольку проникновение англичан на этот архипелаг вызывало у правления голландской Ост-Индской компании опасение, что банданцы встанут под протекторат Англии. Когда в марте 1615 г. Рейнст прибыл на острова Пряностей, оказалось, что англичане развили большую активность не только на островах Банда, но и на Южном Сераме и даже на Амбоне, где они скупали у местного населения гвоздику, несмотря на отчаянные протесты голландского губернатора Адриана Блока. Рейнст потребовал от англичан покинуть сферу голландских интересов, и они подчинились, оставив жителей Серама на расправу голландцам. На острове Банда Найра Рейнст снова столкнулся с английской эскадрой под командованием Джорджа Болла. Генерал-губернатор приказал своим кораблям отконвоировать английскую эскадру за пределы островов Пряностей, но Джорджу Боллу удалось ускользнуть от конвоя и достичь острова Пуло Ай. Здесь в обмен на партию оружия он приобрел полный груз пряностей и отправился восвояси. Узнав об этом, Рейнст со всеми силами приступил к острову Пуло Ай и начал осаду построенной здесь местными жителями крепости. 13 мая 1615 г. крепость была взята штурмом. Затем голландцы соорудили на острове свой форт, красноречиво назвав его «Возмездие». Однако едва эскадра Рейнста покинула Пуло Ай, местные жители восстали и изгнали голландцев «с позором и потерей многих убитыми и ранеными», как писал один из современников событий (цит. по [132, с. 194]).

Рейнст не мог послать сразу же на Пуло Ай новую карательную экспедицию, потому что в этот момент получил донесение о серьезных приготовлениях испано-португальцев к атаке на Молукки. Губернатор Филиппин Хуан да Сильва снарядил и Маниле большой флот, который, соединившись в Малакке с португальской эскадрой из Гоа, должен был нанести удар по голландским владениям. В нападении обещал участвовать и Бантам, с которым испано-португальцы заключили тайное соглашение. Рейнст, однако, не дал союзникам соединиться. Посланная им эскадра под командованием адмирала ван дер Хагена внезапно ворвалась на рейд Малакки и частью сожгла, частью захватила стоявшие там португальские суда. Да Сильва, прибывший в Малакку вскоре

после этого, решил дожидаться нового подкрепления из Гоа. Подкрепление, однако, не прибыло. Несколько месяцев спустя да Сильва умер, а его заместитель, узнав, что голландские агенты организовали антииспанское восстание на островах Соло и Минданао, поспешил вернуться с эскадрой в Манилу. Бантамский регент Ранамангала, так и не дождавшийся известия о победе испано-португальской армады, воздержался от военного выступления [158, с. 218; 242, с. 98].

В декабре 1615 г. Рейнст умер. В течение полугода пост генерал-губернатора оставался вакантным. Фактическая власть во владениях голландской Ост-Индской компании на это время перешла в руки Куна, самого энергичного и влиятельного члена Совета Индии. Теперь, когда испано-португальская угроза была ликвидирована, он решил всерьез взяться за англичан. Узнав, что в конце 1615 года английский корабль привез в Бантам⁵ послов с Пуло Ай, которые желают подписать договор с Англией, он явился к главе английской фактории в Бан-таме Джону Джурдену и попытался его запугать. «Голландцы заставят уважать монопольные договоры, которые они заключили с князьями островов Пряностей,— заявил он.— А если англичане туда сунутся, мы обойдемся с ними как с врагами» [115, с. 98]. Джурден на это возразил, что англичане не для того боролись вместе с голландцами против испано-португальской монополии, чтобы отказаться теперь в пользу бывших союзников от свободы мореплавания. Что же касается островов Пуло Ай и Пуло Рун, особо отметил Джурден, то они вообще никогда не подписывали договоров с голландской Компанией. В подкрепление своей позиции он направил в январе 1616 г. на острова Банда эскадру из пяти кораблей под командованием Сэмюэля Кастлтона. Кун, в свою очередь, приказал стянуть голландские силы на Банду [38, с. 206].

Примерно в это же время в Бантамском порту бросили якорь два французских корабля, снаряженные созданной во Франции новой Компанией для торговли с Ост-Индией. Не смущаясь тем, что он находится на территории суверенного индонезийского государства, Кун приказал арестовать прибывших на этих кораблях моряков голландской национальности, нанятых французской Компанией. Французы, лишившись значительной части экипажа, уже не могли продолжить плавание на острова Пряностей. Чтобы свести концы с концами, они продали один из своих кораблей, купили на вырученные деньги кое-какие пряности и отплыли назад во Францию. Впоследствии французская Ост-Индская компания обратилась в голландский суд с жалобой на самоуправство Куна. По решению этого суда голландская Ост-Индская компания выплатила французской Компании значительное денежное возмещение, но Кун не понес никакого наказания. Напротив, вскоре после этого, в июле 1617 г., Совет семнадцати назначил его генерал-губернатором [158, с. 220—221].

Французская Компания была относительно слаба, и подорвать ее торговлю было нетрудно. Но чтобы вытеснить отсюда английскую Ост-Индскую компанию, голландцам потребовалось, гораздо больше усилий. В марте 1616 г. эскадра адмирала; Кастлтона прибыла на остров Пуло Ай. С эскадрой вернулось посольство, которое жители острова посылали в Бантам за помощью к английскому резиденту. Кастлтон стал убеждать островитян признать своим сюзереном английского короля. До подписания договора, однако, не дошло, потому что к острову через несколько дней подоспела голландская эскадра под командованием Яна Лама. Завязался морской бой. Но едва противники обменялись первыми выстрелами, Кастлтон приказал прекратить огонь. Голландские и английские историки по-разному оценивают этот поступок. По словам голландцев, Кастлтон внезапно узнал, что голландской эскадрой командует адмирал Лам, спасший ему жизнь во время войны с Португалией, и не смог поднять руку на своего спасителя. По мнению англичан, Кастлтон просто трусил, так как у голландцев было девять кораблей против четырех (впрочем, по сведениям голландцев, пять кораблей Лама отстали, и к началу сражения силы противников были равны). Во всяком случае,

⁵ Здесь с начала XVII в. находился центр английской Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии.

несмотря на сильное сопротивление своего военного совета, Кастлтон отправился на флагманский голландский корабль и заверил Лама, что англичане не будут оказывать помощи жителям Пуло Ай при условии, что во время военных действий против Пуло Ай голландцы не тронут оставшихся там английских торговых агентов. Если же голландцы завоюют остров, эти агенты закроют факторию и покинут остров. Затем, обменявшись салютами, эскадры разошлись, причем английская эскадра отплыла на Тидоре, где Кастлтон закупил нужные ему пряности у испанцев.

Оставленные Кастлтоном на произвол судьбы островитяне тем не менее решили сопротивляться несмотря ни на что. Глава английской фактории Ричард Хант в последнюю минуту успел убедить старейшин островов Пуло Ай и Пуло Рун подписать договор о переходе этих островов под власть Англии и поднять на своих укреплениях английские флаги. 6 апреля 1616 г. голландские войска высадились на острове Пуло Ай. В течение трех дней они захватили несколько малых укреплений, а 9 апреля подступили к главной крепости острова. После целого дня интенсивной бомбардировки в стенах образовался ряд проломов. Защитники крепости поняли, что удержать ее не удастся. Под покровом ночи они вышли из крепости и устремились к берегу. Здесь их ожидали местные суда и лодки, но их оказалось мало. В результате из-за перегрузки лодок 400 человек утонуло. Остальные добрались до острова Пуло Рун. Еще несколько крепостей (бентенгов) продолжало сопротивление, в то время как подавляющая часть населения острова эвакуировалась на Пуло Рун. Когда пал последний бентенг, голландцы оказались хозяевами практически пустого острова. Не удалось им поймать и Ричарда Ханта, который бежал в Макасар [38, с. 206; 158, с. 220; 242, с. 99].

Завоевание острова Пуло Ай пядь за пядью обошлось голландцам так дорого, что они не решились повторить эту операцию в отношении острова Пуло Рун. Лам был вынужден вступить с банданцами в переговоры. 3 мая 1616 г. он заключил от имени голландской Объединенной Ост-Индской компании договор со старейшинами островов Банда Найра, Пуло Ай, Пуло Рун и Розенгайн (старейшины острова Лонтор вступить в переговоры с голландцами отказались). Голландцы пошли в этом договоре на очень значительные уступки. Они отказались от всяких претензий на острова Банда Найра и Пуло Ай, признавали их полную независимость. Между сторонами заключался вечный мир. Банданцы обязывались продавать пряности только голландцам и не допускать на свою территорию иностранцев, но цены на пряности были значительно повышены [96, т. I, с. 122—124].

Этот мирный договор, однако, действовал недолго. Голландцы первыми стали нарушать его, начав сооружать на Пуло Ай новую каменную крепость. Кроме того, они насильно переселили на Банда Найру 500 жителей острова Сиау (к северу от Сулавеси), незадолго до этого отбитого у испанцев. Их хотели использовать как подневольных работников на мускатных плантациях на отнятой у банданцев земле. В результате в конце 1616 г. на островах Банда снова началось восстание. Жители Сиау бежали на Пуло Рун, ставший центром сопротивления. Сюда же прибыли из Бантама два английских корабля под командованием Натаниэля Куртхоупа. Куртхоуп привез банданцам продовольствие, в котором они постоянно нуждались. Старейшины островов Пуло Ай и Пуло Рун заключили с ним договор о переходе своих островов под власть Англии. Затем Куртхоуп установил батарею на рифе Пуло Найлака, к северу от острова Пуло Рун [115, с. 102].

13 января 1617 г. к острову Пуло Рун подошла голландская эскадра под командованием Корнелиса. Местные жители с помощью англичан отразили натиск голландцев. Вскоре, однако, корабли Куртхоупа один за другим были захвачены голландцами. В начале апреля 1617 г. на острова Банда прибыл новый голландский генерал-губернатор Лауренс Реаль. Он вступил в переговоры с Куртхоупом, предлагая вернуть ему оба корабля и оплатить убытки, если он покинет острова Банда. Куртхоуп эвакуироваться отказался. Тогда Реаль организовал плотную блокаду островов Банда. Лишенное подвоза продовольствия, население начало умирать от голода. Особенно

пострадал остров Лонтор, который дольше всех вел борьбу с голландцами. Его старейшины первые начали переговоры с Реалем. Затем к ним присоединились представители островов Банда Найра, Пуло Ай и Розенгайн. Они подписали с голландцами мирный договор, повторявший условия договора от 3 мая 1616 г. В нем содержались еще два пункта — о создании голландской фактории на Лонторе и обязательство участников договора не вступать ни в какие контакты с Пуло Рун [96, т. I, с. 127—130].

Как только голландская эскадра ушла, на островах вновь, несмотря на подписание мирного договора, разгорелась партизанская антиголландская борьба. Реаль не мог возобновить блокаду Банды, так как его силы оказались связанными на Яве. 18 сентября 1617 г. его эскадра пришла в Джапару. Здесь он узнал о неудачном исходе миссии своего посла Геррита Дрюйффа, который должен был добиться разрешения укрепить голландскую факторию в Джапаре, но потерпел неудачу. Реаль, то грозя пушками, то задабривая местные власти богатыми подарками, добился разрешения превратить голландскую факторию в крепость. Это укрепление, однако, простояло недолго. В следующем году матарамцы, возмущенные насилиями над местным населением, которые творил персонал фактории-крепости, захватили ее, а находившихся в ней голландцев посадили в тюрьму [158, с. 217; 209, с. 38].

Из Джапары голландская эскадра проследовала в Джакарту, где пангерану Виакраме также был навязан договор о строительстве на его территории крепости. Пангеран, однако, вскоре денонсировал этот договор и пригласил в Джакарту англичан. Они построили свою факторию на левом берегу реки Тьиливунг, напротив голландской фактории. В том же, 1617 г. английская Ост-Индская компания открыла факторию в Джапаре. Но не успели англичане здесь обосноваться, как перед Джапарой появилась голландская эскадра под командованием Куна и сожгла город в отместку за арест персонала голландской фактории. В огне погибла и английская фактория [209, с. 39; 215, т. I, с. 153].

В Бантаме тем временем положение также стало очень напряженным. В конце 1617 г. из Бантамской фактории голландцев бежало несколько содержащихся там испанских и португальских пленных. Они попросили убежища в английской фактории. Глава голландской фактории послал группу вооруженных людей, чтобы захватить беглецов. Им удалось отбить у англичан одного испанца. Тогда англичане вместе с находящимися у них на службе японцами и яванцами (всего 250 человек), в свою очередь, напали на голландскую факторию. Выбив бревном дверь, они вступили в схватку с яванскими наемными солдатами, которые охраняли факторию. Трое из этих солдат было убито, а пятеро перешло на сторону англичан (англичане потеряли одного человека убитым и одного — раненым). Когда голландцы на следующее утро узнали, что один из английских кораблей отплывает в Макасар, они решили, что англичане вывозят беглых испанцев и португальцев, а также пятерых, яванских «перебежчиков». Они послали за этим судном погоню, остановили и обыскали его. Тех, кого искали, на борту не нашли. Тогда голландцы взяли пятерых англичан заложниками в обеспечение возврата яванцев — «перебежчиков» [242, с. 110], Бантамское правительство было весьма озабочено столь буйным поведением своих гостей, тем более что через несколько дней в Бантамском порту разразился новый скандал. 28 декабря 1617 г. эскадра Реаля на подходе к Бантаму остановила два французских судна — «Сен-Мишель» и «Сен-Луи». Реаль снял с их борта 10 голландских матросов и капитана — голландца Ганса Деккера, который замещал умершего в пути французского адмирала. Когда голландская эскадра прибыла в Бантам, Деккер прыгнул за борт и доплыл до английского судна. Англичане вскоре после этого передали его регенту Ранамангале. Кун потребовал его выдачи. Получив отказ, он наложил арест на французский флагманский корабль «Сен-Мишель». В ответ на это регент принял решительные меры. Он освободил французский корабль и запретил вывоз перца на голландских судах. Даже ранее купленный перец было запрещено грузить на

борт голландских кораблей. Тогда Кун отдал приказ готовиться к сношению голландской фактории и эвакуации. Правительство Бантама не было готово к немедленной войне с голландской Компанией. Морская блокада лишила бы Бантам большей части его доходов. Регент вступил в переговоры с Куном и отменил свой запрет. «Сен-Мишель», взятый Куном в залог за возвращение Деккера (которому удалось скрыться) и оставленный его командой, был на некоторое время включен в состав флота голландской Ост-Индской компании. «Сен-Луи» с малым грузом пряностей и пополненной азиатскими моряками командой в 1618 г. вернулся во Францию. Французское правительство заявило Голландии резкий протест. В 1623 г. голландская Компания заплатила владельцам «Сен-Луи» и «Сен-Мишеля» денежное возмещение за убытки, но на карьере Куна это никак не отразилось [242, с. 110 — 111].

Готовясь к окончательному разрыву с Бантамом, Кун написал письмо Совету семнадцати с требованием прислать из Голландии значительные воинские подразделения. Тем временем Реаль с эскадрой снова отплыл на острова Банда. В конце марта 1618 г. у острова Банда Найра он соединился с эскадрой ван дер Хагена, пришедшей с Молукк, где она боролась с испанцами. К этому времени голландский контроль над островами Банда был практически ликвидирован. Большая часть гарнизонов крепостей Нассау, Бельгика и Возмездие вымерла от болезней. Оставшиеся в живых голландские солдаты были деморализованы и не хотели сражаться. Завоевание островов Банда надо было начинать сначала.

Первоначально было решено атаковать остров Пуло Рун. Но пока ждали прибытия вспомогательных индонезийских войск с Амбона, муссон переменялся и плыть на Пуло Рун стало невозможно. Тогда Реаль решил напасть на Лонтор. Адмирал Лам с 600 голландскими солдатами и вспомогательным амбонским войском высадился на западном побережье острова Лонтор. Началась осада главного бентенга лонторцев, стоявшего на крутой скале. Лонторцы успешно отбили все атаки. Война затягивалась. С Молукк начали поступать тревожные вести, даже частная победа над англичанами (корабль Курт-Хоупа, который плыл с острова Лонтор на Пуло Рун, был перехвачен голландской эскадрой, сам Куртхоуп пал в бою) не принесла голландцам большой пользы. Реаль вынужден был снова прибегнуть к дипломатии.

На этот раз в переговоры с голландцами согласилась лишь малая часть банданцев. 25 июня 1618 г. Реаль подписал договор со старейшинами восточной части острова Лонтор и острова Розенгайн, обязавшимися поставлять мускатный орех в форт Нассау, и поспешил на Молукки [96, т. I, с. 133—135; 242, с. 111—112],

На Молукках между тем местное население было на грани восстания. Уже в конце 1617 г. тернатцы внезапно атаковали голландский форт Оранжи и едва не захватили его. Причиной всеобщего недовольства было изгнание с Молукк всех азиатских купцов. Эти купцы привозили на Молукки продовольствие и ткани, без подвоза которых здесь, как и на островах Банда, существование было невозможно. Голландцы боялись, что эти купцы тайно вывозят с Молукк гвоздику, и беспощадно топили их суда. Даже всегда покладистый в отношении голландской Компании султан Тернате стал протестовать — ведь голландцы по договору имеют монополию только на скупку гвоздики. Тернате никогда не обещал закрыть свои двери перед всеми иностранными купцами, кроме голландцев.

Ситуация на Молукках вызвала раскол в руководстве голландской Компании. Стевен ван дер Хаген, Корнелис Дедель и даже сам Реаль считали, что изгнание местных купцов приведет к тому, что одежда (привозившаяся большей частью с Коромандельского побережья Индии) и продовольствие (рис и саго с Явы) вздорожают в 4—5 раз. Ввоз же этих товаров на судах голландской Компании будет совершенно недостаточен по количеству и качеству и недоступен по цене. В письме Совету семнадцати ван дер Хаген писал: «Тернатцы хотят от нас освободиться, так как мы не допускаем сюда туземных

купцов. Это главная причина, по которой они не заинтересованы в сборе гвоздики» [115, с. 113]. Другими словами, Компания рубит сук, на котором сидит.

Ван Дер Хагену вторил Реаль в своем письме, написанном в мае 1618 г. «Запрет на посещение (островов Банда.— Э. Б.) иностранными джонками,— писал Реаль,— сделал нас настолько одиозными, что в это трудно поверить. Раньше каждый год в эти воды приходила сотня джонок. Они привозили жителям продовольствие и одежду, а теперь те впали в нужду, ибо голландцы не привозят им рис, ткани же привозят только тех сортов, которые местные жители не могут употреблять, а цены на все товары очень высоки» [105, с. 57].

Однако Кун, в апреле 1618 г. получивший извещение, что он назначен генерал-губернатором, быстро подавил эту оппозицию. Жители островов Пряностей, заявил он, потеряли право свободного плавания и торговли, потому что поставляли пряности англичанам и другим иностранцам, вопреки договорам с голландской Ост-Индской компанией. Да и вообще с ними нечего церемониться, ибо «мусульмане или язычники, члены проклятого рода Хама, как враги Бога и христианской веры, рождены для рабства», считал Кун [242, с. 113]. Стало быть они должны быть довольны тем, что им дают голландцы. И даже если эти «туземцы» вообще все вымрут от голода, был убежден Кун, тоже не беда. Их место займут голландские колонисты, которые будут выращивать пряности с помощью рабов, «а рабов в Индонезии достать нетрудно» [242, с. 118; 262, с. 83; 263, с. 33].

От основания Батавии до освоения голландской Объединенной Ост-Индской компанией островов Пряностей

Придерживаясь такого жесткого курса, Кун вынужден был держать большую часть военных кораблей Компании на Молукках. Между тем он сильно нуждался в военной силе и на Яве, так как здесь его конфликт с Бантамом и английской Ост-Индской компанией во второй половине 1618 г. достиг апогея. 29 сентября 1618 г. в письме к Совету семнадцати Кун писал, что Бантам и Джакарта «хотят разорить наши фактории, а вас убить» [115, с. 126]. В этом заговоре, как он полагал, участвуют также правители Матарамы и Чиребона. Поэтому он просил срочно прислать корабли и войска для захвата Джакарты (эти подкрепления опоздали; Кун обошелся своими силами). В октябре 1618 г. Кун распорядился начать в Джакарте строительство большой крепости на базе небольших голландских укреплений, уже существовавших там ранее. Вскоре после этого он исполнил свою давнюю угрозу регенту Бантама и перевел свою бантамскую факторию в Джакарту.

Князь Джакарты, пангеран Виакрама, был совсем не рад наплыву в Джакарту голландских купцов и перспективам богатой торговли, которые открылись перед его городом. Он понимал, что, располагая мощной крепостью, голландцы не станут делиться с ним доходами от этой торговли. Более того, само существование его княжества явно оказывалось под угрозой. Сначала он попытался избавиться от непрошенных гостей собственными силами. Он пригласил к себе Куна, но тот, резонно подозревая, что во дворце пангерана его могут убить, отклонил приглашение. В ноябре 1618 г. в Джакарту прибыл с визитом пангеран Галанг, брат бантамского регента. Он попросил у Куна разрешения осмотреть голландскую факторию. Получив такое разрешение, пангеран Галанг явился вечером в факторию в сопровождении пангерана Виакрамы и почетного эскорта из 500 солдат. Осталось неясным, был ли у высоких гостей какой-то умысел, но Кун заблаговременно расставил мушкетеров у каждого окна, а товары и ценности переправил на борт стоящих на рейде судов, и визит прошел мирно [242, с. 125].

Строительство крепости под прикрытием пушек голландской эскадры между тем приближалось к завершению. Виакрама понял, что без союзников ему теперь с голландцами не справиться. Он, правда с опозданием, запретил всем своим подданным (как яванцам, так и китайцам) работать на строительстве у голландцев и направил послов

в Бантам к тамошнему руководству английской Ост-Индской компании. «Сейчас король Джакарты, находясь в опасности, прислал посла в Бантам,— писал в декабре 1618 г. Джон Джурден капитану Куртхоупу, не зная, что тот уже убит.— Созвав Совет, мы решили послать туда эскадру из 11 кораблей под командованием сэра; Томаса Дэйла и капитана Принга, чтобы не только захватить. Их (голландцев.— Э. Б.) суда, но и разрушить их крепость» [158, с. 222].

Соотношение сил на Западной Яве в этот момент было в пользу англичан. В начале декабря 1618 г. у них в Бантаме собралось 15 кораблей, а у Куна в Джакарте было только семь, из которых три находились на ремонте в доках острова Онруст (перед Джакартой). 14 декабря 1618 г. в Бантам прибыл из Паттани голландский корабль «Черный лев». На следующее утро его окружили четыре английских корабля и потребовали, чтобы экипаж сдался. Голландский капитан выговорил своей команде право свободно покинуть судно с личным имуществом, но, когда англичане взошли на борт корабля, они, нарушив слово, арестовали всех голландских моряков. В середине декабря Виракрама начал возводить укрепления вокруг голландской крепости, а англичане поставили батарею у своей фактории. Отсюда они могли через реку Тьиливунг вести огонь по голландцам. 22 декабря джакартцы стали вбивать бревна в дно реки между голландским фортом и рейдом, чтобы отрезать крепость от поддержки с моря. В этой обстановке Кув решил напасть первым. 23 декабря голландцы после длительной бомбардировки переправились через реку, захватили английскую батарею и факторию (которую они сожгли). Затем они двинулись против предмостного джакартского земляного укрепления и овладели им. Стоявшие на второй линии укреплений джакартские батареи начали вести огонь по голландскому форту. Перестрелка продолжалась весь день 24 декабря. 25 декабря голландцы сделали новую вылазку из крепости и попытались овладеть батареями джакартцев, но им пришлось отступить со значительными потерями [132, с. 1499; 263, с. 138—139].

В этих первых боях была израсходована значительная часть боеприпасов. 29 декабря Кун собрал Совет Индии, чтобы принять решение о дальнейших действиях. Большинство Совета высказалось за то, чтобы оставить крепость, а людей и товары погрузить на суда. Но утром 30 декабря, едва началась погрузка, на рейде Джакарты появилась эскадра адмирала Дэйла. День 31 декабря прошел в переговорах. Англичане требовали сдачи крепости, голландцы — возврата корабля «Черный лев». 1 января 1619 г. к Куну прибыло еще одно голландское судно с Суматры. Корабли, стоявшие на ремонте, к этому времени также были введены в строй. У Куна теперь было уже восемь кораблей, и с ними он решил выступить против 11 кораблей Дэйла. Англичане из-за встречного ветра не могли пойти на абордаж и использовать свое численное преимущество. Но и голландцы, за три часа боя расстреляв треть пороха, оказались в критическом положении. Обе эскадры стали на якорь. Кун снова собрал Совет Индии. Одни советовали атаковать на следующий день, другие — немедленно уходить на Молукки, чтобы спасти если не форт, то хотя бы корабли. Утром 3 января к англичанам подошло еще три корабля из Бантама. Тогда Кун переправил в крепость оставшиеся у него 10 бочек пороха и, приказав коменданту крепости Питеру ван ден Бруке удерживать форт до прибытия помощи, а если капитулировать, то только перед англичанами, а не перед пангераном Джакарты, отплыл на Молукки [38, с. 208; 132, с. 149; 158, с. 222].

Англичане и джакартцы начали осаду голландской крепости. После отплытия Куна в крепости осталось 460 человек, из них — 250 солдат, включая японских и индонезийских наемников. После 10 дней перестрелки утром 14 января пангеран Виракрама приказал прибить к столбу перед стеной форта плакат с предложением мира. Ван ден Бруке вступил в переговоры с Виракрамой. 19 января 1619 г. они подписали соглашение. Голландцы выплачивали пангерану 6 тыс. реалов, а он обещал оставить форт нетронутым до прибытия Куна. Он также обещал не позволять англичанам строить возле голландского форта факторию или укрепление. Голландский интендант получил разрешение делать покупки в городе. 22 января ван ден Бруке прибыл во дворец

пангерана для дальнейших переговоров. На этот раз пангеран предъявил голландцам дополнительные требования — выплатить еще 10 тыс. реалов, отдать две пушки с ядрами и порохом и снести стены форта. До исполнения этих условий он взял ван ден Брука и еще шестерых голландцев под стражу в качестве заложников [96, т. I, с. 145—147; 132, с. 150].

Новый комендант Питер ван Рай сделал пангерану встречное предложение — 2 тыс. реалов за освобождение заложников. Ван ден Бруке писал в крепость каждый день, жалуясь на каменные сердца своих земляков, но прижимистый ван Рай не повышал предложенной суммы. Утром 29 января голландцы увидели, что их противники за ночь навели мост через реку. Теперь они могли атаковать крепость в самом уязвимом месте. Несколько часов спустя адмирал Дэйл предъявил ван Раю ультиматум. В случае сдачи он гарантировал голландцам жизнь, которой якобы угрожали индонезийцы. 1 февраля 1619 г. командование голландской крепости подписало капитуляцию [96, т. I, с. 147—149]. По условиям капитуляции форт с вооружением и амунитией переходил в руки англичан, гарнизон крепости англичане обязывались на своих судах доставить на Коромандельское побережье Индии, где находились голландские фактории. Деньги, драгоценности и товары, находившиеся в форте, передавались пангерану Джакарты. Голландцы имели право забрать с собой только свое личное имущество. Голландцы максимально использовали этот последний пункт соглашения. Едва капитуляция была подписана, все они бросились грабить имущество Компании, взламывали ящики, вспарывали мешки, нагружались до предела, все это якобы для того, «чтобы не досталось врагу» [242, с. 133—134].

Сдача была назначена на 2 февраля, но на рассвете этого дня в Джакарту неожиданно вошла бантамская армия и ситуация резко изменилась. Дело в том, что перед отплытием из Бантама Дэйл заключил с регентом Ранамангалой договор, по которому в случае взятия голландской крепости в Джакарте она будет передана Бантаму, а англичанам достанется гарнизон и содержимое крепости. Увидев, что добычу делят без него, Ранамангала пришел в ярость. Особенно его возмутило то, что при попустительстве пангерана Виракрамы под боком у Бантама остается сильная европейская крепость (то, что голландцев в ней сменяли англичане, не имело принципиального значения). Ранамангала отстранил Виракразу от власти и с позором прогнал его в джунгли. Джакарта была аннексирована Бантамом [158, с. 223—224]. Затем он взялся за англичан. Договор о капитуляции недействителен, заявил регент, форт должен перейти в руки Бантама.

Обмен мнениями между недавними союзниками принял настолько острый характер, что они оказались на грани войны. Опасаясь нападения бантамской армии, Дэйл со своей эскадрой покинул Джакарту [107, с. 139].

Этот раздор в стане врага сильно ободрил командование голландской крепости. Когда Ранамангала потребовал сдачи крепости, обещая переправить гарнизон в Бантам, где он будет дожидаться возвращения Куна, ван Рай и Совет крепости попытались затянуть переговоры. На требование регента Бантама передать ему все пушки и половину денег и товаров (условие менее жесткое, чем в соглашении 1 февраля 1619 г.) голландцы ответили контрпредложением — они согласны были отдать только четверть товаров и денег и половину пушек, а для вывоза: остального имущества в безопасное место потребовали предоставить им несколько кораблей и гарантии, что англичане не нападут на них в пути [96, т. I, с. 149—151].

Проект договора был послан в Бантам на одобрение султану. Это дало голландцам еще три недели передышки, во время которой они продолжали усиливать укрепление форта. 24 февраля из Бантама прибыло известие, что султан согласен на голландские условия, но адмирал Дэйл, крейсировавший в бантамских водах, не хочет дать пропуска голландцам. Это позволило голландцам еще более затянуть переговоры. Бантамские войска вели себя пассивно и не пытались штурмовать крепость. Их огневая мощь

значительно уступала огневой мощи английской эскадры. В начале марта командование крепости (которую оно окрестило «Форт Батавия») послало на Амбон яхту, чтобы сообщить Куну о решении «удерживать крепость, пока Бог позволит» [242, с. 135]. 9 апреля голландцы, воспользовавшись упадком дисциплины в стане врага, даже сделали вылазку и уничтожили батареи, поставленные в свое время англичанами и джакартцами против крепости [158, с. 224]. Между тем Кун в феврале 1619 г. прибыл на Амбон, главную базу голландской Ост-Индской компании в это время. Оттуда он разослал приказ во все районы Южных морей всем голландским судам идти на соединение к западной оконечности Мадуры. 17 мая 1619 г. в этой точке собралось 17 кораблей. С этим флотом Кун двинулся к Джакарте. По дороге 23 мая он второй раз разграбил и сжег Джапару в отместку за разгром матарамскими властями здешней голландской фактории в 1617 г. [209, с. 39]. 28 мая 1619 г. флот прибыл в Джакарту. Кун высадил на берег десант в 1200 солдат, которые 30 мая при поддержке судовой артиллерии и орудий форта атаковали противника. Бантамские и джакартские солдаты, несмотря на пятикратное превосходство в численности, были слишком плохо вооружены, чтобы долго сдерживать натиск голландских мушкетеров. Тем не менее бой на улицах Джакарты шел весь день. Только к вечеру на рыночной площади пали последние защитники города. Джакарта была сожжена, каменные стены и земляные укрепления разрушены. 31 мая Кун со своим войском выступил в периферийные районы Джакартского княжества. Здесь он взял штурмом два укрепления. Остальные населенные пункты были незащищенными деревнями и стали легкой добычей голландцев. Княжество Джакарта перестало существовать. Кун «по праву завоевателя» объявил голландскую Ост-Индскую компанию «Господином королевства Джакарта», которое, по его понятиям, доходило до южного берега Явы. На месте прежней столицы Кун начал возводить новый голландский город — Батавию, которая вплоть до 1945 г. оставалась центром голландских владений в Индонезии [132, с. 151; 263, с. 140].

Завершив завоевание Джакарты, Кун с мощной эскадрой направился к Бантаму. 7 июня 1619 г. эскадра встала на Бантамском рейде. Кун предъявил регенту Ранамангале ультиматум с требованием немедленно освободить всех пленных голландцев. Лишившись поддержки английского флота (эскадра Дэйла в это время находилась в Масулипатаме), регент порешил выдать пленных. Но другие требования Куна, сводившиеся к предоставлению голландской Компании исключительных привилегий в Бантаме, он отверг, и голландские корабли начали многолетнюю блокаду бантамского побережья. Азиатские купцы вынуждены были поневоле вместо Бантама везти свои товары в Джакарту. Торговый центр в Батавии быстро расцвел, в то время как торговля Бантама приходила в упадок. За первые 10 лет существования Батавии ее население выросло в два с половиной раза, главным образом за счет притока китайских поселенцев [158, с. 227; 262, с. 92].

Пытаясь разрешить свой конфликт с голландской Компанией, Ранамангала в октябре 1619 г. направил в Батавию двух послов и переводчика, но, поскольку при них было найдено оружие, голландцы их убили [242, с. 140].

Одновременно с блокадой Бантама Кун прилагал все усилия, чтобы окончательно вытеснить из Юго-Восточной Азии своего основного торгового конкурента — Англию. В августе 1619 г. эскадра Куна захватила в проливе Сунда только что прибывший из Англии корабль «Стар». Тем временем три голландские корабля, направленные в Малайю, встретили в порту Паттани два английских корабля под командованием Джона Джурдена, руководителя английской Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии. Невзирая на протесты королевы Паттани (позднее подкрепленные протестом ее сюзерена — короля Сиама), голландцы атаковали англичан в территориальных водах Паттани. Потери англичан в этом бою были настолько велики, что Джурден вынужден был начать переговоры о капитуляции. В ходе этих переговоров он вышел на палубу и тут же был убит выстрелом с одного из голландских кораблей. Голландцы

утверждали, что выстрел был случайным, однако английский современник событий убежденно заявлял, что «фламандцы, выследив его, самым предательским и жестоким образом застрелили из мушкета» [38, с. 209].

После гибели Джурдена и смерти адмирала Дэйла в Масулипатаме от тропической болезни в августе 1619 г. английские силы на Востоке оказались обезглавленными. В сентябре 1619 г. голландцы нанесли английской Ост-Индской компании еще один сильный удар, захватив в порту Тику, на западном берегу Суматры, четыре английских корабля, зашедшие сюда для покупки перца. Только к весне 1620 г. англичанам удалось собрать у западных берегов Индонезии значительный флот под командованием адмирала Принга. Однако 8 апреля 1620 г. на подходе к Бантаму Принга догнало известие, что между Англией и Голландией девять месяцев назад был заключен договор о совместных действиях на Востоке [38, с. 209; 158, с. 227].

Англо-голландские переговоры о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Азии начались еще в 1611 г., когда руководство английской Ост-Индской компании подало жалобу английскому королю Якову I на то, что голландцы не допускают английские корабли на острова Пряностей. Яков I направил посла к голландскому правительству с требованием уважать свободу мореходства в Юго-Восточной Азии. Генеральные штаты ответили отказом, ссылаясь на то, что на Востоке они одни боролись против испано-португальцев и поэтому одни должны пожинать плоды победы. Переговоры в 1611 г. кончились неудачей. Общность интересов Голландии и Англии в Европе, однако, препятствовала окончательному разрыву между двумя странами. В 1613 г. в Лондоне состоялась англо-голландская конференция по вопросу о Востоке. Голландская делегация, которую возглавлял знаменитый юрист Гуго Гроций (автор трактата «О вечном мире»), предложила «компромиссное» решение: голландская Компания сохранит свою монополию на торговлю с островами Пряностей, а английские купцы войдут в нее в качестве пайщиков. Такое слияние означало полное подчинение более слабой английской Ост-Индской компании руководству голландской Компании, поскольку права соответствовали бы вложенным капиталам, и англичане на это не пошли. Таким образом, переговоры зашли в тупик [38, с. 203; 252, с. 142].

В 1615 г. была проведена новая англо-голландская конференция, на этот раз в Гааге. Англичане опять настаивали на свободе мореплавания, ссылаясь на «естественное право народов». Но соглашение так и не было достигнуто. Только к концу 1618 г., когда стало приближаться к концу 12-летнее Антверпенское перемирие с Испанией и Голландии стала угрожать серьезная война в Европе, голландская Ост-Индская компания решила пойти на уступки. В декабре 1618 г. в Лондон прибыла новая голландская делегация, состоящая из представителей Компании и Генеральных штатов. После семи месяцев ожесточенных споров между сторонами (голландцы опять предлагали слить обе компании), 17 июля 1619 г., было наконец подписано соглашение о сотрудничестве. По этому договору: 1) обе стороны обязывались предать забвению прежние обиды, вернуть друг другу пленных и захваченные суда; 2) обе компании обретали право свободно вести торговлю на Востоке. Капиталы их не сливались, и торговые операции намечалось вести раздельно; 3) при закупке перца каждая Компания могла купить половину имеющегося на рынке перца. Что же касается тонких пряностей на островах Амбон, Банда и на Молукках, то англичане могли теперь приобретать там одну треть пряностей, а голландцы — две трети; 4) каждая сторона удерживала крепости, которыми владела к моменту заключения договора; 5) обе стороны обязались не заключать договоров, исключаящих другую сторону; 6) для борьбы с испано-португальцами, а также с местными правителями на Востоке образовывался Совет обороны из восьми членов — четырех голландцев и четырех англичан. Председателем по очереди намечалось назначать то голландца, то англичанина. Этому Совету подчинялся Флот обороны, состоявший из 20 кораблей — по 10 от каждой страны [158, с. 227—228; 263, с. 140].

Кун, узнавший о подписании договора в середине апреля 1620 г., пришел в ярость. «Англичане добровольно ушли из Индии,— писал он Совету семнадцати,— а Вы были так добры, что снова открыли им дверь» [158, с. 228]; «Вы хотите пригреть змею на своей груди» [242, с. 144]. Однако он вынужден был подчиниться и начал переговоры с адмиралом Прингом о формировании Совета обороны. Уже в июне 1620 г. первый флот Совета обороны, составленный из равного количества голландских и английских судов, отплыл в сторону Филиппин, чтобы охотиться там за испанскими кораблями.

Другой акцией Совета обороны (резиденцией которого, по настоянию Куна, стала Батавия) была посылка посольства в Бантам. Кун, по-видимому, был против посылки в Бантам каких-нибудь посольств, но Совет семнадцати в Гааге считал иначе, и он подчинился. Когда Бантамское правительство, желая раздуть противоречия между недавними союзниками, согласилось впустить в свою страну только англичан, Кун настоял, чтобы Совет обороны усилил блокаду Бантама. Англичанам пришлось перенести свой торговый центр в Батавию. В качестве компенсации за оставление Бантама они потребовали восстановить их старую факторию и батарею рядом с ней на левом берегу реки Тьиливунг. Но эта батарея господствовала бы над устьем реки. Кун не мог этого допустить. Он предложил англичанам участок для фактории за пределами города. Англичане были недовольны, но им пришлось согласиться. Они построили за городом небольшое укрепление, куда поместили гарнизон из 30 солдат [242, с. 144].

Еще более серьезные трения начались между англичанами и голландцами в Батавии, когда Кун попытался поставить англичан под юрисдикцию голландского суда. Английские солдаты и матросы действительно часто грабили китайских торговцев в Батавии, но местное руководство английской Ост-Индской компании считало это недостаточным основанием для вмешательства голландских судебных властей. Отношения между союзниками становились натянутыми, и вскоре англичане практически перестали участвовать в блокаде Бантама. Когда 24 декабря 1620 г. Совет Индии принял решение послать военную экспедицию против восставшего населения островов Банда и пригласил англичан принять в ней участие, они отказались под тем предлогом, что у них не хватает судов и людей. В то же время английское руководство послало на острова Банда четыре корабля для наблюдения за действиями голландцев [115, с. 144—146; 158, с. 229].

13 января 1621 г. голландская эскадра из 16 кораблей с десантом в 1500 солдат под командованием Куна отплыла из Батавии. Когда 14 февраля 1621 г. Кун прибыл на Амбон, он узнал от местного шпиона, что глава английской фактории на Пуло Рун Роберт Рейс уже успел предложить жителям Лонтора несколько пушек в обмен на признание своим сюзереном английского короля. Кун поспешил на остров Банда Найра, где часть старейшин еще сохраняла мирные отношения с голландцами. Глава местной общины Хиту, которого европейцы титуловали капитаном Хиту, стал посредником в переговорах между Куном и банданцами. Кун потребовал полного подчинения голландской торговой монополии, немедленного изгнания всех иностранцев и права для голландской Компании строить крепости на всех островах Банда. Это непомерное требование, однако, только сплотило жителей Банда. Началось всеобщее антиголландское восстание. Центром сопротивления стал остров Лонтор. Перед нападением на Лонтор Кун обратился к Роберту Рейсу с требованием эвакуировать английскую факторию, недавно основанную на Лонторе. Тот занял выжидательную позицию, не вмешиваясь в борьбу, но и не спеша удовлетворить требование Куна [132, с. 194—195].

4 марта 1621 г. начались военные действия. Когда голландское судно «Херт» попыталось высадить десант на южном берегу Лонтора у деревни Лакуй, с берега по нему был внезапно открыт артиллерийский огонь. Голландцы понесли большие потери убитыми и ранеными, судно было настолько повреждено, что не могло самостоятельно отплыть. Голландцы утверждали впоследствии, что у пушек стояли английские канониры. Более вероятно, однако, английская версия, что лонторцы наняли португальских «солдат

фортуны», бродячих наемников, которых в XVI—XVII вв. было немало в странах Юго-Восточной Азии [242, с. 147—148].

7 марта 1621 г. Кун с основными силами из 17 рот высадился на северном берегу Лонтора, напротив деревни Уртатан. Но когда голландское войско двинулось вверх по крутой дороге, ведущей к деревне, оно оказалось под огнем хорошо замаскированной батареи. Поняв, что без больших потерь к Уртатану не пробиться, Кун приказал отступить на корабли. 9 марта голландский флот снялся с якоря и двинулся вокруг Лонтора, выискивая более удобное место для нападения. 11 марта войско Куна высадилось на западном Лонторе, у главного центра острова — города Лонтор. Город был защищен тремя линиями земляных укреплений, находившимися одна над другой. На нижней стояли полученные от англичан пушки. Не сумев взять Лонтор лобовой атакой, Кун прибегнул к хитрости. В то время как одна часть голландского десанта демонстративно атаковала Лонтор с севера, другая часть зашла с юга и, преодолев покрытую лесом гору, ударила в тыл защитникам Лонтора. После тяжелого боя город был взят [132, с. 195].

После падения города Лонтора часть банданских старейшин дрогнула и стала искать пути к примирению. Они прислали к Куну послов с подарками и предложением кончить военные действия. Кун потребовал от послов выдачи всего оружия, сноса всех банданских укреплений, а также чтобы каждый старейшина прислал ему сына в качестве заложника. Старейшины долго совещались, а затем прислали Куну некоторое количество мушкетов, большей частью сломанных, и десять сыновей. 17 марта 1621 г. был подписан новый договор с голландской Компанией, на основании которого Кун тут же приступил к строительству на Лонторе большой крепости [242, с. 148].

Между тем сопротивление банданцев далеко еще не исчерпало себя. Беглецы с западного Лонтора, острова Розенгайн и других островов архипелага стали собираться в гористой восточной части Лонтора, центр которой — поселение Селаман не участвовало в переговорах с Куном. В труднодоступных горах они начали строить новые укрепления. Чтобы раз и навсегда покончить с сопротивлением непокорных островитян, Кун решил выселить всех банданцев с их родины, с тем чтобы вновь заселить острова Банда голландскими плантаторами и привозными рабами. Это решение касалось и тех банданцев, которые прекратили сопротивление или вообще не подымали оружия, как некоторые общины на острове Банда Найра. Голландское командование объявило, что все банданцы, которые не хотят, чтобы с ними поступили, как с врагами, должны явиться с вещами в форт Нассау на Банда Найре. Оттуда они будут переселены в места, назначенные генерал-губернатором. Тому, кто явится, были обещаны жизнь и свобода религии. Часть банданцев, около 800 человек из 15 тыс., подчинилась этому приказу, некоторые пытались бежать морем (но Кун, предвидя такую возможность, распорядился сжечь все прибрежные деревни и находящиеся в них лодки), большинство же присоединилось к укрывавшимся в горах Восточного Лонтора [158, с. 229].

В апреле 1621 г. Маринус Сонк, назначенный губернатором островов Банда, начал новое наступление на Восточном Лонторе. Селение Селаман и Вайра были захвачены. Основная часть повстанцев, однако, укрепились в неприступных горах, возвышавшихся над этими селениями. Здесь они могли бы долго выдерживать натиск даже вооруженных по-европейски войск, если бы в этих диких местах было бы хоть какое-нибудь продовольствие. Жители Селамана тайно снабжали повстанцев тем немногим из еды, что осталось у них самих, но голландцы вскоре обнаружили на одной из горных троп зерна просыпанного маиса и риса. Жителям Селамана было приказано немедленно отправиться на берег, где их ожидала дальнейшая депортация. Когда они замешкались, выполняя это приказание, селение было окружено и сожжено. Большая часть жителей погибла вместе с ним [132, с. 195].

2 мая 1621 г. капитан Кольф с 220 солдатами двинулся на разведку в горы. Здесь ему преградил путь целый ряд укреплений на склонах. У повстанцев были и пушки. Потеряв под огнем банданцев более 40 человек убитыми и ранеными, Кольф отступил.

Это поражение привело Куна в ярость. Он сорвал свою злобу на банданцах, добровольно явившихся в форт Нассау. Забыв о данных им гарантиях, он приказал отправить 749 рядовых общинников в Батавию и продать их там в рабство. Старейшин же, числом 47, он приказал пытать. Двое из них умерло под пытками, один прыгнул за борт корабля и утонул, 44 остальных 8 мая 1621 г. были зарублены состоявшими при Куне японскими палачами [242, с. 149—150].

На следующий день, 9 мая 1621 г., старейшины острова Пуло Рун подписали с голландской Компанией договор, ставивший этот остров под управление Голландии. В обмен на отказ от покровительства англичан (у которых после этого осталась только батарея на рифе Найлака, к северу от острова Пуло Рун) жителям острова было разрешено оставаться на своих местах. Впрочем, ненадолго. Вскоре губернатор островов Банда Сонк под тем предлогом, что жители Пуло Рун якобы хотят бежать на Серам, напал на остров, убил всех его взрослых жителей, а детей продал в рабство. Кун, узнав об этом, выразил свое одобрение [242, с. 154].

В июле 1621 г. наступил последний акт трагедии Лонтора. Губернатор Сонк во главе большого отряда снова двинулся в горы. На этот раз его никто не встретил огнем. Позади укреплений в лагере повстанцев он обнаружил 1500 могил и множество непогребенных трупов. Все умерли от голода. Прочесывая леса Лонтора и других островов, голландцы еще некоторое время то там, то здесь наталкивались на небольшие группы укрывшихся банданцев. Почти никто не сдавался живым, многие бросались в пропасть. Впрочем, сдавшихся в плен голландцы убивали. Из 15 тыс. жителей архипелага только 300 смогли, ускользнув от голландских патрульных кораблей, добраться в лодках до Серама. Целый народ прекратил свое существование. Его земли были разделены между служащими голландской Компании. Рабы, купленные в разных частях Индонезии для работы на мускатных плантациях, стали предками нынешнего населения архипелага Банда [132, с. 196; 158, с. 229; 262, с. 88].

Общественное мнение Голландии было потрясено зверской расправой с банданцами. Голландия в это время была самой свободной страной Европы. Здесь находили укрытие преследуемые за свои убеждения, здесь огромными тиражами печатались памфлеты против тирании и насилия феодальных правительств во всех концах света, для голландской прессы практически не существовало понятие «цензура». Недавно закончилась национально-освободительная война, в которой голландский народ страшно пострадал от зверств испанских войск во главе с герцогом Альба. Аналогии с событиями этой войны были слишком очевидны для современников. Вернувшийся в Голландию сослуживец Куна Аэрт Гиселс писал: «Мы должны понять, что банданцы боролись за свободу своей страны точно так же, как мы в течение долгих лет отдавали наши жизни и средства в защиту свободы нашей страны. Им можно было бы оказать больше справедливости. Но этого не было сделано, ибо некоторые люди хотят, чтобы их имена запомнили до конца времен. Потомство, однако, осудит их, как были осуждены испанцы за их жестокость в Вест-Индии... Дела велись таким преступным путем, что кровь несчастного народа вопиет к небесам о возмездии...» [263, с. 141]. Под давлением общественного мнения даже Совет семнадцати вынужден был пожурить Куна и высказать пожелание, чтобы в дальнейшем он проводил свою политику более умеренными средствами [38, с. 211]. События на Банда, однако, стали эталоном поведения не только Голландии, но и других буржуазных государств — Англии, Франции, США — на Востоке. Свободы, завоеванные в метрополии, ни в коей мере не распространялись на колонии. С течением времени к этому привыкли, и дальнейшие «подвиги» колонизаторов уже не вызывали у них на родине такой острой реакции, как трагедия островов Банда.

Покончив с банданцами, Кун приступил к укреплению голландской власти на остальных островах Пряностей. Прибыв на Амбон, он приказал явиться сюда старейшинам всех мест, производящих гвоздику. Старейшины Амбона исполнили это требование, а старейшины Серама, помня о событиях на Банда, решили не искушать

судьбу. Кун приказал амбонцам подписать с голландской Компанией новый договор, лишивший их последних остатков независимости, и уехал в Батавию, дав указание губернатору Амбона Герману ван Спеулту применить против «непокорного» Серама (в случае надобности) те же методы, что на островах Банда.

Южный Серам в это время был вассальным владением султана Тернате. От имени тернатского султана власть здесь осуществлял его наместник—Кимелаха Хидаят. Северный Серам занимали независимые общины. Серамцы, так же как и жители Амбона, издавна продавали гвоздику в обмен на продовольствие и ткани. Голландская политика истребления местного мореходства задевала Серам так же, как и остальные острова Пряностей. После прибытия на северо-восточный Серам нескольких сот спасшихся от истребления банданцев антиголландские настроения здесь достигли своего апогея. Население стало вооружаться. Антиголландское движение вскоре охватило и Южный Серам. Хидаят, внешне нейтральный, тайно поддерживал антиголландские акции. Для подавления серамцев ван Спеулт помимо голландских войск воспользовался и индонезийскими наемниками. Его карательную экспедицию на Серам сопровождало 30 местных судов (прау) с солдатами вспомогательного войска из амбонских христиан (впоследствии голландцы не раз использовали религиозную рознь народов Индонезии). Войска ван Спеулта в первую очередь напали на селение Лисалата на северном берегу Серама и полностью уничтожили его. Неподалеку был воздвигнут голландский форт, ставший опорным пунктом дальнейшей агрессии голландской Компании на Сераме. Затем голландский террор обрушился на другие местности Серама и прилегающих островов, жители которых были насильственно переселены на Амбон. Их гвоздичные плантации были разорены [242, с. 155].

На Молукки, где также сложилось крайне напряженное положение, Кун послал нового губернатора, ветерана голландской Компании Фредерика Хоутмана. Прежний губернатор Молукк Лам, по мнению Куна, не справлялся со своими обязанностями и вел слишком мягкотелую политику. Лам считал ошибочным полное изгнание местных купцов с Молукк. Он требовал также повысить чрезвычайно низкие закупочные цены голландской Компании, потому что в ответ на это тернатцы резко снизили производство гвоздики (ее выращивание теперь не окупалось). За подобный либерализм Лам был с позором отозван в Батавию. Фредерик Хоутман, опираясь на силу голландских фортов и флота, сразу повел на Молукках такую жесткую политику, что значительная часть тернатцев решила выселиться на остров Хальмахеру, где по крайней мере было много саговых пальм и не так остро стоял вопрос о пище. Постоянно патрулирующие Тернате голландские корабли, однако, пресекли эту попытку. Доведенный до крайности, султан Тернате был готов даже на сотрудничество со своим давним врагом — Испанией. Когда в мае 1623 г. испанцы высадили на Тернате значительные силы и построили здесь новое большое укрепление, султан заключил с ними перемирие [242, с. 156].

Установлению полного контроля голландской Компании над урожаем островов Пряностей помимо небольших испанских анклавов на Тидоре и Тернате мешало также существование английских факторий на Амбоне и Сераме, которое голландцы вынуждены были допустить в силу договора от 17 июля 1619 г. Едва эти фактории начали в 1621 г. функционировать, как Кун стал подыскивать предлог для их ликвидации. Первым таким предлогом стало слабое участие англичан в так называемом флоте обороны. После первого совместного набега на Филиппины в 1620 г. англичане еще только один раз, в 1621—1622 гг. участвовали вместе с голландцами в походе против Гоа, окончившемся неудачей. Когда Кун в апреле 1622 г. с большой эскадрой отправился из Батавии к берегам Китая, англичане дали ему в помощь только два корабля [113, с. 230; 115, с. 218].

Китай в это время был закрытой для европейцев страной. Торговля с Западом велась только через португальскую колонию Макао. Кроме того, каждый год значительный флот большегрузных джонок (на них иногда помещалось по несколько сот

человек команды и пассажиров) приходил из Китая в важнейшие порты Индонезии, Малайи и Сиама.

Кун стремился вырвать крайне доходную торговлю между Китаем и Юго-Восточной Азией из рук португальских и китайских мореходов. Первым шагом в выполнении этой программы стала попытка захватить Макао в июне 1622 г. Эта португальская крепость была сильно укреплена, и штурм, предпринятый союзниками 24 июня, был отбит с огромными для них потерями. После этого англичане потеряли интерес к дальнейшим авантюрам и ушли. Кун, скорее довольный, что избавился от этой символической помощи, оставив часть флота блокировать Макао, с остальными силами отправился на Пескадорские острова, принадлежавшие Китаю, и здесь, у селения Пеху, начал возводить крепость [242, с. 219].

Губернатор Амоя заявил Куну энергичный протест, требуя немедленно покинуть Пескадоры. Кун не стал дожидаться, пока китайцы соберут силы, чтобы его изгнать, и напал на Китай первым. Восемь голландских кораблей были посланы, чтобы жечь прибрежные селения Южного Китая и уничтожать все встречные китайские суда. Губернатором Пескадорских островов был назначен Мартин Сонк, отличившийся при истреблении банданцев. Только в августе 1624 г. губернатор Амоя сумел стянуть к Пескадорам значительный флот—118 судов с экипажем 10 тыс. человек. Последовали переговоры, в ходе которых голландцы согласились снести свой форт и уйти с Пескадорских островов. Камни и прочие строительные материалы после разборки форта они тут же перевезли на Тайвань, где соорудили из них новую крепость — форт Зеландия. Голландский контроль над Тайванем держался до 1661 г. Голландская Объединенная Ост-Индская компания, опираясь на эту базу, заставляла китайские суда плавать главным образом на Тайвань или в Батавию, но открыть порты материкового Китая для голландских кораблей ей так и не удалось [242, с. 221—224]. Между тем в Индонезии подошел к концу краткий период англо-голландского сотрудничества. 2 февраля 1623 г. Кун выехал в Голландию. Во время его четырехлетнего отсутствия обязанности генерал-губернатора выполнял его ставленник, бывший генеральный директор торговли Питер де Карпантье, во всем продолжавший политику Куна. Возможно, еще до отъезда Куна они сумели наметить с Германом ван Спеултом, губернатором Амбона, план, как покончить с английской проблемой.

23 февраля 1623 г. на Амбоне был арестован японский солдат, состоявший на голландской службе, который якобы собирал сведения о силе гарнизона амбонской крепости Виктория и времени смены караула. При допросе под пыткой он показал, что его подослал другой японец, ранее бывший на английской службе. Тот-де обещал ему награду за помощь англичанам в захвате форта Виктория. Этот второй японец был немедленно схвачен и также подвергнут пытке. Он дал еще более пространные показания — указал сумму награды (по 1 тыс. реалов каждому) и срок, когда будет захвачена крепость по английским планам. Эти «разоблачения» дополнил европейский цирюльник Абель, уже сидевший за поджог дома. Он заявил, что именно ему глава английской фактории Габриэль Тауерсон поручил поддерживать связь с японскими шпионами. Вслед за этим был арестован весь персонал английской фактории. Арестованные под пыткой признались во всем, что от них требовали. Несмотря на явную абсурдность обвинения, 10 англичан, 10 японцев и 1 португалец — все служащие английской Ост-Индской компании — были приговорены 3 марта 1623 г. к смертной казни. По протоколу их следовало бы отправить в Батавию для утверждения приговора в высшей инстанции — Совете Индии, но ван Спеулт явно опасался, что в Батавии, в присутствии английского руководства, обвиняемые могут изменить показания, и 10 марта 1623 г. все они были повешены в форте Виктория [132, с. 152; 158, с. 232; 263, с. 140].

Когда в Батавию прибыли двое уцелевших служащих английской фактории, которые были «помилованы», с тем чтобы увезти с Амбона имущество английской Компании (а ликвидация фактории и была главной целью процесса), английские члены

Совета обороны пришли в ярость и потребовали суда над ван Спеултом. Но Карпантье твердо встал на его защиту, а впоследствии действия ван Спеулты были оправданы и Генеральными штатами⁶. Тогда английское руководство решило покинуть Батавию и вернуть свой торговый центр в Бантам. Но этот план был тогда нереален, поскольку морская блокада Бантама силами голландской Ост-Индской компании все еще продолжалась. Англичане решили укрепиться на одном из островов в проливе Сунда, чтобы создать там Анти-Батавию. Но Карпантье, имевший осведомителей в английской фактории, опередил их. Он быстро построил крепость на наиболее подходящем для этого острове пролива — Пуло Себести. Англичанам пришлось обосноваться в 1624 г. на другом острове — Лагунди. Едва начали строить крепость, как выяснилось, что микроклимат здесь очень нездоров и к тому же нет воды. За пять месяцев от болезней умерло 360 человек, а оставшиеся так ослабли, что не могли защищаться от набегов суматранцев. В мае 1625 г. они снова попросились на жительство в Батавию. Карпантье предоставил им под жилье здание школы. В 1627 г. англичане окончательно покинули Батавию. Руководство английской Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии с 1627 по 1682 г. сделало своей штаб-квартирой Бантам. Все позиции англичан на островах Пряностей были утрачены [38, с. 212; 242, с. 162].

Жители островов Пряностей потеряли теперь возможность покупать оружие у англичан, но их воля к сопротивлению не была сломлена. В 1624 г. началось новое антиголландское восстание на Сераме. Общины Южного Серамы — Лусисала, Луху и Камбела объединились и внезапно атаковали голландский форт Хардевейк. Голландцы с трудом удержали крепость. Только в апреле 1625 г., когда из Голландии прибыл новый флот из 13 кораблей, губернатор Амбона перешел в наступление. Голландцы взяли штурмом Луху и другие малые укрепления на Южном Сераме, сожгли все местные суда, которые им удалось встретить. Затем они вырубili на Южном Сераме не менее 65 тыс. гвоздичных деревьев. Тернатское правительство — сюзерен Южного Серамы заявило протест против этой варварской расправы. После долгих переговоров тернатский наместник на Южном Сераме кимелаха Лелиато подписал с голландцами договор о прекращении военных действий. Он обещал, что серамцы будут впредь поставлять гвоздику только голландской Компании [96, т. I, с. 209—210].

Между тем Кун в Голландии пожинал плоды своих «подвигов» на службе голландской Ост-Индской компании; правление пожаловало ему 7 тыс. гульденов за завоевание Джакарты, 3 тыс. за завоевание островов Банда и 10 тыс. «за особые заслуги». Сверх того он получил золотую цепь с мемориальной медалью стоимостью 2 тыс. гульденов, а его жалованье было повышено до 800 гульденов в месяц. Сам Кун, впрочем, считал это вознаграждение недостаточным. Ведь он привез в Гаагу развернутый план создания голландской империи на Востоке, которая, по его мнению, должна была принести голландской Ост-Индской компании миллионные прибыли. В октябре 1623 г. Кун представил Генеральным штатам и Совету семнадцати доклад, в котором доказывал, что опора только на флот и дорогостоящие гарнизоны крепостей, рассеянных в Южных морях, неэкономична и не может обеспечить в должной степени голландского господства в Юго-Восточной Азии.

Согласно подсчетам Куна, Компания изстратила в 1613—1623 гг. 9396 тыс. гульденов, а доход от товаров, привезенных в Голландию, составил 9388 тыс. гульденов, поскольку Компания в эти годы не только осталась без доходов, но и понесла убыток в 8 тыс. гульденов (однако по другим сведениям средний годовой доход Компании в 1602—1622 гг. составлял 15%) [132, с. 142]. Кун считал, что, если его план будет осуществлен, Компания не только покроет все расходы, но и будет получать 5 млн. гульденов прибыли

⁶ «Резня на Амбоне», как стали называть мартовские события 1623 г., на многие десятилетия стала козырным тузом английской Ост-Индской компании в антиголландской пропаганде. Она послужила одним из предлогов как для первой, так и для второй англо-голландских войн. Только в 1667 г. по мирному договору в Бреда Генеральные штаты выплатили 3615 ф. ст. компенсации наследникам казненных [132, с. 153].

от внутриазиатской торговли и еще 5 млн. гульденов при условии вовлечения в торговлю Китая. Для этого необходима массовая колонизация завоеванных земель «почтенными людьми с хорошими средствами». Компания подарит этим колонистам землю, плодовые деревья и рабов для ведения хозяйства. Кроме того, она будет продавать этим колонистам патенты на свободную торговлю внутри Южных морей, от мыса Доброй Надежды до Японии. Доходы от этой торговли могут окупить расходы на военный флот и даже на покупку пряностей для Европы. Кроме того, колонисты станут значительной военной силой, готовой всегда поддержать Компанию во всех ее начинаниях.

Это ядро европейских поселенцев Кун предполагал усилить колонистами из Мадагаскара, Бирмы, Китая. В случае же нехватки волонтеров (Кун особенно надеялся на китайцев, которых ценил за трудолюбие) он предлагал просто похищать в азиатских странах нужное число людей. Будучи чужеродным элементом среди местного индонезийского и филиппинского (Кун планировал также захват Филиппин) населения, эти люди поневоле должны будут поддерживать голландскую Компанию, если им предоставят некоторые привилегии. Конечной целью Куна было полное уничтожение всего азиатского и европейского (кроме голландского) мореходства в Южных морях, что принесло бы Компании планируемые Куном прибыли [263, с. 135].

Грандиозный план Куна вызвал возражения с двух сторон. Трезвомыслящий Реаль (предшественник Куна на посту генерал-губернатора) писал: «Это что же — намерение овладеть всей территорией, всем мореходством и даже всем сельским хозяйством в Индиях! Если так, то на что будут жить индийцы (азиаты.— Э. Б.)? Вы их перебьете или заморите голодом? Вы не получите от этого никакого дохода, ибо на пустых морях, на пустых землях и от мертвых людей много ли прибыли можно получить? Силой оружия вы осуществите ваши планы получить монополию на торговлю в Индиях, которая кажется вам прекрасной. Вы не содрогнетесь, используя все несправедливые, даже варварские, средства. Но, таким образом, Компания может стать причиной своей собственной гибели... Компания, напротив, должна пытаться расширять туземную торговлю» [263, с. 137].

С другой позиции подошла к плану Куна значительная часть директоров и пайщиков Компании. Их не волновали вопросы гуманности, но они опасались, что свободная торговля колонистов даже внутри региона понизит доходы Компании. Только в октябре 1624 г. Куну удалось добиться от Совета семнадцати утверждения инструкции о выделении земли колонистам и о том, что врейбюргеры (свободные граждане) смогут получать разрешение на свободную торговлю на Востоке. Голландским семьям, желавшим поселиться в колониях, предоставлялся свободный проезд на судах Ост-Индской компании [242, с. 167—171].

Но в декабре 1624 г. на собрании пайщиков эта инструкция была аннулирована. Борьба между сторонниками и противниками частной инициативы тянулась до марта 1626 г., когда Совет семнадцати отложил решение вопроса о свободной торговле «до выяснения ситуации». Этот вопрос так и не был решен за все время существования Компании. Врейбюргерам было разрешено вести на землях Компании плантационное хозяйство, но весь урожай пряностей они должны были продавать по фиксированным ценам представителям Компании.

вынужден сесть на корабль, отходящий в Индонезию, тайно, так что об этом не знал даже адмирал, командующий эскадрой. Только шесть, дней спустя, 25 марта 1627 г., Карлтон получил донесение об отплытии Куна и потребовал объяснений от Генеральных штатов. Голландское правительство ответило, что ему ничего об этом неизвестно, а разрешение на выезд Куну не выдавалось. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1627 г., когда Кун благополучно достиг Индонезии и вновь вступил в должность генерал-губернатора, Карлтон снова обратился к Генеральным штатам и потребовал отозвать Куна в Голландию. На это он получил издевательский ответ: «Обратитесь к амбонскому суду, так как дело о казни англичан входит в его компетенцию» [242, с. 172—173].

К моменту приезда Куна в Батавию Бантам все еще был сдавлен голландской морской блокадой. Молодой султан Абдул Кадир, избавившийся наконец от регента Ранамангалы, решил нанести голландцам ответный удар. В лесах, окружающих Батавию, появились бантамские отряды, у берегов и даже на рейде Батавии быстроходные бантамские прау стали наносить внезапные удары по голландским кораблям, так же стремительно после этого исчезая. 24 декабря 1627 г. значительный бантамский отряд атаковал Батавскую крепость. Группа бантамских воинов пробилась даже в цитадель, но не смогла в ней закрепиться. Окруженные превосходящими силами врага, бантамцы прибегли к амоку и пробились обратно за стены города, усеяв свой путь трупами голландских солдат. Кун усилил гарнизон Батавии, построил в окрестностях города ряд передовых укреплений и создал специальные кавалерийские подразделения, которые должны были преследовать бантамских партизан. Борьба с Бантамом была далеко еще не закончена, когда для голландцев возникла угроза со стороны другого, более мощного противника — Матарам [158, с. 235; 242, с. 173—174; 263, с. 142].

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания в первой четверти XVII в.

В последней четверти XVI в. во внутренней части Центральной Явы в бассейне рек Опак и Прага, впадающих в Индийский океан, возникло государство Матарам. Свое имя оно унаследовало от раннесредневекового индонезийского государства Матарам, гегемония которого над Явой относится к периоду около 1000 г. н. э. Начало новому Матараму положило поселение, основанное в середине XVI в. близ развалин древней столицы Ки Паманаханом, капитаном дворцовой гвардии султана Паджанга. Эту землю он то ли получил в дар от султана за свои военные подвиги, то ли просто занял самочинно, потому что в то время это был бесхозный, практически незаселенный участок джунглей. Постепенно округляя свои владения, Ки Паманахан к моменту своей смерти, в 1584 г., владел небольшим княжеством. Ки Паманахану наследовал его сын Сутавиджайя, вошедший в историю под именем Сенапати Ингалага — Предводитель в борьбе [133, с. 4; 209, с. 22].

Сенапати, так же как и его отец, не был связан с правившим на Яве княжеским кланом ни узами родства, ни узами брака. Правители отдельных областей рыхлого феодального образования во главе с султаном Паджанга считали его выскочкой. Но Сенапати был энергичен, обладал большим дипломатическим и воинским талантом. Первый шаг к возвышению он сделал в 1585 г., когда уговорил правителей двух небольших княжеств — Кеду и Багелена, расположенных к западу от Матарам, не посылать больше дани в Паджанг, а признать своим сюзереном его, Сенапати. Затем он укрепил свой город каменными стенами и сам перестал посылать традиционную дань в Паджанг [132, с. 101; 133, с. 72].

Разгневанный султан Паджанга Ади Виджайя потребовал у Сенапати объяснений. Но тот устроил посольству султана пышный прием и, завоевав расположение сына Ади Виджайи — Пангерана Бенава, стоявшего во главе посольства, сумел оттянуть вооруженный конфликт до более удобного для себя времени. В 1587 г., укрепив свои

позиции, Сенапати дерзко напал на отряд паджангских воинов, конвоировавших опального вельможу, которого султан отправил в ссылку. Освободив этого аристократа и пригласив его к своему двору, он бросил теперь уже открытый вызов Ади Виджайе. Султан, собрав армию, выступил в поход на взбунтовавшегося вассала. Противники встретились у Прамбанана. Если верить поздней матарамской летописи, «войска Паджанга заняли всю землю, а у Сенапати было только 800 человек» [114, с. 101]. Неравенство противников несомненно очень преувеличено придворным летописцем победившей династии, но в том, что армия султана значительно превосходила по численности войско Сенапати, сомневаться не приходится. Это видно по тактике Сенапати. Не вступая в открытый бой и умело маневрируя, он стал поджигать лес на путях движения султанской армии. Рискаю оказаться в огненном кольце, Ади Виджайя поспешил отступить в Паджанг [209, с. 30]. Дальнейшие события матарамская летопись «Бабад Танах Джази» излагает очень туманно: «Сенапати сидел ночью... и молился,— сообщает летописец.— Вдруг появился дух по имени Джурутаман, который любил Сенапати... Джурутаман сказал: „Господин! Если ты хочешь завоевать Паджанг и погубить султана, прикажи мне только, я лишу его жизни“. Сенапати сказал: „Джурутаман! Я верю тому, что ты сказал, но я не сделаю выбора. И если ты избереешь путь действия, я не скажу тебе ни да, ни нет"» [132, с. 101—102]. Не нуждаясь в дальнейших поощрениях, Джурутаман помчался в кратон (дворцовый комплекс) Паджанга, а Сенапати вернулся в Матарам. Джурутаман невидимкой проник в кратон и ударил лежащего на постели Ади Виджайю в грудь. От этого болезнь, которой тот страдал, обострилась и султан вскоре умер [133, с. 87].

Если отбросить мистический элемент, нетрудно заключить, что Ади Виджайя был отравлен тайным агентом Сенапати. Заботясь о своей репутации, Сенапати поспешил на похороны в Паджанг, где рыдая целовал ноги покойного. После похорон Ади Виджайи правящий клан собрался на совет, чтобы избрать нового султана. Сенапати все еще никто не принимал во внимание. Султаном Паджанга был избран пользовавшийся поддержкой мусульманского духовенства зять Ади Виджайи князь Демака — Арья Пангири. Сын Ади Виджайи — Пангеран Бенава получил в удел княжество Джипанг [132, с. 102; 158, с. 157].

Отстранение от власти прямого наследника стало началом раздора, который вскоре расколол правящий клан Явы. К тому же князья убедились, что прогадали, предпочтя пассивному и простоватому Пангерану Бенаве энергичного и властолюбивого Арья Пангири. Этот последний стремился ликвидировать патриархально-феодальную форму власти совета родственников с тем, чтобы править как единоличный властитель-деспот. Для этого он пригласил к себе на службу большое число иностранных наемников — балийцев, бугов, китайцев и, опираясь на них, отнял у местных феодалов треть земель. На землях султаната Паджанг началось всеобщее волнение. Сенапати ловко использовал создавшуюся ситуацию и убедил Пангерана Бенаву отправиться в поход за наследием отца. В защиту «легитимного государя» теперь поднялись и другие князья, но захвативший инициативу Сенапати стал вождем коалиции. В 1588 г. наемная армия Арья Пангири потерпела поражение, а сам он был взят в плен. Клановые традиции не позволяли казнить родственника, поэтому Арья Пангири связали ноги шелковой тканью и отправили на носилках в его родовой удел — Демак [133, с. 92—94; 242, с. 102].

Пангеран Бенава был посажен на паджангский трон, но старые порядки уже не вернулись. Новый султан стал марионеткой в руках Сенапати, который хитростью или силой подчинил себе большую часть мелких центральновосточных князей и располагал теперь большой армией. Первым это почувствовал Арья Пангири. Когда в конце 1588 г. войска Сенапати вторглись в его княжество, он, не принимая боя, бежал в Бантам, где и провел остаток жизни при дворе дальнего родственника. В 1589 г. сошел со сцены и Пангеран Бенава. Он отрекся от престола и стал жить как отшельник.

Сенапати объявил Паджанг провинцией Матарам и посадил туда своего губернатора, но вскоре понял, что поспешил. Эта мера оказалась настолько непопулярной

в феодальных кругах, что в 1591 г. Сенапати снова вернул Паджангу статус княжества и посадил там в качестве своего вассала сына Пангерана Бенавы. Этот князь, хотя тоже был марионеткой, удержался на своем месте до 1617 г., когда династия Сенапати перестала уже нуждаться в соблюдении декорума. Сенапати до самой смерти так и не принял титул султана. Он, как и его сын Седа Инг Крапьяк (1601—1613), ограничился более скромным титулом — панембахан. Консолидируя свои владения на Центральной Яве, Сенапати распространил свою власть на западе до границ княжества Чиребон. В 1590 г. он заключил союз с князем Чиребона. Чиребон на долгие годы стал буферным государством между Матарамом и султанатом Бантам.

На востоке и северном побережье Явы объединительная политика Сенапати встретила, однако, гораздо более упорное сопротивление. Восточнояванские княжества, самым сильным из которых была Сурабая, не признали правителя-«выскочку». Портовые города-государства Северной Явы — Джапара, Тубан, Гресик и другие, слабо связанные с экономически отсталыми районами внутренней Явы, на которые опирался Сенапати, также заняли враждебную позицию по отношению к Матараму. В 1589 г. Сенапати совершил первую попытку завоевания Восточной Явы. Он вторгся в область Джапан (совр. Маджакерта), где его войскам преградила путь коалиция восточных князей во главе с правителем Сурабаи Адипати. До генерального сражения, однако, дело не дошло. Князь-мулла духовного княжества Гири, которого европейские современники называли «мусульманский папа», предложил противникам свое посредничество. Согласно яванской летописи, он загадал им загадку — предложил сделать выбор между шкатулкой и содержащимися в ней драгоценностями. Сенапати выбрал шкатулку, и на основании этого князь-«папа» Гири якобы объявил его верховным правителем Явы (кому принадлежит шкатулка — тому принадлежит и содержимое). После этого, по словам летописца, князь Сурабаи признал номинальное верховенство Сенапати, и войска противников вернулись в свои земли [132, с. 103; 133, с. 104]. Эта история скорее всего является измышлением матарам-ских летописцев XVII—XVIII вв., имевших целью лишний раз подчеркнуть легитимность притязаний Сенапати на верховную власть. Чтобы свести концы с концами в дальнейшем изложении событий, они сами сообщают, что князь Сурабаи почти тут же «передумал» и борьба между Центром и Востоком Явы возобновилась с новой силой. В рассказе о третьей войне князя Гири имеется, однако, рациональное зерно. Духовные владыки Гири в XVI — первой половине XVII в. действительно пользовались на Яве огромным авторитетом и действительно могли агитировать за объединение страны против политического и религиозного врага — европейцев-христиан.

В 1590 г. против Сенапати выступил князь Мاديуна, который раньше тоже вроде бы признавал номинально власть Матарам. Ему оказали военную поддержку князь Панарукана и Сурабаи. Сенапати лишний раз доказал, что в арсенале его средств дипломатия играла ничуть не меньшую роль, чем военное искусство. Он направил в Мاديун женщину-посла. Посланница сообщила князю Мاديуна, что Сенапати готов ему подчиниться. Завоевав расположение князя, она добилась частичного разоружения Мاديуна. После этого войско Сенапати нанесло короткий удар по Мاديуну и овладело его столицей. Князь Мاديуна, пытаясь бороться с Сенапати тем же оружием, оставил во дворце свою дочь, полагая, что она сможет одурачить матарамского правителя так же, как был одурачен ее отец. Но Сенапати был человеком другого склада. Он просто взял княжну в жены. Так как это был первый брачный союз Матарамского дома со старым правящим кланом Явы, матарамская пропаганда извлекла из него максимальную выгоду [209, с. 32].

В следующем году Сенапати выступил в поход против восточнояванского княжества Пасуруана, второго по силе после Сурабаи. Сенапати разбил в чистом поле пасуруанское войско под командованием генерала Адипати Капитена, которого, согласно летописи, он лично выбил из седла, но взять сильно укрепленную столицу Пасуруана не смог.

В 1592 г. Сенапати воспользовался династическим спором в княжестве Кедири, где боролись за власть братья только что умершего князя. Сенапати поддержал старшего из этих братьев, которого тоже звали Сенапати. Младший брат, в свою очередь, призвал на помощь сурабайцев, своих союзников. В итоге восточный блок одержал победу и Сенапати Кедирийскому пришлось бежать в Матарам. Здесь он оказал большие услуги своему тезке, как искусный специалист по военной фортификации и талантливый полководец [114, с. 103].

В 1593—1595 гг. перевес сил оказался на стороне Сурабаи и ее союзников, и они начали наступление на Центральную Яву. Вершиной их успеха стал захват большей части территории Паджанга и Маджуна, но собственно Матарам остался в руках Сенапати. После ряда тяжелых боев, в одном из которых пал Сенапати Кедирийский, Сенапати Матарамскому удалось восстановить прежнее положение. В конце XVI в. он уже был в состоянии начать новое наступление сразу по нескольким направлениям. В 1598 г. он впервые вторгся в Бантам, на троне которого в это время находился двухлетний ребенок — султан Абдул Кадир. Однако регент Бантама Ранамангала отразил это нападение. В том же году Сенапати осадил крупнейший порт Северной Явы Тубан, но осада, длившаяся более года, также не дала результата. Более удачным оказался поход против северояванского порта Джапара. В 1599 г. Джапара капитулировала. Через этот порт стал возможным вывоз риса, практически единственного товара, которым располагал Матарам. Однако участие Матарама в конце XVI — начале XVII в. в международной морской торговле было незначительным. Голландцы, которые в последние годы правления Сенапати появились на Яве, ничего о нем не слышали, зато им были хорошо известны правители Тубана и Сурабаи; они называли их королями [106, с. 32—33; 132, с. 104; 133, с. 123—125].

Новые попытки Сенапати завоевать Восточную Яву оказались безрезультатными. Здесь из конгломерата независимых княжеств стало вырастать новое крупное государство, во главе которого стал князь Сурабаи, в 1599—1601 гг. подчинивший себе Пануракан и Баламбанган. Под контроль Сурабаи попала часть Маджур и Южный Калимантан. Сенапати в это время вынужден был бороться со своим шурином князем Пати, последним независимым владельцем на Центральной Яве. Войско князя Пати дошло в 1600 г. почти до столицы Матарама, но здесь потерпело поражение от кавалерии Сенапати. Контрнаступление матарамцев не было успешным, и Пати сохранило свою самостоятельность до 1627 г. [233, т. I, с. 46—47].

В 1601 г. Сенапати умер. Его государство осталось во многих отношениях недостроенным. На престол взошел младший сын Сенапати Седа Инг Крапьяк. Старший сын Сенапати — Пангеран Пугер получил в удел лишь княжество Демак, ибо его мать была женщиной незнатного происхождения. Третий сын Сенапати — Пангеран Джагарага получил в удел княжество Панарага, расположенное к югу от Маджуна. Сохранение удельной системы при наследниках Сенапати стало питательной почвой для феодальных мятежей, которые раздирали молодое государство Матарам долгие годы, не давая возможности Седа Инг Крапьяку собрать силы для борьбы с Сурабаей. Уже в первый год правления молодого государя Пангеран Пугер заявил свои права на престол Матарама. Опираясь на ресурсы Демака и помощь Сурабаи, он пять лет вел против своего брата опустошительную войну. Голландский адмирал Якоб ван Хеерскерк, посетивший со своей эскадрой в 1602 г. порты Демака и Сурабаи, вступил в сношения с претендентом и оказал ему военную помощь. Наступление матарамцев на Демак в этом году было отбито в значительной степени благодаря огню голландских канониров. Только в 1605 г. мятеж Пангерана Пугера был подавлен, а сам он был отправлен в ссылку. Затишье в Матараме было недолгим. Вскоре против Седа Инг Крапьяка поднялся другой его брат, Пангеран Джагарата. Только в 1608 г. его удалось схватить. Так же как и его брат, он не был казнен, его отправили в ссылку. Правда, оба они были при этом лишены слуг — неслыханное унижение для яванских вельмож [132, с. 104—105; 209, с. 36].

Только в 1610 г. положение в Матараме стабилизировалось настолько, что Седа Инг Крапьяк смог возобновить войну с Сурабаей. В течение трех лет его войска вторгались на сурабайскую территорию, опустошая сельскую местность. В 1613 г. матарамцы приступили к осаде самой Сурабаи. Голландцы, уже имевшие факторию в Сурабае, решили не ссориться с возможным победителем и открыли в этом же году вторую факторию на матарамской территории — в Джапаре. Но прежде чем осада Сурабаи дала какие-нибудь результаты, Седа Инг Крапьяк погиб на охоте [134, с. 20].

На престол был возведен младший сын Седа Инг Крапьяка (возможно, несовершеннолетний) Адипати Мартапура. Однако несколько месяцев спустя новый государь был отстранен от власти под тем предлогом, что он страдает душевной болезнью. После борьбы в придворных кругах между кандидатами на трон к власти пришел старший брат Адипати Мартапуры принц Рангсанг, вошедший в историю как султан Агунг (впрочем, титул султана он принял только в конце своего правления).

Новый правитель в 1614 г. лично возглавил матарамские войска и совершил с ними глубокий рейд на Восточную Яву. Войска Агунга дошли до Балийского пролива и захватили огромную добычу. Рейд оказался неожиданным для восточнаяванских правителей. Только в конце 1614 г., когда войска Агунга уже возвращались назад, князья Сурабаи и Мадурь сумели организовать погоню, которая настигла матарамцев у реки Брантас. Укрыв трофеи за рекой, Агунг выступил навстречу преследователям и нанес им такое поражение, что они в панике бежали. Развивая успех, Агунг в следующем году осадил и взял штурмом Вирасабу — важную восточнаяванскую крепость на реке Брантас [132, с. 107; 134, с. 30—32].

Военные действия еще не закончились, когда к матарамскому двору прибыло первое голландское посольство во главе с Каспаром ван Цурком. Агунг гордо заявил послам: «Можете свободно торговать в моей стране, не платя никаких пошлин. Я не купец, как правители Бантама и Сурабаи, которые боятся вашей конкуренции» [107, с. 105]. В дальнейших компаниях голландский флот не раз поддерживал войска Агунга, а новый голландский посол Стевен Дуне, прибывший в Матарам в мае 1615 г., привез Агунгу в подарок 4 пушки [209, с. 38].

Примерно в это же время в Матараме верховный визирь Арья Мандура (выходец из мелких феодалов) вступил в конфликт с князем Паджанга, представителем старого правящего клана Явы. Арья Мандура добился отстранения князя Паджанга от власти над своим уделом. Тот, однако, не подчинился этому решению и, подняв восстание в Паджанге, призвал на помощь князя Сурабаи Сапанджанга и правителя Мадурь. В конце 1615 г. сурабайские и мадурские войска соединились в северояванском порту Ласем и отсюда начали наступление на Матарам. Но прежде чем они успели соединиться с князем Паджанга, Агунг разгромил этого мятежного феодала. Паджанг был взят и сровнен с землей. Жители были угнаны в Матарам, там их превратили в государственных рабов. Вскоре после этого Агунг отнял ряд высших административных постов у родовитых феодалов и отдал их военным. Сурабайцы и мадурцы вступили на территорию Паджанга, когда восстание уже было подавлено. У паджангского города Силаван Агунг преградил им путь и нанес восточнаяванским союзникам тяжелое поражение [134, с. 35; 215, т. I, с. 155].

В конце 1616 г. войска Агунга при поддержке голландского флота взяли и разграбили Ласем. Но в следующем году отношения Матарамы с голландской Компанией резко ухудшились из-за вызывающего поведения голландского резидента. Поэтому матарамские власти тепло встретили английское посольство, прибывшее в Джапару в 1617 г., и разрешили ему развернуть здесь деятельность своей фактории. В 1618 г. конфликт с голландцами обострился до такой степени, что Агунг приказал захватить голландскую факторию в Джапаре, а ее персонал арестовать и вывезти во внутренние районы Матарамы. В ответ на это Кун, как уже отмечалось, дважды — в 1618 и 1619 гг. — разгромил Джапару и стал ориентироваться на союз с князем Сурабаи и враждебным

Агунгу правителем Бали Деви Агунгом, который в 1616 г. подчинил своей власти восточнояванские княжества Баламбанган и Пануракан. Кун вновь открыл голландскую факторию в Гресике, находившемся под властью Сурабаи, и обещал князю Сапанджангу военную помощь [158, с. 216; 209, с. 37—39; 215, т. I, с. 153].

Тем временем Агунг продолжал свое наступление на Восточной Яве. В 1617 г. пала столица княжества Пасуруан, а князь Пасуруана бежал в Сурабаю. В 1619 г. Агунг осадил главный порт Восточной Явы — Тубан. Сурабая и Мадуре не смогли оказать тубанцам существенной поддержки. Тубан был взят штурмом и сильно разрушен, после чего он навсегда потерял свое прежнее значение.

В 1620 г. Агунг начинает серию походов непосредственно против Сурабаи. Первые две компании — в 1620 и 1621 гг. — кончились для него неудачно, потому что голландские корабли крейсировали вдоль Восточной Явы и прикрывали Сурабаю и Мадуре от нападения с моря. Тогда Агунг решил вступить в новые переговоры с голландской Ост-Индской компанией. Он освободил часть арестованных голландцев и в июне 1622 г. направил в Батавию посольство во главе с регентом (правителем) Тегала. Регент Тегала от имени Агунга предложил Куну военный союз против общего врага — Бантама. Куна и руководство Компании в Батавии, однако, не устраивал полный разгром Бантама. Они нуждались в нем, как в некоем противовесе растущей силе державы Агунга. Тем не менее они направили к Агунгу посольство во главе с Хендриком де Хааном, которое прибыло в столицу Матарам Карту 11 августа 1622 г. Военный союз против Бантама заключен не был, и все же Агунг в одностороннем порядке обещал поддерживать Батавию, в случае если на нее нападет Бантам, и передал де Хаану для вручения Куну свой личный крис. Матарам обязался бесперебойно поставлять в Батавию рис, а голландцы обещали больше не оказывать поддержки Сурабае и Мадуре [134, с. 78; 158, с. 241; 242, с. 157].

Теперь Агунг смог обрушиться на южнокалимантанское княжество Сукадану, вассала Сурабаи. После завоевания Сукаданы (правительница которой была увезена в Матарам) флот Агунга вернулся на Яву и атаковал Гресик, который был взят и разрушен в том же, 1622 г. В 1623 г. флот Агунга появился у берегов Суматры. Князя Джамби и Палембанга на Южной Суматре поспешили признать себя вассалами Матарам. Вассалом Агунга признало себя и княжество Чиребон на Западной Яве. В 1624 г. матарамские морские силы атаковали Мадуре. Князя Сампанга, Бангкалана и Суменепу, союзники Сурабаи, выступили на защиту своего острова, но потерпели тяжелое поражение. Правящие семьи Мадуре были истреблены либо вывезены в Матарам. Агунг оставил на Мадуре только князя Сампанга, которого он объявил своим наместником на острове. Реальная власть, однако, находилась в руках приставленного к наместнику матарамского губернатора. Воодушевленный этими успехами Агунг принял в 1624 г. титул сусухунан — «тот, кому все покоряются» [158, с. 216; 209, с. 39—40; 263, с. 129].

В конце 1624 г. началась осада Сурабаи. С суши ее осаждала 100-тысячная армия Агунга. Крейсировавшие в Мадурском проливе голландские корабли препятствовали подвозу продовольствия в город по морю. Агунг не мог взять сильное укрепленную Сурабаю штурмом, поэтому он решил взять город измором. Положение стало критическим, когда войска Агунга отвели реку, снабжавшую город водой. От голода и эпидемий в 1625 г. большая часть жителей Сурабаи умерла. Тогда старый, ослепший князь Сурабаи Сапанджанг решил капитулировать. Агунг сохранил ему жизнь и оставил доживать век в Сурабае. Но у его династии была отнята даже номинальная власть над этим обширным княжеством. Сын Сапанджанга, Пангеран Пекик, был увезен в Матарам. Здесь Агунг выдал за него замуж свою сестру, но, так же как и другие представители старой знати, пангеран Пекик был обязан постоянно жить в столице Матарам [134, с. 93; 158, с. 216; 263, с. 129].

В следующем году, угрожая применением силы, Агунг заставил князя-«папу» Гири признать сюзеренитет Матарам, а в 1627 г. он напал на последнее независимое княжество

Центральной Явы — Пати. Князь Пати за три года до этого отсрочил нападение, заключив с Матарамом династический брак. Но теперь пришел и его черед. Он тщетно пытался найти опору в оппозиционных кругах при Матарамском дворе и поднять восстание в северных округах Явы. Агунг лично повел войско против Пати. Защитники Пати сражались до последнего. 20 тыс. воинов Пати пало в бою. Овладев городом, разъяренный Агунг приказал перебить все мужское население, включая пангерана и его семью. В 1627 г. процесс «собираения земель» Агунгом был в основном закончен. За пределами его владений остались только Бантам, Батавия и крайний восток Явы, находившийся под контролем Бали [158, с. 216; 209, с. 42].

Государство Матарам, как оно сложилось к тому времени, при Агунге состояло из трех зон, более или менее традиционных для всех яванских крупных государств. Первая зона — Негара или Негара Агунг, ядро державы, домен сусухунана; вторая зона — Манча Негара (Внешние провинции) делилась на северные, прибрежные — Пасисиран и провинции, лежащие к западу и востоку от домена; третья зона — Бангветан (Мадуро и крайний восток Явы, который был окончательно завоеван только к концу правления Агунга).

Первая зона находилась под непосредственным управлением сусухунана, во главе провинций второй зоны стояли ближайшие родственники сусухунана, во главе провинций третьей зоны — потомки старых правящих фамилий завоеванных княжеств. До и после Агунга (например, в конце XVII—XVIII в.) власть этих вассальных князей второй и третьей зоны была весьма велика, и они не раз выступали в качестве конкурентов по отношению к верховному правителю. Но при Агунге уровень централизации Матарама был гораздо выше, чем когда-нибудь прежде на Яве. При нем начало складываться государство нового для этой области типа, феодальная деспотия, подобная сложившейся примерно в это же время феодальной деспотии Прасат Тонгов в Сиаме.

Голландский историк Бернард Влекке не случайно сравнивал Агунга с Иваном Грозным [262, с. 93]. В деятельности обоих этих монархов террор против крупных феодалов играл весьма значительную роль. При Агунге все князья, номинальные главы провинций (бывших независимых княжеств), обязаны были жить только в столице и несколько раз в неделю являться на прием к сусухунану. Отсутствие на аудиенции было достаточным основанием для смертного приговора. Реальное управление Внешними провинциями осуществляли «заместители» этих принцев — присланные из центра губернаторы, люди незнатного рода. Каждый крупный феодал и чиновник получал в кормление определенное число деревень, но фискальный аппарат был отделен от других органов власти. В каждой податной единице существовали два сборщика налогов (два — для взаимного контроля), подчиненные непосредственно центру. Личная армия сусухунана, собиравшаяся на землях домена, была отделена от военных контингентов провинций, но каждый губернатор имел право вооружить только строго определенное число людей. Все административные должности были ненаследственными. Хотя, как правило, сусухунан за определенную мзду назначал на пост умершего чиновника одного из его сыновей, любой достаточно богатый человек мог перекупить эту должность. Для усиления контроля над провинциями во главе каждой группы провинций стояли два специальных комиссара с собственным контрольным аппаратом. Наконец, при Агунге был создан мощный корпус тайной полиции. Несколько тысяч ее агентов постоянно перемещались из одной местности в другую, изучая настроения населения. Они обладали огромными полномочиями, могли войти в любой дом или дворец и арестовать любого, на кого пало подозрение [106, с. 11 — 15; 158, с. 179—180; 263, с. 151 — 153; 280, с. 92—93].

Как свидетельствуют современные Агунгу голландские наблюдатели, в начале 20-х годов XVII в. различные проявления феодальной анархии в Матараме еще имели место [117, с. 22— 23]. Но постепенно центральная власть сумела свести их до минимума. Государство Агунга во второй половине 20-х годов XVII в. стало мощной державой, и сусухунан начал планировать создание общеиндонезийской империи в границах сред-

невекового Маджапахита. На пути к этой цели у него был только один серьезный противник — голландская Ост-Индская компания, так что, несмотря на кратковременный альянс в 1622—1625 гг., столкновение между Матарамом и Компанией стало неизбежным.

Восточная Индонезия в первой четверти XVII в.

Район к северу и востоку от Явы, объединяемый под общим названием «Восточная Индонезия», в начале XVII в. был разделен на ряд крупных и мелких государств. Север Калимантана находился под властью султаната Бруней. Западный Калимантан был поделен между княжествами Самбас, Ландак и Сукадана. На юге Калимантана находился султанат Банджар-масин. Западная часть Малых Зондских островов находилась под властью индуистского государства Бали. В восточной части Малых Зондских островов находилась зона влияния Португалии, закрепившейся на Тиморе. На Сулавеси наиболее влиятельным государством было княжество (впоследствии султанат) Гова с центром в Макасаре.

Проникновение голландцев в эту зону началось в 1600 г., когда на Калимантан прибыла эскадра адмирала Оливье ван Ноорта. Голландцев привлекали на Калимантане его традиционные богатства — золото, перец, камфора и алмазы. В то же время правители Калимантана, подвергавшиеся в начале XVII в. сильному давлению, как с юга, со стороны Матарама, так и с севера, со стороны испанцев, захвативших Филиппины, были заинтересованы если не в прямом военном союзе с Голландией, то по крайней мере в приобретении европейского оружия и сами искали контактов с голландцами.

Уже в 1604 г. султан Брунея направил посольство к голландскому адмиралу ван Варвейку, который в этот момент находился в Паттани, с приглашением посетить его государство. В том же году ван Варвейк направил одно судно своей эскадры в Сукадану, где вскоре была открыта голландская фактория [242, с. 191]. 1 сентября 1609 г. голландская Ост-Индская компания заключила торговый договор с князем Самбаса и Ландака (в этот момент два княжества были объединены) и открыла факторию в городе Самбас [96, т. I, с. 73—75]. В следующем году открылась голландская фактория в Банджармасине.

Вскоре, однако, между голландскими купцами и калимантанскими правителями начались серьезные конфликты. Видимо, поведение служащих голландской Компании стало слишком вызывающим. Уже в 1610 г. князь Самбаса напал на голландскую факторию в его столице и перебил весь персонал. В 1611 г. был убит голландский купец в Банджармасине. Воспользовавшись конфликтом голландской Компании с местными властями, на Калимантан стали проникать англичане. В 1611 г. они основали фактории в Самбасе и Сукадане, в 1614 г. — в Банджармасине [134, с. 278; 242, с. 192—193, 271, с. 104].

В 1612 г. у берегов Калимантана появилась голландская эскадра, которая подвергла бомбардировке Самбас и Банджар-масин. Торговые отношения с Самбасом в XVII в. уже не возобновлялись. До 1626 г. торговля голландцев с Калимантаном была сосредоточена в Сукадане. Но после того, как в 1626 г. Сукадана была взята матарамскими войсками, причем голландская фактория здесь сгорела, а служащие еле спаслись, голландская Ост-Индская компания возобновила торговлю с Банджармасином. Правда, фактория здесь больше не открывалась, а торговлю, видимо из предосторожности, вели с кораблей [158, с. 230].

На Сулавеси голландцы в первую очередь завязали торговые сношения с государством Гова, которое в источниках того времени обычно именуется «королевство Макасар» (по названию столицы и главного порта этого государства).

Макасар привлекал голландцев как рынок дешевого риса и тонких пряностей, которые доставлялись сюда с Молукк и островов Банда. В отчете адмирал С. ван дер

Хагена (1607) говорится о князе Телло, соправителе короля Макасара: «Он прилагает большие усилия, чтобы привлечь торговцев в свою страну, держит для этого специального агента на островах Банда, которого каждый год снабжает рисом, тканями и всем, на что там есть спрос, с тем чтобы собрать в своей стране как можно больше мускатного ореха и тем привлечь сюда купцов» (цит. по [233, т. I, с. 68]).

Уже в 1603 г. в Макасар прибыло голландское посольство с письмом к правителю Макасара Ала-уд-дину от штатгальтера Голландии принца Морица Оранского. Вскоре после этого в Макасаре была открыта голландская фактория. Ала-уд-дин разрешил ее открытие только при условии, что голландцы будут заниматься в его владениях чисто коммерческой деятельностью. Он не хотел, чтобы голландско-португальская война осложнила его отношения с Малаккой [158, с. 211; 242, с. 192; 280, с. 80—85].

Голландцы первые годы вели себя в Макасаре смирно. Но к середине 10-х годов XVI в. из-за войн, которые Макасар вел с соседним государством Бонн, рис на макасарском рынке подорожал и его стало выгоднее покупать на Восточной Яве. В то же время по мере того, как позиции голландской Ост-Индской компании на островах Пряностей укреплялись, Макасар терял свою притягательную силу как рынок гвоздики и мускатного ореха. Более того, Макасар стал казаться голландцам опасным конкурентом, и они начали вести себя соответственно. В 1615 г. Кун принял решение закрыть факторию в Макасаре. По его указанию глава голландской фактории Абрахам Стерн ночью тайно погрузил все имущество фактории на голландский корабль, стоявший в порту. Утром он пригласил на борт нескольких макасарских вельмож и внезапно объявил им, что берет их в заложники. Макасарцы взялись за оружие. В последовавшем бою на палубе все они, кроме двоих, были убиты. Эти двое (один из них оказался родственником Ала-уд-дина) были увезены в Бантам. В отместку Ала-уд-дин захватил в 1616 г. голландское судно «Эндрахт» и уничтожил его команду [179, с. 190; 242, с. 193].

Так началась первая голландско-макасарская война. Англичане, открывшие в 1613 г. в Макасаре свою факторию, тайно поддерживали Ала-уд-дина. Вообще Макасар, наряду с Бан-тамом, оставался главной базой английской Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии вплоть до 1667 г. К началу 20-х годов отношения Макасара и голландской Ост-Индской компании нормализовались, Кун отпустил заложников, но в 1625 г. отношения вновь обострились в связи с ультиматумом, который голландцы предъявили Ала-уд-дину. Они потребовали от него запретить своим подданным торговать на островах Пряностей. Макасарский султан ответил голландским послам уклончиво. Как доносил один из послов генерал-губернатору, Ала-уд-дин сказал: «Что касается Вашей (голландской Компании.— Э. Б.) жалобы на то, что макасарцы увозят Вашу гвоздику, то это не так, ибо сами макасарцы занимаются только сухопутной торговлей... Этим могут заниматься малайцы, которым вряд ли можно что-нибудь запретить, ведь они, выйдя в море из Макасарского порта, могут плыть, куда захотят» (цит. по [233, т. I, с. 65]).

Действительно, в это время буги — коренные жители Макасара мало занимались мореходством. Но вскоре положение изменилось, буги освоили постепенно морское дело и даже стали во второй половине XVII в. грозой Южных морей.

Малайя в первой четверти XVII в.

В конце XVI в. на Малаккском полуострове существовали две основные политические силы — Малакка, захваченная вместе с прилегающей к ней областью португальцами в 1511 г., и занимавший южную часть полуострова султанат Джохор, наследник Малаккского султаната. Кроме того, в средней и северной части полуострова было несколько малайских княжеств — Паханг, Перак, Кедах, Паттани, Сингора и другие, которые были номинальными вассалами частью Джохора, частью Сиам. В число вассалов Джохора в XVI — начале XVII в. время от времени входили также некоторые княжества на восточном побережье Суматры — Ару, Сиак, Кампар, Индрагири. Полити-

ческая обстановка в этом районе осложнялась соперничеством между Джохором и расположенным на Северной Суматре султанатом Аче. Если бы эти два государства объединили свои силы, они, по-видимому, были бы в состоянии выбить португальцев из Малакки, но они истощали друг друга в бесплодной борьбе, если же одно из них обращало свое оружие против Малакки, другое тут же начинало оказывать португальцам пассивную или даже активную помощь.

На рубеже XVI—XVII вв. в Малайе появляется новая сила — голландцы и англичане, что еще более осложняет происходящую здесь борьбу. Уже в 90-х годах XVI в., базируясь на малайское побережье, они громили португальское судоходство в Малаккском проливе. В январе 1598 г. первый английский посол Бенджамен Вуд прибыл в Кедах и завязал с этим княжеством торговые отношения. В 1601 г. в Паттани, главном порте Малайи, успешно соперничавшем с Малаккой, открылись сразу две голландские фактории. Вскоре была открыта голландская фактория в Сингоре [242, с. 190; 271, с. 102, 105].

Султан Джохора Ала-уд-дин Риайят-шах III с интересом следил за первыми шагами голландцев и англичан в Малайе, видя в них потенциальных союзников против Португалии. Когда в конце 1602 г. в Джохор прибыла голландская эскадра под командованием адмирала Якоба ван Хеемскерка, голландцы встретили здесь теплый прием. Ала-уд-дин Риайят-шах III направил с эскадрой Хеемскерка двух послов к голландскому штатгальтеру принцу Морицу Оранскому. Это были первые послы малайского государя, посетившие Европу. На обратном пути в устье реки Джохор (т. е. еще в джохорских территориальных водах) 25 февраля 1603 г. Хеемскерк встретил большое португальское судно, возвращавшееся из Китая, и ограбил его (продажа захваченного груза в Голландии принесла барыш в 3,5 млн. гульденов). Вскоре после этого к джохорской столице Бату-Савар подступила португальская эскадра под командованием Мендозы, только что вернувшаяся после разорения островов Пряностей. Мендоза предъявил шаху ультиматум с требованием выдать «голландских воров» (персонал фактории, оставленный в Бату-Саваре Хеемскером). Султан ответил отказом. Тогда Мендоза начал осаду джохорской столицы. Ала-уд-дин Риайят-шах обратился за помощью к находившейся поблизости английской эскадре. Англичане прислали два корабля, которые помогли отбить первый натиск. Когда же к Джохору подошла прибывшая из Европы новая голландская эскадра, португальцам пришлось поспешно возвращаться на свою базу в Малакку [262, с. 76, 263, с. 118].

Весной 1606 г. в Джохор прибыл голландский адмирал Ма-телифф для переговоров о совместной войне против Малакки. Ала-уд-дин Риайят-шах III в принципе был готов воевать в •союзе с голландцами, но новые союзники никак не могли договориться о разделе будущей добычи. Султан требовал, чтобы Малакка после завоевания была возвращена Джохору, как его исконное владение, Мателифф же не желал об этом и слышать. Договорились, что Малакка отойдет к Голландии, а ее окрестности, в частности предместье Малакки Кампонг Клинг, а также все захваченные в Малакке пушки и половина другой добычи будут переданы Джохору. Кроме того, Мателифф выговорил для голландской Ост-Индской компании право беспошлинной торговли и монополию на торговлю европейскими товарами. Что касается военного союза в будущем, то Мателифф обещал Джохору поддерживать его только в войнах против испанцев и голландцев. Войны же против других врагов оставались личным делом султана Джохора. Впрочем, в случае конфликта с Аче Голландия обещала свое посредничество. На таких условиях 17 июня 1606 г. был подписан первый голландско-джохорский договор [157, с. 35; 158, с. 208; 271, с. 48].

В том же месяце Мателифф со своей эскадрой и джохорское войско приступили к осаде Малакки. Но Малакка с ее стенами толщиной 7,5 метра оказалась слишком крепким орешком для союзников. К тому же Ала-уд-дин Риайят-шах III, разочарованный условиями договора, не был активен. Когда же в августе 1606 г. к португальцам подошло

сильное подкрепление из Гоа, Мателифф, после малоуспешного для него морского боя с португальской эскадрой, вынужден был снять осаду [182, с. 73; 271, с. 111].

Прибывший в январе 1609 г. в Бату-Савар голландский адмирал Верхувен вступил в новые переговоры с Риайят-шахом III. На этот раз он просил разрешения построить в Джохоре крепость, чтобы использовать ее как базу для военных действий против Малакки. Джохорский султан, резонно видя в этой просьбе угрозу для независимости Джохора, ответил категорическим отказом. После этого в голландско-джохорских отношениях наступило охлаждение. Голландцы сократили до минимума свою торговлю в Бату-Саваре и сосредоточили свои капиталы в Паттани, государстве, враждебном Джохору. В ответ на это Ала-уд-дин Риайят-шах III вступил в переговоры с Португалией и заключил с ней 10 ноября 1610 г. договор о дружбе и союзе. Поощряемый португальцами, джохорский султан стал выказывать великодержавные наклонности и под незначительным предлогом развязал войну с Пахангом. В то же время он начал проявлять военно-дипломатическую активность и на восточном берегу Суматры [45, с. 34; 157, с. 50].

Западная Индонезия и Малайя в XVII — начале XVIII в.

Здесь он был встречен сильным сопротивлением, поскольку молодой султан Аче — Искандер Муда в это время стал проявлять интерес к богатым перцем и золотом княжествам Восточной Суматры. Вскоре войска Аче начали брать верх над войсками Джохора и его ненадежных вассалов. В 1612 г. Искандер Муда без особого труда завоевал княжество Ару. Затем он оккупировал Сиак, Кампар и Индрагири. Таким образом в его руках оказалась вся западная сторона Малаккского пролива. 7 мая 1613 г. ачехский

военный флот появился у причалов Ба-ту-Савара. После 29-дневной осады город был взят штурмом и сожжен. Португальцы не оказали Рияят-шаху никакой помощи. Он вместе со всей семьей был взят в плен и увезен в Аче, где вскоре умер. В качестве своей марионетки Искандер Муда посадил на джохорский трон брата шаха — принца Бонг-су, который принял тронное имя Хаммат-шах (1613—1623) [45, с. 24; 158, с. 247; 179, с. 190].

Чтобы привязать к себе Хаммат-шаха, Искандер Муда женил его на своей сестре и выделил ему рабочих и строительные материалы для восстановления столицы, а для присмотра за ним посадил в Бату-Савар гарнизон — 2 тыс. ачехских солдат.

В августе 1614 г. в Джохор прибыл голландский представитель Адриан ван дер Дуссен. Он вновь предложил джохорскому султану построить в его государстве голландскую крепость в обмен на защиту от всех врагов. Хаммат-шах отклонил это предложение. Тогда голландцы обратились к султану Аче с аналогичным предложением. Вопрос о крепости остался открытым, но военный союз между Аче и Голландией против Португалии был заключен. В начале 1615 г. Искандер Муда приказал всем своим вассалам собраться в Аче с войском и флотом для похода на Малакку. В числе прочих на сбор прибыл и Хаммат-шах, а с ним 30 тыс. воинов и 300 кораблей, включая 12 60-весельных галер. Флот Аче и его вассалов летом 1615 г. близ устья реки Муар встретился с португальской армадой из Гоа. Голландская эскадра, шедшая на соединение с ачехцами, опоздала, и Искандер Муда потерпел тяжелое поражение в этом морском бою [157, с. 36; 271, с. 114].

Хаммат-шах, вернувшись после боя в Бату-Савар, решил использовать сложившуюся ситуацию, чтобы вернуть себе независимость. В августе 1615 г. он заключил мир с португальцами и династический союз с Пахангом, где местные феодалы — орангкайя посадили на трон его племянника, сына Рияят-шаха. После этого он изгнал из Бату-Савара ачехский гарнизон. Затем он направил свои посольства в восточносуматранские княжества и создал против Аче оборонительную лигу из Палембанга, Джамби, Индрагири, Кампара и Сиака (последние три княжества также провозгласили свою независимость). Эта довольно рыхлая лига, несмотря на свое численное превосходство, недолго продержалась против такого блестящего полководца, каким был Искандер Муда. Он быстро оправился от поражения при Муаре и, действуя, как всегда, стремительно, уже в конце 1615 г. атаковал Бату-Савар. На этот раз город был сровнен с землей. Жители его были угнаны в рабство в Аче. Те, кто уцелел, бежали в Джамби, Макасар, на Молукки. Среди беглецов был и Хаммат-шах. Он укрылся на острове Бинтан.

В 1616 г. Искандер Муда объявил себя султаном всей Суматры и Джохора со всеми его вассальными владениями. Суматранские княжества довольно быстро признали гегемонию Аче, но бывшие вассалы Джохора на Малаккском полуострове решили защищать свою независимость с оружием в руках. В 1617 г. Искандер Муда вторгся в Паханг. Жители Па-хэнга стойко защищались, и после нескольких месяцев боев ачехскому султану пришлось ни с чем вернуться на Суматру. Но в следующем году он снова вторгся в Паханг и, истребляя все на своем пути, наконец овладел столицей княжества. Тысячи жителей Паханга были угнаны в рабство. Затем Искандер Муда атаковал остров Бинтан, где укрылся Хаммат-шах, и последнему пришлось бежать на край своих владений — на острова Риау-Линга [271, с. 114—115].

В 1619 г. Искандер Муда приступил к завоеванию Западной Малайи. Несмотря на упорное сопротивление местных жителей, он в течение двух лет завоевал Кедах и Перак. Война велась с исключительной жестокостью. Видимо, Искандер Муда не рассчитывал долго удержаться в этих районах, поэтому он приказал уничтожить здесь все перечные плантации — основу благосостояния этих княжеств. Теперь перец можно было получить только на Суматре. Десятки тысяч пленных были угнаны в Аче, и Западная Малайя обезлюдела [179, с. 99—190].

В марте 1623 г. Искандер Муда разорил последнюю столицу Хаммат-шаха на острове Линга, шах бежал на остров Тамбе-лан и там несколько месяцев спустя умер. Его наследник Абдул Джалил-шах III (1623—1677) вынужден был несколько лет скрываться, выжидая перемен к лучшему [242, с. 189; 271, с. 115].

Бирма в первой четверти XVII в.

В конце XVI в. Бирма после долгих внешних и междоусобных войн распалась на уделы. Это сделало возможной крупную колониальную авантюру в этой стране.

Захватив в 1598 г. крупнейший торговый порт Бирмы — Сириам, король Аракана Мин Разаджи (1593—1612) оставил в нем в качестве начальника таможни португальского авантюриста Филиппа де Бриту и Никоте с гарнизоном из 500 португальских наемников. Несмотря на войну, бушевавшую в Бирме, международная морская торговля в прилегающих к ней морях продолжала развиваться, и де Бриту, прикармливая часть пошлин, к 1600 г. накопил достаточную сумму, чтобы на месте таможни построить сильно укрепленный форт. Затем он подчинил своей власти весь Сириам и его окрестности. После этого он перестал посылать деньги в Аракан, изгнал араканского губернатора и объявил себя независимым правителем [72, с. 153; 107, с. 70].

Тогда араканский король направил против него эскадру под командованием наследника престола принца Минхкамаунга. Но де Бриту к этому времени уже сам имел небольшой флот и наемное войско из 2 тыс. индийцев, негров и монов. Он устроил араканской эскадре засаду у острова Негрэ, разгромил ее наголову и захватил в плен Минхкамаунга. Араканскому королю пришлось заплатить за своего сына огромный выкуп [13, с. 52].

После этого де Бриту вступил в переговоры с феодалами Нижней Бирмы, тайно обещая каждому сделать его королем Пегу. Ему удалось убедить некоторых из этих феодалов направить посольство к португальскому вице-королю Гоа, и он вызвался лично сопровождать этих послов. В Гоа де Бриту втайне от послов предложил вице-королю иной план. В обмен на военную помощь де Бриту обещал подчинить Нижнюю Бирму Португалии. Португалия, которая как раз в это время начала испытывать серьезный натиск голландских и английских конкурентов в странах Южных морей, была заинтересована в приобретении новых баз. Но ее материальные ресурсы уже были сильно подорваны, поэтому вице-король не мог оказать большой военной помощи. Однако он одобрил проект де Бриту, присвоил ему звание генерал-губернатора, выдал за него замуж свою побочную дочь, наполовину яванку, и отправил его обратно в Бирму завоевывать страну, снабдив его только небольшим количеством солдат и военными материалами [72 с. 159; 207, с. 125—126].

Между тем во время отсутствия де Бриту его заместитель Сальвадор Рибейра успешно отразил несколько нападений араканского короля и князей Таунгу и Прома. Затем он повел агитацию среди монских феодалов за неотложные выборы единого короля Нижней Бирмы, который мог бы эффективно охранять эту страну от набегов с севера и запада. Монские феодалы, не сумев договориться о кандидатуре из своей среды (ибо каждый готов был стать претендентом), по подсказке Рибейры остановились наконец на нейтральной для них фигуре — де Бриту. Ослабленная Португалия представлялась им гораздо менее юпасной, чем Аракан и верхнебирманские княжества.

В период правления де Бриту монский юг несколько оправился от потрясений конца XVI в. В новой столице государства—Сириама вновь образовалась обширная колония купцов — торговых посредников из многих стран Азии. Де Бриту завязал торговые отношения с Аче, главным центром торговли перцем на Суматре. Желая повысить значение Сириама, де Бриту создал военный флот, который крейсировал в Бенгальском заливе и Андаманском море, заставляя все торговые суда сворачивать именно в этот порт. Апогеем успехов де Бриту стал 1612 год, когда он в союзе с князем Мартабана вторгся по воде и суше в княжество Таунгу и взял его столицу. Де Бриту захватил в плен князя Таунгу Тихатару и сделал его своим вассалом. Казалось, что скоро вся Нижняя Бирма окажется под властью Португалии [172, с. 156; 107, с. 77].

Между тем на севере, в Верхней Бирме в эти годы постепенно крепла сила, которой было суждено положить конец португальской колониальной аванюре. После взятия в плен последнего общепирманского короля Нандабайина и распада Бирманской державы [12, с. 248] младший брат короля Нгьяунг Рамменг, княживший в Аве, начал снова собирать бирманские земли. Сначала его успехи были незначительны. С феодальной анархией, охватившей Бирму, невозможно было справиться одним ударом. Нгьяунг Рамменг начал с завоевания прилегавших к его уделу шанских княжеств (Могаунг, Мохьин и др.). Покорение шанов заняло несколько лет, но все же они признали его сюзеренитет, а войско Нгьяунг Рамменга пополнилось большим контингентом стойких шанских воинов [207, с. 127]. Сын Нгьяунг Рамменга Анаупхелун (1605—1628) уже обладал достаточным военным потенциалом, чтобы объединить вокруг себя всю Северную и часть Центральной Бирмы. В 1607 г. он начал войну против своего родственника, князя Промы, принявшего титул короля и так же, как другие крупные феодалы, претендовавшего на верховную власть в Бирме. В августе 1608 г. после восьмимесячной осады Пром пал. Его владетелю, взятому в плен, Анаупхелун сохранил жизнь и дал маленькую пенсию. Княжество Пром он сделал провинцией Авы, посадив здесь губернатором своего брата [72, с. 152; 142, с. 185].

Теперь наступила очередь королевства Таунгу, владетель которого, дядя Анаупхелуна, сыграл решающую роль в падении Нандабайина. В первые годы правления Анаупхелуна оба государства находились по отношению друг к другу в состоянии вооруженного нейтралитета и даже обменивались время от времени внешне дружественными посольствами. Но после того, как в августе 1609 г. старый король Таунгу умер и на престол вззошел его сын, бесталанный и бесхарактерный Тихатара, Анаупхелун двинулся походом на Таунгу. В 1610 г. город пал. Чтобы ослабить возможность новых мятежей, Анаупхелун выселил большое число жителей Таунгу в Аву (среди них, впрочем, было много прежних жителей Авы, Пегу и Промы, угнанных во время гражданских войн конца XVI — начала XVII в. [142, с. 185]). Тихатару он заставил принести присягу и оставил на прежнем посту в качестве вассального князя. Его родню Анаупхелун взял в заложники [112, т. I, с. 53].

Забрав в качестве главного трофея «Зуб Будды», государственную реликвию Бирманской империи, оказавшуюся в Таунгу, Анаупхелун с торжеством возвратился в Аву. Между тем обезлюдевший Таунгу оказался легкой добычей для португальского агрессора. Как уже говорилось выше, в августе 1612 г. де Бриту с помощью Бинья Дала — князя Мартабана захватил Таунгу и принудил Тихатару переменить подданство. Узнав об этом, Анаупхелун пришел в ярость. По свидетельству современников, он бросил на землю свои королевские одежды и поклялся, что не будет молиться в храме, пока не покарает преступника и святотатца де Бриту [112, т. I, с. 53].

Действительно, к этому времени де Бриту в глазах бирманцев и монов уже не был просто иноземным завоевателем, каких было много в истории Востока. В последние годы правления, считая свое положение достаточно прочным, он отказался от прежней политики религиозной терпимости и приступил к массовому разрушению буддийских пагод всюду, где распространялась его власть. Золото, сорванное с куполов и статуй, шло

в казну португальского «вице-короля» (как именовал себя де Бриту), а колокола переливались на пушки. Приглашенные де Бриту иезуиты начали силой крестить его подданных-буддистов. Наряду с этим де Бриту резко повысил пошлины в Сириамском порту, чем вызвал недовольство многонационального восточного купечества. Все это, вместе взятое, резко сузило число сторонников де Бриту [29, с. 97—98; 107, с. 71].

Когда осенью 1612 г. Анаупхелун начал наступление на Нижнюю Бирму, он не встретил здесь практически никакого сопротивления. В один-два месяца все земли бывшего «вице-королевства» де Бриту, за исключением сильно укрепленного Сириама, перешли в руки короля Авы. Незадачливый князь Таунгу Тихатара, не решаясь держать ответ перед своим двоюродным братом за сдачу города де Бриту и присягу португальской короне, также укрылся в Сириаме, где принял католичество.

И он, и де Бриту еще надеялись, что Португалия не оставит их и беде [72, с. 156].

Вице-король Гоа, получив известие о критическом положении Сириама, действительно начал готовить эскадру в помощь де Бриту, но события развивались слишком быстро (если учитывать тогдашние средства передвижения), и помощь опоздала. Когда в декабре 1612 г. Анаупхелун со 120-тысячным войском и флотом в 400 кораблей подступил к стенам Сириама, де Бриту направил доверенное лицо для закупки пороха в близлежащий Бенгал, но этот португалец не оправдал доверия своего начальника и бежал вместе с деньгами. Понимая, что его ждет, де Бриту сопротивлялся отчаянно. Сначала он попытался прорвать морскую блокаду, направив против бирманского флота свою небольшую, но сильно вооруженную эскадру. Морское сражение, однако, кончилось не в его пользу. В гавань вернулось только два полуразрушенных португальских корабля. Вскоре у португальцев вышел весь порох. Тогда они начали лить на осаждающих вар и кипящее масло со стен крепости. Чтобы избежать лишних жертв, Анаупхелун изменил способ осады и начал вести подкопы под стены [142, с. 187].

Видя, что ресурсы крепости истощены, де Бриту послал к бирманскому королю парламентаров с просьбой о пощаде. Просьба была отклонена. В этот момент судьба как будто снова улыбнулась португальцам. К Сириаму подошла эскадра из 50 араканских кораблей, посланных на выручку де Бриту его союзником королем Минхкамаунгом, который из-за вражды с королем Авы забыл свое унижение и плен у португальцев. Но араканцам не удалось захватить флот Анаупхелуна врасплох. После жестокой битвы все араканские суда были потоплены или захвачены бирманцами [207, с. 129].

После этого осада длилась еще несколько недель. Бирманский король не имел пушек для пролома стен, а подкопы не дали ожидаемого эффекта. Но в Сириаме стало иссякать продовольствие. К тому же монский гарнизон, в шесть раз превосходивший по численности португальский, несмотря на традиционную вражду к бирманским феодалам, без энтузиазма защищал «короля-святотатца» — де Бриту. В начале марта 1613г. в гарнизоне созрел заговор. Монский командир по имени Бауна открыл ночью бирманцам ворота. После ожесточенного боя на улицах 500 португальцев сложили оружие. Анаупхелун сохранил им жизнь, но превратил в государственных крепостных. Он сослал их в Верхнюю Бирму, где им была выделена земля для поселения. Они и их потомки в течение почти трех веков после этого были земледельцами-воинами, служившими в бирманской артиллерии [112, т. I, с. 54; 142, с. 187].

Несмотря на репутацию кровожадного тирана, которую ему приписывали европейцы, Анаупхелун после взятия Сириама ограничился только двумя казнями. Де Бриту, как осквернитель пагод, был подвергнут мучительной казни — посажен на кол (его жену донью Луизу Сольданы взяли служанкой в королевский дворец [112, т. I, с. 54]). За измену родине и религии был казнен и князь Тихатара. Но его, как члена королевского дома, казнили, согласно обычаю, без пролития крови: он был зашит в мешок из драгоценной ткани, а мешок бросили в море [72, с. 158].

Через месяц после взятия города в Сириам прибыла из Гоа португальская эскадра под командованием адмирала Хайме де Мендоза Фуртадо с десантом в 3 тыс. солдат. Эскадра попала в засаду в Сириамской гавани и почти вся была истреблена. Спасся только один корабль. После этого португальцы навсегда прекратили свою колониальную активность в Нижней Бирме, хотя на Араканском побережье их пиратские набеги не прекращались до 60-х годов XVII в.

Покончив с португальским господством в Сириаме, Анаупхелун двинулся на Мартабан. Князь Мартабана Бинья Дала, союзник де Бриту, трезво оценил ситуацию и не стал оказывать сопротивление. В награду за это Анаупхелун сохранил за ним его земли при условии принесения вассальной присяги⁷. Сиамский король Экатотсарот, настороженно следивший за событиями в Бирме, не протестовал против тесных контактов своего номинального вассала князя Мартабана с португальцами, так как это способствовало ослаблению его давнишнего врага — Бирмы. Теперь же, когда новое объединение Бирмы стало реальностью, он использовал переход Мартабана в подданство Авы как повод к войне. Другим, еще более надуманным поводом была месть за казнь де Бриту, ибо Сиам в свое время не давал никаких гарантий этому самозванному королю [107, с. 72; 207, с. 139].

В том же, 1613 г. сиамские войска перешли бирманскую границу и заняли город Ие. Анаупхелун, однако, быстро организовал контрнаступление, и к декабрю 1613 г. сиамцы не только были изгнаны из Ие, но и потеряли завоеванную ими в конце XVI в. бирманскую провинцию Тавой. Затем войска Анаупхелуна подступили к Тенассериму — важнейшему порту Сиама на берегу Бенгальского залива, и осадили его с суши и с моря. Гарнизон, состоявший в основном из португальских наемников, сумел, однако, удержать Тенассерим до подхода мощного сиамского флота. В завязавшейся морской битве Анаупхелун потерпел серьезное поражение. Потеряв много судов и 2 тыс. человек, он был вынужден отступить. С тех пор до второй половины XVIII в. Тенассерим оставался в руках Сиама [38, с. 262, 72, с. 159; 142, с. 189].

Но Анаупхелун не был обескуражен этой неудачей. Перегруппировав свои силы, он через год нанес удар по другому флангу Сиама — не на крайнем юге, а на крайнем севере.

В начале 1615 г. он вторгся в Чиангмай⁸. Здесь успех сопутствовал его оружию. Чиангмай был быстро завоеван и вновь объявлен вассальным владением. На его трон Анаупхелун посадил своего сына [72, с. 162, 173; 107, с. 189, 190].

В том же году Анаупхелун перенес свою резиденцию из Авы в прежнюю столицу Бирманской империи — Пегу в Нижней Бирме, расположенную вблизи моря и недалеко от сиамской границы. Это было заявкой на восстановление имперского величия Бирмы XVI в. Здесь, в Нижней Бирме, Анаупхелун начал создавать базу для завоевания своих соседей — Сиама и Аракана [29, с. 99].

Но времена великого завоевателя Байиннауна (1550—1581) безвозвратно миновали. Когда в 1616 г. Анаупхелун, придравшись к пограничному инциденту, атаковал Аракан, он не смог добиться сколько-нибудь существенных успехов. Реалистически мыслящая часть бирманской феодальной верхушки понимала, что страна совершенно истощена непрерывными войнами, длящимися почти восемь десятилетий, и ей необходима передышка. Сторонники мира стали запугивать короля угрозой создания коалиции Сиама, Аракана и Португалии. Анаупхелун эту угрозу во внимание принял, но от военных планов не отказался. В том же, 1616 г. он направил к вице-королю Гоа посольство с извинениями за казнь де Бриту и с предложением вернуть всех пленных

⁷ Бирманский король потребовал также, чтобы Бинья Дала сам казнил своего зятя, сына де Бриту, как соучастника святотатства [107, с. 72].

⁸ Чиангмай — некогда независимое королевство на севере современного Таиланда, в середине XVI в. завоеванное Бирмой, в 1599 г. перешедшее под власть Сиама [41, с. 255].

португальцев, захваченных в Сириаме. Все это — в обмен на немедленное заключение военного союза против Аракана [142, с. 189].

Вице-король Гоа, которому тоже досаждали набеги ара-канского флота на португальские опорные пункты в Бенгальском заливе, ухватился за это предложение. В 1617 г. в Пегу прибыло ответное посольство из Гоа во главе с португальским аристократом Мартино да Коста Фалькам. Но Анаупхелун внезапно остыл к им же предложенному союзу. Посла продержалл несколько недель без аудиенции, наконец привели во дворец почему-то в полночь. В почти полной темноте посол произнес перед королем длинную речь, на которую Анаупхелун не ответил ни слова. Португальскому послу пришлось возвратиться в Гоа ни с чем.

Дело здесь было не в капризном характере бирманского монарха, на который намекают некоторые западные историки. Напротив, все действия Анаупхелуна отличались целеустремленностью. Просто он заново взвесил возможные выгоды от союза с пришедшей в упадок Португалией и предпочел сделать ставку на ее молодых, более мощных соперников — Англию и Голландию. Толчком к этому решению, возможно, послужило внешне незначительное событие. В 1615 г. во время завоевания Чиангмая бирманцы захватили в плен и увели в Пегу находившегося там торгового представителя английской Ост-Индской компании Сэмюэля. Здесь он вскоре умер, а находившееся при нем и ставшее после его смерти бесхозным имущество английской Компании в соответствии с бирманскими законами перешло в собственность государства [140, с. 33].

В 1617 г. в Пегу прибыли два представителя английской Ост-Индской компании — Форест и Стевенли с доказательствами того, что имущество Сэмюэля принадлежало не ему лично, а английской Компании, и потребовали вернуть это имущество. Несмотря на незначительность порученной этим англичанам миссии, они были почти немедленно (по здешним меркам) приняты королем, и он имел с ними длительную беседу. Дело в том, что это были первые англичане, которые в XVII в. добровольно прибыли в Бирму. Голландцы же, обосновавшиеся в более прибыльном для них Аракане, вообще не посещали королевство Анаупхелуна. Поэтому целеустремленный монарх сразу взял своих английских гостей в оборот. Оставив в стороне вопрос об имуществе Сэмюэля как мелочь, о которой не стоит и говорить, он категорически заявил посланцам английской Компании, что не выпустит их из страны, пока английские суда не станут регулярно посещать его порты. При этом он имел в виду не только покупку у англичан оружия и боеприпасов, но и, в качестве конечной цели, военный союз с Англией [140, с. 35—37].

Действительно, Форест и Стевенли просидели в почетном плену более двух лет, пока в 1619 г. в Пегу не прибыло для ведения переговоров официальное посольство английской Ост-Индской компании из Мадраса. Тем временем Анаупхелун завязал дипломатические отношения с одним из самых могущественных в это время государств Индонезии — Аче и даже с империей Великих Моголов в Индии в лице ее наместника в Бенгале. Получилось так, что посольства всех этих трех держав прибыли в Пегу почти одновременно и Анаупхелун демонстративно устроил им всем сразу прием, в частности чтобы показать англичанам, что теперь он не очень-то в них и нуждается. Посла английской Компании ради этого даже посадили чуть ниже остальных послов [142, с. 190].

Триумфом дипломатической активности Анаупхелуна был обмен посольствами с Батавией, в результате которого в 1627г. была наконец открыта голландская фактория в Сириаме (английская фактория в этом порту открылась на семь лет раньше в результате переговоров 1619 г.). Международные торговые связи Бирмы были, таким образом, хорошо налажены, но сколотить военную коалицию из своих разношерстных торговых контрагентов бирманскому королю так и не удалось. Все они, кроме Могольской империи, не были заинтересованы в этот момент в войне с Араканом или Сиамом.

Могольская держава сама в это время терпела постоянные поражения от араканцев в Бенгале и мало чем могла помочь Анаупхелуну.

Как реагировал на такой поворот событий Анаупхелун? По мнению ряда историков, он, не считаясь ни с чем, все же решил начать в одиночку большую войну против Сиам. Для этого он перевел в 1628 г. остатки своего двора из Авы в Пегу (ради все той же пресловутой близости к сиамской границе) и якобы начал усиленные приготовления к войне. В этот момент он и был убит своим сыном — принцем Минрейдиппой. Согласно официальной бирманской хронике, принц сделал это, чтобы избежать наказания за связь с наложницей отца. Некоторые историки полагают, и, видимо, вполне резонно, что это убийство имело не бытовой, а политический характер, что руку убийцы направляла та часть бирманской знати, которая была недовольна политикой Анаупхелуна. Однако, на наш взгляд, некоторые историки неверно объясняют происхождение этого недовольства. Так, в одном современном исследовании утверждается, что, когда после краткого царствования короля-отцеубийцы Минрейдиппы (1628—1629) к власти пришел брат Анаупхелуна Талун (1629—1648), «первым же постановлением собравшегося совета полководцев, сангхи и вельмож было: прекратить подготовку к войне с Сиамом, отказаться от ориентации на Юге страны и от союза с монами и перенести столицу на Север, подальше от моря и соблазнов мирового господства» [15, с. 71].

Если сходное по смыслу место действительно имелось в бирманской хронике, то оно явно было вписано туда позднее задним числом. Достаточно вспомнить тот факт, что бирманская столица была перенесена обратно из Пегу в Аву только в 1635 г., т. е. семь лет спустя после смерти Анаупхелуна. А «миротворец» Талун, которого так расхваливают бирманские летописцы, в момент убийства брата был занят упорной и кровопролитной войной с шанскими княжествами, граничившими с Бирмой на Севере. Только 16 месяцев спустя, успешно завершив эту войну, он вернулся в Нижнюю Бирму, чтобы потребовать корону [142, с. 192].

Причина гибели Анаупхелуна и перемен в политике его преемников, видимо, была совсем иная. Анаупхелун, как нам представляется, был действительно человеком очень целеустремленным, но отнюдь не фанатиком или оторванным от жизни мечтателем на троне. Он последовательно шел к своей цели, но эта цель с течением времени менялась в зависимости от изменения конкретных обстоятельств. Возможно, он до конца жизни не отказался от своих планов завоевания Сиам, Аракана и других сопредельных государств (например, Лаоса), но он отнюдь не стремился осуществить эти планы любой ценой. Он явно понимал, что при отсутствии сильных союзников стране нужна длительная передышка. Последние 12 лет своего царствования он лично не вел никаких войн (военная авантюра Талуна в северных шанских княжествах была частной инициативой крупного феодала, стремившегося расширить свой удел, и не имела никакого отношения к якобы замышлявшемуся на юге страны походу на Сиам).

Начавшееся с поиска военных союзников установление тесных торговых контактов с рядом европейских и азиатских держав не могло не повлечь за собой нового экономического подъема монского Юга, всегда представлявшего собою наиболее развитую и богатую часть Бирманской державы. Если в 1600 г. разоренная дотла войнами конца XVI в. Нижняя Бирма представляла собою поистине жуткую картину⁹, то уже в первые годы правления де Бриту, когда он, желая укорениться в стране, резко снизил норму феодальной эксплуатации¹⁰, Юг начал оживать.

⁹ Католический миссионер Бовес, посетивший Нижнюю Бирму в это время, писал: «Печальное зрелище являли берега рек, обсаженные бесконечными рядами фруктовых деревьев, где теперь лежали в развалинах позолоченные храмы и величественные строения. Дороги, поля были усеяны черепами и костями несчастных пегуанцев, убитых или погибших от голода. Тела сбрасывали в реку в таком количестве, что множество трупов преграждало путь кораблям» [138, с. 23].

¹⁰ Впрочем, с разоренных монских крестьян в это время вряд ли можно было что-то взять, и даже в последние годы своего правления де Бриту пополнял свою казну главным образом за счет духовенства.

При Анаупхелуне, после короткого периода военных действий, ограничившихся в основном осадой Сириама, Нижняя Бирма 15 лет не видела на своей территории враждующих армий. Иностранные суда, приходящие за рисом, сахаром, тиковым деревом, лаком и знаменитой мартабанской керамикой, а также за товарами Верхней Бирмы, откуда везли рубины, сапфиры и мускус, вновь заполнили южнобирманские порты — это способствовало новому подъему городов — Сириама, Пегу и Мартабана и росту лояльности монских горожан по отношению к бирманскому королю.

В то же время Анаупхелун проявлял заботу и о нуждах крестьянства, ограждая его от произвола и чрезмерной эксплуатации со стороны отдельных феодалов. В 1622 г. он восстановил даже один очень архаический обычай общения со своими подданными: у входа в королевский дворец в Пегу был повешен большой колокол, и каждый обиженный мог прийти и ударить в этот колокол, а король должен был тут же выйти и разобрать жалобу [142, с. 191] (в Сиаме такой же обычай засвидетельствован после социальных потрясений XIII в. [13, с. 42]). Конечно, на практике Анаупхелун не мог заниматься обидами каждого простолюдина (феодалы в колоколе не нуждались, так как встречались с королем на регулярных аудиенциях). Но сам этот жест, несмотря на его явно демагогический характер, не мог не привлечь к королю симпатий народа. Не исключено, что он в то же время вызвал озлобление местных феодалов, что и привело в конечном счете к гибели Анаупхелуна.

Вернемся теперь к событиям мая 1628 г., когда Анаупхелун был убит своим сыном Минрейдиппой [72, с. 176]. Сразу после убийства короля министры собрали во дворце ассамблею знати (а она, видимо, состояла в основном из монских феодалов, которыми окружил себя в Пегу Анаупхелун). Ассамблея провозгласила отцеубийцу королем. Брат убитого, Талун, узнал об этих событиях через девять дней и сразу заявил энергичный протест, но королевский двор не принял его во внимание. Мон-ское большинство феодалов, находившихся в Пегу, видимо, было недовольно заигрыванием Анаупхелуна с крестьянами, но их полностью удовлетворяла его политика, обеспечивавшая ведущую роль Юга в Бирманском государстве. А Минрейдиппа готов был продолжать эту политику. Феодалы бирманского происхождения, находившиеся на Юге, попытались силой свергнуть неугодного им кандидата. Источники сообщают о восстании шести губернаторов, которое было быстро подавлено.

Простой народ как в Нижней, так и в Верхней Бирме приветствовал наследника «доброго короля» (о подлинной причине смерти Анаупхелуна ему, следуя традициям восточных дворов, разумеется, не сообщили). Талун же, почти обожествленный феодальными хрониками, был явно очень непопулярен в народе. Об этом свидетельствует хотя бы то, что для подчинения (огнем и мечом) даже коренных бирманских районов Верхней Бирмы ему понадобилось целых 16 месяцев [403, с. 192].

Подступиться к монскому Югу, где население было сильно привязано к памяти Анаупхелуна, ему оказалось не под силу. Тогда Талун решил подорвать власть Минрейдиппы изнутри. Он захватил в качестве заложников семьи верхнебирманских гвардейцев, составлявших личную охрану короля, и, угрожая казнью близких, принудил их произвести переворот и арестовать Минрейдиппу [72, с. 176; 142, с. 192].

В сентябре 1629 г. Талун торжественно въехал в Пегу и занял трон. Минрейдиппа и его сторонники, не успевшие бежать, были тут же казнены. Монам сразу же дали понять, что они люди второго сорта, единственное назначение которых — смиренно служить «высшей расе» — бирманцам. По-видимому, тогда же снова начал туго закручиваться пресс государственных налогов и повинностей. Неудивительно, что монские крестьяне ответили на эту политику массовым восстанием. Уже в конце 1620 г. созрел заговор среди податных людей, согнанных на строительство нового монастыря недалеко от Моулмейна (в отличие от Анаупхелуна, Талун был очень богомолен). Восстание началось внезапно, и повстанцы едва не овладели арсеналом, расположенным поблизости. Шанские гвардейцы еле удержали арсенал

до подхода правительственных подкреплений. Потерпев эту первую неудачу, повстанцы не пали духом и двинулись к Моулмейну, присоединяя к себе по дороге крестьян из окрестных деревень. Жители Моулмейна (тоже моны в подавляющем большинстве) открыли им городские ворота. Моулмейн стал главной базой восстания, которое охватило огромное пространство. Не обученные военному делу крестьяне, однако, не могли долго продержаться против регулярной армии Талуна. Начались кровавые репрессии. Монов целыми деревнями депортировали в Верхнюю Бирму, где превращали в государственных крепостных [142, с. 348]. Многие тогда решились на отчаянный шаг — бросить свою родину и бежать в Сиам (где моны никогда не подвергались дискриминации) [13, с. 47]. Сильно обеспокоенный этим, Талун направил в Сиам посольство с требованием выдать своих беглых подданных. Правительство короля Прасат Тонга ответило ему категорическим отказом. Это вызвало новую войну Бирмы с Сиамом, ту самую, которой якобы хотели избежать сторонники Талуна. Военные действия длились с декабря 1630 г. по апрель 1632 г., главным образом на территории Чиангмая. Так началось царствование Талуна (1629—1648), прослывшего в позднейших хрониках «миротворцем» [72, с. 176].

Королевство Аракан в первой четверти XVII в.

Аракан, отделенный от остальной Бирмы высокими горами, в XVI—XVII вв. был независимым королевством, поэтому история его здесь рассматривается отдельно от истории Верхней и Нижней Бирмы. Экономический и политический расцвет Аракана начался с середины XVI в. и был связан с изменениями, которые произошли в Юго-Восточной Азии после вторжения в нее португальцев. После того как португальцы, захватив Малакку, надолго перерезали основные пути из Индии в Юго-Восточную Азию, Аракан, находившийся ближе всего к Индии и обладавший сильным флотом, взял на себя значительную часть торговли, которая прежде велась между Восточной Индией и западной частью Индокитайского полуострова. Из собственных продуктов Аракан вывозил только некоторые местные ткани, слонов и серебро. Но через перевалы в араканские порты стали поступать продукты из внутренних районов Бирмы и даже из Лаоса, которые потом выгодно сбывались на рынках Индии [137, с. 68].

Другим, еще более важным источником доходов араканских королей стало организованное пиратство и работоторговля.

Известный французский путешественник Бернье, посетивший в XVII в. Индию, писал: «Король Аракана много лет давал убежище португальским поселенцам... Сюда стекались беглецы из Гоа, Цейлона, Кочина, Малакки и других португальских колоний, преступники, беглые монахи и т. п. Всем оказывался радушный прием. Это были христиане только по имени. В Аракане... их поведение было самое отвратительное. Они убивали и травили друг друга без колебаний и угрызений совести. Иногда они убивали собственных священников. И, сказать правду, священники часто были не лучше своих убийц...

Они бороздили моря на легких судах, заходили в устье Ганга и часто проникали на 40—50 лиг в глубь страны и внезапно нападали на деревни в базарный день или во время свадеб или других торжеств. Они захватывали рабов и сжигали все, что не могли унести. Из-за их непрерывных нападений многие прекрасные острова в устье Ганга полностью обезлюдели. Раньше они были густо заселены, а теперь — это убежище тигров и других диких зверей» (цит. по [112, т. I, с. 59—61]).

Араканский флот, укомплектованный этими португальскими наемниками, постоянно совершал сокрушительные набеги на берега разоренной войной Нижней Бирмы и не имевшей сколько-нибудь значительного флота Могольской империи, уводя в плен тысячи местных жителей. Базируясь на захваченный у Бенгала порт Читтагонг, араканский флот не только разорял морское побережье, но и проникал часто по Гангу в

глубь страны. В 30 км к югу от Читтагонга находился порт Дианга, который король Минбин предоставил в качестве вассального владения своим португальским наемникам. Это пиратское гнездо, впрочем, вскоре приобрело полную самостоятельность. Засевшие там португальцы часто грабили не только индийское, но и араканское побережье [38, с. 274].

После того как Филипп де Бриту (тоже бывший в свое время наемником на араканской службе) выкроил себе государство в Нижней Бирме, король Мин Разаджи (1593—1612) осознал наконец всю опасность, нависшую над его государством. Де Бриту, вступив в переговоры с португальцами в Дианге, уже планировал одновременными ударами с северного и южного фланга (из Дианги и Сириама) обескровить и покорить Аракан. Мин Разаджи, оказавшись в политической изоляции (и Могольская империя, и набиравшее силу королевство Ава в Верхней Бирме были резко враждебны Аракану), стал искать новых союзников [137, с. 67].

В 1605 г. голландцы создали свою опорную базу в Масу-липатаме, на противоположном берегу Бенгальского залива. Мин Разаджи решил обратиться за помощью к голландской Ост-Индской компании. Он предложил голландцам не только право беспошлинной торговли, но и право построить крепость в своих владениях в обмен на военную помощь против португальцев и империи Великих Моголов. Как писал в своем отчете посетивший в 1607 г. столицу Аракана Мрохаунг голландский посол Питер Виллемсзон, «за это (т. е. за военную помощь — Э. Б.) он (Мин Разаджи. — Э. Б.) отдал бы нам вышеупомянутую крепость в Пегу (Сириама. — Э. Б.), остров Сундиву (Сандвип. — Э. Б.), Читтагонг, Диангу или любую другую местность в Бенгалии, как он отдал когда-то португальцам» [154, т. III, с. 287]. Характерно, что предусмотрительный араканский король предлагал голландцам только такие опорные пункты, которые еще предстояло завоевать (кроме Читтагонга, но и он находился под ударом врагов).

Голландские интересы в этот момент, однако, были сосредоточены в Индонезии и Малайе. К тому же голландцы не видели для себя никакого прока в войне с Могольской империей. Поэтому Ост-Индская компания отклонила предложение Мин Разаджи. Тем не менее она оказала ему некоторую помощь оружием против своих старинных врагов — португальцев. Благодаря этому Мин Разаджи смог в 1607 г. нанести внезапный и сокрушительный удар по Дианге. Почти весь португальский гарнизон, более 600 человек, был перебит. Остальные бежали [72, с. 141].

Португальские клещи, охватившие Аракан, были временно разорваны, и де Бриту предпочел заключить с Мин Разаджи перемирие. Но португальские авантюры в пограничной зоне между Бенгалом и Араканом на этом не закончились. Небольшой отряд португальцев во главе с Себастьяном Гонзалвишем Тибаном, бежавшим из Дианги, вскоре оброс новыми искателями приключений и захватил себе новую базу на острове Сандвип, расположенном в стратегически важном месте, близ устья Ганга. В 1609 г. Себастьян Тибан выбил оттуда угнездившихся там ранее афганских пиратов и объявил себя королем Сандвипа [112, т. I, с. 55; 142, с. 142].

Между тем внутренняя обстановка в Аракане осложнилась борьбой между различными феодальными кликами. В 1608 г. группа феодалов, опиравшаяся на живших в Аракане монов и индийцев, подняла мятеж, провозгласив королем сына Мин Разаджи принца Минхкамаунга. Центром мятежа стал город Сандовай. Находившийся там в этот момент Мин Разаджи едва не был захвачен мятежниками. Восстание было подавлено с большим трудом. Король простил сына, а взятых в плен мятежников превратил в храмовых рабов [142, с. 141].

Два года спустя разгорелся конфликт между Мин Разаджи и его братом, губернатором Читтагонга. Не осилив короля в открытой борьбе, тот бежал на Сандвип к Тибану. Мятежный араканский феодал и португальский авантюрист быстро нашли общий язык. Их союз был скреплен женитьбой Тибана на сестре принца, а следовательно, и

самого Мин Разаджи. Таким образом новый претендент на трон обеспечил себе прочную поддержку со стороны португальцев. Создавшейся ситуацией заинтересовались и вице-король Гоа и де Бриту, который в этот момент находился на вершине могущества и в любой момент мог вновь открыть военные действия против Аракана. В то же время могольская армия в Бенгале атаковала северные владения Аракана. Голландцы, также пристально следившие за событиями в этой стране, в сентябре 1610 г. приняли решение открыть факторию в Мрохаунге, но и на этот раз воздержались от прямого военного вмешательства. У припертого к стене Мин Разаджи остался один выход — любой ценой заключить мир со своим новоявленным родственником — Тибаном [112, т. I, с. 55].

Войска Тибана и Мин Разаджи некоторое время действовали вместе против Могольской империи (араканский принц, шурин Тибана, вскоре после заключения союза умер, отравленный то ли португальцами, то ли араканскими агентами, а Тибан захватил его сокровища). Но военные действия приносили мало добычи. Бенгальский берег был за последние годы разорен дотла. А тут наместник Бенгала предложил Тибану крупную сумму, если он перейдет на его сторону. Тибан пошел на эту сделку, хотя его племянник оставался заложником у Мин Разаджи. Он пригласил всех капитанов араканской флотилии, действовавшей вместе с ним, на борт своего судна и перебил их. Затем он овладел большей частью араканских кораблей, перебив или продав в рабство их команды [142, с. 142].

Лишенное защиты флота, араканское побережье стало легкой добычей португальских пиратов. Тибан не только уничтожил все форты и таможни, лежавшие у моря, но и, поднявшись в глубь страны по реке Лемро почти до стен Мрохаунга, захватил там церемониальный королевский корабль, отделанный золотом и слоновой костью. Вскоре после этой катастрофы Мин Разаджи умер. Перед смертью у него было одно сомнительное утешение — он приказал посадить на кол племянника Тибана [112, т. I, с. 57—58].

Новому королю Минхкамаунгу (1612—1622) понадобилось три года, чтобы собрать силы для ответного удара. В 1615 г. вновь построенный араканский флот атаковал Сандвип, но был отбит с большими потерями. Тибан тем временем получил помощь от вице-короля Гоа, которому он обещал передать все сокровища Аракана после завоевания этой страны. В том же году регулярная португальская эскадра вместе с флотилией Тибана атаковала араканское побережье. Угроза захвата Аракана Португалией стала настолько реальной, что даже скуповатое руководство голландской Ост-Индской компании, заблаговременно извещенное своими агентами в Мрохаунге, прислало на помощь Минхкамаунгу свою эскадру. В продолжительном бою у побережья Аракана португальский флот был наголову разбит соединенными силами араканцев и голландцев. В этом бою был убит и португальский адмирал. Тибан с остатками своей эскадры бежал на Сандвип, но его сила была сломлена. Два года спустя, в 1617 г., Минхкамаунг уже один, без помощи голландцев, овладел Сандвипом и очистил его от португальцев [137, с. 68].

Несмотря на печальный опыт прошлых лет, Минхкамаунг и его преемник не перестали пользоваться услугами португальских наемников. Только теперь они были сосредоточены в Читтагонге под присмотром араканских властей. В начале 20-х годов XVII в. спрос на рабов на араканских рынках резко повысился: голландцам нужны были рабочие руки для обработки плантаций на тех островах Пряностей, где они истребили местное население, и араканские короли спешили удовлетворить этот спрос. В 1625 г. португало-араканское войско короля Тиритудхаммы (1622—1638), сына Минхкамаунга, совершило новый сокрушительный набег на Бенгал и разграбило его столицу Дакку. Могольский губернатор Бенгала, неспособный организовать эффективное сопротивление, вынужден был после этого набега перенести свою ставку в глубь страны [142, с. 143].

В том же году в Мрохаунг прибыло голландское посольство во главе с Антонием Кеном, имевшее, видимо, целью поощрить Тиритудхамму на новые пиратские подвиги такого же рода. И действительно, вскоре после этого араканский флот совершил дерзкое

нападение на Нижнюю Бирму. Пестрое войско Тири-тудхаммы, в которое помимо португальцев входили японские христиане, моны, бирманцы, индийцы — мусульмане из Северной Индии, разграбило Моулмейн и Пегу. При этом из дворца бирманского короля был увезен в качестве трофея тот колокол, на звук которого Анаупхелун должен был выходить к просителям [38, с. 276].

Государство араканских королей все более приобретало паразитарный характер.

Сиам в первой четверти XVII в.

В начале XVII в. Сиам был самым могущественным государством Юго-Восточной Азии. Король-полководец Наресуан (1590—1605), восстановивший в 80-х годах XVI в. независимость Сиам, не только нанес Бирме решительное поражение, но и подчинил себе значительную часть ее территории. В 1594 г. войска Наресуана захватили Камбоджу. К концу своей жизни Наресуан возглавлял обширную державу, территория которой более чем вдвое превышала размеры Сиам до его завоевания Бирмой в 1569 г.

Могущество Сиам в этот период выросло не только за счет удачных войн, но и за счет исключительно благоприятной для него торговой конъюнктуры, сложившейся к началу XVII в. в регионе. Еще в прошлом столетии после захвата португальцами Малакки восточные купцы, чтобы избежать беспощадного грабежа, наряду с южным обходным путем (вокруг Суматры) стали широко пользоваться и северным путем в обход Малакки — через Сиам.

Они либо перетаскивали свои суда волоком через перешеек Малаккского полуострова, либо двигались по пути Тенассе-рим — Аюттия, по которому шел наиболее мощный поток людей и товаров. Этот путь шел от моря к верховьям реки Тенассе-рим. Здесь товары перегружались на повозки, запряженные волами, и доставлялись через горные перевалы к верховьям одного из притоков Меклонга, где их вновь грузили на лодки и везли к Сиамскому заливу и далее в Аюттию. Неудобства трехкратной перегрузки с избытком возмещались безопасностью и значительным сокращением пути, по сравнению с путем вокруг Малаккского полуострова и тем более вокруг Суматры. При этом значительная часть индийских, китайских, индонезийских и вьетнамских купцов, достигнув Аюттии, предпочитала не везти свои товары дальше, а продать их на месте, чтобы здесь же приобрести нужные им товары, всегда имевшиеся в изобилии на этом крупнейшем международном рынке Дальнего Востока.

Наряду с торговлей привозными товарами Сиам вел значительную торговлю товарами местного производства. Из местных продуктов особенно большие доходы приносили сиамской торговле олово, свинец и селитра, находившие сбыт во всех странах Южной и Восточной Азии, слоновая кость, ценные сорта дерева (орлиное или алойное дерево — калембак, сапан, тик), а также олени шкуры. Сиамские суда, груженные как иностранными, так и отечественными товарами, в XVI—XVII вв. курсировали от Японии до Персии и Аравии.

Первостепенную важность для Сиам имела торговля с Японией, начало которой было положено в конце XVI в. Официальные дипломатические отношения между Сиамом и Японией начинаются с письма сегуна Иеясу королю Экатотсароту (1605—1620), в котором он просил прислать ему ароматичное дерево и пушки сиамского производства, высоко ценившиеся в Японии (1606 г.) [129, с. 27]. Сегун, в свою очередь, послал королю в подарок несколько кольчуг и 10 японских мечей. На этом этапе Япония больше была заинтересована в развитии торговых отношений, чем Сиам. Поэтому в 1608 г., еще не дождавшись ответа Экатотсарота, Иеясу вновь пишет Экатотсароту и вновь просит пороха и пушек. В третьем письме, написанном в октябре 1610 г., он благодарит сиамского короля за снаряжение посольства, которое наконец прибыло в Японию, и за обещание в следующем году прислать корабль с пушками и порохом.

Обмен посольствами продолжался и при преемниках Иеясу и Экатотсарота. Особенно оживленный характер приобрели дипломатические отношения в правление короля Сонгтама (1620—1627), когда обмен посольствами происходил почти ежегодно. Сегуны поощряли торговлю своих купцов с Сиамом. До нашего времени сохранились 53 экспортные лицензии 1592—1615 гг., которые японское правительство выдавало судам, идущим в Сиам. Сиамские купцы также могли беспрепятственно торговать с Японией [129, с. 272, 284—292].

Всю торговлю между Сиамом и Японией в первой трети XVII в. можно разделить как бы на два потока, которые сравнительно мало смешивались между собой. Один из них — это торговля и обмен подарками, так сказать, «на высшем уровне» — между правительствами. Японское правительство получало из Сиамского огнестрельное оружие, порох, олово, селитру, слоновую кость и некоторые предметы роскоши. Сиамское правительство — японских лошадей, холодное оружие и также предметы роскоши. Все эти товары представляли собой предметы либо военного, либо придворного и княжеского обихода и (за исключением олова) не могли быть использованы другим путем. Поэтому этот поток товаров не мог играть существенной роли для развития экономики обеих стран.

Иной характер носила торговля, которую в первые десятилетия XVII в. вели главным образом частные купцы Японии и Сиамского. Среди широкого ассортимента различных «мирных» товаров, которыми они обменивались, прежде всего необходимо выделить оленьи и буйволиные шкуры, с одной стороны, и медь и серебро — с другой.

Экспорт кожи из Сиамского в Японию достигал в отдельные годы несколько сот тысяч шкур и, видимо, очень редко спускался ниже 100 тыс. штук [36, с. 67]. В обмен на кожу и большие партии сапанового дерева из Японии в Сиам шли крупные грузы дешевой японской меди и серебра.

Крупные размеры приняла в XVII в. торговля с Китаем, имевшая к тому времени уже многовековую традицию. «Сиамский король имеет своих торговых представителей в Пегу, Аве, Чиангмае, Лангчане (Луангпхабанге.— Э. Б.) и на Коромандельском побережье, но особенно много — в Китае», — писал в 30-х годах XVII в. известный путешественник Мандельсло (цит. по [46, с. 42]). Китайский император, в свою очередь, держал в Сиаме четырех постоянных представителей из китайцев, знающих сиамский и другие языки, для облегчения дипломатических и торговых сношений. «Король (Сиамского.— Э. Б.) и его брат, — писал примерно в это же время голландец ван Влит, — посылают каждый год корабли в Кантон... и другие районы Китая. Король пользуется этой привилегией по старинному договору с китайскими императорами» [264, с. 92].

Важную роль в развитии этой торговли сыграли китайские купцы и моряки, с давних пор обосновавшиеся в Сиаме. Сиамский торговый флот в значительной мере был укомплектован китайцами. В середине XVII в., в результате крестьянской войны и войны с маньчжурами в Китае, объем торговли уменьшился, однако все еще оставался значительным. В частности, Сиам поставлял свинец, селитру, порох и оружие китайскому национальному герою Чжэн Чэнгуну и его соратникам, которые, опираясь на Тайвань, боролись с маньчжурами и голландцами [216, т. II, с. 204].

Важна была для Сиамского и его торговля с Индией, не только потому, что Индия представляла объемистый рынок как для местных сиамских продуктов (в частности, слоновой кости и слонов), так и для ввозившихся Сиамом японской меди и китайского фарфора, но и тем, что из Индии вывозились хлопчатобумажные ткани. Этот товар не только находил широкий сбыт внутри страны, но и реэкспортировался из Сиамского в добрый десяток стран, принося большой доход. Определенная часть индийских ремесленников специально работала на сиамский рынок. «Ткани из Короманделя и Сурата, продающиеся в Аютии, выделяются и расписываются по сиамским модам», — отмечал ван Влит [264, с. 89].

Оживленная торговля велась также с соседними странами — Лаосом, Камбоджей, Северным и Южным Вьетнамом, Индонезией и даже с Филиппинами. Сиамские суда доходили до порта Мокка на Красном море [46, с. 312—315, 331, 335; 247, с. 365].

В Сиаме в первой половине XVII в. была развита и внутренняя торговля. Я. Стрейс, посетивший Сиам в 1650 г., писал: «Торговля внутри страны дает пропитание сотне тысяч человек». Далее он приводит список, (неполный, разумеется) профессий ремесленников, работавших на рынок: «Плотники, корабельные мастера, кузнецы, ваятели, золотых и серебряных дел мастера, каменщики, златобиты, каменотесы, живописцы, граверы, ткачи, литейщики колоколов, медники, токари, обжигатели камня и извести, гончары, резчики по дереву, сундучных и ящичных дел мастера... несколько тысяч ювелиров и др.» [36, с. 67—68].

Наряду с давно обосновавшимися в Сиаме китайскими и индийскими купцами, связанными главным образом с внешней торговлей, появились и местные купцы, занятые преимущественно во внутренней торговле: «Купцы, торгующие съестными припасами и одеждой,— пишет Стрейс,— ...странствуют из города в город, из деревни в деревню. Этой торговлей кормятся тысячи и живут все время в своих лодках или торговых судах» [36, с. 68]. Н. Жерве в своем «Описании Сиамы» дополняет эту картину: «Большая часть народа занята торговлей, одни проводят все время, торгуя на реке, с женщинами и детьми, другие живут в городах, продавая в лавках в розницу товары, которые они приобрели оптом с прибывших судов» [127, с. 145].

В этот период отдельные районы страны начали специализироваться на производстве определенных продуктов. Так, Центральный район, долина нижнего и среднего Менама, специализировался на производстве риса; Северный район поставлял оленьи шкуры, сахар и воск; Западный район, долина Меклонга,— дерево сапан и соль; Юго-Восточный район, Малаккский полуостров,— олово, свинец, перец; Юго-Восточный район, у границы с Камбоджей,— корабельный лес, орлиное дерево, оленьи шкуры, благовонные смолы; плато Корат — железо; район Бангкока — фрукты [264, с. 67—69].

Столица Сиамы Аютия, ставшая в XVI—XVII вв. крупнейшим центром международной торговли, по отзывам современников, по своим размерам превосходила Париж. Считалось, что в Аютии проживают представители 43 наций [82, с. 136, 149]. Подданным какого-либо иностранного государства предоставлялся особый квартал, или слобода, в которой они могли жить, следуя законам и обычаям своей страны, под управлением старейшины, выбранного из их числа, который вел дела с сиамскими чиновниками [127, с. 69; 161, т. II, с. 237]. В числе иностранцев, организованных таким образом, были англичане, арабы, армяне, бенгальцы, голландцы, голкондцы, камбоджийцы, китайцы, кохинхинцы, лао, макасарцы, малайцы, подданные Могольской империи, пегуанцы (моны), персы, португальцы, тонкинцы, турки, чамы (тямы), представители яванских народов, японцы [80, с. 123—130].

Наряду с портами Бенгальского залива — Мергуи, Тенассе-римом, Джанк Сейлоном выросли в крупные торговые центры порты на восточном берегу Малаккского полуострова — Патта-ни, Лигор, Након-Сри-Дхаммарат, Сингора, Чайя. Большая торговля велась в городах Ратбури и Петбури (Пхетбури), лежащих на торговом пути Тенассерим — Сиамский залив. Важным торговым центром являлся также Питсанулок (Пхитсанулок) (второй по величине город Сиамы), куда горцы из лаосских княжеств Лангчан и Чиангмай приносили золото, рубины, мускус, бензойную смолу (росный ладан), воск, камедь, рога носорога, которые затем отправлялись в лодках вниз по Менаму к Аютии. В свою очередь, лаосцы закупали в Питсанулоке сиамские и индийские ткани [80, с. 152; 264, с. 68].

Таким образом, товарно-денежные отношения играли значительную роль в Сиаме XVII в. В XVIII в., однако, эти отношения не получили дальнейшего развития, напротив, торговля пришла в упадок, а феодальная рента в основной своей массе вновь стала натуральной. Основной причиной этого было столкновение торговых интересов Сиамы с

торговыми интересами европейских держав, прежде всего Голландии, в котором Сиам потерпел поражение.

Голландцы появились на территории Сиам в самом начале XVII в. В 1601 г. эскадра под командованием адмирала Якоба ван Нека достигла вассального сиамского княжества Паттани, богатого перцем [202, с. 85]. Несмотря на активное противодействие португальских, китайских и японских купцов, ван Нек заключил с княгиней Паттани договор о торговле перцем и получил разрешение открыть здесь факторию.

В 1603 г. глава фактории в Паттани ван дер Лек посетил Аютию, с тем чтобы выяснить возможности ведения торговли в сиамской столице. После обнадеживающих донесений ван дер Лека в Аютию был направлен с официальной миссией адмирал ван Варвейк (1604 г.). Здесь он встретил дружественный прием и даже получил аудиенцию у короля Экатотсарота, что в то время считалось исключительной милостью. Король дал голландцам разрешение торговать в Сиаме наравне с другими [63, с. 244].

Проникновение голландцев в Сиам сильно обеспокоило португальцев. Через своих соотечественников, живущих в Аютии, они стали вести в Сиаме усиленную антиголландскую пропаганду. В частности, они пытались убедить короля, что Голландия не самостоятельное государство с определенной территорией, а всего лишь обширный союз пиратов [63, с. 246]. Престиж самих португальцев в Сиаме, однако, был уже настолько подорван, а выгоды торговли с голландцами, ликвидировавшими португальскую монополию, были настолько очевидны, что их дипломатические демарши остались безрезультатными.

Тогда португальцы от уговоров перешли к угрозам. Португальский король в письме к своему вице-королю в Индии дал ему указание построить крепость в Мартабане, чтобы оттуда грозить Сиаму. По его мнению, если удастся запугать Сиам, «самое сильное государство в тех местах» [216, т. I, с. 3], и заставить его изгнать «мятежников» (т. е. голландцев), то все остальные правители Юго-Восточной Азии и подавно не решатся торговать с голландцами.

Но угрозы помогли португальцам не больше, чем уговоры. Король Экатотсарот не только не изгнал голландцев, но даже принял решение направить в Голландию свое посольство (декабрь 1607 г.). Осенью 1608 г. сиамское посольство, состоявшее из четырех крупных чиновников, в сопровождении свиты из 12 человек прибыло в Гаагу. 11 сентября 1608 г. сиамское посольство было принято штатгальтером Нидерландов принцем Морицем Оранским [63, с. 246]. Послы поднесли принцу богатые подарки (рубины и другие драгоценные камни). Объясняя цель своего прибытия в Голландию, послы с достоинством заявили, что их король ни в чем не нуждается и лишь интересуется жизнью и обычаями чужих народов. Единственное, что он хотел бы получить от Голландии, это плотников и корабельных мастеров для обучения сиамцев. Принц Оранский принял сиамских послов с большим почетом и на прощание подарил им несколько пушек [216, т. I, с. 1, 7].

В первые же годы своего появления в Южных морях голландцы, наряду с вывозом пряностей в Европу, стали заниматься посреднической торговлей между различными странами Востока. А для такой торговли Аютия была идеальным местом. Здесь голландцев в особенности привлекал давно установившийся товарообмен между Сиамом и Японией. Эту торговую линию, сулившую огромные прибыли, голландцы постарались освоить в первую очередь [216, т. I, с. 5, т. II, с. 4]¹¹.

Второе по значению место в это время на сиамском рынке занимал обмен индийских тканей на местные и дальневосточные товары. В этой торговле голландцы также стали принимать участие, начиная с первых десятилетий XVII в. В скором времени

¹¹ О размахе голландской посреднической торговли между Сиамом, с одной стороны, и Японией и Китаем, — с другой, можно судить по тому, например, что в первой четверти XVII в. голландские купцы ежегодно ввозили в Паттани одного только китайского белого шелка на 100 тыс. реалов [216, т. I, с. 55].

голландцы захватили в свои руки и большую часть торговых рейсов между Сиамом и Индонезией.

Помимо прибылей от посреднической торговли Сиам привлекал голландцев как неисчерпаемая продовольственная база для их крепостей и факторий в Индонезии и Малайе. Отношения голландцев с индонезийскими правителями часто принимали характер открытой войны, и, отрезанные в результате этого от местных источников продовольствия, голландцы оказались бы в очень затруднительном положении, если бы не могли покупать рис, масло и другие продовольственные товары в расположенном сравнительно недалеко Сиаме [216, т. I, с. 170, т. II, с. 4].

Наконец, менее важное, хотя также весьма существенное значение имел для голландцев перец Южного Сиам. На всем протяжении XVII в. голландцы упорно стремились сосредоточить всю торговлю сиамским перцем в своих руках не потому, что им его не хватало (в индонезийских владениях голландской Ост-Индской компании перца было более чем достаточно), а для того, чтобы лишить своих португальских, английских и французских соперников возможности покупать перец здесь и тем самым сбить цены на него в Европе.

Для того чтобы добиться осуществления этих задач, голландцы начали постепенно опутывать Сиам сетью своих факторий. В 1610 г. была основана фактория в Аютии, в 1612— в Лигоре и Паталунге. Несколько лет спустя были открыты фактории в Сингоре и на острове Джанк Сейлон (Пукет) [63, с. 246; 202, с. 86; 216, т. I, с. 11, 17].

Таким образом, наряду с центральным рынком в Аютии, факториями были охвачены все важнейшие центры производства олова и перца, которые были расположены на Юге Сиам. В этом районе голландцы развили особенную активность, используя отдаленность от центра и разобщенность расположенных здесь полузависимых малайских княжеств. Если в собственно Сиаме голландцы в первые десятилетия вели себя довольно сдержанно, то здесь они сразу дали местным правителям почувствовать свою силу, заставляя их подписывать выгодные для Голландии договоры.

Проникновение голландцев в сиамскую торговлю в первой четверти XVII в. мало беспокоило сиамское правительство, так как в этот период сиамский торговый флот был сравнительно невелик. Основными статьями доходов государства от торговли были таможенные сборы и продажа местных товаров на экспорт. Число купцов сиамцев было очень незначительно. Почти весь экспорт и импорт Сиам до появления голландцев находился в руках индийских, персидских, китайских, японских, арабских и индонезийских купцов (последние известны также под общим названием «мавры»).

Именно это разноплеменное восточное купечество, коренные интересы которого затрагивало голландское проникновение, стало застрельщиком борьбы против голландцев. Особым упорством, непримиримостью отличались японские торговцы, которых голландцы начали теснить в первую очередь.

В этой упорной и жестокой борьбе за сиамский рынок стороны не останавливались ни перед какими средствами. Так, в 1605 г. японцы взяли штурмом и сожгли голландскую факторию в Паттани [46, с. 44]. Перевес в этой борьбе, однако, был явно на стороне Голландии, располагавшей более совершенной военной техникой и организацией. Фактория в Паттани была вскоре восстановлена, и голландцы сохранили за собой господствующее положение в торговле этого княжества, как и вообще всего Юга Сиам.

В Центральном и Северном Сиаме, там, где власть сиамского короля была прочной, голландцы в первые десятилетия XVII в. придерживались иной политики. Здесь они не решались прибегнуть к открытому военному нажиму. Они предпочитали выступать под маской бескорыстных друзей Сиам. Реальную помощь сиамскому королю они, впрочем, оказывали только тогда, когда это было им выгодно. Голландские плотники, корабельные мастера и другие специалисты охотно шли на: сиамскую службу, так как они получали здесь очень высокое жалованье [63, с. 247]. В 1612 г., во время мятежа японских наемных войск, совпавшего с вторжением в Сиам лаосского короля,

голландские артиллеристы выступили на стороне правительства и продемонстрировали прицельную стрельбу из пушек, ранее подаренных сиамскому королю принцем Оранским [216, т. I, с. 67]. В данном случае для голландцев существовала реальная опасность, что в случае победы японцы заставят короля Экатотсарота или его преемника изгнать своих торговых соперников из страны.

Гибкая тактика голландцев в Сиаме принесла свои плоды. Сиамские короли охотно предоставляли им различные льготы и привилегии. Так, после подавления японского мятежа в 1612 г. король Экатотсарот установил для голландцев льготный порядок таможенного досмотра. 17 июня 1617 г. голландцам удалось заключить выгодный договор о закупке у сиамского правительства кож — важнейшей статьи экспорта в Японию [216, т. I, с. 15].

Вслед за голландскими купцами в Сиаме стали появляться и английские. Первые попытки завязать торговые отношения с Сиамом предпринял еще в 1608 г. капитан Вильям Киллинг, который вступил в переговоры с сиамским послом в Бантаме. Последний от имени своего короля пригласил англичан торговать в Сиаме [46, с. 46]. Особенно усилился интерес к сиамской торговле после прибытия в Гаагу первого сиамского посольства. Снаряжая в 1610 г. свою седьмую экспедицию, директора английской Ост-Индской компании поставили одной из основных ее задач открытие торговли с Сиамом.

В июне 1612 г. корабль английской Ост-Индской компании «Глобус» доставил в Сиам представителя Компании Адама Дентона, снабженного письмом Якова I к королю Экатотсароту. Англичане, так же как и голландцы, на первых порах встретили в Сиаме самый радушный прием. Письмо Якова I было зачитано в торжественной обстановке. Экатотсарот одарил послов богатыми подарками, а ответное посольство с письмом от Экатотсарота к Якову I, в котором английского короля просили присылать больше торговых судов в Сиам, в 1613 г. выехало в Англию [46, с. 49; 216, т. I, с. 18]. Англичане получили постоянное разрешение на торговлю в Сиаме; для размещения английской фактории в Аютии был предоставлен трехэтажный каменный дом. Другая фактория, несмотря на противодействие голландцев, была в том же году основана в Паттани.

Подобно голландцам, англичане вывозили из Сиамы в Японию олово, свинец, драгоценные сорта дерева, благовония, красители и оленье шкуры. Так, в 1617 г. только на одном из кораблей английской Ост-Индской компании в Японию было вывезено 9 тыс. оленьих и буйволиных шкур. Английские суда крейсировали также между Сиамом и Тямпой [46, с. 65, 68].

Однако после первого периода быстрого подъема английская торговля в Сиаме также быстро пришла в упадок. Этому способствовали отчасти частые войны, которые вели в это время Сиам и соседние с ним государства. Так, в 1615 г. бирманские войска, захватив Чиангмай, разгромили английскую факторию и увели в плен возглавлявшего ее персонал Р. Сэмюэля [46, с. 62]. Важной причиной упадка английской торговли в Сиаме была жестокая конкуренция со стороны голландских, португальских и японских купцов.

Конкуренция эта принимала самые различные формы — от закулисных интриг до открытой вооруженной борьбы. В 1616 г. жертвой этой борьбы пал глава английской фактории в Аютии Бенджамен Фери, отравленный португальцами [216, т. I, с. 66]. В следующем году попытка английского фактора Питта заковать в кандалы голландца Петерсона во время «дружеского» банкета в Аютии привела к кровавой драке между голландцами и англичанами, в которой было убито несколько человек [46, с. 67]. Столкновения на суше дополнялись упорной борьбой на море. Португальские корабли, базировавшиеся на Макао, специально выслеживали английские суда, идущие из Сиамы в Японию. Голландцы также не упускали удобного случая захватить английский корабль, несмотря на то что официально Голландия считалась союзником Англии.

В итоге англичане в Сиаме не смогли выдержать голландской конкуренции. Причины этого заключались не только в военном и экономическом превосходстве

голландской Ост-Индской компании, но и в ее более гибкой торговой политике. В то время как англичане основную ставку делали на сбыт своих отечественных товаров (главным образом сукно, которое пользовалось Малым спросом в тропиках), а посредническая торговля играла для них второстепенную роль, голландцы сразу стали уделять большое внимание посреднической торговле между странами Востока. В условиях Сиам, который сравнительно мало покупал европейские товары, такая торговая политика, естественно, была более реалистической.

У англичан в Сиаме была, в сущности, только одна, и то нерегулярная, связь — со своей факторией в Хирадо (Япония) (в отличие от голландцев, сразу наладивших рейсы между Сиамом, Индией, Индонезией, Китаем и Японией). Поэтому, когда эта ниточка была прервана голландскими и португальскими крейсерами, английские фактории в Аютии и Паттани оказались на пороге краха. В 1622 г. английская Ост-Индская компания решила закрыть фактории в Сиаме. Решение это было осуществлено только через год, так как главы факторий не могли расплатиться с долгами. Вновь появились английские торговцы в Сиаме только 36 лет спустя — в 1659 г.

Камбоджа в первой четверти XVII в.

Король Сорьопор (Баром Реатеа IV) (1603—1618) укрепился на троне с помощью сиамских войск и в обмен на это был вынужден признать Камбоджу вассалом Сиам. После разгрома Ниума [12, с. 269] ему пришлось подчинять провинции Кампонгсвай, Срей Сантхор, Сиенреап и Бапно, не желавшие признавать сиамского ставленника. Особенно упорное сопротивление Баром Реатеа IV встретил в пров. Треанг. Однако восставшие провинции были довольно быстро усмирены, и большая часть правления Баром Реатеа IV стала для Камбоджи периодом мирного развития [22, с. 88; 28, с. 253; 84, с. 95—98].

Стремясь укрепить социальную базу своей власти, Баром Реатеа IV щедро одаривал буддийское духовенство, строил буддийские храмы и жаловал им обширные земли. Зависимость Камбоджи от Сиам (король Наресуан оставил у себя заложником старшего сына Баром Реатеа IV Чей Четту) в этот период имела только внешние проявления: при камбоджийском дворе ввели ряд тайских обычаев, в этикете и одежде например, но в других отношениях Камбоджа сохранила свою автономность. В правление Баром Реатеа IV страна стала постепенно оправляться от потрясений конца XVI в. Целый ряд урожайных лет позволил укрепить экономику, и народные движения стихли. Только в 1605 г. камбоджийская летопись отмечает локальное восстание, которое возглавили провозгласившие себя королями братья Па Рат и Лак Смина. Это восстание, однако, было быстро подавлено Чей Четтой, который в 1605 г. бежал из Сиам, воспользовавшись замешательством, вызванным внезапной смертью короля Наресуана [84, с. ПО—112; 127, с. 259—260].

Поражения Сиам в войне с Бирмой в 1615—1618 гг. привели Баром Реатеа к мысли, что настал момент восстановить независимость страны. Предвидя, что Сиам, даже ослабленный, не смирится с потерей своего вассального владения, Баром Реатеа IV решил заручиться сильным союзником. В 1618 г. он обратился к правителю Южного Вьетнама Шай Вьонгу с просьбой выдать его дочь Анг Чув за Чей Четту. Династический брак был заключен, и в том же году 72-летний Баром Реатеа IV отрекся от престола в пользу своего старшего сына [84, с. 120—122, 124]. По традиции, установившейся, видимо, в XIV в., должность короля в Камбодже была выборной. Даже если король сам назначал себе преемника, он должен был получить одобрение Совета знати. Летопись XVII в. называет следующих выборщиков: «Министры, мандарины и королевские служители». По-видимому, в число выборщиков входили все чиновники, находившиеся в столице, но право решающего голоса (как и в XIX в.) принадлежало пяти главным министрам (чауфеа — первый министр, йоммореат — министр юстиции и полиции, веанг — министр Двора и

финансов, кралахом — морской министр, чакрей — военный министр) [197, с. 253—254]. Получив от Совета согласие на коронацию Чей Четты, Баром Реатеа IV предотвратил возможность борьбы многочисленных членов королевского клана за власть после своей смерти. А такая борьба, обычное явление в Камбодже XVI—XVII вв., была бы особенно губительна в момент надвигавшейся войны с Сиамом.

Новый король Чей Четта II (1618—1627), как показали дальнейшие события, был способным правителем и талантливым полководцем. Едва взойдя на трон, он принял решительные меры к ограничению произвола феодалов. Он реорганизовал административное устройство страны. Подавая пример своему новому аппарату, он стал сам отправлять правосудие, и каждый жалобщик, даже представитель социальных низов, в принципе мог добиться рассмотрения своего дела лично королем. В 1620 г. Чей Четта II начал кодификацию камбоджийского права, которая была завершена четыре года спустя. Новый камбоджийский свод законов состоял из 24 томов. Кроме того, в 1621 г. он отменил смертную казнь, которая, по старым камбоджийским законам, полагалась за одиннадцать видов преступлений, и снизил размеры наказания за менее тяжкие преступления [84, с. 129—130; 197, с. 283].

Все эти меры, несомненно, были вызваны воспоминанием о крестьянских войнах, потрясавших Камбоджу в XVI в., и свидетельствовали о дальновидности молодого монарха. В 1622 г. Чей Четта II официально провозгласил независимость Камбоджи; сиамский король Сонгтам ответил на этот акт немедленным вторжением в страну с суши и с моря. Он сам возглавил основную армию, двигавшуюся по суше, состоявшую из 80 тыс. пехотинцев и 300 боевых слонов. В то же время наследник сиамского престола принц Четтатират с флотом, на который было посажено 20 тыс. солдат, атаковал Камбоджу с тыла, высадившись в порту Кампот. У Чей Четты II было всего 50 тыс. солдат и 700 боевых слонов. Умело маневрируя, он стал заманивать Сонгтама в глубь страны, в то время как все население, находившееся в полосе движения сиамской армии, по приказу Чей Четты II уходило в леса, оставляя врага без продовольствия. Наконец, заняв выгодную позицию у горы Пангканг, Чей Четта II принял бой. Перед этим он уменьшил свою и без того небольшую армию на две пятых, разместив в лесах близ дорог, ведущих на север, юг и запад от места сражения, три засадных полка. Характер горно-лесистой местности не позволял Сонгтаму атаковать войско Чей Четты II на широком фронте, и тот продержался до подхода вспомогательного войска, собранного губернаторами Баттамбанга и Сиамреапа, которое ударило в тыл сиамской армии. Сиамцы дрогнули и побежали. Но все пути отхода уже были перерезаны засадными полками. 10 тыс. сиамцев было убито, 30 тыс. взято в плен. Победителю достались также 250 из 300 боевых слонов Сонгтама. Оставшиеся в живых сиамские солдаты рассеялись по лесам, многие погибли от голода и лишений. Сам Сонгтам с тремя сотнями лейб-гвардейцев едва вырвался из окружения [84, с. 134—139; 128, с. 191—194; 264, с. 36; 273, с. 168].

Примерно в это время был разбит сиамский десант, высаженный в Кампоте. Располагавший здесь незначительными силами брат короля Преах Утей имитировал поспешное отступление, а ворвавшиеся в камбоджийский лагерь сиамцы нашли здесь еще кипящие котлы с рисом и мясом. Они неосторожно воспользовались этими трофеями, и вскоре большая часть войска вышла из строя — пища была отравлена. Четтатират с немногими уцелевшими солдатами поспешил к берегу и отплыл в Сиам. Пленные сиамцы были посажены на землю в качестве государственных крестьян в восточных провинциях Камбоджи [84, с. 139—142].

Желая взять реванш, Сонгтам обратился за помощью к голландцам и англичанам. Но Голландия и Англия в это время были слишком заняты борьбой за острова Пряностей, чтобы ввязываться в отношения между странами Индокитайского полуострова¹². Не

¹² Голландцы, завязавшие в 1618 г. выгодные торговые, сношения с Камбоджей, уклонились от участия в сиамо-камбоджийском конфликте и даже временно закрыли свои фактории в Сиаме. В знак признательности за это Чей Четта II в 1623 -г; разрешил им открыть новую торговую факторию в г. Удонге,

получив европейской поддержки, Сонгтам в 1623 г. все же направил против Камбоджи новое войско и флот из 500 судов под командованием Четтатирата. Но Чей Четта II к этому времени уже организовал 100-тысячную армию, которая плотно прикрыла камбоджийские границы. Дело ограничилось долгим потивостоянием двух армий. Наконец, у Четтатирата не выдержали нервы, и он ночью увел свое войско без боя [38, с. 249; 84, с. 143—146].

После этого на протяжении более чем полувека Сиам не предпринимал крупных вторжений в Камбоджу. Однако, отстояв свою независимость от западного соседа, Камбоджа была вынуждена пойти на уступки восточному соседу — Южному Вьетнаму. Уже в 1623 г. в Удонг прибыло посольство правителя Южного Вьетнама Шай Выонга. В обмен на дружественный нейтралитет оно потребовало от Чей Четты II право основывать вьетнамские поселения в пров. Прейкор (Сайгон) и право собирать там налоги. Камбоджийский король вынужден был согласиться.

Многие важные посты в королевстве были отданы вьетнамцам. Неподалеку от новой камбоджийской столицы — Удонга была построена вьетнамская мануфактура. В Удонге постепенно образовалась значительная вьетнамская торговая община. К 1628 г. провинции дельты Меконга Прейкор, Кампеанг Секат-рей (Бьенхоа) и Бариа были уже густо заселены вьетнамскими переселенцами из северных малоземельных районов. Так было положено начало перехода дельты Меконга под власть Южного Вьетнама, хотя формально эта область еще долго входила в состав Камбоджи [22, с. 89; 28, с. 254; 104, с. 72—73; 125, с. 362].

Вьетнам в конце XVI — первой четверти XVII в

1592 г. был поворотным пунктом в гражданской войне, раздиравшей Вьетнам на протяжении нескольких десятилетий. В этом году войска под командованием Чинь Тунга, выступавшего от имени «законной династии» Ле, овладели столицей Вьетнама Тханглонгом (совр. Ханой), городом, носившим в то время также названия Ке-тё и Донг-кин¹³. Войска династии Маков, правившей в Тханглонге в 1527—1529 гг., были оттеснены на крайний Север Вьетнама в пров. Каобанг [12, с. 287].

Однако до полного объединения страны было еще далеко. На Севере страны вплоть до начала XVII в. постоянно вспыхивали феодальные мятежи в пользу Маков; существовало еще довольно сильное крестьянское движение (отголосок крестьянских войн начала XVI в.); Юг тогдашнего Вьетнама — две обширные провинции Тханьхоа и Куангнам (находившиеся с 1558 г. под управлением способного полководца Нгуен Хоанга) фактически превратились в отдельное государство, лишь номинально признающее верховную власть династии Ле. Сами Ле к этому времени окончательно лишились реальной власти, а Чинь Тунг, так же как и его отец Чинь Кiem, не принимая на себя королевского титула, был реальным правителем государства.

Иезуит Александр де Род, прибывший во Вьетнам в первой четверти XVII в., так описывал создавшуюся здесь ситуацию: «Королевство Тонкин — это истинная монархия, и, однако, здесь два короля. Но один из них, которого зовут буа (вуа.— Э. Б.),— король только по имени. Другой, которого называют тюа, обладает всей властью и распоряжается всеми провинциями. Буа же получает только видимость поклонения на ежегодной церемонии. Он не бывает на людях и живет замкнуто в старом дворце, где проводит свою жизнь в праздности, тогда как тюа управляет всеми делами войны и мира» [223, с. 76].

В 1593 г. Нгуен Хоанг оставил свое удельное княжество на Юге и прибыл ко двору короля Ле Тхе Тонга (1573—1599) формально, чтобы принести ему свои поздравления с

ставшем в 1620 г. столицей королевства, а также предоставил им значительные торговые привилегии (10, с. 28—29; 104, с. 75].

¹³ От этого последнего названия произошло название «Тонкин», употреблявшееся европейцами в XVII в. для обозначения Северного Вьетнама.

возвращением в столицу, а фактически, видимо, чтобы прощупать, нельзя ли вырвать власть из рук Чинь Тунга и самому занять аналогичное положение, которым пользовался до 1545 г. его отец Нгуен Ким. Ле Тхе Тонг, тяготившийся засильем клана Чи-ней, пожаловал Нгуен Хоангу высокий титул и направил его против сторонников Маков и крестьянских повстанцев на Севере страны. В течение нескольких лет Нгуен Хоанг успешно сражался на Севере, в частности он разгромил «грабителей» [так феодальные летописи именовали восставших крестьян) в пров. Хайзыонг [20, с. 13]. Но оттеснить Чинь Тунга от власти ему не удалось. Более того, тот к 1599 г. настолько усилил свои позиции, что официально стал верховным главнокомандующим всех вооруженных сил страны и получил титул выонг — высший, следующий после королевского звания [39, с. 167; 75, с. 109—110; 191, с. 15].

Видя, что расчеты не оправдались и контроль над войсками ускользнул из его рук, Нгуен Хоанг решил вернуться на Юг. Воспользовавшись новым феодальным мятежом, вспыхнувшим летом 1600 г. в дельте Красной реки (некоторые современники считали, что он сам был подстрекателем этого мятежа), Нгуен Хоанг выступил с войсками якобы на подавление восстания, но, достигнув берега моря, бежал вместе со своими сторонниками в свои старые владения. Погоня, посланная Чинь Тунгом, не смогла его догнать. Между тем мятеж разыгрался не на шутку. Чинь Тунгу и королю Ле Тхе Тонгу пришлось бежать из столицы в пров. Тханьхоа. Нгуен Хоанга победа Маков, видимо, устраивала еще меньше, чем сохранение власти за Чинями, и он поспешил сделать последним мирные предложения — прислал в лагерь Ле Тхе Тонга в Тханьхоа в качестве заложников своего сына Хая и внука Хака и предложил свою дочь в жены Чинь Чангу, старшему сыну Чинь Тунга. Брачный союз был заключен, а мятежники, в лагере которых начались раздоры, были частью истреблены, частью бежали в Каобанг. «Законный» король снова вернулся в Тханглонг. Последующие 20 лет были периодом неустойчивого равновесия между властью Чи-ней на Севере и властью Нгуенов на Юге страны. Обе неофициальные династии собирали силы для окончательной борьбы за объединение страны под своей гегемонией [20, с. 13; 75, с. 111 — 113; 162, с. 18; 191, с. 15].

Двадцатилетнее затишье в начале XVII в. было временем общего подъема хозяйства и развития внешней торговли, как на Севере, так и на Юге страны. Если верить А. де Роду, в 20-х годах XVII в. в Северном Вьетнаме имелось до 50 морских портов. Особенно важную роль во внешнеторговых операциях Северного Вьетнама играл расположенный у моря Фохиен. Здесь, как и в столице Тханглонге, постоянно проживали иностранные купцы — китайцы, японцы, португальцы и др. В Южном Вьетнаме главным торговым портом был Файфо. Миссионер Кристофор Борри в 1618 г. писал: «Основную торговлю в Кохинхине (Южном Вьетнаме.— Э. Б.) ведут китайцы и японцы на ярмарке, которая собирается каждый год в одном из портов... Король Кохинхины некогда разрешил японцам и китайцам выбрать место для постройки города, где бы проводилась ярмарка, о которой мы говорили. Этот город называется Файфо. Он так велик, что можно сказать, что в нем два города, один — китайский, другой — японский. Каждый из них расположен отдельно, каждый имеет свою администрацию, и живут там также по-разному. Китайцы по законам и обычаям Китая, японцы — по своим законам и обычаям» (цит. по [191, с. 51]).

В начале XVII в. у интернациональной колонии купцов во Вьетнаме появились новые конкуренты — голландцы и англичане. Корабли голландской и английской Ост-Индских компаний появились во Вьетнаме не с Запада, а с Востока — из Японии, богатый рынок которой они стали осваивать в первую очередь. Европейские товары, однако, находили слабый спрос в Японии, к тому же доставка их стоила очень дорого. Между тем в Японии существовал устойчивый спрос на вьетнамский шелк. Он ввозился сюда в основном в виде пряжи (но иногда в виде готовых белых и многоцветных тканей) и обменивался на дешевое японское серебро. Руководству голландской и английской факторий в Хирадо одновременно пришла в голову мысль вклиниться в этот выгодный

товарообмен, и в 1613 г. в Файфо из Хирадо прибыли два голландских и два английских торговых представителя. Эта первая попытка завязать связи с Южным Вьетнамом кончилась неудачно. По свидетельству современников, глава английской миссии Темпест Пикон дерзко говорил с королем (наиболее вероятно, что разговор был с губернатором пров. Куангнам), за что был убит, а его товары конфискованы. Вьетнамцы убили также одного из голландских представителей, а груз голландского корабля конфисковали [71, с. 117—118; 162, с. 9]¹⁴. Возможно, здесь сыграла роль португальская интрига. Португальцы, давно укоренившиеся в Южном Вьетнаме и бывшие в особом фаворе у Нгуен Хоанга (примерно в это же время португалец Жан де ла Круа построил близ Хюэ литейню пушек [191, с. 92]), стремились любым способом навредить своим старым противникам.

Этот инцидент, однако, вскоре был предан забвению. Уже в 1617 г. наследник Нгуен Хоанга — Нгуен Фук Нгуен (1613—1635), более известный под именем Шай Выонг, рассылает письма директорам факторий голландской Ост-Индской компании в Паттани, Лигоре и Аютки с приглашением прибыть в Южный Вьетнам для торговли. В том же году англичане завязали первые торговые контакты с Северным Вьетнамом [71, с. 119; 162, с. 14; 191, с. 55, 65].

В этот период во Вьетнаме активизируется еще одна европейская сила — католические миссионеры, представленные международным орденом иезуитов. В январе 1615 г. в Южный Вьетнам прибыло два иезуита — итальянец Франсуа Бузоми и португалец Диего Карвальо, которые обосновались в Файфо. Первоначально их сфера влияния распространялась только на местных японцев христиан. Несколько лет спустя число иезуитов в Южном Вьетнаме дошло до десяти. Среди них был и молодой француз Александр де Род, который первым начал произносить публичные проповеди на вьетнамском языке. Он же завершил оформление латинизированной вьетнамской письменности «куок нгы» и перевел на вьетнамский язык важнейшие, с богословской точки зрения, христианские религиозные произведения. К 1627 г. иезуиты окрестили в Южном Вьетнаме 2 тыс. человек, но их основные успехи были еще впереди [146, т. II, с. 57—58; 246, с. 11 — 13].

Между тем период затишья в обеих частях Вьетнама подходил к концу. В 1619 г. разразился кризис в Северном Вьетнаме. Король Ле Кинь Тонг (1599—1619) попытался ниспровергнуть власть Чинь Тунга. Для этого он вступил в заговор с сыном Чинь Тунга, принцем Чинь Суаном. Попытка переворота, однако, не была удачной. Ле Кинь Тонг был вынужден повеситься, а Чинь Тунг посадил на трон нового принца из династии Ле — тринадцатилетнего Ле Тхан Тонга (1619—1643 и 1649—1662) [20, с. 172].

В следующем году сходная ситуация сложилась в Южном Вьетнаме. Два брата Шай Выонга — принцы Хап и Чат задумали свергнуть его и разделить Южный Вьетнам между собой. С этой целью они вступили в сношения с Чинь Тунгом. Он, естественно, одобрил план братьев. Была достигнута договоренность о совместных действиях. Чтобы создать «казус белли», Чинь Тунг направил в г. Айты — столицу Южного Вьетнама посла с требованием выплатить королю налоги с южных провинций, которые южновьетнамский правитель уже лет двадцать как перестал присылать. Шай Выонг ответил уклончиво: мол, пришлю, когда урожаи станут лучше. Тогда Чинь Тунг придвинул к южновьетнамской границе, которая проходила по реке Ниутле, корпус под командованием генерала Нгуен Кая. Шай Выонг отправил ему навстречу свои войска. Воспользовавшись ослаблением столичного гарнизона, Хап и Чат подняли восстание в Айты. Захватив продовольственные склады, где хранился провиант для армии, они укрепились в этой части города, рассчитывая продержаться до подхода северовьетнамских войск. Нгуен Кай, однако, действовал нерешительно и не сумел форсировать Ниутле. Восстание принцев было подавлено. Шай Выонг посадил их в тюрьму, где они, по словам летописцев, вскоре

¹⁴ Источники излагают эту историю довольно противоречиво. Так, глава английской фактории в Хирадо Ричард Кокс, в 1614 г. доносивший начальству, что Т. Пикон «убит королем», в 1617 г. выдвигает уже другую версию: «Т. Пикон утонул при столкновении судов» [162, с. 12].

умерли «от угрызений совести» [75, с. 119]. После этого войска Нгуен Кая вернулись на свои базы.

Это столкновение положило начало длинной череде войн между Севером и Югом, тянувшейся более полувека. Инициатором в этих войнах было, как правило, государство Чиней, И не столько потому, что численность его войск примерно в два с половиной раза превосходила численность армии Нгуенов (это уравнивалось большей боеспособностью южновьетнамских войск). Для Чиней завоевание Юга не было просто вопросом престижа. Северный Вьетнам в XVII в. был единственной аграрно-перенаселенной областью Юго-Восточной Азии, с Севера и Запада его окружали горно-лесистые области, непригодные для выращивания риса, которым традиционно занимались вьетнамские крестьяне. Единственным направлением расселения в экологически однородной среде был Юг. Под властью Нгуенов находились обширные слабо заселенные пространства, которые к тому же еще продолжали расширяться за счёт пришедшего в упадок государства Тямпа (в 1609 г. Шай Выонг отторг у Тямпы еще одну провинцию [191, с. 16]), а с середины XVII в. и за счет Камбоджи. Шай Выонг щедро наделял беглецов с Севера землей, создавая военные поселения на границах своего государства. Норма феодальной эксплуатации на Юге была ниже, чем на Севере, во-первых, потому, что Нгуены не могли слишком антагонизировать своих крестьян—полувоинов, а во-вторых, потому, что богатые крестьяне Юга, естественно, производили больше прибавочного продукта, чем малоземельные крестьяне Севера. Многим, крестьянам дельты Красной реки Юг казался обетованной землей, и Чини не могли этого стерпеть.

Сборы северовьетнамского правительства на новую войну с Югом задержались из-за смерти, в 1623 г., Чинь Тунга, находившегося у власти 53 года. Некоторые советники Шай Выонга считали этот момент подходящим для похода на Тханглонг под лозунгом: «Освободим династию Ле от узурпаторов!», но осторожный Шай Выонг предпочел занять выжидательную позицию. Действительно, наследник Чинь Тунга Чинь Чанг (1623— 1657) довольно быстро консолидировал ивою позицию и в 1626 г. направил в Айты новое посольство с требованием уплатить дань. Получив отказ, он собрал 120-тысячное войско и двинулся к Ниутле. Война началась всерьез [75, с. 120].

Завоевание Филиппин Испанией

После нескольких неудачных попыток закрепиться на Филиппинах в первой половине XVI в. испанское правительство в ноябре 1564 г. снарядило в Мексике сильную эскадру под командованием Лопеса де Легаспи, которая прибыла на Филиппины в феврале 1565 г. Здесь Легаспи создал базу на острове Себу и приступил к покорению Висайских островов, лежавших в центральной части Филиппин. Пользуясь разобщенностью и междоусобными войнами местных жителей, он заключил договоры с частью висайских князей и с их помощью к началу 70-х годов XVI в. в основном завоевал всю территорию Висайев и Северного Минданао. В 1570 г. испанская агрессия распространилась на Лусон. Центр крупнейшего Лусонского княжества — г. Манила был взят штурмом 24 июня 1571 г. Легаспи перенес сюда столицу испанских владений [93, с. 198— 203; 231, с. 19—68].

Вскоре вслед за этим была завоевана равнинная часть Лусона. Таким образом, в 80-х годах XVI в. все Филиппины, за исключением Южного Минданао и Сулу (где мусульманские княжества организовали испанцам энергичный отпор), а также слабо заселенных горных местностей перешли под власть Испании. В ходе завоевания бок о бок с солдатами шли монахи-миссионеры, которые проповедовали на архипелаге христианство¹⁵. Успехи проповедников объяснялись тем, что филиппинское общество к этому

¹⁵ К началу 80-х годов было окрещено 100 тыс. филиппинцев, к 1586 г.— 170 тыс., к 1594 г.— 286 тыс. К 1600 г. численность христиан здесь возросла до 300—400 тыс. при общей численности населения колонии 700 тыс. В первой четверти XVII в. испанцам удалось добиться почти полной «христианизации»

моменту уже было готово к принятию классовой религии, но, за исключением южных районов Филиппин, куда уже проникло мусульманство, такой религии еще не имело. Христианская религия обещала всем угнетенным счастливую жизнь «на том свете». Старая же религия не давала даже и такой иллюзорной надежды.

В то же время испанское духовенство, апеллируя к широким массам зависимого крестьянства, сулило ему и некоторые земные блага. На Филиппинах в это время существовал обширный слой «рабов», точнее, лично зависимых крестьян, состоявший как из военнопленных, так и из весьма многочисленных кабальных должников. В документах католической церкви на Филиппинах 60—80-х годов XVI в. нет недостатка в страстных обличениях института рабства, в требованиях немедленно запретить продажу людей в кабалу за долги и освободить всех рабов. Вопрос о рабстве был поставлен первым в повестке дня первого Собора католического духовенства на Филиппинах, открывшегося в декабре 1581 г. в Маниле. В 1588 г. на основании решений этого Собора испанский король Филипп II издал указ, отменявший рабство на Филиппинах. Дети рабов, родившиеся после указа, становились свободными. Прочие рабы, принадлежавшие филиппинцам, подлежали освобождению в течение 5—10 лет. Испанцам также категорически запрещалось приобретать и держать рабов. В 1591 г. папа Григорий XIV издал буллу, запрещающую рабство на Филиппинах [62, т. 7, с. 17, т. 8, с. 11, 70, т. 24, с. 280—281; 169, с. 52; 208, с. 114].

В то же время испанское духовенство на первых порах стремилось предстать перед филиппинцами в роли заступника перед королем против насилий светской власти «на местах» (такая «гуманная» политика диктовалась трезвым политическим расчетом. В последней трети XVI в. на Филиппинах произошло 33 крупных восстания против испанских колонизаторов [11, с. 117]). Благодаря переписке духовенства с правительством по этому поводу до нас дошла реальная картина того, как осуществлялось колониальное освоение Филиппин. Так, в меморандуме 1573 г., составленном монахами августинского ордена для Филиппа II, подробно описываются чудовищные злоупотребления, которые чинили так называемые энкомьендеро¹⁶ в своих владениях (см. [прил., док. 1]).

Десять лет спустя епископ Доминго де Саласар писал Филиппу II: «Я не могу найти слов, чтобы описать Вашему Величеству несчастья, несправедливости и притеснения, мучения и нищету, в которую бывают ввергнуты индейцы (филиппинцы.— Э.Б.) во время сбора податей... Если вождь не дает энкомьендеро столько золота, сколько от него потребуют, или не платит подати за столько индейцев, сколько ему назовут, то несчастного вождя распинают или зажимают ему руки в тиски, поскольку все энкомьендеро, отправляясь собирать подати, берут с собой орудия пытки и бичуют и пытаются вождей, пока те не уплатят полную сумму, которую требуют (испанцы.— Э. Б.). Иногда, если сам вождь не явится, хватают его жену или дочь. Многие вожди умерли от пыток... Их распинают и подвешивают за руки... Я узнал, что один энкомьендеро потребовал у вождя, который не имел ни золота, ни серебра, ни тканей, чтобы уплатить подать, отдать ему индейца за 8 песо в счет тех девяти душевых податей, которые он задолжал. А затем (энкомьендеро.— Э. Б.) забрал этого индейца на корабль и продал его за 35 песо... Они собирают подати с детей, стариков и рабов, и многие остаются неженатыми из-за тягот этой подати, а другие убивают своих детей» [62, т. 7, с. 29—30].

Духовенство не возражало против эксплуатации филиппинцев (оно и само вскоре приняло самое активное участие в этой эксплуатации), но оно стояло за организованную эксплуатацию, даже если эта эксплуатация не приносила достаточных доходов казне¹⁷.

своих владений [11, с. 27; 26, с. 51].

¹⁶ В первый период колонизации губернаторы значительную часть земель вместе с людьми отдавали в управление отдельным офицерам или чиновникам — энкомьендеро.

¹⁷ Филиппины в XVI—XVII вв. действительно были убыточной колонией испанской короны. Разницу между расходами на содержание административного аппарата и духовенства и доходами покрывала дотация из королевской казны. Но фанатичный католик Филипп II еще в 1572 г. в ответ на предложение своих советников уйти с Филиппин гордо заявил: «Я знаю, что Филиппины, дриносят тяжкий убыток нашей

Когда же в 90-х годах XVI в. положение на Филиппинах стабилизировалось, демагогическая деятельность, церкви «в пользу угнетенных» быстро пошла на убыль. Протесты против насилий конкистадоров почти исчезают из переписки. В то же время резко ослабевает интерес церкви к защите прав филиппинских рабов.

Теперь, когда наиболее развитые и населенные районы страны были прочно подчинены, а власть местных князей в них была не только подорвана, но и практически уничтожена, когда нужно было уже не столько разрушать старый, доиспанский строй, сколько создавать организационные формы нового, колониального строя, основное внимание колонизаторов обращается к низшему слою местного господствующего класса — старейшинам деревенских общин (барангаев), «благородным» дружинникам бывших князей. Эта прослойка должна была стать социальной базой, низшим административным звеном и основной военной силой колониального режима (ведь сами испанцы составляли ничтожную долю населения страны и при всем своем военном превосходстве не смогли бы долго удерживать его в повиновении). Вместе с тем сами конкистадоры уже захватили большое число рабов и не собирались с ними расставаться. Поэтому закон об отмене рабства довольно быстро был просто забыт.

Предварительно напугав знать перспективой утраты лично зависимых крестьян (рабов) в случае конфликта с испанскими властями, колонизаторы в конце концов договорились с ней за счет эксплуатируемых (в 1594 г. по ходатайству августинцев Филипп II пожаловал филиппинским старейшинам привилегии того же типа, что были даны ранее индейским касикам в Америке: налоговый иммунитет, дворянское звание и др. [208, с. 122]).

Верхнюю страту нового колониального общества составляли, естественно, испанцы. Из них более двух третей, по оценке советской исследовательницы Ю. О. Левтоновой, в XVII в. составляли члены монашеских орденов. Остальная часть — это администраторы, военные и немного частных лиц (испанцы на королевской службе обычно занимали посты пять-шесть лет, после чего, нажившись, покидали Филиппины) [26, с. 74, 82].

Доходы испанской верхушки складывались из трех частей: из прибылей от международной торговли (на Филиппины поступало много товаров из Китая и Японии и значительно меньше — из стран Юго-Восточной Азии, последние вывозились в Мексику в обмен на серебро); из налогов, собиравшихся с местного населения, и из арендной платы за земельные угодья. Эту последнюю форму эксплуатации наряду с испанцами осуществлял и низший слой господствующего класса — местные, филиппинские помещики.

Как пишет Ю. О. Левтонова, «в результате испанской колонизации произошли серьезные изменения в системе землевладения, существовавшей на архипелаге. Юридически вся земля была объявлена собственностью испанской короны. Королевские подданные, испанцы и филиппинцы формально обладали лишь правом пользования определенными земельными территориями. На практике же они становились собственниками земельных угодий с правом их наследования и отчуждения.

С появлением испанцев исчезает общинная форма собственности, уступая место помещичьему и крестьянскому частному землевладению. Испанцы оставили дато, махарлика и свободным крестьянам те земли, которые принадлежали им до прихода колонизаторов. Там, где обрабатываемая земля находилась в собственности барангаев, она либо переходила во владение, а фактически в собственность представителей бывшей общинной знати, либо раздавалась правительством в качестве земельных пожалований орденам и испанцам колонистам. Крестьяне-общинники, обрабатывавшие эти земли,

казне. Но мой священный долг, завещанный мне любимой бабушкой, проповедовать нашу святую, католическую веру в языческих землях за морем. Ради обращения жителей Филиппин я буду с радостью тратить сокровища Индии и даже свои собственные» [279, с. 265].

Вопрос об оставлении Филиппин поднимался еще при королях Филиппе III (1619) и Филиппе IV (1621), но под давлением духовенства испанские короли каждый раз решали сохранить эту колонию, несмотря ни на какие убытки.

становились безземельными арендаторами-издольщиками. Земли, не числившиеся в частном владении и отнесенные к разряду королевских, или коронных, служили фондом для земельных пожалований церкви и колонистам» [26, с. 53—54].

Внизу социальной пирамиды находилось податное население — филиппинцы-крестьяне и китайцы-ремесленники и мелкие купцы. Все мужчины филиппинцы в возрасте от 18 до 60 лет (кроме бывшей знати) должны были ежегодно платить 10 реалов (деньгами или в продуктивном выражении), китайцы платили 20 реалов в год. Фактически же сборщики налогов с помощью всяческих ухищрений выколачивали из податного населения гораздо большие суммы. Помимо этого податное население несло разного рода трудовые повинности. Их могли в любое время оторвать от хозяйства и направить на строительство дорог, мостов, корабельных верфей, судов, оружейных арсеналов, военных укреплений, на вырубку леса, постройку церквей и домов для испанских чиновников. Срок этой трудовой повинности был установлен в 52 дня в году, но на практике был значительно больше. Наконец, крестьяне были обязаны продавать государству определенное количество риса и других продуктов по заниженным ценам. Но даже это частичное возмещение они, как правило, не получали. Им выдавались только расписки. В результате к 1619 г. сумма государственного долга филиппинским крестьянам достигла 10 млн. реалов [26, с. 62]. В сочетании с арендной эксплуатацией, которой подвергали крестьян помещики, а также с многочисленными поборами, которые церковь взимала за свои «духовные» услуги, это составляло тяжелый груз для трудового населения и служило причиной частых восстаний филиппинцев в конце XVI—XVII в.

Глава II

ПЕРИОД ДИНАМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания во второй четверти XVII в.

Уже в 1625 г. Агунг поставил перед собой задачу покорить Бантам и снова обратился к голландской Компании с настойчивым предложением начать совместную войну против этого государства. Голландское руководство снова уклонилось от этого предложения. Это ухудшило матарамо-голландские отношения. Дальнейшее ухудшение наступило, когда голландцы после 1625 г. перестали посылать в Карту ежегодные посольства с подарками. Агунг расценивал эти подарки как знак признания его сюзеренитета над всей Явой (включая и Джакарту — Батавию). Теперь он стал добиваться от Компании более определенного признания своего вассального статуса по отношению к Ма-тараму. Тяжелые эпидемии, охватившие Яву в 1625—1627 гг., и борьба с последним независимым княжеством Пати отсрочили решительное столкновение Матарама с голландской Компанией, но весной 1628 г. Агунг закрыл все порты Северной Явы для торговли, прервав, таким образом, снабжение Батавии рисом. Одновременно он послал в Батавию регента Тегала, последний раз предлагая союз в войне с Бантамом, а также требуя, чтобы голландцы возобновили присылку в Карту посольств с дарами. Кун снова уклонился, обещав еще раз обдумать вопрос о войне с Бантамом, а относительно ежегодных посольств сказал, что голландцы станут посылать их, когда будет устранен от власти матарамский визир Бахуракса, известный своими антиголландскими настроениями [134, с. 132, 145; 158, с. 235; 209, с. 41].

Выдержав еще несколько месяцев, в течение которых позиция Компании оставалась неизменной, Агунг приступил к решительным действиям. 22 августа 1628 г. впервые после большого перерыва в Батавию прибыл матарамский флот из 59 судов с большим грузом риса и крупного рогатого скота. У голландцев вызвала подозрение многочисленность судовой команды, и Кун приказал выгружать суда по одному, а после

разгрузки тотчас отводить на рейд за оградительные буи. 24 августа в Батавию прибыло семь матарамских боевых судов — прау. Им тоже приказали оставаться за буями. Но в ночь на 25 августа они внезапно прорвались в устье реки Тыливунг и высадили десант в 350 человек. У стен Батавии завязался бой. Части матарамских воинов удалось проникнуть в крепость. К утру их выбили. Но в этот день на горизонте показалась большая сухопутная армия, которую привел визирь Бахуракса (он же Туменггунг Вира Кусума) [125, с. 155].

Матарамская армия была для голландцев не шуточным врагом. У матарамцев были порядок, дисциплина и огнестрельное оружие (правда, они еще не успели подтянуть артиллерию). Они построили перед Батавией полевые укрепления из земли и бамбука и стали приближаться к стенам города зигзагообразными траншеями. Кун был вынужден очистить и сжечь южную часть Батавии. Голландская оборона сосредоточилась в цитадели и лежавшем к юго-востоку от города полевом укреплении под названием «Голландия», которое было отрезано траншеями от основных голландских сил. Около двух месяцев борьба шла с переменным успехом. Наконец, 21 октября 1628 г. голландцы собрали все свои силы — солдат, моряков, бюргеров, японских наемников, китайцев, живших в городе, и даже индонезийских рабов, которым была обещана свобода. С таким 3-тысячным отрядом Кун совершил глубокую вылазку в лагерь противника, которая была поддержана огнем голландских кораблей на реке Тыливунг. В ходе этого сражения выстрелом из мушкета был убит Бахуракса. Гибель главнокомандующего губительно повлияла на моральное состояние его войска. Насильно мобилизованные в матарамскую армию жители Преангара (горной области вблизи Батавии, лишь недавно подчиненной Агунгом) тут же ушли в свои селения. Остальные бежали в лес [132, с. 155; 242, с. 175].

Казалось, борьба окончена. Но когда на следующий день Кун послал отряд, чтобы разрушить укрепления, построенные Бахураксой, этот отряд был внезапно атакован матарамцами и, потеряв более 60 человек убитыми, бежал в крепость. К Батавии, как оказалось, подошла новая Матарамская армия, численностью 10 тыс. человек; ею командовал Туменггунг Сура Агулагул (он же Туменггунг Ната Явана), который собрал беглецов из первой армии и вместе с ними снова окружил город. В отличие от Бахураксы он не пытался штурмовать цитадель, а стал возводить на реке Тыливунг плотину, чтобы отрезать Батавию от воды. После месяца работы плотина еще не была закончена, а провиант из-за плохого снабжения уже был исчерпан, к тому же начались тропические дожди. Около трети армии погибло от голода и болезней. Тогда Сура Агулагул попытался захватить хотя бы укрепление «Голландия». Матарамцы под командой Мандура Реджа и Вила Тикта целый день упорно штурмовали голландское укрепление. У голландцев кончились боеприпасы, и казалось, что форт вот-вот падет. Тогда голландский комендант распорядился поливать осаждавших экскрементами, и чистоплотные яванцы отступили. Пришедший в ярость Сура Агулагул приказал казнить обоих командиров вместе со всеми их людьми — всего 744 человека. Однако в начале декабря 1628 г. он сам был вынужден отступить от Батавии и в свою очередь был казнен Агунгом [209, с. 156; 263, с. 142].

Матарамо-голландская война склонила бантамское правительство к поискам мира с Батавией. Бантам уже давно страдал от блокады и считал момент подходящим, чтобы вырвать какие-нибудь уступки у ослабленной осадой Батавии. Позицию султана Бантама усиливало то, что англичане, окончательно порвав с голландской Ост-Индской компанией, снова перенесли свой основной торговый центр в Бантам. Боясь, что бантамский перец окончательно уплывет в руки англичан, а также опасаясь атак со стороны бантамских партизан, Кун пошел на переговоры. Официально мирный договор подписан не был, но военные действия между Бантамом и голландской Компанией прекратились. В Бантаме вновь открылась голландская фактория [242, с. 176].

Между тем Кун от китайских шпионов узнал, что Агунг готовит новый поход против Батавии. Матарамское командование учло ошибки кампании 1628 г. (отсутствие артиллерии и провианта) и очень тщательно готовилось к следующей кампании. Было

реквизировано огромное количество крестьянских волов для передвижения тяжелой артиллерии по лесным дорогам. Вблизи театра военных действий, в Тегале и Чиребоне, были созданы огромные склады риса. Чтобы усыпить бдительность голландцев, Агунг послал в конце июня 1629 г. в Батавию 13 кораблей с продовольствием. Это было ошибкой. Кун схватил командира матарамской флотилии Варга и приказал его пытать. Под пыткой тот выдал расположение рисовых складов. Кун тотчас послал в Тегал эскадру, которая сожгла там все рисовые запасы, а заодно и весь город. Затем были уничтожены продовольственные склады вблизи Чиребона. Между тем Матарамская армия уже выступила в поход, и возвращать ее было поздно.

В конце августа 1629 г. авангард матарамской армии подошел к Батавии. В это время армия уже страдала от голода. Матарамский командующий; дядя Агунга Пангеран Пурбайя тут же начал строить плотину на реке Тьиливунг. Река была отведена в сторону от Батавии; но голландцы, тоже хорошо усвоившие уроки предыдущей кампании, заблаговременно вырыли в городе колодцы. К середине сентября подтянулась матарамская тяжелая артиллерия, и на земляных валах были установлены батареи для обстрела города. Вылазка из Батавии отряда под командованием Антони ван Димена (будущего генерал-губернатора) принесла голландцам лишь частичный успех. Батарейные позиции вскоре были снова восстановлены. Но главными врагами матарамцев были голод и болезни. От болезней страдали и голландцы (21 сентября от холеры умер Кун), но, господствуя на море, они были вполне обеспечены продовольствием. 2 октября 1629 г. Пангеран Пурбайя вынужден был поджечь свой лагерь и начать отступление. В Матарам вернулась едва половина, по другим сведениям — четвертая часть вышедших в поход воинов. Отступление, однако, проходило в полном порядке. Вся артиллерия, до последней пушки, несмотря на исключительные трудности пути по лесным дорогам, была доставлена обратно в Матарам [132, с. 156; 158, с. 237; 215, т. I, с. 156].

Агунг больше не предпринимал сухопутных походов на Батавию. Но он не примирился со своим поражением. Он решил нанести голландцам удар там, где они чувствовали себя сильнее всего, — на море. Он не пытался строить крупные корабли европейского типа, которые могли бы вступить с голландским флотом в открытый бой, поскольку не располагал для этого технической базой. Но в течение одного года он создал огромный флот из маленьких быстроходных судов, которые вскоре совершенно дезорганизовали местное торговое мореходство у берегов Северной Явы. Китайские, индийские, малайские, суматранские купцы стали теперь бояться плавать в Батавию, что существенно подорвало доходы голландской Компании. Даже голландские суда в этих водах не рисковали плавать в одиночку, опасаясь внезапного нападения стремительных матарамских прау.

В то же время Агунг стал ежегодно обмениваться посольствами с португальцами в Малакке и Гоа, побуждая их к совместным действиям против голландцев. Приобретая такого мощного союзника, португальцы действительно активизировались и нанесли ряд ударов по голландским морским коммуникациям. Так, в 1630 г. португальская эскадра захватила и сожгла несколько голландских судов на реке Джамби (Восточная Суматра). В 1632 г. матарамские послы в Гоа заключили с португальским вице-королем договор, предусматривающий следующее: если Батавия будет взята соединенными силами матарамцев и португальцев, сусухунан передаст этот город Португалии [134, с. 164, 185].

Руководство голландской Компании было обеспокоено этими действиями Агунга. В 1631 г. оно направило эскадру, чтобы в третий раз разорить главный порт Матарамы — Джапару. Но к этому времени Джапара была уже настолько сильно укреплена с помощью португальских специалистов, что командир голландской эскадры не решился ее атаковать и ушел без боя. В 1632 г. голландцы не выдержали и отправили в Матарам посольство во главе с генеральным директором торговли Корнелисом Масейком и капитаном Питером Вагенсвелдом. Но едва часть посольства — 25 человек — высадилась в Джапаре на берег, как все они были арестованы и отправлены в Матарам, где уже содержалось под стражей

несколько десятков захваченных ранее голландцев. В 1633 г. голландская Компания попыталась натравить на Агунга правителя Бали, но усилия ее дипломатов были безуспешны.

В том же году бантамский султан, возмущенный преследованиями, которым бантамские купцы подвергались на Молукках, возобновил войну с голландцами. В окрестностях Батавии опять появились бантамские партизаны. Голландцы тщетно обещали награду за голову каждого из них: местное население поддерживало партизан. Положение в Батавии становилось крайне напряженным [263, с. 148].

В 1634 г. голландское руководство во главе с генерал-губернатором Хендриком Броуером вынуждено было пойти на крайнюю меру — признать сюзеренитет Матарам над Батавией. Только после этого, добившись полного унижения голландцев, Агунг прекратил свою корсарскую войну против Батавии. Голландские посольства стали регулярно посещать столицу Агунга Карту, привозя подарки — дань [132, с. 158; 263, с. 153].

В 1635 г. Агунг возобновил свои завоевания на востоке Явы. Его войска атаковали княжество Баламбанган. Но это вторжение было отбито вовремя подоспевшими балийскими войсками [106, с. 48; 120, с. 213]. Неудаче Агунга способствовало также восстание у него в тылу. Правитель духовного княжества Гири, Кавис Гува, в 1625 г. вынужденный признать сюзеренитет Матарам, теперь, в 1635 г., попытался восстановить свою независимость. Война с Кавис Гувой, которого поддерживали китайские мусульмане, продолжалась около года. В конце концов зять Агунга, бывший наследник сурабайского престола, перешедший на матарамскую службу, нанес ему решительное поражение. Кавис Гува был взят в плен и увезен в Матарам, где вскоре умер. Его сыну был оставлен номинальный титул вассального князя Гири, но вся реальная власть здесь, как в других «внешних владениях», был сосредоточена в руках присланного из Матарам губернатора [134, с. 213, 256; 209, с. 46, 48]. В 1637 г. Агунг занялся делами Калимантана и закрепил здесь свою власть над Банджармасином. Правитель Банджармасина стал регулярно посылать в Матарам послов с данью. В 1639 г. Агунг снова начал военные действия на востоке. В короткий срок Баламбанган, последнее индуистское государство на Яве, было полностью завоевано. В течение следующих десятилетий индуизм здесь был вытеснен мусульманством.

Затем Агунг перенес военные действия на территорию сюзерена Баламбангана, Бали, где индуизм сохранил свои позиции до наших дней. Правитель Бали Дева Агунг, ранее избегавший гоюза с голландцами, теперь обратился к ним за помощью. Но руководство Компании не рискнуло нарушить с таким трудом достигнутый мир с Агунгом. Однако и без внешней помощи балийцы оказали Агунгу упорное сопротивление. Войска Агунга разорили большую часть острова и угнали значительную часть населения в Матарам. Но как только армия сусухунана покинула остров, балийцы снова восстали и изгнали оставленные Агунгом гарнизоны. Бали отстояло свою независимость и религию [263, с. 149].

В январе 1641 г. пала твердыня португальцев в Юго-Восточной Азии — Малакка. Очередное посольство Агунга в Малакку, видимо, едва успело покинуть город перед его взятием голландцами. Агунг понял, что навсегда лишился сильного потенциального союзника в борьбе с Голландией, и стал искать другую внешнюю силу, которая могла бы восполнить эту потерю. Единоверная Турция была в этот момент еще в расцвете своего могущества. В 1641 г. Агунг направил посольство в Мекку, находившуюся под властью Турции, под тем предлогом, что он заинтересован в получении титула султана. Реальной же целью посольства было зондирование возможности получить военную помощь от Турции. Но у Турции были традиционно хорошие отношения с Голландией, так как они имели общего врага — Испанию. Поэтому турецкое правительство не оказало Агунгу никакой реальной помощи, хотя и санкционировало присвоение ему

звания султана. Тогда Агунг, не оставляя попыток склонить Турцию на свою сторону, завязал отношения с английской Ост-Индской компанией. Голландской разведке, видимо, стало известно о дипломатических демаршах матарамского правителя. Ослабленный неудачной войной на Бали и лишившийся португальского союзника, Агунг теперь перестал их страшить. Англичане же, как правильно рассчитало голландское руководство, не собирались втягиваться в серьезную войну из-за Матарам. Когда в 1642 г. Агунг направил в Мекку новое посольство с дарами для подкупа турецких вельмож на английском корабле «Реформация», голландцы перехватили «Реформацию» возле Батавии. Они потребовали от англичан выдачи посольства Агунга, и английский капитан согласился выполнить их требование. Матарамцы, видя, что их предали, взялись за оружие. После отчаянного сопротивления большая часть посольства Агунга была перебита объединившимися против него голландскими и английскими моряками. Сокровища Агунга достались голландской Компании. Поделилась ли она ими с англичанами—неизвестно, но самый факт английского предательства оказался достаточным поводом для полного разрыва Матарам с английской Ост-Индской компанией [132, с. 157; 134, с. 268]. В результате всех этих событий Агунг оказался в полной изоляции.

Антонио Пауло, старейшину голландских пленных, находившихся в Матараме, заподозрили в передаче в Батавию сведений об отплытии английского судна с посольством в Мекку. Его судили, признали виновным и бросили в пруд с крокодилами¹⁸. Остальных голландских пленных, их было более пятидесяти, санкции не коснулись. Генерал-губернатор ван Димен предложил Агунгу вернуть его сокровища в обмен на освобождение всех голландских пленных, но ответа не получил [132, с. 111; 209, с. 49; 242, с. 262].

В 1642 г. Агунг предпринял еще одну попытку создать антиголландскую коалицию. Он пошел на союз со своим заклятым врагом — султаном Бантама Абул Мофагиром. В коалицию вошли также номинальные вассалы Агунга — султаны Палембанга и Джамби. Для этого ему пришлось признать де-юре независимость Бантама и отказаться от планов объединения под своей властью всей Явы. Новые союзники решили взорвать голландскую власть в Батавии изнутри. Для этого они вступили в переговоры с наиболее видными представителями индонезийской общины в Батавии. Им удалось привлечь к антиголландскому заговору несколько яванских вельмож, живших в Батавии, в том числе потомка последнего князя Джакарты. Во главе заговора в 1644 г. стал энергичный тернатец Кетиль (в крещении Ян Пекель). Заговорщики планировали поджечь город, в суматохе внезапно напасть на цитадель и расправиться с генерал-губернатором и Советом Индии. Голландской тайной полиции, однако, удалось выследить заговорщиков. Они были схвачены и казнены [242, с. 262].

После провала Батавского заговора хрупкий союз между Бантамом и Матарамом распался. 13 сентября 1645 г. султан Бантама подписал с голландской Компанией мирный договор сроком на 10 лет. По этому договору Бантам признавал де-факто власть голландцев на захваченной Компанией территории княжества Джакарты и отказывался от прежнего требования свободной торговли на Молукках [96, т. 1, с. 457—458]. Еще раньше голландцы подавили сопротивление султанатов Палембанга и Джамби и также принудили их подписать договоры [96, т. I, с. 380—386, 407—412].

Острова Пряностей и голландская Компания во второй четверти XVII в.

К середине 20-х годов XVII в. голландской Ост-Индской компании удалось фактически монополизировать торговлю с островами Пряностей. Англичанам пришлось покинуть эту область. Испанцы были блокированы в своем форте на острове Тидоре.

¹⁸ Согласно голландским источникам, Пауло действительно сообщил генерал-губернатору ван Димену об отплытии «Реформации» [242, с. 262].

Голландский флот при встрече беспощадно топил суда азиатских купцов, пытавшихся проникнуть на Молукки, Амбон или Банда. Пользуясь своей монополией, голландцы настолько сбили цены на тонкие пряности и в то же время настолько взвинтили цены на ввозимые товары, что к 1628 г. население островов Пряностей задолжало Компании 477390 гульденов. У жителей островов практически не было никаких шансов расплатиться с таким огромным долгом. Компания стала отбирать в уплату долга землю и другое имущество неисправных должников, превращая их, таким образом, в своих крепостных [263, с. 158—159].

Из-за недостаточного подвоза продовольствия население островов Пряностей постоянно находилось на грани голода или просто голодало. Необходимый островитянам рис по объему во много раз превосходил вывозимые пряности, а руководство Компании считало нецелесообразным отправлять свои суда с островов Пряностей почти порожняком. Ведь голландская Компания для поддержания высоких цен на европейских и азиатских рынках покупала у островитян меньше половины урожая. Чтобы другая часть не попадала в руки «контрабандистов» (так голландцы называли купцов всех других стран) и с тем чтобы решить продовольственную проблему, руководство Компании пыталось заставить островитян заменить большую часть гвоздичных насаждений рисовыми полями и саговыми плантациями. Но мелкие гористые острова были плохо приспособлены для развития этих культур [132, с. 187; 263, с. 159].

Островитяне решительно отказывались вырубать свои гвоздичные плантации и продолжали тайно продавать гвоздику индонезийским и малайским купцам, которым удавалось прорывать голландскую блокаду. Один голландский чиновник доносил в 1633 г. генерал-губернатору Х. Броуеру: «Мы изумлены так же, как и ваше Превосходительство, что, несмотря на огромные потери, которые иностранцы (яванцы, малайцы, мака-сарцы и др.) терпят в судах и товарах, они все еще продолжают плавать сюда... Но это происходит потому, что, как справедливо указывал Его Превосходительство, алчные до гвоздики португальцы, англичане, датчане и другие подстрекают их к этому. И даже потерпев большие потери, они все же снова и снова отваживаются плавать (к островам Пряностей.— Э. Б.). Мы установили, что среди этих иностранцев преобладают ми-нангхабау, малайцы и в меньшей мере макасарцы» (цит. по [233. т. I, с. 71—72]).

Из этого документа видно, что европейские купцы, не желая рисковать, сулили местным мореходам хорошую плату, если они будут доставлять гвоздику в порты, не находящиеся под контролем Голландии. В обмен на тонкие пряности соперники Компании поставляли своим контрагентам и оружие, которое частично попадало на Молукки, Амбон, Серам и другие острова Пряностей, где постепенно назревало восстание против голландского гнета.

Уже в 1625 г. взялись за оружие жители Малого Серама (другое название — остров Хувамохель), когда голландцы впервые попытались силой вырубить здесь гвоздичные насаждения.

Восстание было потоплено в крови [132, с. 187]. Но сопротивление, видимо, было настолько сильным, что голландцы после этого семь лет воздерживались от уничтожения гвоздичных плантаций. Только в 1632 г., когда на Амбон прибыл вновь назначенный губернатор Арт Гейзелс, начался новый этап голландского освоения островов Пряностей.

Уже в 20-е годы голландская Компания стала требовать от закабаленных общин гребцов для своего вспомогательного флота. Этот флот, состоявший из больших военных лодок — кора-кора, патрулировал вокруг островов, помогая голландцам пресекать попытки «контрабанды». Теперь Гейзелс дал этому флоту новое задание. Он должен был обходить по очереди все острова и истреблять там гвоздичные плантации, которые голландцам представлялись «излишними». Такие акции получили специальное название — «хонги-тохт». Это вызвало всеобщее возмущение. Жители островов Улиассер отказались

служить гребцами. Пока Гейзелс подавлял этот «бунт», восстали жители острова Сапаруа и Юго-Западного Серама [115, с. 238].

В центре голландских владений, на острове Амбон, положение также было очень тревожным. Гейзелс поспешил возвести здесь (как и на Юго-Западном Сераме) новые крепости, но эти меры представлялись ему недостаточными. Стремясь обезглавить назревающее восстание, он вероломно захватил в 1634 г. наиболее популярного вождя амбонцев — Какиали, старейшину округа Хиту, и отправил его в Батавию. Эта мера, однако, лишь ускорила всеобщее восстание на островах Пряностей. Арт Гейзелс с сильной эскадрой метался от острова к острову, но везде терпел неудачи. Так, когда в начале 1635 г. он осадил Лусисалу, крупное поселение на Южном Сераме, уже через несколько недель у него из 700 голландских солдат осталось только 292, и осаду пришлось снять. После двухлетней безуспешной борьбы новый губернатор Амбона Иоанн ван Деутен обратился в Батавию с предложением пойти на мир с островитянами, освободить Какиали и вернуть ему прежний пост [132, с. 187; 158, с. 243; 242, с. 245].

Генерал-губернатор Антони ван Димен, которому в это время приходилось одновременно вести войну с Бантамом и Ма-касаром, пытавшимися прорвать блокаду островов Пряностей, в принципе принял предложение ван Деутена. Он решил, однако, предпринять еще одну попытку подавить островитян силой. В декабре 1636 г. он отплыл из Батавии с огромным по тем временам флотом в 17 кораблей, имея на борту не только Какиали, но и десантное войско из 2 тыс. мушкетеров. С этими силами в январе — марте 1637 г. ему удалось овладеть Луси-салой и некоторыми другими опорными пунктами повстанцев. На этом его успехи кончились. В апреле 1637 г. ван Димен вынужден был вступить в переговоры с местными старейшинами. В мае 1637 г. он торжественно восстановил Какиали в его прежней должности — «капитан Хиту» и несколько дней спустя подписал со старейшинами Амбона новый договор [96, т. I, с. 197—303].

Вскоре после этого, однако, голландцы опять возобновили свою политику рубки гвоздичных плантаций. Обстановка на островах Пряностей снова накалилась. Уже в феврале 1638 г. А. ван Димену пришлось снова с сильным флотом отправиться на эти острова. До прихода голландцев Серам, как и многие другие острова Пряностей, входил в султанат Тернате. И теперь еще им управляли два наместника султана Тернате, так называемые кимелахи. Эти тернатские чиновники в контакте с Какиали, по мнению голландцев, готовили новое восстание. Ван Димен потребовал от султана Тернате Хамджи, чтобы он сам их сместил и выдал голландцам. Генерал-губернатор рассчитывал, таким образом, соблюсти некий правовой декорум и в то же время скомпрометировать Хамджу в глазах местного населения [243, с. 248].

Хамджа, в равной мере боявшийся и повстанцев и голландцев, поступил следующим образом: сначала арестовал обоих наместников, а затем передал голландцам только одного из них — наместника Лелиато, а другого — наместника Луху вскоре освободил и восстановил в должности. Снова арестовать Какиали не удалось. Своевременно предупрежденный, он бежал со своими сторонниками в горы Серама и там возглавил новое восстание, которое продолжалось еще пять лет и охватило почти все острова Пряностей. В 1643 г. Какиали был убит своим слугой испанцем, которому голландские власти посулили за это 200 рейксталеров. Только тогда восстание пошло на спад [132* с. 187—188; 158, с. 242—243; 242, с. 248—250].

Причиной поражения восстания было не только военное превосходство голландцев, но и измена части феодалов во главе с султаном Хамджой, обеспокоенных размахом движения, которое из национально-освободительного явно перерастало в социальное. Голландцы же, упрочив свое положение после завоевания Малакки и успешного окончания войн с Бантамом и Макасаром, приступили к планомерному истреблению гвоздичных плантаций на Тернате, Тидоре, Бачане, Макиане, Хальма-хере и Сераме. Их конечной целью было сохранение производства гвоздики только на Амбоне, который им было легче всего контролировать [242, с. 293—294; 263, с. 159].

Консолидируя свою власть на Амбоне, голландцы в середине 40-х годов XVII в. отменили здесь местное самоуправление и посадили везде своих чиновников. Это вызвало новое мощное восстание, во главе которого стал местный вождь Тулу-кабесси, объявивший себя правителем всех островов Пряностей. Центром восстания стала горная крепость Капах. Голландцы, подавляя это восстание, превратили округ Хиту в пустыню. Всякого вооруженного амбонца, который попадал в руки голландцев, казнили на месте. В ночь с 24 на 25 июля 1646 г. отборному голландскому отряду удалось по горным тропинкам незаметно зайти в тыл защитникам Капах и нанести им внезапный удар. Повстанцы, захваченные врасплох, все же сопротивлялись до последнего, а когда их силы иссякли, стали бросаться в пропасть. Лишь немногим, в том числе Тулукабесси, удалось вырваться из окружения. Некоторое время спустя он был все же схвачен голландцами и обезглавлен. Остальные руководители восстания, попавшие в плен, были отправлены в вечную ссылку на остров Маврикий в Индийском океане [132, с. 188; 158, с. 243—244; 243, с. 294].

Но воля амбонцев к сопротивлению не была сломлена. В 1648 г. восстание на Амбоне вспыхнуло снова: Вскоре оно было поддержано восстанием на Молукках во главе с местным феодалом адмиралом Санди. Санди и его сторонники низложили султана Тернате Мандар-шаха, взошедшего на трон в мае 1648 г., после смерти султана Хамджи. Они считали, что он пресмыкается перед голландцами, и провозгласили султаном его брата Манилу. Свергнутый султан бежал в Батавию, где ему был оказан пышный прием. Между тем все острова Пряностей были охвачены восстанием. На помощь повстанцам прибыли отряды макасарцев. На Амбоне на сторону восставших перешел голландский церковный служитель Ян Пайс, который принял активное участие в восстании [132, с. 189—190].

Генерал-губернатор К. Рейнирсзон направил на острова Пряностей карательную экспедицию во главе с Арнольдом де Вламингом. Эскадра де Вламинга перемещалась от острова к острову, устраивая над местным населением такие дикие расправы, что даже спустя несколько поколений именем де Вламинга здесь пугали детей. Тем не менее новое завоевание островов Пряностей растянулось на несколько лет. Только в 1652 г. де Вламингу удалось окончательно подавить восстание на Халь-махере, Буру и Сераме. Руководитель восстания в этом районе Маджийра бежал в Макасар, Примкнувший к повстанцам голландец Ян Пайс был захвачен солдатами де Вламинга и четвертован. Долше всего держалась крепость Ассахуди в горах 1Малого Серама (остров Хувамохель), где укрылся летом 1655 г. с остатками своих сторонников Санди. Крепость была практически неприступна, но предатель-мулла 22 июля 1655 г. провел голландцев по горной тропинке в тыл крепости. Санди был схвачен и приведен к де Вламингу. На допросе он держался гордо, отвечая на все вопросы презрительным молчанием. Тогда де Вламинг лично ударил его три раза саблей по лицу, после чего голландские солдаты зарубили молуккского вождя. Острова Пряностей в ходе этой многолетней войны были разорены дотла [158, с. 256—257; 242, с. 304—305].

В то время как повстанцы сражались, молуккская феодальная верхушка пришла к соглашению с голландцами. Уже 31 января 1652 г. беглый султан Мандар-шах подписал в Батавии договор, по которому голландская Компания могла вырубать в его владениях гвоздичные плантации, сколько ей будет угодно, а она в обмен на это назначала ему пожизненную пенсию — 6 тыс. реалов в год. Кроме того, Мандар-шах отказывался в пользу Голландии от своего сюзеренитета над Амбоном и Серамом, разрешал голландской Компании строить крепости в любом месте своих владений и запрещал въезд всем иностранцам, кроме голландцев [96, т. II, с. 37—42].

В 1653 г. капитулировали и подписали с Компанией аналогичные договоры принявшие участие в восстании братья султана — Манила и Каламата. Они тоже получили пожизненную пенсию, но уже поменьше [96, т. II, с. 62—65]. В том же году на аналогичных условиях заключил договор с Ост-Индской компанией правитель Бачана, а в

1655 г.— правитель Макиана [158, с. 256]. В итоге к началу 60-х годов XVII в. производство гвоздики сохранялось только на островах Амбон и Улиассер. Потеряв доступ к пряностям, испанцы в 1663 г. оставили свою крепость на Тидоре и с тех пор никогда уже не возвращались на Молукки. Население островов, лишенное единственного источника дохода, оказалось на грани вымирания, и только феодальная верхушка могла еще безбедно существовать на голландские пенсии.

Восточная Индонезия во второй четверти XVII в.

Во второй четверти XVII в. английской Ост-Индской компании было уже не под силу держать свои фактории на Калимантане, и из европейских держав основную торговлю с этим островом в рассматриваемый период вела только Голландия. Во второй половине 20-х годов голландская Компания возобновила свою торговлю с Сукаданой. В 1628 г. она заключила торговый договор с княжеством Кота-Варингин на Юго-Западном Калимантане.

В 1631 г. оживились сношения голландцев с Банджармасином. Банджармасин обратился к голландской Компании с просьбой о военной помощи против Матарам, который угрожал его независимости. Был заключен договор, согласно которому голландская Компания обещала прислать в Банджармасин свою эскадру, а султан Банджармасина предоставлял ей за это монополию на вывоз перца. Вскоре голландская Компания помогла Банджармасину в его войне с княжествами Кутей и Пасир, расположенными на восточном берегу Калимантана. После 1636 г., однако, отношения голландцев и Банджармасина резко ухудшились. Многочисленные служащие Компании стали вести себя в Банджармасине, как в завоеванной стране. Это вызвало взрыв народного негодования, в результате которого в 1638 г. в банджармасинских портах Мартапура и Кота-Варингин (последний в 30-х годах XVII в. вошел в состав Банджармасинского султаната) было одновременно убито более 60 голландцев.

Генерал-губернатор А. ван Димен, занявший свой пост в 1636 г., послал против Банджармасина сильную эскадру, которая расстреляла из пушек и сожгла все приморские города. Однако углубиться на территорию острова голландцы не решились. Периодические набеги голландского флота на побережье Банджармасина продолжались до 1660 г. [158, с. 245—246].

В 30-х годах XVII в. вспыхнула новая война голландской Ост-Индской компании с Макасаром. Поводом к ней послужила осада макасарскими войсками города Бутунга на одноименном острове близ Сулавеси. В ноябре 1633 г. генерал-губернатор Х. Броуер принял решение вмешаться в эту борьбу. Ему не было дела до независимого Бутунга, но он давно искал предлог для нападения на Макасар, главную базу «контрабанды» гвоздики и мускатного ореха с островов Пряностей. В январе 1634 г. из Батавии отплыла эскадра под командованием адмирала Г. ван Лоденштейна. Ее задачей была блокада макасарского побережья и уничтожение всех судов, приближающихся к нему. 12 февраля 1634 г. эскадра подошла к месту назначения, но макасарцы были предупреждены о нападении, и голландцы не встретили у берегов Макасара ни одного торгового судна. Зато навстречу их эскадре вышел большой флот лодок прау. Ван Лоденштейну пришлось ни с чем вернуться в Батавию [242, с. 246].

В сентябре 1634 г. против Макасара была направлена вторая голландская эскадра, но и она не добилась успеха. Голландцам удалось заблокировать вход в Макасарский порт, но макасарцы за время, прошедшее после первого нападения, успели проложить сухопутную дорогу от своего города к восточному побережью острова, где и разгружались теперь пряности и другие товары. Блокада не удалась. К тому же в 1635 г. Бутунг, в защиту которого якобы выступила голландская Компания, примирился с Макасаром и сам начал враждебные действия против голландцев. Пришлось часть кораблей направить для карательных действий против Бутунга [242, с. 246].

Тогда генерал-губернатор А. ван Димен пришел к выводу, что с Макасаром лучше заключить мир, выторговав какие-нибудь уступки, чем продолжать разорительную и неэффективную блокаду. 22 июня 1637 г. ван Димен лично прибыл, с эскадрой на Макасарский рейд. Начались переговоры через капитана стоявшего в порту ачехского фрегата. Голландцы потребовали, чтобы султан запретил своим подданным посещать государства, с которыми голландская Компания воюет, а также Южный Серам (голландцы, таким образом, уже не надеялись добиться запрета посещать все острова Пряностей). Султан соглашался на мир, но без этих условий, а кроме того, он не разрешал вновь открыть голландскую факторию в Макасаре (ему уже была известна манера голландцев превращать такие фактории в маленькие крепости). Голландцам было разрешено торговать только на берегу под навесом, а перед уходом кораблей с товарами все убрать из импровизированного рынка. Со всеми этими оговорками 26 июля 1637 г. мирный договор был подписан [96, т. I, с. 301].

Голландский представитель при подписании договора не удержался от замечания, что голландцы все равно будут захватывать суда, плывущие в запретные, по их мнению, места. А генерал-губернатор А. ван Димен на следующий день после подписания договора писал директорам Компании в Гаагу: «Мир с Макасаром не будет ни прочным, ни долгим» [242, с. 247].

Действительно, мирные отношения голландской Компании с Макасаром длились недолго. На этот раз инициатива разрыва принадлежала макасарскому султану. Голландцев же в период мощного восстания на островах Пряностей во главе с Какиали (1638—1643) устраивал бы нейтралитет Макасара. Но повстанцы мусульмане обратились за помощью к единоверному Макасару, и султан, начиная с 1640 г., стал оказывать им регулярно помощь сначала тайно, а потом и явно. В 1642 г. он послал к Амбону свой флот, чтобы окончательно закрепить свою власть над этим островом, но голландская эскадра под командованием адмирала Кана уничтожила этот флот почти полностью. Даже после этого А. ван Димен не решился прямо напасть на Макасар, а только послал султану ноту, в которой угрожал войной, если подобные акции повторятся. Время для расчета с Макасаром, по его мнению, еще не пришло [158, с. 258].

Новое восстание на островах Пряностей (1648—1655) снова обострило отношения голландской Компании и Макасара. Султан Хасан-уд-дин снова начал активно поддерживать повстанцев. Макасар стал прибежищем повстанческих вождей, потерпевших поражение, а с 1653 г., когда восстание пошло на спад, макасарские вооруженные силы приняли открытое участие в этой борьбе. В ответ на это 21 октября 1653 г. генерал-губернатор и Совет Индии в Батавии объявили Макасару войну. В конце 1653 г. близ Амбона макасарский флот вступил в бой с голландской эскадрой. Макасарцы понесли тяжелый урон, но и у голландцев были крупные потери. Большие отряды макасарцев были высажены на Южном Сераме, где вернувшийся из эмиграции в Макасаре повстанческий вождь Маджийра снова организовал сопротивление. В 1654 г. макасарцы построили свою крепость на Сераме [158, с. 258; 242, с. 333].

Чтобы пресечь поступление подкреплений повстанцам из Макасара, генерал-губернатор И. Метсёйкер послал к берегам Сулавеси эскадру под командованием самого надежного своего командира — де Вламिंगа, «прославившегося» своими кровавыми «подвигами» на островах Пряностей. Де Вламинг построил на острове Бутунг крепость и приступил к блокаде Макасара. Хасан-уд-дин, однако, вскоре нанес ответный удар. Его войска форсировали узкий пролив и осадили крепость, на Бутунге. Голландский гарнизон сопротивлялся стойко, но все же был вынужден взорвать крепость, чтобы она не досталась противнику. В это время пала последняя крепость повстанцев на Сераме — Ассахуди. И Метсёйкер решил воспользоваться этим успехом, чтобы начать переговоры о мире (война с Макасаром обходилась Компании слишком дорого). 28 декабря 1655 г. после долгих переговоров был подписан мирный договор на основе равенства сторон [96, т. II, с. 82—84].

В том же году голландская Компания заключила договор с князьями Солора и Тимора, создав таким образом фланговую угрозу для Макасара. Князья этих островов, озабоченные угрозой со стороны португальцев, засевших на Восточном Тиморе, заключили с Компанией оборонительно-наступательный союз. «Мы все,— говорилось во втором пункте договора,— с нашими землями и подданными, которых мы имеем или можем приобрести в будущем, обязуемся быть верными дружбе с Компанией и не заключать союза ни с кем, кто враждует с упомянутой Компанией, и, напротив, враждовать с ними при условии, что Компания тоже будет оказывать нам помощь против наших врагов» [прил., док. 22].

В ответ на это макасарское правительство усилило свои связи с Восточным Тимором, последним колониальным владением, оставшимся у Португалии в Юго-Восточной Азии после падения Малакки в 1641 г. Португальцы встретили самый теплый прием в Макасаре, и постепенно их число в столице достигло 2 тыс. Макасар стал для португальцев последним крупным рынком в регионе, которым они могли свободно пользоваться, а макасарские правители, естественно, рассчитывали на их потенциальную военную силу в случае возможного конфликта с Голландией. В Макасаре обосновались также, хотя и в меньшем числе, англичане и датчане, вытесненные голландской Компанией с других рынков.

Борьба за рынки Западной Индонезии

Основным богатством Суматры были перец и золото. Как писал в своем меморандуме об использовании природных богатств Индонезии известный голландский колониальный деятель Я. П. Кун: «Перец растет на горах, лежащих в середине Суматры, где живет народ, называемый минангкабау. Эти люди спускаются вниз по разным рекам со своими товарами и обменивают их на ткани, соль и другое нужное им. Это происходит на западном берегу Суматры в Приамаме, Тику и других местах, а на восточном берегу — в Палембанге, Джамби, Индрагири, Кампаре и других местах. Но по реке Джамби, наиболее удобному пути, прибывает наибольшее количество перца» (цит. по [233, т. I, с. 55—56]).

В первой четверти XVII в. перец начали выращивать и на Западном побережье Суматры за счет сокращения здесь площадей под продовольственными культурами. В это же время султаны Бантама также усиленно внедряют культуру перца в своих владениях, заставляя крестьян заменять рисовые поля плантациями перца. Натуральные налоги здесь также платили главным образом перцем.

Другое богатство Западной Индонезии — золото добывалось в центральной части Суматры, где номинально правил «император» минангкабау, как его называли голландцы. Некогда его предки были властителями большого государства, контролировавшего почти весь остров, но после подъема портовых городов-государств в XVI в. центральносуматранское государство пришло в упадок и распалось на мелкие и мельчайшие княжества и даже отдельные общины, которыми управляли старейшины. Контроль над перцем и золотом перешел в руки тех, кто контролировал порты, и борьба за власть над портами стала основным содержанием истории Западной Индонезии.

Первоначально эта борьба велась в основном между Аче, Джохором и Бантамом. В первой четверти XVII в. львиную долю захватило Аче. Оно отняло у Джохора принадлежавшие ему территории на Восточной Суматре и ряд территорий на Малаккском полуострове. Бантаму удалось захватить лишь область Лампонг, лежавшую на южной оконечности Суматры. Независимыми остались только два небольших, но очень богатых княжества Юго-Восточной Суматры — Джамби и Палембанг, номинально объявивших себя вассалами Матарам. Матарам был далеко, но, пока его могущество не пошло на убыль, его авторитет как бы охранял эти княжества от захвата со стороны сильных соседей.

В середине 20-х годов XVII в. в эту многостороннюю борьбу за западноиндонезийский перец и золото вклинились Голландия и Англия. Первые их шаги были скромными. В этот период для них главной задачей было зацепиться за суматранский берег, в особенности в тех местах, которые не были под властью сильных правительств, установивших монополию на торговлю перцем и высокие пошлины¹⁹.

15 сентября 1615 г. первый голландский посол Абрахам Стерн прибыл в Джамби и договорился с местным князем — пангераном об открытии здесь голландской фактории. Он же стал первым голландским фактором в Джамби и с удовлетворением доносил Я. П. Куну: «Джамби знаменитый перечный порт и может поставлять от 40 до 50 тыс. бантамских мешков перца ежегодно» [233, т. I, с. 55].

В 1616 г. Стерн вступил в переговоры с послами Палембанга, прибывшими в Джамби, и в принципе договорился об открытии фактории и в этом княжестве. Он доносил по начальству: «Палембанг богат не только перцем, но и бензоином, воском, деревом и „драконовой“ кровью (красной смолой для сургуча)» [242, с. 187]. Палембангский князь, однако, не утвердил этого соглашения, потому что, когда его послы возвращались из Джамби, на них напали голландские суда. Голландский генерал-губернатор поспешил направить в Палембанг посла с извинениями, и конфликт был улажен.

Вслед за голландцами в Джамби и Палембанге появились англичане. Но их маломощная компания не могла составить серьезной конкуренции голландцам. Когда в 1634 г. Аче стало угрожать Джамби войной, пангеран Джамби обратился за помощью одновременно к голландцам и англичанам. Англичане отказались, ссылаясь на нехватку военных сил, а голландцы прислали эскадру из нескольких судов, и нападение Аче было предотвращено. Этот эпизод подорвал престиж англичан на Восточной Суматре, В 1629 г. голландский посол Геррит Брукман посредничал в заключении мира между Аче и Джамби и снова спас это княжество и голландские барыши [242, с. 189].

После разгрома ачехского флота португальцами в том же. 1629 г. появился еще один претендент на восточносуматранский перец. Португальцы, долгое время находившиеся в глухой обороне, решили перейти в наступление. В апреле 1630 г. они совершили набег на Джамби. В порту Джамби в это время стояли одно английское и три голландских судна. Португальцы потопили один из этих кораблей, а остальные захватили. Голландцы, однако, быстро подтянули сюда новые силы из Батавии и наголову разгромили португальскую эскадру. Командир ее, адмирал Ботельо, был убит. Это была последняя агрессивная акция португальцев в Индонезии. В 1641 г. Малакка пала, и португальский хищник окончательно вышел из игры. Теперь из европейцев на суматранский перец претендовали только голландцы и англичане. Последние, хоть и на вторых ролях, продержались в Джамби до 1681 г. [242, с. 190; 263, с. 123; 270, с. 104].

К 1640 г. положение голландской Компании на Юго-Восточной Суматре так укрепилось, что голландцы, сбросив маску «бескорыстных покровителей», начали диктовать Джамби и Палембангу их внешнюю политику, не стесняясь в случае необходимости прибегать к вооруженной силе. В 1641 г. голландцы добились от князя Палембанга разрешения превратить свою факторию в этом княжестве в маленькую крепость и установить в ней восемь пушек, якобы для защиты от врагов Палембанга — Португалии и Матарам [96, т. II, с. 347—348]. Выставленный голландскими послами предлог был явно надуманным, потому что португальская угроза уже миновала, а Матарам был, хотя и номинально, сюзереном Палембанга.

Пангеран Палембанга, серьезно озабоченный такой непрошеной «защитой», решил обратиться за помощью к сюзерену. Он лично направился в Матарам, чтобы принести

¹⁹ В 1628 г. голландский агент в Аче доносил в Батавию: «Мы вынуждены платить чиновникам короля Аче за ввоз тканей и ввоз перца такие налоги и пошлины, что накладные расходы достигают 21—22%... Времена переменились. Если прежде можно было вести торговлю в разных местах свободно и без помех, то теперь ачехцы заняли весь западный берег Суматры и держат жителей в таком страхе, что они не смеют торговать с нашими судами» [101, 1628, с. 341].

Агунгу положенную дань уважения и обсудить создавшееся положение. Агунг обнадежил пангерана и направил вместе с ним в Па-лембанг свой флот. Но голландская агентура своевременно донесла об этой акции генерал-губернатору Антони ван Димену. В устье реки Палембанг матарамский флот внезапно атаковала стоявшая там в засаде голландская эскадра из семи судов под командованием Иеремии ван Влита и рассеяла его. Корабль пангерана попал в руки голландцев. Ван Влит потребовал от палембангского князя немедленного ответа на вопрос: «Князь за Матарам или за дружбу с генерал-губернатором?» [45, с. 63; 158, с. 251 — 252]. У пангерана не было выбора. 20 октября 1642 г. он подписал с ван Влитом договор о «вечной дружбе и союзе» с голландской Ост-Индской компанией. По этому договору в Палембанге запрещалась продажа перца кому-либо, кроме голландцев, голландские подданные в княжестве получали право экстерриториальности, князь обязывался «выдавать головой» Компании ее должников и разрешал голландцам нападать на матарамские суда в территориальных водах Палембанга [96, т. II, с. 380—386].

Ободренные успехом в Палембанге, голландцы вскоре провели аналогичную операцию в Джамби. Когда в конце 1642 г. голландский резидент Хендрик ван Гент узнал, что пангеран Палембанга собирается, в свою очередь, в Матарам, он предъявил князю ультиматум — отказаться от поездки или голландская фактория будет закрыта. Пангеран отказался выполнить условия ультиматума, и тогда ван Гент эвакуировал весь голландский персонал и имущество фактории. Это было равносильно объявлению войны. В начале июля 1643 г. на рейде Джамби появилась сильная голландская эскадра. 6 июля пангеран был вынужден подписать кабальный договор, аналогичный тому, который подписал Палембанг [96, т. I, с. 407 — 408].

Вслед за малыми государствами Суматры настала очередь. Аче. После смерти султана Искандера Тани (1636 — 1641) мужская линия ачехских султанов прервалась. Вновь поднявшие голову крупные феодалы посадили на трон его вдову Тадж Уль-Алам (1641 — 1675), случай довольно редкий в мусульманских государствах. Тадж Уль-Алам была первой из четырех султанш, которые правили в Аче до 1699 г., правили в основном номинально, всеми же делами распоряжались сменявшие друг друга придворные клики. Уже в первые годы правления Тадж Уль-Алам начинается довольно быстрый упадок Аче. Оно теряет все свои завоевания на Малаккском полуострове (кроме Перака), ослабевают его власть в княжествах на Восточном берегу, и только за особенно богатый перцем Западный берег Аче продолжает цепко держаться до 60-х годов XVII в. [158, с. 271; 270, с. 118].

Голландская дипломатия мгновенно использовала политические изменения в Аче. Султан Искандер Тани умер 15 февраля 1641 г., едва успев получить известие о взятии голландцами Малакки, а уже в марте 1641 г. голландская Компания навязала его преемнице договор, по которому Аче предоставляло голландцам право беспошлинной торговли в землях Аче на западном берегу Суматры (в княжествах Тику, Паданг, Приамам, Индрапура) и запрещало торговать в этих землях англичанам, французам и датчанам [96, т. I, с. 345—346]. Этот договор был ценой за посредничество Компании в переговорах с Джохором о мире, который был заключен летом 1641 г. [45, с. 60; 101, 1640—1641, с. 423—424].

В 1645 г. генерал-губернатор А. ван Димен направил в Аче посольство с требованием, чтобы султанша заставила Перак предоставить голландской Компании оловянную монополию. Переговоры тянулись долго. Тадж Уль-Алам не хотела или, скорее, не могла принудить непокорного вассала выполнить требования голландцев. В июле 1647 г. Совет Батавии решил перейти к санкциям. Он издал постановление, запрещающее всем индийским купцам плавать на Суматру и в Малайю. Вместе с прежним запретом на торговлю англичан, французам и датчан это лишало Аче почти всех торговых контрагентов, кроме самих голландцев. Подобное самоуправство, и притом в мирное время, вызвало бурю возмущения в Аче. Последовал обмен резкими нотами. Тогда в 1648

г. Компания вообще закрыла свою факторию в Аче и установила морскую блокаду его владений. Аче, целиком зависевшее от внешней торговли, держалось два года, но все же было вынуждено пойти на переговоры. Голландцы тоже потерпели за это время значительные убытки, поскольку, господствуя на море, они не обладали достаточными силами, чтобы высадиться на сушу и захватить источники производства олова и перца. 15 августа 1650 г. был достигнут компромисс. По новому договору Аче и голландская Ост-Индская компания делили пополам олово, добываемое в Пераке, другим государствам доступ к нему был закрыт [96, т. I, с. 538—541; 242, с. 289—290]. На несколько лет в отношениях Голландии и Аче установилось затишье.

Малайя во второй четверти XVII в.

С 1623 по 1627 г. голландцы ежегодно атаковали Малакку, но все попытки взять этот сильно укрепленный город оставались безуспешными. После 1627 г. военный конфликт с Матарамом потребовал от голландцев стянуть все свои силы в Батавию. Между тем ачехский султан Искандер Муда, в руках которого к этому времени оказалось все побережье Малаккского пролива, за исключением Малакки, собрал всех своих вассалов для окончательного удара по португальской крепости.

Но чрезмерное возвышение Аче вызвало серьезную тревогу у оставшихся еще независимыми малайских княжеств. Антиачехскую коалицию возглавила княгиня Паттани, Кроме нескольких мелких князей к ней присоединился вышедший из укрытия султан Абдул Джалил, призвавший джохорцев к восстанию} против Аче. В 1629 г. в морском бою близ Малакки соединенный португальско-малайский флот нанес сокрушительное поражение флоту Искандера Муда. Ачехцы потеряли 19 тыс. человек и почти все свои корабли [157, с. 50; 182, с. 73].

После этого могущество Аче пошло на убыль. Правда, Искандер Муда еще в 1635 г. оказался в состоянии совершить новый набег на Паханг, чтобы отомстить ему за союз с Португалией, но к моменту смерти воинственного султана, 27 декабря 1636 г., почти все владения Аче на Малаккском полуострове были утрачены. Только Перак еще признавал себя вассалом Аче. Но уже в 1632 г. малайские князья настолько не принимали в расчет Аче как крупную державу, что стали планировать полное очищение полуострова от иностранного присутствия, т. е. изгнание португальцев, которым они только три года назад так эффективно помогли. Энергичная княгиня Паттани предложила организовать новую, антипортугальскую коалицию из Паттани, Джохора, Камбоджи, Джамби, Индрагири и Голландии [271, с. 115].

Голландия, однако, отказалась примкнуть к лиге, потому что» хотела приобрести Малакку для себя, а союзники на это не соглашались. Между тем Португалия усилила свои позиции в Юго-Восточной Азии, заключив военный союз с Англией. Положение неустойчивого равновесия сохранялось, до 1637 г., когда голландской Компании удалось разорвать единый фронт малайских союзников, заключив сепаратный договор с Джохором²⁰ [157, с. 39].

С этого времени Малакка постоянно находилась в плотней блокаде с суши и с моря. Когда ее обширные запасы истощились, летом 1640 г. начался последний этап борьбы за Малакку. С июня 1640 г. голландский флот подвергал город постоянной бомбардировке. В июле к голландцам подошло подкрепление — 40 джохорских парусных судов с большим количеством воинов на борту. 2 августа 1640 г. союзники высадились у стен Малакки и начали возводить вокруг города земляные укрепления. Тропические болезни косили голландские войска. К ноябрю 1640 г. у голландцев осталось только 1707 мушкетеров, из которых 470 были больны, и, если бы не подход нового контингента джохорских войск под командованием генерала Шри Биджа Дираджи, осаду пришлось бы

²⁰ В обмен на помощь против португальцев голландцы обещали султану построить для него в Джохоре крепости европейского образца, снабжать оружием и оказывать военную помощь против Аче.

снять, К январю 1641 г. осадные батареи пробили бреши в стенах двух бастионов, но основная крепость все еще держалась. Однако и положение Малакки в это время было отчаянным. Более трети жителей города умерло от голода, еще большее число под покровом ночи бежало из Малакки. Комендант Малакки Мануэль де Сузо Кутины решил пойти на сделку с голландцами. После имитации штурма 14 января 1641 г. город пал. «Чтобы овладеть Малаккой, — писал К. Маркс, — голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы „воздержаться“ от уплаты условленной суммы подкупа в 21875 фунтов стерлингов» [3, т. 23, с. 762].

Павшая Малакка представляла плачевное зрелище. На улицах лежали непогребенные трупы. Из 20 тыс. жителей в городе осталось, по одним сведениям, 3 тыс., а по другим — 1400 человек [242, с. 260; 271, с. 117]. Голландский командующий М. Картеку приказал гражданскому населению снести все свое золото, серебро и деньги в церковь св. Павла. Только после этого оно получило разрешение эвакуироваться на голландских судах в Негапатам. Офицеры и солдаты остались в голландском плену. Убитый губернатор Сузо Кутины через два дня был объявлен «внезапно умершим» и похоронен голландцами с большими почестями [271, с. 117].

Малакка, перейдя в руки голландцев, окончательно утратила свое значение как центр мировой торговли. Голландцы, однако, сохранили ее как военную базу, контролирующую Малакский пролив. Корабли, приходившие этим путем с запада, обвязаны были заходить в Малакку и приобретать за значительную сумму «пропуска» для плавания в морях Юго-Восточной Азии. Корабли же, идущие с востока и не имеющие уже таких «пропусков», вообще топили без предупреждения. Другой функцией Малакки при голландцах было военное давление на богатые оловом малайские княжества, с тем чтобы заставить их продавать олово только голландцам.

Уже в 1641 г. первый голландский губернатор Малакки И. ван Влит потребовал от князя Перака, чтобы он прекратил всякую торговлю с иностранцами и предоставил голландской Компании монополию на скупку олова в его княжестве. Получив отказ, голландцы послали эскадру блокировать устья Перака. Но перакский князь держался твердо, и голландцы временно переключились на другие оловоносные районы. 18 июня 1642 г. Компания подписала договор с князем Кедаха, по которому тот обязывался поставлять ей половину своего олова по фиксированным низким ценам. 19 марта 1643 г. небольшое княжество Джанк Сейлон (Уджунгсаланг), номинальный вассал Сиамы, подписало с Компанией договор, предоставляющий голландцам исключительное право на скупку всего олова (княжество в это время экспортировало около 370 т олова в год). 1 января 1645 г. Компания подписала аналогичный договор с княжеством Бангери. Во второй половине 40-х годов XVII в. голландцы добились монополии на торговлю оловом в северо-малайских княжествах Паттани, Сингора и Лигор, которые также были вассалами Сиамы. Наконец, в декабре 1650 г. послы Компании добились от сюзерена Перака султанши Аче подписания договора, по которому олово Перака должно было в равных долях продавать Компании и Аче, а все остальные конкуренты устранялись с перакского рынка [253, т. III, с. 81, 170].

Голландцы в этот период не стремились к широким территориальным захватам в Малайе. Однако им была необходима определенная сельскохозяйственная периферия, которая, по их расчетам, могла бы прокормить Малакку. В 1641 г. губернатор И. ван Влит заставил правителя лежавшего близ Малакки небольшого княжества Нанинг подписать договор о вассальной зависимости от голландской Компании. Но жители Нанинга не признали этого договора. Голландцы посылали в Нанинг одну за другой военные экспедиции, но они обычно не давали результата. Более того, экспедиция 1644 г. была полностью разгромлена нанингцами. Только в 1647 г. Нанинг признал свою вассальную зависимость от Компании, но прочно закрепиться в этом княжестве голландцам так и не удалось. К тому же попытки выращивания риса в окрестностях Малакки не увенчались

успехом (здесь издавна существовали только садовые культуры). Рис и другое продовольствие, как и при португальцах, пришлось ввозить из Сиам и с Явы [271, с. 125—126].

Джохор после 1641 г. вступил в период расцвета. Как младший партнер Голландии, он мог теперь диктовать свои условия окрестным государствам и в полной мере воспользовался внезапно открывшимися перед ним возможностями. Султан Абдул Джалил не только вновь покорил Паханг, но и вопреки старой традиции не посадил никого туда вассалом, а сам принял титул «правитель Паханга». Затем он подчинил себе минангка-баусские княжества Центральной Малайи и вернул прежние владения Джохора на Восточной Суматре — Рокан, Кампар, Сиак и Индрагири. Аче, в это время переживавшее глубокий упадок, ничем не могло ему помешать. Восстановленная столица в Бату-Саваре, хотя и ненадолго, стала крупным международным портом. Голландцы, хотя и обманули своего союзника при дележе малаккской добычи²¹, на первых порах щедро давали «пропуска» судам, приписанным к Джохорскому порту. На рынке Джохора в изобилии имелось золото, слоновая кость, камфора, медь, олово, орлиное дерево, съедобные птичьи гнезда, соль, рис, ротанг, воск, китайский шелк, фарфор и фаянс, индийские ткани, опиум. Большие доходы Джохору приносила прямая торговля с Китаем, которую он перехватил у Паттани. Ежегодно в Джохор из Китая приходило 8—10 джонок — огромных судов с экипажем в несколько сот человек, товары которых раскупались за 2—3 недели. Благодаря существовавшей в Джохоре системе патронажа (все купцы, местные или иностранные, были обязаны иметь патрона, который за долю в прибылях охранял их от произвола других феодалов) феодальная верхушка Джохора хорошо наживалась на торговле. Крупные феодалы и сами участвовали в торговых предприятиях, ссужая купцам-мореходам деньги из 25% [45, с. 38].

Джохорский флот патрулировал в Малаккском проливе, пресекая случаи пиратства, а голландская Компания, также заинтересованная в том, чтобы местных купцов не мог грабить никто, кроме нее, предоставляла за это Джохору право беспопытной торговли на Малаккском рынке.

Голландцы, впрочем, пристально следили, чтобы джохорская торговля не приносила ни малейшего ущерба торговым монополиям Компании. Когда в 1643 г. Абдул Джалил установил связь с султаном Макасара Ала-уд-дином (через джохорцев, бежавших в Макасар после погрома 1615 г.) и принял на паях с ним участие в «контрабандной» торговле с островами Пряностей, голландцы без разговоров захватили джохорскую джонку, встретившуюся им близ островов Банда, и послали джохорскому султану грозную ноту протеста. Когда в 1647 г. в Джохор прибыл английский представитель Филипп Уайлд с просьбой разрешить английской Компании открыть здесь факторию, Абдул Джалил сначала дал такое разрешение, но потом, под давлением голландского резидента, аннулировал его [45, с. 69].

3 июля 1647 г. генерал-губернатор и Совет Батавии приняли решение запретить всем индийским купцам плавать в Малайю, Этим они рассчитывали пресечь «контрабандный» (с их точки зрения) вывоз олова в Индиго. Этот акт произвола вызвал возмущение малайцев. Но султан Абдул Джалил и после этого не пошел на разрыв с голландцами. Он по-прежнему посылал свои войска, чтобы подавлять антиголландские движения на полуострове [242, с. 289].

Бирма во второй четверти XVII в.

Талун, правивший в 1629—1648 гг., вошел в бирманскую историческую традицию как образцовый монарх. Вскоре после его смерти бирманский придворный летописец

²¹ Они вернули Абдул Джалилу только половину джохорских пушек, захваченных ранее португальцами, а остальную артиллерию отдали Аче и мелким малайским княжествам, очевидно чтобы уравнивать в известной степени баланс сил между местными правителями [45, с. 59].

записал: «Страна при нем процветала, и он умер, заслужив прозвище Талуна Справедливого» [250, с. 173]. Это убеждение в целом разделяют современные бирманские и западные историки [38, с. 263; 142, с. 193].

Сам Талун начал заботиться о своей посмертной репутации еще в самом начале своего правления. В одном из своих ранних манифестов он заявлял: «Вся страна — мой сад, где я выращиваю молодые растения, подготавливаю хорошие грядки и делаю все возможное, чтобы пересаженные деревца выросли и принесли плоды и чтобы эти плоды были наилучшего качества. Таким же образом религия и народ будут процветать в моей стране. Я сделаю так, чтобы жизнь была легкой. Никто не будет ведать невзгод, проходя путь от детства к зрелости и от зрелости к спокойной старости, и от старости к смерти» [250, с. 180]. У такого образцового короля и все чиновники должны были быть образцовыми «заботниками о народе». В указе, изданном в 1635 г., Талун говорит, снова прибегая к излюбленным в феодальной демагогии метафорам: «Лицо, которому дан в управление город или деревня, должно быть подобно садовнику, который выращивает растение. Он должен оберегать растение, а уж потом лучшие его листья могут быть взяты для продажи. Садовник так зарабатывает себе на жизнь. Подобным же образом и народ следует оберегать от всех притеснений и вымогательств со стороны алчных младших чиновников. Только наиболее добросовестных служащих следует посылать в деревни заботиться о благосостоянии народа. Донесения о народных нуждах следует рассматривать со всей серьезностью и принимать в соответствии с этим все необходимые меры. Всем надо твердо понять, что народ и его начальник в каждой местности взаимозависимы. От своего сотрудничества они имеют взаимные выгоды» [250, с. 177].

В другом указе Талун разражается уже прямыми угрозами против феодалов, которые только потребляют народные средства. «Птица ищет дерево с плодами и прилетает к этому дереву только тогда, когда плоды на нем в изобилии,— говорится в указе.— Она ничем не помогает росту дерева. И если начальник в своем владении не интересуется ничем, кроме дохода от него, он ведет себя подобно этой птице. А это недопустимо. Он, безусловно, заслуживает казни» [250, с. 177].

Еще в одном указе уточняется, что, собственно, заботило короля, когда он так много говорил о благе народа. «Если до наших королевских ушей дойдет, что народ бежит из какой-нибудь местности из-за угнетения поставленного там начальника, то этого начальника следует, не предоставляя слова для оправдания, казнить на месте» [250, с. 177—178].

Дело здесь, конечно, не только в том, что Талун хотел увековечить себя как справедливого монарха. Такая демагогическая активность в феодальных кругах наблюдается обычно накануне или после крестьянской войны. Источники, дошедшие до нас, в силу своего феодального происхождения, естественно, всячески замалчивают факты о крестьянских движениях, нарочито заслоняя их информацией о феодальных мятежах, разбое и пиратской активности, однако ясно, что в Бирме даже после ее нового объединения Анаупхелуном было еще очень неспокойно.

Начавшаяся еще в первые годы XVII в. после падения великой империи Байиннауна массовая миграция в Аракан и Сиам в начале правления Талуна не только не прекратилась, но даже возросла после кровавого подавления монских восстаний в Нижней Бирме. У нас нет сведений относительно того, была ли миграция коренного населения из Верхней Бирмы столь же интенсивна, но часть людей вполне могла укрыться на территории полузависимых шанских княжеств, где феодализм был примитивнее, а нормы эксплуатации ниже. Бирма после великих потрясений конца XVI — начала XVII в. обезлюдела. По оценке бирманского историка Тхан Туна, в королевстве Талуна в 1635 г. проживало не более 2 млн. человек [250, с. 175].

Наконец, и внутри страны крестьяне явочным порядком завоевали свободу передвижения, которой они раньше были лишены, и с земель одного феодала перебежали на землю другого, где налоговое давление было меньше. Весьма значителен был, видимо,

отток крестьян на монастырские земли. Ведь каждый надевший рясу освобождался от воинской и других повинностей. Кроме того, очевидно, имели место и случаи коммемдации в «храмовые рабы», т. е. крепостные, хотя основная масса «храмовых рабов» по традиции формировалась из военнопленных, которых жертвовали буддийской церкви бирманские короли. Чтобы восстановить «нормальный» феодальный порядок, надо было прежде всего покончить с конкуренцией между феодалами, переманивавшими друг от друга крестьян и скрывавшими их число от налогового ведомства, т. е. снова прочно прикрепить крестьян к земле. Кроме того, надо было дать и крестьянам хотя бы минимальные гарантии того, что им будет оставаться необходимый продукт, т. е. средства, достаточные для простого воспроизводства крестьянского хозяйства. Иначе государству грозил бы серьезный взрыв²².

Эта политика кнута и пряника, несомненно, начала проводиться еще при Анаупхелуне. Одним из крупнейших достижений Талуна современные бирманские и западные историки счи-тают издание им свода законов «Манусарашвемин» — гражданского, уголовного и процессуального кодекса. Это был первый в истории Бирмы документ такого рода, написанный не на церковном языке пали, а на бирманском языке и, следовательно, доступный широким массам²³. Новый кодекс давал крестьянам определенные гарантии от судебного произвола, устанавливал пределы для судебных пошлин, допускал существование института адвокатов, регламентировал обязанности судей и права тяжущихся сторон.

Но этот кодекс был издан в 1629 г., а Талун взошел на трон в сентябре этого года. Естественно, что совершенно нереально было бы допустить, что юристы Талуна подготовили этот огромный документ в течение одного квартала. Более правдоподобно допущение, что он составлялся в течение нескольких лет, т. е. инициатива его создания исходила от Анаупхелуна, а Талун лишь присвоил себе заслуги старшего брата²⁴.

Далее, взойдя на трон, Талун издал манифест, в котором, в частности, говорилось: «Покупка и продажа пусть продолжают, как обычно, без всяких ограничений» [250, с. 176], что явно означало отказ от государственной монополии на торговлю рядом важнейших товаров, существовавшей в XVI в. Но такая же точно формулировка содержится и в тронном манифесте Анаупхелуна (1605). Талун, таким образом, шел в своей внутренней политике по путям, намеченным Анаупхелуном, но благодаря тому, что его предшественник уже значительно укрепил позиции королевской власти, Талун мог и поборки и репрессии осуществлять в более широких масштабах.

Наряду с политикой пряника, о которой уже было достаточно сказано, он проводил, разумеется, и политику кнута, причем любопытно, что первые удары кнута обрушились не на крестьян, а на некоторых чересчур распоясавшихся феодалов. Талун был очень богомолен, однако это не помешало ему в момент последней войны с Сиамом (1630—1632), потребовавшей от Бирмы уже предельного напряжения сил, поднять руку на имущество буддийской церкви, непомерное богатство которой стало вызовом обнищавшей стране.

Земли, которые в последние годы монастыри прибрали к рукам, были у них изъяты. Но в Бирме, как и во всех других странах Юго-Восточной Азии того времени (кроме Вьетнама), главным богатством, которым распоряжались феодалы, была не земля, а работающие на ней люди. Изъятие у церкви людских резервов и стало основной задачей Талуна в первые годы его правления. Прежде всего он издал указ, запрещающий посвящение кого бы то ни было в монахи. Этот указ произвел такое сильное впечатление в

²² Из-за специфики источников мы ведь практически не знаем, сколько -претендентов на трон в Бирме и других странах региона, поднимая мятеж,, апеллировало к крестьянам, обещая им «лучшую жизнь».

²³ Бирма, как и другие буддийские страны Юго-Восточной Азии, была страной массовой грамотности, поскольку все дети мужского пола получали начальное образование в монастырях.

²⁴ О том, что Анаупхелун первым стал демонстрировать внимание к нуждам простого народа, повесив у своего дворца колокол для жалобщиков, ;мы уже писали.

стране, где каждый хотя бы раз в жизни на несколько месяцев уходил в монахи для накопления религиозных заслуг, что Талун был вынужден повсеместно разослать специальных чиновников с разъяснением, что это временная мера, которая вызвана критическим положением и не содержит в себе ничего антирелигиозного [250, с. 181].

Затем началась энергичная чистка уже посвященных в монахи. Все способные к воинской службе простолюдины, находившиеся в монастырях, были выявлены и возвращены в мирское состояние. Наконец, был издан указ, согласно которому было запрещено обращать в «храмовых рабов» военнопленных. Теперь их сажали на государственную землю (обычно в наиболее плодородной долине Чаусхе), чтобы они занимались земледелием и одновременно несли военную службу [15, с. 73]. Эти люди, представители многих национальностей, оторванные от своих корней, в чуждом окружении, всецело зависели от королевской власти и казались ей поэтому наиболее благонадежными. Хотя юридически они считались «рабами», на деле они были в более привилегированном положении, чем коренные бирманские крестьяне, формально свободные. Из них формировалась в основном королевская гвардия, главный аппарат подавления возможных крестьянских бунтов [142, с. 347].

Указ о необращении в храмовое рабство военнопленных, возможно, имел и обратную силу по отношению к сравнительно недавним приобретениям церкви. Во всяком случае, за первые шесть лет правления Талуна число военнообязанных в Бирме возросло настолько, что если в 1629 г. он унаследовал от своего предшественника 20-тысячную армию, то к 1635 г. он смог увеличить ее в 20 раз. В этом году Талун издал указ о заготовке для своей армии 100 тыс. мушкетов, 10 тыс. пушек, 50 тыс. луков. 1 тыс. кораблей, 5 тыс. боевых лодок и т. д., что, по подсчетам бирманского историка Тхан Туна, было достаточно для вооружения 400 тыс. человек, или каждого пятого жителя страны [250, с. 175].

Такое всенародное ополчение было создано во время правления Талуна только один раз, в 1637 г., когда создалась угроза вторжения в Бирму китайских войск. Тем не менее есть сведения, что Талун постоянно держал под ружьем 400-тысячную армию, неслыханную для мирного времени. Видимо, эта армия нужна была ему для подавления внутренней оппозиции, прежде всего сопротивления крестьянства, на права которого с середины 30-х годов XVII в. он повел систематическое наступление.

После того как Талун в 1635 г. окончательно переводит свою столицу в Аву²⁵, он прежде всего делает ряд примирительных шагов по отношению к духовенству. В том же 1635 г. он возводит в Аве огромную пагоду и помещает в нее статую Будды из золота, вес которого был равен собственному весу короля [207, с. 135]. Тогда же, видимо, был снят запрет на посвящение в монахи.

Затем он издает серию указов, целями которых были прочное прикрепление крестьян к земле, выявление всех бродяг и «тунеядцев», уклоняющихся от уплаты податей и воинской; повинности, и «справедливое» (по мнению короля) распределение земли и крестьянского труда между феодалами-чиновниками, поддерживавшими его в борьбе за власть. С этой целью началась работа по составлению первого в истории Бирмы полного земельного кадастра, завершение которого было приурочено к юбилейному, 1000 году тогдашней бирманской эры (1638) [29, с. 101; 142, с. 194].

При составлении этого кадастра были проведены четкие границы между всеми земельными владениями, тщательно проверены все документы на право владения

²⁵ Вопреки мнению ряда современных историков, это не было связано с отказом от завоеваний. Вести войну с Сиамом можно было и из Верхней: Бирмы. И такая война действительно велась при преемнике Талуна в 1660—1661 гг. К тому же организация и вооружение 400-тысячной армии говорят сами за себя. Просто разоренный и обезлюдевший город Пегу стал неудобным местом для столицы [107, с. 85].

землей²⁶, были установлены нормы обложения податных земель²⁷. Одновременно была проведена всеобщая перепись населения и крестьянам было строжайше запрещено покидать те земли, на которых они находились в момент переписи. Из этого правила было сделано, однако, одно исключение — деревенским старостам было приказано тщательно проверить генеалогию всех жителей их деревень, чтобы выяснить, не является ли кто-нибудь из них рабом или потомком раба, точнее, крепостного. Такие люди подлежали немедленному возврату их прежним владельцам [250, с. 178].

Чтобы внедрить эти меры в жизнь, над крестьянами был учрежден строжайший полицейский контроль. В деревнях был «даже введен своего рода комендантский час. Всякий, кто без крайней необходимости выходил из дома после девяти часов вечера, получал наказание — 100 ударов палками. Жизнь крестьян была подвергнута самой мелочной регламентации. Так, один из королевских указов устанавливал, какие танцы можно, а какие нельзя исполнять на деревенских праздниках. Семейная жизнь крестьян также перестала быть их личным делом. Староста был обязан следить, чтобы юноши и девушки своевременно вступали в брак. Тех же, кто замешкался, женили в принудительном порядке: правительство было заинтересовано в максимальном росте населения. Чиновник, стоявший во главе района, должен был ежегодно представлять правительству подробный статистический отчет о количестве рождений, смертей, побегов, посвящений в монахи, числе инвалидов, стариков и лиц, годных к службе в своем округе [250, с. 180—184].

Принцип индивидуальной ответственности, установленный кодексом 1629 г., был заменен принципом круговой поруки. Крестьяне несли коллективную ответственность за все правонарушения, совершенные не только в деревне, но и в ее окрестностях, если виновника не удавалось выявить. Талуну стал казаться чересчур либеральным институт адвокатов, лиц, знающих право, но не входящих в чиновничий аппарат. Эти, видимо, первые в Бирме светские интеллигенты вызвали у него сильное подозрение. В специальном указе он так характеризовал судебных защитников: «Адвокаты процветают, говоря ежедневно всякую ложь, и поэтому не имеют заслуг (перед государством.— Э. Б.), Их следует выселить за пределы города. Пусть живут там отдельно» [250, с. 181]. Тот же указ давал право судье лишать адвоката слова (если ему показалось, что тот хочет «запутать» суд), вытаскивать его из суда за волосы и наказывать 100 ударами палок.

Жесткий полицейский режим, введенный Талуном, однако, не был равносителен «закрытию страны», как это произошло в те же годы с Японией. Некоторые историки считают, что перенос столицы в Аву повлек за собой глухую изоляцию Бирмы от внешнего мира на два с половиной века. На деле все было гораздо сложнее. Талун отнюдь не стремился закрыть свою страну от иностранцев. Он даже издал указ, поощряющий иммиграцию в Бирму из других стран и суливший переселенцам всяческие льготы [250, с. 176]. Этот указ, так же как и государственный контроль над иностранцами, был вызван тем, что земли в обезлюдившей Бирме было много, а рабочих рук мало. Не сторонился Талун и сношений с европейцами. Когда в 1635 г. в Сириаме открылась первая голландская фактория, Талун, к тому времени уже переехавший в Аву, тут же пригласил ее руководство к своему двору. В сентябре 1635 г. первые голландские представители Дирк Стеур и Вирт Янсен Попта прибыли в Аву. Король дал им аудиенцию и устроил для них «различные представления: танцы, прыжки и борьбу». В результате последовавших переговоров была открыта голландская фактория в Аве. В 40-х годах XVII в. вслед за голландцами, в Верхнюю Бирму прибыли англичане. Они также встретили при дворе радушный прием. К концу правления Талуна обе Ост-Индские компании имели фактории

²⁶ Этих документов к тому времени, видимо, вообще было немного, как из-за непрочности письменного материала, так и в силу преобладания традиционного права. Поэтому правительство утверждало или экспроприировало владельцев, исходя не из юридических, а из политических соображений.

²⁷ Все налоги фиксировались, и сборщик налогов обязан был иметь при себе и предъявлять налогоплательщикам документ с точными цифрами обложения каждого участка земли. За нарушение этого правила по указу Талуна ему могли отрубить руки и ноги [250, с. 179].

не только в Сириаме и Аве, но и на крайнем Севере Бирмы, в Бамо, городе, откуда пролегал торговый путь в Юго-Западный Китай [140, с. 58].

Тринадцать мирных лет (1634—1647), если не считать оказавшегося локальным конфликта с Китаем в 1637 г., способствовали известной стабилизации и подъему хозяйства в Бирме. Жесткие полицейские меры Талуна, соединенные с определенным ограничением феодального произвола, привели к тому, что угроза крестьянского восстания к концу его правления, видимо, перестала беспокоить феодалов. Соответственно оживилась деятельность феодальных клик, которым уже стал невыгоден чересчур властный король, стремившийся превратить недавно еще полузависимых князьков в простых исполнителей его воли.

Это стало ясно, когда в 1647 г. в стране разразился династический кризис. Придя к власти, Талун объявил наследником трона своего младшего брата Минджиджасву, который сопровождал его во всех ранних походах и помог свергнуть племянника-отцеубийцу. Теперь этот принц умер. Среди многочисленных сыновей Талуна завязался спор о том, кто займет его место. Талун оттягивал свое решение. Часть знати, недовольная королем, составила заговор, выдвинув своим претендентом принца Шинталок. Под покровом ночи Шинталок и его сторонники внезапно атаковали королевский дворец и захватили его.

Талуну, однако, удалось спастись. Он бежал в расположенный поблизости буддийский монастырь, где монахи предоставили ему убежище (видимо, во второй половине своего царствования Талун сумел щедро вознаградить церковь за все, что он отнял у нее прежде). Шинталок попытался вырвать отца из монастыря вооруженной силой. Если верить хроникам, единственной защитой короля в тот момент были монахи., вооруженные палками. Нападение на монастырь по понятиям того времени было таким чудовищным святотатством, что отряд Шинталок действовал очень вяло, и к монастырю успела подойти часть королевской гвардии. Заговорщики отступили во дворец, укрепленный пушками, у Талуна же артиллерии не было. Осада затянулась. Однако позже правительственные войска одержали победу. Вожди заговора были схвачены и сожжены вместе с семьями. Шинталок был убит в бою [142, с. 193—194; 207, с. 135—136].

Раджа индийского княжества Манипур, узнав об этих потрясениях, в том же году вторгся в Северную Бирму. Однако позиции Талуна были еще сильны, и он легко отразил этот набег. В 1648 г. Талун внезапно скончался, видимо не оставив завещания. Совет знати возвел на трон другого его сына — совершенно бесцветного Пиндале (1648—1661) [38, с. 264—265; 142, с. 196].

Борьба короля Прасат Тонга за централизацию Сиама

Общая линия развития Сиама после освобождения из-под власти Бирмы (с конца XVI в.) заключалась в непрерывном возрастании роли внешней торговли и соответствующем ей довольно значительном развитии внутренней торговли со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подобные изменения в сфере экономики Сиама должны были неизбежно повлечь за собой изменения и в политической области. Интересы страны требовали создания прочного централизованного правительства, которое могло бы ограничить произвол местных феодалов, снять таможенные рогатки внутри страны и обеспечить внутренний и внешний мир, необходимый для нормального развития торговли. Борьба за создание такой власти началась еще при первом короле послебирманского периода Наресуане (1590—1605). Однако ни Наресуану, ни его преемникам Экатотсароту (1605—1620) и Сонгтаму (1620—1628) не удалось сломить могущество феодальной знати.

Основными двумя группами, на которые распадался класс феодалов, в это время были чиновники, служившие в центральном аппарате (так называемые внутренние чиновники), и провинциальные чиновники (так называемые внешние чиновники). В

основе такого деления лежало сохранившееся от первых веков существования сиамского королевства деление страны на центральный королевский домен — Ван рачатани и окраинные уделы принцев. К XVII в. королевский домен занимал уже всю долину нижнего Менама (т. е. самую плодородную и густонаселенную область Сиам), а уделы были превращены в провинции во главе с назначаемыми губернаторами. Тем не менее различие между королевским доменом и провинциями, в которых губернаторы, пользуясь удаленностью от столицы, стремились закрепить наследственно свою власть и вести независимую политику, сохранилось еще и в XVII в.

Формально провинции управлялись специальными коллегиями чиновников, которые в миниатюре копировали королевский Совет министров, но на деле вся полнота власти принадлежала губернатору — чао мыангу, который являлся высшей инстанцией по всем гражданским, военным и юридическим вопросам для данной провинции. Как замечает ван Влит, губернаторы только не имели права объявлять войну, заключать мир и вносить изменения в писанные законы, хотя и могли безнаказанно нарушать эти законы на практике. Ни один из жителей провинции не мог покинуть ее пределы без разрешения губернатора. Если же кому-нибудь из жалобщиков и удавалось переправить свою петицию в Аютию, жалоба, как правило, оставалась без последствий [264, с. 60]. Губернатор, особенно в отдаленной провинции, по сути дела, был маленьким царьком и обращал мало внимания на приказания короля.

Между тем к концу 20-х годов XVII в. задача централизации страны стала еще более неотложной, так как к перечисленным выше факторам в это время прибавилось еще военное давление и прямая агрессия против Сиам со стороны европейских держав, которые стремились торговую прибыль, получаемую Сиамом от посреднической и иной торговли, перекачать в свои карманы. Интересы обороны страны от европейской агрессии настоятельно требовали создания сильного правительства.

Эта задача была решена основателем новой династии, правившей в Сиаме с 1629 по 1688 г., наиболее известным именем которого было имя Прасат Тонг — Король Золотого Дворца. Прасат Тонг был выходцем из знатной тайской семьи, находившейся в родстве по женской линии с царствующим домом. Исключительные полководческие способности, проявленные им во время войны с Камбоджей, выдвинули его в число ближайших сотрудников короля. К моменту смерти короля Сонгтама (апрель 1628 г.) он занимал ответственный пост министра двора. Поскольку в Сиаме не существовало четко сформулированного закона о престолонаследии, здесь началась ожесточенная борьба за трон между ближайшими родственниками короля. Прасат Тонг принял активное участие в этой борьбе и в конечном счете после низложения двух несовершеннолетних королей — Четтатирата и Атит Чакравонга (1629 г.) сам овладел троном.

Приход Прасат Тонга к власти ознаменовался значительными изменениями в личном составе сиамского правительства и высшего чиновничества. «В королевстве Сиам, — пишет современник этих событий ван Влит, — произошла великая перемена. Знатные вельможи лишились свободы и богатств, в то время как рабы стали мандаринами и вошли в число могущественнейших при дворе» [266, с. 124—125]. Употребил ли ван Влит в данном случае термин «рабы» в прямом или переносном смысле, т. е. желая подчеркнуть «низкое происхождение» новых вельмож, сказать трудно. Во всяком случае, ясно, что, если в число-приближенных Прасат Тонга и входили бывшие «рабы», т. е. крепостные, говорить об антифеодальном, революционном характере деятельности Прасат Тонга (как, видимо, представлял ее себе ван Влит, несколько раз возвращавшийся к мысли о рабах-вельможах) не приходится.

Основной социальной базой Прасат Тонга, как и всякого короля, борющегося за централизацию страны, оставались мелкие феодалы-чиновники (при отсутствии таких жестких границ между сословиями, какие существовали, например, в средневековой Европе, в число чиновников-дворян, конечно, могли проникать отдельные представители крестьянства).

Значительную поддержку оказывала Прасат Тонгу буддийская церковь, так же, как и мелкие феодалы заинтересованная в установлении сильной централизованной власти (конечно, до тех пор, пока та не посягала на ее права) и в ограничении крупных светских феодалов. В благодарность за это Прасат Тонг щедро одарял буддийские монастыри землями и золотом [36, с. 72].

Политику Прасат Тонга на первых порах поддерживало также многочисленное и влиятельное купечество Аютии и других торговых центров, состоявшее по преимуществу из натурализовавшихся в Сиаме индийцев, китайцев, японцев, персов, армян и представителей других национальностей²⁸.

Народные массы в событиях государственного переворота, приведшего к власти Прасат Тонга, активного участия не принимали.

После захвата трона Прасат Тонгу пришлось преодолеть целый ряд новых препятствий. Соседние державы не признавали его законным королем, стремясь под этим предлогом отторгнуть в свою пользу пограничные части Сиам. Особенно воинственно вели себя Лаос и находившееся в вассальных отношениях с Бирмой королевство Чиангмай. На южной границе малайские княжества отказывались признать власть Прасат Тонга, а глава японских наемников при прежних королях Ямада собирал силы на юге страны, в Лигоре, чтобы идти войной в Аютию и свергнуть «тирана» [266, с. 139].

Требовалось незаурядное дипломатическое и военное искусство, чтобы удержать в подобных условиях власть в своих руках. Прасат Тонгу, однако, удалось справиться со всеми трудностями. Стремительным маршем продвинув свои войска на север, он обратил в бегство войска Чиангмая и Лаоса. Вскоре после этого он подавил японский мятеж и замирил малайские княжества [266, с. 144].

Упрочив свое положение, Прасат Тонг смог всерьез заняться борьбой с крупными феодалами, которая составила основу его внутренней политики на всем протяжении его царствования.

До Прасата Тонга губернаторы обычно постоянно находились в своих провинциях и занимали свои посты, как правило, пожизненно. При этом губернаторы ближних к столице провинций являлись ко двору для отчета один-два раза в год, а губернаторы дальних провинций — один раз в три года. Учитывая к тому же, что губернаторские посты фактически занимались наследственно, нетрудно понять, что такая система сплошь и рядом приводила к тому, что губернаторы превращались в самостоятельных князей [264, с. 60—61].

В первые же годы своего правления Прасат Тонг резко нарушил сложившиеся традиции. Каждые 4—8 месяцев он перемещал всех губернаторов (так же как и прочих крупных чиновников) с одного поста на другой, не давая им нигде укорениться. «Он так часто меняет высших должностных лиц королевства,— писал ван Влит,— что никто из знатных не может с уверенностью сказать, что ему принадлежит» [266, с. 154]. В дальнейшем он прибегнул к еще более радикальной мере, принудив всех губернаторов постоянно жить в столице (исключение было сделано только для губернаторов стратегически важных провинций Тенассерим, Лигор, Паталунг и Сингора). Обязанности губернаторов на местах стали выполнять их заместители — «люди низкого ранга», т. е. мелкие феодалы, назначенные на этот пост Прасат Тонгом и всецело зависевшие от него [266, с. 154].

Губернаторы и другие крупные феодалы, собранные в Аютии, фактически превратились в заложников в руках Прасат Тонга. «Они были полностью лишены прежней свободы,— пишет ван Влит.— Этим мандаринам было позволено разговаривать между собой только в приемном зале дворца и при этом так, чтобы их могли слышать все,

²⁸ Впоследствии (в особенности при преемнике Прасат Тонга Нараяне), когда ясно обозначился курс на монополизацию всех основных отраслей внешней торговли, те из местных купцов, которым не удалось так или иначе пристроиться к государственному внешнеторговому аппарату, заняли по отношению к королю явно враждебную позицию.

даже рабы. Нарушая это правило, они ставили под угрозу свое положение и свою жизнь. Без ведома и согласия короля отец не имел права навещать своих детей, а дети навещать отца, даже в случае болезни или смерти. Все вельможи обязаны были под страхом тяжелого наказания трижды в день являться во дворец на переключку» [264, с. 62].

Наконец, чтобы избежать опасного сосредоточения власти в руках отдельных министров, он перевел слоновый корпус — основную ударную силу сиамской армии из ведомства калахома (военного министра) в гражданскую часть [160, т. I, с. 270]. Таким образом военные силы Сиамы были разбиты на три части (армия, гвардия и слоновый корпус) под командой трех различных начальников, которым было бы трудно сговориться.

Подобные административные меры соединялись у Прасат Тонга с прямым террором против верхушки феодального класса. В воспоминаниях голландского путешественника Яна Стрейса сохранилась яркая картина массовых репрессий против крупных феодалов в период февраля — апреля 1650 г. [36, с. 80—81]. Поводом для репрессий послужила смерть дочери Прасат Тонга. Эта дочь, благодаря явно инсценированному «чуду», была признана отравленной. Следствие велось простым, хотя и безупречным с точки зрения тогдашней юридической науки способом. Обвиняемым предлагалось пройти несколько метров босиком по раскаленным докрасна углям. Всякий, кому удалось пройти это испытание, не получив ожогов, автоматически считался оправданным и наоборот. А поскольку доказать свою невинность таким способом не удавалось никому (многие просто сгорали на полдороге), как замечает очевидец, люди, которых подвергали такому испытанию, уже считали себя заранее приговоренными (всего было казнено около 1 тыс. человек).

Весь процесс был направлен исключительно против крупных феодалов. Стрейс достаточно точно для своего времени сформулировал эту мысль в таких словах: «Считали, что беснующийся адский тиран под предлогом розыска отравителей хотел убрать со своего пути все дворянство, которого он боялся» [36, с. 82—83]. Конечный исход борьбы, как правильно отмечает Стрейс, был решен тем, что «наказанию подверглись только благородные и знатные и гибель их радовала народ, обремененный ради них налогами и повинностями» [36, с. 83].

Основной чертой внешней политики Прасат Тонга был отказ от разорительных феодальных войн, необходимый для успешного развития торговли. Уже в начале своего правления он посылает посольства с предложением мира и дружбы к королям Пегу и Авы (Бирма), старинным врагам Сиамы, в Лаос, Аракан, Аче, Тямпу и другие государства Юго-Восточной Азии. Он прекращает долголетнюю борьбу за восстановление суверенитета Сиамы над Камбоджей, бесплодно уносившую огромные средства и немало жизней, несмотря на то что голландцы подстрекали Прасат Тонга продолжать ее. Он отказался от традиционных походов на Бирму и Лаос [264, с. 32—35, 44].

Забота о развитии торговли занимала значительное место в политике Прасат Тонга. В первые годы своего правления он значительно уменьшил импортные и экспортные пошлины. Были приняты меры, чтобы оградить купцов от феодального грабежа. За вымогательство у купцов на феодалов налагали крупные штрафы и даже лишали должностей [264, с. 64—65].

В интересах развития торговли Прасат Тонг часто обменивался посольствами с различными странами Индии и Индонезии. Эти посольства неизменно сопровождались обширной свитой из купцов, которые, пользуясь дипломатическим иммунитетом, с большим удобством совершали свои торговые сделки. Тесные торговые и дипломатические отношения поддерживались с Китаем. Китайский император даже содержал при сиамском дворе четырех постоянных представителей [264, с. 93].

На протяжении ряда лет Прасат Тонг упорно стремился восстановить дипломатические отношения с Японией, разорванные сначала из-за мятежа японских наемников, а затем вследствие закрытия Японии для иностранцев. Всем уцелевшим

японцам было разрешено вернуться в Сиам и занять прежние посты. В 1635, 1641, 1643, 1656 гг. в Японию направлялись посольства, снабженные большим количеством товаров для продажи, но сегуны наотрез отказывались принять сиамское посольство. Послам было разрешено продать только часть товаров, чтобы купить провизию на обратную дорогу [129, с. 304—305].

Взаимные выгоды японо-сиамской торговли, однако, были настолько велики, что сиамский король стал посылать в Японию суда с китайской командой²⁹, которую сопровождали специальные сиамские чиновники. Последние руководили продажей товаров, не сходя с борта судна.

Необходимость торговой борьбы с европейскими купцами, объединенными в компании, и стремление укрепить экономическую базу королевской власти привели при Прасат Тонге к значительному росту государственных торговых монополий. Большинство из этих монополий было впервые установлено при Прасат Тонге. Торговля сапаном, оловом, тиком стала одним из важнейших доходов короля.

Установив монополию на важнейшие статьи экспорта, правительство Прасат Тонга, широко используя традиционное «право первой покупки», принадлежащее королю, все в большей мере захватывало в свои руки также и торговлю импортными товарами. Ведомством пракланга был организован сбыт этих товаров на всей территории страны. «Внутренняя торговля,— писал ван Влит,— приносит королю большие доходы, и много торговых точек открыто в разных провинциях» [264, с. 27].

Сиам и европейские державы во второй четверти XVII в.

Рубеж 20-х и 30-х годов XVII в. явился важным переломным моментом не только во внутренней, но и во внешней политике Сиам. Если до этого времени отношения Сиам с европейскими державами носили неизменно мирный характер, то начиная с конца 20-х годов, на протяжении немногим более полувека, Сиам вынужден был последовательно обороняться от вооруженной агрессии всех колониальных держав того времени — Испании, Португалии, Голландии, Англии и Франции.

Причиной такого исключительного «внимания» европейцев к Сиаму в 30—80-х годах XVII в., несомненно, было стремление безраздельно завладеть сиамским рынком. По мере того как в торговых операциях европейских купцов и компаний все большую роль стали играть посредническая торговля между странами Востока и импорт в Европу дальневосточных товаров, сиамский рынок приобретал для европейцев все большее значение.

Стремясь занять на этом рынке ключевые позиции и в то же время лишить доступа к нему своих торговых соперников, европейские державы не останавливались ни перед какими средствами, в том числе и перед открытой войной.

В противовес политике европейских государств, каждое из которых хотело установить свою монополию на сиамский рынок, сиамское правительство настойчиво проводило политику «равных возможностей», для купцов всех стран, независимо от вероисповедания и национальности (большое число купцов, естественно, позволяло сиамскому внешнеторговому ведомству сбивать цены на привозные товары и поднимать цены на свои). Равным образом сиамское правительство не желало согласиться с тем, чтобы его торговый флот, приносящий Сиаму большие барыши, был бы заменен торговым флотом какой-либо из европейских держав. Поэтому на всем протяжении рассматриваемого периода давление европейских держав, встречаясь с упорным противодействием Сиам, неизбежно рано или поздно переходило в кровавые конфликты. Первой на путь открытой агрессии против Сиам вступила Испания (1628).

Предлогом для объявления войны послужил происшедший за четыре года до этого инцидент с голландским судном «Зеландия». В 1624 г. испанская эскадра под

²⁹

Китайцам и голландцам на известных условиях было разрешено посещать Японию.

командованием Фернандо де Сильвы захватила это судно в сиамских территориальных водах в низовьях Менама. Сиамское правительство не осталось безучастным к такому вопиющему нарушению международного права. Отряд сиамских войск отбил у испанцев «Зеландию», и она вместе с грузом была возвращена законным хозяевам [216, т. I, с. 174]. Тогда испанцы промолчали, теперь же решили направить с Филиппин против Сиам несколько военных судов под командой дон Хуана д'Алькрассы. Внезапно появившись в устье Менама, эскадра д'Алькрассы вероломно захватила сиамскую джонку, шедшую с грузом из Кантона. После того как товары были перегружены на испанские корабли, джонка была сожжена вместе со всем экипажем. Такая же судьба постигла сиамское торговое судно, возвращавшееся из Нагасаки [264, с. 52—53]. В 1630 г. испанскую агрессию поддержали морские силы Португалии. В ответ на это король Пра-сат Тонг отдал приказ арестовывать находившихся в столице португальцев и захватывать португальские суда. Одновременно он обратился за помощью к голландцам. Голландская Ост-Индская компания, сама крайне заинтересованная в поражении своего старого соперника, охотно предоставила Сиаму военную помощь. В 1632 г. голландский генерал-губернатор Якоб Спекс направил для поддержки сиамского флота эскадру из пяти крупных военных судов под командой Антонио Кана [216, т. I, с. 178; 264, с. 38].

После этого перевес в морской войне явно стал клониться на сторону Сиам. Португальцы решили начать переговоры о мире. В июле 1633 г. в Аютию из Малакки прибыло посольство во главе с капитаном Себастьяном Монтос д'Авилла [264, с. 53]. Посольство встретило сдержанный прием, однако сиамский король удовлетворил просьбу д'Авиллы освободить из-под стражи португальцев, арестованных в Аютии и захваченных в море. В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что сиамское правительство не собирается удовлетворять претензии, выставленные португальцами. Тогда д'Авилла, не дожидаясь окончания переговоров, в одну из ночей внезапно бежал, захватив с собой всех условно освобожденных португальцев (сентябрь 1633 г.). Той же осенью испанцы и португальцы, воспользовавшись тем, что эскадра Кана возвратилась в Батавию, возобновили военные действия против Сиам. Два португальских фрегата блокировали вход в реку Тенассерим, в то время как другие корабли охотились на сиамские суда, идущие в Китай, и совершали набеги на побережье.

Одновременно с этим испанцы и португальцы поддерживали и раздували феодальные мятежи против сиамского короля, использовали в своих целях противоречия между Сиамом и государствами Малаккского полуострова. Так, в 1634 г. португальцы, заключив союз с султанами Джохора и Паханга, смогли направить на помощь восставшему против Сиам Паттани объединенный флот численностью более 100 судов и 5 тыс. солдат, которым удалось снять сиамскую осаду. Камбоджа, находившаяся с 1622 г. в состоянии войны с Сиамом и вступившая в 1629 г. в открытый союз с испанцами, начала с помощью испанских корабельных мастеров сооружать военный флот [253, т. II, с. 263]. Однако союз хозяев Филиппин и Малакки с местными правителями не мог быть прочным и вскоре распался. В дальнейших событиях этой войны ни малайские государства, ни Камбоджа уже не принимали активного участия,

Несмотря на то что на этот раз голландцы не оказывали Сиаму реальной военной помощи, сиамцам удалось добиться ряда успехов. Для снятия блокады с Мергуи и Тенассерима было послано большое войско, которым командовали восемь японских наемников. Чтобы создать у португальцев впечатление, что Сиам в союзе с Японией, все войско было переодето в японское платье. Решающим фактором, определившим победу сиамцев, явилось, по-видимому, все же не это обстоятельство, а те несколько десятков пушек, которые они, несмотря на исключительные трудности продвижения по горным и лесным дорогам, сумели быстро доставить в Мергуи на слонах. Энергичный огонь сиамских батарей принудил португальские корабли покинуть реку и гавань Мергуи [46, с. 87].

После снятия блокады война приняла характер взаимного захвата кораблей. В 1634—1635 гг. сиамцам удалось захватить несколько испано-португальских торговых и военных судов. Добившись этих успехов, Прасат Тонг не считал нужным продолжать дальнейшую войну, мешающую развитию сиамской внешней торговли. В 1636 г. он без всяких условий освободил всех пленных испанцев и португальцев. Официальный мирный договор был подписан в 1639 г. (при активном посредничестве китайского посла в Макао) [264, с. 54; 266, с. 150]. К этому времени испанцам и португальцам, истощенным борьбой с Голландией и Англией, стало уже не под силу продолжать еще и сиамскую войну. В 1641 г. пал главный оплот португальцев в Юго-Восточной Азии — Малакка. После этого португальцы навсегда потеряли возможность серьезно угрожать Сиаму, и роль португальских купцов на сиамском рынке была сведена до минимума. Испания после разрыва унии с Португалией (1640г.) также потеряла всякий интерес к сиамской торговле. Таким образом Сиам успешно отразил первую агрессию, направленную против него европейскими державами.

Победа в этой войне, однако, обошлась Сиаму недешево. В борьбе против Испании и Португалии сиамский король вынужден был призвать на помощь голландцев. Помощь была оказана, но, конечно, недаром. События испано-сиамской войны голландцы использовали для того, чтобы укрепить свое положение в Сиаме, добиться новых льгот и привилегий и расправиться со своими торговыми соперниками на сиамском рынке. Эволюцию сиамо-голландских отношений в 20—40-х годах XVII в. можно наглядно проследить по изменениям тона дипломатической переписки этого времени.

В письме голландского штатгальтера Фредерика Оранского и Совета семнадцати к королю Сонгтаму, написанном в начале 1627 г., явственно ощущается униженное заискивание. Сиамский король титулуется «знаменитейшим, высочайшим и могущественнейшим». Получение письма от Сонгтама расценивается как великая честь, которую тот «соблаговолил оказать покойному принцу Морицу Оранскому». Возвращение захваченной испанцами небольшой яхты «Зеландия» превозносится как величайшее благодеяние. Голландский штатгальтер обращается к Сонгтаму с униженной просьбой «соблаговолить, как и прежде, оказывать свои королевские милости голландской нации» [прил., док. 4].

Значительно суше тон письма Фредерика Оранского королю Прасат Тонгу, написанного восемь лет спустя. В этом письме сиамский король уже всего лишь «могущественный». Отношение Прасат Тонга к голландскому штатгальтеру характеризуется не как «благovolение», а как «любовь и привязанность» и сам Прасат Тонг не «покровитель», а только друг голландцев, т. е. здесь голландский штатгальтер уже обращается к сиамскому королю как равный к равному [прил., док. 5].

В 40-х годах и позднее переписка между штатгальтерами и сиамскими королями вообще прекращается. Голландские генерал-губернаторы обращаются с письмами непосредственно к королю (а не к праклангу), посылают в Сиам посольства от своего имени, и сиамские короли, нарушая все правила придворного этикета, вынуждены им отвечать³⁰. Такое резкое изменение дипломатического тона за сравнительно короткий срок объясняется как изменением международного положения, так и рядом событий во внутренней истории Сиамы, в которых не последнюю роль играли голландцы.

Тон первого письма характерен для периода, когда исход тяжелой и затяжной борьбы Голландии с Испанией и Португалией за восточные рынки был еще не ясен, когда позиции голландской Ост-Индской компании не только в Сиаме, но и на Яве были еще довольно непрочны, когда даже сама возможность удержать Батавию в голландских руках зависела зачастую исключительно от подвоза сиамского риса [216, т. I, с. 170, т. II, с. 4].

Тон второго письма отражает военные и дипломатические успехи Голландии на Востоке в середине 30-х годов, а также непрочное положение нового короля Прасат Тонга

³⁰ С точки зрения сиамской феодальной идеологии считалось страшнейшим унижением для короля вступить в переговоры с простым смертным.

в начале его правления. Правители всех соседних государств (и даже Японии) отказались признать Прасат Тонга, открыто называя его «узурпатором и цареубийцей» [216, т. II, с. 4]. Наряду с войной против Испании и Португалии он должен был бороться с многочисленными феодальными мятежами, которые часто смыкались с внешней агрессией.

В этой обстановке внешней изоляции и внутренней неустойчивости Прасат Тонг готов был заплатить любую цену, лишь бы заполучить сильного союзника. Пристально следившие за развитием событий в Сиаме голландцы учли это. Голландия была первой из иностранных держав, признавших власть Прасат Тонга. Голландский посол Иост Схоутен (он же глава аюттйской фактории) предложил Прасат Тонгу военную помощь не только против Испании и Португалии, но и против восставших вассалов Камбоджи и Паттани.

В награду за помощь Схоутен потребовал немалую цену — предоставление монополии на важнейшие предметы сиамского экспорта — олени и буйволиные шкуры и сапановое дерево, а также обширный участок земли для фактории. Земельный участок был предоставлен Компании немедленно, что же касается монополии, то Прасат Тонг обещал предоставить ее на следующий день после совместной победы над Паттани [63, с. 249].

В соответствии с этой договоренностью было решено весной 1634 г. нанести по Паттани одновременный удар сиамскими войсками с суши и голландским флотом с моря. Голландцы обещали выделить для этой операции шесть военных кораблей. Однако посылка голландской эскадры настолько затянулась, что она подошла к столице Паттани только тогда, когда сиамская армия уже отступила от нее с большими потерями. Несмотря на большое разочарование, Прасат Тонг щедро вознаграждал голландцев — уменьшил вдвое взимавшиеся с них пошлины [216, т. II, с. 5; 264, с. 39].

Еще более укрепилось положение голландской Компании в Сиаме после того, как Прасат Тонг совершил свою крупнейшую политическую ошибку — изгнал из страны японцев. Японские торговцы были наиболее серьезными конкурентами голландцев на сиамском рынке. Вся сиамо-японская торговля, которая до этого времени находилась в руках купцов этих двух стран, была теперь монополизирована голландцами, которые получили возможность диктовать свои цены на рынке.

Начиная с этого времени и вплоть до начала 60-х годов Голландия оставалась единственной крупной торговой державой на сиамском рынке и продолжала занимать здесь господствующее положение и в 60—80-х годах, несмотря на конкуренцию со стороны Англии и Франции.

Стоимость голландского импорта в Сиам неизменно в 1,5— 2 раза превышала стоимость экспорта. Это объяснялось, по-видимому, не столько большим товарным объемом голландского импорта по сравнению с экспортом, сколько голландской политикой сбивания цен на местные товары и взвинчиванием цен на свои. Возможности для проведения такой политики обеспечивались голландским флотом, господствовавшим на море. Голландия ввозила в Сиам холст собственной выделки и готовую одежду, а также индийские ткани, причем последние явно преобладали. Наряду с индийскими хлопчатобумажными тканями (миткаль, ситцы и т. п.) голландцы ввозили, хотя и в меньшем количестве, японский и китайский шелк в виде тканей и готовой одежды.

Из товаров европейского производства Голландия ввозила в Сиам различные промышленные изделия и полуфабрикаты — гвозди, инструменты, корабельное оборудование, металлы в слитках (железо, медь) и, в виде редкого исключения, военные материалы — порох, пули. Являясь фактически монопольным поставщиком этих товаров, голландская Компания, несомненно, получала от их продажи огромные прибыли и очень ревниво следила за тем, чтобы Сиам не смог ликвидировать ее монополию, наладив производство этих товаров у себя.

Характерно, что упорные, повторяющиеся из десятилетия в десятилетие просьбы сиамских королей прислать им литейщиков, корабельных плотников, строителей,

пороховых дел мастеров и других специалистов для обучения сиамцев неизменно вежливо отклонялись голландскими властями, несмотря на то что король Нарай предлагал назначить им любое жалованье, какое запросит Компания [101, 1671—1672, с. 494].

Огромные доходы голландцы получали также от импорта в Сиам пряностей: гвоздики, корицы, кардамона, мускатного ореха и др. Эти пряности не произрастали в Сиаме. После захвата Молуккских островов голландская Компания стала их монопольным владельцем. Ввоз одной только гвоздики в Сиам в отдельные годы превышал 3,5 тыс. фунтов (голландский фунт — около 500 г), из чего можно заключить, что даже дорогие сорта пряностей были для Сиамы товаром широкого потребления. Товары, вывозившиеся голландцами из Сиамы, можно разделить на три группы: товары для потребления в голландских колониях в Индонезии и Малайе; товары, вывозившиеся в Голландию; товары, вывозившиеся в различные страны Азии.

К числу товаров первой категории относились рис, кокосовое масло, мед и высококачественный корабельный лес, вывозившийся в значительных количествах в Малакку и Батавию. Эта категория экспорта играла для голландцев особенно большую роль в первой половине XVII в., когда их положение на Яве еще не было достаточно прочным. Но и в 60—70-х годах, в особенности в неурожайные годы, голландцы продолжали вывозить из Сиамы значительное количество продовольствия.

Вывоз в Голландию занимал в экспорте из Сиамы наименее значительное место. Сюда отправлялись сравнительно небольшие количества кожи и олова.

Основную массу кожи голландцы сбывали в Японию, в то время как основную массу олова, слоновой кости, ароматичные смолы и благовония они вывозили в Индию и страны Ближнего Востока. Таким образом в голландской торговле наиболее важную роль играл экспорт товаров третьей категории. Именно за счет этих товаров получали голландцы большую часть своих прибылей. Особенно доходной была торговля шкурами оленей и диких буйволов, в то время в изобилии водившихся в лесах и речных долинах Сиамы и Камбоджи. Для скупки шкур голландцы создали на местах сеть агентов из числа местных купцов, которые получали от них авансом значительное количество тканей и других товаров [46, с. 100]. Около 1650 г. из Сиамы в Японию ежегодно вывозилось более 300 тыс. оленьих и буйволиных шкур, причем львиная доля этого экспорта принадлежала Голландии [36, с. 67]. В результате хищнической охоты число оленей в Сиаме и Камбодже уже к концу XVII в. катастрофически упало. Голландцы тем не менее успели нажить на этой торговле огромные барыши. Их прибыль от продажи шкур в Японии в отдельные годы превышала 200%

[101, 1643—1644, с. 134] и редко падала ниже 100%. Прибыль в 55% считалась чрезвычайно низкой. Немалые доходы давал также экспорт в Японию и Китай ценного сапано-вого дерева, амарака — краски, из которой в Японии изготавливали сургуч, и даже шкурок ската, которые вывозились из Сиамы сотнями тысяч³¹.

Значительных успехов добились голландцы в борьбе за господство в сиамо-индийской торговле. Если в первые десятилетия XVII в. они доставляли индийские ткани в Сиам морским путем вокруг Малаккского полуострова, то теперь голландские купцы появились и в Тенассериме (1634). Они вступали в ожесточенную конкуренцию с издавна обосновавшимися здесь индийцами, персидскими и арабскими купцами (в большинстве своем мусульманского вероисповедания). Однако вытеснить из тенассеримской провинции мусульманских купцов голландцам не удавалось. Как правильно подметил английский историк Д. Холл, «повсюду, где велась относительно честная конкуренция, азиат — араб, перс, индеец или китаец — всегда мог сохранить свои позиции. Только там, где голландцы прибегали к силе, как это имело место на островах Пряностей, они могли получить преимущество перед азиатским торговцем» [38, с. 215]. Прибегнуть к открытой силе, т. е. захватить Мергуи — единственный верный способ полностью овладеть тенассеримским торговым путем,

³¹ Цены на некоторые шкурки скотов доходили до 50—100 дукатов за штуку [36, с. 67, 87].

голландцы пока еще не могли. С захватом же в 1641 г. Малакки, благодаря которому голландцы получили господство над проливом, у них отпала и надобность в этом. Поэтому вся дальнейшая политика голландцев в этом вопросе сводилась не столько к тому, чтобы захватить тенассеримский путь в свои руки, сколько к тому, чтобы вообще закрыть его и направить весь поток товаров из Индии, Персии и стран Ближнего Востока в индонезийские проливы. Окончательно удалось им это только в конце XVII в., но существенный ущерб, причиняемый их деятельностью тенассеримской торговле, стал ощущаться уже в середине столетия.

Стремление голландцев установить свою монополию на сиамском рынке, естественно, не могло не вызвать противодействие со стороны сиамцев. Стремительное расширение областей, охваченных государственной торговой монополией в Сиаме, начинающееся как раз в середине 30-х годов, нельзя расценить иначе как реакцию сиамского правительства на торговую политику голландцев. Голландской Компании теперь все чаще приходилось иметь дело на сиамском рынке непосредственно с государством, скупавшим товары у производителей, а не с отдельными купцами. Монопольному покупателю, таким образом, был противопоставлен монопольный продавец.

Не ограничиваясь централизацией внешней торговли, сиамское правительство начало проводить политику установления тесных торговых связей с правительствами других восточных стран и поощрения купцов этих стран.

На востоке в связи с закрытием Японии и войной в Китае эта политика при Прасат Тонге не дала больших результатов. Поэтому основное внимание сиамского правительства было обращено на запад — к Индии. Здесь Прасат Тонгу удалось установить особенно тесные контакты с правителями государств, расположенных на Коромандельском побережье, и с навабом Бенгалии. «Они ежегодно обмениваются посольствами, снабженными дружественными письмами и небольшими подарками», — писал в 1638 г. ван Влит. — Единственная цель таких посольств — способствовать развитию торговли, ибо мусульманские и языческие купцы часто пользуются помощью этих посольств, чтобы платить меньше пошлин и получать большую свободу торговли, а сиамские подданные (в индийских государствах. — Э. Б.) добиваются подобных же привилегий. Таким образом, эта дружба поддерживается не из политических соображений, а ради получения торговых прибылей» [264, с. 93—94]. Подобная активность сиамского правительства, конечно, не могла понравиться голландцам.

Ухудшению сиамо-голландских отношений способствовало также изменение внешней политики Сиам во второй половине 30-х годов. Начиная с 1636 г. сиамское правительство стало вести явный курс на ликвидацию военных конфликтов и установление мира со всеми соседями. В марте 1638 г. произошло примирение с Паттани. Одновременно с этим начались мирные переговоры с Испанией и Португалией. Еще за несколько месяцев до этого было отправлено посольство в Японию. К этому же периоду относится окончательный отказ Прасат Тонга от попыток восстановить вооруженным путем свое господство над Камбоджей. Когда несколько лет спустя началась война между Голландией и Камбоджей (1642 г.), Прасат Тонг не поддавался искушению ввязаться в нее и, несмотря на настойчивые просьбы голландцев, отделался от них одними обещаниями [253, т. III, с. 192; 264, с. 41].

Ван Влит, давая общую характеристику нового курса Прасат Тонга, писал: «Затем, желая обеспечить спокойствие для своего королевства, поощрить развитие внешней торговли и добиться для себя и своих подданных свободы торговли и права посылать свои корабли в любое место, он заключил договор о мире и дружбе со всеми индийскими принцами и вообще со всеми королями и государствами, которые известны в Индии» [266, с. 147].

Подобная внешнеполитическая деятельность сиамского короля раздражала голландцев не меньше, чем его экономическая деятельность. Вместо Сиам, истощенного войной и непрерывно нуждающегося в военной помощи голландской Компании, им

теперь предстояло иметь дело с Сиамом, богатеющим от торговли и не нуждающимся ни в чьих услугах. В результате нарочито дружественное отношение голландцев к Сиаму постепенно стало сменяться явно враждебным, и, по мере того как росла сила Голландии в Южных морях, это враждебное отношение проявлялось все более открыто.

Первый серьезный конфликт, отразивший изменение отношений между голландской Компанией и Сиамом, произошел осенью 1636 г. Вина в данном случае, даже по мнению ван Влита, лежала целиком на голландцах. «Случилось так,— пишет он,— что некоторые из служащих Компании, в силу своей развращенности и распущенности, нарушили сиамские законы и оскорбили (буддийских) священников» [264, с. 57]. Разгневанная толпа окружила голландцев. Связанными их отвели к властям. Двое голландцев были приговорены сиамским судом к смертной казни по местному обычаю — к затаптыванию слонами. Но, благодаря дипломатическому искусству ван Влита, Прасат Тонг помиловал осужденных и все голландцы были вскоре освобождены из-под стражи. Ван Влиту тем не менее пришлось подписать своего рода «гарантийное обязательство» в том, что все служащие голландской Компании будут подчиняться законам и обычаям Сиамы и приказаниям пракланга, основанным на этих законах, и что всю ответственность за возможные нарушения законов голландцами ван Влит берет на себя [прил., док. 6].

На этот раз победа оказалась на сиамской стороне. Сам ван Влит, конечно, ни в коей мере не считал себя связанным данным обязательством. Более того, в своем донесении начальству он требовал кровью (дословно: мечом) смыть нанесенное Компании «оскорбление» [264, с. 57].

На протяжении 40-х годов взаимная неприязнь и соперничество между Сиамом и голландской Компанией непрерывно продолжали нарастать. Голландцы планомерно вытесняли Сиам с рынков Дальнего Востока и Индонезии. В договоры, которые голландская Компания заключала с малайскими и индонезийскими государствами, обычно входила статья, запрещающая продажу перца и других пряностей Сиаму [253, т. III, с. 111]. Сиамские джонки, ходившие в Китай и Японию, не были гарантированы от нападений голландских кораблей. Серьезный конфликт возник в 1645 г. в связи с захватом голландцами у побережья Южного Вьетнама судна, принадлежавшего натурализовавшемуся в Сиаме японцу [253, т. III, с. 231]. Возмущение сиамского населения, в первую очередь местных японцев, этими пиратскими действиями едва не вылилось в вооруженное нападение на голландскую факторию в Аютии. Правительство Прасат Тонга воспрепятствовало кровопролитию, но голландцы воспользовались этим случаем, чтобы укрепить свою сиамскую факторию, превратив ее фактически в маленькую крепость.

Торговая борьба охватила даже отдаленный по тому времени Лаос. По признанию самих голландцев, здесь они «использовали все возможные средства, чтобы вставлять палки в колеса сиамцам, которые стремятся монополизировать всю торговлю (Лаоса.— Э. Б.) и захватить в свои руки все золото и благовония» [126, с. 271].

Не ограничиваясь вытеснением сиамцев с внешних рынков, голландцы начали захватывать в свою монопольную собственность рынки на территории самого Сиамы. Так, в 1643 г. они навязали губернатору Джанк Сейлона договор, по которому все добытое олово должно было продаваться голландцам [253, т. III, с. 170].

В качестве ответной меры сиамское правительство все чаще стало налагать частичные или полные запреты на экспорт товаров в Батавию, особенно таких, как лес и рис [253, т. III, с. 20].

В конце 40-х годов XVII в. давно назревавший сиамо-голландский конфликт вылился наконец в форму вооруженного столкновения. Поводом для него послужил очередной феодальный мятеж в княжестве Сингора. Голландцы, первоначально дав обещание оказать Прасат Тонгу военную помощь, затем взяли его обратно. Последовал разрыв, после которого голландские военные суда блокировали сиамское побережье

(1649). Голландский военный перевес был настолько очевиден, что Прасат Тонг был вскоре вынужден капитулировать [216, т. III, с. 238].

В знак примирения он в 1650 г. впервые направил посольство к голландскому генерал-губернатору Корнелису ван дер Лейну, признав его, таким образом, равным себе по рангу. Генерал-губернатору были преподнесены исключительно богатые дары (в частности, золотая корона и 12 слонов), размер которых носил скорее характер военной контрибуции. Ответное же голландское посольство демонстративно не привезло никаких подарков [101, 1663, с. 661; 129, с. 321].

Камбоджа во второй четверти XVII в.

В конце 1627 г. король Чей Четта II внезапно заболел и 9 декабря на 41-м году жизни скончался. Старший сын Чей Четты II Анг Тур, которого он прочил себе в наследники, в это время находился в монастыре, куда он вступил в совсем юном возрасте. Совет знати решил дело не в пользу отсутствующего и предложил корону брату Чей Четты II 37-летнему Преах Утею, как человеку зрелому и обладающему большим опытом в государственных делах. Хотя летописи умалчивают об этом, решение Совета, видимо, было не вполне единогласным, потому что Преах Утей «скромно» отказался от короны и согласился принять лишь титул регента с дополнительным почетным званием «великий поборник справедливости, хранитель высшего закона» и в этом качестве правил государством около двух лет [28, с. 255; 84, с. 154—155].

В 1629 г., когда его власть достаточно укрепилась, Преах Утей разрешил Анг Туру покинуть монастырь и занять трою под именем Тхоммо Реатеа II (1629—1632). Регент рассчитывал, что молодой Король, известный до сих пор лишь как поэт и автор трактатов на религиозные темы, будет в его руках марионеткой. Вскоре, однако, выяснилось, что расчеты регента оказались ошибочными. Тхоммо Реатеа II начал проявлять вкус к власти. Так как аппарат светской и военной власти был целиком в руках Преах Утея, молодой король стал искать другие источники опоры. Он установил тесные связи с главой буддийского духовенства Сугандадипати и в то же время стал заигрывать с довольно многочисленной китайской общиной Камбоджи. Создав из китайских наемников личную гвардию, он перенес свою резиденцию из Удонга, где особенно сильны были сторонники Преах Утея, в новое место — Кох Гхлок [84, с. 156—167].

В 1632 г. между дядей и племянником происходит открытый разрыв. Если верить камбоджийским летописям, причиной конфликта было то, что Тхоммо Реатеа II забрал у Преах Утея его жену, принцессу Анг Водей, свою бывшую невесту. Но суть этого конфликта, видимо, все же была не в споре за женщину, а в споре за власть. В средневековых монархиях Юго-Восточной Азии женитьба на принцессе высокого ранга очень часто была веским доводом, подтверждавшим право на трон. Конфликт Преах Утея и Тхоммо Реатеа явно выходил за рамки семейного скандала³². Это подтверждается тем, что он нашел свое разрешение не в форме дворцового переворота, как этого можно было бы ожидать, а в форме гражданской войны, охватившей всю Камбоджу.

Ядром военных сил Тхоммо Реатеа II стала его китайская гвардия. Ядром сил Преах Утея стали специально нанятые им в этом году 500 европейских авантюристов, главным образом португальцев. Кхмерские же феодалы со своими ополчениями выступали как на той, так и на другой стороне. О расстановке сил в лагере феодалов и о том, к каким прослойкам правящего класса апеллировали соперники, возможно, свидетельствует беглое замечание «Королевских хроник» (опубликованных Мак Фоеуном в 1981 г.) о том, что все крупные феодалы изменили королю. «Министры,— говорится в хрониках,— не проявили рвения в сражениях (на стороне Тхоммо Реатеа II.— Э. Б.), либо они были недовольны королем, который вел себя не так, как подобает монарху по

³² Согласно голландским источникам, Анг Водей была старшей сестрой Преах Утея, т. е. самой старшей в королевском роду [125, с. 363].

древним обычаям. Многие министры перешли на сторону светлейшего регента, а второстепенные чиновники, сообщники короля, все сопровождали его в бегстве (после поражения.— Э. Б.)» [84, с. 173].

В конечном счете, как признают хроники, дело решила огневая мощь европейских наемников. Разбитый король бежал, но португальские мушкетеры настигли его и застрелили. Совет знати собрался и снова предложил трон Преах Утею, но он предпочел посадить на трон второго сына Чей Четты II — Понья Ниу (1632—1640). Отношения этого короля с регентом были уже совершенно однозначными. Понья Ниу униженно простирался перед Преах Утеем, прося разрешения похоронить своего убитого брата с подобающими ему королевскими почестями, а тот разрешил похоронить Тхоммо Реатеа II только так, как хоронят рядовых чиновников. Резиденция короля была снова перенесена в Удонг, где он постоянно находился под присмотром шпионов регента [84, с. 180; 125, с. 363—364].

В годы правления Понья Ниу в пров. Ромеан Трул вспыхнуло серьезное народное восстание, во главе которого, согласно хроникам, стоял некий Паланк Рат. К сожалению, подробные сведения об этом восстании, подавленном королевской армией, как и вообще о событиях внутренней истории Камбоджи в 30-х годах XVII в., до нас не дошли [22, с. 90; 28, с. 257; 84, с. 180].

Гораздо больше известий сохранилось о позиции Камбоджи в международных отношениях того времени, в частности о ее косвенном участии в последнем этапе борьбы за гегемонию на рынках Юго-Восточной Азии между Голландией и Португалией. Обеспокоенный, видимо, растущей мощью Голландии в Южных морях, Преах Утей покровительствовал слабеющим португальцам и поддерживал теснимых голландцами индонезийских купцов, важным торговым центром которых в XVII в. стал Макасар. Это навлекло на него месть со стороны голландской Ост-Индской компании.

13 июля 1635 г. голландцы захватили в водах Макасара камбоджийскую джонку с грузом росного ладана, гумилака и фарфора. Король Понья Ниу заявил по этому поводу решительный протест, и джонку пришлось вернуть. Но камбоджийско-голландские отношения продолжали обостряться. В 1636 г. из Батавии в Камбоджу были направлены корабли «Нордвик» и «Галиас», которые должны были доставить кхмерскому королю письмо генерал-губернатора Батавии Антони ван Димена с предложением продать ему огнестрельное оружие в связи с наступившим ухудшением отношений между Камбоджей и Сиамом. Но Преах Утей с недоверием отнесся к этому посланию. Согласно голландским источникам, португальцы, жившие в Удонге, сумели его убедить, что голландцы прибыли в страну в качестве шпионов сиамского короля. Во всяком случае, у Преах Утея было достаточно оснований подозревать, что письмо ван Димена — провокация, рассчитанная на то, чтобы стравить Сиам и Камбоджу и обеспечить себе большую свободу рук в Южных морях. Он не только не принял голландского предложения, но, когда корабль «Нордвик» потерпел крушение в устье Меконга, он, ссылаясь на обычное морское право средних веков, приказал реквизировать корабль со всем грузом, включая 30 пушек и 500 пикулей (около 30 т) меди. На требование голландцев вернуть их имущество камбоджийский король ответил категорическим отказом [28, с. 259; 104, с. 75].

В ответ на это голландцы произвели демонстрацию силы. В марте 1637 г. из Батавии вышла эскадра из четырех боевых кораблей. На борту эскадры находился посол Хендрик Хагенхаар, которому было поручено вручить Понья Ниу ультиматум. 11 мая 1637 г. эскадра вошла в устье Меконга и захватила шедшее в Пномпень португальское судно «Бассак». На приеме у Понья Ниу в Удонге разговор с послом пошел в очень резких тонах. Хагенхаар требовал возвращения «Нордвика», король, в свою очередь, обвинил его в пиратских действиях на территории Камбоджи. Переговоры кончились полным разрывом отношений. Хагенхаар дал указание главному голландскому торговому агенту Яну Галену закрыть торговую факторию и эвакуировать всех голландцев из страны [104, с. 75—76].

На этот раз голландская эскадра, видимо, не решилась открыть военные действия. В «Королевской хронике Камбоджи», опубликованной в 1871 г. Ф. Гарнье, однако, пол. 1640 г. отмечается война с Сиамом [125, с. 364]. В то же время из других источников известно, что в 30-х годах голландская Ост-Индская компания помогала сиамскому королю Прасат Тонгу своим флотом в войне против Португалии и Камбоджи [38, с. 215]. Если учесть, что в «Королевской хронике» даты часто сдвинуты на несколько лет, не исключено, что указанная война имела место в 1637 или 1638 г. и, более чем вероятно, что она вспыхнула благодаря подстрекательству голландцев.

Поскольку сиамские летописи об этой войне не упоминают, она, по-видимому, была кратковременной и кончилась плачевно для Сиам и его союзников из Батавии. Уже в 1638 г. голландцы были вынуждены вновь вступить в переговоры с Преах Утеем. В Удонг прибыл новый голландский посол Пауль Кроок. Голландская фактория в Камбодже была вновь открыта. Возобновилась торговля. Преах Утей даже предоставил голландцам кредит на 1 тыс. серебряных таэлей для закупки в стране лака, сандалового дерева и слоновой кости. В 1640 г. этот долг был возвращен с добавлением подарка: 100 таэлей и чугунной пушки [104, с. 76].

В июне 1640 г. Понья Ниу умер, и Преах Утей посадил на престол своего сына Анг Нона I (1640—1642), желая таким образом закрепить власть за своим потомством. Но правление Анг Нона I было недолгим. На политическую сцену выдвигается новый претендент — принц Чан, третий сын Чей Четты П. Завоевав популярность среди малайской гвардии (под названием «малайцы» в Камбодже объединяли как собственно малайцев, так и индонезийцев), наиболее боеспособной части в армии кхмерских королей, он в январе 1642 г. с ее помощью совершает дворцовый переворот. Во время королевской охоты малайские гвардейцы убили Преах Утея и арестовали короля Анг Нона I. Последний вскоре был казнен. Та же участь постигла большинство министров Преах Утея и его двух внуков, пытавшихся организовать контрзаговор. Трех младших сыновей Преах Утея Чан пощадил, за что впоследствии заплатился [22, с. 90; 28, с. 257].

Новый король принял тронное имя Рама Тхуфдей Чан (1642—1659). В начале своего правления Рама Тхуфдей Чан продолжал внешнюю политику Преах Утея и поддерживал, по крайней мере внешне, добрые отношения с голландской Ост-Индской компанией. В начале 1642 г. он направил в Батавию посольство и личное письмо к генерал-губернатору Антони ван Димену с предложением развивать торговые связи. В ответ на это в мае 1642 г. ван Димен направил в Камбоджу главного фактора (торговца) Корнелиса Клейна с двумя кораблями, чтобы поздравить Чана «с триумфом над королями-узурпаторами (т. е. Преах Утеем и Анг Ноном I.— Э. Б.) и предостеречь его против интриг португальских католиков» [104, с. 76]. Но в 1643 г. тесные связи между Рама Тхуфдей Чаном и приведшей его к власти мусульманской малайско-тямской гвардией переходят в новое качество. Он женится на малайке, принимает ислам и меняет свое тронное имя на Ибрагим. В связи с этим меняется и внешнеполитический курс страны. «Вскоре Рама Дипати (Чан.— Э. Б.) изменил религию, — пишет современник событий Г. ван Вустхофф, — сделал обрезание и объявил себя последователем Магомета. Он старается привлечь к себе малайцев и японцев, которым он дает большие привилегии, выбирает среди них телохранителей и поддерживает добрые отношения с худшими врагами христианства» [28, с. 261].

Д. В. Деопик называет решение Чана принять ислам «неожиданным» [22, с. 90]. Далее он пишет, что Чан «попытался, опираясь на религиозный авторитет монарха, внедрить в стране новую религию. Но пропаганда ислама имела не больший успех, чем пропаганда христианства; тогда Чан-Ибрагим вступил в открытое противоборство с большинством населения страны и двора» [22, с. 90].

Я позволю себе не согласиться с этой точкой зрения. Переход Чана в ислам, конечно, не был игрой случая, капризом «жестокоего и неуравновешенного» [22, с. 90] монарха. Он был попыткой разрешить внешнеполитическую проблему, вставшую

впервые перед Камбоджей в середине XVII в., но остававшуюся актуальной вплоть до середины XIX в. В течение этих двух веков Камбоджа была стиснута между двумя сильными соседями — Сиамом и Вьетнамом (в XVII—XVIII вв. — южновьетнамским государством Нгуенов), каждый из которых стремился подчинить себе эту страну (в XIX в. дело дошло даже практически до раздела Камбоджи между Сиамом и Вьетнамом). В такой обстановке ни родственный по религии хиньянский Сиам, ни махаяно-конфуцианский Вьетнам не могли возбуждать особенно теплых чувств у кхмерских королей. В то же время в середине XVII в. в Юго-Восточной Азии еще играли весьма важную политическую роль мощные мусульманские султанаты Малайи и Индонезии — Джохор, Аче, Бантам, Матарам. Они, совместно с более мелкими мусульманскими государствами малайско-индонезийского мира, представляли наиболее активную силу сопротивления европейской агрессии в Юго-Восточной Азии в XVI—XVII вв. Более того, многие районы Индонезии и Филиппин приняли ислам именно в качестве реакции на испано-португальскую агрессию, проходившую под знаком креста³³. Хотя эти государства часто воевали и между собой, борясь за гегемонию в мусульманском мире Юго-Восточной Азии, в целом присоединение к группе мусульманских государств было выгодно для Чана, ибо ни одно из них не имело агрессивных намерений в отношении Камбоджи, и, стало быть, каждое из них было потенциальным союзником.

Далее, тезис о том, что Чан пытался внедрить новую религию в Камбодже с таким упорством, что «вступил в открытое противоборство с *большинством населения страны и двора*» (курсив мой. — Э. Б.), представляется более чем сомнительным. Как известно, «эксперимент» Чана продолжался 16 лет и был прекращен только при помощи вооруженной интервенции Вьетнама. Имея же против себя «большинство населения страны и двора», Чан-Ибрагим не продержался бы и 16 недель, не то что лет. Отсюда можно сделать вывод, что миф о попытке насильственного или даже добровольного обращения камбоджийского народа в ислам был создан уже после смерти Чана враждебно настроенными летописцами. Судя по всему, в Камбодже при Чане сложилась ситуация, аналогичная положению в большом числе индийских государств средневековья. Монарх и правящая верхушка там исповедовали ислам, а народ, мелкие и средние и даже часть крупных феодалов продолжали держаться древней религии — индуизма. Такая система была очень стабильна, она держалась веками и просуществовала до английского завоевания Индии.

Вступив в группу мусульманских государств Юго-Восточной Азии (хотя и со своеобразным, аналогичным индийскому, статусом), Камбоджа, естественно, сразу же активно включилась в борьбу с Голландией, наиболее мощной колониальной державой того времени. В этой борьбе, как это ни парадоксально, союзником местных государств выступала Португалия, их бывший враг номер один. После захвата голландцами Малакки в январе 1641 г. Португалия утратила возможность вести самостоятельную политику в регионе. Она теперь располагала только двумя второстепенными базами — на Тиморе и в Макасаре, где португальцы обосновались с разрешения местных властей. После падения Малакки большое число тамошних португальцев эмигрировало в Сиам и Камбоджу. Последние усилили армию Чана в качестве артиллеристов и моряков.

В конце 1643 г. Чан-Ибрагим начинает военные действия против голландской Ост-Индской компании разгромом ее фактории в Удонге. Весь персонал фактории, включая и ее главу Фрэнсиса ван Регенмортиса, был перебит либо обращен в рабство. 3 февраля 1644 г. камбоджийцы захватили голландские корабли, зашедшие в Кампонглуонг. 60 голландских матросов, взятых в плен, было продано в рабство. Вскоре после этого камбоджийский флот захватил в открытом море голландское судно «Оранжебоом», шедшее на Тайвань [104, с. 77; 125, с. 364].

³³ Принятие новой международной религии, чтобы противопоставить себя иноверному агрессору и приобрести единоверных союзников в других странах, наблюдается и на примере Тямпы, где исламство распространилось как ответ на наступление со стороны Вьетнама.

В ответ на это генерал-губернатор Батавии Антони ван Димен 23 марта 1644 г. направил против Камбоджи эскадру из пяти кораблей. На борту эскадры находилось 160 голландских солдат и 240 матросов, не считая азиатских членов экипажа и вспомогательных отрядов. По тем временам это была значительная сила. Эскадра, однако, продвигалась весьма медленно. Только 6 июля 1644 г. голландские суда, поднявшись по Меконгу, стали на якорь близ Пномпеня. Здесь они простояли еще две недели, стремясь демонстрацией силы принудить Чана к заключению мира и выплате репараций. 21 июля, не получив никакого удовлетворения от камбоджийских властей, командующий эскадрой Хендрик Харусе решил начать наступление на Удонг. Но в этот момент выяснилось, что камбоджийцы успели отрезать голландским кораблям обратный путь, перегородив Меконг бамбуковой изгородью и поставив по обеим сторонам реки батареи. Вместо наступления на столицу голландцам пришлось с боем прорываться из ловушки. Потеряв 120 человек убитыми, в том числе командующего, потрепанная голландская эскадра вырвалась 26 июля в море и укрылась в бухте, принадлежавшей Тямпе [242, с. 383—384]. Примерно в тот же период король Чан лично возглавил атаку камбоджийской флотилии (с португальским экипажем) на голландский военный корабль, проникший в реку Бассак, приток Меконга. Понесся большой урон, этот корабль с трудом вырвался из территориальных вод Камбоджи [104, с. 77]. Второе столкновение с колониальными хищниками (первым было отражение испано-португальской агрессии в конце XVI в., см. [12, с. 259—270]) также окончилось успешно для Камбоджи.

Вьетнам во второй четверти XVII в.

Весной 1627 г. начались первые сражения между войсками Чиней и Нгуенов в районе реки Ниутле. Уже упоминавшийся иезуит Александр де Род, который как раз в это время (апрель 1627 г.) прибыл из Южного Вьетнама в лагерь Чинь Чанга, так оценивал происходящие события: «Когда король Тюа Бан Вуан (Чинь Тунг.— Э. Б.) умер, король Кохинхины Тюа Сай (Шай Выонг.— Э. Б.), которого сношения с португальцами сильно укрепили и войска которого приобрели большой опыт во владении оружием, не хотел признать нового короля Тонки-на, своего кузена, и тем более платить ему дань» [223, с. 123—124].

По оценке А. де Рода, флот Чинь Чанга в 1627 г. составлял более 600 военных судов, на каждом из которых было установлено по крайней мере три пушки. Описывая внушительное движение армии Чинь Чанга, посаженной на суда, А. де Род сообщал: «Перед королем плыло 200 джонок с разными войсками. Затем 24 большие барки с королевской гвардией. В центре их — королевская барка. Джонок арьергарда было еще больше, чем джонок авангарда, а мелких барок — вообще не сосчитать. Кроме того, 500 больших барок везли продовольствие для армии и флота» [222, с. 18—19].

Армия Шай Выонга насчитывала, видимо, около 40 тыс., а флот состоял из 200 боевых судов. Однако она обладала превосходством в огнестрельном оружии и лучшей разведкой. Полководцы Шай Выонга, среди которых выделялся 24-летний Нгуен Хыу Зат, искусно маневрируя, сводили на нет численное превосходство противника. Огромный флот Чиней также принес им мало пользы. Когда северовьетнамские корабли вошли в устье Ниутле, они внезапно напоролась на вбитые в дно остроконечные колья и другие заграждения, секретно установленные Нгуен Хыу Затом. Многие суда были повреждены и затонули. В это время их атаковал с тыла южновьетнамский флот. Потери были так велики, что теперь Чинь Чангу оставалось полагаться лишь на сухопутную армию [75, с. 124—129; 191, с. 20]. Несмотря на успешные действия Нгуен Хыу Зата и других полководцев Шай Выонга, исход кампании все еще оставался неопределенным. Но Шай Выонг, никогда не жалевший средств на разведку, уже давно обзавелся при дворе в Тханглонге обширной агентурой. В

июне 1627 г. Чинь Чанг получил подложное донесение из столицы, извещающее его, что в дельте Красной реки якобы вспыхнуло крупное восстание, которое возглавил его родственник Чинь Зя. Чинь Чанг поспешил со всеми войсками на Север. Военные действия на Юге в этом году прекратились. Затем Чинь Чангу пришлось заняться отражением вторжения Маков из Каобанга (возможно, между ними и Южным Вьетнамом существовала на этот счет дипломатическая договоренность), и Шай Вьонг получил передышку на несколько лет [75, с. 130—131; 191, с. 20].

Это время южновьетнамский правитель посвятил строительству целой системы долговременных оборонительных сооружений в самом узком месте вьетнамской равнины, между устьем Ниутле и горами. Из этих сооружений особенно мощной была стена Донгхой. Закончив эти оборонительные работы, Шай Вьонг сам перешел в наступление и занял южную часть пограничной северовьетнамской провинции Ботинь [75, с. 131 — 136; 191, с. 20].

Обе стороны, готовясь к новой войне, продолжали искать поддержки у иностранных держав, а за неимением ее распускать слухи, что они такую поддержку имеют. Так, Шай Вьонг приказал заготовить большое количество манекенов в форме португальских солдат с палками вместо ружей и установить их в нужный момент на оборонительных стенах, чтобы ввести в заблуждение противника [191, с. 92]. В то же время он продолжал заигрывать с голландцами — основными врагами португальцев. Когда в 1632 г. голландский корабль у берегов Камбоджи захватил португальский галион, а затем оба судна были занесены штормом к берегам Южного Вьетнама, Шай Вьонг арестовал было голландцев как пиратов, но потом обласкал их и отпустил в Батавию. В июне 1633 г. в Дананг прибыли из Батавии два голландских корабля, и торговля голландской Компании с Южным Вьетнамом, пришедшая в 20-х годах XVII в. в упадок, возобновилась [71, с. 124; 105, с. 80].

Интерес обоих правителей Вьетнама к европейской помощи способствовал также тому, что в 20—30-х годах XVII в. католические миссионеры без особых помех могли вести свою пропаганду в обеих частях страны и достигнуть в ней значительных успехов. После выдворения миссионеров из Японии (где правительство вовремя оценило создаваемую ими угрозу) усилия отцов иезуитов из всех стран Юго-Восточной Азии (кроме Филиппин) сосредоточились в первую очередь на Вьетнаме. Здесь им удалось не только обратить в христианство некоторую часть феодалов, в основном женщин³⁴, но и заинтересовать своим учением широкие крестьянские массы. Этому способствовала особая религиозная ситуация Вьетнама. Население остальных стран Юго-Восточной Азии, исповедовавшее мусульманство или буддизм хинаяны, как показал уже опыт XVI в., оказалось невосприимчивым к христианской проповеди. Во Вьетнаме же господствовало конфуцианство (при второстепенной роли буддизма махаяны и анимистических культов). Конфуцианство, ого-сударственный культ предков, при котором монарх считался как бы отцом и духовным руководителем своего народа, а чиновник-феодал — соответственно отцом и духовным руководителем своих крестьян, сливало фактически церковь и государство в одно целое. Поэтому в сознании эксплуатируемого крестьянина представление о несправедливости существующего феодального государства не отделялось от мысли о несправедливости господствующей религии, как это зачастую имело место в других странах.

Христианская религия предлагала вьетнамскому крестьянину духовную альтернативу, и именно Вьетнам стал первой независимой страной на Востоке, где католическим миссионерам удалось создать массовую церковь. В 1639 г. число христиан в Южном Вьетнаме достигло 12 тыс., а в Северном Вьетнаме 82,5 тыс. (против 1,2 тыс. в 1628 г.). На территории Северного Вьетнама в это время имелось более 100 церквей и 120

³⁴ Так, Александр де Род и его коллеги крестили в Южном Вьетнаме сестру Шай Вьонга, принявшую имя Мария Магдалина, а в Северном Вьетнаме сестру Чинь Чанга, принявшую имя Екатерина [79, т. I, с. 24; 258, с. 138].

часовен. В 1640 г. число христиан здесь, согласно миссионерским отчетам, достигло 100 тыс., а к 1648 г.— 195 тыс. [79, т. I, с. 39; 258, с. 110].

Правители обеих частей Вьетнама достаточно рано осознали, что внутри их государств образуется инородное тело, которое может стать объектом колониальных авантюр со стороны европейских держав (а примеры таких авантюр в Камбодже и Бирме, не говоря о реальных захватах португальцев, испанцев, голландцев в Малайе, Индонезии, на Филиппинах, были еще очень свежи в памяти). Однако меры, которые они принимали против христианской пропаганды, были нерешительными и половинчатыми. Миссионеров то высылали из страны, то впускали обратно, отправление христианского культа то запрещалось, то молчаливо вновь допускалось³⁵. Заинтересованность в европейской торговле, и в особенности в поставках оружия, была еще очень велика.

Иезуиты между тем активно готовили местные кадры, которые могли бы заменить их в случае ухода в подполье или окончательной высылки из Вьетнама. Из христианской молодежи была сформирована так называемая организация катехи-сую, лиц, давших обычные монашеские обеты, но не получивших звание священника (иезуиты боялись, что собственное полноправное духовенство может побудить вьетнамских христиан к образованию национальной церкви, независимой от европейского влияния). Катехисты давали клятву беспрекословного подчинения отцам-иезуитам. Как Южный, так и Северный Вьетнам были разделены на церковные провинции, в каждой из которых вел христианскую пропаганду особый отряд катехистов. Кроме того, в каждой деревне, где имелось христианское население, был организован церковный совет, во главе которого стоял староста. Последний едва ли умел правильно креститься, но зато был самым влиятельным человеком христианской части деревни (зажиточным крестьянином, может быть даже мелким феодалом). Такая почти по-военному четкая организация позволяла немногочисленным европейским миссионерам контролировать весьма значительную часть населения Вьетнама, особенно Северного [146, т. II, с. 63—65; 229, с. 124; 254, с. 201].

Между тем войны Чиней и Нгуенов шли своим ходом. Вначале 1634 г. Чинь Чанг с большой армией подступил к стене Донгхой. На этот раз, как и в 1620 г., главный расчет был на внутреннюю диверсию. Третий сын Шай Вьонга, принц Ань, не имевший надежды сменить стареющего отца, вступил в сговор с агентами Чинь Чанга и обещал атаковать стену Донгхой с тыла, когда будет дан условный сигнал. Условный сигнал, выстрел из пушки, был дан, но никто на него не ответил. Видимо, Ань трусил или, может быть, не мог собрать достаточное количество сторонников для такого дела. Генерал Нгуен Хью Зат защищался с обычным мастерством, и войскам Чиней пришлось ни с чем вернуться восвояси [75, с. 143 — 144; 191, с. 20]. Год спустя, 19 ноября 1635 г., Шай Вьонг умер, оставив свой неофициальный престол³⁶ старшему сыну Нгуен Фук Лану, более известному как Конг Тхьонг Вьонг (1635 — 1648). Принц Ань, бывший в это время губернатором провинции Куан-гнам, счел момент подходящим для новой попытки захватить трон. Он привлек на свою сторону многочисленных японцев, живших в Файфо, которые составляли серьезный военный потенциал. Кроме того, к нему примкнуло большинство феодалов провинции Куангнам. В стране разразилась короткая, но жестокая гражданская война. Потерпевший в конечном счете поражение Ань пытался бежать в Камбоджу, но был схвачен и казнен. Затем началась расправа над

³⁵ Так, в 1649 г., после указа Чинь Чанга о запрещении христианства, в Восточной провинции Северного Вьетнама произошел любопытный эпизод. Во время мессы в церкви появился правительственный чиновник с отрядом солдат и грозно спросил священника: «Известен ли вам указ короля, запрещающий христианство?». «Я как раз собирался пойти домой, чтобы заняться его изучением на досуге», — нагло ответил иезуит. Разговор кончился мирно. Ни сам миссионер, ни кто-либо из присутствовавших на мессе не были арестованы. Симпатии чиновника вряд ли были на стороне закона: его мать, как выяснилось, была христианкой по имени Катерина [79, т. I, с. 139].

³⁶ В Южном Вьетнаме, как и в Северном, до конца XVIII в. номинально продолжали признавать династию Ле.

его сторонниками. Главари были казнены, остальные лишены должностей с конфискацией имущества. Почти весь аппарат провинции был обновлен. Попутно было объявлено иностранным купцам, что все притеснения, которым они до сих пор подвергались, происходили по вине казненных преступников. Теперь же торговля будет происходить свободно и без всяких ограничений [71, с. 135; 75, с. 146; 191, с. 20].

Когда в марте 1636 г. в Южный Вьетнам прибыл голландский посол Абрахам Дуэйкер с серьезной претензией по поводу конфискации в августе 1634 г. груза потерпевшего крушение близ Парасельских островов голландского судна «Гротенброк» (послу в Батавии была дана инструкция подкреплять свои требования угрозой войны), Конг Тхыонг Вьонг принял его очень любезно, но платить отказался, возложив всю вину на прежнюю преступную администрацию, с которой, как говорится, взятки гладки. Взамен этого Конг Тхыонг Вьонг предоставил голландцам право не платить в будущем портовую пошлину, а также дарить королю и вельможам положенные по обычаю подарки [71, с. 137—140].

Руководство голландской Ост-Индской компании не было вполне довольным таким соглашением. Оно пыталось еще поторговаться. Новое посольство во главе с Н. Кукебакером в июле 1636 г. потребовало дополнительных привилегий — поставок Компании в течение 10 лет по 500 пикулей (около 30 т) шелка и 5000 пикулей (около 300 т) сахара по заниженным ценам. Тут терпение Шай Вьонга истощилось. «Я король, а не купец», — ответил он. — Если Компания хочет войны, вольно ей, а если хотите мира — торгуйте свободно (т. е. на свободном рынке. — Э. 5.)» [71, с. 143]³⁷.

Поняв, что ничего больше им не удастся выторговать, голландцы приступили к постройке фактории в Файфо. После того как в 1635 г. сегун Токугава Иэмицу под страхом смертной казни запретил японцам покидать свою страну или возвращаться в нее, японская торговля во Вьетнаме сразу пришла в упадок и голландская Компания спешила заполнить образовавшийся вакуум³⁸. В следующем году голландцы открыли свою факторию в Северном Вьетнаме. Здесь производство шелка велось в гораздо больших масштабах, и хотя Чинь Чанг пытался контролировать цены, чтобы местные купцы не продавали шелк дешевле, чем государство, Компании при помощи шантажа (угрозы вступить в союз с Нгуенами) удалось сломить и эту частичную монополию. С этого времени объем торговли между Батавией и Северным Вьетнамом стал нарастать из года в год. Так, в 1638 г. голландцы завезли в страну товаров и денег на сумму 299 тыс. гульденов, в 1639 г. — на 399 тыс., а в 1640 г. — на 440 тыс. Если учесть огромные барыши, которые Компания получила от своей посреднической торговли, ежегодная выручка от продажи северовьетнамского шелка и других товаров, видимо, приближалась к 1 млн. гульденов [71, с. 163; 101, 1636, с. 69—74; 105, с. 80; 166, с. 168; 242, с. 387].

Торговые дела в Южном Вьетнаме были менее выгодны для голландской Компании. Хотя местные японцы вышли из игры, в Файфо оставалась еще мощная китайская колония. Генерал-губернатор Антони ван Димен уже в 1637 г. направил своему представителю в Хирадо приказ донести японским властям, что китайские джонки из Южного Вьетнама тайно провозят в Японию католических миссионеров [71, с. 149]. Неизвестно, однако, насколько эффективным оказался этот донос. Между тем Чинь Чанг в ряде писем к генерал-губернатору уже начал прощупывать возможности заключения военного союза против Нгуенов. Совет Батавии уже в конце 1639 г., взвесив все за и против, пришел к выводу, что полный, разгром морской торговли Южного Вьетнама обойдется в конечном счете дешевле, чем убытки от продолжающейся конкуренции с местными купцами в Файфо. Генерал-губернатор А. ван Димен предложил Чинь Чангу

³⁷ Любопытно, что в отличие от большинства других монархов Юго-Восточной Азии этого времени Шай Вьонг не стремился установить государственную монополию внешней торговли. Более того, специальным указом он запретил своим вельможам заниматься торговлей. Они, впрочем, обходили этот запрет, торгуя через подставных лиц — местных китайских и японских купцов [71, с. 144].

³⁸ В 1639 г. Япония была закрыта для всех иностранцев, кроме голландцев и китайцев, и голландцы фактически получили монополию на вьетнамо-японскую торговлю.

прислать ему на помощь эскадру и батальон голландских солдат. В обмен на это он, однако, потребовал столько привилегий и компенсаций, что переговоры зашли в тупик [71, с. 167—169].

Между тем южновьетнамские агенты при дворе в Тханглон-ге донесли Конг Тхыонг Выонгу об этих тайных переговорах, и его отношения с голландской Компанией резко охладились. Прежде всего он отнял у голландцев дарованное им раньше право беспоплатной торговли. В 1641 г. руководство голландской фактории в Файфо само обострило положение, самовольно казнив слугу-вьетнамца, который был заподозрен в воровстве. Немедленно последовали репрессии. Все товары и мебель голландской фактории были вынесены во двор и сожжены. Из девяти голландских купцов семеро были обезглавлены, а двое посажены на корабль и отправлены в Батавию, чтобы там дать объяснение случившемуся. Когда вскоре после этого, в ноябре 1641 г., два голландских корабля потерпели крушение у острова Пуло Тям, Конг Тхыонг, следуя обычному морскому праву средневековья (от которого он отказался в 1636 г.), приказал не только конфисковать их груз, но и задержать команду [71, с. 170; 191, с. 60; 242, с. 387].

В ответ на это в Батавии была немедленно снаряжена сильная эскадра под командованием адмирала Якоба ван Лисвельта. В январе 1642 г. Лисвельт прибыл в Тханглонг и заключил с Чинь Чангом соглашение о военном союзе. Чинь Чанг обещал уплатить Компании военные издержки и указал место встречи для совместных действий в этом же году. Но Лисвельт предпочел действовать самостоятельно. В феврале 1642 г. он ворвался в Туранскую (Данангскую) бухту близ Файфо, сжег прибрежное поселение и захватил в плен 120 местных жителей. В конце мая 1642 г. из Батавии прибыла еще одна эскадра под командованием Яна ван Линги, которая тоже принялась разорять южновьетнамское побережье. Их не остановило даже известие, что еще 1 апреля Конг Тхыонг Выонг добровольно и без всяких условий освободил 50 из 74 находившихся в его руках голландских пленников³⁹ и был готов отпустить остальных на условии прекращения военных действий. Голландцы же сначала вероломно захватили парламентариев Конг Тхыонг Выонга, а затем, 16 июня 1642 г., демонстративно казнили 20 человек из числа захваченных ими мирных жителей. Но к этому времени, несмотря на войну на северных рубежах, где с апреля шли бои с армией Чинь Чанга, южновьетнамцы выделили для борьбы с голландцами достаточные силы — флотилию под командованием принца Хиен Выонга. Эскадра Лисвельта была разгромлена, сам он был убит, а эскадра ван Линги поспешно ушла на Тайвань, так и не соединившись с войсками Чинь Чанга, которые, прождав голландцев до июля на берегу реки Зянь, отступили [71, с. 171 — 178; 191, с. 60 — 61; 242, с. 387].

Весной 1643 г. Чинь Чанг начал новую кампанию против Южного Вьетнама. Голландские морские подкрепления, однако, прибывали к нему по частям и действовали так нерешительно, что это вызвало законный гнев Чинь Чанга, дорого заплатившего авансом за эту мнимую помощь. В письме А. ван Димену от 19 августа 1643 г., подписанном, согласно традиции, королем Ле Тхан Тонгом, говорилось: «Я с великим нетерпением ожидал голландские корабли (которые, как обещали голландцы, должны были прибыть в четвертом месяце) (мае 1643 г.— Э. Б.), но они не прибыли до 22-го числа пятого месяца, в то время как мои люди стали ежедневно умирать от болезней, вызванных плохой водой... Мое расположение к Вам велико, а Вы не доверяете мне настолько, чтобы послать свои корабли мне на помощь. А три (голландских.— Э. Б.) судна, которые были при мне, присутствовали только для виду, ибо эти моряки (хотя, по их словам, они великие воины) были очень хвастливы, но оказалось, что у них не хватает духа приблизиться к кюинамцам (южным вьетнамцам.— Э. Б.). Вместо того чтобы нападать и истреблять их, они (голландцы,— Э. Б.) под предлогом, что здесь слишком мелкие воды,

³⁹ Впрочем, они не добрались до Батавии. На обратном пути их захватили португальцы и продали в рабство в Тямпу. Впоследствии они были выкуплены голландским резидентом в Камбодже [71, с. 173; 242, с. 387].

ушли далеко в море и там крейсировали туда и обратно. По этой причине голландцы стали великим посмешищем в глазах кюинамцев.

Мне же хотелось только использовать славу голландцев, которые повсеместно известны своим воинским умением, для посрамления моих врагов. Далее, я приказал им либо уплыть, либо вступить в битву, но они не сделали ни того, ни другого. И я решил написать голландскому принцу, чтобы выяснить, относится ли он ко мне так же хорошо, как я к нему. Все это предприятие закончилось для меня огромным расходом припасов и денег. И можете поверить, что я говорю серьезно, и тщательно обдумайте все происшедшее... Я еще раз искренне заверяю Вам, что голландцы стали посмешищем для кюинамцев. Так что если Вы хотите отомстить за это унижение, приходите сюда со своими судами и 5000 людей и с ними мы нанесем поражение врагу. Только пусть в это число не входят судовые команды, а только крепкие, храбрые солдаты. Иначе, если даже Вы пошлете к побережью (Вьетнама.— Э. Б.) 20 судов, Вы не причините врагу никакого вреда. Если же (ваши люди.— Э. Б.) снова испугаются кюинамцев, это будет для Вас великим позором, можете мне поверить. Впрочем, если Вы не хотите воевать, а хотите только торговать, можете свободно посещать мою страну, я Вас ни к чему не принуждаю» [прил., док. 17].

8 начале 1648 г. Чинь Чанг предпринял новый поход на государство Нгуенов, но теперь уже без голландцев. Сначала успех был на стороне северовьетнамцев. Они форсировали реку Ниутле и овладели стеной Донгхой. Южновьетнамский командующий Чуонг Фук Фан отступил на вторую линию обороны — за стену Чуонгдык. Артиллерия Чиней пробила огромные бреши и в этой стене. Поражение южновьетнамцев казалось неизбежным. Тогда Фан лично повел свои поредевшие войска в отчаянную контратаку. Войска Чиней попятись, а тем временем защитники стены заполнили бреши бамбуковыми корзинами с землей. Подошедшие вскоре после этого подкрепления во главе с прославленным полководцем Нгуен Хыу Затом нанесли армии Чинь Чанга поражение в битве при деревне Ан-дай. Северовьетнамские войска начали отступление, но флотилия под командованием старшего сына Конг Тхыонг Выонга — Хиен Выонга, поднявшись ночью по реке Ниутле, уже перехватила все пути отхода. Отступавшие в беспорядке войска Чинь Чанга были частью перебиты, частью утонули в реке. Десять генералов было убито, трое попало в плен, общее же число пленных составило 30 тыс. человек. Чинь Чанг после этой катастрофы начал срочно строить новые укрепления на границе, ожидая вторжения в Северный Вьетнам, но смерть Конг Тхыонг Выонга, 19 марта 1648 г., прервала военные действия [75, с. 160—166; 191, с. 20—21], дав передышку Северному Вьетнаму.

Новый правитель Южного Вьетнама Хеан Выонг (1648— 1687) был сторонником мирной политики и не стал развивать свой успех. В войнах Севера и Юга наступил семилетний перерыв. Поскольку голландские корабли по-прежнему блокировали основные торговые пути из Южного Вьетнама, Хиен Выонг решил использовать передышку, чтобы нормализовать свои отношения с Батавией. Уже в 1648 г. Хиен Выонг предпринял первые дипломатические демарши в этом направлении, но только 25 апреля 1651 г. Совет Батавии принял решение направить в Южный Вьетнам свое посольство, а голландский посол Биллем Верстеген прибыл в столицу Нгуенов лишь 24 ноября, полгода спустя [71, с. 193; 242, с. 387].

9 декабря 1651 г. был подписан мирный договор, согласно которому стороны возвращали друг другу пленных, голландская Ост-Индская компания вновь получала участок земли для фактории и ее служащим возвращались «все привилегии и свободы, которыми они пользовались здесь прежде» (ст. 4). Сверх того, голландцы получали право экстерриториальности (ст. 5), гарантию от конфискации потерпевших крушение кораблей (ст. 6—7) и освобождение от пошлин (ст. 9) [прил., док. 18]. Такой ценой Южный Вьетнам заплатил за восстановление нормальной внешней торговли.

Борьба филиппинского народа против колониального ига

Несмотря на тщательно продуманную организацию аппарата колониального господства на Филиппинах, испанцам постоянно приходилось преодолевать упорное сопротивление народных масс, к которым иногда присоединялись и отдельные представители филиппинского правящего класса. Из 227 восстаний, происшедших за 333 года испанского господства, значительная часть приходится на гонец XVI—XVII в. Кроме того, сохранившие независимость мусульманские государства Южных Филиппин — султанаты Сулу и Магинданао в этот период также продолжали наносить частые и чувствительные удары испанским колонизаторам.

Участники большинства восстаний XVI и первой половины XVII в. использовали не только антииспанские, но и ярко выраженные антихристианские лозунги. Уже в 1570 г. сопротивление под флагом священной войны пытались организовать мусульманские князья Центрального Лусона. В 1584—1585 гг. восстания прокатились по Лусону (провинции Пампанга, Илокос, Манила) и по Висайским островам (Самар, Лейте). Восстанию в Пампанге и ряде других мест оказали активную поддержку мусульманские купцы Индонезии, ведшие в XVI в. обширную торговлю с Филиппинами. Кроме того, повстанцы обратились за помощью к султану Брунея на Калимантане. Борьба с Брунеем в конце XVI в. отвлекла значительную часть испанских сил. В самой Маниле в октябре 1588 г. был раскрыт крупный заговор филиппинских вождей, формально принявших христианство, но на деле готовившихся к выступлению против испанского господства и католической религии на островах с помощью Брунея и Японии. В следующем году вспыхнуло восстание в провинциях Кагаян и Илокос. В 1597 г. в ответ на редукцию (насильственное сселение деревень в крупные населенные пункты с целью установления над ними лучшего контроля) вспыхнуло восстание в Самбалес, а несколько лет спустя, по той же причине, — в Нуэва Сеговия (пров. Илокос). При появлении кораблей южнофилиппинских мусульман (моро) на Висаях в первые годы XVII в. население целых островов отвергало навязанную им веру и в союзе с мусульманами выступало против испанцев [18, с. 26; 62, т. 7, с. 95, т. 10, с. 43; 159, с. 302; 208, с. 54].

Наиболее популярным лозунгом борьбы против идеологии колонизаторов было, однако, не единение с мусульманами, а призыв вернуться к вере отцов, т. е. к старой, преимущественно анимистической религии, которая господствовала на Филиппинах до прихода испанцев.

В 1621 г. в ответ на насильственное сселение крестьян, проводившееся монахами на острове Бохоль, здесь возникло мощное антииспанское и антихристианское движение. Идеологами его стали носители старой религии — жрецы, бежавшие в горы от преследований миссионеров. Начало восстания было приурочено к декабрю 1621 г., когда почти все бохольские иезуиты со своей охраной уехали на Себу, чтобы отпраздновать возведение знаменитого миссионера XVI в. Франциска Ксавье в святые. Местный жрец Тамблот объявил в этот момент, что ему явилась богиня Дивато и обещала изобильную жизнь без налогов и податей всем, кто откажется от христианства и поднимет знамя восстания против испанцев. На призыв Тамблота ответили почти все без исключения жители острова, вокруг жреца собралось значительное войско. Католические церкви были преданы огню, христианские реликвии уничтожены. Малочисленный испанский гарнизон не смог справиться с восставшими. Но здесь, как и во многих других колониальных войнах, колонизаторам помогла изолированность отдельных районов страны, отсутствие общенационального сознания у филиппинцев. Испанцы перебросили на Бохоль 1 тыс. солдат, завербованных в Пампанге и Себу, которых они снабдили современным оружием. Бохольцы же, несмотря на свое численное превосходство, были вооружены лишь заостренными палками, камнями и луками. Тем не менее подавить восстание на Бохоле удалось лишь с большим трудом. Последним очагом сопротивления на острове стал храм Дивато, вокруг которого

повстанцы успели за короткий срок возвести целую крепость [44, т. I, с. 176; 53, с. 180; 94, с. 85].

Восстание на Бохоле еще не было подавлено, когда аналогичное по характеру восстание вспыхнуло на острове Лейте. Его возглавили престарелый вождь Банкао, бывший князь острова Лимасава, крещенный еще самим Легаспи, но в старости вернувшийся к религии предков, и его сын Пагали, принявший звание верховного жреца Дивато. Восставшие и здесь отстроили заново храм Дивато и разрушили христианские церкви. Первая попытка испанцев подавить это восстание оказалась безуспешной. Весь остров вооружился, женщины и дети сражались наравне с мужчинами. Тогда на Лейте была брошена эскадра из 40 кораблей. Командующий карательной экспедицией Алькарасо загнал восставших в узкое ущелье и перебил их там всех без исключения. Победители посадили голову Банкао на кол, сын его также был обезглавлен [62, с. 38, с 87—94; 159, с. 315].

После этого испанцы на Висайских островах некоторое время могли чувствовать себя в относительной безопасности. Однако в 1622 г. на другом конце страны, в Кагаяне, вспыхнуло новое восстание, которое возглавили Кутапай и Дайяг. Восставшие предложили монахам-доминиканцам (здесь, как и почти всюду, кроме Манилы, монахи были единственной испанской властью на местах) мирно убраться из их страны. Доминиканцы думали воспользоваться терпимой политикой вождей восстания и всячески затягивали переговоры. Более того, монаху Педро де Сан Томасу удалось расколоть восставших и восстановить в провинции испанское господство.

Опыт этого «умиротворения» был, несомненно, учтен Ланабом и Абабабаном, которые три года спустя подняли восстание в той же провинции. Повстанцы первым делом убили местного священника и разрушили церковь. Аналогичные восстания, ставившие своей целью не только истребление испанских солдат, но и физическое уничтожение миссионеров, имели место в 1630: и 1639 гг. на Северном Минданао [44, т. I, с. 117].

Наиболее широкий размах приняло вспыхнувшее в июне 1649 г. восстание на острове Самар, которое возглавил крестьянин Хуан Суморой. Первой жертвой восстания пал иезуит Понсе, с особой жестокостью выколачивавший налоги и выгонявший население на государственную барщину. Другим иезуитам Суморой сохранил жизнь и даже позволил беспрепятственно уехать. Эта ошибка едва не обошлась ему дорого. Один из отпущенных миссионеров, Дамиани, вскоре опять пробрался в лагерь повстанцев в отсутствие Сумороя и пытался расколоть их ряды, обещая помилование. Своевременное возвращение предводителя положило конец подрывной работе иезуита. Повстанцы сожгли монастырь и церкви и разрезали церковные одеяния, чтобы сделать себе тюрбаны. С Самара восстание перекинулось на Себу, Масбате, охватило северные районы Минданао и Юг Лусона. Генерал, присланный из Манилы для подавления восстания, был в полной растерянности. Он боялся концентрации собственного вспомогательного флота с филиппинскими гребцами. Существовало серьезное опасение, что они тоже восстанут. Попытка объявить награду за голову Сумороя тоже ни к чему не привела. Повстанцы в ответ на это прислали генералу голову свиньи. Испанцам удалось справиться с Сумороем только 14 месяцев спустя, натравив на него незадолго до того крещенное племя лутау с Минданао [94, с. 87—88; 159, с. 412—413].

Кровавое подавление восстания Сумороя приостановило освободительное движение филиппинцев. Но в 1660—1661 гг. по стране прокатилась новая волна восстаний. На этот раз основные очаги сопротивления переместились на Северный и Центральный Лусон. Здесь восстания приобретают ряд новых черт, связанных с относительно высоким социальным развитием этих районов. Вожди восставших провозглашают себя королями, формируют правительство, движение носит более организованный характер. Немаловажную роль играло и то, что среди повстанцев, особенно в Пампанге, было немало людей, получивших военную подготовку на испанской службе. Наконец, если

раньше идеологическая программа повстанцев обычно включала в себя тотальное отрицание христианства, то теперь повстанцы иногда выступают и под знаменем христианства, вернее, христианской ереси (точно так же, как и многие участники антифеодалного движения в средневековой Европе). Так, один из вождей филиппинских повстанцев провозгласил себя богом-отцом назначил своего наследника богом-сыном и распределил прочие «божеские» и «ангельские» звания среди своих приверженцев [94, с. 90-91; 164, с. 321].

Испанцам с огромным трудом удалось подавить эти разрозненные восстания, прежде чем они слились в одно (вождь восстания в Пампанге Франсиско Маньяго уже начал переговоры с вождями Пангасинана, Илокоса и Кагаяна о соединении сил и избрании общего короля). Но подавление восстания отняло у испанцев много сил, они не только не могли уже вести наступательные операции на Южных Филиппинах против Сулу и Магинданао, но, более того, под натиском султана Магинданао Кударата были вынуждены очистить Северное Минданао. На Северное Минданао испанцы вернулись только в 1718 г., а окончательное покорение Южных Филиппин произошло лишь во второй половине XIX в. [26, с. 69; 94, с. 91—97].

Глава III

УСТАНОВЛЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ ГЕГЕМОНИИ НА МОРЕ

Государство Матарам и голландская Ост-Индская компания в третьей четверти XVII в.

В середине февраля 1646 г. султан Агунг умер. Ему наследовал его сын Амангкурат I (1646—1677). Начало его правления было ознаменовано многими бурными событиями. Едва Амангкурат I вззошел на трон, вспыхнуло восстание на крайнем Востоке Явы. Его возглавил бывший князь Баламбангана Таванг Алун. На помощь повстанцам поспешил правитель Бали. В короткое время весь Баламбанган отпал от Матарамы и создалась угроза для земель, расположенных западнее. Амангкурат I послал на восток большую часть своих войск во главе с лучшим полководцем своего отца Туменггунгом Вира Гуной. Военные действия пошли неудачно для матарамцев, В одной из стычек Вира Гуна погиб, видимо попав в засаду. Между тем в столице, пользуясь отсутствием большей части правительственных войск, поднял мятеж младший брат Амангкурата I Пангеран Алит. Он ворвался со своими сторонниками во дворец и едва не убил брата, прежде чем пал под ударами мадурских лейб-гвардейцев [132, с. 209; 135, т. I, с. 27; 263, с. 174].

Эти события потрясли и без того неустойчивую психику молодого правителя. С тех пор до конца его правления ему всюду мерещились измены и заговоры, он не доверял никому и казнил своих родственников и вельмож по малейшему подозрению. Один из голландских историков наградил его даже прозвищем «Яванский Нерон» [132, с. 210].

Новый правитель Матарамы вошел также в конфликтные отношения с мусульманским духовенством. Одним из показателей этой конфронтации был отказ от титула султана, который носил его отец, и возвращение к старому местному титулу — сусухунан, или сунан. Он ревизовал судопроизводство Матарамы и ограничил юрисдикцию религиозных судов [263, с. 175]. После восстания принца Алита, который пользовался сочувствием мулл, Амангкурат I прибег к прямому террору против духовенства. Он приказал начальникам четырех кварталов, на которые делилась столица, составить списки всех проживавших здесь мусульманских священнослужителей. Все они, 6 тыс. человек, без суда и следствия были перерезаны в один день. В живых оставили только нескольких священников. Их вывели к народу, и они дали нужные показания об «ужасном заговоре, который они готовили против сусухунана» [215, т. I, с.

159]. Чтобы как-то укрепить свою шатающуюся власть, Амангкурат I решил пойти на мир с Голландией. В середине 1646 г. в Батавию прибыло матарамское посольство (формально не от имени сусухунана, а только от его первого министра) для зондирования почвы. Генерал-губернатор Корнелис ван Лейн тут же направил в Матарам ответное посольство во главе с главным бухгалтером Компании Себальдом Вондераром. Вондерар вернул матарамскому правительству захваченные на корабле «Реформация» сокровища, а также яванских послов и мулл. В ответ на это Амангкурат I освободил 33 голландских пленных [242, с. 266].

Вскоре после этого, в сентябре 1646 г., в Батавию прибыло новое матарамское посольство с проектом мирного договора из шести пунктов. Согласно, этому проекту: 1) голландская Компания обязывалась каждый год посылать посольство в Матарам с товарами Компании; 2) послам и паломникам из Матарама разрешался проезд на судах Компании; 3) производился обмен пленными; 4) стороны обязывались возвращать друг другу перебежчиков; 5) стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь против всех врагов; 6) подданным Матарама разрешалось свободное плавание во все области, подчиненные голландской Компании [242, с. 286—287].

Генерал-губернатор и его Совет легко согласились на первые четыре пункта, но из-за двух последних завязался ожесточенный спор. В конце концов стороны пришли к соглашению, что голландская Компания и Матарам будут помогать друг другу только против таких врагов, с которыми никак нельзя договориться мирным путем (Компания здесь заявила претензию на роль арбитра в международных отношениях Матарама). Что касается шестого пункта договора, то в него была внесена оговорка, запрещающая матарамцам плавать на острова Амбон, Банда, Тернате и в Малакку без специального разрешения властей Компании в каждом отдельном случае. В таком виде договор был подписан 24 сентября 1646 г. и ратифицирован Амангкуратом I в начале 1647 г. [96, т. I, с. 483—485; 132, с. 210].

Обеспечив мир с Голландией, Амангкурат I с новыми силами начал борьбу за централизацию страны. Подавив духовную секцию феодального класса, он теперь взялся за светских феодалов. Некоторые из них, наиболее могущественные, были казнены, также, как правило, без суда и следствия. Чтобы не дать укорениться новым феодалам, назначенным на их место, Амангкурат I прибегнул к политике, которую примерно в это же время осуществлял сиамский король Прасат Тонг. Он постоянно менял губернаторов, перемещая их с одного поста на другой. Как и Прасат Тонг, он держал губернаторов большую часть года при своем дворе. В то же время он неоднократно менял административное деление Матарама, что вело к новым служебным перемещениям, а также создавал новые должности, благодаря чему был усилен взаимный контроль феодалов друг за другом [132, с. 208—209; 135, т. I, с. 14; 158, с. 280; 215, т. I, с. 159; 280, с. 93].

Чтобы пополнить опустевшую в результате многочисленных войн казну, Амангкурат I стал искать новые источники дохода во внешней торговле. Если предшественник Амангкурата I, Агунг, в начале своего правления гордо заявлял голландцам, что он не купец, и разрешал им торговать в своих портах беспошлинно, то теперь в Матараме были введены высокие торговые пошлины. Кроме того, так же как в Сиаме в это время, здесь была установлена государственная монополия на большинство товаров, вывозившихся из страны. Для наблюдения за торговыми интересами государства в матарамские порты были назначены специальные суперинтенданты, подчинявшиеся непосредственно монарху. При Амангкурате I с помощью голландских специалистов на верфях Джапары началось строительство судов европейского типа. Однако, когда новый флот достиг значительных размеров, голландцы внезапно прекратили свою помощь, а среди яванцев не нашлось достаточного количества опытных моряков, чтобы укомплектовать суда нового типа. Англичане, закрывшие свою факторию в Джапаре еще

в 1648 г., также не могли оказать профессиональной помощи Амангкурату I [135, т. I, с. 88, 92, 105; 209, с. 59, 60; 271, с. 104].

Чтобы оказать давление на голландцев, Амангкурат I в 1652 г. заключил мир со своим старинным врагом, султанатом Бантам, но из попытки зажать Батавию между двумя яванскими государствами ничего не вышло. Бывшие соперники слишком мало доверяли друг другу, а голландская Компания в 50-х годах XVII в. уже настолько усилилась, что практически полностью контролировала индонезийские воды. Амангкурату I пришлось выступать в отношении Компании в качестве просителя. Голландцы, однако, очень неохотно выдавали матарамским кораблям пропуска для плавания и обычно отклоняли просьбы предоставить матарамским купцам места на голландских судах, идущих в Индию. В 1655 г. отношения Матарам с Компанией на этой почве обострились настолько, что Амангкурат I закрыл свои порты для голландских судов. Но голландцы уже могли обходиться без яванского риса. Они наладили его подвоз в Батавию и Малакку из Сиама и других мест. Сам же Матарам, отрезанный от моря, стал терять одно за другим свои внешние владения. Так, в 1657 г. князь Сукаданы на Калимантане окончательно отверг матарамский сюзеренитет. В том же году Амангкурат I был вынужден снова открыть свои порты для голландцев. В 1660 г., после того как голландский флот разгромил столицу Палембанга, суматранского вассала Матарам, Амангкурат I снова распорядился закрыть порты. Но эта мера также не принесла пользы Матараму. Занятый вновь вспыхнувшей борьбой с крупными феодалами, матарамский монарх не мог долго поддерживать на должном уровне государственную торговую монополию, и после 1664 г. она пришла в упадок [135, т. I, с. 42, 60, 67, 105; 152, с. 279; 209, с. 57, 60].

На рубеже 50—60-х годов XVII в. внутреннее положение в Матараме снова обострилось. В 1659 г. Амангкурат I заподозрил своего тестя Пангерана Пекика, потомка независимых князей Сурабаи, в покушении на свою жизнь. Пангеран Пекик был казнен вместе со своей семьей, насчитывавшей более 40 человек. Одновременно были истреблены многочисленные сторонники Пангерана Пекика в Сурабае. В 1660 г. был убит по приказу сусухунана еще недавно бывший в большом фаворе губернатор Пати. Он был обвинен в связях с голландцами. Вскоре после этого началось восстание принцев из побочной ветви правящей династии. Войска Амангкурата I подавили восстание, а все повстанцы, попавшие в руки правительства, были казнены. В 1662 г. был казнен губернатор Джапары, обвиненный в самовольном возобновлении переговоров с Батавией [135, т. I, с. 125, 134, 143. т. II, с. 4, 13; 215, т. I, с. 160].

Во второй половине 60-х годов террор продолжался. Всего, по оценке голландских современников, Амангкурат I уничтожил 20 тыс. человек [106, с. 16]. В то же время он чувствовал себя крайне неуверенно и появлялся на людях только в окружении многочисленной стражи из мадурцев (яванским солдатам он не доверял). Большую же часть времени сусухунан проводил в своем дворце, «окруженный 10 тыс. женщин» (в это число входило 1 тыс. жен и наложниц, 6 тыс. служанок и 3-тысячная женская лейб-гвардия). Но и в этом внутреннем дворце Амангкурату I мерещились заговоры. Когда в 1667 г. умерла его любимая наложница Рату Маланг, он, заподозрив, что ее отравили, посадил в железную клетку и уморил голодом 43 наложницы. Отношения сусухунана со своими четырьмя сыновьями от главных жен также были очень натянутыми. Особое его подозрение вызывал старший сын Пангеран Адипати Аном. В конце 60-х годов Амангкурат I лишил его всех владений и сослал на необитаемый остров у южных берегов Явы. В 1672 г. Адипати Аном был помилован, восстановлен в правах наследника престола и получил в управление Сурабайскую область. Впрочем, как и другие крупные феодалы, он только получал от нее доходы, сам же был принужден жить в столице под присмотром шпионов отца. Неустойчивость положения Адипати Анома побудила его искать выхода в заговоре, и он вскоре нашел себе союзников [132, с. 212; 158, с. 281; 209, с. 66—67; 262, с. 101; 263, с. 152].

В это время при матарамском дворе жил князь Раден Трунаджайя, внук последнего независимого правителя Западной Мадур. Амангкурат I, казнив отца Трунаджайи, назначил губернатором Западной Мадур его младшего брата Тьякрадининграта II, и Трунаджайя, считавший себя законным претендентом на эту должность, естественно, не испытывал теплых чувств ни по отношению к дяде, ни по отношению к сусухуна-ну. Другой крупный феодал, Раден Каджоран, престарелый потомок духовного правителя Семаранга, также недовольный политикой Амангкурата I, свел Адипати Анома со своим зятем — молодым, энергичным Трунаджайей. Три заговорщика договорились о совместном выступлении в центре, на востоке Явы и на Мадуре. В обычных условиях этот заговор вылился бы в краткосрочный феодальный мятеж, каких уже немало было в истории Матарам. Он кончился бы заменой одного монарха другим, мало от него отличающимся, либо был бы подавлен правительством с большим или меньшим кровопролитием. Но на этот раз заговор трех озлобленных феодалов вызвал к жизни мощную народную войну, охватившую большую часть территории страны, потрясшую основы государства и повлекшую за собой иностранную интервенцию и фактическую утрату независимости Матарам.

Причиной этому было то, что в первой половине 70-х годов Матарам вступил в полосу тяжелейшего кризиса. Предпосылки кризиса накапливались на всем протяжении правления Амангкурата I. Внешнеполитические факторы здесь сложно переплетались с внутривнутриполитическими. Главной внешней причиной была экспансия голландской Ост-Индской компании, стремившейся подавить местное судоходство в индонезийских водах и преуспевшей в этой задаче в 50—60-х годах XVII в. Если в начале XVII в. богатые порты Северной Явы служили перевалочным пунктом в торговле пряностями и были всегда переполнены судами, приходившими сюда со всех концов Юго-Восточной Азии, из Индии и Китая, то теперь они опустели. Многочисленные колонии азиатских купцов, издавна живших на Северной Яве, также пришли в упадок. Многие купцы перебрались в другие страны, не находившиеся в такой опасной близости к Батавии. Традиционный матарамский экспорт на острова Пряностей — рис и грубые местные ткани не находили больше спроса. За ту часть этих товаров, которую голландцы приобретали для своих нужд, они платили смехотворно низкие цены.

Доходы казны резко упали. Для того чтобы поддерживать стабильность матарамского государства, нужны были решительные и гибкие меры. Нельзя сказать, чтобы в этой сложной обстановке Амангкурат I пошел по принципиально неправильному пути. Стремясь восполнить упадок частной торговой инициативы купцов и отдельных приморских феодалов, он противопоставил экспансии голландской Компании государственную торговую монополию и строительство флота по европейскому образцу, о чем уже говорилось выше. Его борьба за укрепление централизации и подавление крупных феодалов также была в принципе правильным и прогрессивным шагом (в Сиаме подобная политика обеспечила стабильность государства более чем на полвека). Тем не менее целый ряд как субъективных, так и объективных факторов привел его политику к краху. Немаловажным субъективным фактором была личность самого монарха. Неустойчивость его внешней политики, резкие перемены курса, когда он то дружил с Бантамом, то снова вел с ним войну (1657—1659), то воинственно бряцал оружием перед голландцами, то искал с ними дружбы, отказываясь от поддержки своего естественного союзника — Макасара, который в эти годы вел упорную борьбу с Компанией (в 1654 г. Амангкурат I обещал выдавать голландцам макасарских «пиратов», после 1659 г. перестал принимать макасарские посольства) [158, с. 279; 209, с. 58], — все это не позволило Матараму создать прочную антиголландскую коалицию, которая в тот момент могла бы еще выбить голландцев из Батавии.

Дегенеративные черты в характере Амангкурата I, о которых так много писали голландцы, посещавшие Матарам, также, несомненно, не были лишь плодом вымысла этих враждебно настроенных свидетелей. Своей тактикой превентивного

террора, когда по одному подозрению уничтожались целые феодальные кланы, включая женщин и детей, Амангкурат I создал среди правящего класса атмосферу полной неуверенности в завтрашнем дне. Естественно, что он не мог рассчитывать на симпатию и поддержку подавляющего большинства феодалов в случае серьезного кризиса. Кроме того, каждый феодальный клан состоял не только из одних феодалов. Из-за существовавшего в Матараме многоженства каждый такой клан с течением времени сильно разбухал, достигая нескольких сот, а иногда и нескольких тысяч человек. Младшие ветви феодального рода уже не находили места в феодальной иерархии и по своему материальному положению ничем не отличались от простонародья. Кроме того, к каждому такому клану примыкало множество клиентов, зависимых крестьян и разного рода челядинцев, людей, оторвавшихся от общины и искавших пропитание возле «сильных мира сего». Все они (точно так же, как и при репрессиях Ивана Грозного, монарха во многом похожего на Амангкурата I) уничтожались вместе с главой клана. Так что среди многотысячных жертв террора число людей из угнетенных классов значительно превышало число собственно феодалов. Поэтому народ, обычно равнодушный к личности правящего монарха и, более того, питавший в отношении него царистские иллюзии, в данном случае стал проникаться враждебными чувствами к сусухунану.

Разорив и уничтожив одного феодала, Амангкурат I тут же назначал на его место другого, наделяя его такими же, если не большими, феодальными доходами. Более того, увеличивая в целях перекрестного контроля феодалов число административных постов, он увеличивал и объем потребляемого феодалами прибавочного продукта, в то время как обедневшая страна не могла вырабатывать этот продукт даже в прежнем количестве. Единственным выходом из положения мог стать строжайший режим экономии, но, и в этом заключалась объективная причина кризиса, правящий класс был совершенно неспособен на самопожертвования. Даже такой своевольный монарх, как Амангкурат I, был бы неспособен его к этому принудить. А он и не пытался этого делать, и сам продолжал раздувать расходы своего огромного двора. Теперь у крестьян стали изымать не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта. Достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. 4 августа 1672 г. произошло грандиозное извержение вулкана Мерапи, при котором погибло много тысяч человек. Власти не оказали никакой помощи пострадавшим районам. Наследующий год страну поразила страшная засуха. Целые деревни вымирали от голода. Когда в 1674 г. Трунаджайя поднял знамя восстания на Мадуре, крестьяне толпами устремились к нему. Затем восстание перекинулось на Восточную Яву. Так, неожиданно для себя, Трунаджайя стал вождем крестьянской войны.

Восточная Индонезия в третьей четверти XVII в. (падение Макасара)

К началу 60-х годов позиции голландцев на Калимантане значительно укрепились. В декабре 1660 г. правитель Банджармасина пангеран Рату вынужден был подписать с голландской Компанией договор, в котором признавал, что за разгром фактории в Мартапуре в 1638 г. ей полагается возмещение в размере 50 тыс. реалов. Поскольку пангеран Рату не располагал такой огромной суммой, он в погашение ее снизил торговую пошлину для голландцев с 7 до 5% [прил., док. 42].

Но это было только началом его капитуляции перед голландской Ост-Индской компанией. Полгода спустя, 16 мая 1661 г., он подписал новый договор из семи пунктов, в котором предоставлял Компании фактическую монополию на вывоз перца. На перец устанавливалась твердая, выгодная для голландцев, цена, которую пангеран не имел права в будущем повышать ни при каких обстоятельствах. Наконец, голландцы получили в Банджармасине право экстерриториальности. «В-пятых,— говорилось в договоре,— если кто-нибудь из подданных Компании совершит преступление, пангеран Рату не может его

наказывать, он должен передать его голландскому начальнику в Мартапуре» [прил., док. 46]. В 1664 г. пангерана Рату на банджармасинском престоле сменил пангеран Сурджаната, который в новом договоре от 7 сентября 1664 г. подтвердил все привилегии, предоставленные голландской Компании.

Примерно в это же время дружбы голландской Компании стал искать султан Брунея, приславший в 1666 г. посольство в Батавию. После цветистых приветствий и пожеланий, «чтобы Батавия и Борнео были как одна земля», султан в своем письме И. Метсёйкеру переходит к сути дела: просит прислать пушек и мушкетов с порохом и пулями, а также просит выдать несколько морских пропусков, чтобы послать людей с Борнео в Сиам и Паттани [прил., док. 71]. Последняя просьба свидетельствует о том, что к середине 60-х годов плавание не только на острова Пряностей, но и вообще в морях Юго-Восточной Азии, предпринятое без специального разрешения голландцев, стало крайне рискованным предприятием.

На Сулавеси голландская Компания в 50-х годах продолжала политику окружения Макасара своими форпостами. В 1654г. Монгондоу — правитель княжества Болоанг обратился к Компании с просьбой о помощи против испанцев, угрожавших ему с Филиппин. Голландцы воспользовались этой просьбой, чтобы возвести на Северном Сулавеси сильную крепость Менадо. Султан Макасара Хасан-уд-дин, считавший Северный Сулавеси зоной своих интересов, заявил руководству Компании энергичный протест, но он был оставлен без последствий [132, с. 202; 158, с. 259, 277].

Отношения голландской Компании с Макасаром во второй половине 50-х годов XVII в. продолжали ухудшаться до тех пор, пока в 1660 г. не наступил окончательный разрыв. Весной 1660 г. из Батавии против Макасара была направлена огромная эскадра из 31 корабля с десантом 2600 человек. Передовой отряд этой эскадры 6 июня 1661 г. ворвался в Макасарскую бухту и завязал бой со стоявшей там португальской эскадрой из шести кораблей. Португальцы понесли тяжелое поражение. Их корабли были пущены ко дну, остатки экипажа вплавь добрались до берега. После того как у Макасара собрался весь флот, 12 июня, голландцы высадили десант к югу от столицы и захватили макасарскую крепость Панакуканг [132, с. 198; 158, с. 275; 280, с. 87].

Видя, что его оборона не подготовлена к такому массированному удару, Хасан-уд-дин заключил перемирие и направил своих послов в Батавию для ведения переговоров. Голландский командующий И. ван Дам потребовал, чтобы послами были знатнейшие люди государства и чтобы даже после подписания договора они оставались заложниками в Батавии. 19 августа 1660 г. договор из 27 пунктов был подписан в Батавии, а 1 декабря 1661 г. ратифицирован Хасан-уд-дином [242, с. 333, 337]. В этом договоре голландская Компания брала на себя только одно обязательство — вывести свой гарнизон из крепости Панакуканг, и то при условии уплаты Макасаром военных издержек. Все остальные пункты договора содержали уступки только со стороны Макасара. В статьях 1 и 2 Макасар отказывался от своих притязаний на Бутунг и Менадо, которые из дипломатических соображений объявлялись владением не Компании, а ее марионетки — султана Тернате Мандар-шаха. В статье 4 султан обязывался не вмешиваться в дела на островах Пряностей, статья 5 гласила: «Подданные или жители Макасара не должны посещать эти острова... Если они нарушат этот запрет Компании, они будут убиты или обращены в рабство, а их суда и товары конфискованы». Запрет, наложенный этим пунктом, дополнялся в статье 8, где говорилось: «Так как, по воле Божьей, Компании принадлежит монополия на гвоздику, мускатный орех и мускатный цвет, правительство Макасара не должно разрешать ввоз и торговлю этими пряностями на своей земле никому, кроме Компании, и сурово карать контрабандистов». Наконец, в статье 12 султан Макасара обязывался выдворить из своих владений всех португальцев [прил., док. 41].

После заключения договора, 19 августа 1660 г., неустойчивый мир продержался шесть лет. Голландцы были недовольны тем, что выдворение португальцев из Макасара

не было доведено до конца, а Хасан-уд-дин протестовал против предоставления Батавией убежища его мятежному вассалу Ару Палаке, князю Бони⁴⁰.

В 1665 г. началась вторая англо-голландская война. В начале 1666 г. в Индонезию стали поступать известия о серьезных поражениях Голландии на европейском театре военных действий. Англичане, находившиеся в Макасаре, стали всячески подстрекать султана вступить с Англией в военный союз против Голландии. Но военные силы Англии в Юго-Восточной Азии были незначительными по сравнению с голландскими, и Хасан-уд-дин, трезво оценив обстановку, на союз с английской Ост-Индской компанией не пошел. Однако голландская разведка узнала о переговорах. В Батавии решили, что сам этот факт — достаточный предлог для нападения на Макасар. 5 октября 1666 г. генерал-губернатор И. Метсёйкер и Совет Индии приняли решение объявить Макасару войну. 24 ноября 1666 г. из Батавии вышел флот под командованием Корнелиса Спеелмана, состоявший из 21 корабля с десантом 600 голландских мушкетеров, вспомогательного войска, набранного на Амбоне, и отряда эмигрантов бугов во главе с Ару Палакой [242, с. 338; 263, с. 169; 280, с. 87].

19 декабря 1666 г. эскадра достигла Макасара. Хасан-уд-дин направил к голландскому командующему послов с подарками и деньгами. Спеелман деньги взял (в счет будущих контрибуций), а затем приказал открыть огонь по городу. Но за годы, прошедшие после поражения 1660 г., Макасар и его окрестности были сильно укреплены. Хасан-уд-дин возвел вокруг своей столицы кольцо фортов, построенных по европейскому образцу. Спеелман не решился сразу штурмовать эти укрепления. Он предпочел нанести удар в другом месте. Эскадра двинулась вдоль побережья на юг и 25 декабря 1666 г. высадила десант на равнине близ города Бантаанга, в районе, который был рисовой житницей Макасара. Войска Спеелмана сожгли Бантаанг и 30 деревень, лежавших в его окрестностях. При этом были уничтожены огромные запасы риса, хранившиеся в государственных амбарах [132, с. 199; 220, с. 4—6].

Затем эскадра Спеелмана направилась к городу Бутунг, который в этот момент осадил макасарское войско численностью 11 тыс. человек под командованием генерала Бонто Марану. Голландский десант был гораздо меньше, но лучше вооружен, а главное — в его составе был Ару Палака, который обратился к находившимся в составе макасарского войска своим соплеменникам — бугам, и они перешли на его сторону. Измена бугов решила дело. После тяжелого боя, который длился весь день 1 января 1667 г., Бонто Марану прислал к Спеелману парламентариев. 4 января была подписана капитуляция [96, т. II, с. 346—348]. Из 5 тыс. пленных, попавших в его руки, Спеелман 400 подарил в качестве рабов своим офицерам. Остальные были высажены на необитаемом островке в проливе между Бутунгом и Сулавеси, и здесь они все вскоре погибли от голода. С тех пор этот островок получил у местных жителей название «Макасарское кладбище» [220, с. 7—10].

Затем Спеелман предъявил радже Бутунга счет за избавление. 31 января 1667 г. он подписал с ним договор, по которому раджа в обмен на скромную пенсию, 250 гульденов в год, обязывался истребить все гвоздичные деревья на своей территории. Силы Макасара, несмотря на поражение при Бутунге, оставались еще весьма значительными, и поэтому Спеелман вместо фронтальной атаки решил нанести Хасан-уд-дину еще один удар с тыла. Пока голландская эскадра крейсировала вдоль макасарского побережья, отвлекая внимание защитников Макасара, Ару Палака и сопровождавший его капитан Ионкер с небольшим отрядом направились в Бонн, рассчитывая поднять там восстание против Хасан-уд-дина. Расчет оправдался, хотя и не сразу. Пока Ару Палака укреплял свои позиции в Бонн, Спеелман с эскадрой успел побывать на Молукках и подавить начавшееся там вновь сопротивление, видимо активизированное известиями об англо-голландской и голландско-макасарской войне. Между тем Ару Палака к лету 1667 г.

⁴⁰ Бони — небольшое государство на Юго-Западном Сулавеси, вошедшее в состав Макасарского султаната в 1606 г. [132, с. 199].

сформировал семитысячное войско, не считая голландских мушкетеров капитана Ионкера, и сухопутным путем, сквозь джунгли Юго-Западного Сулавеси, вышел в тыл макасарских укреплений и внезапной атакой в ночь на 19 августа 1667 г. захватил макасарские форты близ Галесунга к югу от столицы [132, с. 199; 158, с. 273; 220, с. 15—16; 263, с. 170].

Теперь Спеелман получил возможность беспрепятственно высадить десант и в начале сентября 1667 г. начал осаду Ба-ромбонга, ключевой крепости в кольце укреплений, окружавших Макасар. Голландский штурм, однако, был отбит крупнокалиберными 18-фунтовыми пушками со стен крепости. Осада затянулась. Спеелман послал за подкреплением на Амбон, где формировались вспомогательные голландские войска из местных христиан. Но в ночь на 23 октября 1667 г. Ару Палака внезапно овладел Баромбонгом. Видимо, дело здесь не обошлось без измены. Среди местных феодалов, владения которых на периферии были уже сильно разорены союзниками, начались колебания, и кто-то из них под покровом ночи мог впустить в неприступную крепость войска Ару Палаки.

После этого соединенные силы Спеелмана и Ару Палаки осадили резиденцию султана — замок Самбупо. Хасан-уд-дин чувствовал себя уверенно за каменными стенами четырехметровой толщины, но рыхлая структура макасарского государства скоро дала себя знать. Султан в Макасаре был только «первым среди равных» — крупных феодалов, правивших султанатом в значительной степени коллективно. Эти «гранды», как их называют голландские источники, стали один за другим покидать Хасан-уд-дина вместе со своими войсками. Султан вынужден был начать переговоры. 18 ноября 1667 г. в деревне Бонгайя был подписан договор, вошедший в историю под названием Бонгайского.

Значение этого договора в истории колониального подчинения Индонезии велико. Впервые в истории крупное индонезийское государство было вынуждено подписать кабальный договор с европейской державой. Голландцы прежде всего позаботились о том, чтобы разоружить Макасар. В статье 10 договора говорилось: «Что касается приморских укреплений Макасара, построенных для обороны против Компании, то после подписания этого договора они все должны быть срочно срыты... Только большой форт Самбупо оставляется королю. И в дальнейшем Макасар не должен нигде строить никаких укреплений без согласия Компании. Что же касается форта Уджунгпанданг, то... макасарский гарнизон должен оставить его и передать Компании в полном порядке, чтобы они поместили там свой гарнизон» [прил., док. 76].

Далее Макасар должен был пойти на значительные территориальные уступки — окончательно отказаться от своих прав на остров Бима (Сумбава), Северный Сулавеси, Бутунг, Бонн. На Макасар была наложена огромная военная контрибуция [прил., док. 76, ст. 29].

Далее ряд пунктов договора был направлен на то, чтобы фактически убить макасарскую международную торговлю. Португальцы и англичане и все прочие европейцы (кроме голландцев) навсегда изгонялись из Макасара. Договор оставлял местным купцам право ввозить «простые ткани, которые производятся на побережье Явы» [прил., док. 76, ст. 6, 7, 23]. На торговлю и мореходство самих макасарцев были наложены самые жесткие ограничения, лишившие Макасар основного источника его доходов [прил., док. 76, ст. 8].

Голландская Компания получала право беспошлинной торговли в Макасаре [прил., док. 76, ст. 8], а макасарское правительство обязано было взыскивать долги с должников Компании, а если это окажется невозможно, само уплачивать эти долги [прил., док. 76, ст. 5]. Внешняя политика Макасара ставилась под контроль голландской Ост-Индской компании [прил., док. 76, ст. 23, 26].

Когда Бонгайский договор был доставлен в Батавию, ликование голландцев было безмерным. Победа над Макасаром была отмечена салютом 200 залпов. Но сопротивление Макасара еще не было окончательно сломлено. Феодалы, покинувшие Хасан-уд-дина,

скоро поняли, что Бонгайский договор ударил и по их доходам (все они в какой-то мере участвовали в морской торговле). Многочисленное городское население Макасара, жившее морской торговлей, и крестьяне, которые могли продавать на экспорт излишки своего риса, тоже были затронуты Бонгайским договором. Поскольку укрепления, окружавшие столицу, были снесены, кроме замка Самбупо, а крепость Уджунгпанданг, переименованная голландцами в форт Роттердам, держала Макасар под прицелом своих пушек, военное положение султаната было гораздо хуже, чем прежде. Тем не менее число сторонников возобновления войны, которых возглавлял первый советник султана каранг (князь) Кронрон, росло с каждым днем. Спеелман, получавший регулярные донесения обо всем, что происходило в Макасаре, от своих шпионов, не стал дожидаться, пока силы сопротивления окончательно консолидируются, и 12 апреля 1668 г. первым начал военные действия. Его атака на город, однако, не удалась. Голландцы и их союзники отступили с большими потерями (в числе раненых был и Ару Палака) и укрылись в форте Роттердам [132, с. 200; 242, с. 345—346].

Военные действия с переменным успехом продолжались до осени. 12 октября 1668 г., подтянув резервы с Молукк, голландцы предприняли общий штурм крепости Самбупо. Им удалось захватить часть укреплений и несколько крупнокалиберных пушек. Но вскоре они отступили. В артиллерийском парке Самбупо оставалось еще 272 орудия. Тогда Спеелман решил взять макасарцев измором. Голландский флот плотно блокировал побережье, в то время как отряды Ару Палаки разоряли рисовые поля в глубинных районах. В апреле 1669 г., после того как из Батавии прибыли свежие войска и осадная артиллерия, Спеелман, окружив город и крепость Самбупо новыми батареями, начал усиленную бомбардировку. Когда и это не дало должного эффекта, голландцы стали прокладывать подземные траншеи и подводить под стены мины, как на европейском театре военных действий. 15 июня 1669 г. сильным взрывом была обрушена большая часть стены Самбупо. Голландцы бросились на штурм, но защитники города заранее возвели позади каменной стены ряд баррикад из земли и бамбука. Бои шли в течение девяти дней. Каждый дом приходилось брать как маленькую крепость. Только к вечеру 24 июня крепость пала [242, с. 347—348].

Между тем в столице, лишенной подвоза продовольствия, начался голод. Малайские и яванские купцы стали покидать город. Большинство населения, однако, было готово защищаться до последнего. В голландском же лагере из-за тропических болезней, непрерывно уносивших солдат, уже стали раздаваться голоса в пользу эвакуации. Но и на этот раз голландцам помогло предательство крупных феодалов во главе с карангом Телло. Они низложили султана Хасан-уд-дина и возвели на трон его слабохарактерного и болезненного сына Мапасамбу. Затем они подсказали Спеелману тактический ход, который должен был внести разлад в ряды защитников города. 30 июня голландское командование объявило «амнистию». Всем, кто сложит оружие, были обещаны свобода и статус союзника Компании. В июле каранг Телло и каранг Линквес начали переговоры со Спеелманом от имени молодого султана Мапасамбы. 21 июля 1669 г. стороны подписали договор, подтверждавший все статьи Бонгайского договора и сверх того обязывавший Макасар выдать все пушки и снести крепостные стены [96, т. II. с. 411—417].

20 декабря 1669 г. в зале Совета Батавии состоялась торжественная церемония. Все крупные князья Макасара со свитой 540 человек вручили свои крисы генерал-губернатору И. Метсёйкеру в знак подчинения. Крисы Метсёйкер тут же вернул, но с независимостью Макасара было покончено навсегда [242, с.349]. О судьбе макасарских моряков и торговцев, вынужденных отправиться на поиски удачи в другие страны, будет рассказано в следующей главе.

Гегемония над Сулавеси перешла в руки государства Бони, во главе которого встал верный союзник, а теперь и вассал голландской Компании Ару Палака. Так как Бонгайский договор запрещал торговлю почти всеми традиционными товарами, на Сулавеси именно в это время начинается широкое развитие пиратства и работорговли,

которую голландцы поощряли. «Нет ничего более характерного,— пишет К. Маркс,— как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения рабов на острове Ява. С этой целью подготовлялись специально воры людей. Вор, переводчик и продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в Целебесские тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на корабли, транспортировавшие рабов» [3, т. 23, с. 761].

Голландская Ост-Индская компания и Западная Индонезия в третьей четверти XVII в.

В середине 50-х годов XVII в. отношения Компании с западноиндонезийскими владетелями резко обострились. В 1656 г. снова началась война с Бантамом [132, с. 158, 228]. Годом раньше острый конфликт с Палембангом также едва не привел к войне. Резидент голландской Компании донес в Батавию, что палембангцы в нарушение договора 1642 г. продают китайцам перец. Генерал-губернатор И. Метсёйкер направил в Палембанг несколько военных кораблей, которые захватили в гавани Палембанга китайскую джонку с грузом 400 пикулей (около 24 т) перца. Возмущение местных жителей этой акцией было так велико, что голландский резидент не осмеливался выходить на улицу без оружия. Пангеран, однако, не собирался воевать с Компанией в одиночку. Лишь в конце 1657 г., когда голландцы прочно увязли в войне против Бантама и Аче, он канес ответный удар. Два голландских судна, зашедших в реку Палембанг, были захвачены, а их команда частью убита, частью взята в плен. Голландцам в этот момент было не до карательных экспедиций, поскольку весь их флот был занят блокадой Бантама и Аче [242, с. 355].

Конфликт с Аче начался с того, что осенью 1656 г. сюда прибыл голландский посол И. Труйтман, который потребовал удовлетворения за антиголландские действия Перака, а также предоставления голландской Компании полной монополии на торговлю с Западным берегом Суматры. В случае отказа он грозил повой блокадой. Ачехцы не приняли ультиматума. Более того, видя, что война неизбежна, они решили нанести удар первыми. В начале 1657 г. они напали на голландские фактории в Приамаме, Тику и Салидо, убили несколько голландцев, а остальных взяли в плен. В марте 1657 г. у Западного берега появилась голландская эскадра под командованием Антони ван Воорста. Несмотря на то что у него было довольно значительное войско, он не решился высадить десант, а лишь бомбардировал прибрежные города. Повторилась ситуация, имевшая место в 1648—1650 гг. Ачехцы были отрезаны от морских путей, а голландцам была недоступна суша [158, с. 272; 242, с. 357—358].

После двух лет блокады султанша Тадж Уль-Алам решила первой проявить мирную инициативу. 20 мая 1659 г. в Батавию прибыло ачехское посольство с письмом султанши, предлагающим генерал-губернатору прислать своих послов в Аче [прил., док. 36]. 20 июня 1659 г. между голландской Ост-Индской компанией и Аче был подписан мирный договор [прил., док. 40]. Согласно этому договору, Аче выплачивало Компании контрибуцию в 49518 реалов и, сверх того, гарантировало выплату Пераком контрибуции в 50 тыс. реалов. Перакское олово теперь делилось между Компанией и Аче в пропорции две трети к одной трети. Далее, Компания получала право беспошлинной торговли перцем и монополию на вывоз перца из Аче. Подданные Голландии получали право экстерриториальности.

Вслед за Аче, 10 июля 1659 г., капитулировал Бантам. В договоре, который султан Абулфатах Агенг (1651 —1683) подписал с Компанией [прил., док. 39], было зафиксировано изменение границы в пользу Батавии (ст. 9), султан обещал выдать Компании всех перебежчиков и беглых рабов, за исключением тех, кто принял мусульманство

более трех месяцев назад (ст. 1) и давал гарантию, что и в дальнейшем будет возвращать Компании всех бежавших из Батавской области (ст. 7).

Побеги рабов и формально свободных, но задавленных налогами крестьян в соседний Бантам всегда были болезненной проблемой для руководства Батавии. Но еще более острой для них была проблема партизан, которые, базируясь на бантамской стороне границы, совершали постоянные рейды на Батавскую территорию. В статье 10 договора говорилось о том, что «бантамцы не должны приходить на территорию Батавии или другие земли, ей подчиненные, без крайней нужды... А с теми, кто нарушит это правило, можно поступать, как с врагами, брать в плен или убивать, и это не будет нарушением данного мира» [прил., док. 39].

Теперь, когда военные силы Компании высвободились, она получила возможность нанести сокрушительный удар по Па-лембангу. Против него была направлена очень большая по тогдашним масштабам эскадра из девяти боевых кораблей с десантом 700 солдат. Столица Палембанга была взята штурмом и сожжена. Победителям достались огромные трофеи — 73 больших и 150 малых пушек и вся княжеская казна. Уцелевшие жители города во главе с пангераном укрылись в лесу. Однако воля палембангцев к сопротивлению не была сломлена. Только через три года сын побежденного пангеряна подписал с Компанией договор, который подтверждал и расширял привилегии, полученные голландцами в 1642 г. [прил., док. 50].

В 60-х годах XVII в. Компания, которой дорого обошлись все эти войны, меняет тактику. Теперь она делает ставку не на прямое насилие, а на подрыв западноиндонезийских государств изнутри. Хотя, конечно, одним из самых убедительных доводов голландских агентов, когда они убеждали мелких местных князей и старейшин изменить своему сюзерену, были маячившие за их спиной боевые корабли и вооруженные до зубов отряды наемников. В своих дипломатических интригах голландцы умело использовали и противоречия между ачехцами и коренными жителями Центральной и Западной Суматры — минангкабау. Они снова вытащили на политическую арену декоративную фигуру «императора» минангкабау, потомка древних властителей острова, о котором говорилось выше. Они уверяли местных жителей, что хотят восстановить его власть, которую у него похитили узурпаторы — султаны Аче. На деле же этот незначительный князек был лишь ширмой для распространявшейся на Суматре голландской власти [242, с. 359—362]. Эта политика принесла успех. 6 июля 1663 г. в городке Пай-нан на Западном берегу Суматры раджи Сунгайпату, Индрапуры, Тику и Паданга подписали с представителями Компании так называемый Пайнанский трактат. По этому договору, князья вступали в вечный союз с голландской Компанией и становились под ее протекторат. Голландцы получали в их землях абсолютную монополию внешней торговли и свободу от пошлин. В статье 4 князья объявляли, что свергают ачехское ярмо и изгоняют навсегда ачехских губернаторов и их людей [96, т. II, с. 251—255] (к этому договору вскоре присоединились и другие князья Западного берега). В тот же день Компания приняла решение отозвать из столицы Аче своих представителей. Столичная область, производившая очень мало перца, голландцев больше не интересовала. Основная масса перца Суматры (с Западного берега) шла теперь прямо в Батавию. Фактический контроль над источниками его производства был наконец установлен голландской Ост-Индской компанией.

Малайя в третьей четверти XVII в.

К началу 50-х годов XVII в. голландцы усилили свое давление на Перак, который был основным экспортером олова на Малаккском полуострове. Генерал-губернатору Корнелису ван дер Лейну, в частности, удалось, добиться от сусухунана Матарамы Амангкурата I указа, грозящего жестоким наказанием всякому, кто станет плавать в Перак. Была усилена морская блокада перакского побережья. В августе 1650 г. Перак, а в

декабре 1650 г. его сюзерен Аче подписали наконец соглашение с голландской Компанией, по которому половина олова, добываемого в Пераке, должна была поступать в Аче, а другая половина — продаваться Компании. Купцам всех остальных стран запрещалось плавание в Перак [96, т. I, с. 538—541; 105, с. 81].

В Пераке была вновь открыта голландская фактория, но она просуществовала менее года: в июле 1651 г. местные жители ее разгромили, а персонал убили. Генерал-губернатор К. Рейнирсзон послал против Перака карательную экспедицию, но она не добилась успеха. 15 декабря 1653 г. голландский представитель И. Труйтман подписал с султаном Перака Му-заффаром новый договор, в основном повторявший условия договора 1650 г., но и этот договор вскоре был разорван. Осенью 1655 г. в Перак прибыл с большой эскадрой генеральный бухгалтер голландской Ост-Индской компании Дирк Схоутен, второе лицо после генерал-губернатора. Он принудил Музаффара подписать новый, третий по счету договор 7 декабря 1655 г., по которому Перак уступал Компании под факторию участок земли длиной в пушечный выстрел, обязывался возместить убытки и наказать виновных в убийстве голландских торговых агентов в 1651 г. [96, т. II, с. 77—81].

Но и этот договор остался невыполненным. Только в 1659 г., после долгой войны с Аче и Пераком, Компании удалось прочно закрепиться на перакском рынке и обеспечить себе две трети перакского олова [271, с. 129].

Отношения голландской Компании с Джохором в середине XVII в. носили сложный характер. После того как в 1647 г. руководство Компании наложило запрет на плавание индийских купцов в Малайю, Джохор оказался в трудном положении. В апреле 1648 г. султан Абдул Джалил обратился к генерал-губернатору К. ван дер Лейну с просьбой выдать пропуск для плавления джохорских судов на Коромандельское побережье Индии. Пропуск был получен, и в начале 1649 г. джохорские суда совершили пробный рейс в Индию. Но когда в 1650 г. Абдул Джалил снова обратился к К. ван дер Лейну с просьбой о пропуске на Коромандельское побережье и в Бенгал, последовал отказ под тем предлогом, что голландцы сейчас воюют с этими странами. Тогда Абдул Джалил попросил разрешения посылать своих купцов в Индию на голландских кораблях, но и в этом ему было отказано. Голландцы обещали только доставлять индийские ткани в Джохор на своих кораблях, но завозили их в недостаточном количестве и по слишком высоким ценам [45, с. 69—71].

В начале 1650 г. Абдул Джалил обратился к Компании с просьбой выдать ему пропуска для плавления на Тайвань. Голландцы с большой неохотой стали выдавать ему один-два пропуска в год. А когда Абдул Джалил вступил в сношения с вождем антиманьчжурского движения в Китае Чжэн Чэнгуном, который в это время боролся за изгнание голландцев с Тайваня, выдача пропусков была вообще прекращена. Более того, в апреле 1655 г. голландская эскадра блокировала устье реки Джохор под тем предлогом, что сюда прибыли для торговли корабли Чжэн Чэнгуна.

Стремясь как-то ослабить голландскую монополию на джохорском рынке, Абдул Джалил завязал дипломатические отношения с испанцами на Филиппинах. Когда в 1659 г. в Бату-Савар прибыл испанский фрегат под командованием капитана Хуана де Хесуса, ему был оказан торжественный прием. Испанские суда стали регулярно посещать Джохор, покупая за золото и серебро местные товары. В 1662 г. Хуан де Хесус выступил даже в качестве посредника в переговорах между Джохором и Батавией (Абдул Джалил в это время протестовал против захвата голландцами китайских джонок, шедших в Джохор, и грозил серьезными санкциями за разбой в джохорских территориальных водах). Но слабеющая Испания не могла оказать существенной поддержки Джохору и к середине 60-х годов испано-джохорские отношения сошли на нет [45, с. 72—75].

Стремясь компенсировать потери от свертывания международной торговли, Абдул Джалил начал расширять свою сферу влияния на Восточной Суматре. В 1655 г. небольшое княжество Тунггал, вассал Джамби, подняло восстание против своего сюзерена и

отдалось под покровительство Джохора. Вскоре после этого само Джамби стало играть роль в сложных династических расчетах Абдул Джалила. Когда он в 1623 г. взойшел на трон, законному наследнику, сыну Хаммат-шаха, Радже Ибрагиму было несколько месяцев. Абдул Джалил дал обязательство уступить трон своему двоюродному брату, когда тот достигнет совершеннолетия, но не спешил исполнить свое обещание. Между тем самому Абдул Джалилу пошел восьмой десяток (он родился в 1587 г.), и легитимная партия, сплотившаяся вокруг Раджи Ибрагима, стала представлять для него все большую опасность. Абдул Джалил нашел выход в браке Раджи Ибрагима с единственной дочерью пангерана Джамби. Поскольку Раджа Ибрагим был к тому же сыном джамбийской принцессы, сестры пангерана, он получал таким образом, прочные права на джамбийский престол, что должно было, по мнению Абдул Джалила, компенсировать ему утрату джохорского трона [45, с. 84].

Принц Раджа Ибрагим, однако, не ужился с джамбийской знатью и вскоре вернулся в Джохор. Отношения Джохора и Джамби резко ухудшились. В конце 1666 г. джохорский флот во главе с Раджой Ибрагимом попытался внезапной атакой овладеть столицей Джамби. Атака была отбита. Началась многолетняя война Джохора и Джамби, которая шла с переменным успехом. Голландцы, выступая в роли посредников, пытались вырвать дополнительные уступки от обеих сторон, но, видимо, не особенно старались установить мир между двумя государствами. Взаимное ослабление Джохора и Джамби было выгодно для голландской Компании.

Решительный перелом в ходе войны произошел весной 1673 г., когда Джамби заключило союз с Палембангом. Соединенный флот этих двух суматранских государств 4 апреля 1673 г. атаковал Бату-Савар. Столица Джохора была взята штурмом и сожжена. Победителям достались огромные трофеи— 140 кораблей, 4 т золота, 95 пушек, 3500 пленных. Уцелевшие жители Бату-Савара во главе с султаном и Раджой Ибрагимом бежали в джунгли. Наиболее влиятельный феодал Джохора лаксамана (адмирал) Тун Абдул Джамиль отступил с уцелевшими кораблями на остров Бинтам, где стал собирать силы для реванша. Реальная власть в Джохоре перешла в руки этого энергичного военачальника. Неудачливый претендент на трон Джамби Раджа Ибрагим вскоре умер, а 22 ноября 1677 г. скончался в 90-летнем возрасте так и не вернувшийся в коренной Джохор из Паханга султан Абдул Джалил [157, с. 51; 242, с. 459; 271, с. 140].

Бирма в третьей четверти XVII в.

При короле Пиндале (1648—1661) в политике Бирмы впервые намечается поворот в сторону ограничения торговли с иностранцами. Это, в сущности, не было еще курсом на закрытие страны. Просто группа феодалов, пришедших к власти при слабохарактерном короле, решила, что можно легко пополнить доходы казны (а через нее и свои собственные), резко повысив торговые пошлины. В самом начале правления Пиндале пошлины в Сириаме были подняты с 2 до 16,5%. Это, конечно, ударило по карману европейские компании (если в 1639 г. доход голландской фактории в Сириаме составил 83 тыс. гульденов, то в 1648 г. он упал до 25 тыс.) [27, с. 104; 140, с. 98]. Но эта мера в равной мере обескуражила и многочисленных азиатских купцов, прибывавших в Сириам со своими товарами и вывозивших отсюда бирманские продукты в гораздо больших масштабах, чем англичане и голландцы, вместе взятые. Внешняя торговля Бирмы начала падать, а казна — пустеть, вопреки ожиданиям авторов таможенной реформы.

Чтобы пополнить убытки от внешней торговли, правительство Пиндале усилило налоговый нажим на крестьянство. Здесь бирманским феодалам тоже изменило чувство меры, в результате чего в конце правления Пиндале вспыхнуло крестьянское восстание в Нижней Бирме. Непокойно было и в Верхней Бирме, которая уже в начале 50-х годов пострадала от конфликта с Китаем.

В Китае в этот момент сложилась тяжелая ситуация. На его территории в 50-х годах боролись три силы: вторгшиеся в страну маньчжурские завоеватели⁴¹, основавшие здесь в 1644 г. новую династию Цин, сторонники старой династии Мин во главе с императором Чжу Юланем и остатки крестьянских армий, которые иногда по тактическим соображениям поддерживали последнего минского императора.

К 1651 г. под властью Чжу Юланя осталась только юго-западная провинция Юньнань, примыкавшая к северным границам Бирмы. Чтобы пополнить свои ресурсы, он потребовал от пограничных шанских князей, которые давно уже были вассалами Бирмы, но в прежние века подчинялись Китаю, дани и людских контингентов. Получив отказ, Чжу Юлань вторгся в Бирму. Войска, посланные Пиндале ему навстречу, потерпели поражение. Развить дальнейший успех Чжу Юланю помешало изменение внутренней обстановки в Китае. Поэтому, разорив часть Северной Бирмы, он ушел обратно в Юньнань [207, с. 137]

В 1658 г., потерпев окончательное поражение в Китае, Чжу Юлань снова появился в Бирме. На этот раз с ним было только несколько сот солдат. Поэтому он послал в дар бирманскому королю 100 висе (182 кг) золота и смиренно просил об убежище. Пиндале определил ему и его людям в качестве места жительства город Сагаинг [142, с. 197].

Между тем по ту сторону границы еще продолжались бои между остатками минских войск, которые бросил Чжу Юлань, и союзной с ними армии крестьянского вождя Ли Динго, с одной стороны, маньчжурских войск под командованием предателя-китайца У Саньгуя — с другой. Постепенно отступая на юг, отдельные китайские отряды начали в разных местах проникать в Бирму. Вскоре их численность здесь достигла значительных размеров. Ли Динго, один из талантливейших полководцев крестьянской войны в Китае, к этому времени, видимо, уже погиб, а его воины в поисках нового вождя опять вспомнили о беглом императоре Чжу Юлане и потребовали от бирманского правительства «освободить» его. Чжу Юлань, однако, отрекся от своих недавних союзников, заявив, что не имеет ничего общего с этими «бандитами», а желает спокойно жить, как простой подданный бирманского короля [207, с. 138].

Описывая дальнейший ход событий, бирманские хроники явно многое замалчивают. Они сообщают, что по всей Верхней Бирме запылали монастыри, а монахи бежали в джунгли, но утверждают, что монастыри жгли только китайские войска. Между тем известно, что львиную долю прибавочного продукта, выжатого из крестьян, богомольный Пиндале передавал именно монастырям. Общая же обстановка в Бирме к моменту прихода крестьянской армии, как уже говорилось, была весьма напряженной. Поэтому вполне возможно допустить, что в ряды армии Ли Динго вошло значительное число местных крестьян и события 1659 — 1661 гг. в Бирме приняли характер крестьянской войны.

После битвы при Ветвине, где была разгромлена регулярная бирманская армия⁴², бирманское правительство практически потеряло контроль над страной и в мае 1659 г. было осаждено крестьянскими войсками в Аве. Первый штурм был отбит огнем португальских артиллеристов, которые со времени Анаупхелуна верой и правдой служили бирманским королям. На стенах Авы стояло много пушек, а у крестьянской армии не было артиллерии. Но войско Ли Динго после этого не отступило от бирманской столицы. Оно окружило ее частоколом и более двух лет держало в осаде [142, с. 197].

В 1660 г. на Юге страны вспыхнуло мощное восстание монов с центром в Мартабане. Непосредственным поводом для восстания послужила массовая мобилизация моновских крестьян для походов на выручку Авы. Вновь набранное войско выступило в поход под командованием губернатора Мартабана. Уже на первом этапе пути солдаты

⁴¹ Их пригласила сюда часть местных феодалов во главе с генералом У Саньгуем, чтобы подавить бушевавшую в Китае крестьянскую войну.

⁴² Множество тяжеловооруженных, т. е. привилегированных воинов, во время бегства утонули в реке Мьитнге, увлеченные на дно тяжестью доспехов [142, с. 197].

начали разбегаться. Губернатор приказал сжигать дезертиров на кострах. Тогда восстало все войско и, перебив офицеров, двинулось на Мартабан. Овладев городом, повстанцы расправились с находившимися там бирманскими феодалами и призвали на помощь Сиам.

Между тем в осажденной столице положение становилось все более критическим. Горожан терзал голод, хотя в государственных амбарах хранилось еще достаточное количество риса. Придворные, в том числе королевские наложницы, открыто спекулировали рисом, который с трудом доставлялся с юга по реке — единственной артерии, не перерезанной повстанцами. В мае 1661 г. терпение жителей столицы иссякло. Они собрались у дворца и потребовали короля к ответу за творящиеся безобразия. До насилия не дошло, но феодалы поняли, что их власть висит на волоске. Короля надо было срочно менять. Выбор знати остановился на энергичном младшем брате Пиндале, принце Пье. Его и рекомендовали народу, как будущего «хорошего короля». Во главе восставших Пье ворвался в королевский дворец и арестовал короля и наиболее одиозных временщиков. Низложенного монарха со всей семьей, как водится, утопили (29, с. 102; 207, с. 138].

Пье действительно оказался подходящим человеком для той критической ситуации, в которой находилась феодальная верхушка Бирмы. Он принял энергичные меры против коррупции, организовал раздачу риса населению и довольно быстро создал боеспособное войско, которое смогло перейти в контрнаступление. Ему, конечно, очень помогло то, что осенью 1661 г. в Бирму вступили войска У Саньгуя и крестьянские отряды оказались между двух огней. Если верить хроникам, У Саньгуй вторгся в Бирму, чтобы потребовать выдачи бывшего императора Чжу Юланя, но более вероятно, что он это сделал в порядке классовой солидарности по просьбе самого Пье. Ведь как только с крестьянскими повстанцами было покончено, он, получив Чжу Юланя⁴³, ушел обратно в Китай, не попытавшись даже отобрать у Бирмы те спорные районы, из-за которых в 1651 г. воевал с Пиндале Чжу Юлань.

Упрочив свое положение на севере, Пье двинулся на юг, где бушевало монское восстание. Мартабан, поддерживаемый сиамцами, держался до мая 1663 г. Когда Пье наконец овладел городом, пришло известие, что сиамская армия вторглась в Чиангмай. Пье с большей частью своего войска бросился на север, но опоздал. Сиамцы захватили Чиангмай. Между тем моны снова овладели Мартабаном, и восстание на юге разгорелось с новой силой. Только в 1664 г. Пье удалось подавить последние очаги сопротивления в провинциях Мартабан и Тавой, но ему досталась почти необитаемая земля: монское население этих районов почти целиком бежало в Сиам [72, с. 179]⁴⁴. Таким образом, после трех с половиной лет войны Пье сумел восстановить королевство Ава в прежних границах. Но, сплотив вокруг себя феодалов в критический час, он должен был расплатиться с ними льготами и привилегиями, которые были немыслимы при прежних монархах.

Теперь бирманские феодалы стали не чиновниками, а скорей соратниками короля. В их руки, в частности, окончательно перешел вопрос о престолонаследии. При жизни Пье королевская власть еще поддерживалась авторитетом его незаурядной личности, но его наследники стали простыми марионетками в руках феодальной знати. Такое положение сохранялось вплоть до середины XVIII в.

Королевство Аракан в середине XVII в.

⁴³ Пье выдал бывшего минского императора в январе 1662 г., для приличия посоветовавшись со своими приближенными и подыскав подходящие исторические прецеденты [142, с. 201].

⁴⁴ Бирманскому королю больше повезло с Чиангмаем. Здесь местное население, традиционно враждебное Сиаму, развернуло такую упорную партизанскую борьбу, что король Нарай предпочел вывести свои войска и в декабре 1664 г. в Чиангмай вернулся бирманский губернатор [72, с. 180].

В царствование Тиритудхаммы (1622—1638) торгово-пиратское государство Аракан процветало, население столицы страны Мрохаунга в 1630 г. достигало 160 тыс. человек [107, с. 81].

Аракан поддерживал активные дипломатические отношения с Батавией, своим главным контрагентом по торговле рабами и рисом. В то же время и Португалия искала дружбы с Араканом, чтобы повернуть его грозную морскую силу в нужном для себя направлении. В 1630 г. в Мрохаунг прибыло португальское посольство, в составе которого был и августинский монах Себастьян Манрик, оставивший ценные мемуары о своем пребывании в Аракане [187].

В ходе переговоров португальским послам удалось убедить Тиритудхамму отказаться от санкций против португальцев, которые вновь поселились в Дианге, и договориться о совместных действиях против Могольской империи, которая в это время начала наступление на португальские опорные пункты в Восточной Индии. Во исполнение этой договоренности араканский король в 1631 г. послал свой флот на помощь осажденному могольским войском португальскому городу Хугли на одноименной реке в Бенгале. Из-за штормовой погоды флот Тиритудхаммы опоздал. К моменту его прибытия город уже пал. Однако араканцы атаковали и разгромили могольский флот, возвращавшийся с добычей [38, с. 277].

В 1663 г. в Мрохаунг прибыло новое португальское посольство во главе с Каспаром де Мескитой. Послы и король опять строили планы совместной войны против Могольской империи и завоевания Бенгала, но военная мощь Португалии была к этому времени уже настолько подорвана борьбой с более молодыми колониальными хищниками — Голландией и Англией, что араканский король вскоре потерял интерес к этому союзу. К тому же голландская Компания явно демонстрировала свое недовольство заигрыванием Аракана с Португалией, закрыв свою факторию в Мрохаунге, а Тиритудхамма не хотел лишаться столь выгодного торгового партнера. Поэтому, едва проводив посольство де Мескиты, араканский король в том же, 1633 г. направил посольство в Батавию с предложением вновь открыть в его стране голландскую факторию. Руководство Компании, выдерживая характер, вновь открыло факторию в Мрохаунге только через два года, когда стало совершенно ясно, что португало-араканский союз распался [38, с. 278].

Рабов и рис снова стали вывозить в Батавию. Обе стороны хорошо на этом наживались, но вскоре между Тиритудхаммой и главой голландской фактории ван Мандере начались серьезные трения, так как каждый считал, что другой наживается больше. Ван Мандере не нравилось, что араканский король установил государственную монополию на торговлю рисом, а Тиритудхамма был раздражен тем, что голландский торговый агент тайно скупал рис на черном рынке, где цены были ниже, чем в казенных амбарах. Кроме того, Тиритудхамма рассчитывал, что голландцы сменят португальцев в качестве союзников в войне против Могольской империи, и руководство голландской Компании, видимо, сначала его обнадеживало в этом отношении. Когда же араканский король узнал, что посольство ыогольского императора Шах-Джахана с почетом принято в Батавии, он послал голландскому генерал-губернатору Антони ван Димену решительный протест. Дело шло к разрыву, но дальнейшему развитию конфликта помешала внезапная смерть Тиритудхаммы в 1638 г.

Он был кем-то отравлен, вероятно своей женой [142, с. 145]. Неизвестно, принимали ли голландцы участие в феодальных интригах при араканском дворе, но в последние годы жизни Тиритудхаммы его власть серьезно заколебалась. Против него поднял мятеж второй человек в королевстве — его брат, управлявший Читтагонгом — северным форпостом Аракана. Потерпев поражение, он бежал в Могольскую империю. Как и 28 лет назад, Аракану снова стал угрожать претендент в эмиграции, поддерживаемый враждебной державой. Между тем при араканском дворе все большую власть стал приобретать министр Лаунггьет, дальний родственник короля и любовник главной королевы Натшинме. После внезапной смерти Тиритудхаммы королевский клан

возвел на трон его сына Минсапи, малолетнего ребенка. Он отличался слабым здоровьем и через несколько месяцев умер. Если верить сообщениям современников, его «залечила» собственная мать [442, с. 145].

После этого Лаунггьет захватил араканский престол и принял тронное имя Нарпатиджи (1638—1645). Узурпатор тут же начал резню всех королевских родственников, имевших бо́льшие, чем он, права на престол. Из них, по-видимому, никто не уцелел. По отношению к «подсадившей» его на трон королеве Натшинме Нарпатиджи не проявил никакой благодарности. Как только его положение упрочилось, он отправил ее в ссылку. Зато с новым голландским резидентом ван дер Хельмом у него установились самые теплые отношения, что наводит на мысль о причастности голландцев к государственному перевороту. Представители Компании больше не жаловались на рисовую монополию. Видимо, в первые годы правления узурпатора она была отменена [38, с. 278; 142, с. 145].

После захвата голландцами Малакки в январе 1641 г. агенты Компании стали меньше церемониться с местными монархами. Засилье голландцев в Аракане, видимо, приняло такие размеры, что вызвало серьезную оппозицию части феодальной верхушки. Когда в 1643 г. Нарпатиджи серьезно заболел и утратил контроль над делами, реальная власть оказалась в руках антиголландски настроенной группы феодалов. Голландский корабль, направлявшийся с грузом ценных тканей в Бенгал, был захвачен араканцами, а груз его конфискован. В ответ голландцы закрыли свою факторию в Мрохаунге и начали беспощадно топить все араканские корабли, где бы они их ни встречали [38, с. 278].

Необъявленная война длилась восемь лет, пока на араканский трон не вступил внучатый племянник Нарпатиджи — Сан-датудхамма (1652—1684). Новый король через третьих лиц дал понять, что готов снова завязать с голландцами торговые отношения, но первый шаг должен сделать генерал-губернатор Батавии, поскольку он ниже рангом. В конце 1652 г. в Мроха-унг прибыло голландское посольство во главе с Иоанном Гессенсом. В 1653 г. после долгих переговоров между Араканом и голландской Компанией был подписан договор. Согласно этому договору, голландцы получали право на беспощинную торговлю в Аракане. Кроме того, они получали право покупать и продавать свои товары не через королевских чиновников, а на открытом рынке. Иными словами, для голландцев делалось изъятие из государственной монополии внешней торговли, существовавшей в Аракане [101, 1653, с. 93—103].

Вновь открытая в 1653 г. в Мрохаунге голландская фактория продолжала свою деятельность в течение 12 лет. О характере отношений Аракана и голландской Компании в это время можно судить по сохранившемуся в голландских архивах письму короля Сандатудхаммы генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, написанному в 1656 г. В этом письме с восточной витиеватостью говорится: «Я получил письмо и подарки знаменитого и почтенного генерал-губернатора Иоанна Метсёйкера, ядовитого, как рыба в воде... И я был очень рад, что генерал-губернатор здоров и признает меня своим господином. Этому я был даже больше рад, чем подаркам и товарам» [прил., док. 28]. Отсюда видно, что Метсёйкер в своих письмах к араканскому королю признавал себя вассалом Аракана, давая таким дешевым способом Сандатудхамме возможность «сохранить лицо» после подписания неравноправного договора 1653 г.⁴⁵ Далее араканский король в своем письме затрагивает сюжет, который замалчивают все современные западные колониальные историки. Оказывается, голландцы в это время планировали создать базу в Дианге, чтобы самим наладить захват рабов на Бенгальском побережье. «В письме (генерал-губернатора. — Э. Б.) говорится о Дианге, — продолжает Сандатудхамма. — Он просит разрешения покупать головы (рабов. — Э. Б.)... Генерал-губернатор хочет вторгнуться в Пеха и земли

⁴⁵ Заключение мира с голландской Ост-Индской компанией все же сыграло положительную роль в развитии торговли Аракана. Именно в эти годы в Аракане впервые начали чеканить собственную монету. В королевстве Бирма свои монеты появились только в XIX в. [107, с. 61].

мавров, больших и малых, разрушить, разорить и ограбить бенгальцев в их землях и поместить своих голландцев в Дианге, чтобы покупать головы» [прил., док. 28].

Араканский король вполне одобрительно относился к планам Метсёйкера, потому что это усиливало его позиции в борьбе с Могольской империей. И действительно, через несколько лет после написания этого письма у Аракана появилась крайняя нужда в военной помощи голландцев.

События развивались следующим образом. В августе 1660 г. могольский принц Шах-Шуджа, потерпевший поражение в династической борьбе со своим братом, императором Аурангзе-бом, попросил убежище в Аракане. Теперь настала очередь Аракана укрывать у себя претендента на вражеский престол. Сандатудхамма решил максимально использовать выгоды создавшегося положения и привязать к себе Шах-Шуджу общепринятым в феодальном мире способом — брачными узами. Поэтому он попросил у Шах-Шуджи в жены одну из его дочерей. По мнению некоторых, эта невыносимая для высокородного принца наглость была для араканского короля лишь предлогом для того, чтобы захватить его сокровища [107, с. 61]. Между тем Сандатудхамма отнюдь не был мелким хищником. Это был реалистически мыслящий политик, много сделавший для укрепления как внутреннего, так и внешнего положения Аракана. Родство с королем страны, несколько десятилетий победоносно воевавшей против огромной Могольской империи, не могло быть мезальянсом для беглого претендента.

Тем не менее Шах-Шуджа отказался заключить этот брак. Авантюрист по натуре, он не хотел довольствоваться в Аракане положением бедного родственника. Ему пришел в голову на первый взгляд совершенно фантастический план — одним ударом уничтожить Сандатудхамму и самому захватить власть в Араканском королевстве. Этот план, однако, не был так фантастичен, как это может показаться. Огромное многонациональное население Мрохаунга (португальцы, бирманцы, моны, японцы, индийские мусульмане) не имело никакого понятия о патриотизме. А у Шах-Шуджи кроме 500 отборных гвардейцев было 8 верблюдов, груженных драгоценностями. С такими средствами можно было подкупить достаточное число авантюристов, всегда готовых продать свой меч. Наконец, Шах-Шуджа рассчитывал апеллировать к местным мусульманам, рекомендуя себя как истинного защитника ислама, а религиозные связи в феодальную эпоху были куда прочнее связей национальных [107, с. 62].

Задуманный мятеж начался в декабре 1660 г. Сторонники Шах-Шуджи подожгли большую часть города и пытались захватить королевский дворец. Однако Шах-Шуджа не принял в расчет личной популярности Сандатудхаммы. Тот сумел собрать достаточное количество войск и довольно быстро подавил мятеж [112, т. I, с. 62; 142, с. 146—147].

Взятый в плен Шах-Шуджа, однако, не был немедленно казнен. Более того, араканский король поместил его не в тюрьму, а во дворец, сохранив при нем часть его прежнего персонала. Сандатудхамме был нужен живой Шах-Шуджа, как постоянная угроза Аурангзебу. Только 7 февраля 1661 г., убедившись, что беспокойный принц снова начал готовить заговор, араканский король приказал атаковать его резиденцию. Во время последовавшей резни Шах-Шуджа пропал без следа. Видимо, ему удалось вырваться из дворца и он погиб на улицах города. Труп же его, как полагали голландские наблюдатели, был изуродован до неузнаваемости [38, с. 279].

Император Аурангзеб, узнав о гибели брата-соперника, видимо, вздохнул с облегчением. Но в плену у араканского короля еще оставались три сына Шах-Шуджи, которые тоже имели, хотя и отдаленные, права на престол. Аурангзеб потребовал их выдачи. Получив отказ, он направил в Мрохаунг своих агентов, чтобы выкрасть принцев. Эта попытка тоже провалилась. Между тем сыновья Шах-Шуджи оказались такими же беспокойными «гостями», как и их отец. В июле 1663 г. они попытались поднять в Мрохаунге новый мятеж, опираясь на местных бенгальцев и других индийцев-мусульман. Мятеж был подавлен, а принцы казнены. Теперь Аурангзебу «стало жалко» погибших

родственников, и он использовал их смерть как повод для большой войны против Аракана [107, с. 62; 142, с. 147].

Сандатудхамма предпочел нанести первый удар и в начале 1664 г. совершил набег на Дакку, обратив при этом в бегство могольскую флотию. Но это был последний успех араканского короля. Укрепивший к этому времени свои позиции в Индии Аурангзеб стянул в Бенгал огромные силы и приказал тамошнему наместнику создать наконец боеспособный флот. Затем обе стороны обратились за помощью к голландцам. Руководство голландской Компании оказалось в затруднительном положении. После долгих размышлений было решено сохранить фактории в Бенгале, пожертвовав ради этого факторией в Аракане. 12 ноября 1665 г. агенты голландской Компании в Мрохаунге под покровом ночи тайно погрузили все имущество фактории на четыре корабля и бежали. Король Сандатудхамма послал им вслед скорее ироническое, чем гневное, письмо: почему, мол, голландцы так испугались моголов. «Я всегда думал, что Голландия и голландцы ни от кого не зависят,— писал он,— а теперь из-за посольства Норомсита (губернатора Бенгала.— Э. Б.) они так испугались, что убрали факторию из моей страны... Норомсит говорит, что он нас завоюет. Много легче опрокинуть Вавилонскую башню, чем захватить мое королевство. Пусть об этом знает генерал-губернатор. Он человек осмотрительный и мудрый. Больше мне нечего сказать» [прил., док. 67]. Действительно, несмотря на срочную постройку нового флота, победить маленький Аракан моголам было не под силу. Тогда наместник Бенгалии Шаиста-хан прибег к простому и более дешевому средству. Он подкупил португальцев, находившихся на араканской службе, и они со всеми своими судами перебежали в Дакку, где им были выделены места для поселения. Теперь баланс сил резко изменился. В конце 1665 г. могольский флот захватил остров Сандвип, в феврале 1666 г.— Диангу. Несколько месяцев спустя пал Читтагонг — последний опорный пункт Аракана в Восточном Бенгале. В глубь собственно Аракана могольские войска прорваться не смогли, но теперь, когда его морское могущество было сломлено, Аракан начал постепенно приходить в упадок.

Сиам в третьей четверти XVII в.

После смерти Прасат Тонга и продолжавшейся более года борьбы за трон, в ходе которой было убито два короля, престол захватил младший сын Прасат Тонга Нарай (1656—1688).

Подобно отцу, Нарай покровительствовал развитию внешней торговли и всемерно расширял государственную торговлю внутри и вне страны. В области внешней политики он, однако, в отличие от Прасат Тонга, стремившегося опереться на союз с азиатскими странами (индийскими и индонезийскими государствами) в первую очередь, предпочитал использовать одни европейские страны в борьбе с другими.

В области внутренней политики Нарай продолжал политику отца. «В начале его правления,— пишет иезуит Ташар,— некоторые гранды восстали, открыто поддержанные тремя королями, государства которых окружают Сиам, но он атаковал их так энергично, что они были вынуждены оставить мятежников его гневу» [247, с. 315]. Раскрывая секрет быстрых успехов Нарая, миссионер Жерве писал: «Семена гражданской войны, которая ему угрожала, он уничтожил в зародыше, соблазнив горожан обещанием новых привилегий» [127, с. 252—253]⁴⁶.

После подавления феодального мятежа Нарай взял еще более решительный курс на «истребление наиболее могущественных губернаторов» [161, т. I, с. 251]. Систему заместителей или «временных губернаторов» он распространил почти на всю страну. При

⁴⁶ Под горожанами, по-видимому, в данном случае следует понимать не только купцов и ремесленников, но и многочисленных мелких чиновников («служилый люд»), которые, не имея поместий, жили в городах.

этом теперь рядом с «временным губернатором», как правило, не было никакого постоянного. Основное отличие «временного губернатора» (пурана) от «постоянного губернатора» (чао мыанга) заключалось в том, что пуран не мог быть назначен на срок более трех лет. Кроме того, его жалованье (т. е. доля налогов, конфискаций, штрафов и т. п., собираемых в данной провинции) было вдвое меньше, чем у чао мыанга. Такой чиновник, как правило переброшенный из другого района, не мог иметь прочных связей в местной среде и поэтому гораздо больше зависел от правительства.

Не ограничившись этим, Нарай создал специальный институт прокуроров (чакрапатов), которые должны были контролировать деятельность губернаторов на местах. Главный чакрапат находился в столице и следил за деятельностью министров. Наряду с постоянными чакрапатами Нарай назначал часто экстраординарных ревизоров, облеченных чрезвычайными полномочиями, вплоть до права казнить губернатора на месте [127, с. 85; 165, т. I, с. 255].

В последние годы своего правления Нарай практически упразднил должность первого министра (чакри), оставляя ее в течение ряда лет незаемщенной, и взял на себя большую часть функций, которые исполнял чакри [127, с. 79, 81].

В итоге деятельности Прасат Тонга и Нарая могущество крупных светских феодалов было серьезно подорвано. Те из них, которые уцелели от казней и опал, превратились в чиновников короля не только по названию, но и на самом деле.

Но истребление крупных светских феодалов поставило Нарая лицом к лицу с другим крупным феодальным владельцем Сиама — буддийской церковью. Взаимоотношения Нарая и буддийского духовенства носили сложный характер. В начале его правления монахи оказывали ему значительную поддержку, видя в нем продолжателя дела Прасат Тонга, боровшегося за централизацию страны и ликвидацию крупных светских феодалов, которые соперничали с духовными. Более того, как признают даже католические миссионеры, самим тронем Нарай в очень большой мере был обязан именно буддийским монахам [60, с. 35]. Поэтому в первые годы своего правления Нарай щедро одарял буддийские монастыри землями и крепостными и находился в самом добром согласии с верхушкой буддийского духовенства.

Но довольно скоро наступило охлаждение. В первую очередь здесь, видимо, сыграло роль то обстоятельство, что после ликвидации крупных светских феодалов буддийская церковь оказалась единственной организованной и могущественной силой, противостоящей королевской власти. Несмотря на внешний отказ от мирской суеты, буддийская церковь всегда принимала очень активное участие в политической жизни страны, и ее стремление руководить деятельностью короля, естественно, должно было вызывать с его стороны отпор. Наряду с этим огромные богатства и земли монастырей, пользовавшиеся налоговым иммунитетом, сами по себе не могли не вызывать соблазна у Нарая, постоянно нуждавшегося в деньгах для борьбы с Голландией.

Главная же причина конфликта заключалась в том, что задавленное непрерывно растущими налогами крестьянство стало массами уходить в монастыри, где эксплуатация была относительно меньшей. А в специфических условиях Сиама, при изобилии плодородной земли и относительной редкости населения, рабочая сила представляла собой еще большее богатство, чем рисовые поля. Видимо, поэтому в источниках нет сведений о конфискации правительством Нарая монашеских земель, но довольно часто встречаются свидетельства, показывающие, что при Нарая проводилась весьма энергичная «чистка» монашеского сословия, т. е. попросту возвращение беглых крестьян и ремесленников в их прежнее состояние.

Практически такая «чистка» проводилась в форме ежегодных экзаменов, которые монахи должны были сдавать комиссии из специально назначенных правительственных чиновников. Естественно, что простой земледелец или ремесленник, не искушенный в тонкостях буддийской казуистики и не владеющий священными языками (пали и

санскритом), не мог выдержать подобный экзамен, и его, лишив монашеского сана, возвращали в податное сословие.

Такая политика Нарая не могла не встретить противодействие со стороны церкви. Глава буддийского духовенства — сан-крат (настоятель королевской пагоды) неоднократно обращался к Нарая с протестом по поводу «суровых наказаний», которым тот подвергает своих подданных: они-де «по причине этого ропщут и недовольны королем» [127, с. 254].

В результате дальнейшего обострения отношений Нарай запретил всем буддийским монахам являться ко двору (кроме главного санкрата, который должен был это делать, так сказать, «по долгу службы»). Чтобы противопоставить буддийскому духовенству свою, всецело зависящую от него религиозную организацию, Нарай стал всячески стимулировать деятельность индуистского духовенства, окружил себя брахманами и поощрял исполнение различных индуистских церемоний. Индуистская религия, однако, не получила сколько-нибудь значительного распространения за пределами узкого круга придворных [60, с. 39].

Усиление эксплуатации крестьянства в Сиаме в результате развития товарно-денежных отношений продолжалось на всем протяжении XVII в. Но особенно быстрые темпы этот процесс принял в правление Нарая. Подавляющее большинство налогов при нем взималось в денежной форме. Был создан целый ряд новых налогов и значительно увеличены размеры старых.

Реальные размеры налогов, выколачиваемых из крестьян, однако, были еще больше, чем предписывалось законом, так как аппетиты чиновников-феодалов, ведавших сбором налогов (с которых они получали известный процент), по мере проникновения в страну европейских товаров и вообще предметов роскоши росли с не меньшей быстротой, чем требования королевской казны. Рассказы современников пестрят указаниями на злоупотребления в области сбора налогов.

Потребности обороны от агрессии европейских держав заставляли правительство отрывать от работы многие тысячи крестьян для строительства военных сооружений.

Добавочным источником обогащения для королевской казны и обнищания для народных масс служила также государственная внутренняя торговля. Организованная с широким размахом при Прасат Тонге, она была значительно расширена при Нараяе, несмотря на то, что покупательная способность крестьян и горожан в это время, напротив, снизилась из-за роста налогов. В результате создался кризис сбыта. Французский посол Ла Лубер так описывает положение, сложившееся в 80-х годах XVII в.: «Раньше предшественники его (короля Нарая.— Э. Б.) и он сам посылали... хлопчатобумажные ткани в магазины на периферию лишь изредка и в умеренном количестве, после продажи которого частные лица имели возможности для торговли. Теперь ткани поступают все время и их больше, чем можно продать» [161, т. I, с. 286].

Ликвидация торгового кризиса в условиях феодального Сиамы производилась, так сказать, административным путем. Сиамцев попросту заставляли покупать залежавшиеся ткани и одежду. Так, специальные чиновники следили, чтобы родители покупали для своих малолетних детей одежду значительно раньше установленного обычаями срока. По сути дела, это был еще один, дополнительный, налог.

Непомерная эксплуатация крестьянства неизбежно должна была повлечь за собой обострение классовой борьбы. Раньше всего эта борьба, как и повсюду, проявилась в форме массовых побегов крестьян от своих феодальных владельцев как в другие районы страны, так и за границу. Так, еще в 1633 г. пыталась бежать (по-видимому, в Лаос) значительная часть населения северной провинции Након Лампанг, доведенного до отчаяния притеснениями феодалов. «Заговор» был своевременно раскрыт и виновники жестоко наказаны — их затапывали слонами, топили в реке, четвертовали и казнили другими, не менее мучительными способами [264, с. 34].

При Нараяе побегии приняли настолько массовую форму, что власти уже не могли с ними эффективно бороться. Крестьяне уходили в джунгли, где феодалы не могли их преследовать. Лишенные возможности заниматься своим основным занятием — земледелием, крестьяне зачастую объединялись в вооруженные отряды, подстерегавшие чиновников и купцов на лесных дорогах или же совершавшие набеги в долину.

Как указывает Ла Лубер, «разбойники», встречавшиеся в сиамских лесах, суть то же, что «разбойники» Китая, собиравшиеся иногда целыми армиями и становившиеся хозяевами всей страны [161, т. I, с. 230] (здесь явно имеется в виду крестьянская война, незадолго до описываемого времени потрясшая Китай). Однако основная масса крестьянства в это время еще не доросла до осознания необходимости вооруженной борьбы с феодальным государством. Отдельные разрозненные выступления довольно быстро подавлялись централизованной государственной машиной. Такая судьба постигла, например, в 60-х годах XVII в. восстание, возглавлявшееся монахом, имя которого осталось неизвестным [249, с. 399].

Мощное антифеодальное восстание произошло в 1678 г. на острове Джанк Сейлон, когда возмущенные притеснениями губернатора жители острова взяли штурмом дворец и убили губернатора со всеми его приближенными. Однако и это восстание вскоре было подавлено [64, с. 257].

Несомненно, что подобные антифеодальные выступления в период правления Нарая имели место и в других районах страны, но классовая борьба (если только она не принимает грандиозных размеров), естественно, освещается в источниках этого времени меньше, чем какой-либо другой вопрос.

Сложность политического положения в Сиаме в последние годы правления Нарая заключалась в том, что антифеодальное движение крестьянства существовало параллельно, а зачастую и переплеталось с борьбой против иностранного (европейского) засилья, в которую были вовлечены не только крестьяне и горожане (купцы и ремесленники), но и значительная часть правящего класса, прежде всего духовенство и крупные чиновники, боявшиеся утратить свои посты и доходы. На известном этапе, когда угроза подчинения Сиаму Франции стала вполне реальной, это патриотическое движение захватило почти весь народ, в результате чего создалась иллюзия некоего внеклассового единства сиамцев. Но прежде чем возникло это движение, Сиаму пришлось еще испытать агрессию со стороны Голландии и Англии.

Первые годы правления Нарая, когда он еще неуверенно чувствовал себя на троне, вынужденный бороться с феодальными мятежниками, были золотым временем для голландской Ост-Индской компании. Методы, которыми голландцы утверждали свое монопольное господство на сиамском рынке, отличались большим разнообразием. Одним из мощных орудий в борьбе за это господство была так называемая система пропусков, введенная еще на рубеже 30—40-х годов XVII в., но прочно утвердившаяся (по отношению к Сиаму) лишь во второй половине 50-х годов. Согласно правилам, установленным голландской Компанией, каждый корабль, выходящий из порта, где имелся голландский представитель, должен был получить на свой рейс письменное разрешение — пропуск от этого представителя. Все суда, не имеющие такого пропуска, при встрече с голландскими кораблями в открытом море или даже в нейтральных портах, где голландцы обладали достаточными силами, подлежали немедленной конфискации.

Большие возможности для подавления своих торговых конкурентов давала голландцам их монополия на торговлю кожей, которую они получили в 1659 г. Ссылаясь на нее, они могли подвергнуть таможенному досмотру любое судно, пришедшее в Сиам. При этом сама процедура досмотра принимала такой характер, что наносила тяжелый ущерб купцам, которые ей подвергались. Яркий пример этому приводится в ноте сиамского правительства от 16 февраля 1664 г.: «В Год Свиньи (1659 *т.*— Э. Б.), когда в Сиам для торговли прибыли и бросили якорь у селения Боангтонбури (Бангкок.— Э. Б.) 13 китайских джонок из Японии, г-н ван Рейк явился к

Коса Тибоди и попросил его доложить королю, что китайцы якобы скупают олени шкуры. И по этой причине он просил разрешения с помощью королевских чиновников обыскать эти джонки. Согласно этой просьбе, Коса Тибоди направил в распоряжение ван Рейка несколько служащих, вместе с которыми тот спустился вниз по реке (в гавань, где стояли джонки.— Э. Б.), продержал их там 9—10 дней и, так и не обыскав их, вернулся обратно (в Аютию.— Э. Б.) В результате этой задержки китайцы пропустили время для возвращения в Японию. Поэтому китайцы больше не хотят торговать в Сиаме» [прил., док. 54]. Другим способом извлечения выгоды из кожаной монополии была выдача восточным купцам разрешений на скупку шкур, разумеется за соответствующее вознаграждение. При этом голландские резиденты часто прибегали к такому мошенническому трюку: дав, например, китайскому купцу разрешение на скупку, они выжидали, пока он соберет достаточно большую партию шкур, а затем отменяли свое разрешение и отбирали кожу. Пострадавший купец при этом, получал в виде компенсации чисто номинальную сумму — значительно меньше той, которую он сам затратил [прил., док. 54].

Методы, применявшиеся в торговле кожей, голландцы начали, так сказать, явочным порядком распространять и на торговлю сапаном, хотя сиамское правительство никогда формально не предоставляло им монополии на покупку этого ценного сорта дерева [прил., док. 54]. Одновременно ван Рейк и его коллеги стремились полностью захватить в свои руки торговлю и другими важными видами товаров — оловом, тиком, слоновой костью и др.

С начала 60-х годов, однако, торговая экспансия голландской Компании начинает наталкиваться на скрытое, но с каждым годом все более упорное противодействие со стороны сиамского правительства. Укрепив свою власть внутри страны, молодой король с недюжинной энергией взялся за выполнение программы, которая была намечена и частично начала осуществляться при Прасат Тонге. Быстрыми темпами велось строительство сиамского торгового флота. Сиамские корабли в Японии и Китае все чаще стали перехватывать товары, которые голландцы привыкли считать своей монополией. Рост сиамского торгового мореходства стал не на шутку беспокоить голландцев [216, т. II, с. 39].

Наряду с развитием собственной морской торговли Нарай стремился привлечь в Сиам торговцев других азиатских и европейских стран, чтобы нанести этим еще один удар по голландской торговой монополии. Продолжая политику своего отца, он поддерживал дружеские отношения с различными индийскими государствами и предоставлял индийским купцам существенные привилегии. При Нарая были установлены тесные торговые и дипломатические отношения с Персией. С конца 50-х годов было отправлено несколько посольств в Китай и Вьетнам [216, т. II, с. 92—98, т. III, с. 341, 366, 372; 236].

Особенно много энергии Нарай затрачивал на привлечение в Сиам европейских купцов, в первую очередь англичан и французов, которые, по его мнению, могли создать наиболее серьезную конкуренцию голландцам на сиамском рынке. Так, уже в 1659 г. Нарай обращается к английской Ост-Индской компании с приглашением вновь открыть свою факторию в Аютии. В 1662 г. прибывшие в Сиам первые французские миссионеры встретили здесь очень радушный прием, подготовивший почву для открытия французской фактории. Таким образом, после тридцатилетней почти полной монополии на сиамском рынке голландцы вынуждены были потесниться.

Естественно, что голландская Ост-Индская компания не могла безучастно взирать на подобное развитие событий в Сиаме. Пользуясь своим безусловным военным превосходством, Компания повела энергичное контрнаступление, стремясь не только восстановить, но и значительно расширить свои позиции в Сиаме. Поведение голландцев в Сиаме (особенно после открытия английской фактории в Аютии в 1661 г.) стало

принимать все более вызывающий характер. Голландская Компания явно искала предлог для объявления войны.

Уже в 1661 г. голландцы без всякого объявления войны или предъявления каких-либо претензий захватили два сиамских судна, шедших с грузом из Китая в Японию [216, т. II, с. 69]. В 1662 г. напряженность в сиамо-голландских отношениях усилилась, поведение голландцев стало еще более вызывающим. По приказу ван Рейка, в частности, на реке Менам был конфискован принадлежавший королю груз кожи, находившийся на китайской джонке [101, 1663, с. 174].

В качестве ответной меры Нарай установил внутреннюю монополию на торговлю кожей. Отныне все охотники и другие поставщики оленьих и буйволиных шкур должны были продавать их не голландским факторам и их агентам — местным купцам, а только государству. Одновременно был издан указ аналогичного содержания относительно торговли оловом в княжестве Лигор, где голландцы пользовались фактически монополией на торговлю этим металлом [101, 1663, с. 656]. Была установлена также государственная монополия на торговлю рисом, деревом, кокосовым маслом, бензоином и другими товарами.

Сложилась своеобразная ситуация. Голландцы формально сохранили свою монополию, но вынуждены были теперь иметь дело с одним мощным продавцом, потеряв, таким образом, возможность диктовать свои цены. Тогда голландская Компания решила применить бойкот. «Год-два со шкурами можно будет подождать, сами они их все равно не вывезут», — доносил Энох Поолвут, сменивший в январе 1663 г. ван Рейка на посту главы аютийской фактории [101, 1663, с. 174]. Поолвут, однако, ошибался. Сиамскому правительству удалось быстро снарядить 12 джонок, укомплектованных китайскими командами. Эти суда, груженные кожей и другими товарами, были направлены в Китай и Японию. Теперь голландцы обеспокоились не на шутку. В мае 1663 г. Совет Батавии принял решение начать войну против Сиама осенью, когда джонки, посланные королем Нараем, будут возвращаться после продажи кож с деньгами и дальневосточными грузами. Захват этих кораблей нанес бы тяжелейший удар внешней торговле Сиама. Тем временем главе фактории в Аюттии Эноху Поолвуту был послан секретный приказ подготовить факторию к эвакуации.

29 сентября 1663 г. у отмели, преграждающей вход в устье Менама, бросили якорь три голландских военных судна, которые должны были поступить в распоряжение Поолвута. Поолвут тайно переправил имущество и персонал фактории на суда и приступил к военным действиям. Первая же джонка, которую он встретил на пути, была им без всяких объяснений пущена ко дну. Команду, не ожидавшую нападения со стороны «союзника» Сиама и поэтому не сопротивлявшуюся, голландцы сбросили в воду, а товары перегрузили на свои суда. В то время как эскадра Поолвута поджидала возвращения сиамских джонок в Сиамском заливе, другая эскадра должна была перерезать пути между Сиамом и Японией в районе Тайваня. Третья эскадра крейсировала в это время в Бенгальском заливе, охотясь на сиамские суда, идущие в Индию.

На Яве голландцы принудили местных владетелей закрыть свои порты для купцов, торгующих с Сиамом. Королевству Аче, придерживавшемуся традиционно дружественной политики в отношении Сиама, голландцы объявили войну и блокировали его берега. Изолированный от своих союзников, утративший большую часть своего торгового флота и потерявший надежду на помощь Англии Сиам вскоре вынужден был капитулировать [46, с. 97].

22 августа 1664 г. был подписан мирный договор — первый в истории Сиама неравноправный договор с европейской страной [прил., док. 56].

В этом договоре, состоявшем из восемнадцати пунктов, Объединенная Ост-Индская компания принимала на себя, в сущности, только два обязательства — не вредить судам, управляемым сиамцами, «при условии, что они не идут в страну, с которой Компания находится в состоянии войны» (ст. 15), и не вести военных действий против

своих врагов на территории Сиама (ст. 17). Кроме того, Компания обещала выплатить некоторую компенсацию за захваченные и потопленные сиамские суда (ст. 9—10). Подавляющее же большинство пунктов договора представляет собою односторонние и очень существенные уступки со стороны Сиама.

Пункт второй договора предоставляет голландской Компании «право торговли без помех всеми товарами, которые имеются в данном месте». Этот пункт дополняется правом торговли «с любым лицом по своему выбору» (ст. 3). Эти пункты наносили тяжелый удар по установленной в Сиаме государственной монополии на внешнюю торговлю важнейшими видами товаров, которая являлась одним из существеннейших источников доходов короля.

Пункт шестой договора предоставлял голландской Компании навечно монополию на экспорт оленьих и буйволиных шкур. Компания соглашалась переуступить королю 7—10 тыс. шкур «при условии, что их добыча будет на обычном или будет выше обычного уровня» (ст. 11).

Пункт пятый запрещал нанимать на суда матросов китайцев, японцев или вьетнамцев (именно эти люди составляли основной контингент сиамских экипажей). Голландцы позаботились также о том, чтобы установить контроль над внешними сношениями Сиама. Посольство в Китай, например, они обязуются пропустить лишь при условии, что в нем будет состоять не более двух китайцев переводчиков, и притом если сама Компания будет находиться в это время в дружбе с китайским императором (ст. 12).

В следующем пункте это же условие ставится в более общей форме: «Джонки или суда Его Величества (короля Сиама. - Э. Б.) и его подданных имеют право плавать в Макао, Манилу, Кантон или другие места, пока Компания состоит в дружбе и союзе с этими странами». Более того, даже в этом случае сиамские суда должны получать пропуска от голландской Компании (ст. 13). В то же время договор предоставлял свободный доступ в сиамские порты всем союзникам Голландии (ст. 14).

Очень важной уступкой, вырванной у Сиама, было право экстерриториальности для всех голландских подданных, какие бы преступления они ни совершили. Статья 8 договора гласила: «В случае... если кто-нибудь из служащих Компании совершит серьезное преступление в Сиаме, король и судьи (Сиама) не имеют права судить его, но он должен быть передан главе Компании в Сиаме, чтобы быть наказанным согласно нидерландским законам, а если случится, что упомянутый начальник окажется соучастником в тяжелом преступлении, Его Величество имеет право держать их обоих под домашним арестом, пока не известит о происшедшем генерал-губернатора (голландской Ост-Индской компании.— Э. Б.)».

В то же время договор обязывал сиамское правительство наказывать и наказывать в дальнейшем всех лиц, наносящих ущерб Компании (ст. 1), а должников Компании «держат в строгом заключении, пока Компания не получит причитающееся, а в случае, если Компания не сможет обеспечить оплату своих... требований таким образом... выдать упомянутых должников Компании».

Наконец, договор запрещал на вечные времена «повышать экспортные и импортные пошлины, выплачиваемые Компанией» (ст. 4).

Последняя статья, восемнадцатая, торжественно объявляла, что «вышеуказанные пункты (соглашения.— Э. Б.) должны соблюдаться не только нынешним королем Сиама и нынешним генерал-губернатором И. Метсёйкером и Советом Индии, но и их наследниками на вечные времена».

Вскоре после подписания договора (между 1664 и 1666 г.) голландцам удалось вырвать у Нарая еще одну, важнейшую уступку — право беспошлинной торговли на всей территории Сиама. В то же время сами голландцы, несмотря на протесты Нарая, продолжали взимать высокие пошлины с сиамских кораблей, заходивших в принадлежащие голландцам порты [101, 1666—1667, с. 201].

Несмотря на заключение мира в 1664 г., отношения между Сиамом и голландской Компанией продолжали оставаться напряженными. Голландские корабли по-прежнему нападали на сиамские суда в открытом море. Так, в начале 1666 г. они обстреляли и захватили близ Коломбо сиамское торговое судно под тем предлогом, что оно без разрешения голландцев перевозило груз корицы и меди. Капитана судна голландцы увезли в свою факторию в Баласоре (Бенгал). В 1667 г. аналогичный случай произошел с сиамским судном, шедшим в Китай. Хотя в обоих случаях суда и конфискованные товары (частично или полностью) были возвращены сиамцам, данные торговые рейсы, разумеется, уже были сорваны [101, 1666—1667, с. 201, 335].

В 1672 г. голландцы захватили сиамское судно с ценным грузом, шедшее из Бомбея в Бангкок. Не желая возвращать богатую добычу, голландские власти дали указание прекратить отправку товаров в Сиам и подготовить аюттийскую факторию к эвакуации [46, с. 110; 216, т. II, с. 103]. Но до войны дело не дошло. Король Нарай, чувствуя свою слабость, не принял вызова. В то же время он напряженно продолжал искать союзников в борьбе с голландской агрессией, рассчитывая получить помощь от Англии и Франции.

Камбоджа в третьей четверти XVII в.

После поражения голландской эскадры в 1644 г. руководство Ост-Индской компании несколько раз рассматривало новые проекты вторжения в Камбоджу. Однако, приняв во внимание опасности плаванья по Меконгу с его капризным фарватером и постоянный риск быть отрезанными, как и во время первого вторжения, от моря, Совет Батавии отказался от этих планов. Вместо этого было решено подвергнуть Камбоджу морской блокаде и захватывать все идущие туда или оттуда суда. Блокада причинила значительный вред камбоджийской внешней торговле, но и голландская Компания терпела убытки, лишившись продуктов камбоджийского рынка. Из Камбоджи вывозились дешевый рис, олени и буйволиные шкуры, масло, свинина, шелк-сырец, слоновая кость, сапан, мускус, бензоин, воск, лак и др. [54, с. 58]. Наконец, в камбоджийских портах можно было приобрести все продукты, производившиеся в Лаосе, не имеющем выхода к морю. В середине 50-х годов Совет семнадцати в Голландии направил в Батавию инструкцию начать мирные переговоры с Чан-Ибрагимом, поскольку нормальная торговля с Камбоджей сулила гораздо больше доходов, чем дорогостоящая охота за камбоджийскими судами [242, с. 384].

К этому времени позиции Голландии в Юго-Восточной Азии значительно укрепились, а позиции Чан-Ибрагима — ослабли. Планы создания широкой мусульманской коалиции против европейской агрессии так и не осуществились. Государства Индонезии и Малайи продолжали действовать сепаратно, зачастую при этом вступая в борьбу между собой. Оказавшийся в изоляции Чан-Ибрагим вынужден был направить в Батавию своих послов, которые 8 июля 1656 г. подписали там договор, содержащий весьма значительные уступки голландской Компании [прил., док. 24].

По этому договору король Камбоджи обязан был уплатить Компании 25499 реалов «в возмещение ущерба, который Компания потерпела в Камбодже». Далее голландской Компании предоставлялась монополия сроком на 25 лет на торговлю всеми товарами, вывозимыми в Японию (а экспорт оленьих и буйволиных шкур в Японию составлял основную доходную статью камбоджийской внешней торговли). Статья 5 договора гласила: «Отныне и впредь всем европейцам, кроме служащих Компании, запрещается торговать в Камбодже без каких бы то ни было исключений». Договор также накладывал запрет на сношения с Макасаром (в те годы основным врагом голландской Компании) и на плаванья камбоджийцев на острова Пряностей. Для плаванья же во все другие места камбоджийские корабли обязаны были получать пропуск у голландского резидента в Удонге. Статья 10 договора предоставляла голландцам в Камбодже право

экстерриториальности. Любые преступления голландцев в Камбодже отныне были подсудны только голландскому суду.

В конце 1656 г. Чан-Ибрагим ратифицировал этот договор с двумя оговорками. Утвердив 25-летнюю монополию голландской Ост-Индской компании на торговлю с Японией, он резервировал свое право в отдельные годы посылать свои личные корабли со шкурами в эту страну. «В таком случае Компания получит только половину шкур, но, если этого не случится, она получит все шкуры целиком». Далее он решительно отверг статью 5 договора. «Что касается просьбы Его Превосходительства господина генерал-губернатора, — писал Чан-Ибрагим И. Метсёйкеру, — чтобы одни голландцы из всех христиан имели право свободно торговать в моем королевстве, то я эту просьбу считаю чрезмерной. Другие христианские народы не сделали мне ничего плохого, и нет никакой причины устанавливать такой запрет» [прил., док. 29].

У Чан-Ибрагима были особые причины резко возражать против статьи 5 договора. Дело в том, что в 1651 г. в Камбодже вновь открылась английская фактория (эвакуированная в 1623 г., когда англичане свернули свою торговлю в Индокитае) [54, с. 36]. Зная о враждебных отношениях Англии и Голландии, камбоджийский король рассчитывал опереться на англичан в своем противостоянии голландской Компании. Уже в марте 1653 г. посольство Чан-Ибрагима посетило Бантам, где в то время находился главный центр английской Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии. В августе 1653 г. в Камбоджу прибыло ответное посольство английской Компании. В том же месяце в Ловек прибыло французское судно, и завязались первые торговые сношения между Камбоджей и Францией. Но ни англичане, ни французы не спешили оказывать Чан-Ибрагиму военную помощь. После подписания камбоджийско-голландского договора их торговля в Камбодже сошла на нет [54, с. 51]. Надежда заручиться европейскими союзниками, так же как ранее — союзниками мусульманскими, не оправдалась. Между тем внутри страны положение становилось все более напряженным. Подписание неравноправного договора с Голландией, ударившее по карману не только местных купцов, но и многих феодалов, активно участвовавших в торговле, несомненно, сильно подорвало авторитет Чан-Ибрагима. Именно теперь в феодальных кругах вспомнили о том, что на троне сидит вероотступник, и вынырнувшие из политического небытия сыновья Преах Утея — Анг Сур и Анг Тан начали агитацию за восстановление буддийской монархии. О сложности ситуации, сложившейся в 1656—1657 гг., свидетельствуют три письма Чан-Ибрагима и его министра орангкайя Тьян Понья к голландским представителям с настойчивой просьбой продать порох и селитру [прил., док. 30—32]. Эти письма, однако, остались без ответа. Голландцы не были заинтересованы в сохранении сильной власти в Камбодже.

25 января 1658 г. Анг Сур, Анг Тан и их сторонники подняли открытый мятеж. Несмотря на горячую поддержку буддийского духовенства, мятежникам, однако, не удалось свалить Чан-Ибрагима одним ударом. Число сторонников короля было еще весьма значительным. Даже родной брат мятежных принцев Анг Им остался верен королю, и тот назначил его командиром авангардного корпуса⁴⁷. После нескольких сражений мятежники были оттеснены на восточную окраину Камбоджи. Дело их, казалось, было проиграно. Тогда они решили обратиться за помощью к Южному Вьетнаму. В этом им помогла вдова Чей Четты II королева-вьетнамка Анг Чув⁴⁸. Благодаря ее посредничеству южновьетнамский правитель Хиен Выонг в октябре 1658 г. направил в Камбоджу войско под командованием губернатора пров. Чанбиен, которого камбоджийские хроники называют Ун Пиен Дхур [84, с. 192—194; 191, с. 116].

В конце 1658 г. в сражении на Меконге вьетнамцы нанесли поражение флоту Чан-Ибрагима. Вьетнамские боевые суда окружили королевский корабль, и Чан-Ибрагим

⁴⁷ Он сражался за Чан-Ибрагима до конца и пропал без вести (видимо, утонул) в последней битве.

⁴⁸ Некоторые источники [191, с. 116] утверждают, что она была матерью Чан-Ибрагима но более вероятно, что он был сыном другой жены Чей Четты П.

попал в плен. Его посадили в железную клетку и увезли во Вьетнам. После этого победители двинулись на Удонг. Из источников неясно, продолжали ли борьбу сторонники плененного короля. Южновьетнамские войска, однако, подвергли столицу Камбоджи страшному разграблению. Ун Пиен Дхур захватил и вывез во Вьетнам всю королевскую сокровищницу. Сильно пострадало и население города, в том числе иностранная купеческая колония. Среди прочих были сожжены и разграблены голландская и английская фактории, а их персонал бежал в Сиам⁴⁹ [84, с. 195—196; 242, с. 385].

Анг Сур, взошедший в этой обстановке на трон под именем Баром Реатеа (1659—1672), не мог игнорировать негодование, охватившее страну, когда стало известно о разгроме Удонга и других насилиях, творившихся интервентами. Согласно летописи, он собрал Совет знати («министров, мандаринов и военных командиров») и обвинил вьетнамского командующего в вероломстве: «Теперь он изменился и стал нашим врагом, — сказал король. — Можем ли мы молчать, если вьетнамцы хотят захватить нашу страну и сделать ее своим вассалом». Вельможи, мандарины и командиры армии простерлись ниц перед королем и ответили: «Мы отказываемся подчиниться вьетнамцам. Если мы подчинимся им, мы потеряем честь в глазах других народов. Мы все требуем, чтобы вы вели войну всеми силами» [84, с. 198].

Таким образом, Анг Сур, сам призвавший интервентов, теперь стал вождем освободительной войны. В битве при монастыре Сбенг близ столицы войско Ун Пиен Дхура было разбито. Остатки его погрузились на суда и вернулись в Южный Вьетнам. Хиен Выонг, однако, не оставил планов покорения Камбоджи. Он приказал выпустить Чан-Ибрагима из железной клетки, обласкал его и, приняв от него вассальную присягу, отправил в Камбоджу. Шедшая в это время война с Северным Вьетнамом не позволила Хиен Выонгу снова выделить для похода в Камбоджу значительные силы. Поэтому, когда в пути на родину Чан-Ибрагим заболел и умер, экспедиционный корпус вернулся обратно. На этот раз Камбоджа избежала новой гражданской войны. У Чан-Ибрагима не осталось наследников, и ветвь потомков Чей Четты II пресеклась. Дальнейшая борьба за трон, разразившаяся в 70-х годах XVII в., происходила уже среди потомков Преах Утея [84, с. 199—200; 191, с. 116].

Стремясь усилить огневую мощь своей армии, Анг Сур, так же как и Чан-Ибрагим в последние годы своего правления, стал искать сближения с Голландией. В 1660—1661 гг., когда правитель Матарамы Амангурат I закрыл для голландцев порты своего государства, Анг Сур продал голландской Компании большое количество риса по низким ценам и этим помог раз решить продовольственную проблему Батавии и Малакки. Руководство Компании в эти годы, однако, уже не устраивали лишь доходы от равноправной торговли. Сразу же после победоносной войны с Сиамом в 1664 г., в результате которой король Нарай был вынужден подписать с голландской Компанией кабальный договор [прил., док. 56], в Удонг прибыли голландские послы Ян де Мейер и Питер Кеттинг, потребовавшие подписания нового договора, который подтверждал бы и расширял привилегии, полученные Компанией в 1656 г. 1 февраля 1665 г. Анг Сур подписал с голландскими послами «Возобновленный договор о мире, дружбе и торговле» [прил., док. 61].

Этот документ интересен тем, что не просто фиксирует достигнутую договоренность, а является как бы стенограммой диалога, который камбоджийский король вел с голландскими послами. Так, в первой части статьи 2 излагается требование

⁴⁹ Южновьетнамский командующий по этому поводу счел даже нужным направить генерал-губернатору И. Метсёйкеру письмо, в котором снимал с себя ответственность за происшедшее. «В прошлый муссон, — писал он, — по приказу короля Кохинхины (Южного Вьетнама. — Э. Б.) я пришел в Камбоджу с войной и милостью Бога без особых трудностей покорил эту страну. При этом какие-то люди разграбили товары голландских купцов. Я не был в состоянии провести расследование, найти и наказать виновных. А теперь, когда эти люди (голландцы. — Э. Б.) покинули страну, я сообщаю о происшедшем в этом письме» [прил., док. 37].

голландцев вернуть долги прежнего короля (Чан-Ибрагима), а также уплатить огромную сумму, которую Компания якобы «потеряла в этом королевстве во время опустошения, учиненного кохинхинцами».

Во второй части этой статьи содержится ответ Анг Сура: «Компания просит, чтобы я заплатил некие 8330 таэлей 5 маасов, которые бывший король остался должен Компании. На это я говорю, что не обязан платить упомянутую сумму, потому что, когда я вступил во владение этим королевством, в нем не осталось ничего, кроме голой земли, по причине разорения от кохинхинцев, которые разграбили страну так, что ничего не осталось, ни кожи, ни волоса. Если бы я, приняв страну во владение, нашел бы королевство таким же цветущим, каким его оставили мой дед и отец, с изобилием королевских сокровищ моих предков, тогда я мог бы подумать, что обязан уплатить (этот долг.— Э. Б.). Кроме того, наши военные бедствия коснулись (иностранцев.— Э. Б.) всех наций, которые проживали в Камбодже, когда королевство попало в когти кохинхинских разбойников. И как известно, все они пострадали в полной мере. Тем не менее никто из них не потребовал возмещения за свои убытки. И в силу всего этого я считаю, что господа из Батавии должны проявить благоразумие и больше не говорить со мной о 64 000 таэлей, которые, как утверждает нидерландская Компания, были потеряны во время вторжения кохинхинцев. Потери из-за войны случались и в других странах, например в Китае, Японии, Лаосе, Сиаме, Тонкине и Кохинхине, но нигде не слышано, чтобы правитель страны обязан был возмещать убытки иностранцев».

Подобные диалоги иногда с положительным, иногда с негативным исходом зафиксированы во всех статьях договора. В статье 6 король решительно отверг требование голландцев изгнать из Камбоджи всех прочих европейцев, в статье 5 отвел, как абсурдное, притязание голландцев на монопольную торговлю с лаосцами. «Относительно лаосских товаров я скажу так,— заявляет Анг Сур.— Я не могу принудить лаосцев потому, что они иностранцы. Они вольны их (свои товары.— Э. Б.) продавать и начальнику голландской фактории, и китайцам, и камбоджийцам, и всякому, кто больше заплатит». В статье 8 на требование прервать всякие сношения с Макасаром он с достоинством отвечает: «Из моего королевства всегда плавали в Макасар, а оттуда сюда ради торговли. Так же поступают и все соседние королевства, которые хотят дружбы со мной и моим королевством». В статье 9 в ответ на аналогичное требование в отношении Китая, с которым Голландия вела войну, подкрепленное угрозой захватывать все суда, плывущие на север от Камбоджи, Анг Сур отвечает: «Такое невозможно. С древних времен до нынешнего времени китайцы не переставали посещать это королевство и торговать здесь. И если Компания начала войну, это не делает ей чести. Пусть Его Превосходительство и господа Совета (Индии.— Э. Б.) предупредят своих капитанов... что они не должны захватывать никаких судов по эту сторону мыса Синкотьягас (близ Сайгона.— Э. Б.) и островов Пуло Кондор и Пуло Уби, потому что там проходят границы моего государства. И если они нарушат (это условие.— Э. Б.), я буду считать, что Компания не уважает ни мою дружбу, ни дружбу моего королевства, ибо с древних времен до нынешнего времени мои владения простираются до этих границ». Голландские послы тут же внесли в протокол переговоров свою точку зрения: «Относительно пункта, где Его Величество говорит, что суда Компании не должны захватывать никаких судов, ни бороться с нашими врагами в пределах указанных границ (Синкотьягас, Пуло Кондор и Пуло Уби), мы, Ян де Мейер и Питер Кеттинг, заявляем, что мы эти границы не можем признать и не перестанем захватывать призы (корабли с грузами.— Э. Б.) всюду, за исключением устья реки (Меконг.— Э. Б.)».

В то же время Анг Сур подтвердил право голландцев на экстерриториальность, продлил их монополию на торговлю с Японией на 20 лет и согласился без возражений с рядом других, менее одиозных требований.

Голландцы не были удовлетворены этим половинчатым, с их точки зрения, договором. Питер Кеттинг, ставший руководителем фактории голландской Компании в

Камбодже, пытался явочным порядком установить голландскую монополию, прибегая к прямому насилию в отношении своих торговых конкурентов. В ответ на это в ночь на 9 июля 1667 г. местные китайцы разгромили голландскую факторию и убили Питера Кеттин-га. По этому поводу Анг Сур направил И. Метсёйкеру письмо с сообщением о том, что хотя виновные в нападении осуждены и казнены, их преступление было спровоцировано голландцами. Трое голландцев, привлеченных как свидетели, «ответили, что так и было, как сказали китайцы, голландцы первые хотели их убить» [прил., док. 77].

Генерал-губернатор в Батавии провел свое расследование (со слов тех же трех голландцев, высланных из Камбоджи) и, естественно, признал голландцев невиновными. Это послужило поводом для нового обмена письмами [прил., док. 82]. Голландская фактория в Ловеке так и не была восстановлена, но Батавия продолжала вести торговлю с Камбоджей через посредство врейбюргеров — голландцев, не состоящих на службе Компании [242, с. 386].

В правление Анг Сура в Камбодже впервые появились представители будущих колониальных завоевателей страны — миссионеры из французского Общества иностранных миссий. Впрочем, деятельность их в эти годы носила чисто рекогносцировочный характер. Коренное население страны — кхмеры и XVII в., как и в последующие столетия, относились совершенно безучастно к христианской пропаганде. Все усилия французских миссионеров завершились лишь образованием в 1666 г. небольшой христианской общины в Понхеалу, состоявшей исключительно из португальцев, китайцев и вьетнамцев под руководством отца Луи Шеврейля. Да и тот вскоре был схвачен местными португальцами и отправлен в тюрьму инквизиции в Гоа, как нежелательный конкурент [11, с. 79].

Внутреннее положение Камбоджи при Анг Суре, после подавления в 1660 г. мятежа тямов, малайцев и яванцев, сторонников свергнутого короля, стабилизировалось. Страна постепенно стала оправляться от потрясений, связанных с южновьетнамской интервенцией. Но это затишье было недолгим. В начале 70-х годов Камбоджу снова стали раздирать гражданские войны.

Вьетнам в третьей четверти XVII в.

Весной 1655 г. после семилетнего перерыва возобновилась война Чиней и Нгуенов. Она, как обычно, началась вторжением войск Чинь Чанга в пров. Южный Ботиинь. Но южновьетнамские войска под командованием Нгуен Хыу Тиена и уже упоминавшегося неоднократно Нгуен Хыу Зата быстро перешли в контрнаступление и нанесли решительное поражение войскам Чиней. По мере продвижения войск Нгуенов на север местное население встречало их как освободителей. Крестьяне северных провинций надеялись, что приход Нгуенов освободит их от тяжелого налогового гнета, от которого они страдали при Чинях. На сторону южан стали переходить и отдельные местные феодалы. Так, летом 1655 г. губернатор пров. Северный Ботинь Фам Тат Тоан капитулировал и официально передал свою провинцию под власть Хиен Вьонга. В сентябре южновьетнамские войска оккупировали семь уездов в южной части пров. Нгеан. Северовьетнамский командующий Чинь Дао укрылся в крепости Анчюнг за рекой Ламзянь [75, с. 168—179; 191, с. 21].

Нгуен Хыу Зат настаивал на дальнейшем наступлении в глубь северных районов, но старший по званию Нгуен Хыу Тиен, которого поддержал Хиен Вьонг, предпочел занять выжидательную позицию. Тем временем южновьетнамские агенты распространяли в деревнях Севера афиши и листовки с призывом переходить на сторону Нгуенов. Известную роль в расчетах правительства Нгуенов играло и христианское меньшинство, составлявшее довольно значительную часть населения Нгеана и Ботиня. Христианам была обещана полная свобода вероисповедания [11, с. 77; 75, с. 174].

В то же время разведка, которой руководил Нгуен Хыу Зат, пыталась организовать восстания в глубоком тылу Чиней. В летописи «Дайнам Тхык-люк» говорится: «Нгуен Хыу Зат, желая... разделить армии Чиней, немедленно приказал Ван Тыонгу и Хоанг Шиню тайно отправить письма во все чаны (районы.— Э. Б.) Бак-ха (Севера.— Э. Б.), чтобы переманить на свою сторону выдающихся людей, установить конечный срок для восстания. В Каобанге — Мак Кинь Хоан, в Хайзыонге — Фан, в Шонтае—Фам Хыу Ле — все они повиновались приказу и сказали: „Если армия тюа (Хиен Выонга.— Э. Б.) перейдет реку Лам, то начнем военные действия в поддержку, в Хайзыонге — не будем платить подати и налоги, чтобы кончились продукты питания, в Каобанге — займем Доантхань, чтобы разделить их силы, в Шонтае — обязываемся выступить изнутри, чтобы захватить город"» [20, с. 6—7].

В последующие годы Хиен Выонг, однако, так и не решился на наступление в глубь Северного Вьетнама. Арена военных действий ограничилась пограничными провинциями, где южновьетнамские войска одержали в 1656—1657 гг. ряд внушительных побед, но обладавшие большим военным потенциалом Чини продолжали присылать сюда все новые армии. Между тем южновьетнамские войска грабили и разоряли население вновь завоеванных провинций не меньше, чем их противники, что положило начало охлаждению северовьетнамского населения к Нгуенам. Когда же в 1658 г. Хиен Выонг провел перепись в новых провинциях и обложил крестьян налогом не меньшим, чем раньше, недовольство усилилось. Даже то, что Хиен Выонг набрал чиновников в новых провинциях исключительно из местных грамотеев, не помогло делу. Крестьяне, набранные в армию в новых провинциях, стали массами дезертировать, и южновьетнамские войска начали терпеть поражения.

В то же время новый правитель Северного Вьетнама Чинь Так (1657—1682) укрепил свое положение, издав в июне 1658 г. указ, предлагавший богатым крестьянам сдавать государству рис в обмен на титулы и почетные звания. Проблема снабжения армии Чиней была таким образом решена. В 1659 г. было покончено и с внутренней оппозицией. Вожди заговоров, готовые поддержать вторжение Нгуенов, были арестованы и казнены. 20 декабря 1660 г. южновьетнамцы потерпели решительное поражение при деревне Фулыу и в начале 1661 г. отступили за стену Донгхой. Все завоевания Нгуенов были потеряны. Войска Чинь Така, однако, также были истощены войной, и в апреле 1661 г. он вернулся в Тханглонг. В войнах Чиней и Нгуенов наступила новая пауза продолжительностью 11 лет [75, с. 188—210; 191, с. 22].

Обе стороны использовали новую передышку для консолидации своей власти. В этот момент важную роль во внутренней политике как Чиней, так и Нгуенов стали играть отношения с христианским меньшинством. В конце 40-х — 50-х годах распространение христианства во Вьетнаме, в особенности на Севере, достигло апогея. В Северном Вьетнаме в этот период, по-видимому, в одном и том же направлении действовали несколько разнородных сил: недовольство крестьян, сепаратистские устремления феодалов, давление иноземных держав и, наконец, тайные интриги династии Ле, стремившейся избавиться от опеки Чиней и вернуть себе былую власть, хотя бы опираясь на португальскую поддержку. Все эти разнородные факторы способствовали быстрому росту христианства, но уже в силу самой своей разнородности не могли сделать христианское население страны политически единым. К тому же с 60-х годов христианские общины во Вьетнаме раскололись из-за жестокого соперничества между иезуитами, опиравшимися на Португалию, и представителями Общества иностранных миссий, созданного во Франции⁵⁰.

Между тем силы, выступавшие против христианства, единством своих целей выгодно отличались от сил, его поддерживавших. Антихристианскую позицию заняли те слои населения, интересам которых соответствовало единство страны и централизация

⁵⁰ В этой борьбе иезуиты не останавливались даже перед физическим уничтожением конкурентов, а французские миссионеры мало в чем отставали от них [11, с. 72, 75, 79].

управления ею, ограничение произвола местных феодалов, предотвращение иностранного засилья. Во главе этого лагеря стояла династия Чиней.

Уже в июне 1658 г. Чинь Так выслал из страны всех католических миссионеров, кроме двух, которым было запрещено покидать столицу [79, т. I, с. 203—204]. Миссионеры ушли в подполье, но их влияние на массы стало падать. В особенности оно было подорвано после событий 1668 г., когда в Северном Вьетнаме разразилось крестьянское восстание под христианскими лозунгами. Во главе восстания стояли два брата, выходцы из народных низов,— Нан Канг (в крещении получивший имя Лин) и Антуан (его вьетнамское имя неизвестно). Старший брат, Нан Канг, с детства был слугой иезуита Мари-ни. Младший, Антуан, возможно при материальной поддержке христианской общины, получил медицинское образование и прославился как искусный врач. В склоки между сторонниками иезуитов и представителями Общества иностранных миссий они не вмешивались. По-видимому, они разочаровались как в португальских, так и во французских миссионерах и не посвящали их в свои планы [166, с. 47].

План восстания, разработанный ими, был типичен для большинства крестьянских антифеодальных восстаний: оно должно было носить форму религиозного (в данном случае — христианского) движения, во главе его должен был встать самозванный монарх. В ходе подготовки восстания Лин и Антуан, однако, не ограничивались агитацией только в среде христиан. Им удалось привлечь к себе значительное число иноверцев — крестьян-буддистов, для которых антифеодальная сущность заговора Лина и Антуана была важнее его христианской оболочки. Восстание вспыхнуло весной 1668 г. в Восточной провинции и на первых порах, видимо, имело некоторый успех. Начались волнения и в других районах. Явно подражая методам Лина и Антуана, некая христианка Елизавета объявила себя королевой и начала собирать войска на Севере Вьетнама. Однако повстанцы не имели военного опыта. Поэтому они были быстро разбиты выступившим им навстречу отрядом местного феодала. Сражение было, по-видимому, очень ожесточенным. Из семи вождей восстания четверо пали на поле боя [166, с. 48, 69].

К июню 1668 г. восстание было повсеместно подавлено. Начались массовые казни. Только за один день в Тханглонге было казнено 18 руководителей повстанцев, в том числе Лин. Рядовым участникам отрезали нос и губы. Миссионеры не только не поддержали это восстание, но заняли по отношению к нему резко враждебную позицию. Едва узнав, что «мятежники» выступили против «законных властей» под знаменем с крестом, представитель Общества иностранных миссий Дейдье обратился с посланием к своей пастве. «Катехисты,— писал он,— должны отказать этим мятежникам в праве быть христианами и сказать открыто, что они дети дьявола и враги бога, потому что они восстали против своего короля» [166, с. 47]. Не дожидаясь никаких указаний правительства, Дейдье по собственной инициативе запретил всякие богослужения, собрания и сходки христиан, чтобы повстанцы не могли использовать их в своих целях. Это ускорило отход крестьян от миссионеров. В последующих крестьянских восстаниях христианские лозунги уже не звучат. Чинь Так также принял во внимание позицию Дейдье. Хотя в 1669 г. он издал серию указов, запрещающих христианские сходки, хранение христианской литературы и предметов культа, никаких серьезных репрессий против христиан за этим не последовало [11, с. 70—71].

Иначе обстояло дело в Южном Вьетнаме. Здесь христиан было примерно в четыре раза меньше, чем на Севере, хотя, исходя только из внешнеполитической обстановки, можно было предположить преобладание христианского населения как раз на Юге: ведь в своих многолетних войнах с Чинями владельцы Южного Вьетнама обычно пользовались военной помощью католической Португалии. «Еретики» же голландцы, напротив, выступали на стороне Чиней. Однако на деле все было не так просто.

Поддерживая союзные отношения с Португалией, Нгуены гораздо решительней боролись с проникновением христианства, чем Чины. В то время как в Северном Вьетнаме на протяжении всего XVII века христианской церкви не удалось обзавестись ни

одним «мучеником», в Южном Вьетнаме за это же время было казнено несколько десятков христианских пропагандистов. В Южном Вьетнаме социальные противоречия в XVII в. не достигли еще такой остроты, как на Севере, и христианство, видимо, мало затронуло крестьян. Поэтому правительство Нгу-енов могло гораздо решительнее вести борьбу с иноземной религией, которая не нашла опоры в крестьянских массах, а распространилась в основном в городах и среди небольшой части феодалов. После поражения 1661 г., в котором немалую роль сыграло вероломство португальцев, долго не присылавших Хиен Вьонгу обещанных пушек, хотя он заплатил за них вперед, гонения на христиан особенно усилились. В 1665 г. всем христианам в Южном Вьетнаме под страхом конфискации имущества было вменено в обязанность регулярно попираť ногами распятие. Изображение Христа расценивалось вьетнамскими властями как символический портрет португальского короля. Следовательно, «осквернение распятия» прежде всего должно было означать отказ христиан от вассальной верности иноземному государю⁵¹.

Итоги антихристианской (точнее — антиевропейской) кампании Хиен Вьонга были плачевны для миссионеров. Большинство богатых японских торговцев предпочло расстаться с христианской верой, чем со своими деньгами. Массовые отречения от христианства начались и среди вьетнамцев. Прибывший в это время в Южный Вьетнам представитель Общества иностранных миссий Луи Шеврейль мог только констатировать почти полный распад христианской общины [79, т. I, с. 180; 246, с. 33—34].

60-е годы XVII в. отмечены укреплением центральной власти в обеих частях Вьетнама. Так, в 1667 г. Чини покончили с двоевластием в Северном Вьетнаме. Было завоевано княжество Каобанг, которое с 1592 г. удерживали Маки. Последний правитель из династии Маков — Мак Кинь Хоанг бежал в Китай. В 1669 г. китайское правительство принудило Чиней вернуть Мак Кинь Хоангу его владение, но в 1677 г. Каобанг был окончательно воссоединен с Северным Вьетнамом [14, с. 242—251].

В 1664—1666 гг. в Северном Вьетнаме были проведены важные налоговые реформы, целью которых была стабилизация положения в деревне¹. Если раньше перепись земель и податных душ производилась регулярно каждые 3—6 лет и соответственно устанавливались налоги и повинности, то теперь после последней переписи все налоги и повинности каждого хозяйства были зафиксированы навсегда. Эта мера стимулировала расширение крестьянского производства, так как крестьяне на будущее получили свободу от дополнительных поборов с вновь освоенных или улучшенных земель. Однако на деле такое расширение хозяйства было доступно только зажиточным крестьянам, что ускорило процесс расслабления внутри общины [31, с. 35-39, с. 86].

С середины 50-х годов XVII в. короли из династии Ле и генерал-губернаторы Батавии регулярно, практически ежегодно, обменивались письмами, в которых помимо обязательного обмена любезностями разговор касался двух основных тем — торговых привилегий для голландской Ост-Индской компании и поставок голландцами пушек, ядер и сырья для пороха (серы, селитры) в Северный Вьетнам [прил., док. 26, 27, 35, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 70, 73, 74, 81, 85, 87, 89, 91, 92, 93].

Летом 1672 г. началась новая война, последняя из серии войн между Чинями и Нгуенами. Согласно вьетнамской летописи, в четвертый месяц второго года правления короля Ле Зя Тонга (май — июнь 1672 г.— Э. Б.) «Чинь Так отдал указ собрать людей из всех местностей общей численностью 180 тыс. человек, полностью привести в порядок оружие, порох и пули, купленные у западной страны Голландии, а также луки и стрелы всех видов» [27, с. 2].

Во главе армии встал сам Чинь Так, которого сопровождал 11-летний король Ле Зя Тонг. Опыт пропаганды среди населения, который вели в 1655—1660 гг.

⁵¹ Как писал французский миссионер Шеврейль: «Он (Хиен Вьонг.— Э. Б.) полагает, что наша святая вера есть лишь предлог, которым пользуются отцы (иезуиты.— Э. Б.), чтобы взбунтовать его подданных против него и отдать его страны во владение королю Португалии, когда число христиан здесь превысит число язычников» [246, с. 33].

южновьетнамские агенты, не прошел для Чинь Така даром. Теперь он, в свою очередь, обратился с прокламацией к населению провинций Тханьхоа и Куангнам, из которых состоял Южный Вьетнам. «Наказать преступников и спасти людей — вот долг твое и его армии,— говорилось в прокламации.— Две провинции и их население издавна являются людьми и землей мудрых святых предков нашей династии, а вовсе не частным имуществом, которым пользуется семейство Нгуенов... Кто мог подумать, что эти злодеи не смогут пробудиться от заблуждения, будут произносить высокомерные речи и препятствовать людям, которые привезли с собой высочайший указ. Есть ли такой, кто совершил преступление большее, чем их мятеж и непочтительность. Земля эта — земля вуа, народ — это народ вуа. Не знаю, как и назвать людей, которые исподтишка захватывают эту землю и, вопреки повелению, роют глубокие рвы, насыпают высокие валы. Они собирают тяжелые налоги, угнетая этим народ. Они заставляют вас брать трезубцы и копья и идти в бой, однако разве вы получите военные должности и титулы? Разве ваши ученые мужи, изучающие Шуцзин и Лицзин, будут разбиты на категории и получат заслуженную репутацию?»⁵² ... Таковы преступления (дома Нгуенов.— Э. Б.), разве можно бездействовать и не призвать за них к ответу. Так бедствует народ, разве можно оставаться спокойным и не спасти его... Скоро наши войска одержат полную победу и остановятся лишь после того, как ликвидируют всю вражескую банду. Если вы, солдаты и крестьяне двух местностей, сумеете отбросить зло и повернуться к разуму, последуете за милосердными людьми, отринув преступников, или повернете оружие и порубите преступников, как траву, или прибудете на военные посты и сдадитесь, то знатным людям из этого числа будут прощены ошибки и они получают награду, а простым людям сократят повинности, определенные счетными книгами преступников. Если это люди из других местностей (т. е. с Севера.— Э. Б.), которые либо бежали, чтобы уйти от наказания за преступления, либо послушались совращающих речей врага и укрылись здесь, но по приближении главных сил заблаговременно подчинились указу, то им также будут прощены ошибки и они будут соответствующим образом устроены. Если же вы безрассудно не сможете опомниться, то при пожаре сгорят не только булыжники, но и драгоценные камни» [27, с. 4—6].

Тяжеловесное красноречие Чинь Така, однако, не произвело никакого впечатления на южновьетнамцев. Еще меньше оно подействовало на северовьетнамских крестьян, бежавших на Юг. Оборона Нгуенов была подготовлена заблаговременно. Система оборонительных укреплений была усилена двумя новыми стенами — Чаннинь и Сафу. На стенах через каждые 20 м стояла пушка, через каждые 6 м — камнемёт. Население Южного Ботпия было эвакуировано в области к югу от стен. Чинь Таку пришлось наступать по обезлюдившей местности, в то время как его линии коммуникаций все больше растягивались. Опасаясь внезапных контрударов, которые южновьетнамцы так часто наносили в прошлом, он, в свою очередь, возвел напротив их укреплений стену протяженностью от моря до гор. Огромный северовьетнамский флот (из 800 кораблей) блокировал устья рек Сонгзянь и Ниутле, чтобы помешать флоту Нгуенов прорваться в тыл атакующих войск.

Только в декабре 1672 г., оградив себя от всяких неожиданностей, Чинь Так приступил к штурму стены Чаннинь. Северовьетнамские войска применили здесь «военную новинку». Как говорится в летописи, «люди Ле Тхой Хиена (генерала Чи-ней.— Э. Б.) приказали солдатам сделать бумажных воздушных змеев на веревках, чтобы использовать их как зажигательное оружие. Пользуясь благоприятным ветром, воздушных змеев запускали высоко в небо, и они по ветру пролетали над укреплением. Затем веревку обрывали и змеи падали вниз. Военные лагеря и бастионы сгорали, подожженные издали, сияние поднималось до неба... Огонь был свирепым и обжигал тела. Многие солдаты, гасившие пожар, погибли или получили ранения. Поскольку эти огненные воздушные змеи были пропитаны жиром выдры, то огонь невозможно было погасить, не

⁵² Присваивать чины и звания формально имел право только «законный» король из династии Ле.

используя белый песок. Широко применялись зажигательные снаряды, которыми заряжались быстростреляющие пушки... Кроме того, для обстрела южан было использовано секретное оружие, заряжавшееся снарядами „одна мать — пятеро детей“, звуки взрывов были подобны грому. Куда бы ни попали снаряды из этого оружия, они разрушали все предметы из меди и железа» [27, с. 7—8].

Был момент, когда стена Чаннинь, казалось, должна была пасть. Положение еще раз спас престарелый полководец Нгуен Хыу Зат. Оставив почти без гарнизона стену Сафу, обороной которой он командовал, полководец устремился на помощь защитникам Чанниня. Прибыв туда уже в темноте, он приказал своему немногочисленному войску зажечь факелы. Северовьетнамское командование решило, что к Чанниню подошло сильное подкрепление, и воздержалось от новых атак до утра. Между тем за ночь защитники Чанниня успели заложить образовавшуюся в стене 120-метровую брешь брусками, досками и корзинами с землей. Когда генералы Чинь Така разобрались в положении, гарнизон стены Сафу уже был пополнен подошедшими с юга резервами, и новые атаки против южновьетнамских укреплений оказались бесплодными. Однако нехватка провианта в армии Чинь Така становилась все более острой. В феврале 1673 г. Чинь Так и сопровождавший его король Ле Зя Тонг с частью войск вернулись в столицу, поручив ведение дальнейшей войны генералу Ле Тхой Хиену [27, с. 9; 75, с. 228—229]. Ле Тхой Хиен попытался еще нанести удар по укреплениям Нгуенов с тыла, высадив с юга от них морской десант. Но и эта попытка провалилась. Северовьетнамские войска вынуждены были очистить Южный Ботинь и отступить за реку Сонгзянь. Эта река и стала окончательной границей между владениями Чиней и Нгуенов. Стороны обменялись пленными, и между ними установился не оформленный официально мир [27, с. 9; 75, с. 230—231; 191, с. 24].

Глава IV

УПАДОК ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АГРЕССИИ

Государство Магарам и голландская Ост-Индская компания в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Восстание Трунаджайи, начавшееся в 1674 г. и сразу привлечшее к себе массы крестьян, насторожило крупных феодалов, которые в другом случае приветствовали бы мятеж против ставшего им ненавистным Амангкурата I. Наследник престола Адипати Аном, сам активный участник заговора, приведшего к этому восстанию, теперь отрекся от Трунаджайи и вскоре возглавил армию, направленную правительством против повстанцев. Другой участник заговора, Раден Каджораи, также не поспешил на соединение с Трунаджайей, а занял выжидательную позицию, удалившись в свои владения в области Паджанг. Ни один губернатор провинции не воспользовался сложившейся обстановкой даже для сепаратного мятежа — все они сплотились вокруг Амангкурата I [158, с. 283; 215, т. I, с. 161; 280, с. 93].

На помощь Трунаджайе, однако, пришли новые, неожиданные союзники. После разгрома в 1669 г. голландской Компанией Макасара его жители потеряли возможность заниматься морской торговлей, дававшей им средства к существованию. Они стали массами эмигрировать с Сулавеси и, рассеявшись по всему Индонезийскому архипелагу, предлагали свои услуги местным правителям в качестве военных наемников либо пускались на свой страх и риск в пиратские предприятия. В 1675г. на Восточную Яву с Сумбавы и из Бантама стали прибывать многочисленные отряды макасарцев, не ужившиеся ни с бан-тамским султаном, ни с сумбавскими князьями. Избранный ими

предводитель Краенг Галесунг вступил с Трунаджайей в союз. Усиленная опытными макасарскими воинами мадурско-яванская армия Трунаджайи в 1675 г. смогла выйти из внутренних районов и приступить к захвату богатых городов Северного побережья Восточной Явы. В короткий срок все главные портовые центры от Паджаранана на крайнем востоке Явы до Сурабаи и Гресика были разграблены и сожжены [135, т. II, 70—74; 209, с. 69; 215, т. I, с. 161—163]. Эти действия были явно вызваны не только буйными нравами макасарской вольницы, но и классовой ненавистью яванских крестьян. Для них богатые города Севера, где (за пределами столицы) проживала основная масса крупных феодалов, были символом несправедливой жизни, гнездами захребетников, которые надо было разорить.

Сам Трунаджайя был испуган размахом движения, которое он вызвал, и начал искать пути, чтобы повернуть его в более безопасное для близких ему социальных слоев русло. Сам Амангурат I сыграл ему на руку, поспешив послать своего сына Пангерана Пугера в Батавию, чтобы просить помощи у голландцев [215, т. I, с. 161]. Объединение сусухунана с «неверными» в сочетании с его многолетней политикой террора против мусульманского духовенства дало Трунаджайе великолепный лозунг — религиозная «священная» война против иноземных захватчиков и стакнувшегося с ними нечестивого правителя. Этот лозунг не отталкивал от него крестьян Явы и Мадур, для которых, как и везде в эпоху средневековья, религиозная форма была нормальной оболочкой всякого рода социальных движений. В то же время он позволял привлечь к восстанию достаточно широкие «средние слои» феодального общества — мелких торговцев-ремесленников, разоренных голландской конкуренцией, низшее духовенство и даже часть духовных феодалов. Кроме того, антиголландская направленность лозунгов Трунаджайи сразу нашла широкую международную поддержку, особенно в тех районах Индонезии, которые еще раньше и в большей степени, чем Матарам, пострадали от экспансии голландской Компании. Начиная с этого времени, в частности, султан Бантама Агенг стал систематически оказывать тайную, но щедрую помощь Трунаджайе [158, с. 283]. Объявив себя потомком великого индонезийского правителя XIV в. Хайяма Вурука, Трунаджайя призывал к восстановлению империи Маджапахит, объединявшей во времена Хайяма Вурука всю Индонезию. Это было и призывом к сплочению всех индонезийцев против иностранной агрессии и в то же время обещанием нового «золотого века», отождествлявшегося в народной памяти с эпохой Маджапахита [263, с. 178].

Руководство голландской Компании в Батавии было серьезно обеспокоено событиями в Матараме, но из-за войны, которую Голландия в это время вела одновременно с Англией и Францией, не могло выделить достаточных сил для вмешательства в матарамские дела. Все же уже в начале 1676 г. у берегов Восточной Явы появилась голландская эскадра под командованием Яна Холстейна, имевшая целью разгромить здесь базы макасарского флота. Действия голландцев не были успешными. Макасарские моряки не только отразили это нападение, но и полностью разгромили флот Амангурата, шедший на соединение с голландцами [132, с. 214—215; 158, с. 284; 242, с. 397].

В августе 1676 г. голландцы направили на Восточную Яву новые, более значительные силы под командованием Христиана Поолмана. Поолману удалось овладеть макасарским укрепленным лагерем Бесуки, сжечь почти все стоявшие в гавани суда и принудить макасарцев отступить в горы. Эффект этой победы, однако, был вскоре уничтожен катастрофическим поражением, которое потерпели войска Амангурата I. 13 октября 1676 г. при деревне Гегодог, к востоку от Тубана, 60-тысячная матарамская армия под командованием Адипати Анома была здесь наголову разбита 12-тысячным войском Трунаджайи. В битве пало большинство матарамских генералов, в том числе дядя сусухунана Пангеран Пурбайя. Адипати Аном еще в начале сражения бежал, бросив свои войска, что дало повод некоторым голландским историкам заподозрить его в сговоре с

Тру-наджайей. Но все дальнейшие действия Адипати Анома (будущего Амангкурата II) опровергают эту версию [132, с. 215- 235, т. II, с. 115; 158, с. 284; 215, т. I, с. 163].

После битвы при Гегодоге в руки Трунаджайи перешло почти без боя все побережье Центрального Матарам, кроме Джа-пары. В этом городе на помощь правительственному гарнизону пришел вооруженный персонал голландской, английской и французской факторий (враждующая между собой в Европе, здесь они выступили единым фронтом). Той же осенью 1676 г. войска Трунаджайи заняли области Кудус и Демак и создали непосредственную угрозу домену сусухунана — области собственно-Матарам. Даже отдаленные провинции на западе Матарам — Краванг и Чиребон признали власть Трунаджайи, когда туда прибыли его посланцы. Теперь на сторону Трунаджайи стали переходить и крупные феодалы. Князь-священник Гири, лишенный Амангкуратором I в 1660 г. большей части своих владений, но сохранивший огромный духовный авторитет, высказался в пользу Трунаджайи, и вслед за ним вождя восстания поспешили признать более мелкие духовные лица. Раден Каджоран, также тесно связанный с духовенством, теперь решительно выступил на стороне зятя. Из своих владений, расположенных на восточной границе матарамской области, он попытался атаковать столицу государства Плеред, не дожидаясь подхода сил Трунаджайи. Этот набег, однако, кончился для него разгромом. Резиденция Каджорана была сожжена, его богатства разграблены, сам он едва спасся и с несколькими людьми укрылся в Сурабае, которую к этому времени Трунаджайя сделал своей столицей [132, с. 216, 284; 135, т. II, с. 138—139; 209, с. 86].

К концу 1676 г. под властью Трунаджайи оказался весь Восток и Север (кроме Джапары) Матарам, самые богатые и густонаселенные районы страны. У Амангкурата I оставались только районы вокруг столицы и малонаселенный юг. Коммуникации центра с Батавией фактически были перерезаны.

В декабре 1676 г. Трунаджайя направил в Батавию посольство с требованием признать его как суверенного монарха Матарам. Голландское руководство, разумеется, не собиралось признавать такого опасного соседа. Но сам факт прибытия посольства устраивал голландцев, они использовали его для дальнейшей дипломатической игры и для шантажа Амангкурата I.

29 декабря 1676 г. из Батавии в Джапару была направлена крупная эскадра под командованием Корнелиса Спеелмана, способного генерала и дипломата, победителя Макасара. По дороге Спеелман сделал остановки в Чиребоне и Тегале и перетянул колеблющихся местных правителей опять на сторону Амангкурата I. Таким образом, была восстановлена связь столицы Матарам с морем. Затем Спеелман направил посольства одновременно к Трунаджайе и Амангкурату I с приглашением прибыть в Джапару [132, с. 216; 135, т. II, с. 146, 149; 158, с. 284—285].

Трунаджайя в Джапару приехать отказался. Он полагал, что это приглашение — ловушка, и был прав. Амангкурат I тоже не приехал в Джапару, но по другой причине. На сохранившейся за ним территории царил полный хаос. Все четыре его сына, не обращая внимания на внешнюю угрозу, ожесточенно боролись между собой за власть, ускользавшую из рук отца, и он не мог покинуть столицу. Но его полномочный представитель подписал 28 февраля 1677 г. в Джапаре договор с голландской Ост-Индской компанией, по которому Матарам обязывался уплатить за голландскую военную помощь 250 тыс. испанских реалов и 2 тыс. ласт риса, если война продлится не более полугода. За каждый следующий месяц он должен был уплачивать еще 20 тыс. реалов. Голландская компания получала право беспошлинного ввоза и вывоза всех товаров и право строить фактории в любом месте, а также соорудить верфь в Рембанге. Малайцы, макасарцы, индийцы и вообще все азиаты лишались права торговать или проживать на территории Матарам без разрешения Компании. Матарам обязывался поставлять в Батавию каждый год 4 тыс. ласт риса по твердым ценам. Наконец, Матарам уступал Батавии области Краванг и Прианган, благодаря чему голландские владения на Яве рас-

ширились более чем в шесть раз и голландцы получили выход к южному побережью, окончательно отрезая Матарам от Бантама [96, т. III, с. 39—47].

Амангкурат I был вынужден ратифицировать этот кабальный договор, потому что его положение было безвыходным. Надежда на массированную голландскую военную помощь, однако, несколько стабилизировала положение в правительственном лагере. К тому же в марте 1677 г. агентуре Амангкурата I удалось добиться крупного успеха. Она спровоцировала раскол в лагере восставших. Между Трунаджайей и Краенг Галесунгом произошел разрыв. Дело дошло даже до боев между бывшими союзниками на Восточной Яве и Мадуре. Старинная вражда между макасарцами и голландцами была, однако, слишком глубока, чтобы Краенг Галесунг объединился с ними. Он отступил со своими войсками в Пасуруан и, укрепившись там, занял выжидательную позицию, не вмешиваясь в дальнейший ход войны в Матараме [135, т. II, с. 135, 173; 158, с. 286; 209, с. 71].

Уход макасарского флота лишил берега Явы и Мадурой прикрытия с моря, и голландцы сразу же этим воспользовались. В апреле 1677 г. эскадра К. Спеелмана подступила к Сурабае, и высадив значительный десант, начала осаду столицы Трунаджайи. 13 мая после упорной защиты Сурабая пала. Голландско-матарамские войска, однако, не смогли организовать преследование войска Трунаджайи во внутренних районах страны. Отступив в полном порядке, Трунаджайя перенес свою столицу в Кедири, бывший некогда центром крупного древнеяванского государства. К. Спеелман после этого обрушил свой удар на Мадур, отрезанную от Явы, благодаря измене Галесунга. Здесь оставалось сравнительно немного повстанческих войск, и один город за другим переходил в руки голландцев, предававших все огню и мечу. К 10 июля 1677 г. пал последний крупный центр сопротивления Кабиньяр, но в этот момент К. Спеелман получил известие, заставившее его немедленно бросить Мадур и со всеми силами спешно вернуться в Джапару [132, с. 217, 219; 242, с. 399; 263, с. 178].

Отступивший от моря Трунаджайя перегруппировал свои силы и в мае — июне 1677 г. повел наступление на Плеред. Большинство крупных феодалов центра, поняв безнадежность борьбы, оставили неспособного монарха и поспешили принести присягу Трунаджайе. В их числе был даже старый соперник Трунаджайи, его дядя Тьякрадининграт. 2 июля 1677 г. после однодневного боя столица Матарам пала. Огромная сокровищница матарамских монархов, корона и другие символы царской власти, без которых, согласно местной традиции, ни один правитель не мог уже считаться законным монархом, и гарем сусухунана попали в руки победителя и были отправлены в Кедири. Плеред был сожжен дотла и никогда больше не восстанавливался. Амангкурат I с немногими приверженцами бежал в джунгли. Пробираясь лесными тропами на северо-запад, он рассчитывал достигнуть Батавии. В дороге к нему присоединился Адипати Аном, который, так же как и другие принцы, после падения Плереда скитался по глухим местечкам в западной части Матарам. Они почти достигли Тегала, последнего морского порта, из которого еще можно было ускользнуть в Батавию на голландском судне, когда Амангкурат I внезапно тяжело заболел и скончался, успев завещать сыну положиться на голландцев [132, с. 217; 135, т. II, с. 181, 188; 158, с. 286; 242, с. 401].

Прибыв в Тегал, Адипати Аном провозгласил себя сусухунаном, приняв имя Амангкурат II (1677—1703). Этот акт, впрочем, мало что значил, не только потому, что два других сына покойного монарха — Пангеран Пугер и Мартасана также поспешили объявить себя сусухунанами, но и потому, что под властью нового монарха находился только Тегал и его окрестности. Тем не менее в Тегал вскоре стали стекаться феодалы, которых не устраивало правление Трунаджайи и его слишком «либеральное» отношение к крестьянам. В их числе был молодой и энергичный Марта Лайя, который стал правой рукой Амангкурата II. Прибегая то к дипломатии, то к силе, он расширил территорию, подвластную Амангкурату II, за счет прилегающих областей. Он считал, что непопулярность династии можно будет преодолеть, отказавшись от союза с голландцами,

и убеждал сусухунана разорвать союз с Батавией. Амангкурат II начал колебаться. Но голландские агенты сумели очернить Марта Лайю, и он вынужден был бежать к Радену Каджорану. Несколько месяцев спустя он погиб, сражаясь в рядах повстанцев [158, с. 290; 215, т. I, с. 168].

Отбросивший колебания, Амангкурат II 10 октября 1677 г. прибыл в штаб-квартиру К. Спеелмана в Джапаре и 19—20 октября подписал с Компанией два новых договора. Так как его долг голландцам достиг уже 310 тыс. реалов, а платить было нечем, то Амангкурат II отдал Компании в залог все портовые города северного побережья с правом сбора там налогов и пошлин. Большинство их, однако, надо было еще снова завоевать (даже Сурабая в августе 1677 г. опять перешла в руки Трунаджайи), затем сусухунан уступил Батавии еще кусок матарамекой территории, до реки Паманукан, и предоставил Компании монополию на ввоз в страну индийских тканей и опиума. Далее все иностранцы, проживающие в Матараме, как азиаты, так и европейцы, отныне переходили под юрисдикцию голландской Ост-Индской компании (на основе этого пункта К. Спеелман немедленно выдворил из Джапары всех находившихся там французов и англичан). Три месяца спустя, 15 января 1678 г., Амангкурат II был вынужден подписать еще один договор, по которому он уступал Компании в вечную собственность важный порт Семаранг с окрестностями и предоставлял ей монополию на скупку сахара в Матараме [96, т. III, с. 70—79, 121—125]⁵³.

Военные действия союзников против Трунаджайи в конце 1677 — начале 1678 г. шли с переменным успехом. Большая часть страны все еще оставалась в руках восставших. Голландским войскам (большую часть которых составляли наемные в разных частях архипелага индонезийские наемники) удалось вытеснить Трунаджайю из некоторых прибрежных районов. Кроме того, в центре страны действовавший сепаратно Пангеран Пугер снова овладел доменом династии — областью Матарам и разместил свою ставку на развалинах Плереда [242, с. 403].

Весной 1678 г. голландско-матарамской дипломатии удалось добиться значительного успеха. Соблюдавший до этого времени нейтралитет Краенг Галесунг, подкупленный богатыми дарами, выступил из Пасуруана и двинулся на Кедири. Большинство войск Трунаджайи сражалось в это время на Центральной Яве, и столица «нового Маджапахита» едва не стала легкой добычей макасарского авантюриста. Борьба недавних союзников была приостановлена вмешательством послов султана Бантама, которые уговорили Галесунга вернуться на побережье. Там в дельте реки Брантас он возвел новый сильно укрепленный лагерь Капар, где снова занял выжидательную позицию. Опасаясь с его стороны нового удара во фланг, Трунаджайя оттянул большую часть своих сил на Восточную Яву. В центральных областях остался только Раден Каджоран со сравнительно небольшой армией. Наступательная инициатива была таким образом утрачена. Этим немедленно воспользовались голландцы. В конце июля 1678 г. они направили в Матарам новый экспедиционный корпус под командованием генерала Антония Хурдта. Чтобы укомплектовать этот корпус, новый генерал-губернатор Рейклоф ван Гуне (1678—1681) уполовинил все голландские гарнизоны, рассеянные по архипелагу, и даже снял с бантамской границы наиболее боеспособное подразделение — бугинезское войско Ару Палаки (голландцы в это время не без оснований ожидали нападения Бантама). В Джапаре экспедиционный корпус соединился с реорганизованной армией Амангкурата I и начал движение в глубь Явы. Это был первый поход такого рода для европейской армии [132, с. 220—221; 209, с. 77; 242, с. 406].

Медленно оттесняя войска Трунаджайи, голландско-матарамская армия в середине октября 1678 г. подошла к западному берегу реки Брантас, за которой находился Кедири. Прикрываясь широким водным рубежом, Трунаджайя мог бы долго сдерживать

⁵³ Насколько Амангкурат II «потерял лицо» в переговорах с голландцами, свидетельствуют термины дипломатической переписки. Если для Агунга генерал-губернатор Батавии был «сыном», а для Амангкурата I — «братом», то для Амангкурата II он стал «дедом», а К. Спеелман — «отцом» [132, с. 219].

войско противника, которое уже начало страдать от болезней и нехватки продовольствия (крестьяне окрестных деревень бежали в горы при приближении армии Хурдта и Амангкурата II, и она фактически двигалась по вымершей земле). К тому же приближался сезон дождей, когда военные действия вести невозможно. Но голландцам опять помогло предательство Галесунга. Он пропустил мимо своей крепости в устье Брантаса 800 лодок с провиантом, которые собрал губернатор вновь отвоенной голландцами Сурабаи. 16 ноября 1678 г. голландский авангард капитана Фредерика Така под прикрытием артиллерии форсировал Брантас. Началась осада Кедири. Кедири был сильно укреплен, но в решающую минуту несколько отрядов яванцев под командованием сыновей панембахана Гири (князя-священника, о котором говорилось выше) перешли на сторону Така, и голландцам удалось ворваться в город через открытые предателями ворота.

Защитники Кедири упорно сопротивлялись. Бой шел за каждый дом, каждая мечеть становилась опорным пунктом. Последним пал кратон — укрепленный дворец. Трунаджайю в последнюю минуту вывели из города подземным ходом. С остатками войск он отступил в Маланг, область к востоку от Кедири [158, с. 292; 215, т. I, с. 169; 242, с. 407].

Победители первым делом бросились грабить казну сусухунана, вывезенную в июле 1677 г. из Плереда. Голландские солдаты разбивали ящики и делили добычу, отмеряя серебряные и золотые монеты шляпами. Амангкурату II пришлось сделать вид, что он и так собирался раздарить войску все сокровища, оставив себе лишь царские регалии. Регалии ему вернули, но во время торжественной церемонии вручения короны оказалось, что в ней не хватает главного бриллианта. Поговаривали, что это дело рук бравого капитана Фредерика Така. Однако уличить его в этом никому не удалось. Зато достоверно известно другое. Прежде чем вручить корону сусухунану, Так примерил ее на себя — оскорбление, которое Амангкурату II тоже пришлось молча проглотить [132, с. 221; 215, т. I, с. 175; 262, с. 101; 263, с. 179; 280, с. 93—94].

Наступление дождей прервало кампанию до весны. В следующем году, собрав новые силы, Трунаджайя вышел из гористой местности, где он укрылся на равнине, но, потерпев поражение в нескольких битвах, вынужден был снова вернуться в Маланг. Теперь голландцы и Амангкурат II (который, впрочем, не отличался ни воинским мастерством, ни мужеством и большей частью отсиживался в Сурабае, ставшей его временной столицей) могли взяться за менее опасных противников. Первый их удар пришелся по Радену Каджорану, который после падения Кедири покинул лагерь Трунаджайи, вернулся в свои родовые земли в Паджанге и снова поднял там восстание. 14 сентября 1679 г. его укрепление в горах было взято голландско-индонезийским войском под командованием капитана Альберта Слота. Каджоран был схвачен и по приказу Слота без суда казнен. Затем наступила очередь Краенга Галесунга, которому не помогли его многократные предательства. Его крепость Капар в дельте Брантаса была осаждена голландцами той же осенью. Ару Палака, участвовавший со своим войском в осаде, сумел внести разложение в ряды защитников Капара. 21 октября 1679 г. крепость пала. Галесунгу удалось бежать, но в пути он умер по неизвестной причине. Другие командиры макасарцев подписали с Компанией договор, по которому они вместе со своими отрядами обязывались вернуться на Сулавеси. Пока же они влились в войско Ару Палаки [96, т. III, с. 194—196; 158, с. 293; 209, с. 89; 215, т. I, с. 169; 242, с. 408].

Покончив с Каджораном и Галесунгом, новый голландский командующий Я. Коупер, соединив свои силы с войском Аманг-курата II, начал новое наступление на область, занятую Тру-наджайей. В декабре 1679 г. голландско-матарамские войска окружили горную крепость Нгантанг, где укрепился Трунаджайя. 25 декабря измученный голодом гарнизон крепости сдался. Трунаджайя бежал в лес с тремя сотнями приверженцев, но 27 декабря капитан йонкер с отрядом наемных амбонцев-христиан настиг его и убедил сдаться, гарантировав ему от имени сусухунана неприкосновенность. Трунаджайя был доставлен в ставку Амангкурата II, который объявил, что прощает его и

назначает наместником Мадур. Клятва, данная монархом, была, таким образом, соблюдена. Но 2 января 1680 г. Амангку-рат II снова вызвал Трунаджайю к себе и сам нанес ему первый удар крисом. Затем охрана сусухунана добила вождя восстания. Вместе с ним были перебиты и другие сдавшиеся в плен повстанческие командиры. Народу было объявлено, что неблагодарный Трунаджайя собирался убить сусухунана во время аудиенции [132, с. 222; 215, т. I, с. 170; 242, с. 408—409; 263, с. 179].

Но гибель основных повстанческих вождей не положила конец войне. Правда, время огромных повстанческих армий, занимавших обширные территории, миновало, восстание приняло очаговый характер. В то же время эти очаги появились в новых районах, не затронутых ранее крестьянской войной,— на юге и в центре страны, и вожаками восстания на этом этапе стали, как правило, выходцы из социальных низов — беглые рабы, мелкие ремесленники, торговцы-разносчики, бродячие мусульманские проповедники — «дервиши». Наиболее яркой личностью среди этих вождей второго поколения был Раджа Нимруд. Подлинное имя его осталось неизвестным. Но он, разумеется, не был раджей. Буг по национальности, он в молодости был продан в рабство в Батавию, бежал оттуда и в 1679 г. собрал на Центральной Яве многонациональную группу «мусульманских фанатиков», как их именуют голландские источники, и развернул здесь знамя священной войны против голландцев и их ставленника Амангкурата II. Подчеркивая свою связь со всем мусульманским миром в борьбе против «неверных», он назвал свою главную крепость в области Баньюмас «Месир» — «Египет», а сам принял имя Раджа Нимруд (царь Немврод — библейский персонаж, популярный в мусульманской священной истории) [209, с. 88—89].

Социальная программа Раджи Нимруда до нас не дошла, но он явно противопоставлял себя Амангкурату I, как «доброго» крестьянского царя, который принесет облегчение народным массам. Еще более демократический очаг восстания образовался в деревне Ванакусума в области Паджанга. Источники не называют здесь имени вождя. Руководство восстанием было, видимо, коллегиальным, так как голландцы называют восставших «люди Ванакусумы». О силе этого восстания свидетельствует хотя бы тот факт, что «люди Ванакусумы» в 1680 — 1681 гг. дважды атаковали новую столицу Амангкурата II. Картасуру и эти атаки были с трудом отбиты голландскими войсками под командованием капитана Яна Слоота [209, с. 89; 263, с. 180; 280, с. 93].

Подъем народного движения с яркой религиозной окраской активизировал в Матараме еще один очаг сопротивления центральной власти. 80-летний князь-священник Гири, который до этого оказывал Трунаджайе главным образом моральную поддержку, теперь призвал своих приверженцев взяться за оружие. Возможно, он хотел теперь сам стать главой общеванского восстания. Но расположенное на Северном побережье княжество Гири было слишком далеко от новых очагов восстания на юге и в центре. 25 апреля 1680 г. после тяжелого боя Гири было взято голландскими войсками. Панембахан Гири был схвачен и по приказу Амангкурата II казнен вместе со всеми членами своего рода. Другой крупный феодал — принц Пангеран Пугер, все еще претендовавший на титул сусухунана, потерпев окончательное поражение в своей сепаратной борьбе с Амангкуратом II, бежал в Баньюмас к Нимруду. Он уже не мог оказать вождю повстанцев серьезной военной помощи, но подал ему ценную идею. Поскольку Амангкурат II, восхищаясь голландским образом жизни, любил одеваться в европейскую одежду и так появлялся на людях, Пангеран Пугер объявил его самозванцем, сыном Корнелиса Спеллмана, которым голландцы якобы подменили законного наследника престола. Эта версия широко разошлась по Яве. Теперь Амангкурат II еще теснее оказался привязан к голландской военной машине и без протеста продолжал наблюдать, как голландцы продолжают отхватывать все новые куски от его державы (в ходе войны голландская Компания установила протекторат над Чиребоном и некоторыми округами Мадур. [132, с. 223—225, 233; 158, с. 294; 215, т. I, с. 173; 242, с. 409—410, 432]).

Голландцы, в свою очередь, не жалели сил, чтобы удержать на троне свою марионетку. В Матарам прибывали все новые подкрепления. Повстанческие деревни, занятые голландско-матарамскими войсками, сжигались дотла. Голландские офицеры и командиры сусухунана состязались между собой в изощренной жестокости. Всех лиц духовного звания, взятых в плен, по приказу Амангкурата II убивали на месте. Не щадили и рядовых участников восстания. В декабре 1681 г. после двухлетней борьбы голландцам удалось наконец взять крепость Месир⁵⁴. Тела Раджи Нимруда среди убитых не нашли. Он пропал без вести. В начале 1682 г. голландские войска овладели Ванакусумой и снесли ее с лица земли. Но даже уничтожение этих главных повстанческих центров не привело к окончательному замирению Явы. Уцелевшие участники восстаний в Баньюмасе и Ванакусуме рассеялись по стране и продолжали борьбу, которая вскоре слилась с новым мощным восстанием Сурапати [158, с. 294, 300; 209, с. 89—90; 242, с. 410].

Пока восстания были в разгаре, Амангкурат II терпеливо сносил ограничение своей власти голландцами. В 1681 г. Компания построила в Картасуре мощную крепость и поместила туда свой гарнизон. Кроме того, голландская лейб-гвардия якобы для охраны персоны монарха была помещена непосредственно в дворцовый комплекс столицы. В городах Северного побережья, отданных в залог, голландцы уже распоряжались как в своей колонии. Кроме того, выплата огромного военного долга, накопившегося за пять лет, вконец разорила страну. Все это вызывало острое недовольство даже у тех феодалов, которые все эти годы сражались бок о бок с голландцами против своего народа. К 1684 г. при дворце Матарам сложилась сильная антиголландская партия, во главе которой стоял патих (премьер-министр) Неранг Кусума. Этот министр, при тайном одобрении Амангкурата II, пригласил на матарамскую службу Сурапати, народного вождя, уже прославившегося своей борьбой с голландцами на Западной Яве [132, с. 233; 158, с. 294].

Сурапати, балиец по национальности, родился около 1660 г. на восточной оконечности Явы. В ранней юности он был продан в рабство в Батавию (рабы, в основном балийцы, в то время составляли около трети населения Батавии). В конце 70-х годов он бежал и влился в широкое повстанческое движение, которое в эти годы охватило вновь приобретенные территории Ост-Индской компании и прилегающие районы Бантама. После падения Бантама, когда к движению беглых рабов присоединились сторонники бантамского принца Пангерана Пурбайи, голландское командование решило переманить на свою сторону Сурапати и его отряд. В марте 1683 г. Сурапати получил звание голландского лейтенанта и принял участие в погоне за Пангераном Пурбайей. Служба Сурапати у голландцев, однако, была недолгой. Когда в январе 1684 г. Сурапати окружил отряд Пурбайи и предложил ему почетную капитуляцию, а бантамский принц ее принял, явившийся в последнюю минуту голландский прапорщик Куффелер изменил почетные условия сдачи на крайне унижительные. Смертельно оскорбленный Сурапати помог Пурбайе бежать, а на следующую ночь напал на отряд Куффелера и перебил его. После этого он организовал новую повстанческую базу в неприступных горах Галунггунг, откуда угрожал большей части недавно приобретенной голландцами области Приан-ган [132, с. 234; 215, т. I, с. 174—175; 242, с. 431—432].

Голландцы направили против Сурапати сильную военную экспедицию, но решительного успеха добиться не смогли. В это время подоспело приглашение из Матарам. Сурапати со своим отрядом двинулся в Картасуру, однако по дороге большую часть его оставил в провинции Баньюмас, недавнем центре восстания Раджи Нимруда. Уже один этот поступок красноречиво показывает, чего могли ждать от повстанческого вождя неосмотрительно пригласившие его матарамские феодалы. Впрочем, первый свой год в Картасуре Сурапати провел мирно, исполняя обязанности начальника балийской

⁵⁴ Месяцем раньше, 17 ноября 1681 г., Пангеран Пугер оставил лагерь восставших и примирился со своим братом. Более того, он возглавил правительственные войска, боровшиеся с повстанцами на побережье [132, с. 225; 209, с. 90].

лейб-гвардии, которую Амангкурат II хотел противопоставить лейб-гвардии голландцев [209, с. 96; 215, т. I, с. 175].

Между тем голландский генерал-губернатор И. Кампхёйс, обеспокоенный усилением антиголландской партии в Матараме, в конце 1685 г. направил в Картасуру в качестве чрезвычайного комиссара капитана Фредерика Така (того самого, который снискал себе всеобщую ненависть яванцев, примерив матарамскую корону). Фредерик Так должен был строго взыскать недоимки по военному долгу, потребовать выдачи Сурапати, а также выдворения из страны балийцев, макасарцев и всех иностранцев вообще, согласно договору от 20 октября 1677 г. [242, с. 433].

Утром 8 февраля 1686 г. Так в сопровождении сильного эскорта прибыл в Картасуру. Здесь он узнал, что Сурапати уже нет в городе. Премьер-министр Нгранг Кусума сообщил Таку, что, спеша выполнить волю голландцев, он еще вчера распорядился истребить гвардию Сурапати. Однако посланная против Сурапати 10-тысячная армия не смогла с ним справиться. Он со своим небольшим отрядом прорвал окружавшее его кольцо войск и ушел из города в восточном направлении. Собрав большую часть голландского гарнизона Картасуры, Так тут же пустился в погоню. Но едва он отошел на несколько километров от города, как услышал сильную пушечную стрельбу в районе дворца. Оказывается, Сурапати никуда не уходил, а затаился на окраине столицы. Пропустив войско Така, он ворвался в центр города и перебил голландскую лейб-гвардию, находившуюся во дворце. После чего он, при полном бездействии матарамских войск, занял укрепленный кратон. Балийцы, жившие в столице, а также многие яванцы, переодетые в балийское платье, поспешили на помощь Сурапати. Так начал осаду кратона. Первые две атаки голландцев были отбиты, а во время третьей атаки, когда кратон уже горел и отступить было некуда, воины Сурапати внезапно вышли из-за стен и, прежде чем голландцы успели перезарядить свои мушкеты, перебили их в рукопашной схватке. Так и все офицеры, кроме одного, были убиты. Только лейтенанту Антони Энгелю с горсткой людей удалось укрыться в голландской крепости. После этого Сурапати со своим отрядом спокойно ушел на восток [132, с. 235—236; 158, с. 302; 209, с. 97—98; 215, т. I, с. 175; 242, с. 434—436].

Разгром Така вызвал взрыв ярости в Батавии. Голландцы привыкли по большей части воевать руками наемников. Истребление такого большого количества коренных голландцев было для руководства голландской Ост-Индской компании полной катастрофой. Главное же — был развеян миф об их непобедимости. В Батавии раздавались призывы немедленно оккупировать Картасуру. Когда сюда прибыли послы Амангкурата II с заверениями о непричастности матарамского правительства к случившемуся, они были арестованы как заложники. Но по трезвом размышлении генерал-губернатор И. Кампхёйс и Совет Индии пришли к выводу, что новая война в Матараме не окупит расходов. В конце марта 1686 г. голландский гарнизон был выведен из Картасуры в Семаранг. Сильно укрепленный Семаранг стал теперь центром управления фактически аннексированных Компанией портов Северного побережья. Все кабальные договоры продолжали действовать, но все же уход голландских войск из столицы Матарамы несколько поднял авторитет Амангкурата II и в то же время принес великую славу Сурапати [209, с. 99; 242, с. 436].

Тем временем Сурапати продвигался по Восточной Яве, изгоняя или подчиняя себе местных губернаторов. Вскоре он создал здесь практически независимое государство с центром в Пасуруане. В источниках нет прямых указаний на то, какую именно социальную политику проводил Сурапати в своем государстве, но признание голландцев, что недовольные бежали к нему из всех областей Матарамы, говорит о том, что Сурапати и его окружение по крайней мере не сразу переродились из крестьянских вождей в заурядных феодалов [242, с. 436].

Амангкурат II сначала пытался использовать Сурапати и его военную силу в своей игре против Голландии и получал от него тайную корреспонденцию. В 1687 г. Сурапати даже посетил Амангкурата II в его столице, но отношений вассала и сюзерена между ними так и не установилось. Не решаясь прямо напасть на Сурапати, сусухунан попытался его отравить. Попытка сорвалась. Сурапати вернулся в Пасуруан и навсегда прервал сношения с матарамским правителем. После 1687 г. Сурапати занял области Маланг и Кедири, одно время даже угрожал Мадуну, но дальше на запад не пошел. Между обоими государствами установилось своего рода равновесие, которое было нарушено в 1703 г., когда после смерти Амангкурата II в Матараме разразился правительственный кризис. У законного наследника сына Амангкурата II — Амангкурата III (он же Сунан Мас) стал оспаривать трон его дядя, уже упоминавшийся выше Пангеран Пугер. В марте 1704 г. он бежал к голландцам в Семаранг и обещаниями новых уступок склонил к признанию себя сусухунаном. Началась так называемая Первая яванская война за престолонаследие [132, с. 237, 239; 158, с. 310; 263, с. 183].

11 сентября 1705 г. голландские войска взяли Картасуру и посадили Пангерана Пугера, принявшего имя Пакубувана I, на матарамский трон. Сунан Мас бежал к Сурапати. Осенью 1706 г. голландский экспедиционный корпус и вновь сформированная армия Пакубувана I начали наступление на государство Сурапати. 10 октября 1706 г. при осаде крепости Бангил Сурапати был смертельно ранен и месяц спустя умер в Пасуруане. Наследники Сурапати, не обладавшие полководческими талантами отца, не могли долго сопротивляться превосходно вооруженному агрессору. В июле 1707 г. Пасуруан пал. Голландцы не погнушались выкопать прах своего старого врага, сожгли его и утопили в море. Сунан Мас пытался еще организовать сопротивление в Маланге. Но 28 июля 1708 г. и он был вынужден капитулировать. Голландцы отправили его в ссылку на Цейлон, где он и умер в 1737 г. [132, с. 240—241; 158, с. 313—314; 209, с. 103; 263, с. 183].

Падение Бантама

Султан Бантама Абулфатах Агенг (1651—1683) пристально следил за бурными событиями конца 70-х годов XVII в. в Матараме. Стремясь ослабить своего старого соперника, он оказывал тайную помощь Трунаджайе и в то же время пытался, захватив западные районы Матарама, окружить владения своего другого врага — Батавии. В 1677 г. агенты Абулфатаха устроили «беспорядки» (по выражению голландского историка) в западных провинциях Матарама Приангане и Краванге, вскоре после чего эти провинции без боя перешли под власть Бантама [132, с. 229; 242, с. 414].

В 1678 г. под власть Бантама перешел граничивший с Батавией с востока Чиребон. Этому предшествовали следующие события. Когда Трунаджайя в 1677 г. захватил матарамскую столицу, в числе прочих пленных, попавших в его руки, были чиребонские князья — братья Сепух и Аном, правившие совместно. Трунаджайя отправил их в Бантам. Абулфатах предложил им свободу и титул султанов, если князья принесут ему вассальную присягу. Сепух и Аном приняли его условия.

Предвидя, что голландская Компания, хотя и связанная войной в Матараме, может ответить ему контрударом, Абулфатах энергично готовился к войне. Он направил посольство в Англию с просьбой о военной помощи и начал переговоры на ту же тему с французским резидентом в Бантаме. Франция в 1672—1678 гг. вела войну с Голландией и была особенно заинтересована в том, чтобы натравить Бантам на Батавию, поскольку почти не имела в Юго-Восточной Азии собственных вооруженных сил. С помощью английских, французских, датских и португальских специалистов, проживавших в Бантаме, а также голландцев-перебежчиков Абулфатах соорудил на бантамском побережье цепочку фортов, построенных по последнему слову европейской военной техники. Наиболее мощную из этих крепостей — Тиртаясу он сделал своей резиденцией. В эти же годы был значительно усилен бантамский флот, в состав которого вошло восемь

крупных кораблей европейского типа, ничем не уступавших голландским военным кораблям [132, с. 228; 158, с. 296].

Руководство голландской Компании в Батавии было серьезно обеспокоено этими действиями Абулфатаха, но не могло сразу решиться на открытую войну. Вместо этого оно стало прибегать к диверсиям и отдельным вылазкам на территорию, перешедшую под власть Бантама. Так, в 1677 г., благодаря подстрекательству голландских агентов, английская фактория в Бантаме была разгромлена местными жителями [191, с. 67]. Голландцы рассчитывали, что эта провокация приведет к разрыву между Бантамом и Англией, но их расчеты не оправдались. В 1678 г. голландцы оккупировали район Сумеданг в провинции Прианган, построили крепость в Танджунгпуре на территории, номинально подвластной князьям Чиребона, и направили в Чиребон посла, задачей которого было перетянуть чиребонских князей на сторону Батавии. В ответ на это Абулфатах пригласил к себе голландского представителя в Бантаме и в присутствии английского, французского и датского резидентов торжественно предупредил его, что всякое вмешательство Голландии в дела Чиребона он будет расценивать как объявление войны Бантаму. Перед лицом такого решительного демарша генерал-губернатор И. Метсейкер пошел на попятную [242, с. 414]. Война на этот раз не вспыхнула. Но голландцы теперь сосредоточили свои усилия на том, чтобы подорвать Бантам изнутри, и вскоре им представилась такая возможность.

По традиции, существовавшей во многих государствах Юго-Восточной Азии, султан Абулфатах в 1671 г. сделал своим соправителем своего старшего сына Абдулкахара. В 1674 г. Аб-дулкахар отправился в паломничество в Мекку. Помимо чисто религиозных целей в его задачу, видимо, входило прощупывание позиций Турции на предмет заключения военного союза против Голландии. Но Турция, традиционно союзная с Голландией (врагом своего врага Испании), всегда холодно относилась к просьбам о помощи со стороны братьев по вере в Юго-Восточной Азии. Абдулкахар (получивший в результате этого путешествия почетное имя султан Хаджи) вернулся в 1676 г. в Бантам ни с чем. Эта дипломатическая неудача окончательно подорвала его положение при дворе, и Абулфатах передал пост соправителя своему младшему сыну — Пангерану Пурбайе. Султан Хаджи удалился в свой замок Сурусуанг (также укрепленный голландскими перебежчиками) и стал выжидать [132, с. 228; 263, с. 180].

В 1679 г. голландский резидент ван Дейк сумел завоевать доверие султана Хаджи и перетянул его на голландскую сторону. Война в Матараме в это время шла к концу, и престиж голландской Компании снова стал подниматься. Хаджи имел реальные основания рассчитывать с помощью голландцев овладеть тронем Бантама. Тщательно скрывая от всех свой сговор с голландским резидентом, он стал вербовать сторонников, выставляя себя поборником мира. Сторонников же своего отца и младшего брата он клеймил как «партию войны» [113, с. 296; 242, с. 414].

Между тем в начале 1680 г. в Бантам пришло известие о пленении и гибели Трунаджайи, что сразу укрепило позиции Хаджи. Голландцы же, теперь уверенные в успехе своей диверсии, возобновили провокации против Бантама. Весной 1680 г. они захватили бантамское торговое судно, следовавшее на Бали, и сбросили его команду за борт. Узнав об этом, Абулфатах в конце апреля собрал представителей знати в своей резиденции Тиртаяса и поставил вопрос об объявлении Голландии войны. Тут-то и выступила «партия мира», сформированная к этому времени султаном Хаджи. Дело дошло до рукопашной в стенах замка. Сторонники Хаджи победили, и 1 мая 1680 г. султан Абулфатах объявил о своем отречении от престола в пользу старшего сына. Из всех владений старому султану был оставлен только замок Тиртаяса, где он жил фактически под домашним арестом [132, с. 236; 158, с. 305; 242, с. 415].

Новый султан сразу же направил посольство в Батавию для заключения договора, но голландцы заломили за свою негласную помощь такую непомерную цену, что переговоры зашли в тупик. Генерал-губернатор Рейклоф ван Гуне потребовал: 1) выдать

всех беглых рабов и перебежчиков, даже если они перешли в ислам; 2) наказать «пиратов и разбойников» (макасарских и малайских моряков, лишившихся из-за морской политики голландской Компании пропитания и поступивших на службу к бантамскому султану); 3) выплатить огромную сумму в возмещение убытков, якобы нанесенных голландской Компании этими «пиратами»; 4) отказаться от Чиребона; 5) не вмешиваться в матарамские дела; 6) удалить из Бантама всех иностранцев [132, с. 230].

Султан Хаджи понимал, что опубликование этих условий вызовет такой взрыв возмущения в Бантаме, что он вряд ли усидит на троне. Поэтому он ограничился декларацией о дружбе и мире с Батавией, а формального договора подписывать не стал. После смерти Рейклофа ван. Гунса в ноябре 1681 г. Хаджи тотчас послал в Батавию новое посольство — формально, чтобы поздравить нового генерал-губернатора Корнелиса Спеелмана с назначением, а фактически, чтобы прощупать, не окажется ли он податливее своего предшественника. Но Корнелис Спеелман, один из наиболее агрессивных проводников голландской колониальной политики в XVII в., не оправдал надежд Хаджи. Он, по-видимому, решил проучить колеблющегося султана и оставить его без помощи перед лицом растущей оппозиции, с тем чтобы потом запросить с него вдвое больше.

Между тем оппозиция новому режиму в Бантаме действительно вырастала день ото дня. Взойдя на трон, султан Хаджи сменил многих министров и высших чиновников. Часть из них он отправил в ссылку в область Лампунг на Южной Суматре, другие сами добровольно удалились в изгнание. После того как голландцы в конце 1680 г. оккупировали Чиребон и 7 января 1681 г. заставили князей Сепуха и Анома подписать договор, ставивший Чиребон под протекторат Голландии [96, т. III, с. 233—242], а Хаджи не заявил далее формального протеста против этого акта агрессии, число недовольных пополнилось многими чиновниками и из числа тех, кто не подвергся репрессиям. К началу 1682 г. недовольство приняло уже общенародный характер. В округах Лампунг, Понтанг, Танара, Тьирингин, Тьярита и даже в пограничном с Батавией округе Тангеранг началось партизанское движение. Отряды, которые султан Хаджи посылал против повстанцев, переходили на их сторону. Одновременно взялись за оружие моряки (те самые «пираты», наказания и выдачи которых добивался Рейклоф ван Гуне). Под предводительством адмирала Пангерана Кидула они стали атаковать не только крепости, оставшиеся верными Хаджи, но и Батавское побережье [158, с. 296; 242, с. 416].

В ночь на 27 февраля 1682 г. восстание вспыхнуло в столице султаната. Хаджи, лишившийся почти всех приверженцев, вынужден был поджечь город, чтобы под прикрытием огня отступить в свою укрепленную резиденцию — замок Сурусуанг. Через главу голландской фактории в Бантаме, которую повстанцы не тронули, он обратился в Батавию с отчаянным письмом, в котором обещал любые уступки в обмен на немедленную военную помощь. Между тем собравшийся в Тиртаясе Совет знати снова провозгласил султаном Абулфатаха, которого вскоре признала вся страна. Когда 6 марта 1682 г. на Бантамском рейде появилась голландская эскадра под командованием Исаака де Сен-Мартена, в руках султана Хаджи оставался только замок Сурусуанг с ничтожным гарнизоном, который держался из последних сил. Попытка де Сен-Мартена высадиться на берег встретила такой решительный отпор, что голландский предводитель поспешил отступить в открытое море и послал в Батавию за новыми подкреплениями. Такой же крах потерпела и попытка голландских войск вторгнуться в Бантам по суше. Мушкетеры под командованием капитана Хартсинка в течение трех месяцев не могли форсировать пограничную реку Тангеранг [132, с. 230; 158, с. 297; 242, с. 418].

Только 7 апреля 1682 г., когда к Бантаму подошла новая голландская эскадра во главе с победителем Трунаджайи капитаном Ф. Таким, голландцы решились снова высадить десант. На этот раз их попытка увенчалась успехом. Замок Сурусуанг, находившийся на грани падения, был деблокирован. Спустив подъемный мост, Хаджи с рыданиями бросился на шею командиру десанта. Затем он приказал поднять над замком рядом со своим флагом голландский флаг. Но в руках победителей оказалась только

полусожженная столица Бантама. Всю остальную страну надо было завоевывать заново [242, с. 230]. Полностью превратившийся в голландскую марионетку султан Хаджи выполнял малейшие желания своих новых хозяев. Уже 12 апреля он издал указ об изгнании из Бантама всех европейцев, кроме голландцев. По приказу султана английская фактория была разрушена, а английский флаг, развевавшийся над ней, разорван на куски [132, с. 230; 158, с. 83]⁵⁵. Но он не мог предоставить в распоряжение голландцев ни одного боеспособного соединения, а голландские солдаты были мало приспособлены к войне в джунглях. Лишь когда в Бантам прибыл другой «герой» матарамской войны, капитан Йонкер, с контингентом индонезийских солдат христиан, намербованных на Амбоне, дело сдвинулось с мертвой точки [263, с. 181]. Только после восьми месяцев напряженной борьбы, в декабре 1682 г., голландцы смогли подступить к центру сопротивления — замку Тиртаяса. 29 декабря 1682 г., исчерпав все возможности обороны, султан Абулфатах взорвал крепость и отступил в южные горы вместе с Пангераном Пурбайей и духовным вождем антип-голландского восстания шейхом Юсупом. Здесь сопротивление продолжалось еще три месяца. В марте 1683 г. капитан Йонкер со своими наемниками захватил наконец Абулфатах и Юсупа. Шейх Юсуп был сослан на мыс Доброй Надежды, а султан Абулфатах заключен в Батавскую крепость, где и умер в 1695 г. [132, с. 231; 158, с. 297; 242, с. 419]. (Подробно об обстоятельствах пленения Пангерана Пурбайи мы писали в разделе о восстании Сурапати).

17 апреля 1684 г. султан Хаджи подписал с голландской Компанией договор, фактически означавший конец независимости Бантама [96, т. III, с. 333—350]. По этому договору голландская Компания становилась протектором Бантама и получала монополию на торговлю в нем всеми важнейшими товарами. Все европейцы, кроме голландцев, навсегда изгонялись из Бантама. Бантам лишился права заключать договоры с другими государствами без разрешения голландской Компании. На территории Бантама возводилась голландская крепость, названная в честь недавно умершего К. Спеелмана «Спеелвейк». Наконец, Бантам обязан был уплатить военные издержки в размере 1,5 млн. гульденов. Так как разоренная страна не могла выплатить такую гигантскую сумму, Компания соглашалась воздерживаться от ее взыскания, пока будут соблюдаться остальные пункты договора.

Малайя в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Джохор довольно быстро оправился после катастрофы 1673 г. Бату-Савар был заброшен, но энергичный государственный деятель Тун Абдул Джамиль построил новую столицу на острове Риау, где он посадил в качестве своей марионетки нового султана, племянника Абдул Джалила — Ибрагим-шаха (1677—1685). Восстановленный джохорский флот вскоре стал серьезной угрозой для Джамби. Тун Абдул Джамиль завязал сношения с восточносуматранским княжеством Сиак, где в эти годы были открыты крупные залежи олова, и убедил князя Сиа-ка отправлять свое олово не в Малакку, а в Джохор. Укрепились также связи Джохора с Аче [253, т. III, с. 56].

Пангеран Джамби, в свою очередь, стал искать союзников и пригласил в свою страну макасарского принца Данг Мангику с дружиной. Отец Данг Мангики султан Мапасоьт Каранг Бисей был в 1677 г. низложен Ару Палакой и голландцами. Этим был положен конец независимости Макасара. Оставшиеся не у дел макасарские воины и моряки эмигрировали тогда в разные районы Индонезии и Малайи. Им суждено было сыграть немалую роль в политических событиях последней четверти XVII в. в этом регионе [101, 1682, с. 2].

⁵⁵ Этот инцидент едва не послужил поводом к новой англо-голландской войне. Англичане, однако, так никогда и не вернулись в Бантам. Они перебрались в Венкулен (Бенкулу) на Суматре, где в 1684 г. построили крепость и удерживали эту территорию еще в течение 140 лет.

Буйные макасарские наемники, однако, как правило, оказывались ненадежной опорой для правителей, которые их приглашали. Когда в мае 1679 г. в устье реки Джамби появился джохорский флот из 300 судов, Данг Мангика и породнившийся с ним джамбийский адмирал Дипати Анум внезапно изменили и перешли на сторону Джохора. После двух штурмов столица Джамби пала. Победители посадили на джамбийский трон Дипати Анума, который заключил с Джохором договор, по которому он обязывался вернуть Джохору все пушки, золото и людей, захваченных в 1673 г., и сверх этого выплачивать большую военную контрибуцию. В обеспечение исполнения условий договора Джамби давало Джохору заложников. Едва договор был подписан, как в Джамби появился голландский посол и потребовал, чтобы Данг Мангику и его людей выдали властям Батавии для последующего водворения обратно на Сулавеси, но реальных сил для осуществления этого требования ни у него, ни у Джамби не было. Новый пангеран лишь уговорил беспокойного принца перебраться со своей дружиной в Палембанг [101, 1679, с. 513].

После нормализации отношений Джохора и Джамби экономика обеих стран пошла на подъем. Поток «незаконного» (с точки зрения монопольной политики голландской Компании) перца устремился с Восточной Суматры в Джохор. Золото Ин-драгири также снова стало бесперебойно поступать в джохорскую столицу на Риау, где английские, сиамские, паттанские и китайские купцы платили за него значительно дороже, чем голландцы. Несмотря на голландскую блокаду, в Джохор время от времени прорывались индийские суда с тканями. После прибытия в Джохор в 1680 г. французского судна «Вотуар» с письмом короля Людовика XIV султану Ибрагим-шаху, Джохор завязывает дипломатические сношения с Францией. Одновременно происходит активный обмен посольствами с Сиамом. Сиамский король Нарай предложил Ибрагим-шаху людей и материалы для восстановления джохорской столицы на материке. Джамби, ставшее младшим партнером Джохора, в свою очередь, направило в Сиам посольство с предложением платить Нараю ежегодную дань в обмен на защиту. Аче также обменивалось посольствами с Сиамом и Джохором. В итоге в начале 80-х годов XVII в. возникла реальная возможность создания большой антиголландской коалиции на западе Юго-Восточной Азии [45, с. 128—131].

Руководство голландской Компании, естественно, было серьезно обеспокоено создавшейся ситуацией и не жалело никаких усилий, чтобы нарушить мир, установившийся в этом районе. И действительно, мир вскоре был нарушен. В декабре 1680 г. Данг Мангика, укрепившийся в это время в Палембанге, напал на Джамби с макасарско-палембангским войском. Компания не оказала Джамби никакой помощи, несмотря на имевшийся договор. Джамби обратилась за помощью к Джохору. В марте 1681 г. лаксамана Тун Абдул Джамиль с флотом в 100 кораблей прибыл к устью реки Джамби. Во время переговоров с осаждавшими Данг Мангика был убит. Голландские историки подчеркивают вероломство этого убийства. Так оно, видимо, и было. Но мир на Суматре был восстановлен. Немедленно после этого голландская разведка развила большую активность среди минангкабау, живших в центральных и отчасти прибрежных районах Суматры. Снова началась агитация в пользу так называемого императора Минангкабау, как «истинного» владельца Суматры (на самом деле власть этого «императора» распространялась только на небольшой район в горно-лесистом центре Суматры).

В 1682 г., несомненно, при подстрекательстве голландских агентов произошел переворот в Сиаке. Здесь к власти пришел проголландски настроенный феодал Раджа Хитам. Но джохорцы быстро подавили это восстание. Не сумев взорвать малайско-суматранское единство изнутри, голландцы начали морскую блокаду Джохора и его союзников [45, с. 131 —132; 271, с. 140]. В 1682 г. Ибрагим-шах направил в Батавию посольство с предложением урегулировать джохоро-голландские отношения. Но генерал-губернатор К. Спелман поставил условием заключения мирного договора полную

монополию голландской Компании на внешнюю торговлю Джохора и Паханга. Джохорское правительство отвергло это требование, и переговоры были прерваны.

16 февраля 1685 г. умер Ибрагим-шах, отравленный одной из своих жен. На трон был посажен пятилетний сын султана Махмуд-шах (1685—1699). Едва известие об этом достигло Батавии, как генерал-губернатор И. Кампхёйс снарядил в Джохор новое посольство. Голландцы рассчитывали, что смена правителя породит неустойчивость в Джохоре, но Тун Абдул Джамиль по-прежнему прочно держал бразды правления в своих руках. Когда голландские послы возобновили свое требование о торговой монополии и высылке из Джохора всех англичан, датчан и португальцев, последовал решительный отказ. Согласно договору, который был подписан 6 апреля 1685 г., голландцы получили монополию только на торговлю с Сиакком, причем за джохорцами оставалось право ввозить и вывозить оттуда продовольствие и соль. Далее, всем европейцам, кроме голландцев, было запрещено ввозить в Джохор ткани. Наконец, стороны обязывались выдавать друг другу беглых рабов и должников. Так гласил голландский текст договора [96, т. III, с. 380—387]. У этого текста, однако, были сильные расхождения с малайским текстом договора, который подписали джохорские представители. Тун Абдул Джамилю это скоро стало известно, и он заявил решительный протест Батавии. В малайском тексте не было ни слова ни о голландской монополии в Сиакке, ни о голландской монополии торговли индийскими тканями. «Как голландцы могли написать (в договоре.— Э. Б.), что Джохор может посылать только одно малое судно в Сиак,— ведь это наша земля!» — восклицал Тун Абдул Джамиль в своем послании губернатору [45, с. 143]. Далее он вновь заявлял о том, что Джохор не станет запрещать англичанам, датчанам и другим европейцам торговать на его рынках, и требовал прекратить крейсирование голландских военных судов в джохорских водах. В результате договор 6 апреля 1685 г. так и не был ратифицирован.

После этого Тун Абдул Джамиль обратился к королю На-раю с просьбой оказать помощь против голландцев, которые вредят джохорскому мореходству. Нарай, серьезно рассчитывавший на военный союз с Францией, в 1686 г. направил в Батавию посольство с требованием прекратить акции против Джохора. В то же время он стал систематически посылать Тун Абдул Джамилю пушки и военную амуницию [45, с. 146].

Твердая позиция Джохора вызвала сочувствие многих правителей архипелага. Даже Матарам, связанный с Компанией кабальным договором, стал посылать свои суда на Риау. Огромный размах приняла торговля Джохора с Аче. Только за три года (1684—1687), несмотря на голландские запреты, в Аче побывало 106 джохорских кораблей. Когда 2 мая 1687 г. в Джохор прибыло новое голландское посольство во главе с Вил-лемом Валентейном, оно застало в гавани Риау от 500 до 600 судов из разных стран, в том числе сиамскую эскадру из кораблей европейского типа, доставившую в Джохор очередную партию пушек, ядер и пороха. Ничего не добившись, голландское посольство покинуло Риау.

После этого голландцы сосредоточили свои усилия против младшего партнера Джохора Джамби. В октябре 1687 г. голландская агентура организовала здесь переворот. Пангеран Джамби Дипати Анум был свергнут и на трон был посажен его сын. При этом правителе Джамби фактически стало протекторатом голландской Ост-Индской компании, отношения княже-ствий с Компанией сразу резко ухудшились. Восемь месяцев спустя, в июне 1688 г., начался феодальный мятеж на Риау, к которому, несомненно, также приложила руку голландская разведка. Время мятежа было выбрано заговорщиками исключительно удачно. Сиам, занятый в этот момент отражением французской агрессии, не мог оказать Тун Абдул Джамилю никакой помощи. Возглавивший мятеж бендахара Тун Хабиб Абдул Маджид первым делом захватил малолетнего султана и все дальнейшие распоряжения отдавал от его имени. Потерпев поражение в бою на улицах столицы, Тун Абдул Джамиль решил бежать в Паханг, поближе к сиамской границе. Но у острова Ракит его настигла погоня. После многодневного боя, в котором, исчерпав

боеприпасы, он вместо картечи стрелял из пушек испанскими реалами, Тун Абдул Джамиль был захвачен в плен и казнен. Его брат и два сына достигли Паханга, но они не пользовались авторитетом в Джохоре, поэтому новый правитель Сиама Пра Петрача не стал их поддерживать⁵⁶, а предпочел вступить в соглашение с бендахарой Тун Хабибом. Новый режим быстро консолидировался. Фактическая власть в государстве перешла к Совету орангкайя (знати), не пользовавшемуся никаким влиянием при правившем единовластно Тун Абдул Джамиле. В июле 1688 г. столица была перенесена с Риау обратно на материк. Сторонники прежнего режима были казнены по решению Совета орангкайя [45, с. 166—167].

Переворот Тун Хабиба вызвал ликование в Батавии. Однако, когда в марте 1689 г. в Джохор прибыл голландский посол Ф. ван дер Беле с обширным списком требований (изгнание из Джохора всех иностранных купцов, предоставление Компании монополии на торговлю индийскими тканями, шелком, пряностями, оловом, золотом, ограничение плавания джохорских судов в Аче до шести кораблей в год, в том числе два корабля султана, один корабль бендахары, три корабля прочих орангкайя, запрещение вывоза в Аче перца или олова, голландский досмотр китайских джонок в джохорских портах и др.), он встретил серьезное сопротивление со стороны Совета орангкайя. Бендахара Тун Хабиб заявил, что он не полномочен подписывать подобный договор, пока султан не достигнет совершеннолетия. Тогда голландский посол разыграл новую карту. Он сообщил, что сыновья Тун Абдул Джамиля получили поддержку Паттани и готовятся напасть с паттанским флотом на Джохор. Далее он дал понять, что позиция голландской Компании в этом конфликте будет зависеть от подписания договора. Орангкайя капитулировали. 9 апреля 1689 г. кабальный договор с голландской Ост-Индской компанией был подписан [96, т. III, с. 442—447; 242, с. 460].

Среди прочих привилегий, полученных Компанией по этому договору, была свобода от пошлин. В то же время голландская Компания продолжала повышать пошлины в своих портах. Так, в 1692 г. экспортные и импортные пошлины в Малакке с 5—9% были подняты до 13%, а в 1698 г. пошлины для азиатских купцов были повышены до 20% [270, с. 50; 271, с. 124].

Торговля Джохора, подорванная договором 1689 г., в конце XVII в. пришла в полный упадок. Пока был жив бендахара Тун Хабиб, джохорское правительство, умело маневрируя, еще ухитрялось частично обходить условия договора. Но после смерти Тун Хабиба, в июле 1697 г., никто уже не заботился о проблемах международной торговли, феодалы перессорились, а достигший совершеннолетия султан Махмуд-шах оказался дегенератом с садистскими наклонностями. Если верить английскому путешественнику А. Гамильтону, султан, получив от него в подарок пистолеты, тут же выехал в город и стал их опробовать на прохожих. Во время одной из подобных «прогулок», 3 сентября 1699 г., Махмуд-шах был убит оскорбленным им орангкайя по имени Мегат. Вместе с Махмудом угасла старая династия малаккско-джохорских султанов, правившая около трех веков. Новым султаном был избран бендахара, сын Тун Хабиба, принявший тронное имя Абдул Джамиль Риайят-шах (1699—1718) [271, с. 141].

Власть новой династии в начале XVIII в. была непрочна. Торговые суда почти не посещали Джохор. Олово из вассальных владений Джохора поступало прямо в Малакку, минуя джохорскую столицу. Доходы султанской казны резко упали. Сам султан мало чем распоряжался. Реальная власть переходила от одного временщика к другому. В 1702 г. в Джохоре разрешено было поселиться бугам. Они, так же как и местные жители — оранглауты, занялись пиратством. Работоторговля была единственным видом торговой активности, который не пресекали голландцы. Во владениях некогда могущественной Джо-хорской империи постоянно вспыхивали сепаратистские восстания (в 1702 г. — в

⁵⁶ Тем более что в отличие от свергнутого им короля Нарая Пра Петрача был заинтересован в борьбе с Голландией за свободу морей.

Селангоре и Келанге, в 1705 г.— в Сиаке, в 1706 г. в Рембау и Индрагири, в 1707 г. в Бату-Бахаре и Ару) [45, с. 227]. Джохор пришел в глубокий упадок.

Бирма в последней четверти XVII — начале XVIII в.

После смерти короля Пье, в 1672 г., Большой совет знати собрался для выбора короля. Принцип старшинства при выборе монарха был сразу же отвергнут. В обход старших братьев, которые, видимо, в какой-то мере унаследовали энергию отца, был выбран самый младший сын Пье принц Наравара, отличавшийся как слабохарактерностью, так и слабым здоровьем. Через год, не совершив ничего примечательного, он умер. Не исключено, конечно, что его смерть ускорили нетерпеливые потенциальные наследники.

Когда Наравара еще лежал при смерти, власть в столице перешла в руки еще более узкой клики, чем Большой совет. Во главе ее стояла сестра Наравары, к которой примыкало несколько министров и дворцовых евнухов. Они изолировали королевский дворец от внешнего мира и стали в своем кружке перебирать кандидатов на престол. Старшие сыновья Пье снова были обойдены. Выбор клики пал на троюродного брата Наравары принца Минредждоина, который и был выкликнут королем. Двое старших братьев Наравары попробовали заявить протест, но тут же были казнены. Другие члены королевской семьи перед лицом таких решительных действий поневоле сплотились и попытались силой низложить узурпатора. Но поднятый ими мятеж был быстро подавлен, и все они были истреблены [142, с. 201; 207, с. 140].

Оставшийся без родственников Минредждоин, возможно благодаря именно этому обстоятельству, царствовал долго, целых 25 лет (1673—1698). Но в течение всего этого времени он оставался лишь марионеткой на троне. Реальная власть переходила время от времени от одной феодальной клики к другой, но все эти временщики, спеша обогатиться, пока они находятся у государственной кормушки, нисколько не заботились о государственных нуждах. Из всей этой пестрой толпы не вышел ни один министр типа кардинала Ришелье.

Военная мощь страны была подорвана, и она стала легкой добычей своих воинственных соседей. В 1675 г. сиамский король Нарай произвел опустошительный набег на юго-восточную Бирму и увел в Сиам много пленных. Вскоре после этого с северо-запада в страну вторгся раджа Манипура и отторг от Бирмы ряд районов, которые с тех пор так и остались в составе Индии [72, с. 182].

Внешняя торговля все больше приходила в упадок. В 1676 г. руководство голландской Ост-Индской компании приняло решение закрыть свои фактории в Бирме (английская фактория в Сириаме закрылась еще в 1657 г.). Торговля с другими азиатскими странами тоже резко сократилась из-за произвола и вымогательств таможенных чиновников, которые больше не чувствовали над собой твердую руку правительства.

В 80-х годах XVII в. английская Ост-Индская компания снова заинтересовалась Бирмой и предприняла попытку заполнить вакуум, образовавшийся на бирманском рынке. В 1680 г. губернатор форта Сент-Джордж в Мадрасе — центра английской Ост-Индской компании в Индии — начал переговоры с бирманским правительством. В Аву прибыл посол губернатора Жуан Перейра, который представил королю Минредждоину проект торгового договора из 18 пунктов. В этом проекте англичане предлагали снизить таможенные пошлины с 16,5 до 5%. Перейра при этом сообщил, что власти Могольской империи вообще освободили английскую компанию от экспортных и импортных пошлин, но это не произвело никакого впечатления на бирманских министров. Далее англичане просили разрешения снова открыть факторию в Сириаме, Аве или Мартабане с предоставлением им бесплатно земли и дома. В статье 10 проекта предлагалось, чтобы судебные споры между англичанами и местными жителями разбирал сам король, а не провинциальные судьи (это было довольно скромное требование, если учесть, что

голландцы к этому времени уже добились экстерриториальности в Сиаме и многих других странах). В статье 17 предлагалось, чтобы король дал Компании право наибольшего благоприятствования, т. е. чтобы «все привилегии, которые король даст другим народам, распространялись и на англичан» [140, с. 112]. Наконец, английский представитель просил у короля разрешения устроить в Бирме предприятие Компании по добыче селитры, важного стратегического сырья, и нанимать для этого по дешевой цене местных рабочих [140, с. 107—115].

В январе 1681 г. Перейра вернулся в Мадрас с ответом бирманского короля. Минреджодин отказался подписать представленный английской компанией проект договора, но предложил прислать в Аву новое посольство для дальнейших переговоров.

В сентябре 1684 г. в Бирму прибыло новое посольство во главе с капитаном Питером Додом. Этот посол не был даже допущен в столицу. Видимо, в Бирме стало известно о чрезмерной активности англичан во враждебном ей Сиаме. В это время король Нарай доверил управление своим важнейшим портом Мергуи, расположенным у границы с Бирмой, так же как и сиамским флотом в Бенгальском заливе, двум англичанам — Р. Барнеби и С. Уайту. В гарнизон Мергуи было включено несколько сот английских наемников [10, с. 116—117]. Все это, естественно, вызвало настороженность бирманского правительства, и Дод вернулся в Мадрас только с письмом от губернатора Сириама, составленным в очень сдержанных выражениях [140, с. 121].

Дальнейшие события в значительной мере подтвердили опасения бирманского правительства. В конце 1684 г. фаворит Нарая европейский авантюрист К. Фалькон (в то время ставленник английской Ост-Индской компании) убедил сиамского короля объявить войну Бирме и Голконде, которая велась бы силами сиамского флота под командованием англичан. Основной удар этого флота, однако, был нанесен в 1685 г. по богатой Голконде. А в следующем году сиамо-английский союз был расторгнут, и Англия начала войну против Сиама. С. Уайт, все еще командовавший сиамским флотом, успел уже после начала английской агрессии захватить бирманский остров Негрэ, формально от имени сиамского короля, а фактически для создания там английской базы согласно указанию руководства английской Компании в Мадрасе. Затем он поднял мятеж и с помощью английского флота овладел Мергуи. После того как в июле 1687 г. сиамцы выбили англичан из Мергуи, командир английской эскадры А. Вельтден отправился на Негрэ и поднял здесь британский флаг, официально объявив эту территорию собственностью английского короля [10, с. 144].

Английская оккупация Негрэ, однако, продолжалась недолго. Начавшаяся война с Могольской империей вынудила англичан стянуть свои силы в Индию, а остров был оставлен. Однако этот эпизод, естественно, не мог благоприятно повлиять на развитие бирмано-английских отношений [38, с. 266].

Соперник Англии — Франция воспользовалась ситуацией и к 1688 г. получила разрешение открыть свою факторию в Сириаме. В 1692 г. в Мартабан зашел английский корабль «Св. Антоний», который был конфискован, как судно враждебного государства. В связи с этим в 1695 г. губернатор Мадраса Хиггинсон направил в Бирму новое посольство, чтобы еще раз попытаться заключить торговый договор [142, с. 203].

31 декабря 1695 г. после долгого ожидания послы Э. Флитвуд и Дж. Лесли были приняты королем. Переговоры не дали каких-либо серьезных результатов. В ответ на просьбу англичан разрешить им построить судоверфь в Сириаме (бирманский строевой лес — тик славился по всему Востоку) король сначала позволил построить в Сириаме два корабля, но потом, видимо посоветовавшись с министрами, исключил это обещание из письменного ответа Хиггинсону. В остальном он ответил, что просьбы англичан о льготах и привилегиях будут рассматриваться только после открытия постоянной фактории в Сириаме и каждый раз только в отдельном конкретном случае. В сентябре 1697 г. в Бирму прибыло новое английское посольство во главе с Т. Боуером. Оно снова подняло вопрос о добыче в Бирме селитры, однако переговоры оказались

неудачными [140, с. 192]. В 1698 г. Минреджодин умер и королем был избран его сын Сане (1698—1714), очередная марионетка на бирманском троне. При нем несколько оживились воинственные амбиции бирманской знати. В 1699 г. началась подготовка к походу на Сиам, но дело ограничилось незначительными пограничными стычками. В 1707 г. бирманская армия совершила набег на араканский город Сандовай и разорила его. Необходимость приобретения европейского оружия повлекла за собой сближение бирманского правительства с английской Ост-Индской компанией, и в 1709 г. в Сириаме была открыта английская фактория. Вскоре англичанам было разрешено построить в Сириаме судовойфь. Помимо оружия английская Компания ввозила в Бирму некоторые европейские товары, плоды арековой пальмы и кокосы с Никобарских островов, а вывозила слоновую кость, лак, перец, кардамон, хлопок, шелк-сырец, драгоценные камни, серебро, олово, свинец, медь, железо, нефть [142, с. 206—207].

Несколько активизировались и внешние сношения Бирмы. В 1711—1712 гг. два бирманских посольства посетили двор Могольской империи, и одно ответное посольство могольского императора прибыло в Аву. Но в целом королевство Бирма все больше приходило в состояние стагнации [140, с. 201].

При сыне Сане короле Танингангве (1714—1733) положение стало еще хуже. То и дело вспыхивали феодальные мятежи. В 1725 г. Чиангмай окончательно отложился от Бирмы, избрав своего короля. Страна фактически опять распалась на мелкие княжества, как это было на рубеже XVI—XVII вв.

Аракан в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Последние годы правления Сандатудхаммы не были богаты яркими событиями. Покончив с войнами, король стал очень богомолен и занялся строительством пагод. В казне, благодаря прежним грабежам, было еще достаточно денег, но новых доходов не предвиделось. После утраты большей части флота и форпостов в Бенгале торговля рабами упала до минимума. Кое-что король получал от экспорта риса, но после подчинения Матарама в 1678 г. Батавия перешла в основном на потребление яванского риса и все меньше нуждалась в подвозе продовольствия из Аракана. Письма араканского короля, который не так давно еще называл голландского генерал-губернатора своим вассалом, теперь звучат скромно, почти просительно. Генерал-губернатора он теперь величает «великим и мудрым».

«Пользуюсь случаем, чтобы с отправляющимся судном написать Вашему Превосходительству и справиться о Вашем здоровье,— говорится в письме Сандатудхаммы от 22 февраля 1680 г.— Капитан Томас Сталь (глава голландской фактории в Мрохаунге.— Э. Б.), находившийся здесь, умер. Вместо него остался купец Антони Крамер. Я полагаю, что он будет утвержден на этом посту» [прил., док. 108]. Другими словами, араканский король опасается, что голландская фактория в Мрохаунге будет закрыта. И действительно, опасения Сандатудхаммы были вполне обоснованы.

В письме нового генерал-губернатора Корнелиса Спеелмана от 20 сентября 1682 г. за обычным вежливым приветствием следует такой текст: «Генерал-губернатор Рейклоф ван Гуне, которому было направлено письмо Его Величества в ноябре 1681 г., был отозван в Голландию, а генерал-губернатором был избран Корнелис Спеелман, который вместе с Советом Индии готов поддерживать и дальше старинную дружбу, связывающую королей Аракана и Компанию. Ради поддержания этой дружбы мы послали Дирка Вонка заменить покойного капитана Томаса Сталя в Аракане в надежде, что он будет там приобретать рабов и вести торговлю с прибылью, чтобы окупить расходы на содержание фактории и служащих, но эти надежды, как видно из письма капитана, не оправдались. Поэтому генерал-губернатор и совет Индии были вынуждены, чтобы освободить Компанию от расходов, принять решение закрыть факторию» [прил., док. 112]. Иными словами — нет

рабов, нет и торговли. Впрочем, голландцы не совсем отказались от услуг своего старого союзника. Уже в следующем году они обратились к нему с не совсем обычной просьбой. На отбитой ими сравнительно недавно у португальцев Шри Ланке португальские миссионеры успели обратить в католицизм довольно значительную часть населения. Руководство же Компании предпочитало, чтобы эти католики-шриланкийцы вернулись к своей старой «языческой» вере, а не исповедовали политически неблагонадежный, с точки зрения голландской Компании, толк христианства. По просьбе К. Спеелмана Сандатудхамма направил на Шри Ланку представительную миссию из сорока монахов, наиболее опытных в толковании буддийского писания. В союзе с местным буддийским духовенством они, видимо, действительно вернули в лоно буддизма многих шриланкийских католиков [107, с. 61; 142, с. 145].

В 1684 г. Сандатудхамма умер и на престол взошел его сын Тиритурья (1684—1685). Ему было суждено царствовать не более года. Огромная армия наемников, собранная из авантюристов десятка стран, которую содержали араканские короли, после окончания победоносных пиратских походов оказалась не у дел. Пока был жив Сандатудхамма, их удерживала твердая рука этого правителя. К тому же в казне еще было достаточно денег, чтобы выплачивать жалованье войску. Теперь же и деньги стали подходить к концу, и новый правитель не пользовался авторитетом. А аппетиты наемников возросли. Поэтому, когда в 1685 г. брат короля Варадхаммараза пообещал гвардии⁵⁷ богатую награду, если она посадит его на трон, гвардейцы не только убили Тиритурью, но и попутно разграбили королевскую казну. Естественно, Варадхаммаразе не из чего было заплатить им обещанную награду, и это вызвало новый мятеж наемников, во время которого они сожгли королевский дворец. Затем они рассеялись по сельской местности, добывая себе средства к существованию единственным известным им ремеслом — грабежом.

Варадхаммараза кое-как договорился с ними о взаимном нейтралитете и продержался на троне семь лет — срок рекордный для этого периода. В 1692 г. гвардейцы свергли и его, посадив на трон третьего сына Сандатудхаммы принца Мунитудхаммаразу, а через два года они убили и этого монарха, посадив на престол четвертого сына старого короля—пирата, и такие события повторялись с монотонностью в среднем раз в два года, пока в 1710 г. араканский феодал Махадандабо сумел собрать достаточные силы, чтобы справиться с наемниками и выселить их на остров Рамри, где их потомки живут до сих пор [38, с. 280—281; 107, с. 63; 142, с. 148].

Сиам и английская Ост-Индская компания

В 1661 г. после почти сорокалетнего перерыва вновь открылась английская фактория в Аютии. Сиамское правительство, полагая, что возобновление английской фактории явится серьезным ударом по голландской торговой монополии в Сиаме, делало все от него зависящее, чтобы поощрить развитие английской торговли. Английской фактории было вновь безвозмездно предоставлено обширное каменное здание, которое она занимала в начале XVII в. Король Нарай решил простить Компании старые долги, сделанные ею в 20-х годах. Сумма этих долгов (очевидно, вместе с процентами) к этому времени достигла огромной цифры— 120 тыс. бат [прил., док. 123] (прожиточный минимум в Сиаме в это время оценивался в 6 бат в год).

Первые отчеты английских факторов в Сиаме полны оптимизма и надежд на большие доходы. Постепенно, однако, выяснилось, что конкуренция с голландцами совсем не такое простое дело, как казалось в начале. До середины 70-х годов торговые дела англичан шли неважно и не раз вставал вопрос о закрытии аютийской фактории.

⁵⁷ Ядро ее составляли индийские мусульмане, но характерно, что в стране ее называли «феринги», т. е. «франки» — европейцы [38, с. 281].

Новый интерес к сиамской торговле пробудился у английской Ост-Индской компании в конце Третьей англо-голландской войны (1672—1674). В декабре 1674 г. в Аютию прибыло английское посольство во главе с Хэмоном Гиббоном. Здесь его приняли с почестями, Ост-Индской компании были предоставлены большие привилегии, зафиксированные в тарре (жалованной грамоте) министра иностранных дел—пакланга от 13 февраля 1675 г. [прил., док. 96]. Английские торговцы в Сиаме были освобождены от всех пошлин. Им было разрешено свободно торговать всеми товарами, кроме «запрещенных», т. е. представлявших государственную торговую монополию. Причем даже из государственной монополии для них были сделаны существенные исключения. Английской компании было разрешено свободно покупать олово, свинец, медь и (после получения каждый раз специального разрешения) слоновую кость и рога носорога. Чтобы облегчить успешное развитие английской торговли, Нарай предоставил Компании беспроцентный заем деньгами и товарами на сумму 31 840 бат [216, т. II, с. 133].

Наконец, в ноябре 1675 г., сиамские власти предоставили Ост-Индской компании еще одну крайне важную привилегию — монопольное право на закупку олова в ряде районов Малакк-ского полуострова (в Чумпоне, Чайе, Татунге и Помпине) [прил., док. 99]. Эта привилегия давала Компании не только торговые, но и стратегические выгоды, так как предоставленные англичанам рудники были расположены вдоль кратчайшего сухопутного пути через полуостров из Бенгальского в Сиамский залив (на перешейке Кра).

Разумеется, все эти блага король Нарай предоставил Компании отнюдь не из личной симпатии к Гиббону и его коллегам. В своей борьбе с Голландией Сиам нуждался в военной и технической помощи. В том же донесении, в котором они сообщают о полученном займе и привилегиях, Гиббон, Сангер и Рамсден пишут, что король просит прислать ему инженеров, артиллеристов, литейщиков и других специалистов, которые помогли бы ему наладить оборону [216, т. II, с. 134—135].

Власти Ост-Индской компании, однако, не спешили выполнить эту просьбу. Вместо помощи инженерами и военными специалистами бантамский совет английской Ост-Индской компании прислал сиамскому королю художественные изделия из хрусталя и вежливое письмо [46, с. 126, 134].

В сентябре 1678 г. в Аютию прибыл представитель бантамского совета Ричард Барнеби, облеченный чрезвычайными полномочиями. Желая укрепить сиамскую факторию новыми опытными кадрами, Барнеби привлек на службу компании известного интерлопера⁵⁸ Джорджа Уайта, который уже несколько лет работал в Сиаме в качестве лоцмана на Менаме. В числе служащих английской компании, приехавших с Барнеби из Бантама, был талантливый греческий авантюрист Констанций Фалькон, которому предстояло сыграть крупную роль в истории Сиам 80-х годов XVII в. К этой же группе примыкал младший брат Джорджа Уайта, Сэмюэль, направленный в 1677 г. на сиамскую службу мадрасским советом английской Ост-Индской компании. Опираясь на этот штаб, Барнеби развил энергичную деятельность. Вскоре ему удалось внедрить Фалькона в сиамский административный аппарат [92, с. 55].

Фалькон, свободно владевший тайским, малайским и рядом других языков, быстро продвигался по служебной лестнице и вскоре был приближен королем Нараем. Греческий авантюрист стал пользоваться при сиамском дворе очень большим влиянием [60, с. 10—11]. По мнению ряда западных авторов, как современников Фалькона, так и позднейших исследователей, он даже стал определять внешнюю и внутреннюю политику Сиам. Но это мнение ошибочно. Фалькон, безусловно, имел огромное влияние на короля Нарая, особенно в последние два-три года его правления. Однако факты показывают, что в целом ряде случаев, даже в эпоху наивысшего могущества Фалькона, сиамская внешняя политика делалась вопреки его желаниям. Скорее напротив, могущество Фалькона объяснялось тем, что он всегда с исключительной ловкостью применялся к поворотам

⁵⁸ Интерлоперы (нарушители) — не входившие в Ост-Индскую компанию английские купцы, которые нарушали ее торговую монополию.

сиамской внешней политики, которую король Нарай и та группа феодалов, на которую он опирался, начали проводить, еще задолго до появления в Сиаме Фалькона.

Безусловно, отвергая руководящую роль Фалькона в сиамской внешней политике 80-х годов XVII в., следует тем не менее признать, что деятельность Фалькона, всегда прежде всего заботившегося о своих интересах, а затем об интересах своих английских или французских хозяев, несомненно, в значительной мере усугубила последствия ошибочной политики короля Нарая. Ошибка короля Нарая, состоявшая в том, что он, в своей борьбе с голландцами, готов был впустить на свою территорию войска других европейских держав и даже позволить им сооружать здесь крепости⁵⁹, — эта ошибка Нарая была впоследствии мастерски использована и раздута Фальконом в эпизоде французской интервенции в Сиаме. В этом плане, безусловно, можно говорить об активном влиянии Фалькона и тех сил, которые за ним стояли, на сиамскую политику.

Одним из первых поручений, данных Нараем Фалькону, было составление плана военных укреплений. Не имея специального инженерного образования, Фалькон тем не менее быстро составил такой план, «с помощью англичан», как замечает хорошо осведомленный иезуит де Без [60, с. 131. Осуществление этого плана также было поручено Фалькону и его советникам. Строительство велось с большим размахом. Насколько увеличили вновь построенные крепости военную мощь Сиама — неясно⁶⁰. Однако несомненно, что новая барщина легла тяжелым бременем на плечи сиамских крестьян. Даже очень расположенный к Фалькону де Без пишет о глубоком возмущении народа, о петициях и жалобах крестьян [60, с. 13].

Благодаря щедрым подаркам короля, беззастенчивому казнокрадству и ведущимся с большим размахом торговым операциям нищий Фалькон быстро превратился в миллионера. Ему лично принадлежало несколько торговых судов. В обеих столицах королевства — Аютии и Луво он построил себе роскошные каменные дворцы, которые обслуживали несколько сот рабов. В то же время (пока его не перекупили французы) он оставался верным агентом английской Компании.

Ему удалось добиться назначения Сэмюэля Уайта, уже и раньше служившего в сиамском флоте, шабандаром (комендантом) порта Мергуи [92, с. 66]. Это внешне скромное звание на деле давало его носителю огромную власть, так как шабандару Мергуи была поручена оборона всего западного побережья Сиама. Ему были подчинены все морские и сухопутные вооруженные силы в этом районе и весь королевский торговый флот. Ему же принадлежало право сбора всех пошлин и налогов в провинции Тенассерим.

На должность губернатора Мергуи Фалькон сумел продвинуть своего бывшего шефа Ричарда Барнеби, который к этому времени оставил службу в Компании, хотя и сохранил с ней тесные связи. Бывший служащий английской фактории Томас Иветт был назначен заведующим сиамской факторией в Масу-липатаме [46, с. 172; 92, с. 55]. Ответственные посты на сиамской службе получили и другие англичане.

Постепенно вытесняя из местного аппарата сиамцев и «мавров», Барнеби и Уайту удалось почти целиком заполнить его англичанами или португальцами. Число англичан, нахлынувших тогда в Мергуи, достигло вместе с семьями 200 человек [92, с. 99].

К началу 80-х годов XVII в. поведение англичан в Сиаме становится все более вызывающим. Так, в 1679 г. английский инженер, состоявший на сиамской службе, Джордж Лоуренс был уличен в убийстве трех человек, причем в двух убийствах он признался сам [46, с. 148].

Большое возмущение у сиамцев вызвало также поведение главы английской фактории в Сиаме Сэмюэля Поттса. Подавляющее большинство современников характеризует его как человека, достигшего полного морального разложения. Этому в

⁵⁹ Это проявилось уже в предложении уступить англичанам Паттани почти за два года до поступления Фалькона на сиамскую службу [216, т II, с. 183].

⁶⁰ Во всяком случае, показательно, что несколько лет спустя, собираясь вступить в войну с голландцами, Нарай готов был отдать приказание срыть их [150, с. 222].

значительной мере способствовало сознание своей экстерриториальности и безнаказанности. Некоторые из «подвигов» Поттса кратко излагаются в ноте короля Нарая Ост-Индской компании от 11 августа 1687 г. «Сэмюэль Поттс, уполномоченный английской Компании в 2226 г. (1682 г.— Э. Б.), собрал несколько хулиганов, которые нарушали покой королевской столицы... своими постоянными дебошами и стрельбой из мушкетов на улицах по ночам, несмотря на строгое запрещение министров Его Величества. Когда же власти задержали одного из главарей этих бродяг, упомянутый Сэмюэль Поттс и его приверженцы вырвали его из рук правосудия, применив оружие» [прил., док. 123]. Несколько позже Поттс, проворовавшись, поджег английскую факторию и не допустил к ней сиамских пожарных [46, с. 174; 152, с. 78].

Все эти эксцессы, естественно, сильно уронили престиж англичан в Сиаме, но главным было то, что английская Ост-Индская компания по-прежнему не оказывала никакой военной помощи Нараяу.

Начавшееся между Сиамом и Англией охлаждение углубилось после прибытия в Аютию из Лондона в сентябре 1682 г. посольства во главе с Вильямом Стренгом. Вскоре после приезда послы были приняты праклангом. Послам были оказаны соответствующие почести. Однако высокомерный тон Стренга и требование односторонних уступок мало способствовали успеху переговоров. Стренг потребовал, в частности, чтобы Сиам ежегодно закупал определенные английские товары на 30 тыс. бат, независимо от того, нужны ли стране эти товары. Серьезный конфликт вызвало также притязание Стренга на отмену государственной торговой монополии на медь в пользу Компании. Когда эти его претензии были отвергнуты, он стал прибегать к тайной скупке меди на черном рынке. Эти махинации вскоре были раскрыты, и Стренгу было предложено покинуть Сиам [152, с. 83].

Разгневанный столь «непочтительным» обращением, Стренг приказал всему яерсоналу английской фактории выехать вместе с ним. В то же время он обратился к властям Ост-Индской компании с предложением немедленно начать агрессивные действия против Сиам. Предложения Стренга нашли сочувственный отклик в Лондоне и вошли впоследствии в конкретный план нападения на Сиам и Могольскую империю, разработанный английской Ост-Индской компанией.

Осенью 1684 г. неофициальный представитель Ост-Индской компании в Сиаме Сэмюэль Баррон, который прибыл в Аютию вскоре после отъезда Стренга, представил правлению Компании подробный план ведения войны против Сиам, основанный на тщательном изучении местной обстановки. Ссылаясь на опыт голландской агрессии против Сиам, он утверждал, что для победы над Сиамом англичанам потребуются сравнительно небольшие силы. По его мнению, для этого достаточно будет послать два крупных (50—60-пушечных) и два небольших (10—15-пушечных) военных корабля. Эту эскадру он предлагает разделить на две группы. Одна из них должна будет крейсировать в районе острова Уби, перехватывая сиамские суда, идущие в Китай и Японию, другая же будет «грабить сиамское побережье... чтобы поразить ужасом прибрежных жителей, а также уничтожать и захватывать сиамские и индийские суда» [216, т. III, с. 326-329].

Военные действия на море Баррон предлагал дополнить экономической и политической диверсиями внутри Сиам. Для этого он советовал, во-первых, переманить многочисленных китайских купцов, проживающих в Сиаме, «в какую-нибудь новую английскую колонию в Южных морях», во-вторых, спровоцировать антиправительственные восстания в малайских княжествах Южного Сиам (Паттани, Сингоре и др.). По мнению Баррона, «их (малайцев.— Э. Б.) легко побудить к восстанию против короля и к подчинению достопочтенной Компании». Баррон даже представляет предварительную смету расходов на организацию этих мятежей — он их оценивает в 5—6 тыс. долл. [216, т. III, с. 329].

Этот развернутый план войны против Сиам попал в Лондон в начале лета 1685 г. и сразу получил горячую поддержку со стороны президента Ост-Индской компании

Джошуа Чайлда. Планы, разработанные Джошуа Чайлдом и Советом директоров английской Ост-Индской компании, включали в себя также и нападение на империю Великих Моголов. Основным театром военных действий должен был стать Бенгальский залив. На Восточном побережье Бенгальского залива предполагалось осуществить захват Мергуи. Здесь преследовалось одновременно несколько целей: 1) получить в этом районе исключительно удобную военно-морскую базу с прекрасной гаванью и богатыми запасами корабельного леса и провианта; 2) лишить французов возможности завладеть этой базой (базируясь одновременно на Мергуи и Пондишери, французы, независимо от времени года, могли бы господствовать в Бенгальском заливе). В таком же точно положении оказались бы и англичане, владея одновременно Мергуи и фортом Сен-Джордж (Мадрас); 3) наложить руку на торговый путь Бенгальский залив — Аютия — Сиамский залив, крайней западной точкой которого являлся Мергуи [92, с. 190].

Планы Джошуа Чайлда были одобрены правительством Якова II. Был отдан приказ снарядить эскадру из 10 судов, во главе которой был поставлен вице-адмирал Николсон. Для действий на суше эскадре были приданы 6 рот пехоты, весьма значительная сила для того времени [92, с. 190; 216, т. IV с. 39]. Дело было за предлогом для войны. И он был быстро найден: им стал так называемый голкондский инцидент. Уже упоминавшиеся выше Ричард Барнеби и Сэмюэль Уайт, получивший к тому времени пост командующего сиамским флотом в Бенгальском заливе, использовали данную им власть не для организации обороны побережья от голландцев, а для грабительского набега на богатое индийское государство — Голконду [8, с. 35—41; 82, с. 185; 92, с. 83—85]. Хотя всем было известно, что Уайт и ему подобные — английские пираты, английская Компания потребовала ответ за их пиратство с Сиамом. Впрочем, еще за полгода до вручения английского ультиматума королю Нараю, осенью 1686 г., когда на Восток прибыла эскадра адмирала Николсона, на всех наиболее оживленных морских путях от Красного моря до Тихого океана без объявления войны началась охота «а сиамские торговые суда. Между тем Уайт, продолжая свою предательскую деятельность, готовился к сдаче Мергуи Ост-Индской компании. В мае 1687 г. ему удалось вывести из города сиамские войска. Когда в конце июня в Мергуи бросили якоря два английских корабля под командованием капитана Энтони Вельтдена, привезшего ультиматум, в этом городе оставалась только одна реальная вооруженная сила — местная английская колония [46, с. 338; 92, с. 151, 168, 182; 216, т. IV, с. 280].

В ожидании ответа на ультиматум из Аютии англичане формально заключили с сиамцами 60-дневное перемирие. Однако английская Ост-Индская компания уже считала город своей полной собственностью. Чтобы внушить «почтение» к новой власти, Вельтден и Уайт установили в Мергуи режим террора. Многие горожане были убиты [141, т. II, с. 65].

Но террор англичан не принес им желаемого результата. Напротив, он ускорил взрыв народного негодования. Толпы крестьян, вооруженных самым разнообразным оружием, двинулись к Мергуи. На море близ города появились сотни рыбацких лодок, спешно переоборудованных для военных нужд. В самом Мергуи горожане под руководством патристически настроенных чиновников тайно установили в прибрежном лесу новую батарею. Так как арсенал находился в руках Уайта, необходимо было срочно наладить производство боеприпасов. Эта задача была успешно решена. В качестве артиллерийских снарядов использовали, в частности, сосуды, наполненные порохом. Крестьяне окрестных деревень отказывались продавать оккупантам продовольствие, весь свой скот они угнали в горы [46, с. 342—343; 92, с. 217—218].

В ночь на 15 июля 1687 г. в Мергуи началось народное восстание. Уверенные в своем военном превосходстве и считавшие, что сиамцы способны действовать только по приказу высшей власти, англичане были захвачены врасплох. Потеряв почти всех солдат, Уайт и Вельтден еле добрались до своих кораблей и, преследуемые сиамскими судами,

были вынуждены укрыться в лабиринте островов у Тенассеримского побережья [92, с. 237; 216, т. IV, с. 280].

Между тем власти Ост-Индской компании, ничего не подозревая, в августе 1687 г. направили в Мергуи еще один корабль с воинскими подкреплениями на борту. Фрегат вошел в гавань Мергуи, где был окружен сиамскими судами. Англичанам пришлось сдаться [46, с. 356; 92, с. 263].

После такого сокрушительного поражения англичане уже больше не решались открыто нападать на сиамское побережье, хотя и продолжали охотиться на сиамские торговые суда. Существенную роль здесь сыграло также прибытие в Сиам осенью

1687 г. второго французского посольства и размещение в Бангкоке и Мергуи французских гарнизонов. Последние Стюарты, тесно связанные с Людовиком XIV, ни за что не решились бы на открытый военный конфликт с Францией. Поэтому английская Ост-Индская компания в этой ситуации заняла выжидательную позицию.

Сиамское правительство, со своей стороны, также не стремилось раздувать конфликт с Англией. Весной 1688 г. оно проявило инициативу в ведении мирных переговоров. Но формальный мир так никогда и не был заключен из-за бурных событий 1688 г., повлекших за собой фактическое закрытие Сиама для европейцев.

Французское проникновение в Сиам

Французы появились в Сиаме позже других европейцев, но французская агрессия против Сиама в 80-х годах XVII в. стала наиболее серьезной угрозой для независимости страны в этом столетии, полном войн и конфликтов.

Первыми разведчиками, проложившими дорогу в Сиам для французских купцов (а затем и войск), были католические миссионеры. Во главе их стояли епископы Ламбер де Ла Мотт и Франсуа Паллю, руководители Французской иностранной миссии, основанной в 1659 г. французским духовенством в противовес португальским католическим миссиям, которые до этого времени пользовались монополией пропаганды христианства на Востоке.

Прибыв в Сиам в 1662 г., французские епископы сразу оценили выгоды этого места (в географическом и политическом отношении) для развертывания пропаганды христианской веры. Здесь можно было встретить представителей всех восточных народов. Терпимость сиамского правительства к другим религиям способствовала образованию в стране многочисленной христианской общины. Значительную ее часть составляли португальцы и их потомки. В Сиаме проживало большое число японских и вьетнамских эмигрантов христиан. Были также христиане китайцы и бирманцы. Христиан из местного населения — тайцев было очень мало, но епископы надеялись изменить это положение. Всего же только в столице Сиама — Аютии в 1662 г. насчитывалось свыше 2 тыс. христиан. Учитывая это обстоятельство, Ламбер де Ла Мотт и Паллю решили сделать Аютию штаб-квартирой Французской иностранной миссии, чтобы распространять отсюда христианскую веру по всей Юго-Восточной Азии и Дальнему Востоку [123, с. 59; 148, с. 10].

Свою деятельность в Сиаме епископы начали с того, что установили тесный контакт с сиамскими властями. Они твердили королю Нарая о могуществе и бескорыстии Франции и намекали на возможность ее помощи против Голландии. Сиамский король, в свою очередь, оказывал миссионерам самую широкую поддержку. Религиозная пропаганда миссии не встречала никаких препятствий со стороны местных властей. Большинство миссионеров было знакомо с ремеслами и наукой. В Сиам приезжали миссионеры часовщики, механики, математики, даже астрономы. В 70-х годах врач-миссионер Шербоно завоевал такое расположение короля Нарая, что тот назначил его губернатором острова Джанк Сейлон, одной из важнейших провинций Сиама. Бесплатно обучая сиамских детей различным наукам и ремеслам, миссионеры

стремились внедрить свою идеологию во все слои сиамского общества [58, с. 152—153; 79, т. II, с. 127, 154; 141, т. II, с. 166].

В 1666 г. Паллю возвратился во Францию с массой ценных сведений не столько о состоянии религии в Сиаме, сколько о его политическом и экономическом положении. В письме на имя Людовика XIV он предлагал незамедлительно открыть французские торговые фактории на сиамском побережье, упоминая многочисленные выгоды, которые можно будет здесь получить. Тогда же впервые французскими миссионерами была пущена в ход версия (совершенно не отвечающая действительности) о готовности сиамцев и их короля перейти в христианскую веру, если им ее растолкуют надлежащим образом [148, с. 22].

Сведения, доставленные Паллю, заинтересовали французский двор. Когда Паллю, задержавшийся из-за франко-голландской войны, наконец, в начале 1670 г. отплыл в Сиам, он вез с собой весьма любезное и дружественное письмо Людовика XIV королю Нараю [прил., док. 79] и не менее любезное и дружественное письмо папы Климента IX (прил., док. 78). В этих посланиях оба они горячо благодарили Нарая за поддержку, оказанную французским миссионерам. К письмам прилагались богатые подарки. Паллю и Ламбер де Ла Мотт были возведены в ранг королевских послов [256, т. I, с. 40]. 16 октября 1673 г. король Нарай с неслышанным почетом принял французских послов. Впервые в истории сиамского двора была отменена церемония, согласно которой иностранные послы должны были простираться ниц перед тронном короля. Епископы и сопровождавшие их лица разговаривали с Нараем сидя. Во время этого приема была достигнута договоренность об открытии в Сиаме французской фактории. Через несколько дней послам был вручен ответ Нарая на письмо Людовика XIV. Одновременно им сообщили о решении Нарая послать посольство к французскому королю [238, с. 136].

Однако в разгар этих приготовлений в Сиам пришло известие о начале Второй франко-голландской войны (1672—1678). При безусловном господстве Голландии в восточных морях у посольства не было фактически никаких шансов добраться до Франции. По этой же причине открытие фактории пришлось отложить на семь лет. Не дошло до адресата и письмо Нарая к Людовику XIV. Миссионер де Шамессон, взявшийся доставить его во Францию и заодно на вербовать там новых миссионеров, не сумел добраться дальше восточного побережья Индии. Здесь весной 1674 г. он был арестован голкондцами, возмущенными разбойничьим нападением французских войск на город Сен-Томе, заключен в тюрьму и умер вскоре после освобождения.

Связи между Францией и Сиамом были прерваны на несколько лет [148, с. 15; 245, с. 54].

Только в сентябре 1680 г. в Аютию прибыл Буро-Деланд, первый директор французской фактории в Сиаме. Он сразу же вступил в тесный контакт с преемником Ламбера де Ла Мотта на посту главы французских миссионеров в Сиаме епископом Лано. Вдвоем им удалось привлечь на французскую сторону Констанция Фалькона, который в 1682 г. перешел в католичество. Продолжая до 1685 г. оказывать услуги англичанам, Фалькон сначала тайно, а потом и явно стал французским агентом [46, с. 159; 152, с. 85].

В декабре 1680 г. во Францию было отправлено первое сиамское посольство во главе с Пья Пипат Косой. Послы везли с собой богатые подарки и письма короля Нарая и пракланга к Людовику XIV, папе, Кольберу и главе французской Ост-Индской компании Берри. Но судно с посольством пропало без вести между Индией и мысом Доброй Надежды. Среди современников ходили упорные слухи, что оно было потоплено голландцами, несмотря на то что формально Голландия не воевала в это время ни с Францией, ни с Сиамом [152, с. 64—66].

Не обескураженный этой неудачей, Нарай направил во Францию новое посольство во главе с Кун Пичай Валитом и Кун Пичит Майтри, которое прибыло в Париж в октябре 1684 г. Внутреннюю и внешнюю политику Франции в это время направляли иезуиты. В стране царил католическая реакция. Сам Людовик XIV

чувствовал себя чем-то вроде крестоносца, распространителя «истинной веры». В такой обстановке прибытие посольства из «языческой» страны, которая, по уверениям миссионеров, уже почти готова принять христианство, Людовик XIV и его окружение приняли с энтузиазмом [152, с. 99; 238, с. 139]. Было решено немедленно послать ответное посольство. По мысли Людовика XIV и его приближенных, распространение христианства в Сиаме повлекло бы за собой установление в этой стране (в той или иной форме) власти французского короля. Французская Ост-Индская компания тогда получила бы полную свободу действий в Сиаме, а европейским соперникам Франции — Англии и в особенности Голландии — был бы нанесен тяжелый удар. Людовик XIV намеревался в дальнейшем превратить Сиам в базу для распространения французского влияния на все страны Дальнего Востока.

В сентябре 1685 г. французское посольство во главе с шевалье де Шомоном прибыло в Сиам. Заместителем де Шомона был назначен аббат де Шуази. На него возлагалась обязанность после обращения Нарая стать его духовником, т. е., по понятиям французского двора, руководителем сиамской политики. Вместе с посольством ехало четверо новых миссионеров, членов Французской иностранной миссии. Разумеется, дело не обошлось без иезуитов. В состав экспедиции входило шесть представителей этого всесильного ордена, специально отобранных из большого числа кандидатов. Помимо ведения христианской пропаганды им была поручена еще одна весьма ответственная, по сути дела чисто военная, задача — составление карт, изучение морских течений и господствующих ветров. Все они обладали специальными познаниями в математике и астрономии [82, с. 1—2; 156, с. 198; 245, с. 55; 247, с. 211].

В Сиаме посольству был оказан внешне очень торжественный прием. Однако на деле не все шло так гладко, как могло казаться поверхностному наблюдателю. Даже в Королевском совете, отличавшемся исключительным сервизмом, Нарай не сразу добился одобрения своего курса в отношении Франции. Многие члены Совета считали, что этот курс ведет к иностранному засилью в стране [82, с. 144].

Во время переговоров борьба в основном разгорелась вокруг предъявленного Нарая требования перейти в христианство (и, следовательно, христианизировать свою страну) [прил., док. 118]. Само по себе это требование было настолько абсурдно, что даже во Франции XVII в. многие представители интеллигенции открыто издевались над ним. Еще до отъезда де Шомона известный французский писатель Лабрюйер писал: «Бели бы нам сказали, что подлинная цель сиамского посольства заключается в том, чтобы заставить нашего христианнейшего короля отречься от христианства, допустить в свое королевство буддийских монахов, которые проникнут в наши дома, чтобы убеждать наших жен, детей и нас самих принять их религию, разрешить им построить пагоды в центре наших городов, где они воздвигнут металлические статуи для поклонения,— с какой насмешкой, с каким возмущением восприняли бы мы эти столь экстравагантные требования. Мы, однако, направляемся за шесть тысяч лье по морю для обращения Индии, Сиам, Китая к Японии, т. е. для того, чтобы совершенно серьезно делать всем этих народам предложения, которые должны им казаться смешными и безумными...» (цит. по [245, с. 103]).

Тем не менее де Шомон с завидной настойчивостью на каждой аудиенции вновь и вновь возвращался к этому вопросу, ставя в зависимость от него решение всех остальных вопросов. А поскольку главным требованием сиамского правительства было заключение оборонительного союза против Голландии, оба эти вопроса оказались неразрывно связанными на всем протяжении переговоров и так и остались неразрешенными. Тем не менее Нарай не счел возможным прервать переговоры.

В ответе на меморандум де Шомона он с большим достоинством отклонил предложение французского посла о перемене религии, «которая существует в его королевстве 2229 лет» [150, с. 219]. Вместе с тем Нарай вновь подтвердил свои дружеские чувства к Франции и готовность в любой момент подписать договор о союзе. Он обещал

дать всевозможные льготы и привилегии французской Ост-Индской компании. Словом, он готов был сейчас идти на любые односторонние уступки в надежде добиться, хотя бы в будущем, поддержки Франции. И действительно, дальнейшие переговоры свелись к тому, что де Шомон, фактически ничего не обещая, выставлял одно требование за другим, а сиамское правительство их удовлетворяло.

Важнейшим вопросом, обсуждавшимся в этой части переговоров, был вопрос о привилегиях христиан. Полуторавековой опыт португальских и французских миссионеров в Сиаме показал, что местное буддийское население очень слабо поддается воздействию христианской пропаганды. Это было вполне естественно, так как Сиам уже давно пережил период формирования классового общества, наиболее благоприятный для распространения религии типа христианства. В то же время в Сиаме еще не было таких мощных антифеодальных движений, как в Японии, которые могли бы использовать христианство в качестве своего знамени. Наконец, буддийская церковь в Сиаме пользовалась в это время еще большим авторитетом, христианство же ко второй половине XVII в. было уже сильно скомпрометировано разбойничьими подвигами португальцев, испанцев, голландцев и англичан. Французские миссионеры вполне отчетливо понимали, что сколько-нибудь значительное распространение христианства в Сиаме возможно лишь искусственным путем, т. е. в результате административного нажима либо в результате предоставления христианам особых, исключительных прав и привилегий.

Именно с этой целью были выработаны де Шомоном (очевидно, в сотрудничестве с епископом Лано и аббатом Шуази) его «Пять требований» по вопросам религии [прил., док. 119]: 1) полная свобода христианской пропаганды; 2) предоставление сиамцам, обучающимся в христианской школе, так же как и ушедшим в христианский монастырь, прав буддийских монахов, т. е. освобождение от всех налогов и повинностей; 3) освобождение христиан от всех работ по воскресеньям и в дни многочисленных церковных праздников; 4) передача дел об освобождении от повинностей больных и престарелых христиан особому чиновнику; 5) неподсудность христиан обычным сиамским судам, т. е. практически их экстерриториальность независимо от подданства.

Опубликование этих требований, в особенности пятого, как замечал проницательный иезуит де Без, могло повести только к взрыву народного негодования и «сделать христианскую религию и христиан одиозными» в глазах народа [60, с. 49].

Тем не менее де Шомон настоял на своем, и 10 декабря 1685 г. Фалькон, преодолев сильную оппозицию в Королевской совете, подписал от имени сиамского правительства «Трактат о предоставлении привилегий апостолическим миссионерам», полностью принимавший «Пять требований», хотя опубликование его было отсрочено до более подходящего времени [60, с. 49].

На следующий день были подписаны «Привилегии, дарованные королем Сиам французской Ост-Индской компании», состоявшие из 13 статей [прил., док. 120]. Компании было дано право свободно торговать в Сиаме с освобождением от всех пошлин на ввоз и вывоз. Она получала монопольное право торговли в округе Джанк Сейлон. Таким образом, в распоряжение французов были предоставлены богатейшие оловянные месторождения Сиам. В последней, секретной статье король Сиам даровал французской Компании весь округ Сингору (полузависимое от Сиам малайское княжество) с правом укреплять его и использовать по своему усмотрению.

Для руководства фортификационными укреплениями в Сиаме был оставлен опытный инженер де Ла Мар. Нарай, кроме того, назначил адъютанта де Шомона — графа Форбена командующим флотом и губернатором Бангкока [82, с. 216; 116, с. 46].

Односторонние уступки Сиам были весьма велики, но наиболее «экстремистской» части французского посольства — иезуитам они казались незначительными. Параллельно с официальными переговорами происходили тайные, засекреченные даже от де Шомона и де Шуази, переговоры Фалькона с иезуитом Ташаром, доверенным лицом духовника Людовика XIV. Фалькон и Татар совместно разработали конкретный план полного

подчинения Сиам французскому королю и католической церкви, сводившийся в основном к подрыву сиамского государственного аппарата изнутри путем размещения французов на всех важнейших постах и оказанию давления на Сиам извне путем создания на его территории французских городов-колоний с мощными гарнизонами [прил., док. 121]. Фалькон предлагал прислать из Франции 60—70 человек, которым бы он, пользуясь своим влиянием, предоставил посты губернаторов провинций и городов, комендантов крепостей, генералов и офицеров сиамской армии и флота и даже членов Королевского совета. В их число, по его мнению, должны были входить иезуиты, одетые в светское платье, но никто, даже среди европейцев, не должен был подозревать об их принадлежности к ордену. Большое внимание Фалькон уделял созданию в Сиаме опорных пунктов для французских войск. «Необходимо иметь две хорошие колонии, обеспеченные достаточным количеством солдат,— писал он.— После того как это будет осуществлено, нечего будет бояться» [прил., док. 121].

Формально во главе государства по-прежнему оставался бы сиамский король, но он превратился бы в марионетку в руках французского наместника. На роль последнего Фалькон, разумеется, прочил себя. Была заранее заготовлена и кандидатура марионеточного короля — им должен был стать приемный сын Нарая принц Мон Пит. Этот честолюбивый, но недалекий юноша, права которого на престол признавались далеко не всеми, мог бы послужить удобным орудием в руках опытного интригана Фалькона⁶¹.

18 июня 1686 г. третье посольство, направленное Нараем к Людовику XIV, прибыло во Францию. Во главе посольства стоял Пья Висут Сунтон, один из талантливейших сиамских дипломатов. Он раньше многих осознал опасность европейского проникновения в страну и не скрывал этого. Посольство сопровождал Ташар, который вез тайный план Фалькона [87, с. 11; 167, с. 81].

В ходе переговоров с Пья Висут Сунтоном за военную помощь, на которую рассчитывал Сиам, французы потребовали передать им Мергуи и Бангкок, обладая которыми флот Франции мог бы господствовать как в Бенгальском, так и в Сиамском заливах и контролировать важнейшие торговые пути между Индией и Китаем. Но для Сиамы передача этих городов в чужие руки была равносильна потере государственной независимости. Поэтому такое требование встретило со стороны сиамских послов самый решительный отпор, после чего французский двор потерял к послам всякий интерес [60, с. 81; 245, с. 74].

Правительство Людовика XIV начало спешно готовить новое, на сей раз хорошо вооруженное посольство, доводы которого должны были подкреплять эскадра из шести военных судов и 12 рот пехоты под командой генерала Дефаржа. Во главе посольства стояли королевский представитель адвокат Ла Лубер и один из директоров французской Ост-Индской компании — Себре дю Буллэ. Вместе с пушками и солдатами в Сиам были направлены 12 тщательно отобранных иезуитов, обладавших различными полезными специальностями [152, с. 155; 156, с. 207; 238, с. 143—146].

Послы Франции были снабжены следующей инструкцией Людовика XIV: «Его Величество желает, чтобы о. Ташар предложил г. Констанцию (Фалькону.— Э. Б.) поместить именем и по уполномочию сиамского короля французского губернатора в Бангкоке и разместить в этом городе французский гарнизон с правом укреплять его на европейский лад и охранять его для короля Сиамы от покушений соседних королей или голландцев. Порт Мергуи имеет такое же значение для торговли с Коромандельским побережьем и остальной Индией, как Бангкок для торговли в Сиамском заливе и с Китайским побережьем. Поэтому надо требовать, чтобы в обоих городах были поставлены французские губернаторы с гарнизоном... Это позволит Компании не зависеть от голландцев, так как отпадает надобность пользоваться Зондским или Малаккским

⁶¹ Ища опоры в борьбе с другими претендентами на трон, Мон Пит действительно стал ревностным сторонником Фалькона и, по-видимому, даже тайно принял христианство [10, с. 182].

проливом... В случае, если будет потеряна всякая надежда добиться этого путем переговоров, Его Величество приказывает атаковать Бангкок и овладеть им силой» [245, с. 79—80].

1 марта 1687 г. тщательно снаряженное посольство отплыло из Бреста. 27 сентября того же года после семимесячного плавания французская эскадра стала на якорь у отмели, преграждающей вход в устье Менама.

Однако Ла Лубер и Себре не спешили съехать на берег. Вся артиллерия эскадры была приведена в боевую готовность. Сиамские послы содержались в своих каютах на положении почетных пленников. Единственным человеком, высадившимся на берег, был Ташар. Он вез Фалькону ультиматум, суть которого сводилась к требованию, изложенному в инструкции Людовика XIV, и известие, что усердие Фалькона вознаграждено Людовиком XIV, пожаловавшим ему титул графа и высший французский орден [60, с. 81; 248, с. 143].

На срочно созванном заседании Королевского совета мнения разошлись. Командир слоновой гвардии Пра Петрача убеждал короля и Совет не соглашаться с доводами Фалькона, требовавшего принять ультиматум. «Король может отрубить мне голову,— заявил тогда, по словам де Беза, Пра Петрача,— но я никогда не дам своего согласия на допуск французских войск, гибельный для Сиама». В страстной полуторачасовой речи Пет-рача убеждал короля и Совет не поддаваться доводам Фалькона. «Петрача напомнил Совету все случаи, когда восточные монархи, дружелюбно приняв у себя португальцев или голландцев, теряли потом свои государства и сами были обращены в рабство»,— писал об этом заседании де Без [60, с. 88].

Однако большинство членов Совета высказалось за принятие французского ультиматума. Тут сказалось, видимо, не только дипломатическое искусство Фалькона, но и убеждение в том, что, имея на руках войну с Англией и назревающую войну с Голландией, невысказанно начинать войну с третьей европейской державой. Лучше уж иметь французов в качестве сомнительных друзей, чем открытых врагов.

Поэтому, несмотря на энергичные протесты Петрачи, который наотрез отказался приложить, свою печать (заменявшую в то время подпись) к решению Совета, французский ультиматум был принят.

16 октября Ташар, по уполномочию Фалькона, подписал вместе с Ла Лубером и Себре «Соглашения», оформляющие эту уступку [прил., док. 124].

«Соглашения 16 октября» состояли из 15 статей, к которым добавлена шестнадцатая, секретная, содержание которой, разумеется, не было известно сиамскому правительству. Желая оградить себя от всяких случайностей, Фалькон и Ташар не стали заносить ее на бумагу и отметили в соглашениях лишь самый факт существования такой статьи — «секретной договоренности относительно войск (имеются в виду французские войска в Сиаме.— Э. Б.), достигнутой между Его Высокопревосходительством Константином Фальконом и о. Ташаром, которая сообщена их Высокопревосходительствам г. г. де ла Луберу и Себре, причем они поклялись на святом Евангелии хранить эту тайну и обещали не помещать ее в своих отчетах и не сообщать никому ни прямо, ни косвенно, кроме как Его Христианнейшему Величеству и Его Высокопревосходительству г-ну маркизу де Сеньеле, и то только устно, а не письменно».

Подробностей этого тайного соглашения мы, видимо, никогда не узнаем, но нетрудно догадаться, что такая, исключительная секретность могла быть вызвана только тем, что в этой статье говорилось об использовании французских войск против Сиама с целью его подчинения.

Опубликованные статьи «Соглашений» закрепляли режим полной и фактически бесконтрольной оккупации Бангкока и Мергуи. Они устанавливали, что французские войска, которые разместятся в Бангкоке и Мергуи, не будут подчиняться никому из сиамцев и иностранцев-нефранцузов, а будут исполнять приказы короля Сиама, переданные через его первого министра, т. е. Фалькона, при условии, если они не

противоречат приказам короля Франции. Седьмая статья обеспечивала французским войскам экстерриториальность. В ряде статей подчеркивалась исключительная роль иезуитов. В соответствии с четырнадцатой статьей, например, глава иезуитов в Сиаме назначался заместителем и преемником Фалькона на посту премьер-министра.

На следующий день после подписания «Соглашений» началась высадка французских войск в Бангкоке. 18 октября генерал Дефарж торжественно въехал в город и принял на себя обязанности губернатора. 19 октября съехали на берег Ла Лу-бер и Себре. Первый шаг, который они предприняли после того, как убедились, что все укрепления Бангкока находятся под контролем французов, было нарушение только что заключенного договора. Послы объявили, что пребывание сиамских войск в Бангкоке «несовместимо с честью Франции и величием французского короля» [245, с. 83—84], и потребовали их немедленного вывода. Фалькону удалось добиться принятия и этого требования. Для того чтобы хоть немного замаскировать вероломство французов, он предложил «компромиссное решение». В Бангкоке оставалось 100 сиамских солдат под командой четырех французских офицеров — военная единица, имеющая чисто символическое значение. Укрепившись в Бангкоке, французы стали добиваться от Нарая дальнейших уступок.

11 декабря 1687 г. был заключен «договор о торговле и привилегиях в области торговли». Новый договор существенно расширял привилегии, уже предоставленные французской Ост-Индской компании в 1684 и 1685 гг. [прил., док. 125].

Французам удалось добиться отмены государственной торговой монополии на орлиное дерево и некоторые другие виды товаров. Кроме того, если в договоре 1685 г. нарушение французской Компанией государственной монополии и других условий договора каралось лишением привилегий, то в новом договоре не предусматривалось никаких санкций для французов в случае нарушения договора. Безнаказанное нарушение торговой монополии облегчалось еще тем, что в новом договоре Ла Лубер и Себре выговорили французской Компании свободу от таможенного досмотра. Теперь при въезде и выезде «служащие Компании обязаны только предъявлять письменную декларацию о грузе судна» (ст. 2). Это, разумеется, обеспечивало для них полную бесконтрольность торговых операций. Послы добились также установления твердых, выгодных для Компании цен, по которым она будет покупать товары на государственных складах (ст. 2).

Весьма важной уступкой, которую удалось вырвать Ла Луберу и Себре, было обязательство короля по требованию французской Компании перепродавать ей купленные им импортные товары «по той цене, по которой они были куплены у доставивших их» (ст. 2). Таким образом, сиамское торговое ведомство превращалось в своеобразную «заготовительную контору» французской Компании и при этом работающую за свой счет. По договору от 11 декабря 1687 г. Франция получила также новое территориальное приобретение, на этот раз не в завуалированной форме передачи «для вечной охраны», а непосредственно в полную собственность. «Король Сиама благосклонно предоставляет французской Компании в полную собственность любой остров на расстоянии не менее 10 миль от порта Мергуи, с правом укреплять его, возводить здания и использовать по своему усмотрению... и предоставляет полностью суверенные права и осуществление правосудия и все прочее, что может быть передано на этом острове указанной Компании» [245, с. 84]. Через день после подписания договора Фалькон получил вознаграждение за свое усердие. 13 декабря Себре подписал с ним конвенцию, по которой в дальнейшем Фалькон должен был ежегодно получать 10% прибыли, извлекаемой Фракцией в Сиаме [245, с. 88].

Поскольку общие итоги переговоров не могли ни в малой степени удовлетворить сиамское правительство, король Нарай решил послать во Францию еще одно, четвертое по счету, посольство. Посольство это носило не совсем обычный характер. Во главе его был поставлен не сиамский мандарин, а иезуит Ташар. По-видимому, Нарай считал, что такое назначение польстит Людовику XIV, сделает его более податливым [238, с. 144].

Но расчет Нарая был, конечно, совершенно ошибочным. Действуя в качестве сиамского посла, Ташар заботился, разумеется, только об интересах Франции, Общества Иисуса и ставленника иезуитов Фалькона.

Вернувшись во Францию, Ташар 1 марта 1689 г. подписал от имени короля Нарая новый франко-сиамский договор, состоявший из девяти пунктов. В договоре еще раз подчеркивалось, что приказы сиамского короля могут приниматься к исполнению только в том случае, если они не противоречат приказам Людовика XIV. Далее устанавливалось, что французские войска могут находиться только под командой французов, т. е. французские отряды не могут входить как составная часть в сиамскую армию, а должны действовать самостоятельно. Пресловутый вопрос о присяге разрешался следующим образом — французские войска должны приносить присягу в том, что будут выступать вместе с сиамцами «только против общих врагов». Проще говоря, помощь против Голландии или других агрессоров будет оказана Сиаму только в том случае, если сама Франция находится в состоянии войны с этими странами. В благодарность же за эту сомнительную услугу сиамское правительство должно построить для французов в Бангкоке за свой счет крепость с четырьмя фортами [245, с. 911].

Для закрепления достигнутых успехов и их дальнейшего развития начиная с осени 1688 г., во Франции спешно готовилась новая, третья по счету, военная экспедиция в Сиам. Даже угроза надвигающейся европейской войны не могла заставить французское правительство отменить ее.

Примерно в это же время был выдвинут проект перенесения центра французской Ост-Индской компании на Востоке из Пондишери в Мергуи. Помимо политических соображений в пользу этого перемещения приводился тот довод, что Мергуи обладает значительно лучшей гаванью [238, с. 148—149].

В марте 1689 г. Людовик XIV подписал указ, назначающий генерального директора французской Ост-Индской компании в Индии Франсуа Мартина главою всех торговых факторий в Сиаме и инспектором французского гарнизона в Мергуи. Ему было предоставлено право «свободно требовать от короля войска и вооружения в количестве, необходимом для интересов Компании» [156, с. 217].

В то время как французская Ост-Индская компания готовилась развернуть свою торговую деятельность в Сиаме, Ташар и его коллеги иезуиты с не меньшей энергией вербовали кандидатов на военные и административные должности в Сиаме. Вместо 60—70 человек, которых просил Фалькон в своем плане 1685 г., было набрано более 100 агентов, значительная часть которых, по-видимому, тайно состояла в иезуитском ордене [152, с. 114].

Для доставки экспедиции в Сиам было приказано сформировать эскадру, первоначально из четырех, затем из шести кораблей (три судна принадлежали Компании, три — государству). Помимо экипажа и добровольцев Ташара суда должны были доставить в Сиам значительный отряд пехоты и отряд гвардейской конницы под командой капитана королевской гвардии маркиза д'Эраньи, который также должен был осуществлять общее командование в качестве генерал-инспектора французских войск в Сиаме [238, с. 147—148].

Полномочия д'Эраньи этим «е ограничивались. Кавалерийский отряд под его командой должен был стать личной охраной короля Нарая, осуществляющей одновременно две задачи — охранять короля от недовольства его подданных и держать его Род стражей как почетного пленника. Такая «дружественная охрана» явилась бы осуществлением старого плана Фалькона, который любил повторять: «Кто владеет королем, тот владеет королевством» [60, с. 93].

Подобная тактика, к которой в свое время прибегал и Кортес в Мексике, имела известное основание, учитывая тот огромный авторитет, которым пользовалась королевская власть в Сиаме (конечно, как и испанцы в Мексике, французы не могли бы бесконечно долго пользоваться этим обстоятельством, но некоторое время, безусловно,

держа в своих руках короля Нарая, д'Эраньи оставался бы фактически правителем Сиама). Точная характеристика задач, поставленных французским правительством перед д'Эраньи, дается в работе тайландского историка Констри Субамонкала: «Создать в этом королевстве подлинный протекторат под маской дружбы и союза и при удобном случае, хотя бы и силой, установить суверенитет великого монарха Запада» [245, с. 91].

В инструкции, составленной для д'Эраньи, говорилось: «...в случае, если, вопреки всем ожиданиям, король Сиама, убежденный или принужденный своими злонамеренными подданными, захочет переменить политику и совершит или допустит совершить что-нибудь во вред интересам Его Величества, безопасности его войск и указанных мест (т. е. городов, оккупированных французами.— Э. Б.), Его Величество желает, чтобы г-н Дефарж вооруженной силой удерживал эти места, и конфисковал для этой цели доходы и плоды земли района Бангкока, и захватил бы крепость Таланкан и город Пипли (Петбу-ри.— Э. Б.), и принял бы все меры, которые посчитает нужными, для того, чтобы заставить мятежников сдаться и признать авторитет Его величества Людовика XIV» [прил., док. 128].

В случае смерти короля Нарая инструкция предлагает д'Эраньи добиться, хотя бы и вооруженной силой, чтобы Фаль-кон сохранил за собой всю ту власть, которой он пользовался при покойном короле. В этом разделе инструкции власть Фалькона, по сути дела, отождествляется с властью французов. Инструкция предусматривает и возможность гибели Фалькона в результате этого восстания. В таком случае д'Эраньи и Дефарж должны немедленно захватить все важнейшие пункты королевства и, не дожидаясь враждебных действий со стороны сиамцев, взять заложниками наиболее влиятельных мандаринов [прил., док. 128].

К весне 1689 г. все уже было готово, но объявление войны Испании, 15 апреля 1689 г., задержало отплытие. Вскоре после этого Людовик XIV присоединил суда, предназначенные для Сиама, к эскадре, действующей против Ирландии, в помощь Якову II. Отплытие было отложено до осени. В сентябре 1689 г. по приказу Сеньеле вновь была сформирована эскадра из шести судов во главе с адмиралом Дюкен-Гиттоном. Но 6 ноября, за несколько дней до предполагавшегося отплытия во Францию, наконец пришло запоздалое известие о том, что полтора года назад, в мае 1688 г., король Нарай был низложен, а французский гарнизон после нескольких месяцев кровопролитной борьбы с позором изгнан из Сиама (156, с. 218—219].

Изгнание французских войск из Сиама

Сразу же после отплытия посольства Ла Лубера и Себре оставшиеся в Сиаме французы, пользуясь вновь заключенными договорами, начали энергично «осваивать» богатства Сиама. Глава французской фактории в Аютии Вере развернул обширную коммерческую деятельность, вытесняя с помощью Фалькона индийских и голландских купцов. Наряду с этим он добился монополии на разработку медных рудников близ Луво. К началу февраля 1688 г. работа здесь шла уже полным ходом, сотни сиамских крестьян, принудительно согнанных на рудники, трудились под присмотром привезенных из Франции мастеров — специалистов горного дела [175, с. 347].

Подневольный труд местного населения широко использовался и при постройке новых укреплений европейского типа в Бангкоке и Мергуи, которые должны были послужить оплотом французской власти в Сиаме. По приказу Фалькона для строительных работ в Бангкоке было направлено 1500 человек. На строительстве крепости в Мергуи работало 3 тыс. местных жителей. Силами местного населения в спешном порядке строились новые церкви и семинарии для иезуитов в Лопбури и Аютии, казармы и госпиталь в Бангкоке [60, с. 109; 167, с. 271]. Кроме этого, не поддающееся учету число сиамских крестьян было оторвано от работы для транспортировки в Бангкок и Мергуи строительных материалов (камня, леса,

металла) и огромного количества продовольственных запасов. Предвидя возможность долговременной осады Бангкока в случае разрыва с Сиамом, французские послы, несмотря на сильное противодействие короля Нарая, сумели настоять на том, чтобы в Бангкоке был создан 18-месячный запас провианта, и теперь этот запас усиленно выколачивался из тех же сиамских крестьян [175, с. 344].

Почувствовав себя увереннее после прибытия французских войск, Фалькон еще глубже запустил руку в сиамскую казну. «Роскошь, в которой он жил, была почти оскорблением для нищей нации, которую, как думали, он грабил», — писал даже положительно относившийся к нему список Тюрпин [256, т. 1, с. 49]. Фалькон щедрой рукой раздавал подачки своим друзьям иезуитам и французским офицерам, многие из которых устремились в Сиам специально, чтобы поправить свою фортуна. На одни только «подарки» за три года (1685—1688) Фалькон истратил более 100 тыс. крон. К этому надо еще прибавить стоимость непрерывных пиров, праздников и фейерверков, которые он устраивал в честь своих французских и английских друзей [204, с. 111].

Немалая доля труда тайского народа ушла за море в виде подарков от могущественного временщика королям, принцам, папе, кардиналам, министрам, директорам Ост-Индской компании и всем, кто в той или иной мере мог быть полезен Фалькону. Большие средства были вложены Фальконом в Ост-Индскую компанию. К началу 1688 г. эта сумма возросла до 300 тыс. ливров [238, с. 148]. Кроме того, есть основания полагать, что он успел переправить в Англию и Францию при помощи частных лиц не меньшие суммы.

Наконец, деньги сиамцев Фалькон использовал для идеологической диверсии в их собственной среде: жена Фалькона специально скупала детей у родителей, которые вынуждены были их продавать, чтобы расквитаться с долгами или уплатить недоимку. Детей тут же крестили, чтобы воспитать из них ревностных поборников христианской веры и преданных слуг французского короля. Дело было поставлено с большим размахом. В доме Фалькона одновременно воспитывалось более 120 детей [60, с. 33].

Не менее вызывающим образом вели себя и хозяева Фалькона — французы. «Овладев Бангкоком, французы стали нестерпимо заносчивы», — писал по этому поводу английский путешественник Гамильтон [141, т. II, с. 173]. Более развернутую характеристику поведения оккупантов дает Тюрпин: «Французские офицеры и солдаты, которые остались в Сиаме, злоупотребили доверием, которое им оказали. Убежденные в своем превосходстве, вытекающем из их силы и знаний, на которые они слишком полагались, вместо того чтобы расположить к себе сиамцев, они стали требовать, чтобы те оказывали им почтение. С непристойными насмешками они осуждали все, что не соответствовало их обычаям и предрассудкам» [256, т. I, с. 90]. Положение особенно обострилось, когда Фалькон, поощряемый иезуитами, стал притеснять мусульман и буддийских монахов, начал изгонять из государственного аппарата наиболее ревностных сторонников буддизма и заменять их своими ставленниками [245, с. 93]. Это не могло не вызвать возмущение всего народа. Если в 1685 г. антифранцузская партия была еще слабо оформлена и состояла главным образом из представителей верхушки, то теперь антифранцузское движение приняло массовый, народный характер.

Организованная оппозиция еще к началу 1688 г. была численно невелика. Во главе ее стоял уже упоминавшийся Пра Петрача, талантливый военачальник, выдвинувшийся во время войны с Камбоджей и Южным Вьетнамом.

Ближайшим помощником Петрачи был глава буддийской церкви Сиама, санкрат королевского храма в Лопбури, где была резиденция Нарая. Поскольку Нарай мало благоволил к буддийской церкви, так же, впрочем, как и ко всякой другой, то отношения у санкрата и короля были весьма натянутые. Вообще следует сказать, что король по своим убеждениям, по крайней мере в последние годы, был близок к атеизму. Петрача, напротив, был очень тесно связан с буддийским духовенством и при

каждом удобном случае подчеркивал свою приверженность национальной религии — буддизму [60, с. 34; 127, с. 190]. Буддийские монахи, которых в первую очередь задело французское проникновение, сыграли огромную роль в организации сопротивления иностранцам.

Третьим вождем заговора стал Пья Висут Сунтон (будущий пракланг и первый министр Пья Коса Тибоди) — типичный представитель сямской служилой знати, которую вытесняли с государственных постов европейские авантюристы, ставленники Фалькона. Видную роль в заговоре играл также командир конной гвардии Нарая Пья Хуссейн Хан, индеец по национальности. За ним стояли многочисленные индийские купцы-мусульмане, жестоко страдавшие от преследования Фалькона, который стремился полностью вытеснить их из Сиам. Моральную поддержку заговорщики получали от других восточных государств, с тревогой и негодованием следивших за проникновением французов в Сиам [167, с. 26—27; 261, с. 172].

Некоторую помощь заговорщикам оказали даже голландцы, которыми руководило желание насолить своим торговым соперникам [245, с. 94].

Но главной силой восстания, без которой кучка заговорщиков была бы легко и быстро раздавлена французской военной машиной, конечно, был народ. Крайне тяжелое положение народных масс, из которых в последние годы правления короля Нарая выжимали все соки, значительно повысило их политическую активность. «Эти несчастные,— писал иезуит Ле Блан,— стонавшие под тяжестью своей нынешней нищеты, смотрели на любое движение как на перемену судьбы, которая может быть для них только благоприятной» [167, с. 49—50].

Примерно ту же мысль высказывает в своем отчете де Без. Феодальный грабеж в государстве Нарая, в силу развития товарно-денежных отношений, достиг таких размеров, что неизбежно должен был произойти революционный взрыв. Французское вторжение могло только ускорить падение династии Прасат Тонга. Следует отметить, что заговорщики умело использовали настроение народа. В своей агитации Петрача и его приверженцы напирали не только на защиту национальной религии. Они обещали народу снижение налогов [121, с. 31].

В начале 1688 г. заговорщики еще пытались привлечь к антифранцузскому движению и самого короля Нарая. На прием к королю один за другим являлись патриотически настроенные представители чиновничества и публично обвиняли Фалькона в государственной измене. Но король Нарай не желал ничего слушать. Обвинители Фалькона были приговорены к смертной казни — растерзанию тиграми. После этого «хождение во дворец» прекратилось. Среди заговорщиков стали брать верх сторонники более решительных мер [60, с. 87, 90; 167, с. 28].

После трагической гибели обвинителей Фалькона и грубого ответа Нарая султану Джохора, который также предостерегал его от французов, у заговорщиков уже не оставалось никакой надежды, что король изменит свою политику. Судьба Нарая была решена в марте 1688 г. на многочисленном собрании в пагоде, расположенной близ Луво. Перед собравшимися со страстной речью выступил Петрача, обладавший, по свидетельству современников, незаурядным ораторским талантом. Речь, начатую словами: «Мы — узники!», он закончил призывом к свержению Нарая. Собрание руководителей заговора единодушно решило низложить короля [122, с. 13; 167, с. 51].

Осведомленный через своих шпионов о заговоре, Фалькон решил прибегнуть к крайним мерам. Он вызвал из Бангкока в Лопбури генерала Дефаржа с отборным отрядом французских войск, чтобы нанести заговорщикам решительный удар, прежде чем они приступят к действиям. Но Дефарж, выступивший из Бангкока 13 апреля, не сумел продвинуться дальше Аютии. По городу распространился слух, что король умер и французы идут в Лопбури грабить дворец и сажать на трон своего ставленника. Аютия закипела. На улицах стали собираться воинственно настроенные толпы. Дефарж счел за

лучшее вывести войска из сиамской столицы и вернуться в Бангкок [60, с. 109—110; 122, с. 14; 175, с. 348].

Поход Дефаржа на Лопбури еще больше накалил обстановку в стране. Заговорщики решили развернуть активную борьбу. В провинции были посланы поднимать народ буддийские монахи. В короткое время заговорщикам удалось стянуть в Лопбури значительные силы. В ночь с 17 на 18 мая 1688 г. в Лопбури началось восстание. Основным лозунгом повстанцев было: «Освободить короля, захваченного чужеземцами!».

Случайно оказавшийся в толпе Ле Блан дает красочную картину этого действительно всенародного выступления: «Толпа людей без порядка и почти без оружия...— пишет он,— одни с топорами, которыми они рубили деревья, другие с бамбуковыми палками, окованными железом или обожженными на конце, мандарины с саблями и щитами, пехота, кавалерия — все перемешалось... В первых рядах шесть человек несли на руках санкрата, который жестами и голосом вдохновлял восставших» [167, с. 144].

Несмотря на внешнюю беспорядочность движения, во всем чувствовалась большая организованность и дисциплина — ко дворцу толпа подошла в полнейшем молчании. В самый дворец вошла лишь небольшая группа заговорщиков, которая без единого выстрела арестовала короля, соблюдая, впрочем, весь придворный этикет (король был изолирован в своей спальне). Народу объявили, что больной король передал власть в руки Петрачи. Вождь восстания был провозглашен регентом королевства [60, с. 116; 167, с. 144]⁶².

В тот же день был арестован Фалькон и казнен принц Мои Пит — кандидат на роль марионеточного короля под французским протекторатом. Первоначально Петрача, видимо, хотел использовать Фалькона как заложника. Но французы проявили полнейшее равнодушие к судьбе своего ставленника, и 5 июня сиамский суд приговорил Фалькона к смертной казни⁶³.

Захватив власть, Петрача вступил в переговоры с французским командующим об эвакуации французов. Дефарж, однако, затянул переговоры до тех пор, пока в начале июня в Бангкоке не было закончено строительство укреплений и на них установлены батареи. Затем он приказал безжалостно топить все суда, идущие по Менаму. В ответ на протест еще остававшихся в крепости примерно 40 сиамских солдат и офицеров Дефарж разоружил их и повесил двух солдат на валу — на виду у жителей города [155, т. I, с. 33; 204, с. 125].

По существу, это было объявлением войны Сиаму. Но сиамцы воздержались от немедленного ответного нападения на крепость, а лишь придвинули свои войска к Бангкоку. Петрача вызвал к себе епископа Лано и предложил ему ехать в Бангкок парламентаром, чтобы прекратить кровопролитие. Тем временем Дефарж непрерывно бомбардировал сиамские позиции, хотя ответных залпов не было [121, с. 26; 167, с. 243, 247].

В эти же дни французам удалось захватить на подступах к форту несколько сиамцев. Дефарж распорядился посадить их на кол и выставить на видном месте [прил., док. 129]. Гнев и возмущение народа после этого нового злодеяния уже не имели границ. Люди толпами шли из ближайших и дальних деревень, чтобы принять участие в борьбе с иностранными захватчиками. Сам Дефарж был вынужден отдать должное мужеству, энтузиазму и самоотверженности народа, боровшегося за свою независимость. «Их ярость была так велика и всеобща,— пишет он,— что распространялась даже на женщин. Одни из них добровольно приносили и готовили пищу для солдат, а другие работали на фортах вместе с мужчинами, желая, таким образом, принять участие в нашем поражении» [121, с. 33].

⁶² После смерти Нарая в начале августа 1688 г. Пра Петрача был избран королем [167, с. 349].

⁶³ Ему отрубили голову, что кажется гуманным по сравнению со зверскими расправами Дефаржа над сиамскими пленными в Бангкоке [60, с. 132].

С изумлением смотрели французы на неслыханные темпы работы сиамцев — этих «признанных лодырей», по их мнению. Ведь до сих пор им был известен только сиамец, работающий из-под палки на феодала. «В короткий срок они проделали невероятное количество работы,— сообщает Дефарж,— помимо укрепления, построенного ночью, несмотря на наш обстрел, на Западном форте они также окружили нас палисадами на близкой дистанции от наших пушек, а за ними выстроили 9 фортов, на которых установили пушки. Более того, от Бангкока до устья реки они построили несколько фортов, чтобы предотвратить помощь извне. Они привезли 140 пушек из Аютии и, чтобы доставить их на форты, минуя нас, прорыли специальный канал... Они заградили отмель в устье реки пятью-шестью рядами высоких и толстых деревьев, оставив лишь узкий проход, который легко было закрыть железной цепью, и держали для охраны прохода большое число вооруженных галер» [121, с. 35— 36]. Такие достижения в течение считанных дней тем более удивительны, что работе мешали тропические дожди.

Поняв, что борьба предстоит нешуточная, Дефарж стал подумывать о том, чтобы окончить дело миром. В это время Петрача предоставил ему возможность начать переговоры. 24 июня он возвратил французскому командующему обоих его сыновей — офицеров, которые попали в плен к сиамцам, не ставя при этом никаких условий. В ответ на принципиальное согласие Дефаржа покинуть Бангкок и Мергуи сиамское правительство немедленно прекратило все враждебные действия против французов и их приверженцев [175, с. 355].

В августе 1688 г. были выработаны условия соглашения об эвакуации Бангкока (вопрос об эвакуации Мергуи отпал, так как французы были выбиты оттуда еще 24 июня). По этому соглашению правительство Петрачи предоставило в распоряжение французов крупный корабль и денежный заем в размере 24 тыс. бат для покупки двух судов меньшего размера и продовольствия. Главными поручителями и вместе с тем заложниками, гарантировавшими возвращение займа и арендованного корабля, были объявлены глава духовенства французской колонии епископ Лано и ее политический руководитель Вере [прил., док. 129].

Ко 2 ноября 1688 г. погрузка провианта, снаряжения и артиллерии на суда была наконец закончена, и настал день отплытия. «Дефарж потребовал включить в договор, что (от Бангкока.— Э. Б.) до устья реки его будут сопровождать два сиамских заложника,— писал в 1693 г. пракланг Пья Коса Тибоди.— Он объяснял это тем, что опасается вероломства сиамцев» [прил., док. 129]. Однако как раз французы увенчали этот последний день своего пребывания в Сиаме таким неслыханным вероломством, перед которым, пожалуй, бледнеют все их прежние «подвиги».

Сиамцы, как было уговорено, представили двух заложников — губернатора Аютии и видного чиновника по имени Пра Ранг Сонграм, которые были помещены на судно Дефаржа. В свою очередь, два французских офицера были помещены на судно Лыанг Калиярачамайтри, бывшего второго посла в посольстве 1686 г. во Франции. В числе провожающих были также главные поручители-заложники епископ Лано и Вере. Сиамцам, по-видимому, и в голову не могло прийти, что эти люди способны бежать, нарушив данную клятву, а главное, бросив на произвол судьбы своих многочисленных соотечественников и подчиненных [184, с. 360].

Между тем это было так. Де Без прямо обвиняет епископа Лано и Вере в предварительном сговоре с этой целью [60, с. 163]. Однако в последнюю минуту нервы Вере не выдержали, и он очутился на французском судне раньше, чем его сообщник успел туда добраться. Видя, что каждую минуту все может открыться, Дефарж решил действовать напролом. Под предлогом завтрака он пригласил к себе на судно Лыанг Калиярачамайтри вместе с обоими временными французскими заложниками — молодым Дефаржем и военным хирургом и в тот момент, когда судно вышло в море, внезапно арестовал всех троих сиамцев [167, с. 92].

В руках сиамцев остались 6 тыс. фунтов солонины, шлюпка с больными и ранеными и епископ Лано, немедленно арестованный возмущенным Пья Коса Тибоди.

Естественным результатом этого явились массовые репрессии против французов. Все французские подданные в Сиаме были брошены в тюрьмы и закованы в кандалы. Впрочем, как резонно замечает в своей ноте от 27 декабря 1693 г. Пья Коса Тибоди, по сиамским законам эти репрессии могли быть гораздо более жестокими. Ни один из французов и сиамских христиан не был казнен. Епископу Лано тюрьма вскоре была заменена домашним арестом [167, с. 96].

4 февраля 1689 г. суда Дефаржа достигли Пондишери. Сюда же тремя неделями раньше, после долгих блужданий в Бенгальском заливе, добрался бывший комендант Мергуи дю Брю-ан с остатками своего отряда [156, с. 264].

Еще раньше, 19 декабря 1688 г., сюда вернулось судно «Кош» под командой капитана д'Арманьяна. В сентябре 1688 г. он отплыл из Пондишери в Мергуи, но в пути разминусь с дю Брюаном. Прибыв в сиамский порт и заподозрив неладное, д'Арманьян на всякий случай напал на вышедшую к нему навстречу сиамскую галеру и захватил ее во время переговоров. Вскоре после этого в Мергуи приехал французский офицер из Бангкока, чтобы объявить о заключении мира. Ознакомившись с условиями соглашения, капитан д'Арманьян решил немедленно «отомстить» — захватить сиамские батареи, сжечь суда в гавани, разграбить и поджечь город.

Начал он с того, что заманил на свой корабль всех англичан и голландцев, находившихся в Мергуи, под предлогом демонстрации товаров, и заковал их в кандалы. Однако общими усилиями всех европейцев его удалось отговорить от этого «карательного мероприятия», несомненно страшно повредившего бы французам, которые еще находились в Бангкоке [167, с. 329].

В общей сложности к началу февраля 1689 г. в Пондишери собралось 8 судов и 350 солдат, силы вполне достаточные для того, чтобы предпринять еще одну военную авантюру.

6 февраля, через день после своего прибытия, Дефарж собрал военный совет с участием Мартина и Вере. Представители Компании играли на этом совещании наиболее активную роль. Мартин предложил направить новую экспедицию против Мергуи. В противовес этому Вере выдвинул предложение захватить остров Джанк Сейлон (Пукет), где помимо хорошей гавани имелись богатейшие оловянные рудники. Его точка зрения была принята большинством военного совета. 10 апреля 1689 г. Дефарж отплыл из Пондишери с эскадрой из четырех судов, имея на борту 330 солдат, в направлении острова Пукет, чтобы предупредить идущую из Франции эскадру Дюкен-Гиттона. С прибытием подкреплений предполагалось начать большую войну против Сиам [156, с. 265].

Но эти планы были сорваны событиями, развертывавшимися в Европе. Экспедиция Дефаржа, проблуждав три месяца в путанице островов у Сиамского побережья, только в июле достигла Пукета. Овладеть островом Дефаржу не удалось, гарнизон его был готов к упорной обороне. В этот момент с прибывшего на Пукет португальского судна Дефаржу сообщили о начавшейся восемь месяцев назад войне с Голландией, к которой вскоре присоединились Англия, Испания и другие державы.

Дефаржу пришлось тут же вернуть сиамцам захваченных им чиновников и спешно возвращаться в оставшийся почти без всякой защиты Пондишери. Немедленно после возвращения Лыанг Калиярачамайтри и Пра Ранг Сонграма епископу Лано была предоставлена свобода [156, с. 286].

Сиам в конце XVII — начале XVIII в.

Известие о перевороте в Сиаме не охладило Ташара, хотя ему пришлось распустить 100 своих «добровольцев». Едва узнав о воцарении Петрачи, он стал

разрабатывать планы новых интриг, построенные на уважении, которое сын Петрачи Льянг Сорасак питал «к учености отцов иезуитов» [245, с. 97]. Дипломатию Ташара, снабженного письмом Людовика XIV к новому королю, должна была поддержать военная сила эскадры Дюкен-Гиттона, состоявшей из 6 кораблей. 24 февраля 1690 г. эскадра покинула Францию и в августе 1690 г. прибыла в Пондишери. К этому времени Дефаржа уже не было в живых. Сам он и большая часть его солдат и офицеров погибли от болезней. Не решившись напасть на Мергуи или Бангкок, Дюкен-Гиттон ограничился «робким крейсированием у берегов Сиам» [238, с. 379].

Попытка Ташара пробраться в Сиам вместе с членами четвертого сиамского посольства, которое он некогда возглавлял, не увенчалась успехом. Правда, после возвращения сиамских послов все арестованные французы были тотчас освобождены, несмотря на то что взятые займы деньги и суда так и не были возвращены Сиаму. Но вступать в какие бы то ни было переговоры с Ташаром сиамское правительство отказалось. Не добившись никаких результатов, в январе 1691 г. эскадра Дюкен-Гиттона отплыла во Францию. Пользуясь оказией, глава французской базы в Пондишери Мартин послал Сеньеле еще одно пространное письмо, в котором доказывал, что вернуться в Сиам можно только силой [156, с. 277].

Татар решил, однако, еще раз испытать свои дипломатические способности и остался в Индии. В июле 1691 г., уже зная о том, что французы в Сиаме выпущены из тюрем, он, чтобы завязать разговор, обратился к праклангу Пья Коса Тибоди с просьбой освободить их. В сентябре того же года в Пондишери приехал сиамец-христианин в сопровождении двух чиновников с ответом.

В этом письме Пья Коса Тибоди заявлял протест против вероломного нарушения договора Дефаржем. Далее он сообщал Ташару то, что тому уже было известно — о гуманном отношении сиамского правительства к французским подданным. Письмо еще раз подтверждало готовность Сиам возобновить торговые отношения с Францией. Однако об уступке французам Мергуи, подчеркивал Пья Коса Тибоди, не может быть и речи [156, с. 282].

После этого французы задержали всех трех послов (в том числе и своего единоверца), а Ташар направил праклангу новое письмо, обещая прибыть в Сиам вместе с французской эскадрой. Год спустя, в сентябре 1692 г., когда стало ясно, что эскадра не придет (Людовику XIV, занятому войной на нескольких фронтах, было не до Сиам), сиамских послов пришлось отпустить, снабдив их новыми письмами. В ответ Пья Коса Тибоди направил обширную ноту, излагающую все претензии Сиам к Франции [прил., док. 129].

Падение Пондишери, захваченного голландцами в сентябре 1693 г., временно прервало дипломатическую переписку. Но в 1697 г., когда стало ясно, что война в Европе кончается, интерес французского правительства и Ост-Индской компании к Сиаму пробудился с новой силой. Едва лишь французские послы выехали в Рисвик для ведения переговоров о мире, преемник Сеньеле, маркиз Поншартрен, отдал приказ готовить новую эскадру под командой адмирала Ожье [156, с. 356].

Через несколько дней после подписания Рисвикского мира 17 августа 1697 г. директор французской Ост-Индской компании Дю Бар предоставил Поншартрену меморандум, в котором излагал задачи этой эскадры: «С прибытием судов Ташар должен возвысить голос и потребовать Мергуи в возмещение убытков, причиненных французам» [156, с. 358]. Номинальный суверенитет, в крайнем случае, дю Бар советовал оставить Сиаму, добившись, однако, права немедленно начать постройку укреплений. Если же не удастся захватить Мергуи, следует захватить остров Джанк Сейлон [156, с. 359].

В августе 1698 г. мощная эскадра Ожье прибыла в Баласор (Бенгал). Оттуда 52-пушечный корабль доставил Ташара в Мергуи. На этот раз французский посол был допущен в Аютию и смог вручить Петраче письмо Людовика XIV, написанное десять лет тому назад.

Однако Петрача проявил такую же твердость, как и 10 лет назад, и решительно отверг захватнические требования французов. После торжественной аудиенции, состоявшейся 28 января 1699 г., Ташар покинул Сиам, увозя с собой очень вежливое, но ни к чему не обязывающее письмо Петрачи. Всю вину за свою неудачу Ташар сваливал на Ожье, который недостаточно энергично поддержал его требования вооруженной силой (Ожье оправдывался тем, что у него не было провианта для ведения войны) [156, с. 439; 245, с. 97]⁶⁴.

Однако подлинную причину краха посольства Ташара вполне объективно изложил миссионер Бранд, занявший место епископа Лано после смерти последнего (около 1700 г.): «Если хотите договориться с сиамцами для блага религии,— писал он,— надо передать все дело в руки директоров Королевской Индийской компании. Эго будут подходящие люди. Сиамцев интересуют только торговые вопросы. Если преподобный отец опять явится сюда один, я не думаю, чтобы дела приняли лучший оборот» [245, с. 100].

Разумеется, уже сама личность Ташара, ставшая для сиамцев символом французской агрессии и иезуитских интриг в Сиаме, никак не могла внушить сиамскому правительству веру в дружелюбные намерения французов. Еще менее приемлемы были для них его предложения. Испытав один раз опасность потери государственной независимости, сиамцы были готовы сражаться до последнего, но не уступать ни пяди своей территории. Бранд и его коллеги, находясь на месте, лучше понимали это, чем Ташар и Людовик XIV во Франции.

В 1700—1703 гг. Ташар и Мартин продолжали делать все новые попытки добиться своего. Например, в одном из писем, направленных Петраче, сообщалось о желании Людовика XIV построить в Мергуи торговую факторию и... два форта «с совершенно мирными намерениями!» [245, с. 1011. Но разразившаяся в Европе война за испанское наследство и полный крах французской Ост-Индской компании принудили Францию оставить наконец Сиам в покое.

В тяжелой борьбе отстояв свою независимость, Сиам в то же время был вынужден отказаться от активной роли экспортера и торгового посредника между странами Южных морей, которая и привлекала к нему в XVII в. внимание иностранных купцов и завоевателей. Фактически Сиам был теперь закрыт для европейцев.

Официального запрета европейцам посещать Сиам никогда не издавалось. На протяжении полутора веков «закрытого» периода в Сиаме продолжало действовать Общество иностранных миссий. Сиамские власти не трогали его, так как его влияние на местное буддийское население было, как и прежде, практически ничтожным. Никто не изгонял из Сиам и голландцев. Однако обширные кварталы Аютии, заселенные в XVII в. европейскими, индийскими, арабскими и китайскими купцами, пришли в запустение. Голландцы, например, сами закрыли свою факторию в начале XVIII в. как нерентабельную. Центр международной торговли переместился в Индонезию, где господствовал голландский торговый капитал и куда со второй половины XVIII в. начали проникать и английские купцы или их торговые агенты, плававшие под британским флагом.

Почти полное прекращение внешней торговли повлекло за собой и упадок внутренней торговли и ремесла в Сиаме. Как сообщает в XVIII в. французский епископ Тюрпин, уже при сыне Петрачи — Пра Чао Сыа (1703—1709) в основном занимались тем, что строили новые храмы, а торговля и ремесло захирели [256, с. 143]. В XVIII в. в ряде случаев происходил возврат от денежной ренты к натуральной.

Доходы государства, поступавшие от торговых монополий, исчезли, а новые источники доходов изыскать было крайне трудно. В 1690 г. Петрача издал приказ разыскивать и арестовывать людей, уклоняющихся от несения повинностей. Крестьян-

⁶⁴ Французский корабль, доставивший Ташара, не был даже допущен в гавань Мергуи. Снамиы, наученные горьким опытом, спешно преградили вход в нею цепями и бревнами, вбитыми в дно.

ство, разоренное до последней степени уже во второй половине правления Нарая, ответило на новый нажим столь внушительными восстаниями, что они удостоились даже упоминания в сиамских летописях, которые, как правило, замалчивают подобные факты.

Одно такое восстание вспыхнуло в 1690 г. в пров. Након-найок, к востоку от Аютии, и быстро охватило ряд других провинций Центрального Сиам. Крестьяне именно этого района подвергались особо тяжелой эксплуатации. Возглавил восстание бывший монах Там Тиен, выдававший себя за чудом спасшегося от гибели брата Нарая — принца Апайота.

Повстанцы на первых порах добились значительных успехов. Им чуть не удалось захватить в плен наследника престола Сарасака. Их войско подошло к летней столице сиамских королей Лопбури и начало ее осаду. На этом, однако, успехи закончились. Во время одного из сражений Там Тиен получил ранение, упал с боевого слона, был захвачен солдатами Петрачи и казнен. Как это часто бывало в крестьянских восстаниях, гибель вождя рассеяла войско. Не желая покорно возвращаться под иго сиамской феодальной деспотии, почти все повстанцы с семьями бежали в Бирму. Провинции Наконнайок, Лопбури и Сарабури опустели [273].

Другое крестьянское восстание началось в 1699 г. на восточной окраине страны, в пров. Корат, но также быстро распространилось на Центральный Сиам. Сведения об этом восстании еще более скудны, чем о первом. По официальной версии, зачинщиками были лаосский колдун Бун Кванг и 28 его учеников. Бун Кванг сумел якобы так запугать своими колдовскими чарами местного губернатора, что тот без борьбы уступил ему власть в Корате. Затем повстанцы, как и в 1690 г., двинулись на Лопбури, где, вероятно, находился в это время король. Армия Бун Кванга тогда насчитывала 4 тыс. человек. Но правительству удалось внести раскол в среду восставших (по-видимому, были даны какие-то щедрые обещания), и они сами отправили на казнь Бун Кванга и его учеников.

Параллельно с крестьянскими восстаниями в правление Петрачи происходили сепаратистские феодальные мятежи (в 1691 г. в Корате, в 1691—1692 гг. — в Лигоре), для подавления которых требовалось большое напряжение сил.

Немалые страдания населению приносили стихийные бедствия. В 1703 г. страну поразили жестокая засуха и голод.

Правительству приходилось приспосабливаться ко всем этим обстоятельствам. Пра Чао С्या имел достаточно здравого смысла, чтобы строить не только новые храмы, но и каналы и избегать войн. Его сын, король Тайсра (1709—1733), также строил каналы. Кроме того, при нем была издана целая серия указов, которые в какой-то степени облегчали положение крестьян и должны были тормозить процесс их дальнейшего закрепощения.

В указе 1717 г. говорилось: «Если жители станут убегать из своих домов .от своих начальников, губернатор должен послать туда, где они поселились, своего чиновника, чтобы узнать причину бегства. Если он видит, что народ собирается вместе, он должен выяснить причину этого. Если он узнает, что это движение возникло из-за притеснения со стороны кого бы то ни было, он обязан доложить (вышестоящему начальству.— Э. Б.)» [13, с. 137].

Указ призывает королевских прокуроров — чакрапатов к усилению контрольной деятельности, обязывает их расследовать случаи, когда чиновники отбирают имущество, доносить о всех злоупотреблениях властью, невзирая на лица. Предусматривается и тот, видимо, нередкий случай, когда и губернатор и чакрапат оба заражены коррупцией. В этой ситуации донос может подать любой чиновник провинции. Указ грозил чиновникам, не оправдавшим доверия, смертной казнью (заливание глотки расплавленным серебром — «смерть мздоимца»), но на практике это, видимо, случалось редко. Вместе с тем чиновникам предписывается контролировать крестьян, потерявших всякий интерес к расширению производства: «В сельскохозяйственный сезон губернатор, чакрапат и

чиновники должны побуждать народ обрабатывать землю. Работа, которую можно сделать за дни, не должна тянуться месяцами» [13, с. 138].

Указ 1722 г. обязывал чиновников следить за тем, чтобы государственные крестьяне — прай лыанг, побывавшие в монахах, возвращались в свое сословие, а не в крепостные к какому-нибудь феодалу. В соответствии с указом 1723 г. устанавливалось, что при браке крепостного крестьянина — прай сом со свободной крестьянкой — прай лыанг в категорию прай лыанг переходят все их дети, а не половина, как раньше. По указу 1724 г. сильно задолжавший прай лыанг мог работать на государство не шесть, а только четыре месяца в году, а четыре месяца он работал на кредитора.

Все эти указы помимо частичного облегчения положения крестьянства были направлены и на то, чтобы сократить постоянную утечку рабочей силы из сектора свободного (государственного) крестьянства, бывшего основой могущества центральной власти. Крупные феодалы в первые десятилетия XVIII в. полностью восстановили свои позиции, утраченные при династии Прасат Тонга, и посулами лучшей жизни, угрозами или использованием долговой зависимости с каждым годом перетягивали в свои крепостные все больше и больше свободных крестьян. Таким образом, уже в начале XVIII в. появились первые признаки того тяжкого кризиса, который разразился в Сиаме в 60-х годах XVIII в.

Камбоджа в последней четверти XVII в.

В 1672 г. Анг Сур погиб в результате дворцового заговора. Он был убит своим племянником, который вступил на престол под именем Чей Четты III (1672—1673). Брат убитого короля, принц Анг Тан, бежал во Вьетнам, а его вдова осталась в стране и даже вышла замуж за узурпатора. Но через несколько месяцев она сумела поднять против него малайскую гвардию, и Чей Четта III был убит [84, с. 204; 104, с. 79; 191, с. 117].

На престол вззошел сын Преах Батом Реатеа — Анг Тей (1673—1674), но в том же году его право на трон стал оспаривать с оружием в руках вернувшийся из Вьетнама его дядя Анг Тан. Военное счастье в этой борьбе стало склоняться на сторону Анг Тея. Вскоре под властью Анг Тана осталось лишь несколько районов в Восточной Камбодже: Этим обстоятельством, как предлогом для нового вмешательства в камбоджийские дела, немедленно воспользовался Хиен Вьонг. Он предоставил Анг Тану щедрую военную помощь. 22-тысячный корпус вьетнамских войск под командованием видного полководца Зьонг Лама вторгся в Камбоджу и начал теснить войска Анг Тея к западу. В 1674 г. в одном из сражений Анг Тей был убит. Но Анг Тан не успел пожать плоды своей победы. Он скончался почти одновременно со своим соперником, и вьетнамские войска посадили на камбоджийский трон его младшего брата Анг Нона [191, с. 118]. Этот вьетнамский ставленник, однако, недолго продержался на престоле в Удонге. В стране началось патриотическое движение, которое возглавил девятнадцатилетний младший брат Анг Тея принц Анг Сор. Собрав новую армию, он изгнал войска Анг Нона и Зьонг Лама из столицы и большей части районов Камбоджи. В 1675 г. он короновался в Удонге под тронным именем Чей Четта IV (1675—1706). Анг Нон и вьетнамцы отступили в дельту Меконга. Здесь Анг Нон объявил Прейкор (Сайгон) столицей Камбоджи и принес от имени всей страны вассальную присягу Хиен Вьонгу. Так, в Камбодже сложилось двоевластие, затянувшееся на 16 лет [22, с. 91; 125, с. 373].

С 1675 по 1682 г. между соперничающими королями не происходило крупных военных действий. Оба они накапливали силы. Чей Четта IV в этот период, возможно по стратегическим соображениям, перенес столицу из Удонга в провинцию Сам-ронгтонг. В начале 80-х годов положение Анг Нона значительно укрепилось благодаря прибытию в Южный Вьетнам множества китайских эмигрантов, остатков разбитых войск павшей Минской династии. Правительство Хиен Вьонга переправило их на территорию, контролируемую Анг Ноном и поселило в провинциях Бариа и Донгнай. Китайские

эмигранты поселились также в Прейкоре, Диньтхьонге, Кампеанг Секатрей (Бьенхоа). Так начало формироваться китайское национальное меньшинство на Юге Вьетнама. Из этих китайских поселенцев, обладавших большим военным опытом, Анг Нон сформировал армию и, соединив ее со своими кхмерскими войсками и вьетнамскими подкреплениями, в 1682 г. вторгся в Центральную Камбоджу [104, с. 80; 125, с. 373; 191, с. 119].

В 1682—1683 гг. войска Анг Нона заняли юг страны и такие важные центры, как Пномпень и Удонг. В руках Чей Четты IV осталась лишь западная окраина королевства — провинции Ангкор, Баттамбанг и Пурсат. Тогда он обратился за помощью к Сиаму. Сиамский король Нарай послал в Камбоджу экспедиционный корпус под командованием опытного генерала Петрачи. В 1684 г. союзники перешли в наступление. Вскоре Анг Нон опять был вынужден отступить в дельту Меконга [104, с. 80; 125, с. 374].

Потерпев военное поражение, Анг Нон решил прибегнуть к дипломатическому маневрированию. Он обратился к сиамскому королю с просьбой стать арбитром между ним и его племянником. Но король Нарай присудил камбоджийскую корону Чей Четте IV.

В 1688 г., когда Сиам подвергся англо-французской агрессии и не был в состоянии оказывать влияние на дела в Камбодже, Анг Нон решил снова попытать счастья и обратился за помощью к южновьетнамскому королю. Тот выделил ему армию под командованием генералов Тхуен Хуона и Тхум Мона. Вьетнамская армия успешно продвинулась в центр страны и заняла Удонг. Но войско самого Анг Нона было разбито армией Чей Четты IV. После этого отступили и вьетнамцы [104, с. 80; 191, с. 120].

В кампании 1689 г., однако, соединенными действиями вьетнамских войск и китайских наемников Анг Нона был взят Пномпень. Страна была вконец разорена войной. Чей Четта IV отступил в Кампонглуонг и начал переговоры. Чтобы покончить наконец с гражданской войной и интервенцией, он был вынужден признать сюзеренитет южновьетнамского короля. Раскольник Анг Нон получил отступное в виде удела в Срей Сантхоре, где он и умер в 1691 г. После его смерти южновьетнамский король объявил, что, поскольку Анг Нон не назначил наследника для своих владений в дельте Меконга, его наследство, согласно восточнофеодальному обычаю, отходит в казну, иначе говоря, аннексируется [104, с. 180; 191, с. 120—121].

После 1691 г. положение в Камбодже, границы которой теперь примерно соответствовали нынешним, стабилизируется. В 80-х годах XVII в. Чей Четта IV осуществляет широкую программу реформ. Он ревизует и кодифицирует 12 книг законов королевства, реорганизует суды, смягчает многие статьи уголовного кодекса и даже отменяет смертную казнь. Дело здесь, конечно, не в личной гуманности Чей Четты. Просто, как дальновидный правитель, он принимает меры, чтобы избежать нового взрыва крестьянских восстаний в разоренной стране, подобного тому, который произошел на рубеже XV—XVI вв. И действительно, после этих реформ Чей Четте IV приходилось бороться только с мятежами отдельных феодалов, подстрекаемых Южным Вьетнамом (1699 г. — восстание Ема, 1701 г. — восстание Кима), а сведений о народных волнениях в летописях не содержится.

В последние годы своей жизни Чей Четта IV несколько раз отрекался от престола в пользу своих родственников (1695 г., 1699—1701 гг., 1702—1704 гг.), но каждый раз снова брал власть в свои руки. Видимо, он хотел обеспечить при своей жизни мирный переход власти к надежному преемнику, но так и не смог найти подходящей кандидатуры. Некоторая стабильность, достигнутая во второй половине правления Чей Четты IV, после его смерти, в 1706 г., сменилась новым кризисом.

Вьетнам в последней четверти XVII — начале XVIII в.

Последняя четверть XVII — начало XVIII в. были для Вьетнама периодом относительно мирного развития. Хотя локальные войны время от времени велись и на

Севере, и на Юге (Чини продолжали свою экспансию в северных горных районах и прилегающих к ним областях Лаоса, а Нгуены завершили покорение Тямпы в 1693 г. и районов дельты Меконга, принадлежавших ранее Камбодже), все же в целом Север и Юг уже не представляли собой противостоящие друг другу военные лагеря. Роль военных в обществе, особенно на Севере, заметно снизилась.

Полувековая война с Югом, истощившая ресурсы государства Чиней, сопровождалась ростом эксплуатации небогатого крестьянства аграрно перенаселенного Севера. В летописях замелькали упоминания о борьбе с «разбойниками», т. е. крестьянскими повстанцами. Правительство Чиней было вынуждено пойти на снижение нормы эксплуатации путем периодической отмены в голодные годы налогов, стало прибегать даже к раздаче риса или денег в голодающих районах. Крестьян стали освобождать от налога по старости не в 60, а в 50 лет. Для поощрения частной торговли рисом и облегчения его переброски из урожайных в неурожайные места были отменены внутренние таможи и сборы на причалах рек. В то же время была усилена борьба с произволом отдельных чиновников (была, в частности, проведена судебная реформа, ограничивающая волокиту и взяточничество). Государство стало пополнять свою казну за счет экспроприации части феодалов. У довольно обширной категории их были изъяты «наследственные», т. е. частновладельческие, земли. Наконец, были ограничены привилегии королевской гвардии — так называемых силачей, профессиональных солдат, набиравшихся, по традиции, в провинциях Тханьхоа и Нгеан⁶⁵. Как пишет Д. В. Деопик, «известно, что феодальные государства идут на такие меры лишь в критической ситуации» [31, с. 37].

Все эти своевременно принятые меры правительства Чиней привели к тому, что локальные выступления «разбойников» не слились в общенародное восстание, крестьянская война во Вьетнаме разразилась лишь столетие спустя. Положение на Севере постепенно стабилизировалось.

На Юге правительство Нгуенов имело больше свободы для маневра в своих отношениях с крестьянами. Вновь завоеванные огромные и слабо заселенные территории Тямпы и Камбоджи образовали практически неисчерпаемый для того времени земельный фонд. Нгуены охотно позволяли переселяться на эти земли не только своим подданным из старых провинций, но и многочисленным китайским иммигрантам, хлынувшим в Южный Вьетнам после окончательного завоевания Китая войсками династии Цин. Уже в 70-х годах XVII в. (намного раньше, чем на Севере) Нгуены стали поощрять развитие частновладельческих хозяйств в противовес общинным. Д. В. Деопик пишет: «Что же касается распашки нови, вырубки леса и подъема целинных земель с последующим созданием там обрабатываемых полей, то их разрешалось превращать в частные земли для постоянной (т. е. вечной) обработки при условии внесения особого налога. Этот важнейший законодательный акт, узаконивший поместное землевладение, был принят в Дангчаунге (Южном Вьетнаме.— Э. Б.) за полвека до появления аналогичного закона в Дангнгоае (Северном Вьетнаме.— Э. Б.)» [31, с. 67— 68]. Зажиточные крестьяне, отделившиеся, таким образом, от общины и превратившиеся в мелких помещиков, стали надежной опорой режима Нгуенов.

Стабилизация внутреннего положения в обеих частях Вьетнама сопровождалась дальнейшим развертыванием международной торговли, в которой чем дальше, тем больше стала преобладать ориентировка на китайский рынок⁶⁶. Одновременно продолжала вестись торговля с Голландией и в меньших размерах с Англией и Францией. Любопытно, что, хотя военные действия между Чинями и Нгуенами прекратились в 1673 г., борьба внутри северовьетнамского правительства между сторонниками мира и

⁶⁵ В ответ на это «силачи» под предводительством Ву Зюи Ти подняли восстание в столице в 60-х годах XVII в. Правительству, однако, удалось подавить это восстание [31, с. 36].

⁶⁶ Торговля с Вьетнамом не мешала китайским властям организовывать пограничные инциденты с целью оттянуть у Северного Вьетнама часть его земель.

сторонниками продолжения войны, видимо, продолжалась еще около семи лет. Так, в письме короля Ле Зя Тонга генерал-губернатору И. Метсёйкеру, написанном в начале 1674 г., говорится: «В прошлом году король Батавии прислал мне две большие пушки, которые в своем письме описал как очень хорошие, но это не так. Мой специалист по артиллерии говорит, — что снаружи они кажутся хорошими, а внутри испорчены и негодны к употреблению. Тем не менее я благодарю короля Батавии и прошу не обижаться, что я их отсылаю обратно... Нам необходимы пушки для укрепления и обороны наших городов. Поэтому я прошу короля Батавии, чтобы он эти две пушки обменял на две другие хорошие и прислал бы еще две хорошие пушки, всего четыре. А также прислал бы серу, селитру, ядра и другие военные материалы» [прил., док. 92].

В следующем году Ле Зя Тонг снова жалуется на то, что голландцы присылают ему либо бракованные, либо малокалиберные пушки, которые он посылает назад вместе с деревянной моделью пушки, которую ему хотелось бы иметь [прил., док. 97]. На подобные требования голландский генерал-губернатор отвечал уклончиво, то ссылаясь на трудности, связанные с войной против Англии и Франции, то объясняя, что заказанные Ле Зя Тонгом крупнокалиберные пушки можно изготовить только в Голландии и доставка их во Вьетнам займет не менее трех лет [прил., док. 93, 98].

Только в 1680 г. тон писем северовьетнамского правительства в Батавию меняется. Новый король Ле Хи Тонг (1675— 1705) пишет генерал-губернатору Р. ван Гунсу: «В прежние времена мои предки договорились с голландцами, что они будут ежегодно приходить торговать в наше королевство и привозить пушки, сукмо, янтарь и испанские реалы, но впоследствии голландцы стали манкировать доставкой этих товаров, и, несмотря на то что они в это время воевали со своими врагами, было бы справедливо, если бы батавский король уделял нам ежегодно из своих излишков пушки, ядра, селитру и серу, чтобы оказать нам помощь этими военными припасами, тем более что мы с нашими вельможами постановили не разрешать находиться постоянно в нашем королевстве никому из иностранцев, кроме голландцев, о чем король Батавии забыл. А сейчас наше королевство находится в мире и безопасности от врагов, поэтому король сообщает, что голландцы впредь не должны присылать нам пушки, ядра, селитру и серу. Когда же нам опять понадобятся эти военные припасы, король сообщит об этом в письме генерал-губернатору» [прил., док. 105].

Теперь, когда необходимость в военных поставках Голландии отпала, голландцы утратили возможность диктовать свои цены на северовьетнамском рынке, и король вежливо, но твердо дает это понять Р. ван Гунсу. «Мы относимся к людям Вашего Превосходительства как к своим собственным подданным и так же ценим их, однако ваши люди отличаются от наших тем, что они хотят всегда поддерживать одну и ту же цену на товары, между тем следует учитывать, что товары бывают дорогие и дешевые» [прил., док. 105].

Это письмо Ле Хи Тонга вызвало сильное раздражение в Батавии. В ответном письме Р. ван Гуне недвусмысленно грозит сворачиванием голландской торговли в Северном Вьетнаме. «Прежде,— пишет он,— от продажи товаров в Тонкине мы получали некоторую прибыль и могли покрыть наши издержки, и поэтому мы старались посылать в Тонкин все товары, затребованные главами нашей фактории в этой стране. Но уже несколько лет вместо того, чтобы получать прибыль, мы в Тонкине терпим убытки. Товары, которые мы туда послали, долгое время лежат непроданными в пакгаузах, а мы могли бы их выгодно продать в других местах. Поэтому Ваше Величество в своей высокой мудрости должны понять, что такое положение невозможно, и пока мы не будем получать никакой прибыли, мы не можем посылать товары в Тонкин в таком количестве, как раньше... В настоящее время мы посылаем в Тонкин малое судно с припасами, необходимыми для наших людей, живущих в земле Вашего Величества, а также некоторое количество денег для покупки шелковых тканей, которые нам нужны для личного потребления» [прил., док. 109].

Ноты шантажа слышны и в письме генерал-губернатора К. Спеелмана Ле Хи Тонгу, посланном в ответ на просьбу вьетнамского короля прислать рис в пораженный неурожаем Северный Вьетнам. Рис генерал-губернатор отправил в малом количестве, ссылаясь на нехватку его для собственных нужд голландской Ост-Индской компании и явно увязывая дальнейшую помощь со снижением цен на вьетнамский шелк. «Мы...— пишет он,— посылаем... ради старой дружбы между королем и Компанией наше судно с припасами для наших людей в Тонкине и некоторым количеством голландских денег, чтобы попробовать закупить по доступным ценам шелк-сырец или шелковые ткани, а если это не удастся, увезти эти деньги обратно» [прил., док. 111].

Голландскую гегемонию на северо-вьетнамском рынке в эти годы сильно подрывала английская, португальская и, в известной мере, французская конкуренция. В 1672 г. в Северный Вьетнам вновь прибыл представитель английской Ост-Индской компании Гиффорд. 14 марта 1673 г. Гиффорд был принят королем, который разрешил англичанам открыть факторию в Фохиене. В 1683 г. английская фактория была переведена в Тханглонг. Торговля английской Компании с Северным Вьетнамом продолжалась до 1697 г., когда произошел вооруженный конфликт между служащими английской фактории и местным населением⁶⁷. После этого английская фактория в Северном Вьетнаме была закрыта навсегда [162, с. 30—35; 190, с. 32—34; 191, с. 66—69].

Примерно в это же время англичане попытались завязать торговые отношения с Южным Вьетнамом. В мае 1695 г. председатель Совета английской Компании в Мадрасе Натаниэль Хиггинсон направил ко двору Куоктюа (1691—1725) своего представителя Томаса Боуiera. В инструкции, которую Хиггинсон составил для Боуiera, ему предписывалось добиваться для англичан экстерриториальности, права расправы над нанятыми служащими из местных жителей, свободы от пошлин на все ввозимые и вывозимые товары, предоставления места для строительства дока и ряда других привилегий [прил., док. 130]. В инструкции также говорилось: «Позаботьтесь о том, чтобы все люди на Вашем судне вели себя вежливо и были трезвы, чтобы не было нанесено никакого оскорбления правительству Кохинхины и не причинено вреда местным жителям» [прил., док. 130].

В августе 1695 г. Т. Боуier прибыл к берегам Южного Вьетнама, 9 октября достиг Хюэ, а 2 ноября 1695 г. был принят Куоктюа. В последовавших переговорах южновьетнамский правитель в принципе согласился на основание английской фактории в его стране, но отверг непомерные требования англичан. В апреле 1696 г. Т. Боуier отплыл обратно в Мадрас, так и не основав в Южном Вьетнаме постоянной фактории. В 1702 г. англичане предприняли новую попытку овладеть контролем над южновьетнамским рынком. Они захватили остров Пуло Кондор, принадлежавший Южному Вьетнаму, и возвели там форт, но в 1705 г. местное население восстало и с помощью армии Нгуенов изгнало англичан с острова [21, с. 203; 162, с. 38—39].

Французская торговля во Вьетнаме в последней четверти XVII в. была тесно связана с деятельностью Общества иностранных миссий. Летом 1680 г. в Северный Вьетнам прибыло судно французской Ост-Индской компании «Тонкин» под командованием капитана Шаплена. Французы получили разрешение основать свою факторию в Фохиене, и, предлагая свои товары дешевле английских и голландских, на первых порах завоевали большую благосклонность северо-вьетнамского правительства. Вскоре, однако, выяснилось, что деятельность французской Компании в Северном Вьетнаме служит лишь ширмой для христианской пропаганды, а в роли купцов, как правило, выступают законспирированные миссионеры [166, с. 241; 191, с. 81—82].

В августе 1681 г. в Северный Вьетнам прибыло французское посольство во главе с епископом Лефебром (он ради конспирации также был одет в штатское) с письмом от Людовика XIV Чинь Таку. В начале письма говорилось о взаимных выгодах торговли

⁶⁷ Капитан английского судна Уоллес похитил вьетнамку и удерживал ее на борту корабля. В последовавшем столкновении были убиты с обеих сторон, в том числе и сам капитан [142, т. 1, с. 483].

между Францией и Вьетнамом, а затем Людовик XIV переходил к истинной цели своего послания. «Более всего на свете мы желали бы на благо Вам и Вашей стране, чтобы те Ваши подданные, которые уже приняли веру в истинного Бога неба и земли, получили бы свободу исповедовать эту веру, самую высокую, благородную, святую и к тому же наиболее способствующую поддержанию абсолютной власти королей над народами... Более того, мы совершенно убеждены, что, когда Вы узнаете о достоинствах этой религии, Вы сами первый подадите пример своим подданным, приняв ее» [246, с. 85].

Как и следовало ожидать, письмо Людовика XIV отнюдь не вызвало у Чинь Така желания немедленно перейти в христианство. Французское посольство несколько месяцев тщетно дожидалось приема, но так и не получило его. Сменивший Чинь Така Чинь Кан (1681—1709) также не выразил желания встретиться с епископом Лефебром. Он лишь передал ему через чиновника ответное письмо Людовику XIV. В этом письме Чинь Кан сухо разъяснял французскому королю, что порядок есть порядок и нарушение его ни к чему хорошему не приводит. А поскольку изданные его предками законы запрещают христианскую религию, он, Чинь Кан, не может взять на себя ответственность за их отмену. «Законы издаются для того, чтобы им точно и верно следовать,— пишет он.— Без верности же ничто не может быть прочным. Как же можем мы презреть установленный обычай ради личной к Вам приязни» [166, с. 265].

В то же время Чинь Кан подчеркивает в своем письме, что различия в религии не должны мешать взаимовыгодной торговле. «Учтивость и забота по отношению к иностранцам — вещь, отнюдь не чуждая нашей стране,— пишет он.— Нет такого иностранца, который был бы плохо принят у нас. Как же можем мы отказать человеку из Франции, который из любви к нам хочет нас посещать и привозить свои товары... Сейчас Франция присылает сюда свои товары для продажи или обмена... Благодаря этому наша дружба может утвердиться на основе справедливости и честности и может стать прочной, как золото и камень» [166, с. 265].

Но у французской Ост-Индской компании не хватало товаров и кораблей даже для торговли с Сиамом, который в эти годы стал основным объектом французской экспансии. Поэтому, несмотря на большие колониальные аппетиты Людовика XIV, французские интересы во Вьетнаме представляли лишь миссионеры, влияние которых падало. К концу XVII в. численность христиан как в Северном, так и в Южном Вьетнаме значительно упала. Большая европейская война, в которую была втянута Франция, надолго отвлекла внимание французского правительства от Индокитая. Вслед за Францией интерес к вьетнамскому рынку постепенно пропадает и у Англии и Голландии, и в начале XVIII в. их деятельность в этой стране свертывается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу XVII — началу XVIII в. Юго-Восточная Азия в целом была отброшена далеко назад. Правда, территория собственно колоний (в юридическом смысле слова) за рассматриваемый период расширилась довольно незначительно. Кроме Филиппин, захваченных испанцами в основном еще во второй половине XVI в.⁶⁸, и Восточного Тимора, захваченного португальцами, под непосредственным управлением голландцев оказалась лишь небольшая часть Индонезии (острова Пряностей, Батавская область, ряд городов Северной Явы, небольшая часть Сулавеси) и Малакка. Но голландская Ост-Индская компания опутала сетью кабальных договоров все сколько-нибудь значительные государства Индонезии и Малайи. На материке Сиам, Бирма, Камбоджа, обе части Вьетнама если не юридически, как Япония, то фактически приобрели статус закрытых стран. Их внешняя торговля прекратилась почти полностью (только Северный Вьетнам на

⁶⁸ Филиппины как по уровню доколониального развития, так и по их колониальной истории имеют мало общего с остальной Юго-Восточной Азией и типологически относятся к региону Латинской Америки. Поэтому подробное исследование их истории в XVI—XVII вв. должно стать отдельной темой.

рубеже XVII—XVIII вв. начал компенсировать утрату морской торговли сухопутной торговлей с Китаем). Хозяйство постепенно опять натурализовалось. Денежные налоги, там, где они были, стали опять заменяться натуральными. В то время, когда Европа ускоряла темпы своего развития, Юго-Восточная Азия отставала все больше и больше.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы по истории Юго-Восточной Азии XVII —начала XVIII в.

Перечень документов

1. Из меморандума монахов августинского ордена королю Филиппу II о положении на Филиппинах. 1573 г.
2. Декларация султана Аче Ала-уд-дина о торговле с англичанами. 1602 г.
3. Письмо султана Аче Искандера Муда королю Людовику XIII. 1620 г.
4. Письмо Совета семнадцати и принца Фредерика Оранского королю Сиам [Сонгтаму]. 15 января 1627 г.
5. Письмо принца Фредерика Оранского королю Сиам [Прасат Тонгу]. 1634 г.
6. Обязательство И. ван Влита, главы голландской фактории в Сиаме. *Сентябрь 1636 г.*
7. Письмо Прасат Тонга принцу Фредерику Оранскому. 21 ноября 1636 г.
8. Письмо пракланга Сиам генерал-губернатору А. ван Димену. 28 ноября 1636 г.
9. Письмо короля Кюинама⁶⁹ [Нгуен Фук Лана] генерал-губернатору А. ван Димену. *Март 1637 г.*
10. Нота пракланга И. ван Влиту (в изложении ван Влита). *Июль 1640 г.*
11. Письмо пракланга Ойя Си Таммарата генерал-губернатору А. ван Димену. 2 марта 1641 г.
12. Письмо пракланга Ойя Си Таммарата генерал-губернатору А. ван Димену. 1641 г.
13. Письмо старого короля Тонкина⁷⁰ [Ле Тхан Тонга I] генерал-губернатору А. ван Димену. 1641 г.
14. Письмо молодого короля Тонкина [Чинь Чанга] генерал-губернатору А. ван Димену. 1641 г.
15. Письмо султана Брунея генерал-губернатору А. ван Димену. 1641 г.
16. Фирман королевы Аче. 1641 г.
17. Письмо короля Тонкина [Ле Тхан Тонга] генерал-губернатору А. ван. Димену. *Август 1643 г.*
18. Договор голландской Объединенной Ост-Индской компании с Кюинамом и Тямпой. 9 декабря 1651 г.
19. Письмо великого мандарина Тонкина Онг Сиади [Чинь Чанга] генерал-губернатору Карелу Рейнирсзону. 1652 г.
20. Письмо капитана японцев Сиоммуры из Кюинама генерал-губернатору Карелу Рейнирсзону и Совету Индии. 1652 г.
21. Письмо пракланга Рача Коса генерал-губернатору И. Метсёйкеру. *Октябрь 1653 г.*
22. Договор голландской Ост-Индской компании с Солором и Тимором. 2 июля 1655 г.
23. Договор голландской Ост-Индской компании с Макасаром. 28 декабря 1655 г.

⁶⁹ Кюинам — Южный Вьетнам.

⁷⁰ Тонкин — Северный Вьетнам.

24. Договор голландской Ост-Индской компании с Камбоджей. 8 июля 1656 г.
25. Письмо короля Сиама [Нарая] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Ноябрь 1656 г.
26. Мандат тонкинского короля [Ле Тхан Тонга II], выданный чиновнику Уйлиокпону. 1656 г.
27. Письмо великого мандарина Тонкина [Чинь Чанга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1656 г.
28. Письмо короля Аракана генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1656 г.
29. Письмо короля Камбоджи Ибрагима [Чан-Ибрагима] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1656 г.
30. Письмо короля Камбоджи Ибрагима голландскому капитану Индейку. 1656 г.
31. Письмо короля Камбоджи Ибрагима генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1657 г.
32. Письмо орангкайя Цубуйя Дибя Айоакс д'Жун из Камбоджи генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1657 г.
33. Письмо шабандара Камбоджи генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1657 г.
34. Письмо пангерана Сукаданы генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1657 г.
35. Письмо короля Тонкина [Ле Тхан Тонга II] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1657 г.
36. Письмо королевы Аче генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1659 г.
37. Письмо главнокомандующего кохинхинского короля из Камбоджи. 1659 г.
38. Письмо султана Бантама генерал-губернатору И. Метсёйкеру и Совету Индии. 1659 г.
39. Договор голландской Ост-Индской компании с Бантамом. 10 июля 1659 г.
40. Договор голландской Ост-Индской компании с Аче. 5 октября 1659 г.
41. Договор голландской Ост-Индской компании с Макасаром. 19 августа 1660 г.
42. Договор голландской Ост-Индской компании с Банджарма-сином. 18 декабря 1660 г.
43. Письмо королю Сиама [Нарая] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Декабрь 1660 г.
44. Первое письмо короля Тонкина [Ле Тхан Тонга II] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 3 февраля 1661 г.
45. Второе письмо короля Тонкина [Ле Тхан Тонга II] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 3 февраля 1661 г.
46. Договор голландской Ост-Индской компании с Банджармасином. 16 мая 1661 г.
47. Письмо короля Кюинама [Нгуен Фук Тана] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1661 г.
48. Письмо короля Тонкина [Ле Тхан Тонга II] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1661 г.
49. Письмо принца или второго короля Тонкина [Чинь Така] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1661 г.
50. Договор голландской Ост-Индской компании с Палембангом. 29 июня 1662 г.
51. Письмо короля Тонкина [Ле Хюен Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1 января 1663 г.
52. Письмо Плинлочиу, тонкинского мандарина, генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Январь 1663 г.
53. Письмо пракланга Коса Тибоди генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Январь 1664 г.

54. Нота, предъявленная сиамскими послами генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 16 февраля 1664 г.
55. Инструкция голладскому послу П. де Биттеру. Июль 1664 г.
56. Договор голландской Ост-Индской компании с Сиамом. 22 августа 1664 г.
57. Письмо пракланга Окья Си Таммарата генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Октябрь 1664 г.
58. Письмо пракланга Окья Си Таммарата генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Октябрь 1664 г.
59. Письмо бывшего капитана малайской общины в Камбодже Интчи Асана генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1664 г.
60. Договор голландской Ост-Индской компании с Банджармасином. 7 сентября 1664 г.
61. Договор голландской Ост-Индской компании с Камбоджей. 1 февраля 1665 г.
62. Письмо короля Камбоджи [Анг Сура] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1 февраля 1665 г.
63. Письмо пангерана Банджармасина генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1665 г.
64. Письмо короля Камбоджи [Анг Сура] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1665 г.
65. Письмо принца Камбоджи Наквы Сураита генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1665 г.
66. Первое письмо короля Аракана [Сандатудхаммы] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1665 г.
67. Второе письмо короля Аракана [Сандатудхаммы] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1665 г.
68. Письмо короля Сиама [Нарая] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Октябрь 1665 г.
69. Письмо короля Сиама [Нарая] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. Октябрь 1666 г.
70. Письмо короля Тонкина [Ле Хюен Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1666 г.
71. Письмо султана Брунея генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1666 г.
72. Письмо короля Холо генерал-губернатору И. Метсёйкеру, 15 марта 1666 г.
73. Письмо короля Тонкина [Ле Хюен Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1666 г.
74. Письмо короля Тонкина [Ле Хюе« Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1667 г.
75. Из письма наместника императора Ауренгзеба в Бенгалии Наваба Ха Эстахана голландскому губернатору. 1667 г.
76. Бонгайский договор. 18 ноября 1667 г.
77. Письмо короля Камбоджи [Анг Сура] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1669 г.
78. Письмо папы Климента IX королю Сиама [Нараю]. 24 августа 1669 г.
79. Первое письмо Людовика XIV королю Сиама [Нараю]. 31 января 1670 г.
80. Письмо султана Джамби генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1670 г.
81. Письмо короля Тонкина [Ле Хюен Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1670 г.
82. Письмо короля Камбоджи [Анг Сура] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1671 г.
83. Письмо короля Камбоджи [Анг Сура] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1672 г.

84. Письмо Окния Клахума [Камбоджа] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1672.
85. Письмо короля Тонкина [Ле Хи Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1672 г.
86. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Камбоджи [Анг Суру]. 29 июня 1672 г.
87. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Тонкина [Ле Хи Тонгу]. 24 июля 1672 г.
88. Письмо короля Камбоджи [Падумараджи II] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1673 г.
89. Письмо короля Тонкина [Ле Хи Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1673 г.
90. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Камбоджи [Падумарадже II]. 10 апреля 1673 г.
91. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Тонкина [Ле Хи Тонгу]. 25 июля 1673 г.
92. Письмо короля Тонкина [Ле Хи Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1674 г.
93. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Тонкина [Ле Хи Тонгу]. 14 мая 1674 г.
94. Письмо короля Камбоджи [Падумараджи II] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1674 г.
95. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Камбоджи [Падумарадже II]. 17 июня 1674 г.
96. Тарра, дарованная [паклангом] Баркалоном по приказу короля Сиама [Нарая] английской Ост-Индской компании. 13 февраля 1675 г.
97. Письмо короля Тонкина [Ле Хи Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. 1675 г.
98. Письмо генерал-губернатора И. Метсёйкера королю Тонкина [Ле Хи Тонгу]. 21 мая 1675 г.
99. Тарра, дарованная [паклангом] Баркалоном по приказу короля Сиама [Нарая] английской Ост-Индской компании. 6 ноября 1675 г.
100. Приказ короля Сиама [Нарая] губернатору Чумпона. 6 ноября 1675 г.
101. Письмо короля Тонкина [Ле Хи Тонга] генерал-губернатору И. Метсёйкеру. /1676 г.
102. Письмо короля Банджармасина генерал-губернатору И. Метсёйкеру. /1676 г.
103. Письмо короля Сиама [Нарая] генерал-губернатору Р. ван Гунсу. Ноябрь 1679 г.
104. Письмо пакланга Чау Прайя Таммарата генерал-губернатору Р. ван Гунсу. Ноябрь 1679 г.
105. Письмо старого короля Тонкина [Ле Хи Тонга] генерал-губернатору Р. ван Гунсу. 1680 г.
106. Письмо короля Тямпы генерал-губернатору Р. ван Гунсу. 1680 г.
107. Письмо султана Перака генерал-губернатору Р. ван Гунсу. 1680 г.
108. Письмо короля Аракана [Сандатудхаммы] генерал-губернатору Р. ван Гунсу. 22 февраля 1680 г.
109. Письмо генерал-губернатора Р. ван Гунса старому королю Тонкина [Ле Хи Тонгу]. 16 июля 1680 г.
110. Второе письмо Людовика XIV королю Сиама [Нарая]. 10 января 1681 г.
111. Письмо генерал-губернатора К. Спеелмана старому королю Тонкина [Ле Хи Тонгу]. 8 июля 1682 г.

112. Письмо генерал-губернатора К. Спеелмана королю Аракана [Сандатудхамме]. *20 сентября 1682 г.*
113. Письмо генерал-губернатора К. Спеелмана пангерану Сура Нагара, королю Манданамо, Банджармасина и др. *23 сентября 1682 г.*
114. Письмо пракланга Окья Си Таммарата Кольберу. *1683 г.*
115. Договор, заключенный между Окун Пипат Та Коса и г-ном Деландом. *3 декабря 1684 г.*
116. Третье письмо Людовика XIV королю Сиама [Нараю]. *21 января 1685 г.*
117. Письмо короля Якова II Констанцию Фалькону. *21 марта 1685 г.*
118. Меморандум де Шомона королю Сиама [Нараю]. *Ноябрь 1685 г.*
119. Привилегии, предоставленные католическим миссионерам в Сиаме. *10 декабря 1685 г.*
120. Привилегии, дарованные королем Сиама [Нараем] французской [Ост-Индской] компании *11 декабря 1685 г.*
121. Секретная инструкция К. Фалькона о. Ташару. *Декабрь 1685 г.*
122. Секретная инструкция министра Сеньеле послам Людовика XIV, направленным к королю Сиама [Нараю]. *Начало 1687 г.*
123. Нота короля Сиама [Нарая] английской Ост-Индской компании. *11 августа 1687 г.*
124. Соглашения де Ла Лубера и Себре с К. Фальконом. *16 октября 1687 г.*
125. Договор Франции с Сиамом. *11 декабря 1687 г.*
126. Акт возобновления сиамо-голландского договора 1664 г, *14 ноября 1688 г.*
127. Договор между королем Сиама [Петрачей] и голландской Ост-Индской компанией. *Ноябрь 1688 г.*
128. Выдержка из инструкции Людовика XIV маркизу д'Эраньи. *1689 г.*
129. Письмо пракланга Пья Коса Тибоди губернатору Пондишери Мартину. *27 декабря 1693 г.*
130. Инструкция губернатора Мадраса Натаниэля Хиггинсона Томасу Боуьеру. *2 мая 1695 г.*

* * *

Документы, публикуемые в нашем приложении, впервые были напечатаны в следующих изданиях: «Нидерландско-индийский дипломатический корпус», в котором собраны все договоры, которые голландская Ост-Индская компания заключала с государствами Азии в XVII—XVIII вв. [96]; «Поденный регистр крепости Батавия» — многотомная публикация архива голландской Ост-Индской компании в Батавии (Джакарте), содержащая наряду с прочими документами обширную переписку голландских генерал-губернаторов с правителями Юго-Восточной Азии [101]; «Сборник договоров, заключенных Францией на Дальнем Востоке», выпущенный под редакцией французского историка Л. де Рейнаха, в который включены также договоры Франции со странами Юго-Восточной Азии [218]; сборник «Документы об отношениях Сиама с другими странами в XVII в.», изданный министерством иностранных дел Сиама [216]; монография тайландского историка Констри Субамонкала «Таиланд и его отношения с Францией» [245]; монография английского историка Е. У. Хатчинсона «Авантюристы в Сиаме в XVII веке» [152]; статья Е. У. Хатчинсона «Четыре французских государственных манускрипта» [150]; статья Е. У. Хатчинсона «Эвакуация французского гарнизона из Бангкока в 1688г.» [151].

В документах сохранены грамматические формы подлинника. При этом следует иметь в виду, что некоторые местные имена и топонимы были искажены европейскими переводчиками. Там, где это оказалось возможным, в квадратных скобках дается истинное написание.

1

...Способ, которым страна замиряется и создаются колонии. Капитан отправляется с солдатами и переводчиками в деревню, о которой он только слышал или которая уже была ограблена другими испанцами. Жителям говорят, что, если они хотят дружбы с кастильцами, они должны немедленно уплатить дань. Если жители соглашаются, тогда подсчитывают сумму, которую должен уплатить каждый, и их заставляют платить немедленно. Иногда деревни бывают разграблены, потому что жители не могут согласиться платить сумму, которую с них потребовали. Считается нормальным грабить их, если они не дождутся [испанцев] и покинут свои жилища... Нас, испанцев, презирают в этой стране, наше имя вызывает ужас, так же как само святое имя нашего Господа, нас считают захватчиками чужой собственности, бесчестными пиратами и кровопийцами, ибо мы причиняем зло [даже] нашим собственным друзьям, мучим и притесняем их, ибо многие злодеяния совершаются как по отношению к их домам, их собственности, так и к их женам и дочерям, и они сами подвергаются притеснениям словом и делом...

Далее. Возмутительные поступки, убийства и заключения в узы совершаются как капитанами, так и другими офицерами и солдатами на всех островах под предлогом, что они [филиппинцы] не имеют [с испанцами] мирных договоров, хотя испанцы никогда не были ранее в этой местности. А также по отношению ко многим, которые имели мирные договоры и кому была обещана безопасность от имени Его Величества, эти договоры нарушаются и ими пренебрегают. Никто не был наказан за все вышеперечисленные действия, хотя они общеизвестны. Поэтому [среди испанцев] царит великая распущенность, и я думаю, что [найдется] немного таких, кто неповинен в этом грехе. Например, никакой помощи не оказывается тем нашим друзьям, которые просят помощи и защиты от причиненного им зла. А возмещение, если оно им дается, приносит больше вреда, чем пользы...

...В Военном совете считают справедливым основанием для начала войны, если индейцы говорят, что они не хотят дружить с испанцами или если они строят какое-либо укрепление, чтобы защитить себя. Таких индейцев убивают, порабощают, грабят, а их дома сжигают. По этой причине велась война против Бити и Лубао... и против Каинты, где в ночь перед битвой индеец залез на пальмовое дерево и прокричал: «Испанцы, что сделали вам наши предки или остались вам должны, что вы приходите грабить нас?». То же было и в Папагане. И во всех этих случаях множество народа было убито, схвачено и продано в рабство, особенно в Папагане, ибо говорили, что они бросают вызов испанцам, хотя не было никакого сопротивления ни в одном из этих мест.

Считается также [достаточно веской] причиной для справедливой войны, если какого-нибудь испанца убьют в [филиппинской] деревне. Эта деревня будет разрушена, а все схваченные там обращены в рабство. А причины, по которым этот испанец убит, злодеяния, которые он мог совершить, никто не принимает во внимание, как и то, что туземцы не имеют никого, кого они могут просить о мести, кроме Бога и собственного правосудия.

Прежде они не имели короля или правителя, у которого они могли искать справедливости. Кара постигает их без разбора, правых и виноватых, и часто, хотя виновен только один человек, наказывают всю деревню. Так велась война на острове Себу против деревень Кандайо, потому что там был убит один матрос. И на Бохоле за то, что они убили одного негодяя за его непомерные притеснения при сборе дани. Там, поскольку не нашлось никого в деревне, где он был убит, они схватили семерых индейцев из соседней деревни и повесили их...

Далее. За то, что туземцы убили Мену и еще трех человек, требовавших от них дани на острове Мариндук, капитан Луис де ла Айя по приказу губернатора и всего Военного совета уничтожил острова Бантон и Мариндук, а также остров Гимбар.

Большая часть [жителей] земли не знает другого «мира»⁷¹, чем появление в деревне какого-нибудь капитана с солдатами, который скажет жителям, что они должны уплатить дань, если хотят мира с испанцами. [Этот капитан] не имеет другой причины или повода для этого, кроме того, что он и его люди пробудут в деревне один-два дня, пока соберут столько дани, сколько можно взять у жителей, а потом они перейдут в другую деревню. Такая процедура имела место везде вдоль всего побережья [островов] Булинау и Илокос на протяжении почти 10 лет, где набеги совершались дважды в год. Так было собрано более 6000 таэлей золота, сумма равная 1000 марок. То же делалось и на других побережьях...

После подобного «умиротворения» земля разделяется [на энкомьенды] — энкомьендеро, взяв с собой несколько компаньонов, едет с ними в деревню или деревни, выделенные ему, и произносит там такую речь: «Знайте, что я теперь ваш господин, и губернатор передал мне вас, чтобы я защищал вас от других испанцев, если они будут вас обижать». Таково обычное объяснение, при этом не упоминается ни Бог, ни Король. Затем они немедленно требуют дань, каждый — сколько хочет, без всяких ограничений. Обычно они требуют 3—4 таэля с головы у лусонцев и 2—3 таэля у пинтадос [висайцев]. Если кто-нибудь не ждет энкомьендеро, когда он приезжает требовать дань, дома и деревни [тех] сжигаются, как это сделал комендант войска в деревне Бабан и Наварро в своей энкомьенде Курига.

...Многие острова и деревни были разорены и почти сметены с лица земли, частью испанцами, частью из-за них, по причине голода, виной которого [тоже] стали испанцы, ибо из страха перед ними или чтобы избавиться от них туземцы стали пренебрегать земледелием... и многие умерли голодной смертью,

...Все или большинство испанцев выступают как судьи, когда они проезжают через деревни и решают тяжбы и споры среди туземцев. Они берут за это плату, хотя часто они решают несправедливо в пользу того, кто больше заплатит...

[93, с. 230—235].

2

Я, правитель этих подветренных стран, королевства Аче и Суматры и всех стран, подвластных Аче... благоволю объявить следующее:

Я заключил дружбу с народом короля Англии, и поскольку мы в дружбе со всем остальным человечеством, то пусть поступают с ними так же хорошо, как со всеми остальными людьми. Ибо я принял их в мою страну и принял их дары, и я гляжу на них благосклонно, ибо я желаю блага всему этому народу... Я обещал тем, кто пришел в Аче и на Суматру, что они могут не бояться за свои суда и имущество, не бояться и не подозревать в чем-либо [дурном] меня.

А вы, весь мой народ, когда они будут привозить товары из своей страны в мою, торгуйте с ними и обменивайте свои товары на их товары, так же, как вы торгуете с другими иностранцами, имеющими разрешение на торговлю и закупку перца и других товаров...

И англичане, если станут искать защиты в моей стране, пусть получают ее. И если они захотят отплыть из моей страны, пусть никто не препятствует. Но если кто-нибудь имеет к ним претензии или они будут должны кому-нибудь, не давайте им отплыть, пока они не уплатят, или судья решит дело.

И не берите пошлин ни у кого из купцов на их судах и ни у кого из англичан... и если в Аче или подвластных ему землях их [англичан] застигнет шторм, и они захотят выгрузить свой груз и попросят у вас помощи,— дайте им мелкие суда для разгрузки, вы должны помогать по мере возможности. И когда товары будут выгружены на берег, вы

⁷¹ Согласно колониальной доктрине, испанцы принесли на Филиппины мир.

вернете их владельцам. Если они добровольно дадут вам что-нибудь за эту выгрузку, вы можете это взять.

И если кто-нибудь из англичан умрет и на смертном одре завещает передать свое имущество и имущество своего народа своим родственникам или владельцам имущества, вы должны исполнить его волю. И если кто-нибудь из англичан умрет, его имущество перейдет к другому английскому или иностранному купцу, который был его компаньоном.

И если англичанин будет судиться с другим англичанином или иным подданным, пусть их рассудят по законам этой страны.

[179, с. 244—245].

3

Это письмо великого Султана, завоевателя многих королевств милостью Бога короля Аче и всех земель на востоке и западе. На востоке его королевству принадлежит сеньория Дели, королевство Джохор с землями и сеньориями, королевство Паханг, королевство Кедах и королевство Перак с землями и сеньориями. На западе ему принадлежит королевство Приамам, королевство Тику, королевство Апассаман.

Великому и могучему королю Франции. Письмо, посланное мне королем Франции, я получил через адмирала Больё. Этому адмиралу я оказал много почестей... Что касается предложения прислать мне что-либо из Франции, я посылаю список с адмиралом Больё...

В знак дружбы я посылаю 8 бахар перца...

[179, с. 246].

4

Знаменитейшему, высочайшему и могущественному Королю Сиама.

Несмотря на то что владения Вашего Величества находятся далеко [от Нидерландов], это не помешало Вашему Величеству в течение долгих лет оказывать нашей нации различные и многочисленные благодеяния. С особенной благодарностью мы должны отметить великую честь, которую Ваше Величество соблаговолил оказать покойному принцу Морицу Оранскому (ныне он пребывает с Господом), вручив нашему генерал-губернатору письма и подарки для него, которые прибыли [к сожалению] слишком поздно⁷² вместе с генерал-губернатором, когда он возвратился из Индии.

Но мы унаследовали от нашего брата добрую волю способствовать, по мере всех своих возможностей, росту славы и чести Вашего Величества, в той же мере, в какой мы унаследовали от него все земли, звания, должности, бремя управления и все остальное. В то же время мы просим, чтобы Ваше Величество соблаговолили, как и прежде, оказывать свои королевские милости голландской нации [natie].

Мы также чувствуем себя глубоко обязанными Вашему Величеству за чрезвычайные благодеяния, оказанные небольшой яхте «Зеландия», которая была незаконно захвачена на реке, протекающей в Ваших владениях, испанским капитаном, но по приказу Вашего Величества была храбро отбита Вашими солдатами у врага и возвращена нам, о чем нам подробно сообщили наши купцы, торгующие в Индии. Показав таким образом свою отвагу и чувство справедливости, Ваше Величество увеличило свои благодеяния тем, что передало нам также деньги и товары, захваченные на этой яхте, что дает еще больше оснований для глубочайшей благодарности и похвалы великодушию Вашего Величества, которое Вы проявляете по отношению ко всем иностранцам, в числе которых находимся и мы, пребывающие в глубокой надежде, что и в дальнейшем Вы не оставите нас своими милостями.

⁷² Т. е. уже после смерти Морица Оранского.

Искренне желая процветания и благоденствия Вашего Величества, мы желали бы знать больше о ваших успехах, но со времени прибытия нашего генерал-губернатора мы не получали больше никаких известий о состоянии, в котором находится ваш спор с королем Камбоджи, но мы надеемся, что он уже улажен без ущерба для чести Вашего Величества. В то же время мы отдали приказание, чтобы [наши подданные] в Индии выступили бы в поддержку прав Вашего Величества настолько, насколько это позволяют наши ресурсы.

Да сохранит всемогущий Господь Ваше Величество, Знаменитейшего, Высочайшего и Могущественнейшего из Королей, Да продлит он Ваши дни ради славы, процветания и победы над врагами.

[216, vol. I, с. 16—17].

5

Фредерик Генрих, милостью божьей принц Оранский, граф Нассау и пр. и пр., генерал-капитан [генерал-губернатор] и адмирал Объединенных Нидерландов желает могущественному Королю Сиаму в городе Аютии долгой жизни, здоровья, процветающего правления и победы над его врагами.

Наши суда, недавно прибывшие из Ост-Индии, доставили нам любезные и ценные письма Вашего Величества, вместе с сопровождавшими их подарками, благодаря чему мы воочию убедились в особой королевской привязанности и любви к нашей нидерландской нации и в свободном изъяснении и подтверждении доброй воли Вашего Величества, направленной на поддержание старинного союза и [дружеских] отношений между Королевством Вашего Величества и нашим государством, которые мы ценим превыше всего на свете, в связи с чем мы также считаем себя обязанными вновь заверить Ваше Величество, что до тех пор, пока стоит этот мир, мы и наши наследники нерушимо и неизменно будут поддерживать эти отношения.

Для нас было горестно свыше меры услышать о смерти предшественника Вашего Величества, нашего достойного и искреннего... [пропуск в тексте], но, с другой стороны, мы имели не меньшее основание радоваться, узнав, что по знамению великого Господа, творца неба и земли, Вы были открыто признаны и коронованы королем Сиаму, к великому удовлетворению всех подданных Вашего Королевства, и мы уверены, что найдем в лице Вашего Величества еще более великого и искреннего [друга].

Мы не сомневаемся, что Ваше Величество в силу своей природной доброты уже давно вернули свое благоволение Камбодже и Паттани или же другими средствами призвали их к исполнению своих обязанностей и должному повиновению. Мы желали бы, если это окажется возможным, оказать помощь Вашему Величеству в этом деле, считая себя обязанными оказывать вам всевозможные услуги, тем более что мы узнали, что Ваше Величество намерены продолжить войну против испанцев и португальцев, наследственных врагов наших и Вашего Величества, и мы уверены, что благодаря этому [помощи Голландии] государство Вашего Величества будет пребывать в величайшем спокойствии.

Желая показать, насколько высоко мы ценим добрую волю и любовь к нашей нации со стороны Вашего Величества, мы посылаем с нашим специальным посланником корону и меч, важнейшие части облачения европейских королей, и просим Ваше Величество рассматривать этот небольшой подарок лишь как ничтожный знак нашей доброй воли и привязанности [к Вам].

Что касается событий здешней войны, просим Ваше Величество поверить словам нашего посланника, который Вам о ней расскажет.

В заключение, полагаясь на то, что Ваше Величество, как и прежде, будет продолжать оказывать помощь и благоволение нашей нидерландской нации в ее делах и всех ее дальнейших предприятиях, с тем чтобы [голландцы] могли продолжать свою

торговлю и свободно и без помех получать и вывозить [из Сиама] все, в чем они нуждаются, мы поручаем Ваше Величество Господу нашему Богу, чтобы он хранил Вас и послал Вам благоденствие и исполнение желаний. Итак, с нашим самым подобающим уважением и сердечными поздравлениями Вашему Величеству и пр...

[216, vol. I, с. 18—19].

6

В 5-й день второй растущей луны в Год Крысы Ойя Пракланг потребовал от меня, Иеремии ван Влита, через посредство шабандара Ольянг Чувит Рачамонтри письменное обязательство в том, что с настоящего дня все приказания пракланга, отданные через посредство шабандара или переводчика мне или другим голландцам, проживающим в Сиаме, будут выполняться настолько точно, насколько это в моей власти, сообразно законам и обычаям этого королевства, а я [как начальник] буду нести ответственность за все злоупотребления [голландцев], в чем ручаюсь своей головой.

Аютия, сентябрь 1636 год.

[101, 1637, с. 9—10].

7

[В начале письма полные титулы Прасат Тонга и принца Оранского, всего около 400 слов]. Выдающееся золотое послание и королевский подарок, врученные нам посланником Вашего Превосходительства, были приняты нами с удовольствием, и мы с удовлетворением узнали, что особа Вашего Превосходительства и все его земли и подданные, благодаря покровительству Бога, процветают и пребывают в благоденствии. При этом известии мы так обрадовались, как если бы великий Бог внезапно подарил нам целый мир.

Хотя наше государство и владения Вашего Превосходительства и разделены большим расстоянием, все же, благодаря старой и прочной дружбе, они слились, как золото в едином слитке, так что мы считаем своим долгом сражаться против {Ваших} врагов всеми силами своих слонов, конницы и пехоты, если Его Превосходительство этого пожелает, а также помогать Вам на море нашими галерами, прау и другими военными судами до тех пор, пока враг не будет уничтожен. И мы верим, что, если нашему Королевству понадобится помощь, Его Превосходительство также в любое время станет нам помогать своими [сухопутными] и морскими силами, ибо наша великая взаимная дружба требует такой поддержки.

Голландцы, подданные Вашего Превосходительства, торгующие в нашем государстве, находятся под нашим покровительством, и мы заботимся о них больше, чем о наших собственных подданных.

Наша дружба так велика и прекрасна, что подтверждается посылкой золотых писем, но в то же время эта сердечная привязанность не может быть выражена достаточно ясно [из-за неточности перевода]. Короли Китая и Аютии в прежние времена имели обыкновение посылать друг другу золотые письма, чтобы закрепить свою дружбу. Но так как китайский император не мог постичь сокровенной сущности этих писем [из-за нехватки опытных переводчиков], он послал четырех ученых на постоянную службу к Сиамскому двору. [Абсолютно] точный перевод писем будет способствовать дальнейшему упрочению дружбы между нами и между нашими наследниками, и эта дружба будет длиться столь долго, сколько солнце и луна будут сиять на небе. Поэтому Ваше Превосходительство должны рассмотреть [этот вопрос] и приказать, чтобы он был разрешен наилучшим образом.

Дано в нашем королевском городе Аютии в 9-й день двенадцатой растущей луны, что соответствует 21 ноября 1696 г.

[101, 1637, с. 11 — 12].

8

[В начале письма полные титулы пракланга и генерал-губернатора, всего около 100 слов]. Посланник Иост Схоутен, прибывший сюда в Аютию, доставил золотое послание и подарки принца Голландии, а также подарки и послание Вашей Чести и письмо, адресованное мне, содержание которого я сообщил своему королю.

Его Величество вскоре дал посланнику почетную аудиенцию, и письма и подарки Принца и Вашей Чести были в торжественном молчании вручены ему [Прасат Тонгу]. Его Величество был весьма доволен, что Ваша Честь прислали ему письма и дары принца. Это, несомненно, повлечет за собою большие выгоды для голландцев, которые посещают королевство Аютии и торгуют здесь.

Из послания Вашей Чести наш Король с большим удовольствием узнал о привязанности Вашей Чести к его и моим предкам и о Вашей старинной дружбе, уважении и готовности оказывать услуги Его Величеству. И несмотря на то, что до сих пор не было возможности доказать полную искренность (Ваших заявлений), они были приняты так, как если бы Ваша привязанность и готовность услужить Его Величеству [уже] были полностью доказаны, и поэтому Его Величество испытывает величайшую привязанность к Вашей Чести.

Согласно рекомендации Вашей Чести, я оказал капитану И. Схоутену помощь и покровительство в рамках своей должности и [в тех] размерах, которые позволяет мне моя власть.

В письме Вашей Чести говорится о том, что некие жители Батавии послали сюда ряд товаров на двух сиамских джонках, и эти джонки были захвачены жителями Паттани. Но находа Напит Оккун Свейсакон⁷³ заявляет, что ему ничего неизвестно о захвате собственности батавских жителей [на этих двух джонках]. Поэтому пока нет оснований приказывать паттанцам уплатить возмещение. Если Ваша Честь пришлет сюда самих владельцев и они смогут достоверно подтвердить свои претензии, тогда паттанцам будет приказано возратить [пропавшее имущество].

Ваша Честь пишет, что в случае отказа удовлетворить [эти претензии] против Паттани будут начаты военные действия на море. Но подобные действия будут противны разуму, прочной дружбе между королями Сиам и Голландии и «искренней привязанности» Вашей Чести к Его Величеству. И напротив, если Ваша Честь предотвратит враждебные действия, Ваша добрая слава неизмеримо возрастет среди всех окрестных монархов и народов. Имея это в виду, мы советуем Вашей Чести придерживаться законного образа действий.

По просьбе капитана Схоутена, Его Величество разрешил продажу и вывоз 200 койянов очищенного риса и 100 койянов неочищенного.

Король посылает принцу Голландии золотую тройную королевскую корону, украшенную красными, голубыми и белыми драгоценными камнями.

Вашей Чести Его Величество дарит золотую корону с такими же украшениями и рубинами и 50 сиамских койянов [неочищенного] риса.

Дано в королевской столице Аютии, в 1-й день убывающей луны, в Год Крысы, что соответствует 28 ноября 1636 г.

[101, 1637, с. 12—13].

9

Это письмо Король Кюинама посылает Королю Джакарты. Поскольку я желаю мирно торговать со всеми странами, как это и подобает при нормальных отношениях

⁷³ Шкипер одной из джонок, на которых, по уверению голландцев, находились их товары.

между королями, все торговые люди, которые прибывают в мою страну, могут вести здесь выгодную торговлю.

Мне стало известно, что Король Джакарты хорошо относится к моей стране, поэтому я был обрадован, когда он решил прислать ко мне своих людей для торговли. Далее, я узнал, что они [голландцы] просят выделить им участок земли, чтобы жить в моей стране. Я бы разрешил выделить им этот участок, но боюсь, что тогда другие иностранные купцы перестанут посещать мою землю для торговли...

Пусть Король Джакарты соблаговолит обдумать это обстоятельство и не считает меня криводушным. Я хочу только, чтобы все купцы могли свободно посещать мои порты. Пусть же Король Джакарты присылает мне своих людей для торговли [на общих основаниях]. Это будет мне весьма приятно. С этим письмом я посылаю Королю Джакарты половину катти калембака [алойного дерева]. Дано в третий год правления короля, в 23-й день китайского нового года.

[101, 1637, с. 158—159].

10

1. Несмотря на долгое пребывание в Сиаме, голландцы так и не научились должным нормам поведения в отношении сиамского народа. Но пусть они не забывают, что они находятся не на своей земле, а на земле могущественного государя, который не желает долее терпеть их высокомерное и вызывающее поведение.

2. [Голландцы] должны знать, что Батавия не так уж далеко расположена от владений его [Прасат Тонга] вассалов. И его солдаты легко смогут найти туда дорогу и захватить [Батавию], поскольку они [сиамцы] так низко оценивают наш народ, что, по их мнению, самый последний сиамский раб может одолеть в поединке четырех голландцев.

3. И что наша фактория и склады столь незначительны с его [пакланга] точки зрения, что его рабы смогут снести их за один час. Ибо если он пошлет своих людей, чтобы каждый взял только по одному камню, то еще и не всем достанется.

4. Великое, знаменитое и древнее сиамское королевство существовало задолго до того, как в нем появились первые голландцы, и прекрасно может существовать без них [и] дальше. Если голландцы думают продолжать свои враждебные действия, пусть лучше уезжают — Король не возражает.

[101, 1640—1641, с. 78].

11

Ойя Си Таммарат, уполномоченный по делам иностранцев, которые прибывают в королевство с юга и запада, направляет это письмо с открытым сердцем по приказу и от имени Прабат Сомдет Борома Бопита [и пр. и пр.]... короля золотого рога [изобилия] белого, красного и круглохвостого слонов (этими тремя животными из всех земных государей господ наградил только нашего короля), славное имя которого известно во всех концах вселенной, который столь могуществен, что все враги трепещут от страха и покоряются ему, который подобен четы-рехрукому богу войны Пранараю, от имени величайшего, царст-веннейшего, мудрейшего, могущественнейшего, ужаснейшего, счастливейшего из королей, когда-либо существовавших на земле, благородному, великодушному, мудрому, суровому господину Его Превосходительству Антошу ван Димену, генерал-губернатору Объединенных Нидерландов в Ост-Индии.

Могущественный господин!

Письмо и богатые подарки, присланные нашему государю Его Превосходительством с капитаном Иеремией ван Влитом, были вручены в торжественной обстановке. Его Величество выражает благодарность.

Король остался совершенно доволен посланием Его Превосходительства, в котором тот выражает искреннюю привязанность к Его Величеству и любовь к Сиамскому королевству. И в результате добрые чувства Его Величества к Его Превосходительству столь выросли, что ничто не может им повредить. И пока существуют на земле сиамский и голландский народы, пусть их дружба и союз укрепляются на страх врагам. Король наш господин печется [как и подобает] о благоденствии своих земель и своих подданных и бережет их, как зеницу своего ока. И поскольку Королевство Его Величества управляется надлежащим образом, король на все государственные должности назначает только достойных людей, которые добросовестно несут свою службу, и поэтому они пользуются у короля величайшим почетом.

Учитывая же долгую, искреннюю и нерушимую дружбу между Его Величеством и королем Голландии и то, что Его Превосходительство преданно и достойно служит королю Голландии, по причине всего этого Его Величество ценит Его Превосходительство не меньше, чем высочайших из своих чиновников, и испытывает к нему чувство дружбы и благоволения, на которые Его Превосходительство всегда может рассчитывать. Кроме того, наш король всегда относился с великим благоволением к нидерландской нации в целом и представителям Его Превосходительства здесь в частности. Это явствует из того, что он всегда обращался с ними милостиво и справедливо, в точности так же, как со своими единоплеменниками и подданными, насколько это было в его силах и возможностях.

Поскольку Его Превосходительство просил короля, нашего господина, чтобы капитану ван Влиту было позволено вывезти из Сиам христианских детей, рожденных от отцов голландцев, чтобы они, как поясняется в письме Его Превосходительства, могли быть воспитаны согласно обычаям и религии [их отцов], [в ответ на это] король, наш господин, направил с Иостом Схоутеном письмо королю, гравированное на золоте, а также подарки. Но до сих пор Его Величество не получил никакого ответа, что нас весьма изумляет и огорчает. Поэтому мы просим выяснить, в чем дело, и скорее переслать письмо, когда оно прибудет [в Батавию].

Голландцы же, проживающие в этом королевстве, станут нам от этого еще более приятными и будут пользоваться еще большим благоволением.

Что же касается капитана ван Влита, который много лет прожил в этом королевстве и хорошо изучил обычаи страны и придворные манеры, чем вызвал к себе особую благосклонность Его Величества, то все мы желаем, чтобы упомянутый капитан вскоре вновь получил возможность вернуться сюда... В знак своей нерушимой дружбы король, наш господин, посылает следующие подарки: прекрасную золотую саблю, щит и копье, украшенные рубинами, а также два мушкета, инкрустированные золотом и серебром. Просим принять это в знак искренней дружбы.

Королевский город Аютя, 18-й день четвертой убывающей луны, что соответствует 2 марта 1641 г.

[101, 1640—1641, с. 283—284].

12

Ойя Си Таммарат Дусья Тсьят Матия Ночит Птит Рат Коса Тибоди [и пр. и пр.], хранитель большой печати нашего короля... покровитель и адвокат всех иностранцев, которые посещают [Сиам], с чистым сердцем и дружескими чувствами обращается к благородному, великодушному, мудрому, могущественному господину Антонию ван Димену, генерал-губернатору Объединенных Нидерландов в Ост-Индии.

Благородный господин! Пользуясь отъездом капитана Иеремии ван Влита в Батавию, хочу сообщить, что король наш господин, заботясь о благосостоянии своих подданных и увеличении торговли с Батавией, разрешил, чтобы Чау Пья Рамарат... снарядил джонку длиной 18 с четвертью и шириной 3 с четвертью сажень. На этом судне Его Превосходительство назначил капитаном Срисетя, малайца мусульманина, первым его заместителем китайца Пекка и вторым заместителем (он же главный торговец) Куси Сомбата с двумя помощниками — Мончербититом и Ней Рачуитом. Главным штурманом назначен китаец мусульманин Хеуква, старшим боцманом китаец Экво. Кроме того, [на судне] 11 сиамских, 26 китайских и 22 малайских и мусульманских матроса — всего 61 человек. На судне имеются 4 медные пушки, стреляющие ядрами в два пальца толщиной, 1 пушка, стреляющая ядрами, толщиной в полтора пальца, 4 мушкета, 15 японских ружей. На упомянутую джонку было погружено 200 ласт риса и другие съестные припасы, а также 6 бахар олова.

16 месяцев тому назад это судно отплыло в Батавию, но-из-за неопытности штурмана [насколько нам известно] не достигло этого порта, а потерпело крушение у Паттани. На обратном пути китайский штурман Хеуква убил капитана, а также всех сиамцев и малайцев, мошеннически овладел джонкой, но, в какую гавань направился после этого, [нам] неизвестно. Поэтому мы просим, чтобы ради дружбы, которую Его Превосходительство поддерживает с королем, нашим господином, [был отдан] приказ во всех местах, подвластных Его Превосходительству, и всем его кораблям, чтобы эту джонку разыскали, захватили и доставили в Батавию...

[101, 1640—1641, с. 285—286].

13

Аннам Кок, великий король, который правит над всем королевством Тонкий, посылает в знак искреннего уважения правителям Голландии подарки: мушкет с золотой инкрустацией и 300 штук тонкого шелка.

И еще я хотел бы купить у Вас некоторые товары, и если Вы мне окажете кредит [в Батавии], то я здесь на месте с Вами расплачусь. Я хочу купить 20 штук тонкого красного сукна, 10 штук такого же черного сукна, 10 штук светло-красного сукна, а также атлас и сатин разных цветов с прекрасными узорами.

Дано в седьмой год нашего правления в 17-й день первого месяца.

[101, 1640—1641, с. 254].

14

Аннам Кок, сын короля. В этом письме я предлагаю правителям Голландии братскую дружбу, ибо я живу по справедливости, что, как полагаю, относится и к Вам. Поэтому наша дружба должна стать долгой и прочной. А когда, напротив, уста говорят одно, а в сердце таится другое, то любовь иссякает и дружба скоро проходит. Поэтому я не посчитал чрезмерным послать своих послов через это великое и опасное море на Ваших кораблях к Вам, чтобы посетить Вашу резиденцию и передать Вам мое искреннее уважение. Капитан Кукебакер, Ваш посол, прибывший ко мне, передал мне Ваши большие дары, и я имел с ним беседу. Этот человек производит хорошее впечатление. Он наделен даром красноречия и завоевал мое сердце.

Я просил через него у Вас помощи против моего врага и, если бы Вы согласились на это, мне было бы очень приятно. И хотя [эта просьба] пока еще не имела никакого результата, я считаю это [посольство Кукебакера] знаком истинной дружбы с Вашей стороны.

Кюинамец [правитель Южного Вьетнама] имеет против меня злые намерения, но я надеюсь ему за все дорого отплатить. Раньше я правил этими людьми [южными

вьетнамцами], а теперь они встали против меня и хотят воевать со мной, чего я не могу забыть.

С этим письмом я посылаю искреннее уважение Вашему городу. Я предлагаю королю Батавии, чтобы наша дружба длилась бесконечно. И когда мои соседи захотят начать против меня войну, я обращусь к Вам за помощью. И когда я с Вашей помощью поражу своих врагов, я превознесу Вас до небес и наша дружба останется нерушимой на тысячу лет.

Так как в Вашей стране есть много редких товаров, я хотел бы купить у Вас: 100 мер золота, 10 штук тонкого красного сукна, 3 штуки такого же зеленого сукна, 3 штуки — небесно-голубого, 10 штук черного сукна, 30 штук сатина, украшенного цветами, 5000 ящичков серы.

Дано в седьмой год нашего правления в 13-й день первого месяца.

[101, 1640—1641, с. 254—255].

15

Это письмо послано от чистого сердца генералу крепости Батавия, который стойко борется против своих врагов и неизменно держит слово, данное своим друзьям, чем он знаменит во всех сторонах, откуда дует ветер, на море и на суше. Падука Сири Султан [король Брунея] очень радуется, слушая о великих делах генерала, о том, что все рабы и бедные люди Господа, придя в Батавию, пользуются там всякими благами. Поэтому орангкайя Сири Агаррадя и орангкайя Падутта и другие, сопровождающие их, доставят это мое искреннее письмо к капитан-генералу [генерал-губернатору] крепости я земли Батавия. И имя капитан-генерала и его справедливость Падука Сири Султан не забудет, пока на небе сияет луна.

Если на то будет воля Господа, Падука Сири Султан надеется, что капитан Сири Агаррадя будет принят благосклонно и дружески.

Да будет известно Вашему Превосходительству, что испанцы — очень злые люди. И они хотят в этот муссон напасть на Борнео с 200 кораблями. Поэтому и послан Сири Агаррадя, ибо Падука Сири Султан в первую очередь надеется на бога, а во вторую — на капитан-генерала, что тот поможет Борнео, прислав порох, селитру, серу и ядра. Падука Сири Султан верит, что это случится, и тогда Борнео и Батавия станут, как одна земля, навечно без малейшей неприязни друг к другу. В знак искреннего уважения Падука Сири Султан посылает капитан-генералу три безоаровых камня, один катти камфоры» один пикуль воска и двух рабов. [101, 1640—1641, с. 268—269].

16

Милостью Всемогущего Бога я, Махамулия, Бава Дели Халларат, Падука Сири Султан Ма-алам Валхаса, Нул Макарам, Сиахе Бердучет, Аче Дару Салем, королева, по законному праву наследовавшая прежним королям, приказываю орангкайя Падука Сири [радже Панглима], радже Индра Макотта [радже Лаланга], Сирибуди [радже Приамама] ... [следует еще 18 имен] и всем моим грандам и вассалам сообщаю следующее:

Мы милостиво освободили капитан-генерала от пошлины на одно судно, торгующее в Тику, Приамаме, Индрапуре и Па-данге. Это же милостиво разрешил голландцам [покойный король] Падука Морхом Дару Салем, а теперь я, как королева, дарую то же.

Далее. Если в Тику, Приамам, Индрапуру и Паданг придут другие голландские корабли, они будут платить пошлину в реалах.

Далее. В этих четырех местностях запрещается торговля датчанам, англичанам и французам. К фирману приложена большая королевская печать.

[101, 1640—1641, с. 425—426].

Анна Кокбуенг, король Тонкина, посылает это письмо к голландскому принцу и приветствует его. Слова, которыми мы обменивались прежде, были искренними и любезными моему сердцу. Вы послали пять кораблей к побережью Кюинама, я не знал, с какой целью. Но голландский капитан, командовавший этими кораблями, прибыл сюда и сообщил мне, что они присланы, чтобы оказать мне помощь.

Я был обрадован прибытием этого капитана, и я полюбил его от всего сердца. Я подарил ему хорошего шелка ценой в 1000 таэлей и снабдил его провиантом для плавания. Этих пяти кораблей, как мне казалось, было мало, однако я намеревался в последнем месяце этого года выступить вместе с ними против Кюинама. Но капитан сказал, что так не годится и что в четвертом месяце будущего года он приплывет с большими силами из Батавии и тогда мы вместе разгромим кюинамцев. Так мы и решили поступить.

Я дал капитану два меча с золотой инкрустацией, чтобы он поднес их голландскому принцу в знак моего уважения. Я также подарил этому капитану меч с золотой инкрустацией, а младшему капитану — меч с серебряной инкрустацией и просил их, чтобы они для подкрепления моих сил оставили здесь малое судно, на что они согласились. И я выделил на пропитание команды этого судна 100 тыс. раковин каури.

К 9-му числу третьего месяца [апрель 1643] я подготовил к походу армию, состоящую из 10 тысяч сильных и опытных солдат, умеющих владеть огнестрельным оружием, и 10 тысяч солдат с мечами, пиками и другим оружием и приказал командующим этим войском попытаться снова подчинить нашей власти область Пу Чин. Эти войска одержали победу в ночной битве, захватили двух главных генералов врага, многих начальников и богатые трофеи и снова привели область Пу Чин к повиновению.

В 17-й день четвертого месяца [май 1643] я выступил лично. Прибыв туда [к крепости Пу Чин], я изучил обстановку и приказал в ряде мест вырыть большие ямы, наполнить их капканами и другими приспособлениями, потом прикрыть тонким слоем земли и, подождав 14 дней, пока на нем снова вырастет трава, выманить врага для битвы на это место. Но враг об этом узнал, так что наш план не дал результата. Между тем я с великим нетерпением ожидал голландские корабли (которые, как обещали голландцы, должны были прибыть в четвертом месяце), но они не прибыли до 22-го числа пятого месяца, в то время как мои люди стали ежедневно умирать от болезней, вызванных плохой водой. Тогда я оставил 10 тысяч человек осаждать крепость Пу Чин, а сам с остальной армией решил направиться домой с тем, чтобы в будущем вернуться с большими силами, если до этого времени они [жители Пу Чин] не подчинятся.

Мое расположение к Вам велико, а Вы не доверяете мне настолько, чтобы послать свои корабли мне на помощь. А три [голландских] судна, которые были при мне, присутствовали только для виду, ибо эти моряки (хотя, по их словам, они великие воины) были очень хвастливы, но оказалось, что у них не хватает духа приблизиться к кюинамцам. Вместо того, чтобы нападать и истреблять их, они [голландцы] под предлогом, что здесь слишком мелкие воды, ушли далеко в море и там крейсировали туда и обратно. По этой причине голландцы стали великим посмешищем в глазах кюинамцев.

Мне лее хотелось только использовать славу голландцев, которые повсеместно известны своим воинским умением, для посрамления моих врагов. Далее, я приказал им либо уплыть, либо вступить в битву, но они не сделали ни того, ни другого. И я решил написать голландскому принцу, чтоб выяснить, относится ли он ко мне так же хорошо, как я к нему.

Все это предприятие закончилось для меня огромным расходом припасов и денег. И можете поверить, что я говорю серьезно, и тщательно обдумайте все происшедшее.

Возвращаясь из похода, я послал главе голландской фактории Бронкхорсту приказ дожидаться моего возвращения, чтобы он мог получить от меня плату для своих товарищей. Но когда 28-го числа шестого месяца [июль 1643 г.] я прибыл в город Катчиу [Ханой], оказалось, что Бронкхорст (по причине перемены муссона) уже отплыл на Тайвань с разрешения моего сына, и тот дал ему в дар 100 тысяч раковин каури. То, что я остался должен Бронкхорсту, будет ему уплачено, когда он вернется.

Я еще раз искренне заверяю Вас, что голландцы стали посмешищем для кюинамцев. Так что если вы хотите отомстить за это унижение, приходите сюда со своими судами и 5000 людей, и с ними мы нанесем поражение врагу. Только пусть в это число не входят судовые команды, а только крепкие, храбрые солдаты. Иначе, если даже Вы пошлете к побережью [Вьетнама] 20 судов, вы не причините врагу никакого вреда. Если же [ваши люди] снова испугаются кюинамцев, это будет для Вас великим позором, можете мне поверить.

Впрочем, если Вы не хотите воевать, а хотите только торговать, можете свободно посещать мою страну, я Вас ни к чему не принуждаю.

Раньше японцы имели обыкновение приплывать сюда на своих джонках и снабжать меня всякими редкими товарами, такими, как железо, сера, медь, мечи, и многим другим, а в уплату получали шелк. Теперь и Вы можете привозить нам эти и другие товары на тех же условиях.

Я поздравляю голландского принца, желаю ему долгой жизни и здоровья, а также хорошего управления своими народами. Дано в девятый год, в 6-й день седьмого месяца правления Дайрос Дуенгваа.

[101, с. 1644—1645, с. 118—121].

18

Договор и вечный мирный союз, заключенный между благородным господином Виллемом Верстегеном, чрезвычайным членом Совета Индии, уполномоченным Его Высочества принца Оранского и могущественных господ Генеральных Штатов Свободных Объединенных Нидерландов, с одной стороны, и великим и могущественным королем знаменитого королевства Кюинам и Тямпа, с другой стороны, в городе Инглай, 9 декабря 1651 г.

1

Во-первых, мы оба согласились больше не говорить о прежней вражде и столкновениях между нами, где, когда, как и в чем бы они ни выражались, предать это забвению, а как истинные союзники [договорились] поддерживать мир и дружбу друг с другом навеки.

2

С этой целью пленные, захваченные обеими сторонами, кем бы они ни были и где бы ни находились, должны быть взаимно возвращены, так же как вышеупомянутый благородный господин посол привез и передал Его Величеству 33 человека, мужчин и женщин с Тайваня. И если в Батавии или в другом месте еще обнаружатся [пленные вьетнамцы], господин посол обязуется доставить их сюда.

3

Далее. Его Величество разрешает служащим Генеральной Объединенной нидерландской Ост-Индской компании вновь свободно посещать это Кюинамское королевство и без помех вести торговлю с его подданными. В добавление к этому он разрешил вышеупомянутому благородному господину послу выбрать место для фактории в городе Файфо.

4

Голландские резиденты [в Южном Вьетнаме] получают все привилегии и свободы, которыми они пользовались здесь прежде. Сверх того, Его Величество будет оказывать им

свое благоволение и помощь и защищать их от всякого насилия и притеснения. Эти голландцы, в свою очередь, должны вести себя скромно и благопристойно, так, чтобы никто из подданных Его Величества не пострадал от них и не стал жертвой их притеснений.

5

Если случится, что подданные Его Величества совершат какое-нибудь преступление против голландцев, Его Величества накажет их по закону своей страны. Равным образом, если подобное совершат голландцы [против местных жителей], капитан или начальник [голландской фактории] подвергнет их должному наказанию.

6

Если из-за шторма, от чего избави Господи, один из наших кораблей, плывущих сюда или в другое место, потерпит крушение у берегов этого королевства, Его Величество обещает оказывать голландцам всяческую помощь в деле спасения товаров и прочего.

7

Голландцы обязуются выплачивать местным жителям вознаграждение за помощь при спасении после кораблекрушения имущества, товаров, провианта, корабельного снаряжения, артиллерии, военной амуниции и всего прочего. А Его Величество не будет пользоваться береговым правом и претендовать на имущество, спасенное с корабля.

8

Равным образом голландцы будут оказывать такую же помощь джонкам или кораблям короля, которые будут иметь несчастье потерпеть крушение у их берегов.

9

Голландские корабли при приходе и уходе не будут подвергаться таможенному досмотру и платить портовую пошлину, подобную той, какую платят китайцы, португальцы и другие иностранцы.

10

Однако упомянутый господин посол обязался, что наши корабли будут ежегодно доставлять Его Величеству товары и редкости, какие он пожелает, из Батавии или других мест в обмен на деньги или местные товары.

Вышеупомянутое соглашение мы обязуемся соблюдать во всех пунктах верно и нерушимо. Ради закрепления этого нашего вечного мира и союза мы отказываемся от всех законов, статутов, обычаев и установлений, которые хотя бы в малейшей степени могут помешать выполнению этого соглашения

[96, т. II, с. 34—36].

19

Я, Онг Спади, великий мандарин Аннам Коконга, посылаю в этом письме голландскому губернатору пожелание счастья. И пусть он знает о моей большой благосклонности к голландцам, которую я проявляю уже многие годы. Что касается голландцев, которые здесь [в Северном Вьетнаме] находятся, то это хорошие люди, которые ведут торговлю с местными жителями. И я, и все купцы их любим.

В знак моей благосклонности к голландцам посылаю Вам подарки: меч с золотой инкрустацией и два катти мускуса.

Дано в пятый год Дайро Тхытон, в первый месяц, в добрый день.

[101, 1653, с. 28—29].

20

Сиоммура Таффиойе обращается с глубоким почтением к Его Превосходительству генерал-губернатору и господам из Совета Индии и сообщает, что в прошедшем 1651 году, когда Его Превосходительство Биллем Верстеген прибыл сюда в качестве посла,

король был очень обрадован его прибытием и оказал ему хороший прием. Завершив переговоры при дворе, господин посол прибыл в Файфо, где купил дом с участком земли и поселил в нем пятерых голландцев. Сам же он отплыл через четыре дня после этого. Вскоре, однако, случилось большое зло. Король решил убить пятерых оставшихся здесь голландцев. Но прежде, чем это произошло, король через своих чиновников объявил им помилование и оставил им жизнь, чему я был очень рад.

Что касается дома, который купил его Превосходительство г-н Верстеген и оставил под моим надзором, то я о нем забочусь и в случае нужды сделаю ремонт. Это письмо я передаю в руки Хендрика.

Год Змеи, восьмой месяц, 13-й день. Сиоммура Таффиойе.
[101, 1653, с. 29—30].

21

Это письмо Рача Коса, высший из придворных чинов, по приказу короля пишет господину генералу Джакарты.

Поскольку генерал Джакарты прислал королю Аютии искреннее письмо вместе с подарками (2 кольца с бриллиантами, 20 штук крашеной ткани, 2 штуки красного сукна, 1 штуку зеленого, 3 пикуля мускатных орехов, 25 катти мускатного цвета, 1 пикуль сандалового дерева и др.) и все это было передано купцом Вестерволдом королю, который обладает золотым дворцом и белым слоном, другое же письмо он направил Ойя Себантибану⁷⁴; и из содержания обоих писем нам стало известно, что генерал Карел Рейнирсзон, который писал Его Величеству дружественные письма, три месяца тому назад скончался, это весьма огорчило Его Величество, ибо упомянутый господин хорошо знал обычаи [сиамского] королевства и дружественно относился к Его Величеству...

Затем Его Величество узнал, что на место покойного генерала был назначен господин Метсёйкер, что он весьма одобряет, а на место умершего Гендрика Крайера⁷⁵ назначен Вестерволд.

Поэтому Его Величество отнесся к упомянутому капитану Вестерволду, как к своему чиновнику, и пожаловал ему титул [подобный тому, который он прежде пожаловал Крайеру], и теперь [Вестерволд] носит титул Туанг Ратна Сакар, и ему пожалована серебряная коробочка [для бетеля⁷⁶] с золотой крышкой, ибо он, Вестерволд, знает обычаи страны.

Если же случится, что на его место будет прислан другой человек, в торговле могут произойти затруднения. Поэтому мы просим, чтобы на место Вестерволда не назначали больше никого, чтобы у нас не было этих затруднений.

Недавно Вестерволд попросил у короля разрешение построить в Сиаме большой корабль, [король] дал ему разрешение на постройку этого корабля и закупку всех необходимых материалов.

Король посылает господину генералу золотую коробочку с крышкой, украшенной бриллиантами, а также золотые серьги, украшенные рубинами [и другие золотые украшения]... в знак своей дружбы, чтобы она не прекращалась и в дальнейшем.

Писано в субботу одиннадцатого месяца сего года.

[101, 1653, с. 164—165].

22

⁷⁴ В других документах Ойя Сабартибан.

⁷⁵ Начальник аютийской фактории.

⁷⁶ Коробочка для бетеля — своеобразный мандат чиновника в феодальном Сиаме, соответствует, например, монгольской пайцзе.

Договор, заключенный капитаном Якобом Версхейденом от имени Его Превосходительства господина генерал-губернатора Иоанна Метсёйкера и Совета Индии, с одной стороны, и могущественными королями островов Тимор, Амасси, Сонненбайер и Коромено Аммабер, с другой стороны, 2 июля 1655 г.

1

Отныне и впредь все споры и военные действия между нами и голландцами прекращаются, и о них не будет больше речи.

2

Мы все, с нашими землями и подданными, которых мы имеем или может приобрести в будущем, обязуемся быть верными дружбе с Компанией и не заключать союза ни с кем, кто враждует с упомянутой Компанией, и напротив, враждовать с ними при условии, что Компания тоже будет оказывать нам помощь против наших врагов.

3

Мы обещаем выполнять поручения, которые даст нам генерал-губернатор верно и точно, как это делают кровные родственники.

4

Мы обязуемся не позволять врагам Компании вести торговлю в наших землях и не предоставлять им [такие товары], как золото, серебро, металл, медь, воск, черепаховые панцири и рабов. А господин генерал-губернатор имеет право в любой части наших владений построить крепость, причем ни мы, ни наши потомки не будем против этого возражать.

5

Мы обязуемся продавать наше дерево и продукты земли голландцам, подданным Компании, честно и без обмана.

6

Поскольку все государства, земли и народы по изволению Божьему подвержены изменениям, если случится, что Компания когда-нибудь заключит мир с португальцами, мы не хотим участвовать в таком договоре, потому что мы не можем больше терпеть эту нацию в наших землях.

7

Наконец, мы обязуемся свято соблюдать все вышеперечисленные шесть пунктов, в подтверждение чего мы выпили кровь друг друга, смешанную в одной чаше.

[96, т. II, с. 75—77].

23

Мирный договор, заключенный между королем Макасара⁷⁷, с одной стороны, и чрезвычайным членом Совета Индии благородным господином Виллемом ван дер Веком, полномочным послом Его Превосходительства генерал-губернатора Иоанна Метсёйкера и Совета Индии, с другой стороны

Радья Говы [король Макасара] и каренг Телло [союзник Макасара] заключили этот мир с господином губернатором, потому что генерал-губернатор хотел заключить мир, а он большой и сильный человек, а я [король Макасара] гораздо меньше его и немогущественный, как же я не заключу мир и причиню вред моим подданным.

1

Я прикажу моим подданным, которые находятся на Амбоне, вернуться обратно.

2

Всем маврам [мусульманам], которые по доброй воле захотят переселиться в Макасар, это будет разрешено, потому что, согласно их религии, большой грех — жить под властью христиан.

3

⁷⁷ Султан Хасан-уд-дин (1653—1669).

Все мавры, которые живут на Амбоне, не будут наказаны.

4

Король [Макасара] может взимать долги со своих должников на Амбоне.

5

Все пленные [макасарцы], которые находятся в Батавии, будут возвращены. В свою очередь, пленные, захваченные королем у голландцев, будут возвращены, кроме мавров [мусульман, служивших в голландских войсках].

6

Враги благородной Компании не должны обязательно быть врагами короля [Макасара].

7

Если король вступит в конфликт с той или иной страной, компания не должна вмешиваться.

8

Господин Биллем ван дер Бек просил короля, чтобы его: подданные, макасарцы ли, представители ли других наций, не плавали на [острова] Амбон, Банда или Тернате. На это король ответил, что он может запретить [плавание] своему народу, но в его земле живет много иностранных купцов, которым он не может это запретить. Но мы [голландцы] можем их захватывать и бороться с ними любыми способами, и это не нарушит данный мир и король не будет в претензии.

Договор подписан в понедельник в 10 часов 28-го декабря в год 1655 нашего Господа, а по летосчислению мавров в 1066 год.

[96, т. II, с. 82—84].

24

Мирный договор, заключенный между послами Сири Султана Ибрагима [Чан-Ибрагима], короля Камбоджи, орангкайя Лелат де Радья и орангкайя Лела Палеван, с одной стороны, и генерал-губернатором Иоанном Метсёйкером и Советом Индии, с другой стороны

1

Во-первых, договорено, что с этого дня впредь между, королем Камбоджи и Нидерландской компанией, а также их подданными и служащими устанавливаются хороший, честный и прочный мир и дружба, и с этого времени прекращаются все враждебные действия на суше и море между упомянутыми королем и Компанией.

2

Во-вторых, договорено, что люди, суда и товары обеих сторон, захваченные к этому дню, должны быть возвращены их владельцам.

3

Далее, стороны договорились, что король Камбоджи возместит ущерб, который Компания потерпела в Камбодже на сумму 25499 реалов, в том числе 12791 реал убытков, которые Компания потерпела в 1644 г., когда ее люди здесь были убиты, и еще 12708 реалов за 10 ящиков японского серебра и 830 штук тканей, захваченных на корабле «Оранжебоом», и, кроме того, Компания резервирует за собой право на претензии со стороны других своих факторий.

4

Объявляется, что упомянутая Компания, начиная с этого дня, в течение 25 лет будет пользоваться в Камбодже монополией на торговлю товарами, вывозимыми в Японию, а всем другим купцам эта торговля будет запрещена. И король Камбоджи всеми необходимыми средствами будет охранять этот уговор от нарушителей.

5

Отныне и впредь всем европейцам, кроме служащих Компании, запрещается торговать в Камбодже без каких бы то ни было исключений.

6

Далее, устанавливается, что с этого времени камбоджийцы не должны плавать на Амбон, Банда и Тернате, а также на лежащие близ них острова. Кроме того, они не должны посещать стран и местностей, с которыми Компания находится во вражде или ведет войну. И чтобы суда Компании могли, встретив в море, отличить корабли камбоджийцев от кораблей Кюи-нама и других врагов Компании, камбоджийские капитаны перед выходом в море должны просить у начальника [голландской фактории] в Камбодже пропуск. А при отсутствии такого пропуска они не могут претендовать на возмещение, если во время плавания им причинят какой-нибудь вред.

7

И поскольку в Макасаре ведут большую торговлю португальцы, заклятые враги Компании, упомянутые [камбоджийские] послы взяли на себя обязательство употребить все свое влияние на короля, чтобы плавание судов между Макасаром и Камбоджей было запрещено.

8

Далее. Компания получает обратно свою резиденцию в Камбодже, с тем чтобы вести там торговлю без помех или притеснения от кого бы то ни было. И король должен защищать [голландских] резидентов от всех злых людей, чтобы им [голландцам] никто не причинил вреда.

9

Если кто-нибудь из служащих Компании в Камбодже дезертирует, король обязуется найти его и вернуть [властям Компании], и никто не может его удерживать под тем предлогом, что он [голландский дезертир] переменил веру.

10

В случае (чего не допусти Господи), если кто-нибудь из [голландских] резидентов совершит в Камбодже тяжкое преступление, король не имеет права его судить, но должен его передать начальнику Компании в Камбодже, чтобы тот наказал преступника по голландским законам. Если же сам этот начальник совершит преступление против короля или королевства Камбоджа, тогда король должен задержать виновного и при первой возможности отправить его на корабле в Батавию вместе с документами, доказывающими его вину, чтобы его судили генерал-губернатор и Совет Индии.

Этот договор должен соблюдаться не только нынешним королем Камбоджи Сири Султан Ибрагимом и нынешним генерал-губернатором Иоанном Метсёйкером и Советом Индии, но и их преемниками и потомками на вечные времена.

Дано в крепости Батавия 8 июля 1656 г. [Подписи] Иоанн Метсёйкер, Карл Хартсинк, Иоанн Кунаус, Николас Вербург, Дирк Стеур и Габриэль Харпардт вместе с послами [Камбоджи] орангкайя Радья Индра Муда, орангкайя Лелат де Радья и орангкайя Лела Палеван.

[96, т. II, с. 93—96].

25

Это письмо король Сиама посылает с открытым сердцем Его Превосходительству генерал-губернатору И. Метсёйкеру и господам членам Совета Индии, которые правят в Джакарте...

...Письмо, направленное генерал-губернатором в прошлом году, было вручено мне с подобающими почестями, переведено с малайского на сиамский язык и зачитано в 9-й день восьмого месяца. Из этого письма я с удовольствием узнал, что... генерал-губернатор благополучно управляет Батавией, что меня обрадовало.

Поскольку капитан Волькерус Вестерволдт, согласно приказу генерал-губернатора, отплывает отсюда в Батавию, чтобы затем направиться в Нидерланды... [из-за спешности его отъезда], мы не успели приготовить достойных слонов для подарка и просим поэтому нас извинить. Подарки будут присланы со следующим кораблем. Подарки состоят из двух золотых чаш... и двух слонов... которых мы просим принять в знак нашей искренней дружбы к Его Превосходительству.

Дано в субботу 4-го дня двенадцатого месяца в Год Змеи.
[101, 1656—1657, с. 88—90].

26

Предъявитель сего, Уйлиокпон, чиновник короля, направляется в Батавию с 200 тюками шелка-сырца, чтобы там купить для Его Величества следующие товары: 20 железных пушек, за которые здесь [в Камбодже] голландцам уплачено 5200 тюков шелка-сырца, 20 штук красного сукна, за которые уплачено 2600 тюков шелка, партию крупного красивого янтаря, партию полотна с золотыми цветами и партию новых одежд. Вышеупомянутый Уйлиокпон отвезет перечисленные товары, за которые уплачено, Его Величеству.

[101, 1656-1657, с. 48].

27

Я всегда старался верно служить моему королю, поэтому король ко мне весьма благосклонен и поставил меня начальником над всей землей Тонкина и над всеми приплывающими и уплывающими судами, капитанами, купцами « другими людьми. Эти люди могут свободно торговать, получив мое разрешение. И, поскольку я знаю, что великие господа в Батавии очень рассудительные люди, я об этом почтительно доложил королю и просил, чтобы голландцам разрешили беспрепятственно плавать сюда и торговать, что и было сделано. Шелк-сырец и серебро в этом году лучше по качеству, чем в прошлом.

До сих пор, когда голландское судно приходило сюда для торговли, оно платило 25 таэлей серебра [пошлины], теперь же голландцы не платят ни одного таэля, потому что я об этом почтительно просил Его Величество, и голландцы были от этой платы освобождены. Но голландцы не делают различия между теми, кто оказывает им услугу, и теми, кто причиняет им зло, как я убедился в этом году. Могущественные господа Батавии прислали мне только кусочек красного сукна, немного одежды и т. п.

Поскольку Кюинам ведет против нас открытую войну, я, прошу господина генерал-губернатора прислать нам несколько пушек с ядрами, а также красного сукна, за каковые товары я заплачу¹ шелком. И если господин генерал-губернатор дружески относится к Его Величеству королю Тонкина, пусть он сообразовалит послать эти товары Его Величеству, а также пришлет к нам хорошего хирурга с запасом медикаментов. Все эти упомянутые товары я прошу при первой возможности послать с моим служащим или с послами, и я надеюсь, что великие господа Батавии — очень мудрые люди и оценят благосклонность к ним короля Тонкина.

[101, 1656—1657, с. 48—49].

28

[Это письмо пишет] сильный, счастливый, могучий и победоносный повелитель Аракана, Сенда Судромо Раса, знаменитый император.

Я получил письмо и подарки знаменитого и почтенного генерал-губернатора Иоанна Метсёйкера, ядовитого, как рыба в воде, от капитана прибывшего судна и от

капитана, живущего в моей тени — Хендрика де Дьё, и я был очень рад, что генерал-губернатор, здоров и признает меня своим господином. Этому я был [даже] больше рад, чем подаркам и товарам.

В письме [генерал-губернатора] говорится о Дианге. Он просит разрешения покупать головы [рабов]... Генерал-губернатор хочет вторгнуться в Пеха и земли мавров, больших и малых, разрушить, разорить и ограбить бенгальцев в их землях и поместить своих голландцев в Дианге, чтобы покупать головы. И поскольку генерал-губернатор считает себя моим вассалом, я отдал приказ, чтобы голландцам продавали 200—300 голов в год, но они не получили ни одной головы и их деньги остались без употребления. Тогда я спросил капитана де Дьё, хотел бы он приобрести головы здесь, в Аракане, и он ответил, что очень хотел бы. И я приказал моим людям в Дианге покупать и помогать покупать как головы, так и другие товары, нужные голландцам.

[101, 1656—1657, с. 68—69].

29

Это письмо посылает от чистого сердца король Камбоджи [и пр. и пр.].

Письмо Его Превосходительства генерал-губернатора я получил, хорошо понял и сообщил всем моим подданным о заключенном мире и о том, что отныне голландцы будут оказывать моему народу всяческую помощь и поддержку, а мы, в свою очередь, будем так же относиться к ним во всех случаях, и, если после заключения этого союза на суше или на море голландцы моему народу или камбоджийцы голландцам причинят какой-либо вред, виновные должны будут дать возмещение сообразно причиненному вреду.

Все товары, которые здесь имеются и могут быть проданы в Японии, согласно заключенному договору, только Компания имеет право покупать, однако я намерен в будущем посылать свои суда в Японию. В таком случае Компания получит только половину шкур, но если этого не случится, она получит все шкуры целиком. Что касается всех других товаров (кроме экспорта в Японию), то Компания сможет покупать половину их, а другая половина останется для прочих купцов, которые приезжают сюда.

Что касается просьбы Его Превосходительства господина генерал-губернатора, чтобы одни голландцы из всех христиан имели право свободно торговать в моем королевстве, то я эту просьбу считаю чрезмерной. Другие христианские народы не сделали мне ничего плохого, и нет никакой причины устанавливать такой запрет.

Я утверждаю договор в пункте, запрещающем [камбоджийским] судам плавать на Амбон, Банда, Тернате и лежащие близ их острова. Если же голландцы встретят там какие-нибудь суда, они могут нападать на них, как на врагов.

Но другие корабли из нашей страны и с пропусками от голландского начальника должны свободно и без помех плавать по морю и торговать.

Заключение мира доставило мне большое удовольствие, как и договор, по которому только голландцы в течение 25 лет будут продавать японские товары.

Я полагаю, что Его Превосходительство господин генерал-губернатор будет мною весьма доволен.

[101, 1656—1657, с. 118—119].

30

Прошу сообщить господину генерал-губернатору, что я хочу отправить в Индию несколько слонов и для этого прошу одолжить мне голландского штурмана. Также прошу прислать мне пороху. У меня он есть в достаточном количестве, но не такой хороший, как голландский. Также прошу прислать мне розовой воды, голландских канатов, нескольких верблюдов, ослов и других животных, которых нет в Камбодже.

[101, 1656—1657, с. 119—120].

31

Это письмо и подарки посылает от чистого сердца Его Величество король Камбоджи, султан Ибрагим генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, который мудро правит землей Батавия и прославлен во всех землях.

Мои послы, которых я ранее послал к генерал-губернатору, привезли мне его письмо, и то, что в нем содержалось, нам пришлось по душе, и мы дали знать всем купцам, которые торгуют в Камбодже, что мы разрешили торговать голландцам в наших торговых городах, и это обрадовало наши торговые города, поскольку это оживит торговлю.

Просьбу генерал-губернатора, чтобы голландцы на 25 лет получили исключительное право вывоза в Японию, мы удовлетворили. Также мы разрешили постройку фактории в Камбодже. В соответствии с этим мы отдали приказ чиновникам, чтобы они следили за выполнением этого соглашения. Что касается должников Компании, то мы взыщем долги с тех, кто живы. А если кто-то из должников умер, разве справедливо взыскивать долги с их потомков?

Далее, капитан Индейк вручил нам письмо, а мы передали наш ответ капитану Индейку, а теперь мы посылаем это письмо с орангкайя Сире Биджебид Раджой и Беха Сетти Найо-ком и Укман Даиб Фахеди...

Далее, мы хотели бы купить селитры, которую просим продать нашим послам.

Когда орангкайя Сире Биджебид Раджа, Беха Сетти Найок и Укман Даиб Фахеди получат аудиенцию у генерал-губернатора и изложат, что им поручено, просим как можно скорее отправить их назад.

[101, 1656—1657, с. 147—149].

32

Орангкайя Тьянпонья Тепер Тьун обращается с нижайшим почтением к Иоанну Метсёйкеру, генералу Батавии, прославленному своей мудростью по всей земле.

В знак уважения я посылаю Его Превосходительству генерал-губернатору один ласт белого риса. Его доставит находка [капитан] Халул. Я, ваш слуга, зная, что генерал-губернатор ведет войну, молюсь день и ночь за его победу. И пусть генерал-губернатор соизволит продать мне партию селитры.

[101, 1656—1657, с. 149].

33

Это письмо от чистого сердца посылает дато Бендахара, который заведует пошлинами и всеми доходами Камбоджи. Мы помогли капитану Хендрику Индейку во всех его делах и теперь он с божьей помощью возвращается назад.

Сообщаю генерал-губернатору, что король приказал трем нашим орангкайя, чтобы они оказывали всяческое содействие людям Компании. В знак искреннего уважения к генерал-губернатору я посылаю скромный подарок — 2 пикуля воска и 20 пик из хорошей стали.

[101, 1656—1657, с. 149—150].

34

Это письмо панамбахан Сукаданы посылает от чистого сердца господину генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, который управляет городом и крепостью Батавия,

который также имеет много больших и малых судов и правит всеми голландцами в наветренной и подветренной стороне.

Благоугодно будет узнать господину генерал-губернатору, что я посылаю в Батавию своего посла Интчи Кампер по той причине, что я верю, что генерал-губернатор проявит ко мне такую же дружбу и уважение, как ко всем другим королям. Поэтому я прошу господина генерал-губернатора продать мне несколько ружей. Я надеюсь, что это будет мне разрешено, потому что сейчас на меня пошли войной мои собственные подданные.

В знак дружбы я могу послать господину генерал-губернатору только два бриллианта весом в купан или приблизительно в четыре карата и пикуль воска, пусть генерал-губернатор не погнушается этим скромным подарком.

[101, 1656—1657, с. 311—312].

35

Король Тонкина посылает это письмо генерал-губернатору в Батавии. Наши земли, Тонкий и Батавия, как одна земля, потому что мы ежегодно обмениваемся дружескими письмами, поддерживаем дружбу и мирно торгуем друг с другом. Мы надеемся, что эта дружба будет развиваться чем дальше, тем больше.

В моей стране производится большое количество шелка, а господин генерал-губернатор имеет в своей стране много пушек. Пушки, присланные в прошлом году, мне очень понравились, они очень хороши. Я посылаю господину генерал-губернатору 900 тюков тонкинского шелка. Пусть же генерал-губернатор соизволит прислать мне 15 больших железных пушек, а также несколько штук красного и синего сукна и белое полотно общей стоимостью 25 ящиков серебра. И пусть наша дружба продлится так долго, как солнце и луна сияют на небе.

[101, 1656—1657, с. 338].

36

Это письмо от чистого сердца посылает генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, который правит городом и крепостью Батавия [королева] Падука Сири Султан. Во-первых, сообщаем, что поскольку послы генерал-губернатора, губернатор Иоанн Тиосен и командир Бальтазар Борт просили [королеву] Падука Сири Султан направить своих послов в Батавию к генерал-губернатору, [то] Падука Сири Султан направляет к нему своих послов Радья Дута Читтра, Сири Бидие Индра и Упадута Чит-тра Сири Пара Вангса вместе с переводчиком Сеттья Муло, чтобы доставить это письмо [королевы] Падука Сири Султан генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру. Через этих послов Падука Сири Султан передает также свое пожелание, чтобы все существа в мире процветали.

Две самые важные вещи на свете это, во-первых, вечно мыслить о Всемогущем Боге, а во-вторых, чтобы всем людям во вселенной было хорошо, во что генерал-губернатор со своей стороны также несомненно верит. Ачехцы и голландцы много лет находились в мире и дружбе. Но затем всемогущий бог пожелал, чтобы дело дошло до войны. Однако наши разногласия незначительны. С помощью Бога пусть это удастся понять генерал-губернатору. И тогда ачехцы и голландцы снова примирятся.

Как говорили некогда мудрые люди, есть две вещи, о которых надо постоянно помнить. Во-первых, это мысль о Боге, а во-вторых, мысль о смерти. И есть две вещи, о которых необходимо забыть — во-первых, все добро, которое мы делаем людям, а во-вторых, все зло, которое они делают нам. Только так мы можем очистить нашу совесть и обрести спокойствие. Итак, когда упомянутые Сири Бидие Индра, Сири Нара Вангса и Сеттья Муло придут в Батавию, пусть генерал-губернатор как можно скорее отправит их обратно к Падука Сири Султан, чтобы Падука Сири Султан скорее узнала о решении

генерал-губернатора. И когда генерал-губернатор соизволит кого-нибудь послать (в Аче), пусть это будет достойный человек, который не побоится вступить на землю Аче, так же как это сделал посол Схоутен.

В знак уважения я посылаю генерал-губернатору скромные дары: две штуки расшитых серебром и золотом тканей, нож с украшенной рукояткой и золото весом в 4 таэля и 2 мааса.

[101, 1659, с. 103—104].

37

Аннам Кокс, полководец, пишет это письмо к главному капитану и другим большим господам Батавии. Истинная приязнь между людьми бесценна, и когда человек с кем-нибудь заключает прочный союз, он должен сначала все тщательно обдумать, чтобы эта связь была долгие годы нерушимой. Это нужно как для нашего благополучия, так в равной мере и для Его Превосходительства, который правит столькими народами, большими и малыми, и имеет великое сострадание к бедным людям, за что его все любят.

До сих пор наши страны торговали, и ни одна из них не замышляла войну против другой. В прошлый муссон, по приказу короля Кохинхины, я пришел в Камбоджу с войной и милостью Бога без особых трудностей покорил эту страну. При этом какие-то люди разграбили товары голландских купцов. Я не был в состоянии провести расследование, найти и наказать виновных. А теперь, когда эти люди [голландцы] покцнули. страну, я сообщаю о происшедшем в этом письме.

[101, 1659, с. 165—166].

38

Это письмо от чистого сердца посылает Падука Сири Султан [король] Бантама генерал-губернатору и Совету Индии в земле Батавия, которые правят всеми подданными короля Батавии в наветренных и подветренных сторонах на суше и на море.

Я посылаю к генерал-губернатору и Совету Индии (моих послов) Киаи Даманг Нара Пакса и Вира Пакса, потому что генерал-губернатор и Совет Индии прислали ко мне капитана Сеймонса и других лиц с условиями мира между Бантамом и Батавией. Падука Сири Султан принимает все условия генерал-губернатора и Совета Батавии. Когда мирный договор будет подписан, он будет объявлен по всей территории Бантама, чтобы бантамцы не причиняли никакого зла подданным Батавии. Падука Сири Султан будет строго следить за сохранением этого мира. В свою очередь, Падука Сири Султан просит генерал-губернатора и Совет Индии, чтобы они продавали ему пушки, мушкеты и порох, а также [просит], чтобы подданных Бантама, которых в Батавии держат в цепях, отпустили на свободу. И далее, когда мир будет заключен, подданные Бантама, перебежавшие в Батавию, не должны оставаться в Батавии, а кроме того, все китайцы, задолжавшие Бантаму, [либо] должны быть возвращены обратно в Бантам, либо должны уплатить ему свои долги. Равным образом Падука Сири Султан не будет укрывать у себя подданных Батавии, перебежавших к нему.

Написано в крепости Бантам 29-го дня месяца саувал, в 1069 год Мухаммеда.

[101, 1659, с. 148—149].

39

Во имя вечного, всемогущего и милостивого Бога. Договор о вечном и прочном мире, который заключили генерал-губернатор и Совет Индии в Батавии, с одной стороны, и Падука Сири Султан и гранды Бантама, с другой стороны, при

посредничестве господ Киай Даманг Дира де Вангса и Киай Ингабий Марта Сидана, послов Его Высочества пангерана Джамби 10 июля 1659 г.

1

Во-первых, договорено, что султан возвратит [Компании] всех подданных Батавии, будь то свободных или рабов, какой бы нации или рода они ни были, захваченных в плен или убежавших в Бантам. Однако генерал-губернатор и Совет Индии согласились, что тех (подданных Компании), которые перешли в Бантаме в мусульманскую веру и подверглись обрезанию, султан не должен принуждать возвратиться в Батавию. Они могут по своему выбору остаться в Бантаме или возвратиться при условии, что они были обрезаны не менее трех месяцев назад. А тех, кто был обрезан менее трех месяцев назад и будет обрезан после подписания этого договора, султан обязан выдать или же заплатить их владельцам цену, установленную в Батавии.

2

Далее. Султан Бантама вернет всех коров и буйволов, которых его люди отняли у подданных Компании и которые сейчас имеются в наличии.

3

Когда эти требования будут удовлетворены, корабли, блокирующие Бантамский рейд, будут отозваны генерал-губернатором и Советом Индии. И с этого времени все враждебные действия будут прекращены и установится вечный и нерушимый мир между Бантамом и Батавией.

4

Генерал-губернатор и Совет Индии могут опять открыть постоянную резиденцию в Бантаме, чтобы вести там свои дела без каких-либо помех на том же месте, где резиденция была до начала враждебных действий. И генерал-губернатор, и Совет Индии не будут ничего платить за участок земли и строение, которые им должны передать.

5

Султан должен за свой счет укрепить факторию так, чтобы ее жители были в безопасности от злых людей.

6

Если подданные Батавии убегут в Бантам, султан ни под каким предлогом не должен брать их под свою защиту и покровительство. Он должен тотчас же отправить их обратно, будь то свободные или рабы, без различия звания или нации. А генерал-губернатор и Совет Индии, со своей стороны, будут поступать так же.

7

Поскольку перед этим имели место случаи, когда в Бантам из Батавии привозили краденые или запрещенные товары, к великому ущербу нидерландской Компании и жителей Батавии, то впредь упомянутые голландские резиденты в Бантаме будут иметь право досматривать суда, приходящие в Бантам из Батавии. И если они найдут на них краденые или запрещенные товары, они могут их конфисковать, и никто не должен оказывать им противодействие. А чиновники султана должны им помогать.

8

За провиант, который упомянутым резидентам будут доставлять приходящие суда, не будет взыскиваться никаких пошлин.

9

Границей между Бантамом и Батавией будет река Онтонг Ява от морского берега до гор.

10

И чтобы жители могли жить в покое и безопасности от убийств и грабежей, которые злые люди учиняют в лесах, бантамцы не должны приходить на территорию Батавии или другие земли, ей подчиненные, без крайней нужды. Так же и подданные Батавии не должны посещать территорию Бантама или его вассалов, кроме самого

Бантама, когда есть нужда. А с теми, кто нарушит это правило, можно поступать, как с врагами, брать в плен или убивать, и это не будет нарушением данного мира.

Что же касается реки Онтонг Ява, то договорено, что ею могут пользоваться и плавать по ней как жители Бантама, так и жители Батавии при условии, что они всегда должны иметь при себе удостоверение — подданные Батавии от генерал-губернатора и Совета Индии, а бантамцы от султана и голландского резидента, которого генерал-губернатор и Совет Индии назначат в Бантам.

11

И чтобы эти статьи свято соблюдались, их должны подписать генерал-губернатор и Совет Индии, с одной стороны, и султан Падука Сири и его Совет в Бантаме, с другой стороны.

12

И этот мир будет сохраняться и соблюдаться не только нынешними генерал-губернатором и Советом Индии и нынешними султаном Падука Сири и грандами Бантама, но и их преемниками и наследниками.

Эти статьи подписаны нами в присутствии вышеупомянутых господ посредников [послов Джамби] и послов Бантама и будут посланы в Бантам, чтобы там эти статьи подписал султан и его Совет.

Подписано в крепости Батавия. Иоанн Метсёйкер, Карл Хартсинк, А. ван Оудсхоорн, Николас Вербург, Дирк Стеур, П. Стертхемиус и Анд. Фразиус, секретарь. [96, т. II, с. 155—160].

40

Условия генерал-губернатора и Совета Индии для урегулирования споров и конфликтов между королевством Аче и нидерландской Компанией, представленные послам Ее Величества (королевы Аче) Сири Бидие Индра и Сири Нара Вангса в Батавии 20 июня 1659 г.

Ее Величество королева Аче покарает смертью виновных в убийстве людей Компании в 1651 г.

Ее Величество через правительство Перака возместит Компании убытки в результате вышеупомянутого убийства и грабежа на сумму 50 тысяч реалов в сроки, которые будут оговорены позднее.

Олово в Пераке впредь не будет покупаться и вывозиться никем, кроме ачехцев и Нидерландской Компании. И ачехский народ будет получать одну треть, а Компания две трети этого олова⁷⁸.

Генерал-губернатор и Совет Индии могут опять открыть факторию в Пераке и получить подходящее помещение для своих товаров.

Ее Величество, королева Аче, через панглима и других жителей Западного Берега [Суматры] возместит Компании ущерб, нанесенный] ее людям и товарам, который она понесла там в 1656 г. Этот ущерб, согласно счетным книгам Компании, составляет 49518 с четвертью реалов в деньгах, перце и других товарах, которые пропали в Силлиде и Приамаме.

Перец Западного Берега будет покупаться и вывозиться только подданными Аче и нидерландской Компании, с исключением из этой торговли купцов всех других народов. И если жители этого Берега осмелятся продавать перец купцам других народов, генерал-губернатор и Совет Индии будут иметь право пресекать такие действия миром или силой, как этого потребуют обстоятельства, и это не будет [считаться] нарушением мира между королевством Аче и Компанией.

Компания будет получать с этого Берега 1200 бахаров перца в год, свободных от пошлины; первый год — в Приамаме, второй год — в Тейко, третий год — в Силлиде. И

⁷⁸ В окончательном варианте договора от 5 октября 1659 г. обе стороны получают по половине.

если в каком-нибудь из этих мест не окажется столько перца, (то) количество, недостающее до 1200 бахар, будет поставлено на следующий год, о чем Ее Величество отдаст приказ всем губернаторам этих мест.

Пошлины на вышеупомянутом Западном Берегу Компания может платить как испанскими реалами, так и голландскими ригсдалерами [рейксталерами] по своему желанию.

Компания, если захочет, может содержать в Аче постоянную резиденцию, чтобы вести свои дела при дворе и в торговле.

И служащие Компании будут там находиться под защитой и покровительством королевы Аче, которая будет охранять их от всякого насилия и несправедливости. А Компания, со своей стороны, во избежание возможных конфликтов позаботится, чтобы в этой ее резиденции работали только воспитанные и порядочные люди. Если же все же случится, что кто-либо из них совершит то или иное преступление, то подданные или чиновники Ее Величества не должны на них нападать, предавать смерти, посягать на товары, книги и бумаги Компании и тому подобное. Ее Величество должна запретить такие действия под страхом тяжелейшего наказания. Единственное, что они [подданные или чиновники Ее Величества] могут [сделать] в случае совершения тяжкого преступления служащим Компании, это — задержать [преступника] и отправить его к Ее Величеству, которая, в свою очередь, отошлет его к генерал-губернатору Малакки для наказания в соответствии с тяжестью преступления.

[96, т. II, с. 152-155].

41

Договор между господином послом Его Величества короля Макасара краин Пупу, с одной стороны, и генерал-губернатором и Советом Индии Генеральной Ост-Индской компании, с другой стороны

1

Во-первых, договорено, что ни король Макасара, ни его народ отныне и впредь не будут вмешиваться в дела Бутона [Бутунга] и прилегающих к нему местностей, потому что эти земли принадлежат Мандар-шаху, королю Тернате.

2

Король Макасара равным образом отказывается от Манадо, который также исстари принадлежит упомянутому королю Мандар-шаху.

3

Вышеупомянутый король Тернате вместе с королями Тидоре и Батъя [Бачана], вместе с их землями и подданными также заключают мир (с Макасаром).

4

Правительство Макасара отныне и впредь не будет вмешиваться ни под каким предлогом в дела и споры амбонцев, но признает их законными суверенами Компанию и короля Тернате, и под территорией Амбона следует понимать [следующие земли:] три острова Пуло, Буро-Амблау, Манипу, Келанг, Боноа, Берег Варнула, Хиту, Лай Тимор, Ому, Хонимоа, Носалут и Большой Серам с прилегающими островами.

5

Подданные или жители Макасара не должны посещать эти острова, как и острова Банда. Если они нарушат этот запрет Компании, они будут убиты или обращены в рабство, а их суда и товары конфискованы.

6

А если таким нарушителям удастся бежать и они придут в Макасар, правительство Макасара должно их наказывать или передать для наказания Компании.

7

Если какие-нибудь подданные Компании или королей Тернате, Тидоре и Батьяна [Бачана] приплывут в Макасар без пропуска Компании, макасарцы не должны позволять им здесь торговать, а должны передать их Компании.

8

Так как, по воле Божьей, Компании принадлежит монополия на гвоздику, мускатный орех и мускатный цвет, правительство Макасара не должно разрешать ввоз и торговлю этими пряностями на своей земле никому, кроме Компании, и сурово карать контрабандистов.

9

Макасар не должен расширять сферу своей торговли в области Солора и Тимора дальше нынешних пределов.

10

Макасар в указанной области Солора не должен помогать врагам Компании людьми, пушками, порохом, фитилями, судами, продовольствием и вообще чем бы то ни было.

11

Макасарцы не должны плавать в места, с которыми Компания враждует или которые захвачены ее кораблями.

12

Так как португальцы были главной причиной и подстрекателями во всех спорах и конфликтах между Макасарским королевством и упомянутой Компанией, то король Макасара должен запретить португальцам и их сторонникам въезд в свою землю и при первой возможности выдворить их из страны.

13

Король Макасара должен возратить деньги, которые он получил с кораблей «Иоанн Креститель» и «Назарет» в 1652 г., потому что Компания не была ему должна, а заплатила, чтобы иметь добрый мир с Макасаром.

14

Его Величество [король Макасара] должен возместить Компании убытки в размере 8 тысяч реалов, вызванные бегством ассистента Адригема⁷⁹ к португальцам на Солор.

15

Его Величество должен принудить упомянутых португальцев передать Компании упомянутого Адригема и других, которые бежали вместе с ним. А если это сейчас невозможно, они должны вместо этого выплатить Компании такую же сумму в 8 тысяч реалов, которую они получают обратно, когда упомянутый Адригем и другие будут переданы Компании.

16

Король Макасара выдаст Компании всех перебежчиков, которые когда-либо бежали и находятся на землях Макасара, будь то голландцы или туземцы, крепостные или свободные, за исключением того, что господин посол краин Пупу не согласился включить в это число тех перебежчиков, которые приняли мусульманскую религию и были обрезаны. Но окончательное решение по этому вопросу будет принято (при переговорах) с (самим) королем Макасара.

17

Что же касается тех, кто перебежит в будущем, они должны быть выданы безусловно, невзирая на [новую] религию или обрезание.

18

Король Макасара накажет или выдаст Компании всех повинных в убийстве и ограблении бюргера с Амбона Питера Гиллисена, которое произошло в прошлом году близ Бимы.

19

⁷⁹ Ян ван Адригем дезертировал, захватив крупную сумму денег.

Компания отныне будет иметь постоянную факторию в Макасаре, чтобы торговать свободно и без помех от кого бы то ни было как в самом Макасаре, так и в других местах во владениях Его Величества.

20

Компания или ее подданные в Макасаре или других местах под, его властью не будут платить пошлины или налоги в большем размере, чем это было при жизни отца Его Величества.

21

Если произойдет какой-нибудь спор или конфликт между служащими Компании в Макасаре и командами голландских кораблей или другими подданными Компании, они будут разбираться властями Батавии и ни один макасарский судья не должен в них вмешиваться.

22

Если же спор или конфликт произойдет между подданными Компании и макасарцами, их будет разбирать Комиссия [представителей] выбранных из макасарцев и голландцев...

25

Генерал-губернатор и Совет Индии обещают вывести свой гарнизон из крепости Панакока и возратить ее Его Величеству [при условии уплаты убытков Компании], а в качестве гарантии Компания получит знатных заложников.

26

А все остальные взаимные претензии и жалобы обеих сторон •будут считаться похороненными.

27

И отныне и впредь между королевством Макасар и Генеральной Нидерландской Компанией устанавливаются добрый, справедливый и прочный мир и дружба.

Дано в Батавии 19 августа 1660 г. Подписано господином послом Пупу вместе с господами Иоанном Метсёйкером, Карлом Хартсинком, А. ван Оудсхорном, Н. Вердом и Дирком Стеуром.

[96, т. II, с. 171 — 177].

42

Договор генерал-губернатора и Совета Индии с послами Мартапуры 18 декабря 1660 г.

Послы Рату, пангерана страны Мартапура, Сари Дута Пон-банал Ласмита и Трасал, прибыли в Батавию, чтобы уладить с генерал-губернатором и Советом Индии конфликт между Компанией и упомянутой страной Мартапура. Поскольку Компании был причинен вред и ее подданные в 1638 г. пострадали в Мартапуре, генерал-губернатор и Совет Индии оценили этот ущерб в 50000 реалов. И упомянутые генерал-губернатор и Совет Индии, с одной стороны, и высокочтимые послы Рату, пангерана Мартапуры, с другой стороны, договорились (при условии одобрения этой договоренности пангераном), что упомянутая Компания и ее подданные, будь то голландцы, или китайцы, или представители других наций, в возмещение упомянутого ущерба при ввозе и вывозе своих товаров будут платить не более 5% пошлины, вместо 7%, которые они платили раньше согласно договору между упомянутыми пангераном и фактором Дирком ван Лиром. И после этого упомянутая претензия в 50 000 реалов будет погашена и о ней не будет больше речи.

Это соглашение подписали, с одной стороны, генерал-губернатор и Совет Индии, с другой — послы пангерана Мартапуры в крепости Батавия.

[96, т. II, с. 181 — 182].

43

Ок Пра, король Сиама, пишет генерал-губернатору И. Метсейкеру, капитану Джакарты.

Письмо, которое прислал капитан Джакарты вместе с подарками (золотая цепь, 2 ящика розовой воды, 2 больших зеркала в рамах из эбенового дерева, 2 медных пушки с 50 ядрами, 3 ружья, 3 позолоченных сабли, в сопровождении голландского артиллериста), было почтительно вручено Лыанг Сурисином⁸⁰ королю Сиама. Письмо это было вручено в 4-й день двенадцатого месяца в Год Крысы...

...В письме капитана Джакарты, во-первых, говорилось, что он приказал голландцам не причинять вреда купцам, приезжающим и уезжающим из Сиама, если они [голландцы] их встретят в море. Это явное доказательство доброго расположения капитана Джакарты к королю Сиама. Во-вторых, в письме говорилось: голландцы, живущие в Теланге, пожаловались, что тамошние жители причинили им зло. И поэтому Коса Тибоди написал Окня Некуру, чтобы он арестовал [и доставил] в Аютию людей, которые причинили зло голландцам.

Но Окня пока еще не доставил этих людей. Он прислал цисьмо, в котором сообщил, что зло голландцам причинил губернатор Теланга. Тогда Коса Тибоди послал Окня Некуру свою печать с приказом доставить губернатора Теланга в Аютию. И когда упомянутый губернатор Теланга прибудет [сюда], он будет наказан. И люди, которые причинили зло голландцам, также будут схвачены и наказаны, чтобы удовлетворить капитана Джакарты.

И пусть капитан Джакарты прикажет, чтобы купцам, плмву-щим в Сиам и из Сиама, не преграждали дорогу.

В знак своих глубоких дружественных чувств король дарит капитану Джакарты слона высотой в 5 локтей...

Письмо писано в 15-й день первого месяца в четверг в Год Крысы.

[101, 1661, с. 187—188].

44

Аннама Кокс, король, посылает это письмо Его Превосходительству генерал-губернатору Батавии. Бог создал людей, чтобы они жили в этом мире по справедливости. Поэтому мы должны всегда исполнять все наши обещания. Ради этой цели должны жить великие короли и князья. Наши земли и земли голландцев, они — как одна страна. Бог пожелал, чтобы обе страны не вступали друг с другом в конфликт до тех пор, пока луна сияет на небе.

В этот муссонный период сюда прибыло [голландское] судно, чтобы торговать. И упомянутое судно теперь отправляется назад. И так как моя страна производит только белый шелк, я посылаю Его Превосходительству генерал-губернатору в знак уважения и дружбы 375 катти шелка.

Я же прошу прислать мне перечисленные ниже товары, за которые я заплачу по рыночным ценам — 20000 пикулей селитры, 1000 пикулей серы, 20 бочек оливкового масла, 4 бронзовые пушки, 20 пикулей красного сукна, 10 пикулей цветного сукна, 20 пикулей тончайших белых льняных тканей, 20 катти янтаря, 20 шнуров янтарных кораллов, 10 чугунных пушек, 2 домкрата, 25 тысяч тазлей серебра.

[101, 1661, с. 54].

45

Король Камбоджи прислал мне письмо, где он просит меня заключить с ним союз и оказать помощь в изгнании кюинам-цев из своей страны. Я сообщаю Его

⁸⁰ Начальник голландской фактории в Аютии Ян ван Рейк.

Превосходительству господину генерал-губернатору, что я в этом году сразился с кюинамцами и одержал блестящую победу, истребив при этом бесчисленную массу людей и пролив столько вражеской крови, что и сказать нельзя. И я захватил большие трофеи, много пушек и другой амуниции. И так как генерал-губернатор уже много лет пребывает со мной в добром мире и дружбе, я прошу его дружески переслать прилагаемое письмо при первой возможности в Камбоджу.

При этом я еще раз посылаю Его Превосходительству генерал-губернатору в знак уважения 187 с половиной катти, шелка.

[101, 1661, с. 54—55].

46

Договор о прочной дружбе между Рагу, пангераном Мартапуры, и генерал-губернатором Иоанном Метсёйкером и Советом Индии в Батавии

Во-первых, договорено, что весь перец, какой есть в Банджармасине, будет поставляться только Компании, и никто другой не может его вывозить, кроме послов короля или простых банд-жармасинцев, если они везут его в Батавию или в Малакку. Во-вторых, на перец устанавливается твердая цена — за 180 гантангов — 1 золотой таэль, или 16 реалов, или товары на эту сумму, и эта цена в дальнейшем не будет изменена.

В-третьих, Компания может привозить свои товары в Мар-тапуру на кораблях или построить там факторию, но только в Мартапуре, а не в старом Банджармасине или в другом месте. В-четвертых, пошлина на ввоз и вывоз товаров устанавливается в 5%, и она не может быть увеличена.

В-пятых, если кто-нибудь из подданных Компании совершит преступление, пангеран Рату не может его наказать, но должен передать его голландскому начальнику в Мартапуре.

В-шестых, если кто-нибудь из подданных Компании, будь то свободный или раб, убежит в Мартапуру или другое место во владениях пангерана Рату, тот не должен его принимать или отпускать от себя, но задержит его и передаст голландскому начальнику в Мартапуре.

В-седьмых, пангеран Рату обязуется охранять голландских резидентов в Мартапуре от всяких больших и малых помех и неприятностей.

[96, т. II, с. 186—188].

47

Я, король Кюинама или Аннама, даю всем голландцам разрешение свободно вернуться в свою землю, потому что эти голландцы были морским штормом выброшены на мой берег и задержаны властями. Так поступают (по закону) со всеми иноземцами (выброшенными на берег). От береговой стражи я узнал, что это те голландцы, с которыми я ряд лет находился в большой дружбе. Но затем они, ради больших барышей в Тонкинском королевстве, разорвали эту дружбу и стали вести себя неподобающим образом.

Но судьбы людей в руке Бога. И вот они [голландцы] потеряли свой корабль и опять оказались на моей земле. А я считаю своим долгом не выпускать из своей страны живым того, кто плавает в Тонкин или как-нибудь иначе с ним связан, ибо это мой враг. Но я не кровожаден. И я решил оставить в живых этих голландцев и разрешить им вернуться к себе, потому что я хочу жить в мире с заморскими землями, чтобы все мы были как жильцы одного дома. Ворота моей страны широко открыты для вас, и вы можете без страха в нее вернуться.

[101, 1661, с. 437—438].

48

Это письмо от Аннам Кока, короля, великому капитану Батавии, возвышенному Богом и славному во всем мире, который поддерживает справедливые отношения со всеми королями. Правда, наши земли лежат далеко друг от друга. Но мы твердо стоим на том, что Батавия и Тонкий могут быть как одна земля, и наша дружба будет расти.

Вместе с судном великого капитана, которое сейчас покидает Тонкин, Аннам Кок, король, посылает ему в знак уважения 600 штук белого шелка. Пусть это послужит укреплению нашего старого союза.

В следующем муссоне, когда голландские корабли вернутся в Тонкин, пусть великий капитан соизволит прислать мне перечисленные ниже товары. Я заплачу за них полную стоимость.

Это — 70 тысяч катти селитры, 30 тысяч катти серы, 5 пикулей белого или серого сукна, 5 пикулей черного сукна, 15 пикулей красного сукна, 5 пикулей коричневого сукна, 15 пикулей зеленого сукна, 4 бронзовые пушки, 10 железных пушек, 20 катти крупного янтаря, 20 кувшинов оливкового масла, 20 шнуров, янтарного коралла, партия жемчуга, 25 ящичков японского серебра, партия свинца.

Писано в 13-й день десятого месяца.

[101, 1661, с. 470—471].

49

Анна Кок, принц по имени Кокон, посылает это письмо великому капитану Батавии. Я сообщаю Вам, что я поставлен главой над войском и управляю делами государства. Я очень благосклонен к торговцам, которые прибывают сюда из всех земель для торговли и всегда оказываю им поддержку. Суда великого капитана также прибывают сюда ежегодно, и это приятно моему сердцу. Сейчас судно великого капитана отправляется обратно в Батавию. В знак искренней дружбы я посылаю великому капитану скромный подарок 300 штук белого шелка. В следующем году пусть великий капитан соизволит прислать сюда еще корабли, груженные редкими товарами. Я куплю эти товары по рыночной цене и быстро расплачусь.

Написано в 16-й день десятого месяца. [101, 1661, с. 471].

50

Договор, заключенный между генерал-губернатором Иоанном Метсёйкером и Советом Индии, с одной стороны, и послом пангерана Палембанга Адипати, с другой стороны

Во имя Господа, аминь.

1

Во-первых, отныне и впредь между Нидерландской Компанией и пангераном Палембанга устанавливается прочный и нерушимый мир и сотрудничество, а все, что было раньше, предается обеими сторонами забвению.

2

Во-вторых, упомянутая Компания может опять построить в Палембанге факторию и склады такой длины, ширины и высоты, которая необходима для нужд торговли, из камня, дерева или иного материала, как она пожелает.

3

В-третьих, пангеран предоставит Компании для этой цели просторное и удобное место, расположенное так, чтобы товары было удобно грузить на корабли.

4

В-четвертых, вокруг этой фактории на расстоянии по крайней мере 50 саженей «е должно быть никаких домов или строений из-за опасности пожара.

5

В-пятых, пангеран обязуется своим княжеским словом охранять голландских представителей, а также имущество и товары Компании в Палембанге против всех, кто может причинить им вред или стеснение.

6

В-шестых, Компания в Палембанге может вести торговлю с каждым, с кем она захочет, и этим людям никто не должен мешать никаким образом.

7

В-седьмых, никто из грандов, кем бы он ни был, не имеет права отнимать у Компании в Палембанге ткани или другие товары или принуждать продавать по более низкой цене, чем дают иные покупатели.

8

В-восьмых, Компания не может быть принуждена кому-нибудь передавать свои ткани и другие товары для обмена на перец.

9

В-девятых, никто, кроме Компании и ее подданных, не будет иметь право продавать и вывозить перец из Палембанга и внутренних областей [Суматры] на продажу в Батавию или Малакку. И если кто-нибудь нарушит этот запрет, то пангеран, когда служащие Компании пожалуются на это, отберет [контрабандный] перец и отдаст его Компании.

И чтобы люди, привозящие перец на рынок, всегда были удовлетворены, Компания обязуется иметь в Палембанге в наличии достаточное количество денег, тканей и других товаров, чтобы платить за этот перец.

10

В-десятых, Компания и ее подданные обязуются покупать в Палембанге перец по цене за пикуль (в 100 китайских катти) 4 реала деньгами или 4 с половиной реала товарами. При этом они не будут платить никаких пошлин и налогов как за ввоз, так и за вывоз своих тканей, товаров и денег.

11

В-одиннадцатых, если кто-нибудь из голландцев или других подданных Компании, будь то свободный или раб, осмелится бежать от Компании и отдаться под покровительство пангера-на или кого-либо из грандов, то ни пангеран, ни упомянутые граяды не должны его принимать, но тотчас задержать и передать Компании. И эти (беглецы) не имеют права принимать религию пангерана. А Компания будет так же поступать с подданными пангерана.

12

В-двенадцатых, если какой-нибудь служащий или другой подданный Компании совершит преступление в Палембанге, он должен быть передан руководству Компании, чтобы его судили по законам Компании, а пангеран или судьи Палембанга не могут привлекать его к ответственности.

13

В-тринадцатых, упомянутое руководство Компании в Палембанге будет иметь власть над всеми подданными Компании, торгующими в Палембанге, чтобы решать споры между ними и оказывать им помощь во всех случаях, когда это понадобится.

Дано в крепости Батавия 29 июня 1662 г. Подписано: Иоанн Метсёйкер, Карл Хартсинк, Николас Вербург, Дирк Стеур, Рейклоф ван Гуне. Договор составлен в двух экземплярах, на голландском и малайском языках.

[96, т. II, с. 209—212].

[Обычные комплименты в начале письма опущены голландским переводчиком].

Господин генерал! За присланные мне в этом муссоне товары я заплатил по обычным ценам этого года кроме 964 пикулей 32 катти селитры, которая по качеству уступает прежним. По этой причине я заплатил за лучший сорт этой селитры по 8, за средний сорт по 7, а за худший сорт по 6 таэлей за пикуль, согласно древней пословице, что ни одна вещь в мире не равна другой, как это воображают люди, поэтому я считаю, что заплатил по справедливости.

В знак своей благосклонности и приязни я посылаю генерал-губернатору в обмен на его товары белого шелка на 6 тысяч таэлей и прошу прислать мне следующее:

15 катти лечебного корня, 15 пикулей лекарств, 25 ящиков японского серебра, 500 пикулей японской меди, 25 пикулей цветных тканей «перпетуан», 15 штук красного сукна, 5 штук черного сукна, 10 катти янтаря в кусках, 10 шнуров янтарных кораллов, 10 пушек, 800 пикулей ядер первого сорта, 2000 пикулей ядер второго сорта, 700 пикулей ядер третьего сорта, 500 пикулей селитры, 200 пикулей серы, 2 бочки оливкового масла и еще 1500 больших ядер.

Когда эти товары придут, я за них расплачусь. И пусть наша дружба длится так долго, как стоят небо и земля.

[101, 1663, с. 76—77].

52

Этим письмом я почтительно сообщаю Вашему Превосходительству, что в прошлом муссоне в пятый месяц [июнь 1662] я получил Ваше письмо, за что глубоко Вам благодарен. До сих пор вопросами торговли занимались три мандарина, советники короля, а теперь я один представляю короля во всех делах, касающихся покупки и продажи голландских товаров. Пусть Ваше Превосходительство известит об этом прибывающих сюда купцов.

Последние несколько лет у нас было произведено мало шелка. Также в девятом и десятом месяцах [октябрь — ноябрь 1662] не пришло ни одного судна из Японии, хотя это их обычное время. Но пусть Его Превосходительство знает, что, если он пришлет сюда свои суда в девятом месяца, мы обещаем доставить голландцам столько шелка, сколько они захотят. Пришлите с Вашими кораблями 25 ящиков серебра для короля, а он расплатится за них шелком.

При дворе Аннам Кока 23-й день двенадцатого месяца.

[101, 1663, с. 77].

53

[Коса Тибоди] почтительно обращается к губернатору Батавии и сообщает ему, что джонка [принадлежавшая] Парасира Нурату, которая направлялась в Кантон для торговли, была остановлена в пути голландцами, которые арестовали шкипера и забрали все товары. И он [Коса Тибоди] послал сюда [в Батавию] опытного человека для того, чтобы уладить этот конфликт, но тот до сих пор не возвратился.

Далее, в четверг, в 9-й день растущей луны одиннадцатого месяца, в Год Зайца, Мун Пичит Паса⁸¹ сообщил, что Лыанг Апаия Вари⁸² и голландцы, живущие в фактории, желают совершить увеселительную прогулку. И в ответ на эту почтительную просьбу ему было оказано доверие и дано разрешение [на поездку]. Однако по истечении многих дней Лыанг Апаия Вари сюда не вернулся. Поэтому я послал переводчика Мун Пичиг Паса в Бангкапут, где должны были находиться голландцы, чтобы он выяснил [в чем дело].

⁸¹ Переводчик голландской фактории в Аютии.

⁸² Сиамский титул главы голландской фактории, в данном случае — Эноха Поолвута.

Прибыв туда, Мун Пичит Паса узнал от англичан, судно которых стояло в Бангкапуте, что Лыанг Апайя Вари и голландцы, забрав все свое [имущество], спустились [вниз по реке] и сели на [голландский] корабль, стоявший в гавани.

Обо всем этом я с величайшим почтением доложил Его Величеству Прабат Сомдет Ика Косарот Исорбороманат Бором-ботид Рачаподи Иохоя. После этого государь оказал честь губернатору Батавии, поручив мне направить к Лыанг Апайя Вари (двух чиновников) Окья Сина Пимока и Адик Окпарача Пак-ди, с тем чтобы они спросили его, чем он недоволен, почему не возвращается в свою факторию и переселился на корабль. Возвратившись [в Аютию,] Окья Сина Пимок и Окпарача Пакди сообщили, что, по словам Лыанг Апайя Вари, у него нет претензий в области торговли, которую, благодаря покровительству Его Величества, он ведет свободно и без каких-либо помех, но он недоволен действиями Абдула Раззака и Парасари Припада. Это сообщение Окья Сина Пимока и Адик Окпарача Пакди я почтительнейше передал Его Величеству.

И Его Величество приказал мне, чтобы я написал письмо к Лыанг Апайя Вари, в котором указал бы на то, что Абдул Раззак смещен со своей должности и жестоко наказан, о чем хорошо известно Лыанг Апайя Вари, и что Парасари Пипада никогда больше не причинял голландцам никакого вреда и не давал никакого повода для недовольства. И пусть Лыанг Апайя Вари мирно возвратится в свою факторию и окажет должное повиновение и почтение губернатору Батавии.

И он [король] приказал Адик Окпарача Пакди отвезти это письмо к Лыанг Апайя Вари. Но Адик Окпарача Пакди, вернувшись из этой поездки, доложил, что, когда он прибыл к месту стоянки судна, он его уже не застал там. А расспросив смотрителей порта, он узнал, что в четверг, во 2-й день растущей луны двенадцатого месяца в Год Зайца Лыанг Апайя Вари со своим кораблем ушел из гавани.

Далее, сюда прибыло письмо от губернатора Батавии к праклангу Коса Тибоди, в котором сообщалось, что он [губернатор] пришлет сюда посла для того, чтобы выяснить все недоразумения и показать подлинную картину вещей. Однако ни сам посол, ни письмо от губернатора Батавии, которое он должен был привезти с собой, еще не прибыли сюда.

А Лыанг Апайя Вари поступил вопреки письму генерал-губернатора, согласно которому он должен был оставаться в фактории до прибытия судна с послами. Возможно, что Лыанг Сурисин [Ян ван Рейк] и Лыанг Апайя Вари действовали на свой страх и риск. Но может быть, они своими донесениями ввели в заблуждение генерал-губернатора, и тот, не зная истинного положения вещей, [решился] нарушить договор, некогда заключенный [сиамским королем] с принцем Голландии, который он [губернатор] обязан был свято исполнять.

Далее, когда Лыанг Сурисин и Лыанг Апайя Вари пожаловались на действия Абдула Раззака, тот [давая объяснения] сказал, что китайские наемники с джонки, которая привезла кожи, разгрузили судно и привели его сюда, наверх [вверх по реке] прямо к фактории. Вслед за этим Лыанг Сурисин и Лыанг Апайя Вари [Эпох Поолвут] приказали голландцам схватить этих наемников и задержать судно, нагруженное кожами. И он (Абдул Раззак) приказал, чтобы эти китайцы, и команда джонки, и сама джонка с грузом кож следовала своим путем.

Обо всем этом Коса Тибоди почтительнейше доложил Прабат Сомдет Ика Косарот Исорбораманат Боромботид Рачаподи Иохоя, поскольку Его Величество отдал приказ [который был почтительнейше выполнен], чтобы Коса Тибоди допросил Абдула Раззака.

Далее, в послании губернатора Батавии, которое получил Коса Тибоди, говорилось, что он [губернатор] просит милостивого разрешения Его Величества, чтобы Лыанг Сурисин мог вернуться в Батавию, а вместо него на пост начальника фактории был бы назначен Лыанг Апайя Вари. И Коса Тибоди почтительно доложил об этом Его Величеству, и тот оказал милость губернатору Батавии, позволив Лыанг Сурисину возвратиться в Батавию, согласно просьбе губернатора. А Лыанг Апайя Вари он пожаловал титул Лыанг Апайя Вари и серебряную коробочку для бетеля и дал разрешение

на торговлю. И за все время, что он здесь жил, никто не причинял ему обиды, подобной той, которую Абдул Раззак причинил Лыангу Сурисину.

Когда его [Лыанг Апайя Вари] еще здесь не было, существовал старинный обычай, что голландцы, когда они пожелают купить кожу, скупают ее у купцов в [Аютии], но теперь Лыанг Апайя Вари стал жаловаться [Коса Тибоди], что он, желая поехать закупить кожу в подвластных [Сиаму] землях, получил разрешение от Коса Тибоди и совершил эту поездку, но обнаружил при этом, что пегуанцы, японцы и португальцы приезжают и скупают кожи во всех подвластных [Сиаму] землях, на что он жалуется. И поскольку постоянная резиденция Лыанг Апайя Вари находится в [Аютии]⁸³, Абдул Раззак [пользуясь этим] различными способами вредит голландской торговле.

После этого Коса Тибоди с величайшим почтением доложил Его Величеству, что Абдул Раззак несправедливо относится к голландцам и притесняет иностранных купцов. Тогда Его Величество приказал допросить Абдула Раззака, как было дело. И в результате Абдул Раззак был лишен своей должности и жестоко наказан. И все это Лыанг Апайя Вари хорошо известно.

И [поэтому] Чон Тибсиуле, Най Сетти Ракса Белату и Сари Лейла Вангсе поручено отвезти письмо губернатору Батавии и раскрыть перед ним истинное положение вещей. Если губернатор Батавии захочет расследовать и выяснить это дело, они представят ему доказательства всего вышесказанного и правдиво ответят [на его вопросы]. И пусть Чон Тибсиуле, Най Сети Ракса Белату, Сари Лейла Вангсе и всему посольству будет представлена возможность вернуться в Аютию как можно скорее, с наступлением муссона, с тем чтобы мы скорее могли получить известия о результате переговоров.

Вместе с этим письмом я посылаю 10 койянов риса и 100 горшков кокосового масла губернатору Батавии, письмо которого пришло сюда в пятницу в 1-й день растущей луны первого месяца Года Зайца.

[101, 1664, с. 37—40].

54

1. Примерно два с половиной года назад [1661] Коса Тибоди снарядил джонку, нагруженную рисом, под командой японца, желая послать ее в Батавию. Для этого он просил пропуск у Лыанг Сурисина [Яна ван Рейка]. Но тот, не желая дать пропуск, откладывал его выдачу со дня на день. Когда же джонка наконец прибыла в Батавию, оставалось уже так мало времени на пребывание там [из-за перемены муссона], что рис и другие товары пришлось [спешно] распродавать с большими убытками.

2. В Год Крысы [1660] г-н ван Рейк попросил у пракланга разрешение на закупку сапана. С такой же просьбой обратились к праклангу китайцы, прибывшие в Сиам из Японии на трех джонках. Вследствие этого пракланг обещал каждому половину имеющегося сапана. Но г-н ван Рейк заявил протест и потребовал от пракланга, чтобы он не продавал китайцам сапана. А затем упомянутый ван Рейк договорился с китайскими шкиперами, что он продаст им сапан, лежащий на складах голландской Компании. А совершив эту сделку, потребовал от пракланга, чтобы тот поставил на склады Компании соответствующее количество сапана, что и было немедленно выполнено.

3. В Год Свиньи [1659], пять лет тому назад, когда в Сиам для торговли прибыли и бросили якорь у селения Боангтонбури 13 китайских джонок из Японии, г-н ван Рейк явился к Коса Тибоди и попросил его доложить королю, что китайцы якобы скупают олени шкуры. И по этой причине он просил разрешение с помощью королевских чиновников обыскать эти джонки. Согласно этой просьбе Коса Тибоди направил в распоряжение ван Рейка несколько служащих, вместе с которыми тот спустился вниз по реке [в гавань, где стояли джонки], продержал их там 9—10 дней и, так и не обыскав их,

⁸³ Т. е. он не может проследить за нарушениями монополии в других районах.

вернулся обратно [в Аютию]. В результате этой задержки китайцы пропустили время для возвращения в Японию. Поэтому китайцы больше не хотят торговать в Сиаме.

4. Лыанг Апайя Вари (г-н Энох Поолвут) просил Коса Тибоди передать королю просьбу голландцев о предоставлении займа в размере 100 сиамских катти [8000 бат]. После того как этот заем был ему предоставлен, он еще купил у короля в кредит 4550 пикулей сапана на сумму 80 катти 14 с половиной таэлей [6690 бат]. [А теперь], не уплатив этого долга, упомянутый господин Поолвут тайно выехал из Сиам и стал крейсировать со своими кораблями близ селения Лионг.

Здесь он встретил джонку, идущую из Чантабуна в Аютию, напал на нее со своими тремя судами и пустил ко дну. Людей с джонки [голландцы] побросали в воду, и им пришлось добираться до берега вплавь. Голландцы захватили все товары, находившиеся на джонке. Моряки, спасшиеся с джонки, заявили, что они не предприняли по отношению к голландцам никаких враждебных действий из уважения к королю Сиам, поскольку король Сиам находится в союзе с губернатором Джакарты.

5. Некий китаец, состоящий на службе короля, просил у Его Величества разрешения построить джонку для того, чтобы плавать в Японию. Затем этот китаец попросил ван Рейка способствовать ему в получении разрешения на закупку некоторого количества кож⁸⁴. На это упомянутый ван Рейк ответил, что нет надобности просить такое разрешение. Если ему [китайскому купцу] нужно некоторое количество кож, он может свободно их купить. Когда же этот китаец закупил кожу и погрузил ее на свой корабль, ван Рейк заявил, что кожа куплена без разрешения и представляет собой контрабанду. Поэтому китаец должен всю кожу отдать. И за каждые 100 кож ван Рейк заплатил ему всего 2 таэля [40 бат] — меньше, чем тот сам платил при покупке.

Далее китаец, отплыл в Японию и, возвратившись в Сиам, просил у короля разрешения закупить оленьи шкуры и сапан.

И такое разрешение от короля он получил. Но г-н ван Рейк разрешил ему купить шкуры при условии, что он не будет покупать сапан, или же сапан при условии, что он не будет покупать шкуры. Тогда китаец решил купить шкуры. Но когда он купил их, г-н ван Рейк вновь отобрал их у него и опять заплатил по 2 таэля за сотню.

6. В Год Быка [1655], около 9 лет тому назад, гг. ван Рейк и Поолвут заключили с Его Величеством договор, который они собственноручно подписали и вручили Коса Тибоди. В этом договоре, согласно письменной просьбе губернатора Джакарты от 8-го дня пятого месяца Года Быка, голландцам предоставлялось исключительное право покупки всех кож. В обмен за это губернатор Джакарты обещал королю Сиам всегда оказывать помощь и всевозможные услуги.

На таких условиях Его Величество удовлетворил просьбу голландцев. [В договоре было обусловлено также], что если в Сиам придут торговые суда и купцы попросят у Его Величества продать им некоторое количество кож, то Его Величество поручит Коса Тибоди сообщить об этом г-ну ван Рейку...

«Хорошо! — отвечал на это г-н ван Рейк. — Я всегда выполню просьбу Коса Тибоди». И одновременно г-н ван Рейк вновь обещал, что губернатор Джакарты всегда и во всем будет служить Его Величеству. Но когда впоследствии Коса Тибоди просил у г-на ван Рейка разрешение продать китайцам некоторое количество кож, тот не пожелал дать такого разрешения. Поэтому покойный король отменил голландскую монополию на торговлю шкурами.

После этого гг. ван Рейк и Поолвут очень рассердились на китайцев и все время стремились навредить им.

Далее, что касается неправильных действий Абдулаха⁸⁵, в отношении голландцев и других купцов, король не мог предотвратить эти действия и узнал о них лишь из

⁸⁴ Голландская Ост-Индская компания пользовалась монополией на закупку кож в Сиаме.

⁸⁵ Вероятно, имеется в виду Абдул Раззак.

поданных ему жалоб. Как только Его Величество узнал об этом, он тотчас приказал его наказать, чтобы это послужило примером для остальных.

Что же касается притеснений и обид, которые упомянутые гг. ван Рейк и Поолвут причинили здешним купцам, обо всем этом губернатору Джакарты явно известно.

7. Когда голландцы торговали в Камбодже, король всегда разрешал иностранным купцам покупать некоторое количество кож, наряду с голландцами. Почему же голландцы, находящиеся в Сиаме, не разрешают местным жителям продавать шкуры другим купцам, которые сюда приезжают для торговли?

8. Все иностранцы [китайцы, португальцы и др.], которые со своими судами и джонками прибывают для торговли в Сиам, должны платить пошлину королю — 1 сиамский катти [80 бат] с каждой сажени ширины их джонок и кораблей. Кроме того, многомачтовые суда должны платить еще по 1 катти за сажень. И сверх того упомянутые купцы платят 1 таэль пошлины за каждые 4 ластва риса, которые они вывозят из государства и 10% стоимости прочих товаров.

9. Ежегодно сюда приходят для торговли множество судов губернатора Джакарты, и если бы король пожелал взыскивать с них пошлины, он получил бы большие суммы. Упомянутые гг. ван Рейк и Поолвут ежегодно грузили на суда от 500 до 1000 ласт риса, не платя никакой пошлины, в то время как все прежние начальники голландской фактории платили пошлину.

10. Никогда не было закона или обычая, который позволял бы голландцам охотиться на китайские джонки у сиамских берегов. [Однако] их суда напали [на китайскую джонку], на которой было 23 человека, близ селения Лионг, захватили людей и 20 ящиков орлиного [алойного] дерева.

Когда голландцев спросили, что они сделали с этими людьми, они ответили, что это служащие Опра Синората [в Сиаме]. А упомянутый Синорат задолжал Компании, и они задержали груз орлиного дерева, как обеспечение выплаты долга, о чем они отправили письмо Опра Синорату вместе с упомянутыми служащими.

[101, 1664, с. 43—46].

55

Специальному комиссару де Биттеру даются следующие инструкции:

1. По прибытии в Сиам он [П. де Биттер] должен прежде всего уведомить [сиамские власти], чтобы они прислали к нему на судно заложников.

2. Подарки королю не вручать до подписания договора.

3. В договор должны быть включены пункты, перечисленные в протоколе от 12 июня. Поскольку было бы противно [международному] праву требовать, чтобы король прекратил торговлю с Японией, достаточно будет потребовать изгнания китайцев из Сиамавсегда.

4. Пошлина, которую Компания платит в Сиаме, не может быть в дальнейшем повышена.

5. Компания должна получить право держать неисправных должников под арестом в фактории.

6. Нидерландцы должны получить право беспрепятственно вывозить из Сиамавсвоих детей от сиамских матерей и законных жен со всем принадлежащим им имуществом.

7. Король должен помочь нам взыскать долги Мондас Неана.

[100, 1664, с. 237—239].

56

Мирный договор, заключенный между Его Величеством королем Сиама, с одной стороны, и комиссаром Питером де Биттером, уполномоченным генерал-губернатора И. Метсёйкера и Совета Индии, с другой стороны (во имя и по полномочию высоких и могущественных Генеральных штатов Объединенных Нидерландов), регулирующий положение Объединенной Ост-Индской Компании на Востоке

Во-первых, с нынешнего времени и впредь устанавливаются нерушимый и искренний союз и дружба между королем Сиама и нидерландской Компанией, как и между всеми подданными их обоих, и с этого дня разногласия и столкновения между подданными Его Величества и Компании должны быть забыты при условии, что король накажет и будет наказывать должным образом лод, наносящих ущерб Компании.

Во-вторых, в дальнейшем Компания будет пользоваться в Сиаме, Лигоре, Ончанге, Салзнге и во всех других землях Короля, без исключения, правом торговли без помех всеми товарами, которые имеются в данном месте без каких-либо ограничений любого рода.

[3] Также Компания получает право торговать, вести дела и общаться с любым лицом по своему выбору, будь оно высокого или низкого ранга, без всяких помех, прямых или косвенных, от кого бы то ни было.

[4] Далее. Ни теперь, ни в дальнейшем не могут быть повышены экспортные и импортные пошлины, платимые Компанией (будь то в Сиаме, Лигоре, Ончанге, Саланге и другом месте), но платить согласно прежним обычаям, как согласовано и установлено в ордонансе Короля.

[5] Также. Ни теперь, ни в дальнейшем ни Король, ни его подданные любого ранга не должны использовать китайцев или жителей Японии, Кантона, Кохинхины, Тонкина на своих джонках и судах, больших или малых, [не должны] допускать их на свои суда. Все джонки и суда, на которых жители этих стран будут находиться, встреченные [голландцами] в море, будут захвачены как призы. Компания не будет обязана делать никакого возмещения.

[6] Далее. Компании навечно принадлежит экспорт всех оленьих и буйволиных шкур, которые поступают в Сиам, так же как и продажа в розницу всех товаров, [привозимых] любым народом, и Его Величество обязан всеми средствами поддерживать эту привилегию Компании.

[7] Более того, если случится, что должники Компании откажутся платить (что часто случалось прежде), Его Величество должен через посредство Ойя Беркеланга [пакланга], покровителя иностранцев, оказать помощь, и этих должников он должен держать в строгом заключении, пока Компания не получит причитающееся, а в случае, если Компания не сможет обеспечить оплату [своих] справедливых требований таким образом, король или Ойя Беркеланг обязаны выдать упомянутых должников Компании.

[8] В случае (что Господь воспрещает), если кто-нибудь из служащих Компании совершит серьезное преступление в Сиаме, король и судьи [Сиама] не имеют права судить его, но он должен быть передан главе Компании [в Сиаме], чтобы быть наказанным согласно нидерландским законам, а если случится, что упомянутый начальник окажется соучастником в тяжелом преступлении. Его Величество имеет право держать их обоих под домашним арестом, пока не известит о происшедшем генерал-губернатора.

[9] Далее. В качестве компенсации за захват джонки Его Величества фрегатом «Де Рооде Харт» три года тому назад, близ островов Макао, Компания должна выплатить Его Величеству 156 катти в сиамской монете, или 18720 гульденов. Его Величество должен отказаться от всех прежних требований относительно [его] собственности, захваченной на этой джонке.

[10] Также. Компания должна вернуть принадлежащие королю имущество и товары одной из джонок, возвращавшихся из Японии, которые были захвачены фрегатом «Хооргкарпсель» близ острова Полевидж.

[11] Также. Если король решит послать джонку, управляемую сиамцами, в Японию, Компания должна уступить королю 7000 — 10000 оленьих шкур (при условии, что их добыча будет на обычном или выше обычного уровня в данном году), по той цене, что они сами покупали, при условии, что факторы Его Величества или кто-либо другой не станут покупать прямо или косвенно никаких шкур [у населения].

[12] В случае если Его Величество решит послать послов в Пекин к великому Хану, он имеет право отправить вместе с послами двух кантонских китайцев, знающих татарский [манчжурский] язык, разумеется, лишь пока Компания находится в дружбе с этим монархом [китайским императором].

[13] Джонки или суда Его Величества и его подданных, управляемые сиамцами, имеют право плавать в Макао, Манилу, Кантон или другие места, пока Компания состоит в дружбе и союзе с этими странами, причем для безопасности их плавания они должны получать пропуски.

[14] Все джонки и суда союзников Объединенной Ост-Индской компании, которые приходят из других мест и направляются в Сиам, могут беспрепятственно совершать свое плавание при условии, что на борту нет жителей враждебной страны.

[15] В случае, если суда Компании встретят в море джонки, управляемые сиамцами, принадлежащие Его Величеству или его подданным, они не должны вредить или мешать их плаванью, но, напротив, должны оказывать всяческую помощь [если о ней попросят] при условии, что [эти джонки] не идут в страну, с которой Компания находится в [состоянии] войны.

[16] Если когда-нибудь случится, что судно Компании потерпит кораблекрушение у берегов, подвластных Его Величеству, или джонки Его Величества подобным образом будут терпеть бедствие близ портов или земель Компании, подданные обеих сторон, находящиеся на месте происшествия, должны оказывать помощь в спасении товаров и людей и заботиться об удобствах [спасенных].

[17] Компания не имеет права нападать в Сиаме на суда и джонки [враждебных держав] или предпринимать против них какие-либо враждебные действия.

[18] Вышеуказанные пункты [соглашения] должны соблюдаться не только нынешним королем Сиамом и нынешним генерал-губернатором И. Метсёйкером и Советом Индии, но и их наследниками на вечные времена.

Заключено в городе Аютии королевства Сиам 22 августа 1664 г. и скреплено королевской печатью, красной, с изображением сиамского ангела или дьявола, и печатью Компании.

[101, 1664, с. 523—525].

57

Это письмо от Окья Таммарата... Коса Тибоди к генерал-губернатору И. Метсёйкеру, правителю Батавии.

Генерал-губернатор направил к нам своего уполномоченного Питера де Биттера, который доставил сюда послание [генерал-губернатора], о чем я почтительнейше доложил Его Величеству [королю Нараю], господину Золотого Трона, владельцу Белого Слона и пр. и пр...

...Это письмо я приказал перевести на сиамский язык в четверг, в 9-й день растущей луны девятого месяца в Год Дракона. В письме говорилось о том, что Питер де Биттер является полномочным представителем генерал-губернатора, и с ним следует обращаться, как с самим генерал-губернатором.

Поэтому я провел с указанным П. де Биттером несколько совещаний и затем почтительнейше сообщил Его Величеству все высказывания П. де Биттера.

Его Величество благосклонно обратил свои мысли к договору, заключенному некогда с голландским принцем, и отдал приказ, чтобы начальнику фактории Эноху Поолвуту и другим голландцам было разрешено жить в фактории и торговать как прежде.

Тщательно все обсудив с послом П. де Биттером, я представил для милостивого одобрения нашего повелителя следующее: ни один из договоров, заключенных в прежние годы с принцем Голландии, не может быть нарушен или изменен.

Согласно условиям этого договора наш господин имеет право посылать свои джонки в Японию для торговли, но в качестве команды должен использовать только местных жителей [сиамцев]. А китайцев из Великого Китая и Кантона, так же как подданных Госиньи [Чжэн Чэнгуна], и китайцев, подданных Его Величества, живущих в Аютии и т. п., использовать нельзя. И на таких условиях генерал-губернатор согласен приказать шкиперам голландских судов, чтобы они не нападали на сиамские джонки в открытом море или в каком-нибудь [другом] месте, не причиняли им никакого вреда, а позволяли бы им беспрепятственно следовать своим путем.

[Далее] я сообщил послу П. де Биттеру, что Опра Сири Но-рат (имя, которое у нас обычно произносится как Опра Сино-рат) и Хооиа, нагрузив товарами судно, направили его в Кантон для торговли. Как рассказал шкипер этого судна, в трех днях пути от Амканга он встретил несколько голландских кораблей. Эти голландцы забрали все товары Опра Сири Нората на сумму 90 катти и товары Хосиа на сумму 60 катти серебра, А упомянутые Опра Сири Норат и Хосиа — подданные Его Величества, которые никогда не имели никаких конфликтов с голландцами. И поэтому будет правильно и справедливо, если этим двум людям будет возвращено их имущество.

[Далее] некий китаец, подданный Его Величества, взяв в аренду джонку, принадлежащую нашему господину, направил ее в Японию для торговли. А другой китаец из великого королевства Китай, проживающий в Японии, нанял джонку Его Величества с намерением плыть в Аютию. И голландцы остановили обе эти джонки у острова Мау и отобрали весь груз на сумму 294 катти 19 таэлей серебра. А эти китайцы отнюдь не были подданными Госиньи.

Посол П. де Биттер, который здесь представляет персону генерал-губернатора, согласился с этим, и мой долг сообщить об этом генерал-губернатору. [Из этого следует], что имущество Опра Сири Нората, Хосиа и вышеупомянутых китайцев должно быть возвращено. [Тем более] что наш господин милостиво согласился принять множество пунктов [договора], которые выдвинул посол П. де Биттер по поручению генерал-губернатора. И поэтому мы просим генерал-губернатора, чтобы он тоже согласился и принял пункты, [выдвинутые сиамской стороной].

Далее. Союз [короля Сиама] с принцем Голландии очень древний, а благоволение нашего господина (которому все должны почтительно повиноваться) к генерал-губернатору Батавии также очень велико. Если же голландцы, которые здесь живут с торговыми целями, напишут, что подданные Его Величества причинили им зло, пусть генерал-губернатор не спешит и не верит им на слово, ибо [как раз] заявления Лыанг Сурисина (титул, который Его Величество некогда пожаловал начальнику фактории Яну ван Рейку) послужили главной причиной всех недавних недоразумений.

Поэтому просьба к генерал-губернатору, чтобы он [прежде чем действовать] написал бы мне письмо и сообщил обо всем, чтобы можно было расследовать дело по справедливости в соответствии с духом договора, заключенного с принцем Голландии, который да будет всегда прочным и нерушимым.

Что же касается подарков, которые генерал-губернатор послал с послом П. де Биттером, Его Величество (которому все должны почтительно повиноваться) их принял. И все подарки, которыми генерал-губернатор почтил меня, я также принял. И по случаю заключения мира Его Величество благодарит генерал-губернатора и посылает ему слона 5 локтей и 3 дюйма ростом.

Далее, посол П. де Биттер, по поручению генерал-губернатора, просил разрешения увезти в Батавию дочерей фактора Кюленбурга и младшего фактора Адриана Стутхарта. И наш господин милостиво разрешил передать этих двух дочерей П. де Биттеру, с тем чтобы тот отвез их к генерал-губернатору, согласно его желанию.

Далее, я хочу почтить генерал-губернатора подарком — слоном ростом в 4 локтя и 1 ладонь. И да пусть все пункты договора, заключенного с принцем Голландии, остаются нерушимыми, пока солнце и луна сияют на небе.

Писано в воскресенье в 8-й день растущей луны двенадцатого месяца Года Дракона.

[101, 1664, с. 538—539].

58

Окья Сири Дири Мерахиа... Ойя Беркеланг [пракланг] пишет генерал-губернатору И. Метсёйкеру.

Поскольку губернатор Батавии прислал сюда Питера де Биттера с письмом, уполномочивающим его вести переговоры от имени губернатора, я принял его должным образом и вел с ним беседы относительно договора, [заключенного] нынешним королем, и договора, [заключенного] некогда с принцем Голландии. И слова уважаемого губернатора Джакарты я тщательно взвесил и обдумал. И все, что говорилось нами в ходе переговоров, было тщательно записано. Я записывал все, что говорил Питер де Биттер, а он, в свою очередь, записывал все, что говорил я.

Питер де Биттер заявил мне, что голландцы находятся с китайцами во враждебных отношениях, и губернатор Батавии приказал голландским капитанам нападать на китайские суда, если они встретятся в открытом море.

На это я ответил, что, согласно приказу нашего господина, я желаю направить в Японию несколько кораблей, чтобы купить там некоторые товары, необходимые нашему господину. Но для этого мне необходимы китайские штурманы. Или, если нельзя брать в штурманы китайцев, пусть мне предоставят штурманов голландцев, согласно новому договору и договору, заключенному с принцем Голландии, которые как в настоящем, так и в будущем должны нерушимо исполняться.

Питер де Биттер на это возразил, что голландцы и китайцы сейчас в таких отношениях, что голландец не сможет плыть в Японию на иноземном судне, даже если бы захотел. И равным образом представители других наций не могут плыть в Японию на голландском судне.

Далее. Некий купец, мой компаньон, сообщил мне, что джонка Ойя Сири Мерайя, на которой он плыл как владелец товаров, потерпела крушение близ Японии и была отведена в Нагасаки.

Из купцов, судно которых потерпело крушение, 23 являются жителями Аютии. Япония с древних времен находилась с королевством Аютия в дружбе и согласии. Поэтому мы просим голландцев забрать этих [23] купцов и доставить их в Аютию.

На это Питер де Биттер ответил, что [подобные действия] нарушили бы договор между Голландией и Японией.

Далее, упомянутый купец рассказал мне также, что китайцы в Камбодже снарядили три джонки и отплыли на них в Японию для торговли. Китайцы в Кантоне также снарядили две джонки и направили их в Японию. Кохинхинцы послали в Японию четыре джонки с тайванскими китайцами. В стране Зиован⁸⁶ китайцы снарядили и отправили в Японию четыре джонки.

И китайцы еще рассказали упомянутому купцу, что одна из джонок, снаряженных нашим господином в Аютии, направлявшаяся в Японию, близ земли Зиован подверглась

⁸⁶ Возможно, имеется в виду Тайвань.

нападению голландцев. Спасаясь от нападения, эта джонка укрылась в гавани страны Зиован, где сиамцы оставались целый год.

Итак, все страны могут посылать китайцев на своих джонках в Японию для торговли и голландцы им не мешают это делать. А когда сиамская джонка, принадлежащая нашему господину, направляется в Японию и голландцы узнают об этом, они начинают за ней охотиться, становятся у нее на пути и не дают сиамцам плыть в Японию.

Пусть губернатор Батавии сообразовалит рассудить, что в новом договоре и договоре, заключенном ранее с принцем Голландии, в пункт о том, что [Сиаму] нельзя посылать китайцев в Японию, необходимо внести некоторые изменения. Ибо это в высшей степени несправедливо и необычно, поскольку все другие страны могут посылать в Японию китайцев для торговли.

Далее, в будущем муссоне я имею намерение направить в Японию джонку [под командой] китайцев, чтобы купить там товары, необходимые нашему господину. Пусть же губернатор Батавии сообразовалит приказать всем голландским капитанам, которые могут встретить эту джонку, чтобы они ее не преследовали и не уничтожали.

И для того чтобы договор мог быть ратифицирован генерал-губернатором, я направляю к нему государственных советников Лыанг Рета и Минчий Париа, опытных людей, облеченных полномочиями для переговоров.

И пусть этот договор отныне и навеки будет нерушимым (как новый договор, так и договор, заключенный с принцем Голландии) с тем, чтобы мы всегда оставались в дружбе и союзе. И пусть губернатор Батавии сообразовалит одобрить и ратифицировать все пункты.

Дано в понедельник, 5-й день месяца дулаком в Год Дракона. Счастливого плавания!

[101, 1664, с. 539—541].

59

Это письмо от Окья Сири Махараджи генерал-губернатору Батавии, который имеет огромную мощь в кораблях на море и великую славу во всем мире...

Что касается бензоина, который здесь остался, макасарцы покупают его по 26—27 таэлей за пикуль, а цена пикуля бензоина «кабека» — 35 таэлей. Если мой господин пожелает, пусть напишет мне письмо с разрешением платить эту цену, так чтобы таким образом ваш покорный слуга получил прибыль. Что касается лака «кабека», который очень чист, пикуль стоит 21 — 22 таэля. Если мой господин пожелает собрать большое количество (этого товара), пусть он только прикажет.

Далее. Ваш покорный слуга уже 2—3 года как хотел явиться перед моим господином, но король Камбоджи не хотел меня отпустить, потому что его земли были разорены, а Ваш покорный слуга способствовал развитию торговли и посещению Камбоджи купцами, как это было прежде. Сейчас торговля в Камбодже процветает. Поэтому Ваш покорный слуга просит разрешения еще в этом муссоне прибыть к своему господину.

С глубоким почтением посылаю мой скромный подарок — пару (носорожьих) рогов.

[101, 1664, с. 50].

60

Договор с пангераном Сурджакатой, заключенный в Банджармасине

Во-первых, пангеран Сурджаната, князь в Банджармасине, подтверждает договор, который генерал-губернатор Иоанн Метсёйкер заключил с пангераном Рату, а именно, что весь перец будет продаваться Компании, и его нельзя продавать никакому другому

народу, кроме банджармасинцев, которые со своим перцем могут плавать в Батавию или Малакку⁸⁷.

[96, т. II, с. 286—287].

61

Возобновленный договор о мире, дружбе и торговле, который я, король Наксадач позор Меда Тиррач Боромо Вонит, в этом моем королевстве Камбоджа заключил с капитанами Яном де Мейером и Питером Кеттингом, присланными благородным господином генерал-губернатором Иоанном Метсёйкером и светлейшими господами Совета [Индии]

1

Во-первых, с сегодняшнего дня и впредь на вечные времена пусть да будет между королем (Камбоджи) и нидерландской Компанией, так же как между их чиновниками и подданными, хороший прочный мир и дружба, и не должно быть между ними никакой вражды на суше и на море.

Я (король Камбоджи) очень рад, что благородная Компания предлагает заключить прочный мир и установить дружбу со мной и с моим королевством, как она их поддерживала с моим дедом, моим отцом и моими предками.

2

Во-вторых, Его Величество (король Камбоджи) должен уплатить долг прежнего короля, который остался должен Компании 8330 таэлей и 5 маасов, остаток от 12808 таэлей, которые упомянутый король был обязан выплатить Компании по договору [от 8 июля 1656 г.] в возмещение за 10 ящиков серебра из Японии и 830 штук ткани, которые он захватил на корабле «Оранжебоом». А также (король должен возместить) 64000 таэлей, которые Компания потеряла в этом королевстве во время опустошения, учиненного кохинхинцами, в товарах, мелкой монете и серебряных изделиях, которые были в сгоревшей фактории.

Компания просит, чтобы я (король Камбоджи) заплатил некие 8330 таэлей 5 маасов, которые бывший король остался должен Компании. На это я говорю, что не обязан платить упомянутую сумму, потому что, когда я вступил во владение этим королевством, в нем не осталось ничего, кроме голой земли, по причине разорения от кохинхинцев, которые разграбили страну так, что ничего не осталось, ни кожи, ни волоса. Если бы я, приняв страну во владение, нашел бы королевство таким же цветущим, каким его оставили мой дед и отец, с изобилием королевских сокровищ моих предков, тогда я мог бы подумать, что обязан уплатить [этот долг]. Кроме того, наши военные бедствия коснулись [иностранцев] всех наций, которые проживали в Камбодже, когда королевство попало в когти кохинхинских разбойников. И, как известно, все они пострадали в пол-сой мере. Тем не менее никто из них не потребовал возмещения за свои убытки. И в силу всего этого я считаю, что господа из Батавии должны проявить благоразумие и больше не говорить со мной о 64000 таэлей, которые, как утверждает нидерландская Компания, были потеряны во время вторжения кохинхинцев. Потери из-за войны случались и в других странах, например, в Китае, Японии, Лаосе, Сиаме, Тонкине и Кохинхине, но нигде не слыхано, чтобы правитель страны обязан был возмещать убытки иностранцев.

Далее. Король унаследовал все имущество Кунья Сири Махараджи после его смерти. Поэтому мы просим, чтобы Его Величество соизволил дать возмещение и выплатить Компании 4465 таэлей, которые тот (Кунья Сири Махараджа) остался должен Компании, а долг этот справедливый и истинный.

Компания утверждает, что я (король Камбоджи) должен заплатить более 4000 таэлей, которые Окья Сири Махараджа остался должен упомянутой Компании. Я велел проверить его счетные книги и обнаружил, что на самом деле он был должен Компании за

⁸⁷ Далее повторяются пункты 2—7 договора от 16 мая 1661 г. (см. [прил., док. 46]).

некие тюки, которые он получил, и из указанных книг также явствует, что он при посредстве своего брата значительное количество товаров выгрузил [на складе] в Батавии, чтобы продать. Поскольку он теперь умер, пусть Его Превосходительство соизволит взыскать долг с этого имущества, согласно законам вашего знаменитого города [Батавии].

Мы просим Его Величество, чтобы он дал нам место для постройки фактории там, где она стояла раньше, во времена его отца, в Голландском квартале, и чтобы он приказал ее построить из камня или из дерева, как будет угодно Его Величеству.

Я разрешаю, чтобы они отстроили [свою факторию] на старом месте, так как им это нравится.

Относительно 8333 таэлей 5 маасов, которые прежний король остался должен Компании, и 4600 таэлей, которые были потеряны в этом королевстве в Кохинхйскую войну, а также 4465 таэлей, которые остался должен Компании Окья Сири Махараджа, мы, Иоанн де Мейер и Питер Кеттинг, отвечаем, что мы не можем отказаться от наших претензий, потому что мы считаем, что это истинные долги, и в силу этого мы эти пункты резервируем для рассмотрения генерал-губернатором и господами Совета.

3

Третий пункт служит исключительно для того, чтобы подчеркнуть благоволение и дружбу упомянутых господ [голландцев] к Его Величеству и королевству Камбоджа. Как было уговорено, (Компания) прислала судно с рисом для помощи вассалам Его Величества. И мы желали бы, чтобы Его Величество таким же образом, если мы будем нуждаться в продовольствии, выдал нам разрешение на вывоз риса.

Я горячо благодарю Его Превосходительство и господ Совета за то, что они прислали рис для помощи моим вассалам. Что же касается их просьбы, то она будет удовлетворена. Пусть начальник фактории, который здесь остается, даст знать, когда знаменитый город [Батавия] станет нуждаться в провианте.

4

Четвертый пункт заключается в том, что Компания просит Его Величество благоволить даровать Компании исключительное право торговать шкурами, которые имеются в королевстве, а также другими товарами, которые мы вывозим в Японию, в течение 25 лет, начиная со дня этого договора. И чтобы было объявлено всем в этом королевстве, что все (другие) купцы не имеют права вывозить из Камбоджи эти товары. А если Компания обнаружит, что они нарушают этот запрет, она конфискует их товары. В подтверждение чего Его Величество пусть приложит свою печать, а его чиновники всеми возможными средствами пусть охраняют это решение.

Также пусть Его Величество даст Компании привилегию свободно продавать свои товары кому бы то ни было, бедному или богатому, каждому, кто пожелает, оптом или в розницу. И чтобы никто нам не вредил и не мешал под каким бы то ни было предлогом торговать нашими товарами, как это делал в свое время Окья Сири Махараджа, в результате чего Компания прекратила торговлю в этом королевстве. Компания просит, чтобы такие злостные помехи больше не повторялись и чтобы она могла свободно вести свою торговлю, покупать и продавать все товары, которые имеются в королевстве, купцам всех наций ко взаимной выгоде.

Его Превосходительство и светлейший Совет Индии просят меня предоставить Компании монополию на шкуры и другие товары, имеющиеся в моем королевстве, для торговли с Японией. До сих пор в моем королевстве никто не слыхал о монополии, но всегда каждый мог свободно покупать все виды товаров, производимых этим королевством. Однако во имя старинной дружбы светлейшей Компании с моим королевством со времен моего деда и отца я разрешаю Компании монопольно торговать шкурами в течение 20 лет, начиная с нынешнего дня. А также я запрещаю всем (местным) купцам и иностранцам вывозить из моего королевства товары, которые являются монополией голландцев.

5

В-пятых, Компания просит милостивого разрешения Его Величества, чтобы лаосцы могли прибывать в Камбоджу на своих судах с товарами, дабы мы могли у них покупать эти товары.

Относительно лаосских товаров я скажу так. Я не могу принудить лаосцев, потому что они иностранцы. Они вольны продавать свои товары и начальнику голландской фактории, и китайцам, и камбоджийцам, и всякому, кто больше заплатит.

6

В-шестых, (мы просим) чтобы Его Величество отныне и впредь запретил всем европейцам, кроме принадлежащих к Компании, торговать в его королевстве.

Относительно просьбы Его Превосходительства, чтобы я изгнал европейских купцов, которые приезжают в мою страну для торговли, я отвечаю, что это совсем невозможно, потому что двери этого королевства всегда были открыты для всех европейцев.

7

В-седьмых, пусть отныне и впредь жители этого королевства не плавают на [острова] Амбон, Банда, Тернате и на лежащие близ них острова, а также в страны, с которыми Компания ведет войну. В случае же, если корабль этого королевства поплывет на юг от Камбоджи, находа [капитан] должен получить пропуск от начальника голландской фактории, чтобы, если он встретит корабль Компании, его могли отличить от вражеских судов. А если он не будет иметь такого пропуска, Компания не будет обязана возместить ему ущерб [от этой встречи].

На этот пункт я отвечаю, что в моем королевстве никто не плавает на эти острова, что же касается кораблей, плавающих на юг, в места, с которыми Компания не имеет вражды и не воюет, они будут брать пропуск у голландцев.

8

В-восьмых, пусть Его Величество запретит всем своим вассалам, подданным и проживающим в его королевстве, плавать в Макасар или из Макасара в это королевство.

На это я отвечаю, что из моего королевства всегда плавали в Макасар, а оттуда сюда ради торговли. Так же поступают и все соседние королевства, которые хотят дружбы со мной и, моим королевством.

9

В-девятых, поскольку Компания находится в [состоянии] открытой войны с Китаем, пусть Его Величество не разрешает судам плавать на север от Камбоджи или приплывать в Камбоджу с севера, потому что всем генералам и капитанам военного флота Компании, посланного на север, приказано всячески вредить и разорять все северные области на море и на суше (захватывая) людей и товары, чтобы отомстить за вред, который они [китайцы] нам причинили. И пусть всем будет известно, что все товары и другое имущество, которые мы найдем на китайских судах, будут конфискованы Компанией, независимо от национальности их владельцев, и Компания не будет принимать никаких претензий от потерявших суда и товары, которые будут рассматриваться как военные трофеи.

Я отвечаю на это, что такое невозможно. С древних времен до нынешнего времени китайцы не переставали посещать это королевство и торговать здесь. И если Компания начала войну, это не делает ей чести. Пусть Его Превосходительство и господа Совета [Индии] предупредят своих капитанов, уходящих в море, что они не должны захватывать никаких судов по эту сторону [мыса] Синкотьягас [близ Сайгона] и островов Пуло Кондор и Пуло Уби, потому что там проходят границы моего государства. И если они нарушат [это условие]⁸⁸, я буду считать, что Компания не уважает ни мою дружбу, ни дружбу моего королевства, ибо с древних времен до нынешнего времени мои владения простираются до этих границ.

10

⁸⁸ Т. е. станут захватывать суда в камбоджийских водах.

Относительно пункта, где Его Величество говорит, что суда Компании не должны захватывать никаких судов, ни бороться с нашими врагами в пределах указанных границ (Синкотьягас, Пуло Кондор и Пуло Уби), мы, Ян де Мейер и Питер Кеттинг, заявляем, что мы эти границы не можем признать и не перестанем захватывать призы (всюду), за исключением устья реки [Меконг].

Далее. Мы просим Его Величество, чтобы он приказал своим вассалам, если случится, что корабль Компании или жителей Батавии потерпит крушение у берегов этого королевства, пусть нам окажут всяческую возможную помощь, чтобы спасти как людей, так и товары. И чтобы (король) не мог забирать себе спасенные товары, а только получал от Компании вознаграждения за спасение.

Я согласен с просьбой Компании. Они будут обязаны лишь уплатить за труды по спасению.

11

Далее. Мы просим, чтобы Компания получила резиденцию в этом королевстве, чтобы вести здесь торговлю без помех и жить в мире под благородным управлением короля, который будет удерживать свой народ от всякого зла, которое тот может нам причинить.

Я согласен с этим пунктом и позабочусь о его выполнении.

12

В случае (чего не допусти Господи), если получится, что кто-нибудь из голландцев совершит в этом королевстве преступление или причинит вред королю или кому-нибудь в королевстве, судьи Его Величества не могут наложить на него руки, чтобы его судить. Но его следует передать в руки начальника фактории, который его накажет по нашим законам. А если сам начальник совершит преступление или причинит вред королю или кому-либо в королевстве, король может только задержать это лицо и при первой возможности отправить на корабле в Батавию с бумагами о его вине, чтобы на основе их господин генерал-губернатор и господа Совета могли осуществить правосудие.

Я разрешаю совершать правосудие таким образом, если случится какой-нибудь спор или будет совершено преступление.

Итак, этот договор о дружбе и торговле с голландской Компанией заключен 1 февраля 1665 г., а по камбоджийскому стилю в Год Змеи, в месяц квема.

Этот договор должны соблюдать не только нынешний король Камбоджи Наксадач Повор Меда Тиррач и генерал-губернатор Иоанн Метсёйкер и господа Совета, но и между их преемниками и наследниками должны всегда быть мир и дружба.

[96, т. II, с. 311—312].

62

Я был очень рад, узнав, что к нам пришел корабль из славного города Батавия, я еще больше обрадовался тому, что с этим кораблем прибыли посол Ян де Мейер и капитан Питер Кеттинг с письмом Вашего Превосходительства. Я также был рад узнать, что Ваше Превосходительство пребывает в здравии, а ваш город в мире и спокойствии.

Я благодарю Его Превосходительство и господ членов Совета за пожелание благополучия, которое они мне прислали, а также за подарки. Я высоко ценю то, что Его Превосходительство прислал ко мне посла Яна де Мейера и капитана Питера Кеттинга, людей весьма уважаемых и наиболее подходящих для ведения переговоров. Я рад, что посольство Его Превосходительства наконец прибыло в Камбоджу, потому что все другие соседние королевства и земли, например король Лаоса, повелители Кочина⁸⁹, Манилы и Макао, уже поздравили меня. Для исполнения всех моих желаний не хватало только прибытия господ из голландской Компании, потому что они были в великой дружбе с королем, моим отцом Наксадач Повор Меда Тиррач Боромо Бопит, и я пребывал в

⁸⁹ Южный Вьетнам.

сомнении, не зная, какая причина того, что они не прибыли в мое королевство. И я думал, что они заняты какими-то неотложными делами в своем светлейшем городе. И еще я хочу сообщить Его Превосходительству, что я очень огорчен тем, что в прошлые годы во время войны с Кохинхой в моем королевстве капитан Питер Кеттинг и его солдаты и сопровождавшие их люди пострадали и не в моих силах было им помочь, но я испытывал большую печаль из-за постигшей их беды, о чем упомянутый капитан хорошо знает, потому что я в то время ему об этом сказал.

Посол и капитан поднесли мне 2 зеркала, 2 катти янтаря, 1 штуку шелковой ткани, 2 штуки серого сукна, 10 больших и 20 малых пачек бумаги, 10 бочонков пороха. Все это я получил и благодарю Его Превосходительство. И капитан Питер Кеттинг попросил разрешения остаться в моем королевстве, чтобы вести торговлю, на что я охотно согласился.

Я хотел бы найти в своем королевстве что-нибудь редкое для ответного подарка, но ничего такого не нашел. Поэтому я посылаю в подарок только 10 пикулей бензоина и 10 пикулей воска.

1 февраля 1665 г.

[101, 1665, с. 51—52].

63

С искренней дружбой написал это письмо пангеран Сурианата, который правит Банджармасином, генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, который пользуется всеобщим уважением.

Пангеран Сурианата посылает к генерал-губернатору с этим письмом Сута Нела и Нала Ита, чтобы засвидетельствовать свое расположение и ради утверждения искренней и прочной дружбы между Банджармасином и Батавией.

Далее, было бы хорошо, чтобы генерал-губернатор отозвал людей Компании, находящихся в Банджармасине, потому что пангеран Сурианата считает, что эти люди — неподходящие для Банджармасина, тогда у генерал-губернатора не будет с нами никаких трудностей. Если бог позволит, пангеран Сурианата направит перец на своих судах в Батавию, чтобы там его продать.

Далее, пангеран Сурианата сообщает генерал-губернатору, что он (пангеран Сурианата) послал судно в Аче для торговли, и, когда оно возвращалось в Банджармасин, его встретили в пути люди Компании, которые захватили все его товары. Поэтому я прошу, чтобы эти товары были возвращены моим послам Сута Нела и Нала Ита.

Пангеран Сурианата посылает в подарок генерал-губернатору 2000 банджармасинских гантангов перца и 2 ротанговых ковра шириною 9 пядей, которые просит принять в знак дружбы.

[101, 1665, с. 353].

64

Я, Наква Парабомараджа, король Камбоджи и прочая и прочая.

Я высоко ценю господина генерал-губернатора Батавии и благодарю его за дружеское письмо, которое я получил вместе с подарками.

Капитан и начальник [голландской] фактории, проживающий в моем королевстве, пришел ко мне и рассказал о долге, который Окья Сири Махараджа должен Компании. Я приказал расследовать это дело. Я посылаю Вашему Превосходительству бумагу, по которой Вы сможете получить этот долг с брата [Окья Сири Махараджа], находящегося в Батавии. Пусть небо охраняет светлейшую персону Вашего Превосходительства и принесет Вам счастье и долголетие.

Поскольку у нас в королевстве сейчас большая нехватка всего, извините, что посылаю Вам самую малость в подарок — 2 пикуля 13 катти воска, 5 пикулей 42 катти бензоина, 3 пикуля 4 катти гуммилака. [101, 1665, с. 399].

65

Я, Наква Сураит Раматипади, законный брат короля Камбоджи, получил письмо генерал-губернатора и был очень рад узнать, что он здоров. Я благодарю Его Превосходительство за то уважение, которое он мне оказал в своем письме. И я прошу простить, что я не могу ему послужить, как он [того] хочет. Ибо в «ашем королевстве не принято, чтобы люди поступали на службу к Его Превосходительству. Я могу служить только знаком приязни и посылаю Его Превосходительству в подарок 3 пикуля воска.

[101, 1665, с. 400].

66

Как солнце обходит весь мир, сияя тысячей лучей и даря свет всем в Четырех Концах вселенной, так и я, могучий в своем величии, счастливый в правлении, победивший Сенда Судормо Разу, знаменитый император.

Я даю знать могучему на море, подобному змее против своих врагов, храброму генерал-губернатору крепкого каменного города Батавии Иоанну Метсёйкеру следующее:

Ко мне явился капитан Даниэль Сикс, который живет у моих ног, под моей защитой, с письмом и подарками. Из письма я узнал, что губернатор находится в добром здравии, а также о том, что он в прошлом году направил к моим ногам два корабля, из которых один утонул при шторме, а другой был выброшен на берег близ Масулипатاما. И письмо, и подарки, посланные мне, при этом пропали.

Из письма губернатора я узнал, что он просит разрешения закупить рис и рабов. И я это разъяснил капитану Даниэлю Сиксу, живущему у моих ног, под моей защитой.

Пусть генерал-губернатор пришлет мне в будущем муссоне 500 больших и хороших зеркал, а я посылаю ему 5 драгоценных камней в оправе.

[101, 1665, с. 408—409].

67

...Получив письмо и подарки через капитана Даниэля Сикса, я издал фирман, разрешающий голландцам покупать рис и рабов, о чем меня просил в своем письме генерал-губернатор. И после того как я написал письмо генералу, как я это делаю все годы, капитан Даниэль Сикс со всеми шкиперами, не предупредив меня, тайно покинул мою землю. И я велел моему начальнику (порта) Серка Манорото узнать у капитана Даниэля Сикса, почему он тайно покинул мою землю, на что он ответил, что сделал это по приказу генерал-губернатора. А причина тому то, что Норомсит⁹⁰ через своего посла просил голландцев оказать ему помощь. А когда генерал-губернатор отказал ему в помощи, посол сказал, что Патсиа Норомсит — великий властелин и он легко может захватить королевство Аракан. И тогда генерал-губернатор приказал закрыть факторию в Аракане, потому что иначе голландцам не разрешат держать факторию в Бенгале. И в этом причина, почему Даниэль Сикс поступил таким образом.

Я всегда думал, что Голландия и голландцы ни от кого не зависят, а теперь из-за посольства Норомсита они так испугались, что убрали факторию из моей страны. Что же я думаю относительно слов Патсиа Норомсита, что он завоюет мою страну? При моих предках первые Патсиа много раз пытались это сделать, но никогда они не могли победить королевство Аракан. А теперь Патсиа Норомсит говорит, что он нас завоюет.

⁹⁰ Норомсит — губернатор Бенгала.

Много легче опрокинуть Вавилонскую башню, чем захватить мое королевство. Пусть об этом знает генерал-губернатор. Он человек осмотрительный и мудрый. Больше мне нечего сказать.

[101, 1665, с. 409].

68

...Письмо генерал-губернатора [к Нараю] было вручено с должными почестями 2-го дня седьмого месяца [12 мая] в Год Змейки. Из этого письма король узнал, что губернатор Джакарты благоденствует, что обрадовало короля, поскольку он очень любит губернатора Джакарты.

Далее в письме говорится, что китайцы причинили голландцам много зла, и поэтому на джонках, идущих в Японию, не должно быть ни одного китайского шкипера. Но этот [довод] мне уже известен.

Далее капитан Джакарты назначил голландского штурмана, с тем чтобы тот провел королевскую джонку в Японию. Этим капитан Джакарты показал свою справедливость. И я больше не буду посылать китайцев в Японию, ибо у меня теперь есть голландский штурман и артиллерист.

Но шкипер, писарь и остальная команда [сиамцы и малайцы], которые должны были плыть на джонке в Японию, не захотели и слышать о голландцах и вернулись обратно. А если бы я послал одних сиамцев, то произошло бы то же самое. Поскольку голландский штурман и рулевой знают дорогу [в Японию], то они довели бы судно до цели. Если же послать одних сиамцев и малайцев, то судно, и товары, и все, что на нем находится, погибнет, в чем я не сомневаюсь. А если я их [этих сиамских матросов] казню, то они будут мертвыми [только и всего]. А если я пошлю других сиамцев, они поступят так же.

Эти голландские штурманы и рулевой, которые сюда прибыли, знают, что джонка, которая вернулась, должна переждать этот муссон...

Далее, как сообщил Магомет Бакер, раб короля, посланный мною к королю Голконды, по прибытии в Масулипатам он получил большую помощь от англичан. Голландцы же [не только] не помогли королевскому рабу, но, напротив, отобрали у него слонов короля и его собственных и держали их у себя, в результате чего два слона сдохли.

После этого король Голконды [вмешался] и заставил вернуть слонов.

[В то же время] голландцы в Лигоре пользуются моим добрым расположением и покровительством; я разрешил им построить [там] факторию и торговать согласно обычаю. И если они мне на что-нибудь жалуются, я тотчас приказываю шабан-дару исправить положение дел.

И вот теперь голландцы задержали слонов короля, из которых двое сдохли. Цена же на них в тех отдаленных местах очень высока, что хорошо известно губернатору Джакарты. Поэтому пусть губернатор Джакарты напишет голландскому начальнику в Масулипатаме, чтобы он больше такого не делал.

...Далее, при отъезде Яна [ван Рейка] мы просили прислать хорошего писаря. И вот уже фактор Ян давно уехал, но до сих пор не прислали другого хорошего писаря, который бы жил в фактории. Кроме того, [мы] просили хорошего эмалиера, и человека, который умеет отливать чугунные пушки, и человека, опытного во всех областях воинского искусства. И губернатор Джакарты обещал найти [таких людей], а также артиллериста, и послать их сюда, чтобы они жили в фактории с Энохом Поол-вуттом. Если это будет сделано, губернатор Джакарты докажет свое доброе отношение ко мне.

Одновременно с этим я посылаю слона высотой 5 локтей и 4 пальца... в знак моей искренней доброжелательности по отношению к губернатору Джакарты с тем, чтобы все приезжающие и уезжающие [из Сиама] торговцы могли спокойно приезжать и уезжать, покупать и продавать.

Это письмо написано в четверг 14-го дня растущей луны одиннадцатого месяца в Год Змейки.

[101, 1665, с. 45—46].

69

Когда Лыанг Соррибани, капитан моего судна, посланного в Гоа, вместе с баталером Гон Рачасумалом (оба они королевские служащие) прибыли в Малакку, голландцы спросили их, куда они направляются. На это капитан ответил, что они идут из Сиам в Гоа и получили для этого пропуск от Эноха Поол-вута, и вручил пропуск малаккскому шабандару Яну Мезису, после чего шабандар сам прибыл на судно, подверг досмотру товары и потребовал уплатить 400 серебряных монет за право стоянки в порту. Когда же капитан отказался платить, его в течение многих дней удерживали в порту, но, наконец, шабандар сказал ему, что он в этот раз может не платить пошлину, но в будущем обязательно должен будет заплатить.

После этого корабль отплыл, и когда он проходил мимо Коломбо, где стояли три голландских корабля, эти корабли погнались за ним, обстреляли [сделав три залпа] и принудили его остановиться. Затем два голландских начальника с девятью матросами, вооруженные, поднялись на борт и подвергли капитана допросу. После ответа капитана, что они идут в Гоа и имеют пропуски от Эноха Поолвута и губернатора Малакки, и предъявления этих пропусков голландцы подвергли судно осмотру. При осмотре они нашли шесть мешков сахарного тростника, принадлежащих одному португальцу, и ящик с образцами [меди], относительно которого они спросили капитана, что это, но не поверили его объяснениям и разломали ящик. Убедившись в правоте капитана, они конфисковали только мешки с сахарным тростником, сославшись на то, что в голландском пропуске ничего о нем не говорится. Тогда капитан [Лыанг Соррибани] спросил имя голландского шкипера, и ему ответили, что шкипера зовут Корнелиус Крон, а писаря — Питер. Последний сказал, что, дабы избежать неприятностей, надо дать шкиперу какие-нибудь красивые вещи, и тогда он поможет. Тогда капитан дал шкиперу рулон красного сатина. После этого голландский шкипер привел сиамское судно в Басалор, где сахарный тростник был возвращен, но судно было задержано здесь еще на четыре дня.

Поскольку в настоящее время все голландские суда, приходящие в Аютию или Лигор, по велению Его Величества не только не платят какие-либо налоги или пошлины, а, напротив, бывают [буквально] осыпаны подарками и почестями, то Его Величество просит генерал-губернатора, чтобы он приказал губернатору Малакки, а также голландским властям в Басалоре и всем шкиперам, чтобы в будущем с джонками или судами служителей короля, плывущими в то или иное место или занесенными противными ветрами в голландские порты, не поступали подобным образом и не требовали с них уплаты пошлин. И это будет знаком истинного уважения генерал-губернатора к королю Сиам.

Ведь как раз в то время, когда Лыанг Соррибани отплывал [отсюда], он встретил голландское судно, идущее в Сиам из Тонкина, на котором не было больше воды, и служители короля помогли ему, дав воду.

С этим письмом король посылает генерал-губернатору слона высотой 5 локтей и 2 пальца, которого просит принять в знак своих дружеских чувств.

Дано в среду одиннадцатого месяца, в первую ночь новолуния в Год Лошади.

[101, 1666—1667, с. 198—200].

70

Это письмо Аннам Кокана, короля Тонкина, к господину генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру и всем господам Совета Индии. Я, король, правлю своим

королевством по праву, данному мне небом. И, подобно тому как Бог создал небо и землю для каждого, так и моя земля открыта для всех торговцев. Од-како все купцы, прибывшие в мою землю для торговли с одним муссоном, должны ее покинуть со следующим муссоном и не имеют права оставаться дольше. Однако голландским купцам я разрешил постоянно содержать в моей стране факторию, потому что я ценю голландцев больше, чем другие народы. Я отношусь к голландцам, как к собственному народу, и они могут посещать всю мою землю и торговать в ней, как мои собственные подданные.

Есть ли еще король, который сделал для них [голландцев] столько, сколько я. Подданные господина генерала торгуют также в Сиаме, Японии и других странах, но нигде их не встречают так радушно, как в моей земле. Пусть же голландцы свободно посещают мою землю, не испытывая никаких трудностей, и пусть наша старая дружба, скрепленная договором между мной и генерал-губернатором, будет нерушима.

В прежние времена генерал-губернатор присылал в Тонкин серу и селитру в большом количестве, а сейчас прислал мало. Также сукна и другие ткани, присылавшиеся раньше, были шире, длиннее и лучше по качеству, чем в этом году. Мне кажется, что генерал-губернатор теперь не так доволен мною, как прежде, потому что все, что теперь он прислал, такое плохое.

В письме, которое господин генерал прислал мне в прошлом году, он жалуется, что голландцы, прибывшие торговать в мою страну, получают в уплату только шелк и то по таким высоким ценам, что, вывозя его в Японию, они могут продать его только с убытком. В то же время другим купцам [в Тонкине] платят наличными деньгами, а китайским и японским купцам здесь поставляют шелк лучшего качества, чем голландцам. Но, да будет известно господину генералу, что в один год урожай бывает лучше, в другой хуже. Это зависит от господней воли, а не от людей.

Ведь этот год мои подданные приходили ко мне и приносили дань шелком. Так что в этом году с шелком гораздо лучше, чем в прошлом, и то, что я получил, я поставлю голландцам. И пусть господин генерал не верит, что я лучший шелк продаю другим купцам, а худший — голландцам. Мое сердце более расположено к голландцам, чем к любой другой нации. В моей стране всегда было обычаем при заключении контрактов оплачивать товары деньгами либо шелком. И то и другое в моей стране приносит равную выгоду.

Перед этим я был должен голландцам 16868 таэлей. В этом году я передал в уплату этого долга голландским капитанам на 5337 таэлей шелка и 11331 таэль серебра, чем погасил долг.

Господин генерал писал мне ранее, чем Компания терпит убытки, продавая [королю] селитру первого сорта по 8 таэлей, второго сорта — по 7 таэлей и третьего сорта по 6 таэлей за пикуль. Но, если господин генерал пришлет мне 1000 пикулей селитры, я заплачу по 10 таэлей за пикуль любого сорта. Если же будет прислано менее 1000 пикулей, то я заплачу не более чем по 9 таэлей за пикуль.

В зависимости от того, какие товары генерал пришлет в Тонкин, я смогу судить, склонно ли сердце генерал-губернатора ко мне или нет. Ибо если присланные товары окажутся для нас подходящими по ассортименту и качеству, я буду знать, что генерал-губернатор относится ко мне дружески. Но если товары будут плохими, я пойму, что генерал-губернатор ко мне относится плохо. Я же со своей стороны желаю, чтобы наши сердца были соединены так долго, как стоит мир.

Далее прошу, чтобы генерал-губернатор в обмен на деньги и другие товары, которыми мы заплатим, прислал следующее: 20 железных пушек с зарядами в 3 и 4 фунта пороха, 2 бронзовые пушки с таким же зарядом, 1000 пикулей селитры, 500 пикулей серы, 10000 двух- и трехфунтовых ядер, 20 пикулей красного сукна, 5 пикулей черного сукна, 5 пикулей синего сукна, 20 пикулей ткани «перпетуан» разных цветов, большое количество лучших сатинов, большое количество янтаря, 10 коралловых цепей из янтаря, белых льняных тканей, столько же, сколько в прошлом году, 2 бочки оливкового масла.

В знак уважения к господину генералу посылаю ему подарки: 375 катти шелка ему лично, а 250 катти шелка — его капитану.
[101, 1666—1667, с. 23—25].

71

Это письмо Падука Сири Султан, который правит всей землей Борнео [Бруней], посылает от чистого сердца генерал-губернатору, который правит всеми городами, крепостями и судами голландцев, который славен среди всех королей и князей и наводит страх на своих врагов. Пусть Бог принесет его земле благополучие и пусть оно длится, пока солнце и луна сияют на небе.

Падука Сири Султан посылает к генерал-губернатору два малых судна со своими послами орангкайя Сири Дева Индра Раджа Дутой и орангкайя Онданалела Она Дутой и этим письмом, в котором я прошу генерал-губернатора о том, чтобы мы долго могли оставаться в мире и чтобы Батавия и Борнео были как одна земля. И еще я желаю, чтобы всемогущий Бог даровал генерал-губернатору здоровья такого долгого, пока солнце и луна будут сиять на небе.

Я поручаю вышеупомянутые два корабля и моих послов генерал-губернатору и прошу, чтобы он заботился о них, как о своих подданных. И если мои послы в чем-нибудь ошибутся, я прошу генерал-губернатора их простить, пусть народ Батавии и Борнео будет как один народ. Я прошу также генерал-губернатора, чтобы мои послы после того, как они вручат это письмо, как можно скорее были посланы обратно. Падука Сири Султан узнал от других людей, что у генерал-губернатора много прекрасных пушек и мушкетов с порохом и пулями, цветные шелковые ткани, зеленый сатин, а также несколько точил и испанское вино. Также я прошу генерал-губернатора, чтобы он выдал мне несколько морских пропусков, чтобы я мог послать моих людей с Борнео в Сиам и Паттани.

В знак уважения к генерал-губернатору я посылаю ему 2 катти безоарового корня. Пусть генерал-губернатор не погнушается этим малым подарком [сделанным] от чистого сердца.

[101, 1666—1667, с. 91—92].

72

Мне будет приятно и утешительно узнать, что это письмо передано в собственные руки Вашего Превосходительства, и если, согласно моему желанию, Ваше Превосходительство находится в добром здравии, я готов выполнить все желания Вашего Превосходительства и послужить Вам, чем только смогу. Я сообщаю Вашему Превосходительству, что после смерти моего отца я стал королем, а мой сын. Пангиан Салисал,— полковником или полководцем у испанцев. Я почтительно прошу Ваше Превосходительство, если Вы сочтете это справедливым, присылать сюда каждый год торговое судно, чтобы покупать и продавать. У нас есть такие товары, как сигей, черепахи, жемчуг и прекрасный рис. Я сообщаю об этом, чтобы Вы, ьа-ше Превосходительство, могли ориентироваться в обстановке.

В свое время капитан-майор Пангиан Саликале прибыл отсюда — в Джакарту, чтобы попросить помощь и войско против Замбоанги, и ему было сказано, что, когда он вернется, чтобы нанести удар по крепостям Замбоанги, ему пришлют 8 пушек, каждая 3 локтя длиной. Но когда наши суда с солдатами отплыли и приблизились к Замбоанге, эти пушки не прибыли, как обещано. Поэтому я прошу Его Превосходительство господина губернатора выразить мне свое расположение и одолжить упомянутые 8 пушек. Со своей стороны, я заплачу за это 400 реалов. И если Его Превосходительство господин губернатор готов сделать этот дружеский жест, я ожидаю в этом году письменного ответа Его Превосходительства.

Это письмо написано по-испански, потому что посол, который его доставит, [по национальности] малаец и я боюсь, что, если бы оно было написано по-малайски, его перевод был бы неточен.

Вместе с письмом я посылаю Вашему Превосходительству жемчуг изрядного качества. Прошу принять эту мелочь. Желаю Вашему Превосходительству крепкого здоровья. Всегда готовый служить Вашему Превосходительству [Подпись] Панджанг Баттикак. Холо, 15 марта, 1666 г.

[101, 1666—1667, с. 93—94].

73

Постоянная торговля, которую наши подданные ведут уже около 30 лет, сделала Батавию и нашу страну как бы одной землей. Голландцы пользуются у нас большими свободами, чем все другие иностранцы, и мирно ведут свою торговлю, без каких-либо притеснений. Что же касается шелка, который у нас производится, то по давно установившемуся обычаю мы поставляем его голландцам по установленной цене.

Далее я прошу генерал-губернатора прислать мне 1500 пикулей серы. Сейчас я второй раз получил письмо от генерал-губернатора и Совета Индии, вместе с которым прислали только селитру, а пушки, ядра и серу, о которых я просил, мне не прислали. Из письма явствует, что сера пропала и будет стоить не менее 6 таэлей. А что касается пушек и ядер, то голландцам их не хватает в своих крепостях. Но, учитывая, что генерал-губернатор владеет местом, откуда происходят эти товары, а мне больше неоткуда их получить, я вторично прошу генерал-губернатора и господ из Совета Индии помочь мне укрепить мои города. Также прошу прислать сукно, ткань «перпетуан» и другие товары, а я заплачу за них по старым ценам шелком. Как прежде, за пикуль хорошей селитры я заплачу 10 таэлей шелком, а за серу — 4 таэля за пикуль, что было обычной ценой во все времена. И я не могу одобрить ваше требование платить за серу 6 таэлей за пикуль, потому что нынешняя цена на серу не выше, чем 3 таэля 8 маасов, однако я готов платить по 4 таэля. Пусть же генерал-губернатор и господа из Совета Индии соблаговолят прислать мне эти товары по вышеупомянутой цене, а я заплачу за них шелком по обычной цене, чтобы наша дружба не была [ничем] омрачена.

Я посылаю в подарок генерал-губернатору белый шелк. Прошу прислать мне следующие товары: 20 больших железных пушек с зарядом в 5, 6 и 7 фунтов пороха, 2 бронзовые пушки с зарядом в 5 фунтов пороха, 1000 пикулей селитры, 500 пикулей серы, 20 000 штук ядер, 20 штук красного сукна, 5 штук синего сукна, 5 штук черного сукна, ткань «перпетуан» по 20 штук каждого цвета, большое количество неотделанного янтаря, 10 цепей с круглыми кораллами из янтаря, различные платья, белое полотно в обычном количестве, 2 бочки масла, большое количество меди и олова.

[101, 1666—1667, с. 221—222].

74

Это письмо от Аннам Кокона генерал-капитану Иоанну Метсёйкеру и всем грандам Батавии, которые говорят и действуют справедливо и с которыми я нахожусь в таком союзе, что Батавия и Тонкий стали как одна земля, пусть Бог дарует долгие годы обоим. Я слышал, что [Компания] послала в Китай несколько больших судов, и я желаю ей удачи в этом предприятии.

Что касается шелка в Тонкине, то на него установлена твердая цена, такая же, как и в прошлом году. Я не получаю от этого прибыли. Равным образом, запрошенные мною 150 тысяч катти селитры были доставлены сюда двумя рейсами, но я не получил серы, ядер и больших пушек. Генерал-губернатор пишет, что они нужны ему самому для обороны своих крепостей, но положение генерал-губернатора не такое тяжелое, чтобы он

не мог помочь мне в обороне моих крепостей. Если раньше, когда Батавия боролась со своими врагами, этого вооружения ей было достаточно, то теперь, когда она отразила [нападение] своих врагов, она уже не должна ссылаться на эту причину и может удовлетворить мою просьбу.

Что же касается сукна, ткани «перпетуан» и других товаров, которые я запрашивал, я их получил достаточное количество и заплатил за них по прежним ценам. За хорошую селитру я буду платить 10 таэлей за пикуль, а за серу — 4 таэля за пикуль, цену, которую я всегда платил, хотя сейчас сера продается по 3 таэля 8 маасов за пикуль.

Перед этим я послал в Батавию шнур с круглыми кораллами из янтаря, чтобы в Батавии его скопировали, мне еще не прислали его обратно. Поэтому я прошу прислать товары, о которых будет сказано ниже, скорее, а я заплачу за них по справедливости. Я прошу также не прекращать поставку селитры. Шелк, который я перед этим послал генерал-губернатору, это, конечно, скромный подарок. Но я его послал от чистого сердца в знак прочной дружбы и союза между Батавией и Тонкином, чтобы они жили, как братья.

Прошу прислать следующее: 2 большие бронзовые пушки, каждая с зарядом в 4 фунта пороха, 20 больших и малых пушек, большие с зарядом в 5 и малые с зарядом в 3 фунта пороха, подобные тем, что [были] присланы в прошлом году, 100 тысяч пикулей селитры, 50 тысяч пикулей серы, 10 тысяч ядер, 20 штук красного сукна, 5 штук черного сукна, 5 штук синего сукна, ткани «перпетуан» каждого цвета по 20 штук, партию янтаря, 10 шнуров янтарных кораллов, партию набивных тканей, партию белой льняной ткани, такую, как в прошлом году, 2 бочки масла, партию меди, партию свинца.

В подарок генерал-капитану я посылаю шелка на 6000 таэлей.

[101, 1666—1667, с. 401—402].

75

...Один из наших служителей, Хасиа Хоби, сообщил нам, что он сел в Сиаме на корабль тамошнего короля, идущий в Китай, имея при себе различных товаров на 7000 рупий.

Во время имевших место распрей между сиамцами и голландцами последние захватили упомянутый корабль и все товары.

Впоследствии, когда спор между ними был улажен, сиамцы получили обратно свои товары, но наш подданный не получил. В доказательство этого он представил соответствующие свидетельства и документы...

[101, 1666—1667, с. 355].

76

Нижеследующий договор заключен между могущественным Падука Сири Султаном Хассан Удином [Хасан-уд-дином], королем Макасара, с одной стороны, и господином Корнелисом Спеелманом, суперинтендантом и комиссаром Восточных провинций, адмиралом и главнокомандующим морских и сухопутных сил от имени Его Превосходительства генерал-губернатора Иоанна Метсёйкера и Совета Индии, представляющих правление Генеральной Объединенной Нидерландской Ост-Индской компании, с другой стороны, чтобы утвердить вечный, прочный и добрый мир, дружбу и союз

1

Сим подтверждается договор, заключенный 19 августа 1660 г. в Батавии между послом короля [Макасара] Пупу и господином генерал-губернатором и Советом Индии, а также договор от 2 декабря 1660 г. между упомянутым королем и Якобом Кадом, послом Его Превосходительства, во всех частях и пунктах.

2

Без какой-либо отсрочки и без каких-либо исключений все европейские служащие и подданные Компании, находящиеся на землях Макасара, должны быть переданы адмиралу, независимо от того, бежали ли они [в Макасар] недавно или давным-давно.

3

Правительство Макасара передаст в руки Компании все корабельное оборудование, пушки, деньги и товары, спасенные с потерпевших кораблекрушение кораблей «Кит» (в Залейере) и «Львица» (у острова Дон Доанго).

4

Будет произведен быстрый и справедливый суд в присутствии голландского резидента над лицами, которые еще живы и повинны в убийствах голландцев в различных местах. И вышеупомянутое правительство [Макасара] должно разыскать этих лиц на страх подобным злодеям в будущем.

5

Король и правительство Макасара обязуются принудить всех должников Компании уплатить долги с процентами, а если должников на месте не окажется, само правительство уплатит их долги, если не в этот сезон, то в следующий и без дальнейшей отсрочки.

6

Согласно ранее заключенному договору, все без исключения португальцы вместе с их сторонниками должны быть изгнаны из королевства, где бы они в нем ни находились. А так как англичане были подстрекателями разрыва упомянутых договоров (с Макасаром), то они также должны быть изгнаны из королевства вместе со своими сторонниками. И если кто-нибудь из лиц упомянутых наций или их приверженцев вернется в области, подвластные Макасару, чтобы вести торговлю или иные дела, их не следует впускать. Равным образом правительство Макасара не станет допускать на свою территорию представителей каких-либо других европейских наций.

7

Из числа европейцев только одна (нидерландская) Компания будет пользоваться правом свободно торговать в Макасаре. И ни одна индийская [азиатская] нация, будь то мавры [мусульмане], яванцы, малайцы, ачехцы, сиамцы и т. д. без исключений, не будет иметь права привозить сюда Коромандельские, суратские, персидские, бенгальские ткани и другие товары, а также товары из Китая. Только Компания будет иметь право привозить эти товары. И, если кто-нибудь нарушит этот запрет, их ткани и другие товары будут конфискованы в пользу Компании, а нарушители будут наказаны. Этот запрет, однако, не касается простых тканей, которые производятся на побережье Явы.

8

Компания освобождается от всяких пошлин при ввозе и вывозе товаров, будь то деньгами либо товарами.

Правительство и подданные Макасара с этого времени имеют право плавать только на [острова] Бали, Яву, в Джакарту, Бантам, Джамби, Палембанг, Джохор, на Борнео. Для этого они должны получать пропуск от здешнего резидента Компании, иначе с ними будут поступать, как с врагами. С этого времени они не имеют права плавать на Биму, Солор, Тимор и т. п., а также к востоку от мыса Лаоса и ни в какие места к северу или к востоку от Борнео, на Минданао, или острова, [расположенные] близ него, под страхом потери жизни и имущества.

10

Что касается приморских укреплений Макасара, построенных для обороны против Компании, то после подписания этого договора они все должны быть срочно срыты: [форты] Боррам-бон, Паннекуке, Грессе, Мариссон, Борребос или другие. Только большой форт Самбупо оставляется королю. И в дальнейшем Макасар не должен строить нигде никаких укреплений, [не получив] согласия Компании.

Что касается форта Уджунгпанданг, то после подписания этого договора макасарский гарнизон должен оставить его и передать Компании в полном порядке, чтобы

она поместила там свой гарнизон. И земля, и деревня, прилежащие к этому форту, будут под властью Компании, и власти Макасара не будут вмешиваться в дела их жителей. Компания же обязуется не предоставлять на этой территории убежища злоумышленникам или должникам короля и знати. А (голландская) фактория будет возведена внутри или вне форта — по выбору Компании.

12

Голландские монеты, которые ходят в Батавии, ригсдалеры [рейксталеры], шиллинги, двойные стуйверы и питок, должны иметь хождение и здесь, и правительство Макасара должно принуждать принимать их на базарах (тех, кто не хочет этого делать).

13

В связи с нарушением последнего мирного договора король и знать Макасара обещали передать Компании 1000 рабов и рабынь, молодых, здоровых и взрослых людей, которые могут выкупиться сами или быть выкуплены за пушки, золото или серебро по установленной в Макасаре обычной цене в 2 с половиной таэля или 40 золотых макасарских маасов за каждого, с тем чтобы по крайней мере половина этой суммы была выплачена до июня (1668 г.), а остальное уплачено в следующий сезон.

14

Отныне и впредь король Макасара не должен вмешиваться в дела Бимы.

15

Вышеупомянутое правительство (Макасара) извещено о жестоких убийствах и великих мошенничествах, которые король Бимы, его зять краин Домпо, радья Тамборра, радья Сангарре и их сторонники, числом 25 человек, учинили против Компании. Оно [правительство] обязуется схватить их, где бы они ни находились, и передать Компании для надлежащего наказания. В это число не входят краин Монтемарано, который смиренно покался в своих злодеяниях.

16

Королю Бутона [Бутунга] будут возвращены люди, которые во время нападения макасарцев на его землю были ограблены и угнаны, те из них, которые еще живы. А за тех из них, которые после продажи (в рабство) умерли, ему будет выплачено денежное возмещение.

17

Такое же возмещение, как в 16-м пункте, получит король Тернате за пострадавших людей Ксуласа.

18

Далее. Вышеупомянутое правительство отказывается от всякой власти над землями бугов [Бони] и Луву, монархов которых оно признает как свободнорожденных князей и господ [своих земель]. Далее, оно обещает немедленно освободить и передать нам бывшего короля Соппенга вместе со всеми его землями, женами, детьми, домочадцами, имуществом, а также освободить всех других знатных бугов, которые находятся в королевстве Макасар в заключении или в ссылке вместе с их женами и детьми, что послужит укреплению справедливого мира и дружбы.

19

Также договорено, что короли Лайо и Банкала вместе со всей землей Турата и Паджинг будут признаны свободными от всякой зависимости от Макасара.

20

Все земли, которые Компания и ее союзники в ходе войны завоевали от Булу-Булу до земель Турата, останутся завоеванными землями Компании и ее союзников по праву войны. Поэтому король больше не имеет никакого права ни на них, ни на их жителей.

21

Земли Ваджо, Булу-Булу и Мандхаар причинили зло Компании и ее союзникам. Вышеупомянутое правительство отказывается от них и передает их нам, обязуясь с. этого

времени не помогать им ни прямо, ни косвенно, ни людьми, ни оружием, ни порохом, ни делом, ни советом.

23

Вышеупомянутое правительство обещает в дополнение к 6-му пункту, что закроет свою страну для всех других наций, а в случае, если кто-нибудь из них захочет вернуться силой, отражать эту попытку всеми возможными средствами. Если же своих сил не хватит, надо пригласить на помощь Компанию. И Макасар также обязуется оказывать Компании всяческую поддержку в борьбе против ее врагов здесь или близ Макасара. И (Макасар) обязуется не вступать в мирные переговоры или другие сношения с народами, которые воюют с Компанией.

24

Весь этот договор с королем и знатью Макасара о прочном мире, дружбе и союзе заключается также от имени могущественных королей Тернате, Тидоре, Бачана, Бутона [Бутунга], королей Бонн, Сопинга, Лубу, Турата, Лаайджо, Баджинга со всеми их землями и подданными. А также от имени [короля] Бимы и других подобных королей и князей, которые захотят присоединиться к союзу.

25

Если же между союзниками, упомянутыми королями, случится какое-нибудь недоразумение и произойдет спор, стороны не должны сразу причинять друг другу зло или вступать в войну [друг с другом], им следует этот спор представить на рассмотрение капитана голландцев, чтобы с его помощью [попытаться] этот спор уладить и сохранить доброе братство. Но если одна из сторон не слушает уговоров посредника и остается упорной, не следуя советам, тогда все объединенные союзники должны помогать другой стороне, исходя из обстоятельств дела и права.

26

Когда этот договор будет подписан и к нему приложат печать, король и знать Макасара выберут двух королей из числа членов Совета, таких, как краин Телло, Линкес, Пупу, Кронрон, Грессе, Каттапан, или по крайней мере двоих по выбору из вышеупомянутого правительства, чтобы они представили этот мирный договор Его Превосходительству господину генерал-губернатору и Совету Индии и получили их согласие на него. После чего упомянутые господа вернутся домой. Но господин генерал будет иметь право, когда ему будет угодно, потребовать от двух упомянутых королей сыновей в качестве заложников, и если король Макасара захочет, по истечении года эти заложники будут заменены другими, а Компания будет этих принцев содержать в хороших условиях, так, чтобы никто не причинил им вреда.

27

Английская Компания со своими товарами может отсюда выехать в Батавию, и король не должен этому мешать.

28

В дополнение к 15-му пункту (Макасар) обещает, что, если короли Бимы и Монтемарано в течение 10 дней не будут найдены живыми или мертвыми, тогда в руки Компании будут переданы их сыновья.

29

Правительство Макасара уплатит Компании в возмещение военных убытков 250 тысяч реалов в течение пяти муссонов, будь то в пушках, товарах, золоте, серебре или в драгоценностях.

30

Все вышеперечисленные пункты должны свято соблюдаться королем Макасара и его грандами и Компанией в лице адмирала, а также всеми королями и принцами, входящими в этот союз. Они подписаны и скреплены печатью в пятницу 18 ноября 1667 г. [96, т. II, с. 371—380].

Это письмо от чистого сердца посылает Янг Депертуан, великий король Камбоджи, генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру и Совету Индии, правящим в городе Батавия. Ранее генерал-губернатор послал капитана Питера Кеттинга и купца Вейперслота в Камбоджу, чтобы они явились к Янг Депертуану и жили под его властью как его подданные. И Янг Депертуан этим был очень обрадован, потому что он был весьма благосклонен к голландцам. Но затем в город Янг Депертуана прибыли китайцы и совершили здесь неслыханное злодеяние — одних голландцев убили, а других принудили бежать. И Янг Депертуан не знал об этом. Когда же ему об этом сообщили, он послал своих людей отыскать голландцев, которые убежали в лес. Когда же их нашли и привели обратно, Янг Депертуан приказал своим министрам расследовать, по какой причине китайцы убили голландцев. И допрошенный китаец ответил: «Мы убили голландцев, потому что ко мне пришли три голландца и сказали, что голландцы хотят нас убить, и по этой причине мы убили голландцев». Тогда Янг Депертуан сильно разгневался и приказал допросить упомянутых трех голландцев, как было дело. И они ответили, что так и было, как сказал китаец, голландцы первые хотели их убить. Этого Янг Депертуан не мог позволить и приказал казнить китайца Пиауджа и шабан-дара китайцев за их злые дела.

Далее. Генерал-губернатор прислал Янг Депертуану письмо, в котором спрашивал об упомянутых трех голландцах. А они, испугавшись, снова убежали, о чем Янг Депертуан сообщил в своем письме генерал-губернатору. После этого Янг Депертуан приказал снова отыскать голландцев, и их нашли, но китайцы тем временем убежали в Сиам. Тогда Янг Депертуан приказал снарядить судно, чтобы отправить этих трех голландцев в Батавию, но тут стало известно о приближении флота Коксинги, так что приказ Янг Депертуана нельзя было выполнить. Затем Янг Депертуан ждал, что генерал-губернатор пришлет свое судно, чтобы забрать этих трех голландцев, но и этого не случилось. Тогда в Камбоджу пришел корабль Интчи Лананга для торговли, и, поскольку этот Интчи Лананг прежде был подданным Янг Депертуана, Янг Депертуан поручил этому капитану, Интчи Ланангу, отвезти трех голландцев на своем судне в Батавию. И пусть за все свои деяния эти три голландца предстанут перед справедливым судом генерал-губернатора.

На этот раз Янг Депертуан может послать в подарок генерал-губернатору только 4 пикуля бензоина, да не погнушается он этим скромным подарком.

[101, 1670—1671, с. 3—5].

Светлейшему королю привет и свет божественной милости. Мы с великим удовольствием узнали, что королевство Вашего Величества ныне под Вашим правлением одна из самых счастливых стран Востока. Мы испытываем даже особую симпатию к Вам и высоко ценим милосердие, справедливость и все прочие королевские добродетели [Ваши], которые молва разнесла повсюду, но в особенности величие души, которое подвигнул Вас обращаться не только с обычной справедливостью, но и особенной добротой с теми, кто исповедует христианскую религию и живет по заветам святого благочестия. Наш почтенный брат епископ Гелиополя, свидетель Ваших добродетелей, недавно рассказал нам о них. И столица христианского мира вознесла громкую хвалу в Вашу честь. Его же [епископа Гелиополя] мы охотно отправляем, по его настоятельной просьбе, к Вашему Величеству, с тем чтобы удовлетворить его пылкое рвение обеспечить вечное блаженство всех народов, не знающих веры в истинного Бога.

Этот прелат подробно сообщил о могуществе Вашего государства и Ваших героических добродетелях, сообщил нам бесконечно приятную для нас вещь, когда рассказал, что Ваше Величество щедро пожаловало нашему почтенному брату епископу

Берита и ему [епископу Гелиополя] земельный участок и строительные материалы для постройки церкви и дома в Вашей столице.

Он добавил, что они [епископы] получили от Вашего Величества множество других знаков особенного благоволения и великой склонности Вашей покровительствовать им во всем намного больше, чем вы покровительствовали до сих пор [другим] христианам, рассеянными по Вашей империи.

Мы поручаем ему неотступно просить Ваше Величество покровительствовать священным особам епископов и тем, кто почитает, как они, истинного Бога, защищать их от нападков врагов и притеснений несправедливых людей и поддерживать их во всех случаях.

Тот же прелат передаст Вам от нашего имени несколько подарков, которые сами по себе не очень значительны, но мы умоляем принять их как свидетельство высокого мнения Нашего о Вашей августейшей особе. Пусть [Ваше Величество] не оставляет уверенность, что мы будем беспрестанно умолять Господа Всемогущего, чтобы он даровал Вашему Величеству, после того как Вы будете осияны божественным светом, счастливое царствование, долгую жизнь и вечное блаженство, которым он вознаграждает на небе справедливых, служивших ему на земле. Этого мы просим в данную минуту у его бесконечной милости со всей силой наших желаний. Дано в Риме 24 августа 1669 г.

[245, с. 42—43].

79

Высочайший, превосходнейший, могущественнейший монарх, наш дражайший и добрый друг!

Узнав о милостивом приеме, который Вы оказали тем НА наших подданных, которые, движимые пылким рвением к нашей святой Религии, решились нести свет веры и Евангелия в пределы Вашего Государства, мы с удовольствием пользуемся случаем возвращения съера епископа Гелиополя к Вам, чтобы засвидетельствовать нашу признательность и сообщить Вам в то же время, что мы чувствуем себя обязанными даром, который Вы пожаловали съеру епископу Берита — не только землей для жительства, но даже материалами для постройки церкви и дома. И поскольку им часто могут представиться случаи прибегать к Вашему покровительству и Вашей справедливости, мы верим, что Вы будете оказывать им и всем другим нашим подданным всяческое благоволение. Будьте уверены, что милости и покровительство, оказанное Вами, будут для нас крайне дороги, и Мы с радостью воспользуемся случаем отблагодарить Вас, умоляя Бога, чтобы он умножил Ваше Величие, высочайший могущественнейший и превосходнейший Принц, дражайший и добрый друг.

Дано в Париже 31 января 1670 г. [Подпись] Ваш дражайший и добрый друг Луи.

[245, с. 65].

80

Это письмо в знак чистой и искренней приязни, которая останется нерушимой днем и ночью, султан Аганг, который сидит на троне Джамби, посылает генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, сидящему на троне в Батавии...

Далее я сообщаю генерал-губернатору, что народ Джамби находится в войне с народом Джохора и люди Джамби не отступили перед людьми Джохора, но, напротив, обратили их в бегство. Многих из них мы убили и взяли в плен, и теперь Джамби мог бы разорить город Джохор. Однако мы с джохор-цами братья по вере и таковыми всегда останемся. Когда ранее генерал-губернатор Иоанн Метсёйкер воевал с султаном Бан-тама, султан Аганг послужил им посредником в заключении мира. Теперь же пусть генерал-губернатор послужит посредником в заключении мира между Джамби и Джохором.

Я не могу послать в подарок ничего, кроме моей вечной приязни и симпатии. [101, 1670—1671, с. 137].

81

Король Тонкина посылает это письмо королю Батавии, города, в который все народы приходят для торговли...

Когда подданные короля Батавии прибывают, чтобы меня приветствовать, я их встречаю с большой благосклонностью. Недавно я узнал, что в Тонкин из Батавии отправлено три корабля. Из них, однако, сюда прибыло только два. С ним не прислано никаких писем, а также (на них) не хватает многих товаров, И я этим весьма огорчен.

Теперь с одним из этих судов, возвращающихся обратно, я посылаю это письмо королю Батавии, желая сообщить ему, что за товары, которые он сможет прислать в будущем, включая большие пушки, я заплачу шелком, соответственно их стоимости. Также я прошу, чтобы мне прислали артиллерийского инструктора Маса, с тем чтобы он остался при мне. И если генерал-губернатор выполнит мои просьбы, наша дружба будет нерушима, пока солнце и луна сияют на небе.

И еще я прошу продать мне: 2 большие пушки, 6 средних и 6 малых пушек, 50000 ядер, в том числе 10000 больших, 30000 средних и 10000 малых, 1000 пикулей селитры, 500 пикулей серы, 20 штук красного сукна, 5 штук черного сукна, 5 штук синего сукна, 5 штук белых, 20 штук красных и 5 штук синих хлопчатых тканей, большую партию крупного янтаря, 10 шнуров янтарных ожерелий, большую партию цветного платья, 6 бочек масла, большую партию меди и олова.

[101, 1670-1671, с. 205—206].

82

Это письмо от чистого сердца и в знак неизменной приязни Янг Депертуан, король Камбоджи, посылает генерал-губернатору и Совету Индии, правящим в городе Батавия, с пожеланием, чтобы Камбоджа и Батавия всегда пребывали в дружбе. Янг Депертуан получил письмо и подарки, которые генерал-губернатор и Совет Индии прислали ему с судном Интчи Лананга, и его сердце возрадовалось. И ему было это также приятно, как если бы генерал-губернатор и Совет Индии лично явились бы к Янг Депертуану. И Янг Депертуан молит всех богов, чтобы генерал-губернатор и Совет Индии всегда одерживали победы над своими врагами.

Я посылаю Интчи Ибрагима с этим письмом к генерал-губернатору и Совету Индии в знак подтверждения дружбы между Камбоджей и Батавией. Пусть она остается нерушимой и поддерживается постоянным обменом послов.

Далее генерал-губернатор и Совет Индии сообщают мне, что по поводу действий трех голландцев было проведено следствие и они признаны невиновными. Может быть, это — правда. Но пока они были в Камбодже, они два или три раза убегали, и Янг Депертуан каждый раз приказывал их разыскивать. И вельможи Камбоджи провели по этому поводу следствие. И оказалось, что они очень виновны, по их вине погибли голландцы, находившиеся в Камбодже. И португальцы, и малайцы сообщили, что они очень злые люди. И поэтому Янг Депертуан приказал отправить их к генерал-губернатору и Совету Индии. Воистину подобные плохие люди никогда не скажут правду. Но если генерал-губернатора и Совет Индии не удовлетворило мое сообщение, я могу приказать провести дальнейшее расследование и опросить всех купцов, прибывающих в Камбоджу, чтобы представить новые доказательства [вины трех голландцев]. Я верю, что генерал-губернатор и Совет Индии предадут виновных справедливому суду.

Далее. Янг Депертуан посылает в подарок генерал-губернатору и Совету Индии 4 пикуля бензоина и 2 пикуля воска в знак взаимной приязни.

[101, 1670—1671, с. 275—276].

83

Это письмо Янг Депертуан, король Камбоджи, посылает от чистого сердца генерал-губернатору и Совету Индии, великим и непобедимым правителям города Батавии, да пожалует им Бог долгую жизнь в этом мире.

Мне было приятно получить письмо генерал-губернатора и Совета Индии, присланное с судном моего посла Интчи Брахама, ибо это укрепляет дружбу между Камбоджей и Батавией, да будет она навеки нерушима.

В знак этой дружбы я посылаю генерал-губернатору и Совету Индии скромный подарок: 50 катти бензоина высшего качества, 120 катти бензоина среднего качества... пикулей воска.

[101, 1672, с. 17—18].

84

В этом письме Окния Клахум посылает большой привет и выражает свою искреннюю приязнь генерал-губернатору и Совету Индии, величественно правящим в городе Батавии и знаменитым во всех странах своей справедливостью и щедростью.

Письмо и подарок, присланные генерал-губернатором и Советом Индии через Интчи Брахама Окния Клахуму, он получил и благодарен. Пусть взаимная приязнь между двумя землями — Камбоджей и Батавией будет всегда нерушима.

В знак искренней дружбы посылаю генерал-губернатору и Совету Индии 2 пикуля воска.

[101, 1672, с. 18].

85

Анам Коконг, король Тонкина, отвечает на письмо Иоанна Метсёйкера и его Совета, которые величественно и мудро правят своим народом.

Письмо и подарки Вашего Превосходительства приняты нами с большой благосклонностью.

Я узнал из письма, что в Батавии мало селитры и поэтому Его Превосходительство не может прислать ее в большом количестве. Поэтому я прошу в следующий раз прислать ее больше, я заплачу за нее шелком. Что же касается пушек и ядер, то Его Превосходительство прислал их меньше, чем я просил, поскольку Его Превосходительство сам в них нуждался. Но так как и я в них очень нуждаюсь, прошу с первым же судном, которое отплывает в Тонкин, исполнить мое желание и прислать пушки, о которых Его Превосходительство ранее писал. Ибо я намереваюсь вести войну, и, если с помощью Компании одержу победу, я никогда не забуду этой помощи. И еще я прошу прислать в Тонкин хорошего артиллериста. Я ему предоставлю хорошее жилье и плату и буду всячески о нем заботиться.

Вместе с этим судном, которое отплывает в Батавию, я посылаю Вашему Превосходительству подарки в знак моей благосклонности. Пусть добрые отношения и дружба между Батавией и Тонкином продлятся, пока солнце и луна сияют на небе.

Я прошу Ваше Превосходительство прислать мне следующее: 4 пушки, заряжаемые 6 фунтами пороха, 1000 пикулей селитры, 500 пикулей серы, 4000 больших ядер, 58000 обычных ядер, 38000 малых ядер, 5 пикулей черного сукна, 5 пикулей синего сукна, 20 пикулей красного сукна, 20 пикулей красной ткани «перпетуан», 5 пикулей синей и 5 пикулей пепельно-серой, 10 штук больших янтарных коралловых цепочек, как я раньше просил, партию белой одежды, партию разноцветной одежды, партию больших

кусков янтаря, партию меди, партию олова, испанских реалов, как я раньше просил, 5 бочек лиссабонского масла.

Писано в девятый год моего правления, 27-го числа восьмого месяца.
[101, 1672, с. 67—69].

86

Генерал-губернатор и Совет Индии в Батавии посылают в этом письме Янг Депертуану, королю Камбоджи, почтительный привет и пожелание долгой жизни и здоровья и исполнения всех желаний на земле и на небе, которые может пожелать человек.

Далее, генерал-губернатор и Совет Индии сообщают, что письмо короля Камбоджи, которое он соизволил прислать в прошлом муссоне на джонке Интчи Лананга, жителя этой местности, они получили, так же как и подарки, а именно 50 катти бензоина высшего качества и 120 катти бензоина среднего качества и 6 пикулей воска. Это письмо и подарки были для них очень приятны, так как они свидетельствуют об искренней приязни короля Камбоджи и желании поддерживать мир и дружбу с генерал-губернатором и Советом Индии ради благополучия и счастья подданных как Камбоджи, так и Батавии. И пусть небо соблаговолит, чтобы это положение продолжалось, пока солнце и луна сияют на небе.

В знак уважения и искренних чувств генерал-губернатор и Совет Индии посылают Янг Депертуану скромный подарок: 20 пикулей бенгальской кассы и 28 пикулей красного бетеля.

[101, 1672, с. 162—163].

87

Иоанн Метсёйкер, генерал-губернатор, и Совет Индии посылают это письмо Анам Кохону, королю Тонкина в знак дружбы и чтобы сообщить о получении королевского письма, присланного генерал-губернатору, что доставило нам огромное удовольствие.

Из этого письма мы узнали, что Его Величество нуждается в большом количестве селитры, поэтому мы постараемся ее послать столько, сколько сможем. С первым же судном мы пошлем столько, сколько сможет вместиться, а с двумя следующими, если только Господь Бог даст рейсу благополучно завершиться, Его Величество получит недостающее количество. Что касается пушек и ядер, о которых пишет король, то с первым же кораблем мы пришлем больше ядер, чем в прошлом году. А со следующими судами пришлем еще некоторое количество. Мы узнали из письма Вашего Величества, что Вы собираетесь вести войну. Но для нас это невозможно. Мы сами готовимся к войне и испытываем большую нужду в оружии, особенно пушках. Однако чтобы выразить нашу добрую волю, мы посылаем вам две прекрасные шестифунтовые пушки, что, надеемся, будет Вам приятно.

Нам было особенно приятно узнать, что Ваше Величество подарил нам 6000 таэлей шелка. Это дает надежду полагать, что наша дружба стоит на прочной основе и будет длиться, пока солнце и луна сияют на небе.

Что касается других запрошенных Вами товаров, а именно ткани «перпетуан» и различных белых льняных тканей и лиссабонского масла, мы надеемся удовлетворить Ваше Величество. С первым кораблем мы пошлем столько, сколько позволит его емкость, за исключением того, что в этом году у нас нехватка сукна, но надеемся, что в следующем году положение улучшится.

Желаем Вашему Величеству всяческого добра и удачи, долгой жизни и благополучия вашим землям, а также победы над вашими врагами. В знак искренних

чувств к Вашему Величеству посылаем Вам следующие подарки: 2 пикуля серого сукна, 1 пикуль зеленого сукна, 1 пикуль черного сукна, 1 большое зеркало.
[101, 1672, с. 194—195].

88

Это письмо Б знак чистой, искренней и нерушимой приязни Янг Депертуан, король Камбоджи, посылает генерал-губернатору и Совету Индии, правящим в городе Батавии, и желает им победы над своими врагами.

Далее Янг Депертуан сообщает, что прежний Янг Депертуан умер и нынешний Янг Депертуан унаследовал его трон, о чем и посылает это письмо с судном Интчи Лананга, дабы дружба и обмен посольствами между Камбоджей и Батавией продолжались и впредь.

В знак приязни он посылает генерал-губернатору и Совету Индии скромный подарок — 5 пикулей меди.
[101, 1673, с. 40].

89

Аннама Коконг, король Тонкина, посылает ответ на письмо господина генерала Батавии и его советников. Содержание этого письма было ему весьма приятно. Далее, до меня дошли слухи, что враги Батавии хотят на нее напасть, и поэтому она больше не может присылать нам пушек. Это меня весьма озаботило, тем более что генерал [-губернатор] и король Тонкина долгое время пребывали в дружбе, пусть эта дружба длится вечно. Поэтому, хотя генерал на этот раз не прислал пушек, я не обижаюсь, раз они нужны ему самому. В прошлом году я получил две хорошие длинные бронзовые пушки, и когда для Батавии наступит мир, пусть она пришлет еще и чугунные пушки. Ядрами, серой и селитрой я сейчас обеспечен, как и другими товарами, а сукном — нет. Прошу его прислать.

И хотя Тонкин и Батавия лежат далеко друг от друга, они всегда остаются истинными друзьями. В знак дружбы посылаю теперь 600 штук белого шелка господину генералу.

Писано в Год Ваклиан, в 13-й день восьмого месяца.
[101, 1673, с. 73].

90

Генерал-губернатор Иоанн Метсёйкер и Совет Индии посылают это письмо от чистого сердца Янг Депертуану, королю Камбоджи, желают ему долгой жизни и здоровья и столько счастья и процветания, сколько может себе пожелать смертный человек на этой земле.

Письмо Янг Депертуана было доставлено на судне Интчи Лананга генерал-губернатору и Совету Индии и принято с почестями, подобающими великим королям. Прочитав его, мы узнали, что прежний Янг Депертуан умер и что Ваше Величество взошли на его трон. По этому случаю генерал-губернатор и Совет Индии желают Вашему Величеству и народу Камбоджи счастья, процветания и мира с соседними королями и народами.

Далее в этом письме говорится, что Янг Депертуан готов поддерживать дружбу с Батавией. Нам было весьма приятно это услышать. Мы со своей стороны испытываем те же чувства. Пусть же Батавия и Камбоджа всегда будут как одна страна и вместе процветают.

В знак дружбы посылаем Вашему Величеству скромный подарок: 10 пикулей тернатского бетеля, 4 пикуля красного сукна и др.
[101, 1673, с. 94—95].

91

Это письмо генерал-губернатор Иоанн Метсёйкер и Совет Индии посылают Аннам Кокону, королю Тонкина, с которым они долгие годы находились в мире и дружбе.

С последним судном из Тонкина мы получили письмо Вашего Величества. Нам было очень приятно прочитать его, потому что оно свидетельствует о сердечной благосклонности Вашего Величества к нам. Нам было также приятно получить ваш подарок — 600 штук белого шелка.

Сейчас мы ведем войну с двумя могучими королями Европы на суше и море. Они причинили нам значительный вред на суше. Но в то же время на море мы захватили много их кораблей. Однако, поскольку эти враги велики и сильны, а наши владения широко раскинулись в разных частях мира, по этой причине пушки нам очень нужны самим. Мы просим Ваше Величество на нас не гневаться, что в этом году не пришлем вам пушек. Но обещаем, что, когда снова наступит мир, тотчас вам их пошлем. Ядер мы тоже не можем прислать по той же причине, а серы и селитры посылаем сколько можем.

Посылаем вам несколько штук сукна, но не все, что вы затребовали, потому что в этом году из Голландии пришло мало кораблей, и мы получили не все сорта сукна.

Посылаем Вашему Величеству также наш скромный подарок — 3 пикуля серого сукна, 5 пикулей зеленого сукна, 5 пикулей черного сукна, 6 штук хлопчатых тканей и др.

[101, 1673, с. 196—197].

92

Аннам Кокон, король Тонкина, отвечает на письмо, которое он получил от короля Батавии, которому да пошлет Господь долгую жизнь и большую удачу, чтобы он мог мудро и справедливо править своим народом, ибо дружба между Тонкином и Батавией длится не два-три дня, а долгие годы.

В прошлом году король Батавии прислал мне две большие пушки, которые в своем письме описал как очень хорошие, но это не так. Мой специалист по артиллерии говорит, что снаружи они кажутся хорошими, а внутри испорчены и негодны к употреблению. Тем не менее я благодарю короля Батавии и прошу не обижаться, что я их отсылаю обратно.

Далее. Из письма следует, что суда, которые плавают сюда и обратно, подвергаются на море большой опасности, о чем я очень сожалею, ибо я очень благосклонен к Компании. Что же касается товаров, которые корабль привез в Тонкий, я их велел сосчитать и оценить, но подарки, которые король Батавии соблаговолил прислать, не были нам необходимы. Нам необходимы пушки для укрепления и обороны наших городов. Поэтому я прошу короля Батавии, чтобы он эти две пушки обменял на две другие хорошие и прислал бы еще две хорошие пушки, всего четыре. А также прислал бы серу, селитру, ядра и другие военные материалы. Также пришлите хороший янтарь, который [я] уже давно прошу, но его еще не прислали. Наверное, король Батавии забыл об этом. Хотя Тонкин и Батавия лежат далеко друг от друга, однако они как одно сердце. И я прошу бога, чтобы Тонкин и Батавия оставались в дружбе так долго, как сияют на небе солнце и луна.

Далее я прошу продать мне: 4 пушки, заряжаемые 6 фунтами пороха, партию испанских реалов, 1000 пикулей селитры, 500 пикулей серы, 4000 больших ядер, 38000 обычных ядер, 58000 малых ядер, 20 штук красного сукна, 5 штук черного сукна, 5 штук синего сукна, 20 штук красной ткани «перпетуан», 5 штук пепельно-серой и 5 штук синей, хорошую партию крупного янтаря, 10 цепей янтарного коралла, партию белой одежды,

партию разноцветной одежды, 6 бочек оливкового масла, партию меди, партию олова. Еще я прошу короля Батавии в знак моей дружбы принять скромный подарок — 600 тюков белого шелка.

Писано во второй год моего правления, в 24-й день двенадцатого месяца.
[101, 1674, с. 101 — 102].

93

Иоанн Метсёйкер, генерал-губернатор и Совет Индии посылают это письмо Аннам Кокону, королю Тонкина с изъявлением дружбы и чтобы сообщить о получении письма, которое Его Величество прислал генерал-губернатору. Из этого письма, как и из писем наших капитанов, мы узнали о мире и благополучии, которыми пользуются земли, находящиеся под вашим управлением, и нам это очень приятно, и мы надеемся, что это положение будет длиться долго.

Две большие пушки, которые мы послали в прошлом году, считались хорошими, и нам теперь прискорбно узнать, что это не так. К сожалению, последний корабль из Тонкина пришел лишь несколько дней назад, потому что он долго был в рейсе, так что сейчас нельзя послать в Тонкин другое судно, но мы намерены предпринять все, что в наших силах.

Что касается янтаря, то с этим письмом мы посылаем прекрасные образцы. Надеемся, что они понравятся Вашему Величеству. Селитры и серы в этом году мы намерены послать столько, сколько Вы требуете. Партия белых и разноцветных одежд будет также послана во исполнение желания Вашего Величества, [их] столько, сколько мы могли собрать. С этим же кораблем посылаем небольшое количество селитры, потому что [корабль] невелик.

Ядер мы можем прислать сейчас либо немного, либо совсем ничего из-за войн, которые нам мешают. Однако мы надеемся, что к моменту отправки второго корабля наши враги в индийских землях не смогут уже нам вредить, ибо в Голландии снаряжаются три больших флота силой в 100 кораблей. Однако наши враги, два могущественных христианских короля, причинили нам большой вред, и мы не можем послать Вашему Величеству испанских реалов, потому что нам их в этом году не прислали.

Так как стало известно, что Вашему Величеству приятно иметь ожерелье из янтарных кораллов, мы посылаем три таких ожерелья, упакованные в подарочный ящик.

Мы благодарим Ваше Величество за присланные в подарок 600 тюков белого шелка и надеемся, что наши добрые отношения будут существовать так долго, как солнце и луна сияют на небе. Ради поддержания дружбы и в знак нашей приязни мы посылаем Вашему Величеству скромные подарки: 2 пикуля серого сукна, 2 пикуля светло-красного сукна, 2 пикуля серо-зеленого сукна, 6 штук ткани «перпетуан», 3 цепочки янтарных кораллов ценой 3951 гульден и др.

[101, 1674, с. 122—124].

94

Это письмо с уважением и от чистого сердца Янг Депертуан, король Камбоджи, посылает генерал-губернатору и Совету Индии, которые правят в городе Батавия и прославились своим могуществом и мудростью во всех землях, которые также помогают всем путешествующим купцам и относятся к ним справедливо, пусть даст им Господь долгую жизнь и великое процветание в этом мире.

Далее Янг Депертуан, король Камбоджи, сообщает генерал-губернатору и Совету Индии, что он с большой благосклонностью получил присланные ему на корабле Интчи Лананга подарки.

В этот раз Янг Депертуан может послать генерал-губернатору только 4 слоновых бивня весом 50 катти, 1 пикуль 75 катти гуммилака и 1 пикуль 13 катти воска. Пусть генерал губернатор не погнушается этим скромным подарком.

[101, 1674, с. 156].

95

Генерал-губернатор и Совет Индии, которые от имени Соединенных Нидерландов правят Батавией, направляют от чистого сердца это дружеское письмо Янг Депертуану, который правит королевством Камбоджа, великое могущество, мудрость, мужество и доброе правление которого принесли ему хвалу всех народов. И пусть Всемогущий Господь, который создал небо и землю, дарует Его Величеству процветание, здоровье и долгую жизнь.

Далее генерал-губернатор и Совет Индии сообщают великому Янг Депертуану, королю Камбоджи, что они получили его письмо и подарки, отправленные с джонкой Интчи Лананга, и им это было очень приятно. Это письмо и подарки — свидетельство дружеских [чувств], которые испытывает Янг Депертуан к генерал-губернатору и Совету Индии. Со своей стороны, генерал-губернатор и Совет Индии также испытывают большую приязнь к Янг Депертуану и королевству Камбоджа. В знак нашей дружбы посылаем Вам наши скромные подарки: 5 локтей серого сукна и 6 штук лучшего тернатского бетеля.

[101, 1674, с. 193—194].

96

Поскольку м-р Хэмон Гиббон просил короля разрешить ему воздвигнуть факторию для торговли в этом королевстве и чтобы король пожаловал ему следующую тарру⁹¹: он [Гиббон] может беспрепятственно покупать олово, свинец, тутенаж⁹², медь, слоновую кость, рога носорога и все прочие товары, какие он захочет. И с него не следует брать никаких пошлин, так же как и с голландцев.

Поэтому король даровал английскому начальнику право покупать и продавать в этом королевстве олово, свинец, тутенаж, медь, слоновую кость и все другие товары, кроме запрещенных. Если же они [англичане] захотят купить слоновую кость и рога носорога, они должны просить [особую] тарру на их покупку, согласно обычаю.

Если же английский начальник захочет купить олово, свинец, тутенаж и медь или любые другие товары, которые не входят в число запретных, никто не должен ему мешать.

[216, vol. I, с. 125—126].

97

Аннам Кокон, король Тонкина, посылает это письмо королю Батавии.

Сообщаю Вам, что я получил Ваше письмо, посланное в прошлом году. Мне было весьма приятно его прочесть. Пусть Господь дарует Вашему Превосходительству здоровье и долгую жизнь, чтобы он мог править своими подданными мудро и осмотрительно. И хотя Тонкин лежит далеко от Батавии, наши страны — как одна земля и нашей дружбе не один или два года, она очень долгая и прочная. И хотя Батавия сейчас испытывает трудности и ведет войну, она все же не забывает о Тонкине. Голландское судно, которое теперь прибыло в Тонкин, привезло сюда разные товары. Это было мне очень приятно. Однако товары, которые я заказывал в прошлом году, не прибыли. Пусть

⁹¹ Тарра — грамота, дающая владельцу какую-либо привилегию.

⁹² Тутенаж — неочищенный сплав цинка с медью и никелем.

Его Превосходительство не подумает, что я разгневался. Но что касается бронзовых пушек, присланных Компанией, то две из них хорошо выглядят снаружи, но негодны внутри, а другие пушки, присланные сюда, слишком короткие и маленькие. Поэтому я посылаю их все назад, вместе с деревянной моделью пушки, которую мне хотелось бы иметь. И я прошу прислать мне пушки указанной (на модели) величины и длины. В этом письме я не могу выразить довольства всем [в наших отношениях], но я молю Бога, чтобы Тонкий и Батавия оставались друзьями так долго, как существуют небо и земля.

С этим письмом я посылаю Его Превосходительству 600 штук белого шелка. Пусть он не побрезгует этой малостью, которую я посылаю ему от чистого сердца.

В этом году я прошу прислать мне 4 бронзовые пушки с зарядом в 6 фунтов пороха, 300 пикулей селитры, 100 пикулей серы, партию испанских денег, как прежде, 4000 штук больших ядер, 38000 средних ядер, 58000 малых ядер, 20 штук красного сукна, 5 штук черного сукна, 5 штук синего сукна, 20 штук красных, 5 штук пепельных и 5 штук синих хлопчатых тканей, партию янтаря, 10 шнуров янтарных кораллов, 6 бочек масла, партию меди и партию олова.

[101, 1675, с. 87—88].

98

Генерал-губернатор Иоанн Метсёйкер и Совет Индии посылает письмо Аннам Кокону, королю Тонкина, в знак дружбы и в ответ на письмо, которое Его Величество прислал генерал-губернатору с судном, пришедшим из Тонкина.

Также из письма нашего капитана мы узнали, что Его Величество и его страна живут в мире и спокойствии под мудрым управлением Его Величества. Нам было очень приятно это узнать, и мы надеемся, что такое положение сохранится надолго. Нам было также очень приятно узнать, что Его Величество глубоко сочувствует Батавии и Голландии в связи с войной, которую мы ведем против двух могущественнейших королей христианского мира. Поэтому мы спешим Вам сообщить, что с одной из этих держав, более могучей из двух на море, а именно с Англией, мы заключили мир. А с другой державой, Францией, мы еще воюем, но и ей мы наносим поражения.

Далее мы были очень рады узнать, что товары, которые мы послали Вашему Величеству, доставили Вам удовольствие. Мы всегда стремились исполнить желания Вашего Величества и сейчас хотели бы послать Вам бронзовые пушки сообразно деревянной модели, которую прислало Ваше Величество. Но таких больших пушек нет в Батавии. Их надо заказывать в Голландии. Но поскольку последнее судно, прибывшее из Тонкина, пришло в Батавию уже после отплытия на родину наших последних [в этом году] судов, теперь потребуются [ждать] около трех лет, чтобы доставить эти пушки в Тонкий, ибо пушек такого типа в Голландии очень мало, а может, и совсем нет. Однако как только нам пришлют пушки, которые, как мы думаем, понравятся Вашему Величеству, мы их Вам пришлем. Что касается ядер, мы надеемся на этот раз больше угодить Вашему Величеству, чем в прошлый раз. С этим судном мы посылаем вам 20000 ядер, а со следующим судном пришлем еще значительное количество этих боеприпасов.

Но сукна, которые мы посылаем с этим судном, еще не составляют всего затребованного Вами ассортимента. Причина этому — затруднения в прибытии кораблей из Голландии, связанные с войной. Мы надеемся, однако, что в следующий раз пришлем все требуемое. Селитры и серы посылаем столько, сколько Вы затребовали...

Мы были очень рады, узнав, что Ваше Величество соизволило подарить нам 600 штук белого шелка в знак своей благосклонности. Мы надеемся, что такие отношения между нами сохранятся, пока сияют на небе солнце и луна.

В знак нашей дружбы и приязни к Вашему Величеству посылаем Вам следующие подарки: 5 штук серого сукна, 3 штуки кармазиновой ткани, 13 фунтов янтаря и др.

Дано в крепости Батавия 21 мая 1675 г.

[101, 1675, с. 130—132].

99

Эта тарра дана Баркалоном м-ру Хэмону Гиббону, капитану, резиденту английской Компании в Королевстве Сиам. Поскольку английский капитан выразил желание, чтобы Опра Синорат просил короля разрешить [Компании] покупать олово в Чумпоне, Чайе и Помпине [за исключением идущего в королевский доход] по рыночным ценам, навсегда, с запретом другим купцам покупать [здесь олово], так же как голландцы покупают в Лигоре,— то король милостиво разрешил м-ру Хэмону Гиббону, капитану английской Компании, покупать олово в Чайе, Чумпоне, Татунге и Помпине, всегда по рыночным ценам, с запрещением другим купцам покупать [здесь олово], и король приказывает продавать капитану английской Компании [олово] по обычным ценам.

[216, т. I, с. 127].

100

Опра Синорат, почтительно выслушав королевские приказы, сообщил, что м-р Хэмон Гиббон, капитан английской Компании, прибывший в Королевство Сиам, просит разрешения короля покупать олово в Чумпоне, Чайе, Татунге и Помпине, [все], за исключением полагающегося королю, по рыночным ценам и чтобы другие купцы не могли покупать {это олово}, подобно тому как торгуют голландцы в Лигоре.

И король милостиво даровал навечно м-ру Хэмону Гиббону, капитану английской Компании в Сиаме, право покупать [все] олово в Чумпоне, Чайе, Татунге, Помпине, за исключением полагающегося королю, по рыночным ценам, запретив покупать [это олово] другим купцам на тех же основаниях, как торгуют голландцы в Лигоре.

И король приказывает губернатору уведомить своего заместителя и всех чиновников и сообщить всему народу, что он запрещает продавать олово, кроме полагающегося королю, кому бы то ни было, кроме английского капитана, и приказывает продавать английскому капитану олово по рыночной цене, согласно милости, оказанной королем английской Компании.

[216, т. I, с. 128].

101

Аннам Кокон, король Тонкина, посылает это письмо королю Батавии с пожеланием здоровья, большого счастья и долгой жизни и желает, чтобы он (король Батавии) мог править своими подданными мудро, в мире и спокойствии. И хотя Тонким лежит далеко от Батавии, эти две земли как одна земля и король Тонкина желает, чтобы они вечно оставались в дружбе.

Письмо, которое мне прислал господин генерал-губернатор, я получил и узнал из него о победах, которые голландцы одержали над своими врагами, и о том, что они опять вернули себе города, которые были потеряны. И этому не только я, но и все мои подданные были очень рады.

Перед этим я послал господину генералу деревянную модель [пушки] и просил мне прислать подобные пушки, но господин генерал ответил мне, что их невозможно изготовить в Батавии, а надо заказать в Голландии. Поэтому я прошу, чтобы генерал-губернатор взял на себя труд заказать эти пушки, что будет истинным проявлением дружбы...

Еще я прошу, чтобы мне в этом году прислали янтаря, сукна, хлопчатобумажных тканей, меди, олова и побольше других товаров, потому что в прошлом году из-за войны,

о которой писал генерал-губернатор, было прислано мало товаров, но теперь, когда наступил мир, я прошу, чтобы присылали больше товаров. Я горячо желаю, чтобы дружба между Тонкином и Батавией оставалась неизменной и прочной, как небо и земля. На этот раз я могу послать господину генералу только 600 тюков белого шелка, и хотя этого мало, пусть господин генерал не погнушается моим скромным подарком, посланным от чистого сердца.

Далее. Я прошу прислать 4 большие пушки, каждую с зарядом в 6 фунтов пороха, 300 пикулей селитры, 100 пикулей серы, 4000 больших, 38000 средних и 58000 малых ядер, 20 штук красного, 5 штук черного и 5 штук синего сукна, 20 штук красных, 5 штук пепельных и 5 штук синих хлопчатых тканей, партию янтаря, 10 цепей янтарных кораллов, партию набивного и белого полотна, медь, олово, испанские реалы и 6 бочек масла.

[101, 1676, с. 84—85].

102

Это письмо пангеран Агонг, правитель Банджармасина и прилегающих областей, с чувством искренней дружбы посылает генерал-губернатору Иоанну Метсёйкеру, который правит Батавией и повсеместно славится своей отвагой и мудростью, помощнику всех нуждающихся, как бедных, так и богатых. Пангеран Агонг направляет к генерал-губернатору (своих послов) Зирибид Джайя и Интчи Зелемана, чтобы они вручили ему это письмо и для поддержания нерушимой дружбы и помощи между Батавией и Банджармасином.

Далее. Пангеран Агонг просит снабдить его порохом и серой. И если его послы сделают что-нибудь не так, пусть генерал-губернатор будет к ним снисходителен. И если генерал-губернатор соизволит, пусть Зирибид Джайя скорее вернется назад. Пангеран Агонг надеется, что генерал-губернатор пребывает в добром здравии и желает ему долгой жизни. На этот раз пан-геран Агонг может послать только 2 пикуля черепаховых панцирей, и хотя этого мало, пусть генерал-губернатор не погнушается этим скромным подарком.

[101, 1676, с. 99].

103

Это письмо... к генерал-губернатору Рейклофу ван Гунсу, капитану Джакарты, [имеет целью] пробудить чистосердечные чувства капитана Джакарты по отношению к великому королю Сиама, который восседает на золотом троне, владеет белым слоном и справедливо управляет своими подданными.

Письмо и подарки господина генерала, направленные в столицу Сиама на судне «Беркмеер», [нами] получены и с почетом приняты перед королевским тронном в субботу 10-го дня одиннадцатого месяца Года Быка. И из этого письма король узнал, что генерал-губернатор в Джакарте пребывает в мире и счастье, чему он очень обрадовался и, надеется, что так будет продолжаться и впредь.

В письме говорится, что шкатулка, которую король послал [губернатору] для эмалировки, переслана с этой целью в Голландию. А начальник голландской фактории в Сиаме сообщил королю, что шляпы, золоченая ткань и кожаные сапоги, которые желает иметь король, будут переправлены в Сиам тотчас, как они будут доставлены [в Батавию]. И генерал-губернатор обещал сделать это так скоро, как это только возможно.

[В письме] сообщается также, что генерал-губернатор получил еще не все товары, но как только он [их] получит, все перешлет в Сиам.

И если генерал-губернатор хочет доставить удовольствие королю Сиама, он это обещание должен выполнить, и это принесет ему добрую славу. И если даже генерал-

губернатор не пришлет никаких подарков, это не будет иметь значения, лишь бы он исполнил желания короля, и это король будет ценить выше всяких подарков.

В письме также сообщается о врагах [Компании] из Кедахы, которые напали на Саланг и Бангкали и причинили большой вред местным жителям, а также могут нанести ущерб торговле Компании в этих местах. И чтобы исправить это положение, [генерал-губернатор] предлагает, чтобы с судов Компании, которые туда будут приходить, не брали пошлину на олово и чтобы никому другому не было разрешено там торговать, и тогда местному населению не будет больше причиняться никакого ущерба. И такое решение вопроса будет генерал-губернатору очень по душе.

Нам известно, что кедахцы подстрекают злоумышленников, которые бежали с Саланга и Такуа, вновь напасть [на Саланг]. Король Сиам послал туда на помощь людей из Лигора и Теркаса.

[Король] может дать Компании разрешение на торговлю в Саланге и Такуа, но если с голландцами случатся там неприятности, подобные тем, какие бывали прежде, пусть они обвиняют в этом [не короля, а вышеупомянутых] изменников. Все обстоятельства этого дела хорошо известны начальнику голландской фактории...

В знак своего доброго расположения и дружбы король посылает в этот раз генерал-губернатору 32 бахара и 2 пикюля олова. И да пусть дружба между Королями Сиам и Голландии останется нерушимой до тех пор, пока на небе сияют солнце и луна.

Писано в воскресенье, в 9-й день двенадцатого месяца Года Быка.

[101, 1680, с. 10-12].

104

Это письмо... к генерал-губернатору Рейклофу ван Гунсу капитану Джакарты и Совету Индии.

Поскольку капитан Джакарты прислал мне с судном «Беркмеер» письмо вместе с подарками [следует перечисление подарков] и все это прибыло сюда и было вручено мне в субботу в 10-й день одиннадцатого месяца в Год Быка, мне стало известно [из содержания письма], что генерал-губернатор Джакарты пребывает по-прежнему в мире и благополучии, что меня очень обрадовало, поскольку мы пребываем с ним в дружбе. Когда генерал-губернатор благоденствует, я тоже наслаждаюсь миром и спокойствием.

В письме генерал-губернатора говорится, что [обещанные] товары еще не прибыли из Голландии. Но как только они придут, они тотчас будут посланы в Сиам, вместе с 2 подзорными трубами, стенными часами, 6 парами очков и 6 книгами, которые также должны прибыть из Голландии. Генерал-губернатор не знал, получил ли я в прошлый раз все это, но, как сообщил фактор Арнут Фаа, еще ничего не получено. Очевидно, эти подарки были украдены злыми людьми. Генерал-губернатору очень стыдно, но он хотел бы, чтобы небольшие подарки не стали причиной раздора, ибо его и меня связывают не только [взаимные] подарки, но и старинная дружба...

...В письме говорится еще о том, что губернатор желает прислать сюда хороших ремесленников, но пока не может подобрать подходящих людей, достаточно опытных в своем деле. Кроме того, поскольку в Голландии прохладный климат, а в Сиаме жарко, то, когда генерал-губернатор пожелал прислать сюда ювелира, артиллериста и каменотеса, которые являются опытными мастерами своего дела, эти люди отказались, ссылаясь на то, что здесь [в Сиаме] жарко. Однако же мы здесь живем и не боеем, и также не болят голландцы, живущие в фактории. Поэтому, если генерал-губернатор пришлет сюда этих трех голландцев и они будут здесь хорошо работать, они приобретут добрую славу.

Кроме того (когда придут из Голландии), мы просим генерал-губернатора прислать нам литейщика и старшину плотников, вместе с теми, которых он обещал прислать в прошлом году. И это принесет генерал-губернатору добрую славу.

Далее в письме говорится, что [голландцам] для того, чтобы торговать в Удьонг Саланге и Бангари, надо, чтобы никто им не мешал и не причинял вреда. И что многие купцы просят, чтобы им там разрешили покупать олово, но генерал-губернатор желает, чтобы право торговли там было бы предоставлено одним голландцам, а всем остальным было бы запрещено там торговать и чтобы об этом был издан соответствующий указ, запрещающий всем остальным торговать в этих местах. И тогда злые люди не смогут чинить затруднения и устраивать смуты в этих местах, и все пойдет хорошо.

Но в настоящее время эти злоумышленники бежали и объединились с кедахцами, чтобы вновь напасть на Саланг и Кла-куа. Поэтому король Сиама послал туда на помощь людей из Лигора и Такасо, но мир еще не восстановлен.

Я хотел бы дать голландцам разрешение на торговлю там, но боюсь, что произойдут несчастья, подобные прежним...

...В знак своей доброжелательности и дружбы я посылаю 7 бахар и 1 пикуль олова...

Писано в воскресенье, в 9-й день убывающей луны в Год Быка.

[101, 1680, с. 12—14].

105

Я, Аннам Коконг, король Тонкина, посылаю это письмо королю Батавии и его Совету и сообщаю, что, хотя в Тонкине дружески относятся ко всем иностранцам, к голландцам мы всегда относились наиболее благосклонно.

В прежние времена мои предки договорились с голландцами, что они будут ежегодно приходить торговать в наше королевство и привозить пушки, сукно, янтарь и испанские реалы, но впоследствии голландцы стали манкировать [доставкой этих товаров], и, несмотря на то что они в это время воевали со своими врагами, было бы справедливо, если бы батавский король уделял нам ежегодно из своих излишков пушки, ядра, селитру и серу, чтобы оказать нам помощь этими военными припасами, тем более что мы с нашими вельможами постановили не разрешать находиться постоянно в нашем королевстве никому из иностранцев, кроме голландцев, о чем король Батавии забыл. А сейчас наше королевство находится в мире и безопасности от врагов, поэтому король сообщает, что голландцы впредь не должны присылать нам пушки, ядра, селитру и серу. Когда же нам опять понадобятся эти военные припасы, король сообщит об этом в письме генерал-губернатору.

Мы относимся к людям Вашего Превосходительства как к своим собственным подданным и так же ценим их, однако ваши люди отличаются от наших тем, что они хотят всегда поддерживать одну и ту же цену на товары, между тем следует учитывать, что товары бывают дорогие и дешевые. Тем не менее я всегда ставил голландцев выше всех других наций, которые прибывают сюда для торговли.

Король просит, чтобы голландцы, со своей стороны, соблюдали старый договор, заключенный с его предками, и чтобы король Батавии в будущем соблаговолил прислать партию испанских реалов и другие товары, которые присылались прежде. Если голландцы поступят согласно моему письму, мне будет весьма приятно.

[101, 1680, с. 74—75].

106

Это письмо от чистого сердца посылает Падука Сири Султан, король Тямпы. Он направляет послов орангкайя Пуранья Мантри и Инти Номана, чтобы они вручили это письмо Сирн Султана генерал-губернатору, да пошлет ему Господь долгую и счастливую жизнь в этом мире.

Далее, поскольку Падука Сири Султан доверяет генерал-губернатору и не сомневается в его доброте, Падука Сири Султан посылает свои суда и людей, чтобы торговать в Батавии и чтобы купить там, с соизволения генерал-губернатора, хорошие металлические пушки, хорошего сукна, хороших рубинов и сапфиров, все это для личных нужд Падука Сири Султана.

Падука Сири Султан посылает в дар генерал-губернатору 1 катти и 10 таэлей калембака. Пусть генерал-губернатор не погнушается этим скромным подарком.

[101, 1680, с. 253].

107

В год [хиджры] 1092, в воскресенье, в 11-й день месяца Рабуль Авель, или апреля, я, Падука Сири Султан Махометза Лилулла Филалем, король Перака, и мой бендахара Падука Сири Махараджа и другие вельможи: глава королевских купцов орангкайя Падука Раджа, фискал орангкайя Томмагон Сири Махараджа, Лилла орангкайя Мантри, Сири Пордапа Мантри, орангкайя Раджа Бандара, Раджа Мапаварса, начальник королевского дворца орангкайя Падука Сири Труан, Махараджа Лилли, командующий войском орангкайя Лаксамана, начальник секретарей Абиптара Махараджа Дари Удана и начальник дворцовых священнослужителей Факи Мали Келейер, мы решили удовлетворить просьбу господина губернатора заключить договор о том, что мы разрешаем голландцам нападать и захватывать в плен все суда, отплывающие из Перака без пропуска, выданного главой голландской фактории в Пераке. И голландцы могут причинять этим нарушителям любой вред и даже убивать. [Подпись] Раджа Ситта Муда.

[101, 1680, с. 366].

108

Могущественный и преславный король Аракана, который сияет среди земных королей, как солнце среди прочих светил кеба, всегда победоносный Сири Юса Пура Сенда Судормо Раза великому и мудрому генерал-губернатору Индии, резиденция которого в крепости Батавия, Рейклофу ван Гунсу.

Пользуюсь случаем, чтобы с отправляющимся судном написать Вашему Превосходительству и справиться о Вашем здоровье. Капитан Томас Сталь, находившийся здесь, умер. Вместо него остался купец Антони Крамер. Я полагаю, что он будет утвержден на этом посту.

[101, 1680, с. 390].

109

Генерал-губернатор Рейклоф ван Гунс и Совет Индии посылают это письмо от чистого сердца и ради поддержания дружбы Аннам Кокону, знаменитому королю Тонкина, с сердечным пожеланием здоровья, процветания и долгой жизни, а также победы над своими врагами.

Письмо, которое Ваше Величество передал для пересылки к нам капитану Иоханнесу Бессельману, мы получили и оказали ему почести, которые подобают такому великому королю.

Прежде от продажи товаров в Тонкине мы получали некоторую прибыль и могли покрыть наши издержки, и поэтому мы старались посылать в Тонкин все товары, затребованные главами нашей фактории в этой стране. Но уже несколько лет вместо того, чтобы получать прибыль, мы в Тонкине терпим убытки. Товары, которые мы туда посылали, долгое время лежат непроданными в пакгаузах, а мы могли бы их выгодно продать в других местах.

Поэтому Ваше Величество в своей высокой мудрости должны понять, что такое положение невозможно, и, пока не будем получать никакой прибыли, мы не можем посылать товары в Тонкин в таком количестве, как раньше. И пока нет никаких признаков, что торговые дела улучшатся. Еще в прошлом году мы сообщили причину, по которой мы вынуждены прекратить закупку шелка-сырца в землях Вашего Величества. Эта причина в том, что японский губернатор Нагасаки, которому мы перепродаем этот шелк, последние несколько лет стал платить нам меньшую цену.

Это вместе с риском доставки товаров по морю делает торговлю невозможной. Но мы надеемся, что в скором времени положение изменится и мы сможем опять продавать и покупать товары в Вашем королевстве в прежнем количестве. В настоящее время мы посылаем в Тонкин малое судно с припасами, необходимыми для наших людей, живущих в земле Вашего Величества, а также некоторое количество денег для покупки шелковых тканей, которые нам нужны для личного потребления.

Согласно тому что Ваше Величество написали в последнем письме, мы не будем посылать в Тонкин пушек, ядер, селитры, серы и других военных припасов, пока Ваше Величество их снова не затребует. Однако мы должны уведомить Вас, что пушки и ядра мы не сможем поставить раньше чем примерно через 30 месяцев, потому что мы их привозим из Голландии и их надо сначала заказать.

Далее. Нам было приятно узнать из письма Вашего Величества, что Вы цените голландцев больше всех других иностранцев и ставите их наряду со своими собственными подданными. Мы очень благодарны Вашему Величеству и готовы служить Вам, чем только сможем. В знак нашей дружбы посылаем Вашему Величеству скромный подарок — 3 штуки красного сукна, 15 штук бетеля и др.

[101, 1680, с. 453—455].

110

Высочайший, превосходнейший и великодушнейший монарх, наш дражайший и добрый друг! Пусть господь еще больше увеличит Ваше могущество и счастье!

От епископа Гелиополя и некоторых других наших подданных мы узнали о том, сколь многим они обязаны Вам не только за разрешение свободного исповедания религии, за поддержку, за великодушное предоставление Вами значительной денежной суммы взаймы без процентов, в то время как они нуждались, но и за дальнейшее проявление Вашего покровительства— приказание построить для них дом.

Мы были бы рады возможности выразить, как глубоко мы тронуты выдающимися знаками уважения, которое Вы проявили к нам. Мы надеемся, что Вы и в дальнейшем будете оказывать покровительство епископам и другим апостолическим миссионерам и распространите его на наших подданных, занимающихся торговлей, с тем чтобы первые могли свободно исповедовать христианскую религию, одним из главнейших принципов которой является утверждение абсолютной власти монархов над их подданными, в то время как вторые могли бы торговать свободно и без помех.

В знак нашего искреннего желания показать, как высоко ценим мы Ваши благодеяния, оказанные нашим подданным, мы посылаем Вам некоторые подарки, которые, мы надеемся, будут Вам приятны, рассчитывая в дальнейшем дать более существенные доказательства того огромного уважения, с которым Мы к Вам относимся. Молим Бога, чтобы он умножил Ваше величие и процветание.

В Сен-Жермене, 10 января 1681 г. [Подпись] Ваш лучший и добрый друг Луи.

[150, с. 196—197].

111

Генерал-губернатор Корнелис Спееман и Совет Индии посылают это письмо от чистого сердца и ради поддержания дружбы Аннам Кокону, знаменитому королю Тонкина, и желают ему от души здоровья, благополучия и долгой жизни, а также победы над врагами.

Во-первых, сообщаем, что письмо короля от 12 февраля текущего года, доставленное на нашем корабле «Кроонвогель», было внесено в крепость Батавию с обычными почестями — при салюте из пушек и мушкетов в честь короля. И с содержанием его мы ознакомились. Но как мы уже писали в прошлом году королю, мы сейчас не в состоянии послать в Тонкин товары, которые король перечисляет в своем письме...

Но хотя из-за дороговизны шелка-сырца и шелковых тканей торговля в Тонкине для Компании маловыгодна, мы все же, как и в прошлом году, посылаем туда, ради старой дружбы между королем и Компанией, наше судно с припасами для наших людей в Тонкине и некоторым количеством голландских денег, чтобы попробовать закупить по доступным ценам шелк или шелковые ткани, а если это не удастся, увезти эти деньги обратно. Но мы надеемся, что теперь дела пойдут лучше и благодаря изобилию шелка-сырца и шелковых тканей цены на них понизятся.

Еще мы узнали из письма, что провиантмейстер короля, в связи с неурожаем риса и голодом в Тонкине, просит прислать большое количество риса. Поэтому мы решили погрузить на это малое судно столько риса, сколько оно может вместить. И мы послали бы больше, если бы не нужда наших собственных подданных, ибо мы нуждаемся для наших служащих и подданных ежегодно в 5—6 тысячах ласт риса, которые мы привозим на судах Компании из многих мест с великими трудами и затратами. А из этих запасов к концу года редко что остается. И это главная причина, почему мы не можем послать Вам много риса...

В знак старой дружбы посылаем Вам в подарок красивое большое зеркало с позолоченной оправой из Европы, такое, какие сейчас бывают там во дворцах великих королей, 2 японских чернолаковых изделия, очень красивых, 2 очень дорогих лаковых изделия из Сурата и Персии и др.

[101, 1682, с. 853—855].

112

Генерал-губернатор Корнелис Спееман и Совет Индии посылают это письмо могущественному и знаменитому королю Аракана, который среди земных царей сияет как солнце среди других небесных светил, который всегда побеждает своих врагов.

Далее. Сообщаем Его Величеству, что его письмо от 24 ноября 1680 г. было доставлено судном Компании «Спанбрук» 9 февраля 1681 г. и принято с почестями, подобающими письму такого великого короля. Ответ на это письмо был отправлен с судном «Бриль». Но оно в октябре 1681 г. затонуло во время шторма со всем грузом.

Между тем генерал-губернатор Рейклоф ван Гунс, которому было направлено письмо Его Величества в ноябре 1681 г., был отозван в Голландию, а генерал-губернатором был избран Корнелис Спееман, который вместе с Советом Индии готов поддерживать и дальше старинную дружбу, связывающую королей Аракана и Компанию. Ради поддержания этой дружбы мы послали Дирка Вонка заменить покойного капитана Томаса Сталя в Аракане в надежде, что он будет там приобретать рабов и вести торговлю с прибылью, чтобы окупить расходы на содержание фактории и служащих, но эти надежды, как видно из письма капитана, не оправдались. Поэтому генерал-губернатор и Совет Индии были вынуждены, чтобы освободить Компанию от расходов, принять решение закрыть факторию. Поэтому мы будем обязаны Вашему Величеству, если Вы разрешите персоналу фактории покинуть страну с ныне отправляемым в Аракан судном «Беркмеер», с тем чтобы капитан оставил в стране

двух-трех служащих Компании для сбора долгов и других дел. В то же время мы надеемся, что Ваше Величество на это не разгневается, потому что мы каждый год будет посылать в Аракан фактора с одним или несколькими судами, чтобы покупать рис и другие товары.

В знак нашей приязни посылаем в подарок Вашему Величеству 2 любопытные цепи янтарных кораллов в серебряной шкатулке, 2 ящика розовой воды, 80 фунтов корицы, 50 фунтов гвоздики, 50 фунтов мускатного ореха и 30 фунтов мускатного цвета.

[101, 1682, с. 1127—1128].

113

Это письмо посылают в знак искренней приязни генерал-губернатор Корнелис Спеллман и Совет Индии пангерану Сура Нагара, королю Манданамо, Банджармасина и других земель, да пошлет ему Господь процветание и победу над врагами, а также здоровье и долгую жизнь.

Далее. Генерал-губернатор и Совет Индии сообщают, что 5-го числа этого месяца сюда опять прибыл посол пангерана Сура Нагары орангкайя Лилло Далит с письмом, в котором сообщалось, что пангеран получил письмо [генерал-губернатора], посланное в январе этого года с китайцем Дана Зара, и понял наши предложения.

Орангкайя Лилло Далиту мы обещали примирить пангерана Сура Нагара с сыном его брата пангераном Сура Дикара и другими грандами, с тем чтобы кто-нибудь из них прибыл сюда заключить новый договор, по которому никто в их владениях не станет вести торговлю, кроме как с Компанией, и чтобы никто, кроме служащих Компании, с пропусками Компании не имел права прибывать во владения пангерана и торговать там. Что же касается жителей Банджармасина, то они должны будут возить свой перец, золото и другие товары только в Батавию, чтобы там их продавать и покупать там ткани. Компания же будет каждый год посылать свои суда или суда своих подданных в Байджармасин для торговли ради процветания этой земли.

[101, 1682, с. 1129—1130].

114

Окья Сери Таммарача Деча Чат Амнат Янучит Ротнарарат Гкосатип — Кольберу, первому министру могущественнейшего и превосходнейшего монарха, короля Франции в Париже с чувством глубочайшей симпатии.

Поскольку могущественнейший и великодушнейший монарх, Король Сиама, мой повелитель, так же как и могущественнейший и великодушнейший монарх, король Франции, единодушно желают установить дружественные отношения и связи на основе прочной и нерушимой дружбы, могущественнейший и великодушнейший монарх, Король, мой повелитель, отправил Пра Пипат Рача Майтри послом к могущественнейшему королю Франции, дав ему в помощники Ок Лыанг Сривисат Сунтона и Ок Кун Након Вичая. Посольство сопровождал о. Гайм. Оно везло письма и подарки, имеющие целью засвидетельствовать любовь и глубокое уважение, которое (Король Сиама) питает к этому великому монарху, и его пожелание, чтобы процветание вечно сопутствовало (королю Франции) и, наконец, чтобы дружба между обоими великими монархами с каждым днем все больше укреплялась.

Сеньор Франсуа, епископ Гелиополя, прибывший сюда в Год Петуха (третий год двенадцатого цикла) с письмами от Святого Отца (Папы) и великодушнейшего монарха, короля Франции, был принят со всей торжественностью, подобающей высшей царственности великого короля, посланцем которого он был. Высочайший превосходнейший монарх, Король, мой повелитель, услышав о новых успехах этого

великого монарха, почувствовал такую радость и восторг в своем сердце, которые ни с чем не могут сравниться.

Когда же король, мой повелитель, узнал, что Его Королевское Высочество Дофин обрел царственного отпрыска от своей августейшей и царственной супруги, его радость достигла высшей точки и не имела пределов, и он молит небеса даровать этому королевскому отпрыску, которому в свое время предстоит продолжить род этого могучего монарха, долгую и счастливую жизнь, чтобы он мог взойти на трон своих предков. Ибо его сильнейшее желание заключается в том, чтобы семья и линия столь великого, славного и могущественного монарха никогда не прекратились.

Мы надеялись, что направленный (нами) посол вернется в Год Собаки (четвертый год двенадцатилетнего цикла), и я готовился принести новости о счастливом результате этого посольства к ступеням трона великодушного монарха, моего повелителя, и тем увеличить его восторг. Но в то время, когда должны были прийти эти известия, мы узнали, что корабль с королевским посольством еще не достиг Франции. Эти слухи причинили нам большую печаль.

Моим первым шагом было, простершись перед троном короля, моего повелителя, сообщить ему эти новости.

Его Величество милостиво удостоил меня следующим ответом:

«Дружба, которая связывает великого короля Франции с этим королевством, останется прочной и нерушимой. Пошлите (новых) послов узнать о судьбе этого посольства». Запечатлев эти королевские слова в душе, я направил Ок Кун Пичай Варита и Ок Кун Пичит Майтри в сопровождении отцов Ваше и Паско [выполнить эту просьбу]. Я поручил им передать несколько незначительных подарков, перечень которых находится у них, как свидетельство особого почтения, которое я питаю к Вам, и моего желания, чтобы мы, подобно нашим великим монархам, объединились узами крепкой и нерушимой дружбы.

Я настоятельно прошу Вас сообщить о судьбе послов короля, моего повелителя, с тем чтобы, смотря по известиям, которые мы получим, мы могли бы выработать средства для скрепления и увеличения вечной дружбы между нашими великими монархами.

Я оставляю на ваше усмотрение решение того, какие шаги вы считаете наиболее подходящими для упрочения этой королевской дружбы, и прошу сообщить мне о них.

Это письмо написано в воскресенье, 15-го дня первой луны 1045 года эры Чула [1683 г.]...

[150, с. 197—199].

115

Указанный г-н Деланд в ходатайстве, представленном пра-клангу с просьбой передать Его Величеству, сообщил, что он получил письмо от господина Франсуа Давона, директора французской Компании в Сурате, в котором ему приказывалось просить Его Величество заключить прочный и долговечный договор, предоставляющий французской Компании полную и неограниченную свободу покупать медь и иные товары, которые доставляют из других стран, и [просить], чтобы весь перец в Королевстве Сиам, т. е. весь перец провинций и земель, подвластных Его Величеству, от северных границ до Лигора, [Компания] могла покупать по 16 испанских патэков или 6 таэлей и 2 тикаля за бао и чтобы ни один торговец любой нации, кем бы он ни был, не мог торговать перцем, не будучи служащим Компании.

Когда (это ходатайство) было представлено праклангом Его Величеству Королю Сиам, Король милостиво повелел, чтобы заместитель пракланга и г-н Деланд, глава французской Компании в Сиаме, заключили договор, который должен стать законом отныне и впредь, на веки веков, о том, что Компания может покупать медь и другие товары, привозимые иностранцами, и никто не имеет права ей мешать в этом и что

Компании отныне принадлежит право скупать весь перец, происходящий из земель Сиам, от Северных границ до Лигора, по цене 6 таэлей и 2 тикаля за бао и всем торговцам, кроме служащих указанной Компании, запрещается совершать какие-либо сделки с упомянутым товаром. И если кто-либо осмелится прямо или косвенно торговать указанным товаром и этот товар обнаружат в руках торговцев, то [независимо от того], к какой нации принадлежат эти [виновные] лица, и независимо от их ранга товары должны быть конфискованы, а виновные присуждены к штрафу сообразно количеству обнаруженного товара из расчета 16 патэков, или 6 таэлей и 2 тикаля за бао.

Глава Компании [в Сиаме] при этом будет обязан представлять отчет чиновникам складов короля о количестве закупленного им перца, (поскольку) десятая часть (общего количества перца) должна оставаться для складов короля. В случае, если чиновники складов потребуют 25% [перца], служащие Компании решат спор так, чтобы обе стороны остались довольными и обеспеченными. А в случае, если для нужд Короля будет взята 10-я или 20-я часть общего количества перца, указанная французская Компания должна будет оплатить стоимость всего [купленного ею] перца в испанских патэках, так как это серебро более чистое и меньше теряется] при обмене, а в случае, если Компания не будет иметь испанских денег для уплаты, она должна будет придерживаться хорошего обменного курса тикалей.

Для торговли перцем в Лигоре Компания обязуется построить факторию в каком-либо месте указанной провинции Лигор, где это будет удобно для нужд Компании, чтобы покупать перец, так же как голландцы скупают олозо и служащие Компании должны представлять казначею короля Опра свой отчет обо всем перце, закупленном в Лигоре.

И если какой-нибудь купец привезет не из Лигора или иных мест, упомянутых в договоре, перец, который он может покупать или продавать чиновникам упомянутых складов или любому другому купцу для потребления внутри королевства, он должен представить отчет о количестве [перца] главе Компании [в Сиаме] и если какую-то часть этого количества он хочет вывезти, то должен представить отчет соответствующему чиновнику, а тот главе Компании в следующей форме: такой-то купец купил столько-то перца от такого-то купца из такой-то земли и желает вывезти в такую-то страну, с тем чтобы Компания знала количество перца, которое ввозится и вывозится помимо ее торговли.

И если чиновники короля захотят вывезти перец из [своей] 10-й или 20-й доли или из того количества, которое купцы привезли [из других земель] в какую-либо другую страну, указанные чиновники обязуются представить отчет главе Компании для той же цели. В случае если количество перца, предоставленного Компании, больше, чем нужно для торговли Компании, глава Компании обязуется сообщить об этом министрам короля в надлежащей форме, указав требуемое количество на два года вперед, с тем чтобы чиновники, заведующие снабжением, могли регулировать сбыт, чтобы не оставалось [непроданного перца] в ущерб населению.

Глава Компании (в Сиаме) сообщит содержание этого договора директорам Компании как во Франции, так и на Востоке, на случай, если какой-либо чиновник короля окажется в местности, где Компания имеет резиденцию, с тем чтобы служащие Компании оказывали помощь и поддержку королю в его нуждах, [при этом] денежные суммы, истраченные Компанией на нужды короля по представлению счета главе Компании в Сиаме, будут возмещены указанному главе Компании товарами на эту сумму. После подписания [договора] заместителем [пакланга] и главой Компании в Сиаме он останется прочным и нерушимым навсегда и, чтобы не было нарушений условий договора со стороны Компании, глава Компании вручит один из экземпляров договора на французском языке упомянутому заместителю [пакланга], а упомянутый заместитель поступит так же в отношении главы Компании.

[218, с. 1—3].

116

Высочайший, превосходнейший и великодушнейший монарх, наш дражайший и добрый друг! Да умножит господь Ваше величие. К нашему большому огорчению, мы узнали о гибели послов, направленных Вами в 1681 г. От отцов миссионеров, вернувшихся из Сиама, и из писем, которые наши министры получили от того, кому Вы доверили заботы о своем государстве, нам стало известно о Вашем стремлении укрепить нашу королевскую дружбу. С этой же целью мы избрали нашим послом к Вам шевалье де Шомона, который более подробно расскажет Вам о нашем стремлении внести свой вклад в дело укрепления вечной и прочной дружбы между нами. Мы очень рады случаю засвидетельствовать Вам свою признательность, с которой мы узнали, что Вы продолжаете оказывать свое покровительство епископам и апостолическим миссионерам, которые наставляют ваших подданных в христианской религии. И наше исключительно высокое мнение о Вас заставляет нас страстно надеяться, что Вы пожелаете сами выслушать их и воспринять от них истинное учение и святыя таинства столь святого закона, в котором заключается познание истинного Бога, который лишь один может даровать Вам, после долгого и славного царствования, вечное блаженство.

Мы снабдили нашего посла некоторыми подарками из наиболее интересных вещей, имеющихся в нашем королевстве, которые он преподнесет Вам как знак нашего уважения. Он объяснит Вам также, чего бы мы желали для развития торговли наших подданных. И с тем мы молим Господа, чтобы он умножил Ваше величие и благополучие.

Дано в нашем замке Версаль, 21 января 1685 г. [Подпись] Ваш дражайший и добрый друг Луи.

[245, с. 92].

117

Яков II и пр. и пр. нашему возлюбленному другу Констанцию Фалькону, министру и советнику могущественного короля Сиама посылает привет. Всемогущий Бог в своем безграничном милосердии соизволил призвать к себе нашего дорогого возлюбленного брата короля Карла II.

Не можем не сообщить Вам, что подарки, присланные Вами, были им получены и благожелательно приняты. В связи с этим мы также должны отметить, что мы растроганы добротой, которую Вы проявляете к нашим подданным, которые прибывают в Ваши места, и надеемся, что Вы и в дальнейшем будете поступать так же. Будьте уверены в нашей дружбе во всех случаях, которые только могут представиться. Итак, мы поручаем Вас покровительству божественного Провидения.

Дано в Уайтхолле 21 марта в год нашего господа 1684/1685 и первый год нашего царствования. [Подпись] Ваш любящий друг Яков, Король.

[216, т. I, с. 128].

118

Его Величество, услышав о великих добродетелях [Сиамского] короля, послал его [де Шомона] просить дружбы и предложить в обмен свою дружбу, чтобы создать между двумя государствами союз, которому не смогут помешать большие расстояния.

Поскольку сиамские министры в своих письмах к французским министрам просили указать средство сделать этот союз настолько прочным, чтобы он сохранился и при [отдаленнейших] наследниках обоих королей, Его Величество считает, что такой наиболее прочной связью является общая религия.

И де Шомон послан просить установить такую связь и при этом условии Его Величество уполномочил его [де Шомона] предоставить [королю Нараю] все свои

сухопутные и морские силы, войска и суда и вообще все, что понадобится для славы и благоденствия его королевства.

Его Величество также готов со своей стороны, если будет принято его условие, принять все возможные меры, которые будут необходимы для упрочения вечной дружбы.

И хотя Его Величество не давал ему других поручений, он, однако, приказал ему [де Шомону] употребить все свое влияние при сиамском дворе в пользу французской Компании.

[150, с. 222].

119

Трактат, заключенный 10 декабря 1685 г. между шевалье де Шомоном, чрезвычайным послом Его Христианнейшего Величества [короля Франции] и 2-м Констанцием Фальконом, полномочным комиссаром Его Величества [короля] Сиам о предоставлении апостолическим миссионерам привилегий в королевстве Сиам

1

Французский посол почтительнейше просит Его Величество Короля Сиам объявить во всех городах его королевства 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го рангов разрешение миссионерам проповедовать христианский закон, а народу слушать их без препятствий со стороны местных властей.

Его Величество Король Сиам прикажет объявить во всех городах своего королевства 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го рангов, что апостолические миссионеры могут проповедовать христианский закон во всех указанных городах [и деревнях] и люди могут их слушать, если пожелают, а губернаторам и другим чиновникам любого ранга запрещается мешать им каким бы то ни было образом, прямо или косвенно, [и все] это при условии, что миссионеры не будут настраивать народ против правительства и законов страны под каким бы то ни было предлогом. В противном случае указанная привилегия будет аннулирована, а виновный миссионер будет арестован и выслан во Францию с запрещением, под страхом смерти, возвращаться когда-либо в Сиам.

2

Французский посол просит разрешить миссионерам обучать коренных жителей страны, чтобы они могли хорошо служить королю Сиам как в государственных делах, так и в вопросах совести. Для этого они [миссионеры] должны иметь право принимать туземцев в свои монастыри и другие места обитания с привилегиями, которыми пользуются другие монастыри. И чтобы никто не беспокоил их там, Его Величество желает, чтобы все обвинения, которые станут выдвигать против них по этому поводу, рассматривались особым, специально назначенным мандарином.

Его Величество, Король Сиам, разрешает апостолическим миссионерам обучать жителей его страны по их желанию любым наукам, и они могут принимать их в свои монастыри, школы и жилища с теми же привилегиями, как и другие монастыри Сиам. И никто не должен им мешать, но указанные миссионеры могут обучать [своих учеников] только таким наукам, законам и другим знаниям, которые не направлены против правительства и законов королевства. И если будет доказано свидетельством двух очевидцев, что это обучение вредит [интересам государства], эта привилегия будет аннулирована и с главой школы и учениками будет поступлено, как указано в первой статье. До тех пор пока миссионеры будут пользоваться этой привилегией, все их [судебные] дела будут разбираться квалифицированным чиновником, которого король назначит по представлению епископа.

3

Французский посол просит у Его Величества, чтобы все его подданные, перешедшие в христианство, освобождались по воскресеньям и в дни церковных

праздников от всех служб, которые они обязаны нести в пользу своих мандаринов, если только это не вызвано крайней необходимостью.

Его Величество Король Сиам разрешает всем своим подданным, которые по доброй воле перейдут в христианство, пользоваться привилегиями христиан, указанными господином послом. А для того чтобы судить, в каких случаях [работа в праздники] является крайней необходимостью, чтобы не было разногласий по этому поводу, Его Величество назначит особого мандарина, и епископ назначит своего авторитетного представителя, и они вместе будут решать этот вопрос.

4

Французский посол просит у Его Величества короля Сиам, чтобы те из его подданных христиан, которые по причине дряхлости или болезни станут неспособны к службе, освобождались от нее после уведомления мандарина, назначенного для этой цели.

Его Величество Король Сиам разрешает, чтобы те из его подданных христиан, которые по старости или болезни явно неспособны к службе, явившись к специально назначенному мандарину, получали бы освобождение от службы вплоть до выздоровления.

5

Французский посол просит еще, чтобы во избежание несправедливостей и преследований, которым могут подвергнуться новые христиане, Его Величество сообразовал был назначить опытного сиамского мандарина, человека доброго и справедливого, чтобы разбирать все связанные с этим дела. При этом штрафы должны делиться в конце каждого года между мандарином, его чиновниками и бедняками так, чтобы указанный мандарин [не имел стимула] торговать правосудием.

Его Величество Король Сиам разрешает, чтобы мандарин, указанный в ст. 2, разбирал эти дела, как просит г-н французский посол, и, чтобы избежать всяких разногласий, жалоб и волокиты, Его Величество устанавливает, что мандарин, проводя следствие, должен спрашивать совета у одного из судей короля прежде, чем вынести приговор, с тем чтобы он был окончательным, и Его Величество приказывает, чтобы все перечисленные статьи были объявлены по всему королевству, чтобы все знали, что такова королевская воля, чтобы апостолические миссионеры пользовались указанными привилегиями. Дано в Луво 22 декабря 1685 г.

[218, с. 4—6].

120

1. Король разрешает указанной Компании основать факторию в королевстве Сиам. Указанная Компания получает право свободно торговать в указанном королевстве с освобождением от всех пошлин на ввоз и вывоз, однако подвергаясь таможенному досмотру по обычаям страны.

2. Служащие Компании не имеют права провозить под именем Компании иностранные товары⁹³. Если будет доказано, что они так поступают, Компания будет лишена этих привилегий до рассмотрения дела Его Величеством.

3. Свобода торговли означает, что Компания имеет право покупать и продавать все виды товаров, кроме запрещенных, которые она может покупать только со складов короля или у торговцев, которые их там купили.

4. Компания может продавать и покупать по своему усмотрению все виды товаров, которые привозят в королевство из-за границы иностранцы, или местные жители, или она сама за свой счет, но король имеет преимущественное право [т. е. может покупать первым] товары, необходимые ему.

⁹³ Т. с. товары, не принадлежащие Компании.

5. Служащие Компании могут покупать любые товары, но только для своих хозяев. Если они нарушат этот пункт и вступят в соглашение с другими торговцами, Компания теряет свои привилегии до тех пор, пока Его Христианнейшее Величество не решит дело.

6. Король Сиам устанавливает, что все товары, которые Компания будет перевозить на иностранных судах, освобождаются от пошлин на ввоз и вывоз.

7. Служащие Компании не могут перевозить товары, не принадлежащие их хозяевам. В противном случае эти товары будут конфискованы.

8. Компания, пользуясь привилегиями, предоставленными пунктом 3, может посылать товары в те места, где она не имела обыкновения торговать [раньше], ей разрешается фрахтовать один, два или столько, сколько понадобится, судов.

9. Если француз, не состоящий на службе сиамского Короля или его министров, совершит кражу или другое злодеяние против Компании или своих соотечественников, дело будет подлежать юрисдикции Капитана французов. Если же одна из сторон не будет удовлетворена решением Капитана французов и апеллирует к правосудию сиамского министра; дело будет отложено до решения Его Величества [Людовика XIV], и если француз совершит какое-нибудь злодеяние против местных властей, Капитан Компании может заседать вместе с судьями короля Сиам, чтобы решать дело по законам Королевства. Однако предпочтительно, чтобы Его Величество [Людовик XIV] назначил судью достаточно авторитетного, чтобы вершить правосудие над каждым, чтобы служащие Компании не отрывались от своих торговых операций.

10. Король Сиам дарует Компании монопольное право торговли в Джонсаламе и его округе с разрешением построить там факторию при условии представить план сиамским министрам, который, после их одобрения, должен быть выполнен пунктуально, без каких-либо отклонений. Компания будет обязана доставлять в Джонсалам все потребные для них товары, с тем чтобы им не приходилось искать их в другом месте. Если Компания не будет точно соблюдать это условие, жители будут иметь право торговать с купцами других наций, не подвергаясь обвинению в нарушении привилегии.

11. Компания может открывать фактории во всех местах королевства Сиам, которые она считает подходящими для торговли, при условии одобрения министров Королевства. Компания не будет строить [фактории] без разрешения.

12. Если судно Компании потерпит крушение у берегов Сиам, Капитан имеет право спасти все, что он сможет.

13. Король Сиам дарует Компании Сингору со всем ее округом с правом укреплять и использовать по своему усмотрению. По причинам различного рода этот пункт не следует опубликовывать до утверждения Его Величеством [Людовиком XIV].

[150, с. 227—229].

121

Вы, Ваше Преподобие, должны приложить все усилия, чтобы заинтересовать Папу и отца Ла Шеза и Людовика XIV с тем, чтобы немедленно дать ход следующим проектам, которые имеют целью установление христианства в Сиаме, согласно методам, которые мы часто тайно обсуждали вместе с Вами.

Следует прислать из Франции 60 или 70 человек, обладающих опытом и высокими качествами. Они должны обладать достаточными средствами, чтобы не зависеть от жалованья, и должны добровольно поступить на государственную службу, с тем чтобы избежать всяческих попыток помешать их выдвижению. Если генерал ордена иезуитов пожелает включить в это число своих священников, они должны быть одеты в светское платье и неузнаваемы даже для тех, кто их знал раньше.

Я окажу им всяческую поддержку и, пользуясь своим влиянием, добьюсь для них важнейших постов в Сиаме, таких, как должности губернаторов провинций и городов, комендантов крепостей, командующих сухопутными и морскими силами Сиам. Я введу

их во дворец, открою доступ к государственным делам и даже включу их в ближайшее окружение короля и буду пользоваться ими как советниками в государственных делах, согласно плану, который я неоднократно разъяснял Вашему Преподобию. Чтобы обеспечить быстрый и непременный успех, Вы, Ваше Преподобие, должны убедить Короля в важности и неотложности оккупации Сингоры. Необходимо иметь две хорошие колонии, обеспеченные (достаточным количеством) солдат. После того как это будет осуществлено, нечего будет бояться. Торговцы привыкнут вести там торговлю. Все миссии. Камбоджи, Кохинхины и Тонкина будут иметь близкий источник снабжения и помощи, и торговля Сиама переместится сюда без особых усилий.

Желательно, чтобы люди, которые будут присланы, были бы судовладельцами и прибыли бы вместе со своими судами. Я предоставил бы возможность для ведения успешной торговли, которых они никогда не имели бы, пользуясь судами Компании.

Все, что необходимо для успешного выполнения этого плана,— это быстрота, тайна и деловые люди. Провизия здесь имеется в изобилии. Мы будем обладать любым количеством олова, железа и меди, которое нам потребуется для изготовления всех видов изделий, вплоть до пушек. Более того, все это уже имеется и находится под рукой, как я уже объяснил Вашему Преподобию.

Предвидя возражение, что король может умереть и, таким образом, все предприятие обречено на неудачу, я обещаю и сделаю так, что наследник короля проявит еще больше готовности, чем король Нарай, даровать нам все, что угодно. И при нем христианство будет пользоваться еще большим покровительством. Все эти дела должны обсуждаться в глубочайшей тайне и как можно быстрее, на чем я уже настаивал в разговоре с Вашим Преподобию. Итак, я заклинаю Вас сердцем нашего господина Иисуса Христа и его ранами довести до конца эти переговоры с Королем через его исповедника, и я желаю Вам доброго пути и скорейшего возвращения.

[152, с. 112-113].

112

Еще в 1682 г. король Сиама через г-на Констанция сделал предложение г-ну Деланду, который пользовался полным доверием короля и Констанция. Предложение заключалось в том, что он должен был использовать свое влияние, чтобы добиться постройки крепости в Джохоре, откуда голландцы должны быть выгнаны. Для этого он готов был предоставить в распоряжение Деланда известные средства. Последний, однако, не решился взять на себя такую ответственность, хотя прекрасно понимал ценность этого мероприятия. Он сообщил об этом предложении Барону, тогдашнему генеральному директору [Компании] в Индии. Компания [французская] так же была информирована еще в 1684 г., но не предприняла никаких шагов.

В то же время король Сиама предложил Деланду нагружать его суда, отправляющиеся за пределы Сиама, любыми товарами и привозить обратно медь, за что он будет освобожден от фрахта и пошлин.

Он [король Сиама] предложил также отправлять прямым рейсом из Франции (в Сиам) в январе судно с грузом стоимостью 300 тыс. ливров (половина тканями, половина — монетой). Ткани он купит с прибылью в 20—25% для фактории, деньги же (серебро) будут приниматься по курсу в обмен на селитру, медь и олово. Часть (этого) груза можно будет сбыть на Коромандельском побережье и, догрузив корабль хлопчатобумажными тканями и сохранив селитру в качестве балласта, можно будет вновь отплыть (во Францию) в начале февраля.

Сиамцы в это время подозревали, что голландцы замышляют захватить Бангкок, и они поделились своими подозрениями с Деландом. И поскольку голландцы в это время настоятельно требовали Джонсалам, чтобы торговать там монопольно, Деланд помешал этому, и его обнадежили, что Компания (французская) сможет там обосноваться.

Затем он заключил договор относительно перца, согласно которому, за исключением 10-й части, или, если этого окажется недостаточным для потребления королевства или короля Сиама, одной пятой, весь перец будет продаваться Компании по 3 ливра за фунт, в то же время иностранцам и всем прочим будет запрещено вывозить перец за пределы Королевства.

Видя, что по истечении двух лет компания все еще не в состоянии вести какую-либо торговлю, король Сиама послал Деланда в конце 1684 г. в Сурат сообщить о договоре и принять меры для выполнения сделанных предложений. Поэтому, когда г-н де Шомон прибыл в Сиам, Деланд, один из способнейших служащих компании на Востоке, отсутствовал. Он больше не вернулся, и дела перешли в руки ювелира из Парижа по имени Вере, которому не хватало опыта и способностей, необходимых в предприятиях такого рода.

В результате у де Шомона, который на все предложения, устные и письменные, предпринять шаги к развитию торговли Компании неизменно отвечал, что единственной целью его миссии является обращение короля в христианство, не оказалось ни одного опытного человека, который помог бы ему (в деловом отношении), и поэтому он заключил договор на очень сомнительных условиях. В добавление к тому, что он сказал, как вытекает из всех положений, содержащихся в меморандуме, который г-н де Шомон представил по возвращении во Францию относительно ситуации в Сиаме, король Сиама очень обеспокоен (агрессией) голландцев и в этом вопросе полагается на де Шомона. Об этом говорится в меморандуме, который он через г-на Констанция передал ему в Луво. Там он, рассказывая о своих подозрениях относительно голландцев, спрашивает, какие действия ему следует предпринять в случае войны, и недвусмысленно указывает, что укрепленные места ему нужны только, чтобы обеспечить передвижение французов. В противном случае он их прикажет скрыть и выйдет встречать голландцев в чистом поле.

Однако г-н де Шомон подписал договор с г-ном Констанци-ем в Луво 11 декабря и впоследствии еще один договор относительно перца. Основные пункты в этих договорах следующие:

1. Относительно свободы торговли и освобождения от пошлин: даровано освобождение от пошлин вместе с разрешением покупать все виды товаров (если это не контрабанда), но с условием, что покупать следует только у хранителей складов короля. Что касается товаров, привезенных иностранцами или Компанией (за свой счет), Компания имеет право покупать и продавать их свободно при условии, что король имеет преимущественное право покупки этих товаров для своих нужд. Обусловлено также, что в случае нарушения служащими Компании этих правил Компания теряет свои привилегии вплоть до урегулирования дела Христианнейшим Королем.

В этой статье король Сиама ничего не дает Компании. И чиновники короля по своему усмотрению могут назначать низкие цены на французские товары и высокие на местные и иностранные (которые они продают). По мнению миссионеров, Компания не сможет вести успешной торговли при таких условиях, тем более что, как бы король ни благоволил к Компании, его благие намерения будут искажены чиновниками.

Поскольку следует ожидать, что король готов пойти на любые условия, приемлемые и выгодные для Компании, необходимо, чтобы послы, в дополнение к уже дарованному освобождению от пошлин, потребовали полной свободы для продажи ввезенных ими товаров при условии предварительного согласования ассортимента и количества товаров и договоренности о ценах с королем Сиама. Они должны также потребовать права покупать без ограничения сиамские и привезенные из-за границы товары.

Если, однако, окажется невозможным добиться этой привилегии полностью, необходимо настаивать на праве покупать местные и иностранные товары не через руки королевских чиновников.

Во 'Всяком случае, послы должны по крайней мере договориться о ценах, по которым будут продавать сиаемскому королю французские товары и товары с [Коромандельского] побережья. Эта цена должна быть на 20—25% выше себестоимости для французских товаров. А король, давая в обмен товары из Японии, Китая, Индии и других мест, может делать на них наценку против продажной цены на месте в 8—10%, смотря по расстоянию, и чтобы это было пропорционально наценке в 20—25% на французские товары. И должно быть заключено соглашение, что Компания будет продавать товары Сурата, Ко-романделя и Бенгала с наценкой 10%.

Что касается местных товаров, ввозимых в Аютию, то послы не должны отступаться от права покупать их у частных лиц по рыночным ценам.

Поскольку голландцы, по-видимому, имеют разрешение торговать некоторыми контрабандными товарами, как-то: птичьи гнезда, орлиное дерево (калембак), калин и др., совершенно необходимо получить такие же привилегии для Компании.

Если служащие Компании будут лишены привилегий в случае злоупотребления ими, то, учитывая те убытки, которые может принести [в этом случае] приостановка торговли до прибытия из Франции решения Короля, следует этот пункт заменить конфискацией товаров, которыми эти служащие Компании торговали [якобы] от ее имени.

В ст. 3 король Сиам дарует Компании свободу отгружать на иностранные суда свои товары для беспошлинного ввоза и вывоза. Этот пункт подразумевает, что Компания имеет право хранить товары для свободного вывоза из Сиам. Но эту мысль надо выразить [гораздо] точнее.

В ст. 4 говорится о праве Компании фрахтовать суда с теми же привилегиями, которые оговорены и в ст. 3. Послы должны добиться такой же формулировки, как и в этой статье.

В ст. 5 король Сиам предлагает, чтобы (французский) король назначил судью для разбора судебных дел между французами и сиаемцами или иностранцами.

Компании предоставлена монополия на торговлю оловом Джонсалама при условии, что она будет снабжать жителей Джонсалама необходимыми товарами.

На картах, так же как и в различных донесениях, отмечается, что Джонсалам [Джанк Сейлон] расположен на побережье к северу от Малакки и сравнительно недалеко от Мергуи и Тенассерима. Так же как и в Сингоре, здесь поблизости есть река. Поэтому можно заключить, что Джонсалам, снабженный гаванью с такими же удобствами, как в Мергуи, будет очень полезен для Компании не только как прибежище для ее судов, идущих с побережья и зимой, но и для торговли южными товарами, особенно перцем, большие урожаи которого собираются в окрестностях Лигора, который находится в 20 лигах от Сингоры, [поскольку удастся] избежать плавания через Зондский и Малаккский проливы.

Чтобы сделать [окончательный] выбор между Джонсаламом и Мергуи, необходимо подробно исследовать, какое из этих мест представляет большие удобства для торговли и безопасности судов. Если послы не смогут получить достоверных сведений относительно удобств и выгод обоих этих мест, чтобы просить одно из них для независимого и постоянного поселения, тогда по прибытии в Аютию они должны будут послать опытных и испытанных людей в Сингору, Лигор, Джонсалам и Мергуи, чтобы сделать выбор и добиться согласия с местными властями.

Послы должны выяснить, в чем состоит обязательство снабжать товарами жителей Джонсалама или другого места, которое будет уступлено, чтобы этот пункт не превысил выгод, которые принесет данное поселение.

В ст. 9 и последней договора господина де Шомона король Сиам уступает Его Величеству Сингору и зависящие от нее земли с правом укреплять и использовать [их] по своему усмотрению, но с условием, что это предложение останется в тайне до решения Его Величества (Короля Франции).

Из данных, почерпнутых из отчета г-на де Шуази, из того, что писал г-н де Метеллополис, и того, что сообщают некоторые частные лица, вернувшиеся из Сиама, явствует следующее:

1. Положение Сингоры очень удобно для укрепления [и требует] небольших расходов. Корабли могут оставаться на рейде в полной безопасности в течение 8 месяцев в году. Во время северо-восточных ветров они могут уходить в Лигор, имеющий хорошую гавань и расположенный всего в 20 лигах.

2. Можно будет привлечь туда всех торговцев Китая, Японии, Борнео, Тонкина, торговцев-мавров и т. д. и свободно торговать, пользуясь двумя-тремя судами, с Китаем, Японией и другими странами, с большими удобствами, чем из Сиама [Аютии].

3. Из Сингоры, пользуясь речным путем, можно поддерживать торговлю с прибрежными местами в провинции Кедах, где находится Джонсалам, и получать там перец и другие товары, минуя Зондский и Малаккский проливы. Но поскольку Син-гора совершенно разрушена и удалена от Сиама [Аютии], лучше было бы получить место более близкое и застроенное.

Послы, не отказываясь от Бангкока, который обещан, должны рассмотреть выгоды, которые можно будет извлечь для торговли сооружением укрепления или просто торговой фактории в Сингоре. А также [следует подумать], какой вред будет причинен Компании, если какое-нибудь из этих мест не будет в руках Компании, особенно с точки-зрения покупки и вывоза перца.

В договоре, который будет заключен, послы должны добиться либо уступки Сингоры, либо, если возникнет необходимость просить другое место для поселения — на южном берегу или на побережье Малакки,— добиться от короля Сиама обещания не уступить Сингору никакой другой державе ни под каким предлогом.

Другой пункт — Лигор, если там действительно существует гавань, как нам сообщили, в которую поступает большая часть урожая перца из окрестностей Лигора. Далее, если Лигор окажется более или менее удобным для отправки этого урожая на северное побережье, в этом случае послы должны потребовать Лигор и всеми возможными способами добиваться получения его, вместе с монополией на торговлю оловом, которой в настоящее время [там] пользуются голландцы.

Если, однако, уступив Бангкок, король Сиама найдет затруднительным уступить Лигор, если, несмотря на всевозможный нажим с целью получить также и указанный Лигор, он [все же] откажется отдать его в полное распоряжение (французского) короля и пожелает оставить за голландцами и торговлю оловом, представляется необходимым создать там факторию для скупки перца и получить все необходимые привилегии и льготы.

В итоге послы должны потребовать и получить Бангкок и наиболее выгодное и удобное место на побережье к северу от Малакки — Мергуи, или Джонсалам [Джанк Сейлон], или какое-либо другое, которое, по их мнению, будет наиболее подходящим. Что касается Сингоры и Лигора, то послам следует изучить условия торговли, с тем чтобы требовать одно или другое из этих мест или оба вместе.

Цена, установленная на перец, соответствует ценам малайского побережья и представляется выгодной. Остается исследовать прочие условия и все, что касается поступления, стоимости перевозки и количества (перца), которое король Сиама будет резервировать для себя,— это детали, на которые послы должны обратить особое внимание, рассматривая вопрос об устройстве поселения в Сингоре или Лигоре.

Так как договор, заключенный г-ном Деландом, в котором остается еще много других сомнительных пунктов, тем не менее включает в себя условия более выгодные, чем в договоре г-на де Шомона, послы должны добиться точной формулировки этих условий, заменив двусмысленные обороты другими, способными обеспечить прочный статус Компании.

Следует установить, что весь перец будет продаваться Компании по обусловленной цене, которую нельзя будет повышать ни под каким предлогом. И что ни король Сиама, ни его подданные не будут иметь права продавать перец местным жителям или иностранцам до тех пор, пока Компания не закончит свои закупки.

Однако король Сиама может удержать десятую или максимум пятую часть перца, собранного [в стране] или привезенного извне для потребления в своих владениях. В случае, если перца будет собрано больше, чем Компания пожелает взять, король Сиама и его чиновники могут располагать остатком, как пожелают, однако только после того, как Компания получит все количество перца, которое она желала закупить.

Если будет собрано перца больше, чем затребовала Компания, хотя она и объявляет о нужном ей количестве перца за два года вперед, она не обязана забирать весь урожай, но послы все же, если от них потребуют, должны установить лимит в 500—600 тыс. ливров или даже больше, если пожелают, с правом уменьшить это количество, предупредив заранее, чтобы чиновники короля Сиама могли знать, сколько [перца] они должны представить [Компании] и сколько сохранить.

Послы должны выяснить стоимость закупок и транспортировки, с тем чтобы добиться условий и привилегий как в отношении пошлин, так и в отношении средств транспорта, чтобы эта торговля была выгодна для Компании. Штраф, который будет взыскиваться с покупающих перец в нарушение привилегии Компании, идет в пользу короля [Сиама]. Надо потребовать, чтобы половина его шла в пользу Компании.

Королевские суда, вышедшие в феврале, могут достигнуть Сиама в августе или сентябре. Поскольку Его Величество желает, чтобы на обратном пути они посетили Коромандельский берег, им надо будет отплыть [из Сиама] в конце октября и прибыть «а это побережье в конце декабря, с тем чтобы не задерживаться там дольше чем до начала февраля.

Но так как плавание может быть замедлено различными случайностями и переговоры в Сиаме могут затянуться, следует [все же] приказать только двум судам идти к этому побережью, как только они выгрузят товары, подарки и людей. Остальная эскадра может либо возвращаться прямо во Францию, если не останется времени для посещения Коромандельского побережья, либо же соединиться там с ранее отправленными судами.

Если Его Превосходительство [маркиз де Сеньеле] решит, что эти два судна должны покинуть Сиам раньше других, оба посла либо один из них, закончив переговоры не позже чем в декабре, могут отправиться сухим путем в Тенассерим, где они еще застанут судно Компании, зимующее в этом месте, и таким образом смогут догнать два корабля, ушедшие на побережье. Там они должны будут заключить договор с чиновниками короля Голконды и прекратить враждебные действия, которые были начаты указанным судном Компании.

В дополнение к приказу Компании г-ну Деланду (который в настоящее время находится в Пондишери) возвратиться в Сиам [Аютию] через Тенассерим представляется необходимым послать ему приказ такого же рода от имени Короля [Франции], поскольку он [Деланд] превосходно знает страну и пользуется доверием короля [Нарая] и г-на Констанса.

Его Превосходительство будет просить, чтобы один из королевских кораблей остался на Коромандельском побережье на весь муссонный период в случае, если дела в Голконде не будут закончены до 8 февраля.

[150, с. 230—236].

По приказу Его Величества короля Сиама — английскому правителю и Торговой Компании, торгующей в Ост-Индии и находящейся в Лондоне, и губернатору и Совету форта Сен-Джордж.

Любовь, забота и благосклонность, которые Его Величество и его царственные предшественники всегда проявляли по отношению к иностранным купцам, и в особенности к английским купцам (среди которых факторы Ост-Индской Компании всегда занимали наиболее выдающееся место), хорошо известны всему миру, и об этом можно не распространяться, так же как о заботе, которую неизменно проявляет правительство [короля Сиама], чтобы иностранной торговлей ведали хорошие министры и чтобы привилегии, предоставленные каждой нации, соблюдались и не нарушались бы даже в малейшей степени. Поэтому Его Величество уверен, что весь мир поверит его королевскому утверждению, что только неизбежная необходимость принуждает Его Величество поднять оружие против упомянутой английской Компании и всех находящихся на ее службе для поддержания своей чести и защиты своих портов и своих подданных, до тех пор пока Его Величество король Великобритании своей властью над указанной Компанией не положит конец этой борьбе, вызванной незаконным поведением Компании и ее служащих, нарушивших общий мир и не имеющих иных целей, как лишать мирных жителей их собственности, благодаря чему упомянутая Компания так безмерно обогатилась... Его Величество приступает далее к сообщению всему миру, как сильно пострадала Его Королевская честь и казна от этой Компании и ее слуг.

1. Факторы английской Ост-Индской торговой Компании в Лондоне в правление предшественника Его Величества — короля Сомдет Лыанг Тоон Тан [Сонгтама], современника незабвенной памяти короля Карла I, задолжали казначейству Его Величества в результате различных займов на сумму 1500 катти [120 тыс. бат]. Они покинули королевство, не заплатив этого долга по причине гражданской войны в их стране.

2. Сэмюэль Поттс, уполномоченный английской Компании, в 2226 г., который соответствует 1682 г. римского календаря, собрал несколько хулиганов, которые нарушали покой королевской столицы Крунг Теп Пра Маха Након [Аютии] своими постоянными дебошами и стрельбой из мушкетов на улицах по ночам, несмотря на строгое запрещение министров Его Величества. Когда же власти задержали одного из главарей этих бродяг, упомянутый Сэмюэль Поттс и его приверженцы вырвали его из рук правосудия, применив оружие.

3. В результате беспорядочного образа жизни упомянутого Сэмюэля Поттса и его компаньонов один большой каменный дом и три деревянных [в которых жили служащие Компании] сгорели дотла. Упомянутый Сэмюэль Поттс не позволил слугам Его Величества тушить пожар, закрыв перед ними дверь и обвиняя их в том, что они якобы хотят войти с целью грабежа. Убытки Его Величества от этого пожара оцениваются в 200 катти [16 тыс. бат].

4. Его Величество даровал упомянутой Компании ряд привилегий, в том числе освобождение от всех пошлин для того, чтобы она основала свои фактории в этом королевстве, и таким образом оба народа получали бы выгоды от взаимной торговли. Упомянутая Компания не делала никаких попыток к развитию такой торговли, редко посылала своим факторам товары для местного рынка, кроме мануфактуры низкого качества, как явствует из заявлений ее же служащих, особенно м-ра Джорджа Уайта, торговца из Лондона, и м-ра Джозия Чайлда, губернатора упомянутой Компании, и ее агентов в Бантаме и Сурате. Поэтому не Сиам, а сама Компания виновата в том, что ее доходы не соответствуют ее ожиданиям. В то же время доходы Его Величества [в результате предоставленных Компании льгот] уменьшились на 500 катти [40 тыс. бат].

5. Министры Его Величества послали Томаса Иветта с товарами в форт Сен-Джордж закупить там драгоценности, согласно данной ему инструкции, и снабдили его рекомендательными письмами к губернатору и Совету форта Сен-Джордж, прося помочь ему в этом деле ввиду неопытности указанного Иветта и его помощников. Упомянутый Иветт получил письменные инструкции ничего не предпринимать в этом деле, не посоветовавшись с губернатором и Советом. На случай небрежного отношения к своим обязанностям упомянутого Иветта губернатору и Совету были посланы копии

полученных им инструкций, но последние, вопреки ожиданиям министра Его Величества, вместо того чтобы помешать другим воспользоваться неопытностью Т. Иветта, назначили м-ра Елиху Йеля, второго члена Совета, который сам воспользовался этой неопытностью, и куда более умело, чем самый опытный мошенник. Под личиной честного торговца и преданного друга, потчуя указанного Иветта вином и одаряя подарками, он убедил его подписать контракт, по которому Его Величество потерпел убытки в размере 900 пагод, или 18000 реалов. Министры Его Величества, желая восстановить права Его Величества и в то же время сохранить репутацию Йеля, послали- Томаса Йеля (брата упомянутого Елиху Йеля) в Мадрас просить исправить это зло, снабдив его ценными подарками от Его Величества и вежливым и дружественным письмом от министров к нему и губернатору. В последнем письме высказывалась просьба, чтобы его принудили сделать справедливое возмещение в случае, если он откажет своему брату. Но все это было безрезультатно. Поскольку же упомянутый Иветт не имел полномочий вести торговлю без согласия и одобрения Елиху Йеля и Совета... казначейство Его Величества было вынуждено наложить арест на выплату указанному губернатору и Совету Сен-Джорджа [из-за этих людей], пока английская Компания не даст полного удовлетворения. [Король] в письме своего министра предложил, чтобы авторитетное лицо было прислано сюда ко двору для разрешения этого дела. Далее и другие жалобы, высказанные английской Компанией, являются несостоятельными, что будет видно из дальнейшего.

6. То, что Его Величество в результате враждебной провокации был вынужден поднять оружие против королевства Голконда, объяснялось в королевской декларации от 21 числа второго месяца 2228 г. [1684 г.]. В ней перечислялись совершенные [Голкондой] несправедливости: вред, нанесенный королевской власти, и оскорбление королевской персоны, захват в плен его служащих, как англичан, по национальности, так и местных жителей, Мухаммедом Али Бегом и Мирзой Ибрагимом Сиркем, бывшим министром короля [Голконды]. Несмотря на протесты, заявленные Моданаху, бывшему министру короля, он не дал никакого удовлетворения. И тогда Его Величество приказал капитану Джону Котсу и Вильяму Маллету вторгнуться в королевство [Голконда] с огнем и мечом и захватывать все, что они смогут, из имущества или людей, принадлежащих королю или его подданным. Когда Джон Коте прибыл в Нарсапор, гавань указанного королевства, и начал выполнять свое задание, уполномоченные Компании в Масулипатаме Роберт Фримен и Сэмюэль Уэльс, а также уполномоченные в Мадаполаме Тимоти Харрис, Бенджамен Нортхей, Сэмюэль Свинок и Чарльз Фауне замыслили нанести ущерб королю Сиаму и вручили 5 декабря 1685 г. капитану Джону Котсу протест, подписанный вышеперечисленными именами и скрепленный печатью английской Компании, в котором наносился урон чести, репутации и авторитету Его Величества, поскольку в упомянутом протесте его слуги были названы пиратами.

7. Упомянутый капитан Джон Коте, Вильям Маллет и другие подверглись запугиванию и устрашению с целью принудить их отказаться от выполнения их задания. Вопреки всем законам и обычаям упомянутые Роберт Фримен и Сэмюэль Уэльс соблазнили их, спойив вином, и те выдали все имущество, оценивающееся в огромную сумму, в том числе все ящики с золотом и драгоценностями, [законно захваченное] капитаном Джоном Котсом на корабле «Киддари», принадлежащем королю Голконды, и на корабле «Новый Иерусалим», принадлежащем Жану де Марку [Иоанну Маркоряну], как заявлено в вышеупомянутом протесте. Упомянутый Роберт Фримен, не удовлетворившись этим, добился того, что Джон Коте выдал ему корабль «Киддари», на котором он поднял английский флаг, как бы подчеркивая этим несправедливость претензий относительно понесенных убытков в вышеупомянутом протесте, что подтверждается подлинным письмом самого Роберта Фримена к капитану Котсу от 22 февраля 1685/6 г.

8. Глава фактории в Сурате направил в порт Крунг Теп Пра Маха Након судно «Прудент Мери» под командой Сэмюэля Лейка. Оно прибыло 19 августа 1686 г., доставив различные товары и письма министру Его Величества от Джона Чайлда, губернатора

Бомбея и президента Сурата с многочисленными изъявлениями дружбы и приязни, как можно видеть из оригинала. В то же время корабль привез приказ, чтобы все служащие Компании выехали из Сиама со всем имуществом Компании, тотчас по получении приказа, хотя мистер Роберт Харбин, уполномоченный Компании в Сиаме, на прощальной аудиенции у Его Величества признал многочисленные милости, которыми, благодаря доброте Его Величества, пользовалась в этом королевстве вся английская нация, и в особенности английская Компания, и что в данный момент его хозяева обмануты ложными доносами, но он надеется, что их глаза откроются и в один прекрасный день они вернутся под покровительство Его Величества, которое до этого времени он им неизменно оказывал. Вскоре после этого двор получил письмо, в котором сообщалось, что вышеупомянутый Сэмюэль Лейк замышляет зло против имущества и подданных Его Величества, что было предотвращено способом, описанным в отдельной ноте. Ввиду того что упомянутый Сэмюэль Лейк не смог опровергнуть выдвинутые против него обвинения, он был арестован и его корабль ушел без него, а он умер по причине старой болезни.

9. Несмотря на такой образ действий английской Компании и ее служащих в Ост-Индии, Его Величество [король Сиама] продолжал неизменно дружественно относиться к ним, всецело руководствуясь великим уважением, которое он питает к Великобритании, громадный авторитет которой они [англичане] сильно подрывают эгоистическим стремлением к своей выгоде и раздувая недостойную вражду. Так, в прошедшем апреле, к великому изумлению Его Величества, он получил известие о том, что губернатор и Совет форта Сен-Джордж объявили войну ему и его подданным. Эта новость вскоре подтвердилась сообщениями, что корабли Компании захватили в Бенгале один из кораблей Его Величества, груженный различными припасами для гарнизона в Мергуи, а также шлюп «Мери», находившийся под защитой французского флага в Пондишери. Его Величество еще не располагает точными сведениями, как было поступлено с указанными судами, командой и имуществом, но заслуживающие доверия источники сообщают, что указанный губернатор и Совет обращаются с захваченными моряками хуже, чем обращаются с рабами и пленниками самого варварского народа в мире, хотя эти люди — подданные британской короны, которые с согласия прежнего правления [Компании] поступили на службу Его Величества, и поэтому на них не распространяются прокламации английского короля против контрабандистов. Его Величество не может допустить, чтобы справедливость Его Величества Короля Великобритании была настолько забыта, чтобы он мог дать подобную власть купцам в ущерб чести обоих королей и их неизменной дружбе, не известив предварительно через послов или письмом об ущербе, понесенном его подданными, и получив категорический отказ возместить убытки.

10. Губернатор и Совет форта Сен-Джордж совершили беспрецедентное нарушение [норм] международного права, направив в Мергуи корабли «Куртана» и «Яков», первый под командой капитана Антони Вельтдена, второй же под командой Гослина. Они прибыли в Мергуи в июне [1687 г.] и, не произведя никаких [воинских] приветствий тамошнему гарнизону Его Величества, высадили вооруженные отряды и обнародовали три бумаги. В первой из них, адресованной Ричарду Барнеби, губернатору Мергуи, и Сэмюэлю Уайту, шабандару, под управление которых была поставлена провинция Тенассерим, содержался призыв ко всем англичанам на службе короля Сиама, от имени короля [Англии] выполнять все приказы английской Компании, подняться на борт фрегата «Куртана», которым командует капитан Антони Вельтден, выполняющий задание Его Величества [короля Англии], и помочь ему получить удовлетворение от короля Сиама за несправедливости, убытки и потери, понесенные по вине главного министра [Сиама] в соответствии с инструкцией, полученной упомянутым капитаном Вельтденом от короля Англии, обязавшей его выполнять все приказы Компании. Далее следовали угрозы тем, кто нарушит этот приказ. О намерениях английской Компании и ее служащих весь мир может судить по содержанию второго и третьего документа. Они

закключают в себе требования, предъявленные королю Сиама, и объявление о начале военных действий. Еще задолго до этого упомянутый губернатор объявил войну [Сиаму], о чем свидетельствует его письмо к французскому директору в Пондишери.

Претензии этих документов (перечисляющих якобы имевшие место несправедливости, потери и убытки) совершенно беспочвенны. Единственное «доказательство» их справедливости — это письмо самих же губернатора и Совета форта Сен-Джордж к одному из министров Его Величества от 4 января 1686 г., в котором они высказывают свое неудовольствие действиями их превосходительств, выразившимися в том, что те отправили домой [в Англию] контрабандиста Обони с полным грузом [или по крайней мере] разрешили ему это сделать, и в том, что они послали вместе с ним посла не к английскому, а к французскому королю, что [по мнению авторов письма] было единственной причиной плохого обращения, которому они подверглись по прибытии в Англию.

В то время, когда эти письма английской Компании объявляли о недовольстве в Англии, тот же самый министр был почтен очень лестным письмом Его Величества Короля Великобритании, в котором тот уверял его в своей вечной королевской дружбе, несмотря на все усилия, приложенные сэром Джозия Чайлдом, главой Компании, к тому, чтобы добиться обратного. Тем не менее Его Величество, посвятивший свою жизнь сохранению мира и согласия, решил доказать миру искренность своих намерений, несмотря на многочисленные провокации и справедливые претензии к английской Компании и ее служащим. Член Совета провинции [Тенассерим] получил приказ пригласить капитана Вельтдена ко двору его Величества, и Его Величество честным королевским словом обязался дать английской Компании и ее служащим удовлетворение в тех случаях, когда этого требует справедливость. В случае же отказа [прибыть ко двору] король уполномочивал власти и Совет провинции Тенас-серима вести переговоры от его имени с упомянутым капитаном или с другим лицом, назначенным английской Компанией или властями Мадраса,

Но к величайшему сожалению Его Величества, он получил известие, что упомянутый капитан Вельтден стал совершать враждебные действия, арестовав лиц, находившихся на службе Его Величества, и разрушая брустверы и палисады, построенные для защиты города Мергуи. Эти действия находятся в полном противоречии с тем, что вышеупомянутые власти Мадраса писали Его Величеству, так как « время, предоставленное ими [для ответа на ультиматум], не истекло еще и наполовину.

Вслед за тем поступило сообщение, что упомянутый капитан Антони Вельтден, послав две шлюпки, захватил принадлежавший Его Величеству 22-пушечный фрегат «Решение» вместе с большим грузом. [Он сделал это] благодаря измене англичанина Ричарда Барнеби, губернатора Мергуи, и капитана «Решения» Александра Лесли. Губернатор провинции, желая сохранить мир, не стал применять силу ц л я возвращения этого корабля.

Вскоре после этого поступило третье сообщение, в котором власти провинции Тенассерим извещали о том, что Ричард Барнеби, губернатор Мергуи, и Сэмюэль Уайт, шабандар и сбор-щик королевских пошлин, и все остальные англичане, находившиеся на службе короля Сиама, не представив никаких объяснений своего поведения, изменнически соединились с капитаном Вельтденом и некоторыми из его людей, составив вместе [отряд] более чем из 80 человек, и в 12 часов ночи 16-го дня восьмого месяца, что соответствует 14/24 июля [1687 г.], открыли огонь из пушки (которую они установили в доме упомянутого сборщика налогов) по дому губернатора провинции, находившемуся на расстоянии почти 30 фатомов⁹⁴, намереваясь [этим] запугать упомянутого губернатора провинции и отвратить младших чиновников от выполнения своего долга и, таким образом, овладеть городом с большей легкостью. В это же время корабль «Яков» (принадлежащий английской Компании) стал стрелять из пушек по городу. Но

⁹⁴ 30 фатомов — около 55 м.

всемогущее Провидение, видя справедливость дела Его Величества, помогло его оружию сокрушить этих мятежников, поскольку они состояли у него на службе, и капитанов Антони Вельтдена и Гослина (корабль которого «Яков» с командой примерно 30 человек был вскоре захвачен). Поэтому Его Величество, отчаявшись найти средство к примирению, вынужден поднять оружие в защиту древних и несомненных прерогатив своего трона, личности и чести и в защиту своих городов и подданных, твердо уверенный в том, что Бог, создавший небо и землю, и море, и все существующее, 'Непременно поможет ему в его справедливом деле.

Поскольку не осталось другого средства для защиты королевства Его Величества от коварных злодеяний английской Компании в мирное время, Его Величество считает необходимым и объявляет, что он впредь будет захватывать все имущество и служащих английской Компании без исключения, на суше и на море, по эту сторону мыса Доброй Надежды — всюду, где только сможет, и приказывает всем генералам, губернаторам, капитанам и прочим офицерам, солдатам и морякам, своим подданным и иностранцам, находящимся у него на службе, захватывать все суда, товары и прочее имущество, принадлежащее английской Компании, и ее служащих, и запрещает под страхом смерти любые сношения, торговые сделки и соглашения с английской Компанией или ее служащими без специального разрешения на то министров Его Величества, и посему Его Величество отменяет все разрешения, паспорта, пропуска, привилегии и вольности, дарованные министрами Его Величества, губернаторами и другими чиновниками указанной Компании или ее служащим. И Его Величество приказывает всем губернаторам и комендантам городов, чтобы они объявили всем свободным⁹⁵ подданным Его Величества Короля Великобритании и служащим английской Компании, находящимся на территории [Сиамского] королевства, от Его Королевского имени, что те из них, кто будет вести себя как должно и не станет сноситься с неприятелем [под которым подразумевается английская Компания или ее слуги] устно, письменно или [поддерживать его] какими-либо иными способами, могут оставаться в полном спокойствии, и ни они сами, ни их имущество не потерпят никакого ущерба или вреда.

Далее. Его Величество объявляет, что, несмотря на эту декларацию, Его Величество сохранит и будет поддерживать дружбу и союз с Его Величеством Королем Великобритании, который искренне желает в интересах мира (столь необходимого для развития торговли) положить конец этой борьбе, принудив упомянутую Компанию к тому, чего требуют международные законы и неоспоримое право короля.

Его Величество приказал всем начальникам и другим офицерам, солдатам и морякам, служащим и подданным Его Величества на море и суше исполнять королевский указ. Если же они встретят какие-либо корабли, барки или иные суда, товары или лиц, принадлежащих к английской нации, но не состоящих на службе у Компании, они никоим образом не должны вредить им «ли наносить какой-либо ущерб, но, напротив, оказывать им всяческую помощь, как если бы не было разрыва с английской Компанией. И Его Величество желает, чтобы все сиамцы и все лица, которых это может касаться, строго соблюдали этот указ.

Его Величество желает, чтобы этот указ был объявлен во всех гарнизонах, портах и городах, где это необходимо, чтобы никто не мог отговориться неведением.

Дано и объявлено по приказу Его Величества в его королевской резиденции Лаво 11 августа 1687 г.

[216, т. I, с. 162—167].

Соглашения, установленные 16 октября 1687 г. между их Превосходительствами гг. де Ла Лубером и Себре, чрезвычайными посланниками Франции и о. Ташаром,

⁹⁵ Т. е. не находящимся на службе у Ост-Индской компании.

уполномоченным Его Превосходительства г. Константина Фалькона, премьер-министра Его Величества Короля Сиам в том, что

1. Французские войска, помещенные в Бангкоке и Мергуи, так же как и те (войска), которые будут посланы туда в дальнейшем, и их офицеры не будут подчиняться никому из сиамцев или других иностранцев, но будут исполнять приказы Короля (Сиам), переданные через посредство его первого министра в случае, если они не будут противоречить приказам Его Христианнейшего Величества (Короля Франции).

2. Король Сиам может требовать от генерала французских войск и комендантов отдельных местностей только такое число (солдат), которое может быть ему предоставлено, не слишком ослабляя гарнизон, который должен всегда оставаться настолько сильным, насколько указанные коменданты считают необходимым для безопасности данного места, а отряды (посланные) этими гарнизонами должны находиться под командованием только французских командиров.

3. Сооруженные крепости, редуты и укрепления будут охранять французы и столько сиамцев, сколько потребует французскому коменданту; сиамские войска будут помещены в городах под командованием старших офицеров, назначенных Его Христианнейшим Величеством, и в случае замены он сообщит об этом королю Сиам и его первому министру.

4. Укрепления должны быть расположены таким образом, чтобы планы инженеров Его Христианнейшего Величества были одобрены Его Величеством (Королем) Сиам или Его Превосходительством (премьер-министром); только после указанного одобрения генерал или другой офицер может начать строительство.

5. Назначение офицеров нефранцузских войск полностью во власти Его Величества (Короля) Сиам, указанного г-на министра и его преемников и не зависит от генерала или других (французских) офицеров, однако же не должно нарушать ст. 3.

6. В случае перемены или посылки (куда-либо) французских войск указанный генерал не должен повышать или понижать в должности никого из офицеров, не поставив в известность Его Величество (Короля Сиам) или указанного г-на министра.

7. Военное правосудие во французских войсках принадлежит французам.

8. Интендант должен всегда оставаться при Дворе, если интересы Его Христианнейшего Величества или Его Величества (Короля) Сиам не потребуют его присутствия в том или ином месте.

9. В случае сомнения если приказы, отданные в различных случаях в будущем, будут касаться интересов обоих государств, генерал и другие офицеры должны будут следовать решениям указанного министра, [принятым] совместно с о. Ташаром, если Его Христианнейшее Величество не решит иначе относительно данной статьи.

10. Видя великое доверие Его Христианнейшего Величества к отцам Общества (Иисуса) и зная расположение Короля, моего господина, к этим отцам, которые не только внесли, но и внесут еще немалый вклад в дело сохранения прочного союза и взаимной царственной дружбы между двумя монархами, было бы уместно и следует принимать во внимание мнение главы (супериора) французских иезуитов общества (в Сиаме) согласно доброй воле обоих монархов и для пущей славы Господа нашего Бога.

11. Если французы будут использованы как телохранители короля Сиам, для командования судами, управления городами и провинциями или на какой-либо иной службе Его Величества (Короля) Сиам, они не будут зависеть от французского генерала и других офицеров французских войск в исполнении своих функций, если Его Христианнейшее Величество не решит иначе относительно данной статьи.

12. Все войска, генералы, коменданты и другие офицеры будут подчиняться Его Величеству Королю Сиам и Его Превосходительству, упомянутому министру, так же как Его Христианнейшему Величеству и его министрам.

13. Что касается присяги, то они должны поклясться быть верными службе и интересам обоих Величеств — королей Франции и Сиам и (сражаться) с их врагами, и

всегда подчиняться указанным статьям и королевским приказам, переданным г-ном министром и его преемниками.

14. Поскольку Его Величество Король Сиам избрал отцов иезуитов орудием для объединения королевских интересов с интересами Христианнейшего Короля и Его Христианнейшее Величество подтвердило это доверие своим собственным доверием к их обществу — в случае смерти или при отсутствии упомянутого г-на министра, все управление делами переходит в ведение упомянутого супериора иезуитов [с властью], такой же, как у Его Превосходительства.

15. Поскольку французский губернатор Мергуп будет подчинен французскому генералу, приказы Его Величества [Короля] Сиам и упомянутого г-на министра будут передаваться ему через посредство французского генерала, если только обстоятельства не потребуют иного порядка, что будет регулироваться согласно ст. 9.

Секретная статья

1. То, что говорится в ст. 1 относительно войск, следует понимать согласно секретной договоренности, достигнутой между Его Высокопревосходительством Константином Фальконом и о. Ташаром, которая сообщена их Высокопревосходительствам гг. де Ла Луберу и Себре, причем они поклялись на святом Евангелии хранить эту тайну и обещали не помещать ее в своих отчетах и не сообщать никому ни прямо, ни косвенно, кроме как Его Христианнейшему Величеству и Его Высокопревосходительству г-ну маркизу де Сеньеле и то только устно, а не письменно.

Дано на борту «Уазо» 16 октября 1687 г.

[218, с. 7—10].

125

Договор о торговле и привилегиях в области торговли с Ост-Индскими странами и в особенности королевством Сиам и его областями между их Превосходительствами гг. де Ла Лубером и Себре, Чрезвычайными посланниками Его Христианнейшего Величества в королевстве Сиам и Ойя Пра Силет Суннва Тибоди Си Супова Пириа Пап, из управления Баркалона \пракланга\ и Оппа Сипипат Натто Нарайя Кусса, уполномоченным Королем Сиам⁹⁶

1

Король Сиам жалует Компании участок земли возле дома, где в настоящее время помещаются служащие указанной Компании, для строительства дома, удобного для их торговли.

2

Король Сиам разрешает французской Компании свободно-торговать в Его Королевстве и зависимых от него землях, с освобождением от ввозной и вывозной пошлины, т. е. все товары, которые Компания доставляет на своих собственных или зафрахтованных судах, она имеет привилегию продавать и покупать всем, кому хочет, без всяких ограничений под каким бы то ни было предлогом. И Компания имеет право покупать все товары, доставленные из любой страны.

В случае же, если склады Короля закупают привозные товары, не принадлежащие Компании, служащие Компании могут заявить о своих нуждах министру при прибытии указанных купцов [с товарами], с тем чтобы он им [перепродал] необходимое для их торговли количество товаров по той же цене, по которой они были куплены у доставивших их; и в случае если Компания будет нуждаться в олове из Джонсалама [остров Джанк Сейлон — остров Пукет], слоновой кости, селитре, ареке и сапане, то, потребовав у хранителей складов, она их получит по цене, согласованной с Его Величеством. Его Величество, однако, не разрешает Компании покупать эти виды товаров ни у кого из купцов, но только со складов, поскольку эти товары запрещено продавать

⁹⁶ Публикуется с сокращениями.

кому бы то ни было, кроме чиновников (складов) Короля. Селитра, порох, сера и оружие считаются контрабандными товарами. Компания обещает не вывозить их без разрешения Короля, а в случае ввоза этих товаров извещать Короля, который имеет преимущественное право [покупки]. Король Сиам предоставил голландской Компании монополию на торговлю кожей в Сиаме, и, таким образом, французская Компания не должна торговать этим товаром в Сиаме, но в любом другом месте она может свободно покупать его.

Его Величество освобождает Компанию от ввозных и вывозных пошлин, а также от таможенного досмотра, и служащие Компании обязаны только предъявлять письменную декларацию о грузе судна, т. е. сколько кусков сукна или ящиков меди [они везут]. Указанную декларацию они должны подавать при въезде в Бангкоке, при выезде — в Сиаме [Аютии], получая в этих двух местах разрешение министра соответственно на въезд и выезд.

3

Король Сиам разрешает всем торговцам, купившим товары указанной Компании для вывоза в другое место, не платить ввозных и вывозных пошлин.

4

Король Сиам разрешает Компании фрахтовать [в Сиаме] один-два или сколько угодно судов для доставки в любое место собственных товаров Компании с привилегиями, указанными в ст. 2 и ст. 3.

5

Король Сиам разрешает и данным договором уполномочивает главного служащего Компании, который [может] иметь резиденцию в любом месте королевства Сиам, в случае, если кто-нибудь из французских служащих или лиц другой нации, состоящих на службе Компании, будет судиться с другими служащими Компании, указанный Главный служащий, имеющий полномочия от Христианнейшего Короля, может решать [конфликты] этих лиц. И если какой-нибудь француз на службе Компании совершит убийство или иное преступление против другого француза также на службе Компании, он [главный служащий] может арестовать преступника, провести следствие и отправить [следственные материалы вместе с преступником] во Францию, чтобы тот получил там должное наказание за свое преступление. В случае же, если какой-либо служащий Компании будет вести гражданский или уголовный процесс против лица, не состоящего на службе в Компании, или, напротив, если кто-нибудь [не служащий в Компании] возбудит гражданское или уголовное дело против служащего Компании, правосудие будет осуществляться Его Величеством Королем Сиам; однако же, поскольку здесь затрагиваются интересы французской нации, Его Величество разрешает, чтобы служащий Компании, имеющий полномочия Христианнейшего Короля, участвовал с решающим голосом в суде Его Величества, где будет разбираться данный процесс. Поэтому указанный служащий должен принести клятву перед Богом судить по праву и справедливости...

6

Король Сиам разрешает Компании основать резиденцию в Джонсаламе или каком-нибудь ином месте этой провинции и также вести свободную торговлю в этой провинции без уплаты ввозных и вывозных пошлин, как указано в ст. 2. Более того, Его Величество предоставляет указанной Компании всю торговлю оловом в этой провинции с запрещением лицам всех других наций покупать и вывозить [это олово] под страхом конфискации [товара], половину которого получит Король Сиам, четверть — Компания и четверть — доносчик. Компания же обязывается поставлять товары, необходимые для торговли и для нужд жителей указанной провинции и ее районов, чтобы им не приходилось искать других средств для удовлетворения своих нужд, в противном случае торговля, которую станут вести жители [этой провинции] с представителями других наций, не будет нарушением монополии. Король будет по-прежнему получать

[определенную долю] налога в виде олова. Но с 25 сентября 1688 г. королевские чиновники не станут давать народу товары или деньги в обмен на олово, как они обычно делают, а будут взыскивать только то олово, которое идет в счет государственного налога. Объем олова и объем товаров, которые будет ввозить Компания, будут устанавливать совместно губернатор, чиновники, уполномоченный Компании и старейшины народа. В случае, если они не придут к соглашению, дело будет передано на рассмотрение Его Величества. Король разрешает Компании строить резиденции или фактории для торговли в любом месте своего королевства, где она сочтет нужным, пользуясь теми же привилегиями, которые она имеет в городе Сиам (Аютии) согласно ст. 2, 3 и 4 на следующих условиях:

1) чтобы указанные резиденции в Лигоре или других местах, где Его Величество предоставил привилегии другим нациям, не наносили ущерба привилегиям, предоставленным этим нациям;

2) чтобы указанная французская Компания, если она пожелает основать свою факторию в каком-либо порту, получила [предварительно] одобрение министров и Его Величества, представив для рассмотрения план задания.

8

Король Сиама гарантирует французской Компании, что в случае, если ее суда потерпят крушение у берегов его королевства, служащие Компании, находящиеся здесь или в любом другом месте, могут получить все остатки и товары, спасенные при кораблекрушении, причем ни губернатор, ни любое лицо, какого бы то ни было ранга, не имеют права им мешать.

Король Сиама благосклонно предоставляет французской Компании в полную собственность любой остров на расстоянии не менее 10 миль от порта Мергуи с правом укреплять его, возводить здания и использовать по своему усмотрению, но указанная Компания обещает перед Богом никогда не пользоваться этим правом во вред правам и интересам указанного Короля Сиама, ни принимать [здесь] его врагов, ни оказывать им какую-либо помощь, которая может повредить указанному королю. [Он же] предоставит полностью суверенные права и осуществление правосудия и все прочее, что может быть передано на этом острове, указанной Компании, и как только Его Величество узнает название и получит план [избранного французами] острова, он выдаст грамоту о дарении в полную собственность указанного острова от своего имени и от имени своих потомков.

Все французы любого ранга, когда они женятся или каким-либо иным образом обосновываются в Королевстве Сиам или в какой-либо зависимой от него области, в случае, если они пожелают выехать [из Сиама] со своими семьями, слугами и имуществом, получают разрешение [немедленно], если они расквитаются с долгами и другими обязательствами [юридического порядка]

11

Его Величество запрещает всем своим чиновникам и подданным подговаривать [склонять к дезертирству], предоставлять убежище или покровительствовать прямо или косвенно французам любого ранга, находящимся на службе Его Христианнейшего Величества или Компании, а если кто-нибудь из них дезертирует, губернаторы и чиновники областей, в которые они бежали, обязаны их разыскать и передать их начальству.

12

Король Сиама ратифицирует и подтверждает договор и привилегии, которые он предоставил Компании относительно перца Сиама и зависящих от него областей вплоть до Лигора, заключенный между М. Деландом и Окун Пипат Коса Белат в двенадцатом месяце в 3-й день растущей луны... 1684 г., и после долгих размышлений, подсказанных добротой Его Величества, статья, касающаяся конфискаций [была изменена таким образом], чтобы половина всех конфискаций у нарушителей этого трактата шла Его

Величеству Королю Сиама, а другая половина делилась на две части: одна Компании, а другая — доносчику.

Чтобы помешать впредь спорам, которые могут возникнуть между чиновниками складов Короля и служащими Компании, устанавливается: весь перец, который Король Сиама предоставил в силу упомянутой привилегии Компании, будет храниться на складе, запертом двумя ключами, один из которых будет у чиновников склада, другой — у служащих Компании, а с этого трактата будут сделаны три копии, имеющие равную силу: на сиамском языке, на французском и на португальском. Под каждой копией будут стоять подписи вышеупомянутых уполномоченных и их печати.

Дано в Луво 8-го дня растущей луны 2231/2 года, что соответствует 11 декабря 1687 г. [Подписи] Ла Лубер, Себре. [218, с. 10—13].

126

Акт возобновления договора, заключенного между покойным Королем Сиама и Достопочтенной [голландской Ост-Индской] Компанией в 1664 г. и подтвержденного и дополненного нынешним Королем Сиама 14 ноября 1688 г.

В связи с просьбой Лыанг Апайя Вари — Иоанна Кейтса, капитана голландцев⁹⁷, высказанной 26 сентября сего года и подкрепленной просьбой его предполагаемого преемника Лыанг Винчет Сакон⁹⁸ [Питера ван ден Хорна] по уполномочию Его Величества короля Сиама Ойя Пракланг данным актом ратифицирует, подтверждает и обновляет договор, заключенный 22 августа 1664 г. по велению Его Величества покойного Короля Сиама Ойя Праклангом, с одной стороны, и по уполномочию Достопочтенной Привилегированной голландской Компании в Индии покойным г-ном Питером де Биттером, с другой стороны.

И в знак дружбы Его Величества к голландцам этот договор пополняется новой привилегией, которой голландцы уже пользовались в прошлом, однако не оговоренной в договоре 1664 г. Отныне и впредь Достопочтенная Привилегированная голландская Компания будет пользоваться в городе Лигор монопольным правом закупки всего олова, за исключением того количества, которое Его Величество, по древнему обычаю, может потребовать для своих нужд.

К сему во дворце в Аютии приложена большая печать в год 2232, в воскресенье, в 7-й день двенадцатого месяца убывающей луны, что соответствует 14 ноября 1688 г.

Вышеупомянутое обновление, подтверждение и дополнение прилагаемого договора, великодушно дарованное Его Величеством, с благодарностью принято нижеподписавшимися от имени генерала голландской Компании в Индии в тот же день. [Подписи] Иоанн Кейтс, Питер ван ден Хорн.

[243, с. 63—64].

127

Договор между Королем Сиама и Достопочтенной Компанией

1. В связи с просьбой капитана и фактора голландцев Его Величество возобновляет и подтверждает договор, заключенный 22 августа 1664 г.

2. А также монопольное право покупать олово, дарованное 14 ноября 1688 г.

3. Его Величество разрешает покупку [всего] олова по обычным ценам, за исключением части Короля.

4. Согласно просьбе генерал-губернатора и советников Индии это возобновление будет вписано на полях упомянутых договоров.

[243, с. 65—66].

⁹⁷ Тогдашний начальник аютийской фактории.

⁹⁸ Сиамский титул Питера ван ден Хорна.

128

...В случае, если, вопреки всем ожиданиям, Король Сиама, убежденный или принужденный своими злонамеренными подданными, захочет переменить [политику] и совершит или допустит совершить что-нибудь во вред интересам Его Величества, безопасности его войск и указанных мест⁹⁹. Его Величество желает, чтобы г-н Дефарж вооруженной силой удерживал эти места, и конфисковал для этой цели доходы и плоды земли района Бангкока, и захватил бы крепость Таланкан и город Пипли [Петбури], и принял бы все меры, которые посчитает нужными, для того, чтобы заставить мятежников сдаться и признать авторитет Его Величества [Людовика XIV] [245, с. 93].

129

Письмо пракланга Пья Коса Тибоди (Коса Пан) губернатору Пондишерри Мартину, директору семинарии иностранной миссии в Париже о. Де Брисасье и духовнику Людовика XIV о. Де Ля Шезу от 27 декабря 1693 г.

...Вы утверждаете, что Вам известно о перевороте в Сиаме, так же как о страданиях епископа Лано и других отцов, которые, будучи невинными, были лишены всего своего имущества, несмотря на неустанные усилия, которые они всегда прилагали, стремясь к благосостоянию Сиама.

Вы считаете, что этому плохому обращению и заключению они подверглись в результате произвола наших чиновников, без ведома короля.

Наконец, Вы напоминаете об обещании, которое я дал, будучи во Франции, покровительствовать Монсеньору и отцам, и выражаете надежду, что я обращусь к королю с просьбой вернуть им все, что у них было отобрано.

Я должен признаться, что Ваша позиция изумляет меня. Она несколько не гармонирует с мудрым, осторожным и возвышенным отношением к делу Его Величества короля Франции. Он не склонил свой слух к одностороннему изложению фактов, единственному, которое он мог тогда услышать, и, несмотря на возведенные против [Сиама] обвинения, продолжал осыпать своими милостями двух сиамских послов, находившихся во Франции в то время, и тем дал яркое доказательство неизменной дружбы между Францией и Сиамом.

Его Величество король Сиама, как только он узнал об этом, не стал делать тайны из своего одобрения этой дальновидной мудрости, которая учитывает и положительные, и отрицательные отзывы о событиях и отказывается доверять только одной стороне. Это, по мнению нашего короля, гарантирует превосходные качества Правителя, стоящего во главе французского народа.

Суждение, которое Вы высказываете о нашем перевороте, примечательно тем, что Вы выслушали только одну сторону, подчеркивавшую страдания, вынесенные епископом и его окружением. Это, я повторяю, противоречит позиции, занятой королем Франции. Это, кроме того, наносит вред добрым отношениям между нашими странами... Вам известно, что покойный король Сиама, оказывая большое покровительство Константину Фалькону, поставил его на высокий пост и доверил ему, вместе с другими чиновниками, управление многими государственными делами.

Фалькон вытянул из казначейства огромные суммы в золоте и серебре и тратил их для собственного удовольствия. Затем он дошел до того, что стал замышлять предательские планы. Чиновники, знавшие об этом, не решались говорить, пока не представится подходящая возможность, но решили сами помешать заговору.

⁹⁹ Т. е. городов, оккупированных французами.

Фалькон понял, что ему не доверяют. Он решил добиться разрешения короля Сиама послать г-на де Борегара губернатором Мергуи и г-на дю Брюана с 120 французскими солдатами комендантом крепости Мергуи.

Впоследствии, когда король заболел, сознание того, что о его измене знают, сильно беспокоило Фалькона. Тогда он решил послать тайный призыв г-ну Дефаржу привести войска, чтобы обеспечить свою безопасность и осуществить свои предательские планы. Но генерал дошел только до Аютии. Затем он вернулся в Бангкок, не объясняя своих мотивов.

Фалькон был обвинен в заговоре с де Вердесалем, дю Брюаном и де Борегаром. Поняв, что его заговор неосуществим, он отправил двух последних в Мергуи, как указывалось выше, одного комендантом, другого губернатором. Это было открыто нынешним королем Сиама, когда он арестовал Фалькона и подверг его допросу. Ответы Фалькона, таким образом, подтвердили возведенные против него обвинения. Тогда было решено пригласить генерала в Лопбури. Он, ничего не зная об аресте Фалькона, спокойно приехал. Целью наших конфиденциальных переговоров с ним было предотвращение волнений, которые могли вызвать французы, так как мы боялись, что дю Брюан и де Борегар, пользовавшиеся доверием Фалькона, могут испугаться и совершить какие-нибудь недружественные действия.

Поэтому мы объявили генералу, что получили известия о серьезной опасности, угрожающей с севера, и что необходимо, чтобы его войска и войска дю Брюана, соединившись с сиамской армией в условленном месте, преградили путь врагу. Мы напомнили ему об инструкциях, полученных им во Франции, которые обязывали его служить королю Сиама. Затем ему было предложено написать письмо де Брюану с уведомлением об этом плане.

Если бы они были невиновны, они не стали бы нарушать инструкции французского короля и не прибегли бы к недружественным действиям. Однако же дю Брюан, получив письмо Дефаржа, стал готовиться к сражению. Сиамские чиновники были изумлены и вынуждены были принять меры к обороне. Французы открыли огонь из пушек и других видов оружия, который продолжался всю ночь, убили четырех чиновников и ранили многих людей. Сиамцы могли бы оказать сильное сопротивление, но ограничились тем, что ушли в укрытие. Дю Брюан и де Борегар, видя, что сиамцев нет поблизости, погрузили 16 пушек и 50 мушкетов на один из кораблей короля [Сиама], захватили стоявшее в гавани английское судно и бежали. Дефаржу сообщили о заговоре Фалькона с де Вердесалем и военным хирургом в Бангкоке и просили прислать этих людей в Лопбури, где их должны были предупредить, чтобы они не совершали недружественных действий. Дефарж ответил, что они столь упрямы, что бесполезно посылать за ними, но изъявил желание лично съездить за ними, оставив в Лопбури заложниками двух своих сыновей и других офицеров, которые там были. Мы не знаем, к какому решению пришел он вместе со своим штабом, покинув Лопбури. Нам известно, однако, что французские офицеры арестовали своих сиамских и португальских коллег, открыли огонь и сожгли генеральский поселок близ крепости, взорвали 13 пушек в Западном форте, заклепали те, которые они не смогли взорвать, и перевезли оружие и боеприпасы в форт на противоположной стороне реки.

Сиамцы немедленно заняли оставленный форт. Дефарж, увидя это, приказал своим людям вновь захватить его. Но они после непродолжительного сражения были вынуждены вернуться в свой форт и затем нанесли еще немало вреда.

Король Сиама, зная, что королю Франции неизвестно, что творят его войска, опасался, что, если его люди будут действовать решительно [т. е. истребят французов], это положит конец дружественным отношениям между двумя странами. Поэтому он приказал, чтобы сиамцы ограничились возведением защитных укреплений вокруг своего форта (дабы защитить реку) и на прибрежных землях, чтобы помешать французам делать вылазки и наносить вред стране.

Двум сыновьям генерала и офицерам, которых он оставил в Лопбури, было разрешено делать все, что они хотели, и однажды во время верховой прогулки они бежали, намереваясь достичь Аютии, а затем Бангкока. Сиамцы, встретившие их, приняли их за англичан из партии Фалькона и арестовали часть из них на суше, других же в лодке, которую они только что захватили. Затем их заставили вернуться в Лопбури.

Как только ошибка открылась, их тотчас развязали. К ним были приставлены слуги, которые кормили их и присматривали за ними на их квартирах, как прежде. Действительно, [один из них] инженер, видя за собою погоню, спрятался и был задержан позже, чем другие. Он дошел до истощения, упал по дороге в Луво в обморок и умер.

Единственной мыслью Его Величества сиамского короля было сохранить дружбу французского короля. Поэтому он решил возвратить генералу двух его сыновей и офицеров, которых тот оставил как залог своего возвращения в Лопбури, полагая, что этот поступок приведет в чувство генерала и его людей и побудит их прекратить свои недружественные действия. Но все было тщетно. Они усилили свои валы мешками с песком и поместили пушки на внутреннем укреплении, построенном из гигантских кокосовых пальм. Они поставили две батареи, одну над другой, и открыли бешеный огонь по нашим пороховым складам.

После этого несколько (французских) солдат было отправлено на лодке Вере на поиски двух судов, которые он за несколько месяцев до этого отправил якобы для охраны берегов. Сиамцы заметили это небольшое судно и окликнули его, желая узнать намерения французов. В ответ на это французы открыли огонь. Когда же сиамцы взошли на борт, чтобы арестовать их, французы воспламенили порох и взорвали судно.

Тогда сиамцы на своей стороне в западном форту поставили батарею, чтобы посылать ядра и бомбы во французский лагерь. Опасаясь, однако, причинить вред своим соотечественникам [в крепости], а также ухудшить отношения между двумя странами, сиамцы вели огонь лишь в ответ на огонь французов.

Французы посадили на кол несколько сиамцев, захваченных на подступах к их форту, и выставили их так, чтобы было видно с сиамского форта. Это вызвало такой гнев сиамцев и иностранцев, [живущих в Сиаме], что они обратились с петицией к королю, прося позволить им соорудить земляные укрепления вокруг французской крепости, чтобы прочно запереть французов внутри. Король же, стремясь к добрым отношениям, отказал в этой просьбе, разрешив лишь вести работы, мешающие французам делать вылазки.

Глядя на эти работы, французы поняли, что они скоро погибнут от голода. Тогда представитель Компании Вере был послан ко мне с письмом и просьбой одолжить большое судно и 300 катти [24 тыс. бат] для покупки двух меньших судов и продовольствия. Я передал эту просьбу королю, добавив, что, если осада продолжится, французы могут погибнуть от голода. Я предложил, чтобы Дефарж подписал акт об урегулировании отношений, и оставил залог за то, что он хочет взять займы. Дефарж подписал соглашение, по которому епископ, миссионеры и французы, остающиеся в Сиаме, становились поручителями, гарантирующими выполнение договора и возвращение займа.

По условиям соглашения генерал по прибытии в Пондишери должен был вернуть обратно в Мергуи [следующее]: 1) судно, которое отплыло из этого порта в Масулипатам, с командой из французов и сиамцев; 2) судно, которое отплыло из Аютии в Бандер Аббас в Персии под командой француза; 3) судно, захваченное дю Брюаном вместе с пушками, вооружением, амуницией и командой. Большое судно, одолженное ему, должно было вернуться в Аютию, а долг в 300 катти должен был быть возвращен по прибытии судов, которые Вере отправил в Пондишери, Бенгал и Сурат.

Молодые сиамцы, изучающие во Франции различные науки, должны были быть возвращены обратно. Дефарж потребовал включить в договор, что до устья реки его будут сопровождать два сиамских заложника. Он объяснил это тем, что опасается вероломства

сиамцев, в то время как он будет спускаться вниз по реке от Бангкока. Со своей стороны, он предложил, чтобы хирург и его сын в это время плыли на сиамском судне.

Сиамцы полагали, что французы ведут себя подобно всем другим народам, и даже не помышляли, что те могут нарушить договор. Поэтому они позволили генералу принять на борт двух сиамских чиновников. Молодой Дефарж, хирург и Второй посол следовали за ними в небольшой лодке. Епископ и я плыли на других судах.

Приблизившись к устью реки, Второй посол разрешил молодому Дефаржу и хирургу подняться на корабль Дефаржа для завтрака, и сам отправился вместе с ними, потому что он знал о соглашении, подписанном генералом, и искренне верил в его честь.

Но, выйдя из устья реки, генерал оставил на борту этих двух дворян и удержал у себя Вере, Второго посла и переводчика Пиыхеро, а также не возвратил двух сиамских заложников. В ответ на наши протесты он возвратил одного из сиамских чиновников [бывших заложниками] и потребовал, чтобы ему прислали епископа. Я соответственно отослал о. Ферро в лодке с больными. Я послал также Дефаржу лодку, груженную съестными припасами, и потребовал возвратить второго чиновника, Вере, который [по договору] был одним из заложников, Второго посла и переводчика, обещав, что после этого прибудет епископ и будут переданы остальные пушки и багаж.

Генерал, однако, не обратил внимания на мое письмо, но оставил у себя о. Ферро и поднял паруса. Хотя я и видел, что генерал нарушил свое обещание и, таким образом, был повинен в недружественных действиях, я, тем не менее, приказал отослать ему все его лодки. Он, однако же, не стал дожидаться их, но отплыл, увозя с собой одного из сиамских заложников. Второго посла и поручителя Вере.

Поэтому я передал пушки на хранение своим чиновникам. Затем я приказал арестовать французов, находящихся в лодках, и отправить их в Аютию. Что касается преступления генерала против международного права, я и мои чиновники пришли к выводу, что французы в Бангкоке и Мергуи действовали противно приказам короля Франции. Во время обсуждения все согласились, что необходимо сформулировать это обвинение.

Поведение французов заставляет нас полагать, что они находились в сговоре с изменниками, но сиамцы, со своей стороны, никогда не совершали никаких действий, которые могли бы повредить добрым отношениям.

Отказ Его Величества короля Франции принять на веру донесения [его подданных] и его желание выяснить, какая из сторон виновата, я рассматриваю как вдохновение свыше, поскольку он не желает склонить слух ко всему, что ему говорят.

Что же касается заключения епископа, его миссионеров и остальных французов, оставшихся в Сиаме, то, по сиамскому обычаю, когда сторона, представившая поручителя, нарушает свое обещание и избегает ареста, за нее отвечает поручитель.

Епископ Мстеллопольский, г-н Вере, миссионеры и французы, остающиеся в Аютии, были выставлены поручителями за Дефаржа и его войска, а также за 300 катти, взятых взаймы для покупки судов и продовольствия. Согласно сиамским законам, все поручители должны были быть присуждены к смерти.

Однако я указал Его Величеству, что король Франции не может знать об эксцессах, совершенных его генералом и солдатами. Поэтому Его Величество король Сиам охотно согласился, что не следует делать ничего несовместимого с дружественными отношениями до того времени, пока Его Величество король Франции не узнает всей правды.

Следовало ожидать, что генерал не станет рассказывать о всех злодеяниях, совершенных им и его людьми, но сверхъестественная мудрость и понимание Его Величества короля Франции таковы, что он не даст веры словам одной стороны. Мы верим, что он подвергнет все дело подробному исследованию, в связи с чем я считаю необходимым остановиться только на трех пунктах.

1. Когда Дефарж нарушил свое слово, его сыновья и все французские офицеры, которых он оставил в Лопбури в качестве заложников, могли быть присуждены к смерти. Однако же вместо этого они были отосланы к нему в Бангкок в надежде привести его в рассудок.

2. Епископ и миссионеры могли подвергнуться самой жестокой каре после того, как генерал отказался от договора и долга, который они гарантировали. Вместо этого они были лишь помещены под надзор. Как только Дефарж прислал с Пукета переводчика и чиновников, епископу было позволено построить себе жилище внутри одного из королевских участков.

Миссионеры были освобождены и присоединились к епископу, когда мы услышали о возвращении о. Ташара с двумя [сиамскими] чиновниками из Европы. По прибытии этих чиновников, когда мы услышали из их уст о милостях, оказанных им Его Величеством королем Франции, Его Величество король Сиам даровал полную свободу епископу и всем его приверженцам.

3. Сиамцы, после того как они обложили французские позиции так плотно, что совершенно отрезали их [от всего мира] и поставили перед лицом голодной смерти, могли бы отказать им в займе судов и денег, но в интересах дружеских отношений выручили их из той беды, в которую они попали.

[151, с. 69—77].

130

После того как король Кохинхины ознакомится с моим письмом, в котором я рекомендую Вас для ведения переговоров о торговле, Вы должны сообщить ему, что, не имея сведений о торговле и продукции страны, я хочу, чтобы он составил список всех видов, количества и цен товаров, которые там продаются и покупаются, чтобы я мог знать, насколько эта торговля выгодна для Достопочтенной английской Ост-Индской Компании и оправдывает ли она расходы на создание фактории. Если эта торговля окажется выгодной, я открою там факторию при условии, что он пожалует нам те же привилегии, которыми Достопочтенная Компания пользуется во всех других районах, а именно:

1. Участок земли, чтобы построить факторию в наиболее удобном месте.
2. Право суда во всех делах, касающихся англичан, а также право разбора тяжб между англичанами и местными жителями.
3. Для кули и других служащих фактории — англичан такая же плата, как на службе у местных жителей, а если [они] провинятся, их будет наказывать глава английской фактории.
4. Свобода от пошлин на все ввозимые и вывозимые товары.
5. Удобное место для строительства дока, где мы могли бы ремонтировать наши суда или строить новые, у реки или на каком-нибудь острове.
6. Запрет конфисковать суда, занесенные штормом или попавшие случайно в какую-либо часть Кохинхины. Помощь подданных короля Кохинхины при спасении судна, людей и товаров и доставка их в английскую факторию.
7. Разрешение на свободный беспошлинный ввоз и вывоз имущества, принадлежащего английской фактории. Свобода передвижения для служащих фактории.

Позаботьтесь о том, чтобы все люди на Вашем судне вели себя вежливо и были трезвы, чтобы не было нанесено никакого оскорбления правительству Кохинхины и не причинено вреда местным жителям. Если нельзя будет добиться свободы от пошлин, то следует установить их твердый размер, чтобы мандарины не могли злоупотреблять ими в свое удовольствие. (162, с. 35—36].

Некоторые местные единицы веса, упоминающиеся в книге

Бахар — 37,5 кг
 Висс — 1,82 кг
 Пштапг — 5 катти — 3,025 кг
 Катти — 16 таэлей — 605 г
 Койян — 27—40 пикулей — 1633,5 — 2420 кг
 Ласт — около 3000 л
 Маг (маас) — 2,34 г
 Пикуль — 100 катти — 60,5 кг
 Таэль — 16 мае — 37,5 г
 Тикаль — 14,62 г

ЛИТЕРАТУРА*

1. *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Т. 9.
2. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества.— Г 9
3. *Маркс К.* Капитал.— Т. 23—25.
4. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству,— Т. 46, ч. I.
5. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии.— Т. 21.
6. *Ленин В. И.* О государстве.— Т. 39.
7. *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии. М., 1977.
8. *Барсегов Ю. Г.* Из истории борьбы армянского купечества против европейского пиратства в XVII в.— Историко-филологический журнал. Ереван, 1984, № 2.
9. *Барышникова О. Г.* К вопросу об уровне социально-экономического развития доколониальных Филиппин.— Народы Азии и Африки. 1968, № 4.
10. *Берзин Э. О.* Борьба европейских держав за сиамский рынок (30—80-е годы XVII в.). М., 1962.
11. *Берзин Э. О.* Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966.
12. *Берзин Э. О.* История Таиланда (краткий очерк). М., 1973.
13. *Берзин Э. О.* Юго-Восточная Азия в XIII—XVI вв. М., 1982.
14. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
15. *Всеволодов И. В.* Бирма: религия и политика. М., 1978.
16. *Ву Минь Жанг.* Эволюция форм аграрных отношений во Вьетнаме в XVI—XVIII вв. М., 1984.
17. *Губер А. А.* Индонезия (социально-экономические очерки). М., 1933.
18. *Губер А. А.* Филиппинская республика 1898 года и американский империализм. М., 1961.
19. *Губер А. А.* Избранные труды. М., 1976.
20. Дайнам Тхык-люк (Истинные записи о Великом Юге). Вьетнамская летопись. Рукопись. Перевод А. Л. Рябниина.
21. История Вьетнама. М., 1983.
22. История Кампучии (краткий очерк). М., 1981.
23. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
24. *Козлова М. Г.* Бирма накануне английского завоевания. М., 1962.
25. *Кузнецова С. С.* Яванские хроники XVII—XVIII вв. как источник по истории Индонезии. М., 1984.
26. *Левтонова Ю. О.* История Филиппин (краткий очерк). М., 1979.
27. Лить Чиеу Тан Ки (Собрание записей о прошлых династиях). Рукопись из Национальной библиотеки СРВ в Ханое. Перевод А. Л. Сидорина. М., 1984.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию Собрания сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

28. Муго А. Кхмеры. М., 1973.
29. Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы (краткий очерк). М, 1974.
30. Мурашева Г. Ф. Вьетнамо-китайские отношения в XVII—XIX вв. М., 1973.
31. Новая история Вьетнама. М., 1980.
32. Очерки истории Вьетнама. Ханой, 1977.
33. Ребрикова Н. В Таиланд. Социально-экономическая история (XIII— XVIII вв.). М., 1977.
34. Ребрикова Н. В., Калашников Н. И. Таиланд: общество и государство. М., 1984.
35. Спекторов Л. Д. Феодалные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората. М., 1979.
36. Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.
37. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М.— Л., 1965.
38. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
39. Чешков М. А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
40. Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957.
41. Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
42. Юго-Восточная Азия. История, современность. М., 1983.
43. Aguncillo Th. A. and Guerrere M. C. History of the Filipino People. Quezon City, 1978.
44. Alip E. Political and Cultural History of the Philippines. Vol. I—II. Manila, 1949—1950.
45. Andiiya L. Y. The Kingdom of Johor, 1641 —1728. Kuala Lumpur. 1975.
46. Anderson J. English Intercourse with Siam in the Seventeenth Century. L., 1890.
47. Argensola. Histoire de la conquete des isles Moluques par les espagnols, par les portugais et par les hollandais. Amsterdam, 1707.
48. Aroilla I. S. An Introduction to Philippine History. Manila, 1971.
49. Aung Thein U. Intercourse between Siam and Burma.—JBRS. 1938, vol. 28, pt. 2.
50. Atjmonier E. Le Cambodge. T. I—II. P., 1900—1901.
51. Baldinotli, pere. Lettre sur la Tonkin, 1626.—BEFEO. 1903, vol. 3.
52. Barbosa D. The Book of Duarte Barbosa. An Account of the Countries Bordering on the Indian Ocean and Their Inhabitants. Vol. 1—2. L., 1918.
53. Barrows D. P. History of the Philippines. N. Y., 1925.
54. Basset D. K. The Trade of the English East India Company in Cambodia. 1651 — 1656.— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L., 1962. pt. 1—2.
55. Basset D. K. European Influence in South-East Asia c. 1500—1630.— JSEAH. 1965. vol. 4, As 2.
56. Basset D. K. Changes in the Pattern of Malay Politics 1629—1655 — JSEAH. 1969, vol. 10, JV° 3.
57. Baudiment L. Francois Pallu, principal fondateur de la Societe des Missions Etrangeres. P., 1934.
58. Bernard de Vaulx. Histoire des missions catholiques francaises. P., 1951.
59. Best T. The Voyage of Thomas Best to the East Indies, 1612—1614 L.. 1934.
60. Beze de pere. Memoire du pere de Beze sur la vie de Constance Phaulhon, premier ministre du roi de Siam Phra Narai, et son triste fin. Tokyo, 1947.
61. Bladgen C. O. Shabandar and Bendahara.— JRAS. 1921. № 2.
62. Blaire E. H. and Robertson I. A. The Philippine Islands. Vol. 1—55. Cleveland, 1903 —1909.
63. Blankwaardt W. Notes upon the Relations between Holland and Siam.— JSS. 1927, vol. 20, pt. 3.

64. Bowrey T. A Geographical Account of Countries around the Bay of Bengal 1669 to 1679. Cambridge. 1905.
65. Boxer C. R. The Dutch Seaborn Empire 1600—1800. L., 1965.
66. Boxer C. R. Francisco Vieira de Figueirado: a Portuguese Merchant Adventurer in South-East Asia 1624—1667. 's-Gravenhage, 1967.
67. Boxer C. R. Four Centuries of Portuguese Expansion 1415—1825. Berkeley, 1969.
68. Boxer C. R. The Portuguese Seaborne Empire 1415—1825. N. Y., 1969.
69. Briggs L. B. Spanish Intervention in Cambodia.—T'oung Pao. Leide, 1949, t. 39.
70. The British in West Sumatra (1685—1825). Selection of Documents. Kuala Lumpur, 1965.
71. Buck W. I. M. La Campagnie des Indes Neerlandaises et l'Indochine — BEFEO. 1937, t. 36.
72. Burmese Invasions of Siam, Translated from the Ilmannan Yazawin Dawgyi.—The Siam Society Selected Articles. Bangkok, 1954, vol. V.
73. Cabuton A. Quelques documents espagnols et portugais sur l'Indochine au XVI et XVII siècles.—Journal Asiatique. P., 1908, t. XII, N° 2.
74. Cadere L. Tableau chronologique des dynasties Annamites.— BEFEO. 1905, t. V.
75. Cadere L. Le Mur de Dong-Hoi; Etude sur l'établissement de Nguyen en Cochinchine.—BEFEO. 1906, t. 6.
76. Cady I. F. Southeast Asia, its Historical Development. N. Y., 1964.
77. Cady J. F. The Roots of French Imperialism in Eastern Asia. Ithaca (N. Y.), 1967.
78. Calendar of the Court Minutes of the East India Company 1635—1639. Vol. 1—10. Oxf., 1907—1938.
79. Chappouille H. Rome et les missions d'Indochine au XVII siècle T I—II P., 1943—1948.
80. Chaumont, chevalier de. Relation de l'ambassade à la cour du roi de Siam P., 1687.
81. Chesneaux I. Contribution à l'histoire de la nation Vietnamienne. P., 1955.
82. Choisy F. T. Journal ou suite du voyage de Siam en forme des lettres familières fait en 1685 et 1686. P., 1930.
83. Christian I. L. Denmark Interest in Burma and the Nicobar Islands [1620—1883].—Burma Research Society. Fiftieth Anniversary Publications. Vol. 2. Rangoon, 1960.
84. Chroniques royales du Cambodge (de 1594 à 1677). P., 1981.
85. Clark G. N. and W. I. M. van Eysinga. The Colonial Conferences between England and the Netherlands in 1613 and 1615. Pt. 1—2. Leiden, 1940—1951.
86. Clech G. Le Siam et ses relations avec la France. P., 1947.
87. Coedes G. Siamese Documents of the Seventeenth Century.—JSS. 1921, vol. XIV, pt. 2.
88. Coedes G. Introduction à l'histoire du Laos.—France-Asie. Saigon, 1956, t. XII, No 118—119.
89. Colenbrander H. T. and Coolhaas W. Ph. Jan Pietersz. Coen, Bescheiden omtrent zijn badrijt in Indie. Vol. 1—5. The Hague, 1919—1923.
90. Colenbrander H. T. Koloniale geschiedenis. Vol. 1—3. 's-Gravenhage, 1925—1926.
91. Colhaas W. Ph. Chronique de l'histoire coloniale outremer Néerlandais.—Revue d'Histoire des colonies. 1957, t. XLIV.
92. Collis M. Siamese White. L., 1952.
93. The Colonization and Conquest of the Philippines by Spain. Manila, 1965.
94. Constantino R. A. History of the Philippines: from the Spanish Colonization to the Second World War. N. Y.—L., 1976.
95. Cordier H. 5 lettres du perc Gerbillon (1686).—T'oung Pao. 1906, vol. 7.
96. Corpus Diplomaticum Néerland-Indicum. Vol. I—IV, 's-Gravenhage, 1907—1935.
97. Costa H. de la. Readings in Philippine History, Manila, 1965.

98. *Craig A.* The Philippines. Fight for Freedom. N. Y., 1973.
99. *Craufurd J.* History of the Indian Archipelago. Vol. 1—3. Edinburgh, 1820.
100. *Cunningham-Brow'n S.* The Traders. A Story of Britain South-East Asian Commercial Adventure. L., 1971.
- 101*. *Dagh-Register* Gehouden in Casteel Batavia vant Passerende Daer te Plaetse als over Geheel Nederlandts India 1624—1682. Batavia, 1887—1909.
- 102 *Dam P van.* Beschrijvinge van de Oost Indische Compagnie. Vol. 1—2. The Hague, 1927—1954.
103. *Danvers F., Foster W.* Letters Received by the East India Company from its Servants in the East 1602—1617. Vol. 1—6. L., 1896—1902.
104. *Dauphin-Meunier A.* Histoire du Cambodge. P., 1968.
105. *Davies D. W.* A Primer of Dutch Seventeenth Century Overseas Trade. The Hague, 1961.
106. *Day C.* The Policy and Administration of the Dutch in Java. Kuala Lumpur, 1966.
107. *Desai W. S.* A Pageant of Burmese History. Bombay, 1961.
108. *Devantr M. L. van.* Geschiedenis der Nederland'ers op Java. Vol. 1—2. Haarlem, 1886—1887.
109. *Drake F., sir.* The World Encompassed. L., 1963.
110. *Duyvendak I. I. I.* The First Siamese Embassy to Holland.—T'oung Pao. 1936, t. 32.
111. *Eckel P. E.* The Far East since 1500. N. Y., 1947.
112. *Fitch A.* Burma. Past and Present. Vol. I—II. L., 1878.
113. *Floris P.* His Voyage to the East Indies in the Globe 1611 — 1615. L, 1934.
114. *Forbes-Lindsay Ch. H. A.* The Philippines under Spanish and American Rules. Philadelphia, 1906.
115. *Foreman T. F. R. G. S.* The Philippine Islands: a Political, Ethnographical, Social and Commercial History. L., 1906.
116. *Forbin.* Voyage du comte de Forbin a Siam. P., 1853.
117. *Foster W.* (ed.) The Journal of John Jourdain, 1608—1617. Cambridge, 1905.
118. *Foster W.* The English Factories in India. A Calendar of Documents Vol. 1 — 19. Oxf., 1906—1927.
119. *Foster W.* England's Quest of Eastern Trade. L., 1933.
120. *Foster W.* (ed.). The Voyage of Sir Henry Middleton to the Moluccas 1604—1606. L., 1943.
121. *Franfritter O.* Siam in 1688. A Narrative of the Revolutions which Took Place in Siam in 1688, Amsterdam, 1691.—JSS. 1908, vol. 5, pt. 4.
122. *Frankfurter O.* Events in Ayuddhya from Chulasakaraj 686-966.—JSS. 1909, vol. 6, fasc. 3.
123. *Frondeville H. de.* Pierre Lambert de la Motte, Eveque de Beryte (1624—1672). P., 1925.
124. *Furnivall I. S.* Europeans in Burma.—Burma Research Society. Fiftieth Anniversary Publications. Vol. 2. Rangoon, 1960.
125. *Gamier F.* Chronique royale du Cambodge.—Journal Asiatique. P., 1871, t. XVIII.
126. *Gamier F.* Voyage lointain aux royaumes de Cambodge et Laouwer par les neerlandais et ce que s'y est passe jusqu'en 1644.—Bulletin de la Societe de Geographic. P., 1871, Ns 2.
127. *Gervaise N.* Histoire naturelle et politique du royaume de Siam. P., 1688.
128. *Ghosh M.* A History of Cambodia. P., 1960.
129. *Giles F. H.* A Critical Analysis of van Vliet's Historical Accounts — JSS. 1938, vol. 30, pt. 2, 3.

* При ссылках после первой цифры, обозначающей порядковый номер в списке литературы, указываются год или годы, которым посвящен данный том, например [101, 1628 или 101, 1640-1641].

130. *Giteau M.* Histoire du Cambodge. P., 1957.
131. *Glamann K.* Dutch-Asiatic Trade 1620—1740. The Hague, 1958.
132. *Graaf H. I. de.* Geschiedenis van Indonesia. The Hague, 1949.
133. *Graaf H. I. de.* De regering van Panembahan Scnapati Ingalaga. The Hague, 1954.
134. *Graaf H. I. de.* De regering van Sultan Agung, vorst van Mataram 1613—1645 en die van zijn voorganger Panembahan Sedaing Krapiak, 1601 — 1613. The Hague, 1958.
135. *Graaf H. I. de.* De regering van sunan Mangku-Rat I Tegal-Wangi, vorst van Mataram 1646—1677. T. I—II. 's-Gravenhage, 1961.
136. *Groeneveldt W. P.* Historical Notes on Indonesia and Malaya. Djakarta, 1960.
137. *Hall D. G. E.* Dutch Relations with King Thirithudhamma of Arakan.—JBRS. 1936, vol. XXVI, pt. I.
138. *Hall D. G. E.* Europe and Burma. L., 1945.
139. *Hall D. G. E.* Studies in Dutch Relations with Arakan.—Burma Rrsrarrh Society. Fiftieth Anniversary Publications. Vol. 2. Rangoon, 1960.
140. *Hall D. G. E.* Early English Intercourse with Burma, L., 1968.
141. *Hamilton A.* A New Account of the East Indies. Vol. I—II. Edinburgh, 1727.
142. *Harvey G. E.* History of Burma, from the Earliest Times to 10 March 1824. L., 1967.
143. *Heine-Geldern R.* Conception of State and Kingship in Southeast Asia. Ithaca, 1963.
144. *Herbert Th.* Relations du voyage de Perse et des Indes Orientales avec des revolutions arrivees au Royaume de Siam l'an 1647. Trad du F. van Vliet. P., 1647.
145. *Hinton H. C.* China's Relations with Burma and Vietnam. N. Y., 1958.
146. Histoire universelle des missions catholiques. T. I—IV. P., 1957—1958.
147. *Htin Aung.* A History of Burma. N. Y., 1967.
148. *Hutchinson E. W.* The French Foreign Mission in Siam during the XVIIth Century.—JSS. 1933, vol. 26, pt. 1.
149. *Hutchinson E. W.* Journey of Mgr. Lambert, Bishop of Beritus, from Tenasserim to Siam in 1662.—JSS. 1933, vol. 26, pt. 2.
150. *Hutchinson E. W.* Four French State Manuscripts.—JSS. 1935, vol. 27, pt. 2.
151. *Hutchinson E. W.* The Retirement of the French Garrison from Bangkok in the Year 1688.—JSS. 1935. vol. 28, pt. 1.
152. *Hutchinson E. W.* Adventurers in Siam in the Seventeenth Century. L., 1940.
153. *Hyma A.* The Dutch in the Far East. Ann Arbor, 1942.
154. *Jonge J. K. J. de.* De Opkomst van het Nederlandsch gezag in Cost Indie. Vol. I—III. 's-Gravenhage, 1862—1865.
155. *Kaempfer E.* History of Japan. Vol. I. Glasgow, 1906.
156. *Kaepelin P.* La Compagnie des Indes Orientales et Francois Martin. P., 1908.
157. *Kennedy I.* A History of Malaya, 1400—1957. L., 1962.
158. *Klerck E. S. de.* History of the Netherlands East Indies. Vol. I. Rotterdam, 1939.
159. *La Costa H. de.* The Jesuits in the Philippines (1581 — 1768). Cambridge. 1961.
160. *La Costa H. de.* Readings in Philippine History. Manila, 1965.
161. *La Loubere, monseigneur 'de.* Description du royaume de Siam. T. I—II. Amsterdam, 1700.
162. *Lamb A.* The Mandarin Road to Old Hue. L., 1970. .
163. *Lanier L.* Etude historique sur les relations de la France et du royaume de Siam de 1662 a 1703. Versailles, 1883. .
164. *Latourette K. S.* A History of the Expansion of Christianity. Vol. III. L., 1939.
165. *Launay A.* Histoire generale de la Societe des Missions etrangeres. T. I—III. P., 1894.

166. *Launay A.* Histoire de la mission du Tonkin. T. I. P., 1927. .
167. *Le Blanc M.* Histoire de la Revolution de Siam arrivee en l'annee 1688. Lyon, 1692.
168. *Le Boulanger P.* Histoire de Laos Francais. P., 1931.
169. *Lemire Ch.* La France et Siam. Nos relations de 1662 a 1903. P., 1903.
170. *Lesserteur E. C.* Les premiers pretres indigenes de l'Eglise tonkinoise. Lyon, 1883.
171. *Le Thanh Khdi.* Le Viet-Nam. Histoire et civilisations. P., 1955.
172. *Leupa P. A.* The Siege and Capture of Malacca from the Portuguese in 1640—1641.—JMBRAS. 1936, vol. 14, pt. 1.
173. *Ley Ch.* Portuguese Voyages 1498—1663. L., 1947.
174. *Linehan W.* A History of Pahang.—JRASMB. 1936, vol. 14, pt. 2.
175. *Linga R.* Une letire de Veret sur la revolution siamoise de 1688.—T'oung Pao. 1935, t. 31.
176. *Linschoten I. H. van.* The Voyage of I. H. Linschoten to the East Indies. Vol. 1—2. L., 1885.
177. *Lisle.* Relation historique du royaume de Siam. P., 1684.
178. *Loeb E. M.* Sumatra: Its History and People. Wien, 1935.
179. *Lombard D.* Sultanat d'Atjeh au temps d'Isclander Muda. 1607—1636. P. 1967.
180. *M.-N. M.* Expose statistique du Tonkin, du Cambodge, du Tsiatnpa, du Laos, du Lac-tho. T. I—II. L., 1811.
181. *Malayan and Indonesian Studies.* Essays Presented to R. Winstedt on his 85 Birthday. Oxf., 1964.
182. *Malaysia Selected Historical Readings.* Kuala Lumpur — London, 1966.
183. *Mallal de Hussilan I. B.* Les Philippines. Histoire. P., 1846.
184. *Munich L M. L.* History of Thailand and Cambodia. Bangkok, 1970.
185. *Munich M. D.* History of Laos. Bangkok, 1967.
186. *Mtingiin P.-Y.* Les Portugais sur 'les cotes du Viet-Nam et du Campa. Etude sur les routes maritimes et les relations commerciales, d'apres les sources portugaises (XVI-e, XVII-e, XVIII-e siecles), P., 1972.
187. *Manrique F. S.* Travels of Frey Sebastian Manrique, 1629—1643. Vol. I—II. L., 1927.
188. *March A.* The History of Conquest of the Philippines. N. Y., 1970.
189. *Musson A.* Histoire du Vietnam. P., 1960.
190. *Maybon Ch. B.* Une fadorie anglaise au Tonkin (1672—1697). Hanoi, 1910.
191. *Maybon Ch. B.* Histoire modern du pays d'Annam (1592—1820). P., 1919.
192. *Meersman A.* The Franciscans in the Indonesian Archipelago 1300—1775. Louvain, 1967.
193. *Meilink-Roelofs M. A. P.* Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630. 's-Gravenhage, 1962.
194. *Moertono S.* State and Statecraft in Old Java. N. Y., 1968.
195. *Moorhead F. I.* A History of Malaya and Her Neighbours. Vol. I. L., 1957.
196. *Morga A. de.* History of the Philippine Islands from their Discovery by Magellan in 1521 to the Beginning of the XVII Century. Vol. 1—2. N. Y., 1970.
197. *Moura I.* Le royaume du Cambodge. P.. 1883.
198. *Mukherjee R.* The Rise and Fall of the East India Company. Berlin, 1955.
199. *Nai Thien (Luang Phraison Salarak).* Intercourse between Burma and Siam as recorded in Hmannan Yazawindawgyi.—JSS. 1911, vol. 8, pt. 2
200. *Najecb M. S.* The History of Sulu. Manila, 1908.
201. *Nguyeti Khac Vien.* Histoire du Vietnam. P., 1974.
202. *Nunn W.* Some Notes upon the Development of the Commerce of Siam.—JSS. 1922, vol. XV, pt. 2.

203. De Oost-Indische compagnie in Cambodia en Laos (1636—1670). 's-Gravenhage, 1917.
204. *Orleans P. S.* Histoire de M. Constance, premier ministrc du roi de Siam, et de la dcniere revolution de cct etat. P., 1692.
205. *Pdliot P.* Les relations du Siam et de la llollande en 1608.—T'oung Pao 1936, t. 32.
206. *Petit R.* La monarchic Annainitc. P., 1931.
207. *Phtnjre A. P.* History of Burma from the Earliest Time to the End of the First War with British India. L., 1967.
208. *Phclim I. L.* The Hispanization of the Philippines (1565—1700). Madison 1959.
209. *Pigeaud Th. G. Th. and De Graaf H. I.* Islamic States in Java 1500—1700. The Hague, 1976.
210. *Pilar M. H. del.* Monastic Supremacy in the Philippines. Quezon City 1958.
211. *Pires T.* The Suina Orientalia of Tome Pires. Vol. I—II. L., 1944.
212. *Quuritch Wales H. G.* Siamese State Ceremonies. Their History and Function. L., 1931.
213. *Quaritch Wales H. G.* Ancient Siamese Government and Administration. L., 1934.
214. *Quaritch Wales H. G.* Ancient South-East Asian Warfare. L., 1952.
215. *Raffles T. S.* The History of Java. Vol. I—II. L., 1817.
216. Records of the Relations between Siam and Foreign Countries in the 17-th Century. Vol. I—IV. Bangkok, 1915—1920.
217. Recueil des voyages qui ont servi a l'etablisseinent et aux progrcs de la les Provinces Unies des Compagnic des Indes Orientales formee dans Pais-Bas. P., 1702.
218. *Reinach L. de,* Rccueil des traites conclus par la France en Extreme Orient. P., 1907.
219. Relation des missions et des voyages des eveques vicaires aposioliques et de leur eccleastiques en annees 1676 et 1677. P., 1680.
220. Relation de tout ce qui s'est passe de plus memorable en la guerre que les Hollandois de la Compagnie des Indes Orientales en euc centre la Roy et ies autres Regcns de Macassar, depuis l'an 1666, jusques a l'anr.te 1669. P., 1670.
221. *Resink G. I.* Indonesian History between the Myths. The Hague, 1968.
222. *Rhodes A. dc.* Histoire des royaume de Tonkin et des grandes progres que la predication de l'Evangile y a fait in la conversion des infideles. Depuis l'annee 1627 jusques a l'annee 1646. Lyon, 1651.
223. *Rhodes A. de.* Divers voyages et missions de Pere Alexandre do Rhodes en la Chine et autres royaumes de l'Orient avec son retour en Europe par la Perse et L'Armenia. P., 1653.
224. *Ribadeneira M. de.* Historia del Archipelago y otros reynos. Vol. I. Manila, 1970.
225. *Richard.* Histoire naturelle, civile et polilique du Tonkin. T. 1—2. P., 1778.
226. *Rispaud I.* Les premiers missionaires francaiscs dans le Nord Viet-Nam. — France-Asie. P., 1959, JVs 158—159.
227. *Romanet du Cailland.* Essai sur les origines du christianisme au Tonkin et dans les autres pays annamites.— T'oung Pao. 1894, t. V.
228. *Rouffaer G. P., Ijzerman I. W.* De Eerste Schipvaart der Nederlanders naar Oost Indie. The Hague, 1915—1929.
229. *Rousseau F.* L'idee missionaire aux XVI ct XVII-e siecles. P., 1930.
230. *Saccano M.* Relation des progres de la foi au royaume de la Cociiinchine en annees 1646 ct 1647. P., 1653.
231. *Sam y Diaz.* Lopes de Lcgaspi, fundador dc Manila 1571 —1971. Madrid, 1971.
232. *Schnitger F. M.* Forgotten Kingdoms in Sumatra, Leiden, 1964.
233. *Schrieke B.* Indonesian Sociological Studies. Selected Writings. Vol. I—II. Bandung, 1957—1960.

234. *Scott I. G.* Burma from the Earliest Times to the Present Day. L., 1924.
235. *Sen S. N.* The Role of Indian Textiles in Southeast Asian Trade in the Seventeenth Century.—JSEAH. 1962, vol. II, pt. 2.
236. *The Ship of Sulaiman.* L., 1972.
237. *Siamananda R. A.* History of Thailand. P., 1981.
238. *Sodas J.* Histoire de la Compagnie royale des Indes Orientales. P., 1905.
239. *Srikasibhanda S.* La Pouvoir royal a la Thaïlande. Caen, 1940.
240. *Stapel F.* Het Bongaais verdrag. Groningen, 1922.
241. *Stapel F. W.* Cornelis Janszoon Specelman. 's-Gravenhagc, 1936.
242. *Stapel F. W.* (ed). Geschiedenis van Nederlandsch Indie. D. III. Amsterdam, 1939.
243. State Papers of the Kingdom of Siam from 1664 bis 1886. L., 1886.
244. *Stone H.* From Malakka to Malaysia 1400—1965. L., 1966.
245. *Subamonkala K.* La Thaïlande et ses relations avec la France. P., 1940.
246. *Taboulet G.* La geste francaise en Indochine. Histoire par les texte de la France en Indochine des origines a 1914. T. I. P., 1955.
247. *Tachard G.* Voyage de Siam des peres jesuites, envoyes par lo roi aux Indes et a la Chine avec leur observations astronomiques et leur remarques de physique, de geographic, d'hydrographie et d'histoire. P., 1686.
248. *Tachard G.* Second voyage du pere Tachard et des jesuites, envoyes par le roy au royaume de Siam. Amsterdam, 1689.
249. *Tavernier I. B.* Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, quil a fait en Turquie, en Perse, et aux Indes. P., 1681.
250. *Than Tun* Administration under King Thalun (1629—1648).—JBRS. 1968, vol. 51, pt. 2.
251. *[Thevenot].* Voyages de m. de Thevenot, contenant la relation de l'Iudostan, des nouveaux Mogols, et des autres peuples et pays des Indes. P., 1684.
252. *Tiele P. A.* De Europeer in den Maleischen Archipel (1509—1623).—Bij dragon lot de Taal-, Land- en Volkcnkunde van Nederlandsch Indie. 's-Gravonhagc, 1877, 4-e serie, t. I, 1887, 5-e serie, t. II.
253. *Tiele P. A.* De opkomst van het Nederlandsch Gezag in Oost-Indie. Vol. I—111. •s-Gravenhage, 1886—1895.
254. *Tissanier J.* Relation de l'etat oil se trouvent les missions de la compagni de Jesus au Tonkin. P., 1663.
255. *Tran Minh Thiet.* Histoire des persecutions au Vietnam. P., 1961.
256. *Turpin M.* Histoire civile et naturelle du Royame de Siam, et des revolutions qui out bouleverse cet Empire jusqu'en 1770. T. I—II. P., 1771.
257. *U. I.* de Evangelisation des lies Philippines.—Revue d'histoire des missions. P., 1931, Ns 2.
258. *Veuilot E.* La Cociiinchine et le Tonkin. P., 1859.
259. *Viet-Nam.* A Historical Sketch. Hanoi, 1974.
260. *Viravong Maha Sila.* History of Laos. N. Y., 1964.
261. *Vivadhanajaya, prince.* The Statement of Khun Luang Ha Wat.—JSS. 1935, vol. XXVIII, pt. 2, 1937, vol. XXIX, pt. 2.
262. *Vlekke B.H. M.* The Story of the Dutch East Indies. Cambridge, 1946.
263. *Vlekke B.H. M.* Nusantara. A History of Indonesia. Chicago, 1960.
264. *Vliet I. van.* Description of Kingdom of Siam.—JSS. 1910, vol. 7. pt. 1.
265. *Vliet I. van.* Historical Account of Siam in the XVII century.—JSS. 1938, vol. 30, pt. 2.
266. *Vliet I. van.* Historical Verhael der Siechte ende Doot van pra Interra-Tsia 22en Coninck in Siam. Tokyo, 1958.
267. *Whinnon K.* Spanish in the Philippines. Hong Kong, 1954.

268. Willoguet G. Histoire de Philippines. P., 1961.
269. Winstedt R. O. A History of Johor (1365—1895).—JRASMB. 1932, vol. 10, pt. 3.
270. Winstedt R. O. Malaya and its History. L., 1968.
271. Winstedt R. O. A History of Malaya. Kuala Lumpur, 1968.
272. Wolters O. W. Early Indonesian Commerce. Ithaca, 1967.
273. Wood W. A. R. A History of Siam from the Earliest Times to the Year 1781. Bangkok, 1933.
274. Yoneo Ishii. Seventeenth Century Japanese Document about Siam.—JSS. 1971, vol. 59, pt. 2.
275. Zafra N. Readings in Philippines History. Manila, 1956.
276. Zuide G. F. Philippine Political and Cultural History. Vol. I. Manila, 1950.
277. Zaide G. F. Great Events in Philippines. Historical Patriotic Calendar. Manila, 1959.
278. Zaide G. F. History of the Philippine People. Manila, 1959.
279. Zaide G. F. The Pageant of Philippine History. Vol. I. Manila, 1979.
280. Zairuddin A. A Short History of Indonesia. Clayton, 1968.

Список сокращений

BEFLO— Bulletin d'Ecole Francaise d'Extreme-Orient. Saigon.
 JBRS—Journal of the Burma Research Society. Rangoon.
 JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain. L.
 JRASMB—Journal of the Royal Asiatic Society. Malayan Branch. Singapore.
 JSEAH— Journal of Southeast Asian History. Singapore.
 JSS — Journal of the Siam Society. Bangkok,

SUMMARY

E. O. Berzin. *Southeast Asia and Western Expansion in 17th— Early 18th Centuries*. At the turn of the 16th century Southeast Asia was an important world trade market. Its produce was lavishly exported almost to all countries of the Old World and to the Spanish colonies in America. Its merchants sailed west and east reaching the Red Sea and the ports of China and Japan. In turn, the region attracted merchants from various Asian countries which strongly encouraged its economic growth and intensified centralization in its leader countries.

The initial Western thrust, by Spain and Portugal, into Southeast Asia in the 16th century did not appreciably damage its trade. Their expansion in the region met with strong opposition from Southeast Asian nations. In effect, their first colonial strongholds were isolated, which stopped their deplorable impact on the development of the region as a whole.

The 17th century colonial offensive against the region launched primarily by Holland, Britain and France was much more harmful. It ravaged altogether the region's maritime trade. The Dutch East India Company entangled all more or less significant countries of Indonesia and Malaya by shackling agreements. The Siam, which suffered most from British and French expansion, Burma, Cambodia, and Vietnam were made de facto, if not de jure, like Japan, closed countries. Their foreign trade actually came to a halt. Their economies fell back onto subsistence level heading into a deep economic recession. Up until the mid-20th century Southeast Asia had been lagging hopelessly behind Europe.

Эдуард Оскарович Берзин

Юго-Восточная Азия

**и экспансия Запада
в XVII — начале XVIII века**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*
Редактор М. Н. Брусиловская
Младший редактор Л. А. Минина
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректоры Л. Ф. Орлова и Р. Ш. Черемис

ИБ № 15762

Сдано в набор 06.08.86. Подисано к печати 08.01.87.
Формат 60х90 1/16. Бумга типографская №1.
Гарнитура литературная. Усл. п.л. 29.
Усл. кр.-отт. 29,25. Уч.-изд. л. 31,25.
Тираж 1000 экз. Изд. №6154. Зак. №849.
Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
108031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-НЗ, Открытое шоссе, 28